Е. Н. Щепкина

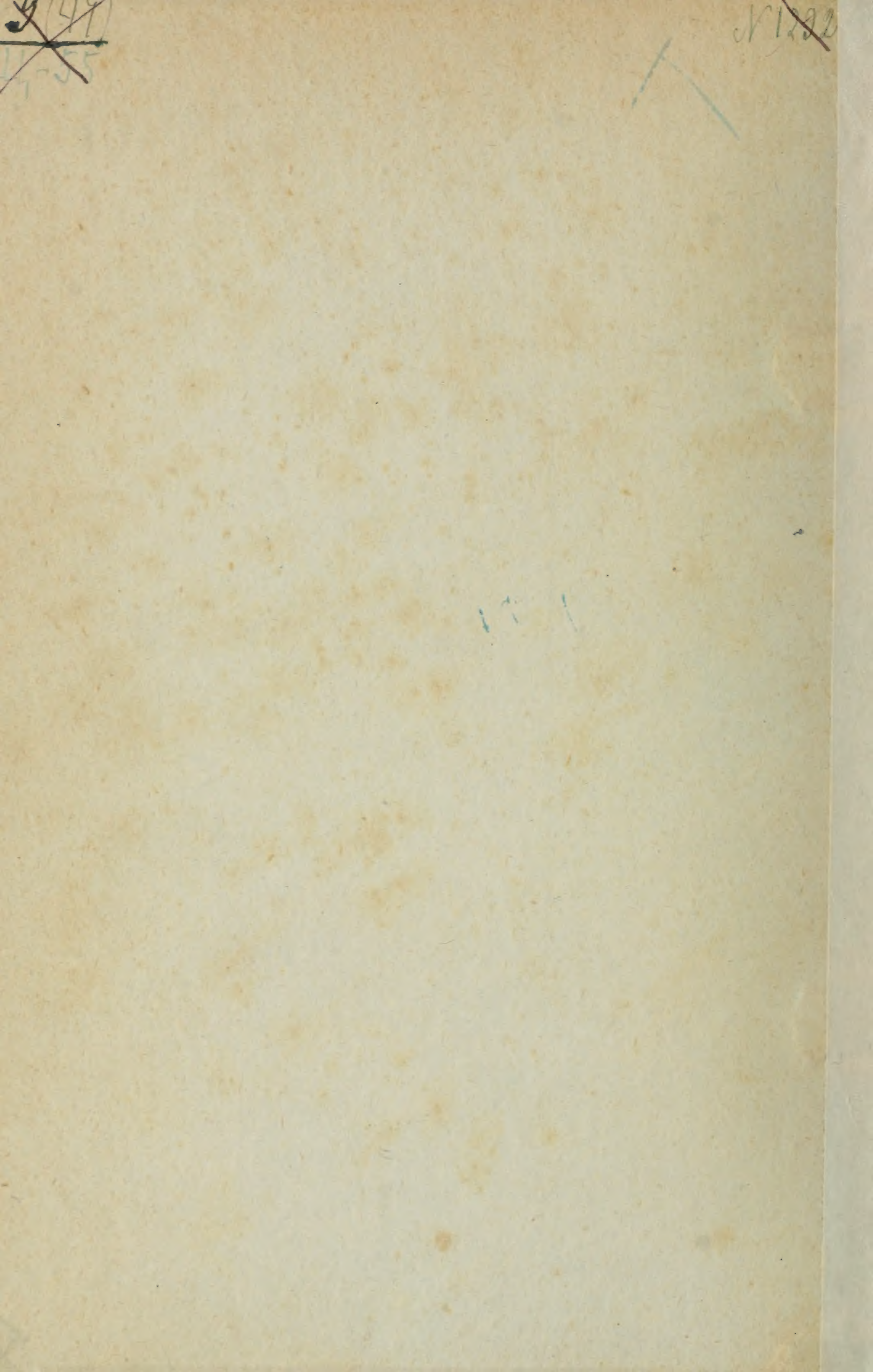
КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

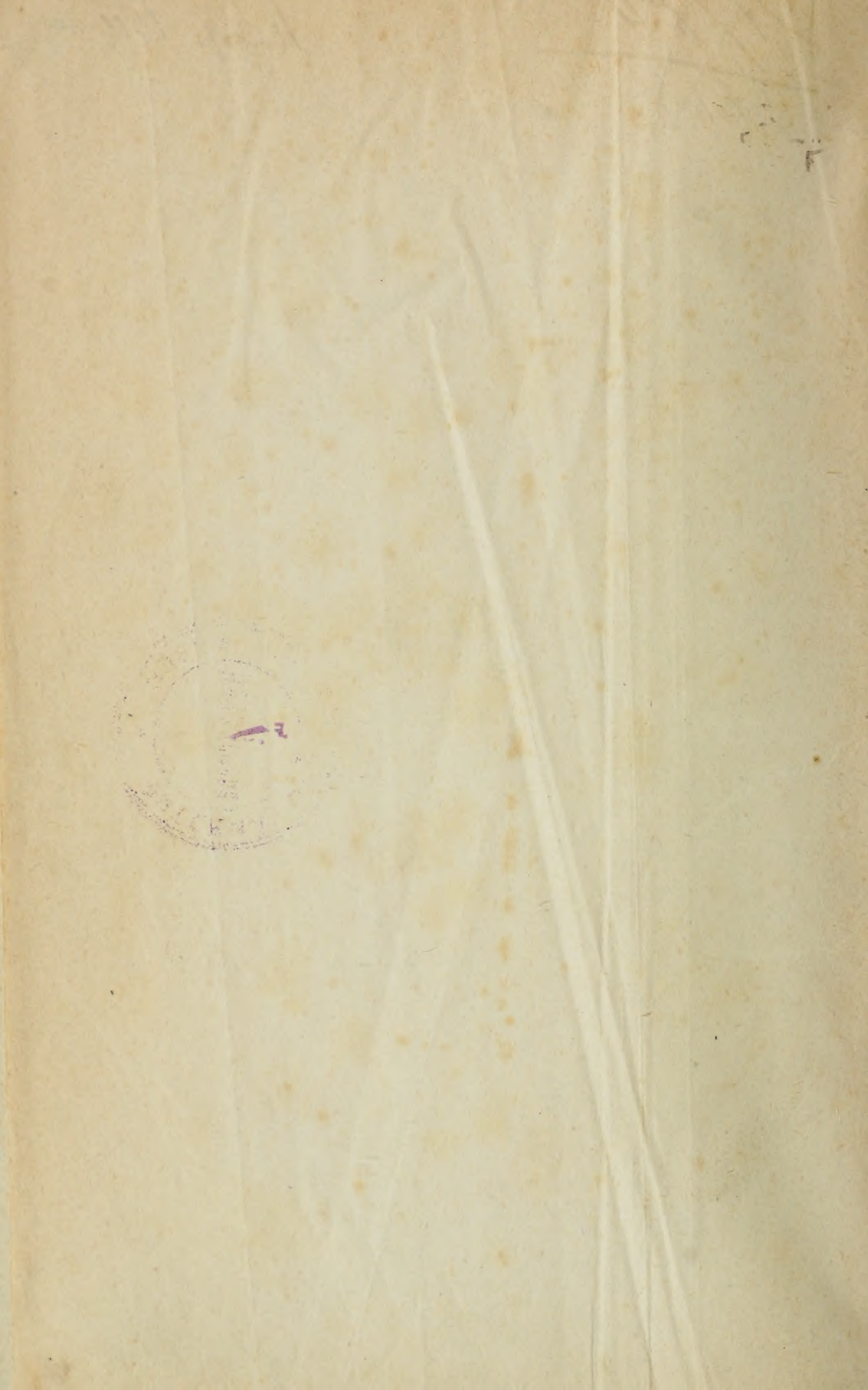
съ древнѣйшихъ временъ до реформъ XX вѣка.

4-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1909.

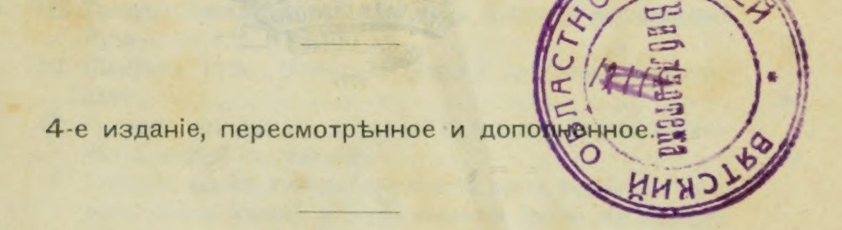

Е. Н. Щепкина

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

съ древнѣйшихъ временъ до реформъ XX вѣка.

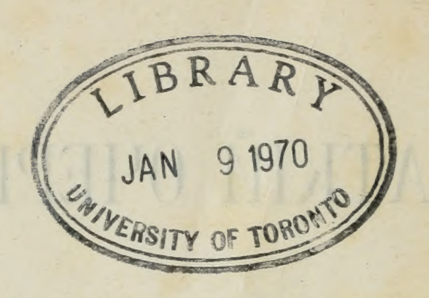

4-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1909.

LIBRARY
JAN 9 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. 28

3777

Оглавленіе.

Предисловіе ко 2-му изданію.

„Краткій очеркъ русской исторіи“ предназначается для широкихъ круговъ читающей публики, знакомой съ основными историческими фактами по элементарнымъ учебникамъ низшихъ школъ и народнымъ изданіямъ. Самое изложеніе имѣетъ въ виду преимущественно взрослыхъ читателей, сознательно интересующихся соціально-экономической стороной народной жизни и внутреннимъ смысломъ политическихъ событій. Задаваясь цѣлью дать сжатый общій обзоръ историческаго прошлаго, авторъ не вводилъ въ изложеніе біографическихъ подробностей и характеристикъ дѣятелей, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, какъ Петръ I, Іоаннъ Грозный.

Печатаніе 2-го изданія началось при улучшившихся цензурныхъ условіяхъ, поэтому въ него вошли тѣ страницы, которыя пришлось исключить изъ 1-го изданія 1903 г. При пересмотрѣ книги приняты во вниманіе, замѣчанія критиковъ и прибавленъ краткій обзоръ событій конца XIX-го в. и начала XX-го.

Е. Щ.

1905 г.

Предисловіе къ 3-му изданію.

40 главъ третьяго изданія „Краткаго очерка русской исторіи" отпечатаны почти безъ перемѣнъ. Но далѣе краткій обзоръ событій замѣненъ тремя новыми главами, содержащими изложеніе важнѣйшихъ событій за послѣднюю четверть вѣка. Это время близко намъ, а самыя явленія такъ сложны, несмотря на ихъ кажущуюся неяркость, (конечно, за исключеніемъ японской войны и освободительнаго движенія), что многое не могло умѣститься въ предѣлахъ краткаго очерка. Читатель не найдетъ въ немъ свѣдѣній о положеніи окраинъ, о политикѣ обрусенія инородческаго населенія, о своеобразной судьбѣ Финляндіи; нѣтъ даже итоговъ культурной дѣятельности земскаго и городского самоуправленія; огромная перемѣна въ составѣ и умственномъ развитіи русскаго общества едва намѣчена, а литературныя теченія вовсе не затронуты. Недавно пережитыя событія плохо поддаются обобщеніямъ, необходимымъ въ сжатомъ и живомъ изложеніи. Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на общемъ характерѣ правительственной дѣятельности, экономическомъ положеніи главной массы населенія, на главныхъ теченіяхъ въ общественномъ движеніи. Закончить книгу описаніемъ дѣятельности первой Государственной думы и ея партій авторъ не рѣшился изъ опасенія не выдержать тона безпристрастнаго разсказчика.

1906 г. **Е. Щ.**

Предисловіе къ 4-му изданію.

Четвертое изданіе „Краткаго очерка русской исторіи" пересмотрѣно и дополнено авторомъ во всѣхъ подробностяхъ: нѣкоторые отдѣлы и эпизоды изложены значительно полнѣе и выдѣлены въ новыя главы; таковы IV-ая глава, VI, X, XXII, XXXVIII и XLIX-ая. Въ послѣднихъ главахъ изложены недавно пережитыя событія, даны краткіе итоги дѣятельности Государственной Думы перваго и второго созыва и первой сессіи нынѣ дѣйствующаго состава выборныхъ. За два года съ 27 апр. 1906 г., дня открытія первой Думы, опубликованы новыя изслѣдованія, прочитаны курсы лекцій по конституціонному праву Россіи, и появилась возможность отнестись съ безпристрастной оцѣнкой къ исторіи недавнихъ дней.

Однако, въ общемъ „Очеркъ" еще не переработанъ заново, какъ совѣтовали благожелательные критики, и какъ это желалъ бы сдѣлать самъ авторъ. Книга только увеличилась въ объемѣ; тонъ изложенія дѣлается серьезнѣе, соотвѣтственно той эволюціи, которой подчиняются настроеніе и требованія читателей популярныхъ книгъ. Авторъ еще не нашелъ возможнымъ передѣлывать самый планъ изложенія. Важнѣйшій вопросъ русской исторической науки, вопросъ о томъ, представляетъ ли исторія Россіи нѣчто своеобразное, отличное отъ того, что вырабатывалось жизнью другихъ европейскихъ народовъ, или въ ея прошломъ господствовали тѣ же силы, которыя создали соціально-политическій строй Запада,

назрѣлъ и готовится къ разрѣшенію. Еще нѣсколько усилій мысли, еще нѣсколько остроумныхъ обзоровъ и изслѣдованій накопленнаго историческаго матеріала, и тогда весь планъ популярной исторіи Россіи можетъ быть переработанъ гораздо научнѣе и систематичнѣе первыхъ опытовъ.

Е. Щ.

1908 г.

I.

Восточные славяне и ихъ страна. Варяги.

При первомъ взглядѣ на карту Европы бросается въ глаза рѣзкая разница между поверхностью запада этой части свѣта и ея восточной половины, на которой расположена Россія. На западѣ мѣстность очень разнообразна; море многочисленными заливами врѣзывается въ страну; низменности и равнины необширны, ограничены болѣе или менѣе высокими горами и берегами морей; горы и холмистыя гряды раскидываются по всѣмъ направленіямъ западной Европы, то задерживая вліяніе сѣвернаго вѣтра, то въ другой мѣстности задерживая влагу морей для лучшаго орошенія плодородныхъ долинъ. Разнообразіе климата и поверхности порождаетъ богатство и разнообразіе растительности.

Востокъ Европы представляетъ громадную равнину, отдѣленную отъ Азіи невысокими горами съ широкимъ рукавомъ между южными отрогами Урала и Каспійскимъ моремъ. Здѣсь европейская равнина сливается съ еще болѣе обширной азіатской, какъ ея естественное продолженіе. Невысокія гряды холмовъ не защищаютъ ея отъ вѣтровъ Ледовитаго океана; вліяніе же морей, расположенныхъ у ея границъ, слишкомъ слабо по ея размѣрамъ: да большинство изъ нихъ замерзаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Климатъ восточной равнины гораздо холоднѣе и суше, чѣмъ на западѣ. Полагаютъ, что вся равнина была когда-то дномъ моря, которое постепенно отступало съ сѣвера на югъ: открывшаяся ранѣе сѣверная часть нынѣшней Россіи пріобрѣла болѣе толстый слой почвы, который питаетъ громадные лѣса; въ средней части отъ перегноя растительности образовался черноземъ; на югѣ же былое дно покрыто еще тонкимъ слоемъ почвы; оно не можетъ питать лѣсовъ и представляетъ степь, травяную, песчаную, мѣстами солончаковую. Большія рѣки восточной равнины берутъ начало съ невысокихъ холмовъ, и медленно и плавно растекаются во всѣ стороны къ берегамъ окраинныхъ морей.

На западѣ задолго до Рожд. Хр. процвѣтали благоустроенные города, съ водопроводами, театрами, мощеными дорогами. Восточная равнина долго оставалась почти пустынной. Лишь на югѣ, близъ Чернаго моря были разбросаны колоніи греческихъ переселенцевъ, напоминавшія западные города. Ихъ обитатели являлись единственными представителями древней образованности и промышленности въ дикой Скиѳіи, какъ называли греки равнину, теперь занимаемую Россіей. На сѣверѣ между Уральскими горами и Балтійскимъ моремъ, среди громадныхъ

лѣсныхъ пространствъ терялись селенія многочисленныхъ финскихъ племенъ. Вдоль Балтійскихъ береговъ жили племена литовцевъ. На югѣ, по широкой полосѣ степей постоянно передвигались, смѣняя другъ друга, кочевые народы, пришельцы изъ Азіи.

Поселившійся среди этой однообразной равнины народъ гораздо легче, чѣмъ на западѣ, могъ распространить свои владѣнія до ея отдаленныхъ предѣловъ и даже проникнуть въ соединенную съ нею Азію; здѣсь рѣки сближали располагавшееся по ихъ бассейнамъ населеніе и помогали его объединенію въ одно государство; но зато разбросанному по громаднымъ пространствамъ, ему гораздо труднѣе было устроить удобный для всѣхъ гражданскій порядокъ. Кругъ людей, который брался поддерживать и укрѣплять связи между отдѣльными частями широко разселившагося народа, легко могъ пріобрѣсти надъ нимъ огромную власть, создать обособленное властное правительство.

Когда славяне поселились на восточной равнинѣ, въ точности неизвѣстно; слѣдуетъ думать, что они появились на ея югѣ въ IV в. по Р. X., и въ теченіе VII и VIII вв., спускаясь съ Карпатскихъ горъ, располагались по рѣкамъ до Финскаго залива. Другія славянскія племена въ эту пору укрѣплялись по Дунаю и его притокамъ до самаго Адріатическаго моря (болгары, сербы, кроаты, венеды); къ сѣверу передвинулись поляки, заселившіе берега Вислы, и поморяне, расположившіеся у южныхъ береговъ Балтійскаго моря, гдѣ они совсѣмъ смѣшались съ германцами. Въ то время между славянскими племенами было много общаго въ жизни и обычаяхъ. Ихъ общественное устройство отличалось простотой, свойственной самымъ древнимъ народамъ. Славяне жили большими семьями, ведя общее хозяйство на общей землѣ; всѣ члены семьи находились въ полномъ повиновеніи у старшаго въ домѣ, руководившаго хозяйствомъ. Семьи считались между собой самымъ отдаленнымъ кровнымъ родствомъ и составляли довольно многолюдные родовые союзы или братства. Иной родъ былъ такъ значителенъ, что могъ поставить отъ 200 до 700 вооруженныхъ людей. Родовой союзъ владѣлъ сообща неподѣленными между семьями землями и другими владѣніями и имѣлъ особаго предводителя на войнѣ и судью, выборнаго старѣйшину, иногда князя. Старѣйшина созывалъ собраніе рода, на которомъ рѣшались всѣ общія и хозяйственныя дѣла. Родовые союзы въ свою очередь объединялись въ племена, носившія одно общее имя; среди племенъ поминали обыкновенно преданія о какомъ-нибудь общемъ родоначальникѣ, отъ котораго произошло все племя. На уваженіи къ родству очень долго держался обычай кровавой мести. Весь родъ обязанъ былъ мстить другому роду за убійство своего сородича. Этотъ обычай всегда порождалъ долговременную вражду, кровавыя столкновенія, даже войны между родовыми союзами. Греки разсказывали про славянъ, что у нихъ все рѣшается сообща, но вмѣстѣ съ тѣмъ среди ихъ племенъ замѣчается вражда и рознь, которая очень ослабляетъ ихъ и выгодна врагамъ.

До IX — X в. славяне были язычниками; но объ ихъ языческихъ божествахъ сохранилось очень мало свѣдѣній; ихъ понятія о богахъ были очень просты и грубы. Они возникли у славянъ тѣмъ же путемъ, какъ у всѣхъ дикихъ, первобытныхъ народовъ. Люди, младенчески неразвитые, жили среди природы, вполнѣ подчиняясь ей; не понимали ея

явленій, ея силъ, то благодѣтельныхъ, то вдругъ грозныхъ, истребляющихъ людей и ихъ имущества. Они преклонялись передъ этими силами, умилостивляли и благодарили ихъ. Современемъ, когда воображеніе народа заработало сильнѣй, онъ рѣшилъ, что силы природы кого-то слушаются, и этотъ кто-то, особое всемогущее существо, живетъ отдѣльно отъ самихъ явленій. Очень немногіе славяне и очень поздно начали представлять себѣ всемогущихъ существъ въ образѣ человѣческомъ и ставить ихъ изображенія. Такъ русскіе славяне помнятъ идоловъ только при св. Владимірѣ; храмовъ же у нихъ совсѣмъ не было. Жрецы, служители боговъ, уважались какъ знахари и предсказатели будущаго, но не имѣли власти и значенія среди племенныхъ союзовъ. Древнѣйшимъ божествомъ почиталось небо, охватывающее землю,—Сварогъ; отъ него происходили прочія верховныя божества: солнце — Даждь-богъ (и Хорсъ), Перунъ — громъ, Велесъ — покровитель стадъ. Большое значеніе имѣлъ духъ родоначальника, покровителя своихъ потомковъ — дѣда. Память о древнихъ праздникахъ солнцу сохранилась до сихъ поръ. Когда солнце зимой начинаетъ чуть-чуть дольше свѣтить, славяне справляли коляду, святки; когда оно начинало пригрѣвать землю, и ручьи показывались среди снѣговъ, наступала масляница; полное торжество весны послѣ погребенія Марены-зимы было праздникомъ, совпадавшимъ у русскихъ съ красной горкой. Лѣтній солнцеворотъ, когда наступали жары, отмѣчался праздникомъ Купалы. Болѣе мелкія божества — русалки, лѣшіе, водяные населяли лѣса и воды. Каждая семья у древнихъ племенъ почитала своихъ предковъ — Рода и Радуницу, Дѣда — въ болѣе позднюю пору. Многіе народные обычаи до сихъ поръ напоминаютъ о почитаніи дѣдовъ. Такъ, мѣстами, переѣзжая въ новую избу, съ почетомъ переносятъ угольки изъ старой печи въ новую; думаютъ, что съ ними перенесли и духъ „дѣдушки", домового, покровителя дома и семьи.

Спустившись съ Карпатскихъ отроговъ на восточную равнину, славяне расселялись по теченію рѣкъ. Размѣстившіеся по среднему теченію Днѣпра назывались *Полянами*; тѣ, которые заняли лѣсистый бассейнъ его притока Припети, *Древлянами* и *Дреговичами*. Двигаясь на сѣверъ, группа славянъ, водворившаяся на верховьи Днѣпра, Зап. Двины, Великой и Ловати, на водораздѣлѣ („волокѣ"), между притоками Чернаго и Балтійскаго морей, стала именоваться *Кривичами*; часть ея на Зап. Двинѣ *Полочанами*. Самое сѣверное племя осѣло вокругъ озера Ильменя, занявъ узкую полосу земли между *Финнами*; это *Ильменскіе* или *Новгородскіе* славяне. По лѣвому берегу Днѣпра у р. Сожи поселились *Радимичи*, у Десны—*Сѣверяне*, по р. Окѣ—*Вятичи*. На югѣ, по Днѣстру и южн. Бугу, жили племена *Уличей* и *Тиверцевъ*; между притоками Припети и Вислы усѣлись *Волыняне* (или *Дулѣбы*).

Всѣ племена были уже знакомы съ земледѣліемъ; но хлѣбопашество долгое время не было главнымъ занятіемъ славянъ. Обширная нетронутая культурой страна, съ ея неизмѣримыми лѣсами, степями, широкими тогда рѣками, привлекала къ болѣе легкимъ и доходнымъ промысламъ. Лѣса были полны пушныхъ звѣрей. Куница водилась повсюду; даже встрѣчался и соболь. По рѣкамъ во множествѣ водились бобры; самыя рѣки изобиловали разными сортами рыбъ. По опушкамъ лѣсовъ разводили пчелъ. Звѣроловство и пчеловодство доставляли сла-

вянамъ ихъ главные товары—цѣнныя шкуры, медъ и воскъ. Славяне раскидывали свои селенія на широкомъ просторѣ; небрежно строили свои жалкія избы; небрежно обрабатывали тамъ и сямъ участки земли и собирали хлѣба, сколько нужно для хозяйства, не болѣе. Когда земля выпахивалась, славяне бросали свои постройки и уходили на другія свѣжія мѣста.

Во время переселенія съ Карпатъ и странствій по обширной странѣ славяне не могли сохранить прежнихъ родовыхъ связей; старые родовые союзы слабѣли и распадались среди разбросанныхъ по лѣсамъ и степямъ поселковъ. Но еще долго сохранялись крѣпкія связи среди семей, очень многолюдныхъ. Родичи охотно принимали въ свою среду постороннихъ и сосѣдей на правахъ родныхъ; иногда разраставшіеся новые союзы образовывали цѣлыя сельскія общины—верви, которыя сообща вели сельское хозяйство.

Какъ объединялись семьи, собираясь въ цѣлое племя, до сихъ поръ дѣло темное; послѣ переселенія на восточную равнину племенныя связи замѣтно окрѣпли; между славянскими племенами возникли болѣе яркія различія въ обычаяхъ. Въ гораздо болѣе позднюю пору первый лѣтописецъ отмѣчалъ, какъ древляне отличались отъ полянъ грубостью и дикостью нравовъ.

Но очень скоро среди всѣхъ племенъ началось выдѣленіе высшаго класса, богатыхъ людей, возвысившагося надъ общей массой сѣраго люда съ крайне ограниченными потребностями. Экономическому неравенству очень способствовала торговля. Несмотря на слабую заселенность восточной Европы, на ней до Р. Хр. существовало постоянное торговое движеніе; греки—колонисты черноморскихъ городовъ, сбывали скиѳамъ свои вина, ткани, предметы роскоши, пріобрѣтая отъ нихъ кожи и мѣха, шерсть, строевой лѣсъ, хлѣбъ, медъ и воскъ и множество рабовъ; частые набѣги новыхъ ордъ изъ Азіи, постоянная борьба между переселявшимися народностями доставляли толпы военно-плѣнныхъ, которыхъ приводили на рынки большихъ городовъ для продажи въ рабство.

Торговые караваны отправлялись въ глубь страны до береговъ Волги и далѣе южными степями въ Азію, въ богатые города Персіи и даже Индіи. Наплывъ новыхъ народовъ изъ Азіи (послѣ Р. Хр.) разорилъ греческія колоніи и лишилъ ихъ былого значенія. Но впослѣдствіи болѣе даровитые народы, прочнѣй устроившіеся на огромной равнинѣ, сами втягивались въ торговую дѣятельность и пользовались древними торговыми путями. На средней Волгѣ и Камѣ славянскіе поселенцы нашли тюркское племя Булгаръ. Народъ почти осѣдлый, булгары только лѣтомъ переселялись въ степныя юрты; сравнительно мирные нравомъ, они занимались ремеслами и торговлей, имѣли города, которые посѣщались восточными купцами. Булгары вели торговыя сношенія съ Персіей и Аравіей, куда отправляли мѣха, медъ, воскъ и мамонтову кость изъ-за Урала.

Въ VIII в. по Р. Хр. болѣе воинственные *хозары* захватили степи по нижней Волгѣ и Дону до самаго Днѣпра и здѣсь скоро отвыкли отъ прежняго чисто кочевого быта; среди нихъ поселилось много евреевъ и арабовъ; подъ вліяніемъ которыхъ хозары сдѣлались хорошими посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ восточныхъ народовъ съ греками, славянами и даже населеніемъ западной Европы. Въ общемъ славяне не отличались

искусствомъ ни въ ремеслахъ, ни въ торговлѣ; но наиболѣе предпріимчивые люди пристали къ торговому движенію: они научились сплавлять мѣха, рабовъ, воскъ и кожи къ грекамъ и хозарамъ и обмѣнивать ихъ на греческія и восточныя издѣлія. Славянскіе рабы очень цѣнились на всѣхъ южныхъ и восточныхъ рынкахъ: охота на человѣка, благодаря такой торговлѣ, получила большое значеніе въ экономической жизни страны и наложила мрачную печать на весь ранній, такъ называемый Кіевскій періодъ русской исторіи.

Когда хозары покорили южныя, ближайшія къ степямъ племена славянъ и обложили ихъ данью, то болѣе состоятельный кружокъ побѣжденныхъ оказался даже въ выгодѣ: какъ данники, пользовавшіеся защитой побѣдителей, они стали безопасно провозить товары по всѣмъ путямъ хозарской земли. Приднѣпровье очень заселилось. Въ эту пору разбогатѣлъ Кіевъ, стоявшій на границѣ между степью и лѣсистой половиной страны. Здѣсь же скоро появились представители очень предпріимчиваго сѣвернаго народа *варяги* (*руссы*, какъ ихъ называли восточные купцы). Славянскіе купцы ѣздили съ товарами по Каспійскому морю, торговали въ Багдадѣ, по Днѣпру и Черному морю плавали до далекихъ греческихъ береговъ.

Въ русскихъ кладахъ до сихъ поръ находятъ много арабскихъ монетъ—свидѣтельство торговыхъ сношеній съ самыми дѣятельными купцами Азіи. Первостепенную роль въ торговлѣ восточной Европы съ востокомъ и западомъ игралъ водный путь отъ Финскаго залива до Чернаго моря по Волхову и Днѣпру съ ихъ притоками, такъ наз. путь „изъ Варягъ въ Греки“.

Старые арабскіе писатели оставили не мало свѣдѣній о странѣ и жизни славянъ; они видѣли на Руси много городовъ. Дѣйствительно, благодаря торговлѣ у славянъ развилась городская жизнь. Правда, много городковъ были еще просто поселками, укрѣпленными рвомъ, землянымъ валомъ, или бревенчатой стѣной, куда прятались жители при частыхъ набѣгахъ воинственныхъ сосѣдей. Но городки по Днѣпру и его притокамъ, по Волхову и др. большимъ рѣкамъ быстро сдѣлались складочными мѣстами для товаровъ, привлекали торговыхъ людей и обратились въ настоящіе торговые центры, города въ современномъ смыслѣ.

Въ большомъ городѣ поселялись богачи и главные люди племени, и онъ получалъ значеніе центра окружавшей его области: сюда свозилось все цѣнное для продажи и храненія. Сюда съѣзжались старшины семей для рѣшенія общихъ дѣлъ племени; здѣсь обдумывались общія военныя предпріятія. Возникла *волость*,—округъ, на который распространялось вліяніе, даже власть города. Собраніе жителей города, на которомъ могли бывать и жители волости, издавна называлось „вѣче“. Такими центрами явились Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Псковъ, и на сѣверѣ Новгородъ на Волховѣ у оз. Ильмень. Ихъ торговые округа уже не совпадали съ границами земель племенъ; въ иномъ округѣ-области оказывались селенія двухъ, трехъ племенъ; на землѣ племени могло возникнуть и два округа. Торговые города со своими волостями легли въ основу будущихъ княжествъ удѣльно-вѣчевой Руси. Сохранились кое-гдѣ преданія, очень смутныя, о мѣстныхъ славянскихъ князьяхъ, бывшихъ военными защитниками волостей.

Богатства, накоплявшіяся въ торговыхъ городахъ, нуждались въ защитѣ отъ набѣговъ и грабежей; торговые пути, двигавшіеся по нимъ караваны тоже требовали военныхъ людей для охраны. Къ тому же въ IX вѣкѣ новые кочевники начали прорываться изъ Азіи въ хозарскія степи и грозили славянамъ. Хозары ослабѣли, но у славянъ являлись новые враги. Прежнихъ средствъ для защиты страны не хватало; требовалась новая организація военныхъ силъ. Въ эту-то пору на славянской равнинѣ появились норманны, оказавшіе рѣшительное вліяніе на возникновеніе государственнаго порядка среди славянскихъ племенъ. Этимъ именемъ назывались германцы, населявшіе Скандинавскій и Ютландскій полуострова. Довольно суровая природа и почва, требовавшая значительныхъ усилій и умѣнья при обработкѣ, заставляли молодежь искать счастья въ другихъ земляхъ. Предпріимчивый, знатный храбрецъ собиралъ вокругъ себя отрядъ такихъ же удальцевъ, садился съ ними на маленькія, но очень крѣпкія суда и отправлялся за добычей на чужіе берега. Своеобразное представленіе о раѣ, гдѣ блаженствуютъ только погибшіе въ походахъ и битвахъ, суровая природа родной земли, любовь и привычка къ морю, наконецъ, самая братская вѣрность вождю, за которымъ шли повсюду, создали изъ норманновъ самыхъ страшныхъ воиновъ въ Европѣ. Ихъ набѣговъ боялись, какъ кары небесной. Съ IX в. норманны уже стремились укрѣпиться на захваченныхъ побережьяхъ. Они основали нормандское государство на сѣверѣ Франціи, захватили берега Сициліи; въ XI в. окончательно покорили англо-саксовъ Великобританіи. Норманны очень часто появлялись въ Финскомъ заливѣ, откуда проникали по рѣкамъ въ славянскія земли. Не довольствуясь бѣдной страной, они энергично двигались дальше по притокамъ оз. Ильменя, черезъ водораздѣлъ земли кривичей переносили лодки на верховье Днѣпра, плыли въ Черное море и являлись въ Константинополь, богатѣйшій тогда городъ въ Европѣ. Дружины довольствовались то грабежомъ, то временной торговлей; иные поступали на службу въ гвардію императоровъ. Греки и славяне называли норманновъ—*Варягами*. Балтійское море было долго извѣстно подъ именемъ *Варяжскаго*; путь отъ него до Чернаго моря по славянскимъ рѣкамъ и узкому волоку тоже назывался *Варяжскимъ путемъ*.

Трудно опредѣлить первоначальныя отношенія славянъ и варяговъ. Стойкія, сплоченныя дружины скандинавскихъ пришельцевъ не разъ защищали славянъ отъ сосѣдей, особенно отъ хозаръ: но и сами варяги охотно и часто обращали славянъ въ своихъ данниковъ; во всякомъ случаѣ среди славянъ замѣтно уваженіе къ варягамъ, сильнымъ неукротимой энергіей и умѣньемъ создавать крѣпкіе, дисциплинированные союзы. Славяне сами сознавали свою слабость передъ заморскими сосѣдями, послѣдствіе разрозненности и внутреннихъ несогласій. Кромѣ того варяжскіе отряды оказывали важныя услуги торговцамъ, охраняя по найму ихъ караваны по опаснымъ путямъ; между богатымъ классомъ славянъ и вооруженными купцами-варягами сложились общіе интересы. Этотъ городской классъ имѣлъ что̀ беречь, поэтому онъ больше другихъ чувствовалъ необходимость въ военной защитѣ и въ болѣе прочномъ гражданскомъ порядкѣ. Наивное народное преданіе, которое гораздо позже записалъ лѣтописецъ, гласитъ, что новгородскіе славяне, избавившись отъ варяговъ, стали еще болѣе страдать отъ насилій другихъ сосѣдей и

рѣшили на вѣчѣ призвать варяжскихъ вождей. Послы ихъ отправились за море и пригласили въ Новгородъ трехъ братьевъ, вождей изъ рода Русь.

II.

Первые князья; объединеніе племенъ. Введеніе христіанства.

Лѣтописное преданіе говоритъ только о Рюрикѣ съ братьями, но несомнѣнно, что и въ другихъ городахъ появлялись князья изъ вождей-купцовъ варяжскихъ дружинъ; варягъ-защитникъ безъ труда находилъ случаи обратить въ своихъ данниковъ населеніе славянскаго торговаго округа. Въ тѣ времена подчиненіе выражалось главнымъ образомъ въ платежѣ дани; ее платили побѣдителямъ; но и варяговъ приходилось вознаграждать за защиту, и вознагражденіе обращалось въ дань, если это было выгодно городскому классу. И ранѣе Рюрика арабы и греки называли Русью какихъ-то купцовъ и воиновъ, появлявшихся у Чернаго моря.

Рюрикъ съ братьями явились строить укрѣпленія и защищать Новгородскую область. Старшій князь долго относился осторожно и опасливо къ славянамъ; первое время онъ жилъ въ Ладогѣ, болѣе близкой къ морю, чтобы въ случаѣ неудовольствія скорѣе удалиться на родину, и только оглядѣвшись, водворился въ Новгородѣ и то внѣ городскихъ стѣнъ. Его братъ Синеусъ поселился среди финскихъ племенъ въ Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ у кривичей. Рюрикъ пережилъ братьевъ и умеръ княземъ всѣхъ трехъ волостей.

Самая богатая область торговыхъ городовъ по Днѣпру съ Кіевомъ во главѣ была еще свободна при Рюрикѣ и очень привлекала варяговъ. Недовольные Рюрикомъ младшіе вожди, говоритъ преданіе, отправились на югъ по знакомому водному пути. Кіевляне приняли варяговъ и ходили съ ними походомъ на Царьградъ. Нѣсколько позже появились варяжскіе князья въ Полоцкѣ и Туровѣ. Всѣ эти князья еще не вносили замѣтныхъ перемѣнъ въ общественную жизнь славянскихъ племенъ: они были вождями дружинъ и военными защитниками земель тѣхъ славянъ, которые платили имъ дань на содержаніе себя и воиновъ. Они строили города-укрѣпленія; если нужно, разсылали по нимъ своихъ мужей-намѣстниковъ, которые ихъ именемъ собирали дани и защищали страну. И эта защита сослужила большую службу: объединенные военными вождями, славяне стали тверже выдерживать напоръ тюркскихъ народовъ, пришельцевъ Азіи, отбрасывали ихъ къ степямъ, загораживали имъ дорогу въ западную Европу.

Князья были еще такъ слабо связаны съ населеніемъ, что оно спокойно переходило отъ одного защитника къ другому. Самый предпріимчивый вождь, Олегъ Новгородскій, довольно смѣло двинулся на объединеніе всѣхъ земель по варяжскому пути. Онъ завладѣлъ землей кривичей съ городомъ Смоленскомъ. Подъ Кіевомъ Олегъ обманомъ убилъ Аскольда и Дира; а дружина и кіевляне безъ сопротивленія подчинились новому вождю. Сѣверяне и радимичи, платившіе дань хозарамъ, еще охотнѣе отдались подъ его защиту и стали платить дань варягу.

Зато древляне, знавшіе только своихъ племенныхъ князей и дольше

другихъ племенъ сохранявшие бытъ и нравы старины, оказали стойкое сопротивленіе и подчинились только силѣ. Долго боролись также дулѣбы и хорваты. Олегъ не касался мѣстныхъ обычаевъ и властей, вѣча, старшинъ и князей, и требовалъ только дани да воиновъ, когда собирался въ дальній походъ. Племена, жившія вдали отъ торговыхъ дорогъ, долго управлялись самостоятельно.

Съ уходомъ Олега въ Кіевъ новгородцы обходились безъ князя, но платили 300 и болѣе гривенъ [1]) серебра на содержаніе охранявшей ихъ варяжской дружины. Укрѣпившись на Днѣпрѣ, способный военачальникъ собралъ со всѣхъ племенъ ладьи и воиновъ и предпринялъ новый морской набѣгъ на Грецію. Цѣлью его былъ не одинъ грабежъ,—варяги хотѣли улучшить свои торговыя сношенія. Князья и дружина собирали съ народа дань всякаго рода товаромъ и припасами: мѣхами, медомъ и воскомъ, зерновымъ хлѣбомъ. Все это приходилось сбывать для пріобрѣтенія серебра, оружія, коней и пр. Нерѣдко походы варяговъ и славянъ были въ то же время и торговыми предпріятіями. По рѣкамъ въ лодкахъ везли товары, а дружина шла берегомъ и по очереди охраняла кладь. Въ началѣ X в. византійскіе греки очень ослабѣли отъ борьбы съ балканскими славянами. Послѣдніе со всѣхъ сторонъ тѣснили имперію. Могущественное болгарское царство грозило поглотить грековъ; его знаменитый царь Симеонъ (ум. 927 г.) разсчитывалъ вѣнчаться императорской короной.

Въ эту-то пору, около 907 г., варяжско-славянскій флотъ Олега появился подъ Константинополемъ. Богатые, изнѣженные греки сами давно утратили воинственный духъ. Для защиты государства они давно уже пользовались наемниками изъ тѣхъ же славянъ, варяговъ, дикихъ печенѣговъ. Греки не рѣшились на долгую борьбу, а политично успокоили враговъ мирнымъ договоромъ, давъ имъ очень богатые дары и откупъ деньгами. Олегъ вернулся въ Кіевъ съ громадной добычей. Въ 912 г. онъ послалъ своихъ пословъ дополнить и подтвердить договоръ. Послы эти были варягами, судя по ихъ чисто германскимъ именамъ: Карлъ, Инегельдъ, Руальдъ, Актеву, Бидульфостъ и т. д. Среди нихъ находились приказчики князей, дружинники и частные торговцы. По договору руссы и славяне торговцы могли подолгу жить въ константинопольскомъ предмѣстьи св. Мамы (мон. св. Мамонта), получать даромъ припасы, по 50 чел. безъ оружія входить въ самую столицу и торговать безпошлинно. Опредѣлены были судъ и наказанія, если русскій убьетъ, ограбитъ христіанина и наоборотъ; установлена охрана грузовъ погибшихъ судовъ, возвращеніе невольниковъ и военноплѣнныхъ. Народъ былъ очень доволенъ договоромъ и прославилъ „Вѣщаго“ Олега пѣснями и легендами.

---

[1]) Древній денежный счетъ до сихъ поръ мало извѣстенъ. Полагаютъ, что гривной при первыхъ князьяхъ назывался слитокъ серебра до 1 фунта вѣсомъ; по другому подсчету это то же, что *литра*, византійскій фунтъ, который равнялся 3/4 современнаго фунта и дѣлился на золотые *солиды*; отсюда наши 72 *золотника*. Гривна размѣнивалась на *куны*, мелкія денежныя единицы (ногаты, вѣкоши и др.) и мѣха. Съ XVI в. *гривенка* была единицей вѣса, равной 96 золотн. и 48-ми (большая и скаловая), а крупной монетой сталъ *рубль*, слитокъ серебра до 1/2 фунта. Новгородскій рубль сер. былъ вдвое больше (200 денегъ) московскаго (100 денегъ). Деньга—мелкая серебряная монетка неправильной формы, равная древней 1/2 копейки.

Въ 912 г., по смерти Олега, главой Руси становится Игорь Рюриковичъ, съ 904 г. женатый на Ольгѣ. При немъ древляне и другія племена пытались отложиться, но были усмирены послѣ долгой борьбы. Воевода Свѣнельдъ покорилъ землю угличей за Днѣстромъ и получилъ ее въ управленіе. Съ востока отъ прикаспійской впадины двинулось въ Европу новое племя *Печенѣги*. Они сильно стѣснили хозаръ, прогнали на западъ венгровъ и захватили часть степи до самаго Днѣпра. Игорь выступилъ противъ нихъ съ многочисленнымъ войскомъ и взялъ съ нихъ обязательства на нѣсколько лѣтъ не воевать съ Русью. Между тѣмъ наступило удобное время напомнить грекамъ времена Олега: греческій флотъ былъ посланъ на борьбу съ сарацинами. Игорь присоединилъ къ своимъ дружинамъ союзные отряды варяговъ и печенѣговъ и высадился на южномъ берегу Чернаго моря. Русскія войска пограбили прибрежье до самой столицы Греціи, но здѣсь были встрѣчены такими большими силами, какихъ вовсе не ожидали видѣть. Дѣйствіе взрывчатаго вещества, такъ называемаго „греческаго огня“ оказалось такъ гибельно, что Игорь вернулся домой всего съ 10-ю уцѣлѣвшими кораблями. Онъ собиралъ силы для новаго похода, но его остановили греческіе послы съ предложеніемъ возобновить договоръ.

Въ Константинополѣ въ 945 г. уполномоченные Игоря, Ольги, Святослава, знатныхъ намѣстниковъ и купцы торговыхъ городовъ Руси заключили договоръ, но уже менѣе выгодный, такъ какъ военныя дѣла Игоря были далеко не такъ блестящи, какъ Олеговы. Въ эту пору замѣтно окрѣпли связи между племенами русскихъ славянъ: въ договорѣ впервые встрѣчается упоминаніе о „Русской землѣ“, какъ о единомъ цѣломъ. Варяги и славяне сближались между собой и привыкали къ имени Русь, которое распространялось понемногу на всѣхъ восточныхъ славянъ. Сынъ Игоря носилъ славянское имя—Святославъ. При Игорѣ воеводы и намѣстники имѣли большую власть. Вокругъ нихъ собиралась дружина, лучшая и болѣе многочисленная, чѣмъ собственно-княжеская. Жалобы дружины на плохое содержаніе заставили Игоря, повидимому человѣка малоспособнаго, заняться усиленнымъ сборомъ дани среди древлянъ. За несправедливые поборы древляне убили нелюбимаго князя (945 г.).

Лѣтописный разсказъ со своей странной хронологіей опять подчеркиваетъ малолѣтство князя и выдвигаетъ талантливаго правителя въ лицѣ женщины, Ольги. И язычники, и христіане называютъ ее справедливой. Обдуманная жестокость, съ которой она отомстила древлянамъ за убійство мужа, нравилась массѣ, какъ строгое выполненіе древняго обычая мести. Послѣ этой расправы она по зимамъ, когда князья имѣли обыкновеніе лично ѣздить по селеніямъ за сборомъ дани (такъ называемое „полюдье“), отправлялась по тѣмъ землямъ, гдѣ замѣчала неудовольствіе тяжестью поборовъ, и устанавливала болѣе опредѣленныя дани и повинности въ пользу князя. Такъ она объѣхала сперва землю древлянскую, а потомъ новгородскую. Установившееся общеніе съ греками побудило славянъ и варяговъ понемногу сближаться съ религіей и культурой образованнаго народа. Еще при Игорѣ русскіе стали принимать христіанство: въ Кіевѣ возникла первая православная церковь. Неизвѣстно, когда Ольга поддалась вліянію христіанъ и крестилась. Въ 957 г., когда она пріѣхала ознакомиться съ великолѣпной столицей православія, она

была уже христіанкой. Принимавшій ее императоръ Константинъ Порфирородный не упоминаетъ въ своемъ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи гостьи. Вообще Ольгу приняли въ Греціи безъ особаго почета, не такъ, какъ рисуетъ наша лѣтопись, и она вернулась недовольная. Тѣмъ не менѣе, послѣ этого событія вліяніе христіанства на Руси быстро усиливалось.

Сынъ первой княгини-христіанки вернулся ко временамъ древнихъ варяжскихъ вождей. Подвижность, отвагу, страсть къ походамъ истаго варяга Святославъ умѣлъ соединить съ неприхотливостью и грубой простотой жизни славянина.

Къ его времени благополучіе булгаръ волжскихъ и даже могущественныхъ хозаръ было очень подорвано нашествіями новыхъ пришельцевъ изъ Азіи, что прибавило смѣлости русскимъ дружинамъ. Еще при жизни Игоря цѣлыя полчища Руси пользовались торговыми дорогами хозаръ, чтобы громить и грабить населеніе Каспійскаго прибрежья и Предкавказья, вознаграждая хозаръ частью добычи. Для защиты отъ такихъ набѣговъ хозары укрѣпили полуостровъ Тмутаракань (Тамань) и Волгу у волока, отдѣляющаго ее отъ Дона. Двинувшись къ р. Окѣ, Святополкъ подчинилъ себѣ славянское племя вятичей, платившихъ дань хозарамъ; чтобы укрѣпить свою власть надъ ними, онъ пошелъ Волгой на хозаръ, разгромилъ крѣпость Саркелъ, перешелъ волокомъ на Донъ, Азовскимъ моремъ пробрался въ Тмутаракань, завладѣлъ ею; прогнавъ хозаръ до горъ Кавказа, онъ наложилъ дань на яссовъ и косоговъ.

Другой походъ Святославъ направилъ на камскихъ булгаръ, разорилъ ихъ столицу на Волгѣ; спустившись къ ея низовьямъ, овладѣлъ Итилемъ, хозарской столицей. Одно время вся Хозарія была въ его власти. Масса плѣнниковъ доставалась князю и дружинѣ, рынки переполнялись челядью.

На Балканскомъ полуостровѣ въ эту пору болгарское царство распалось: стремясь завладѣть его восточной половиной, греки подговаривали всѣхъ своихъ сосѣдей громить болгаръ. Особое греческое посольство явилось втягивать въ это дѣло предпріимчиваго Святослава: подарками и блестящими обѣщаніями склонили его идти на болгаръ. Съ 10-ю тысячнымъ войскомъ русскій князь приплылъ въ устьѣ Дуная и одержалъ рядъ побѣдъ надъ врагами грековъ. Богатыя южныя земли, близость къ промышленнымъ и культурнымъ центрамъ, гдѣ такъ выгодно было сбывать русскіе товары и челядь, соблазнили подвижного варяга. Святославъ рѣшилъ оставить Болгарію за собой, а своихъ русскихъ данниковъ предоставить ихъ судьбѣ подъ надзоромъ воеводъ и юныхъ сыновей.

Отсутствіе князя съ отборной дружиной подвергло Приднѣпровье страшной опасности: *печенѣги* набросились на Русь, грабили и жгли города. Кіевъ оказался въ тѣсной осадѣ и едва не погибъ; такъ поздно явился на выручку князь, не желавшій разстаться съ Болгаріей. Едва управившись съ печенѣгами, онъ опять поспѣшилъ за Дунай. Но тамъ все измѣнилось. Большинство болгаръ помирились съ новымъ энергичнымъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, превосходнымъ военачальникомъ; очень немногіе остались вѣрными Святославу.

Раздраженный русскій князь въ наказаніе разорилъ болгарскіе го-

рода и завладѣлъ народной сокровищницей, чѣмъ еще болѣе возстановилъ народъ противъ себя; нанявъ отрядъ венгровъ, онъ вторгся съ нимъ въ предѣлы Греціи и опустошилъ ее до стѣнъ Адріанополя. Но скоро оказалось, что Греція—не Хозарія и не земля косоговъ, и неосторожные, порывистые натиски полудикаря рискованы въ культурной странѣ въ виду образованнаго врага. Талантливый Цимисхій тщательно вооружилъ большое войско и очень легко занялъ проходы Балканскихъ горъ, оставленные русскими безъ прикрытія, а затѣмъ заставилъ Святослава съ его истомленнымъ войскомъ отступить къ Дунаю.

У Доростала, выдержавъ трехмѣсячную осаду, Святославъ съ горемъ заключилъ миръ и покинулъ Болгарію. На дорогѣ у днѣпровскихъ пороговъ его убили печенѣги (972). Поспѣшныя предпріятія Святослава такъ ослабили болгаръ, что греки достигли цѣли, подчинили ихъ; съ другой стороны продолжительнымъ отсутствіемъ послѣ разгрома хозаръ, онъ далъ усилиться печенѣгамъ, чѣмъ повредилъ Руси.

Малолѣтніе сыновья Святослава были устроены еще отцомъ: Ярополкъ въ Кіевѣ, Олегъ у древлянъ, Владиміръ въ Новгородѣ; при каждомъ князѣ состоялъ опытный воевода. На Руси явилось впервые три князя и три владѣнія. Князьямъ и ихъ людямъ приходилось заводить между собой новыя отношенія. Изъ-за ссоры воеводъ вспыхнули междоусобія. Кіевскій князь пошелъ къ древлянамъ, чтобы устранить брата, какъ самостоятельнаго князя. Олегъ погибъ во время битвы. Владиміръ, побуждаемый своимъ дядей, воеводой Добрыней, ушелъ изъ Новгорода къ варягамъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Добрыня и его сестра Малуша, мать Владиміра, были дѣти древлянскаго князя Мала, врага Ольги, и потому набѣгъ на древлянъ особенно раздражилъ дядю съ племянникомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ они вернулись изъ-за моря съ варяжской дружиной и новгородцы охотно приняли ихъ. На Руси уже росло недовольство Ярополкомъ. Какъ старшій внукъ, кіевскій князь дольше жилъ при бабкѣ Ольгѣ, уважалъ ея вѣру и покровительствовалъ христіанамъ. Дружинники же, почти всѣ язычники, роптали на это и не довѣряли князю; приверженность Владиміра къ язычеству имъ очень нравилась.

Новгородцы сообща съ варягами рѣшили мстить Ярополку за смерть Олега. Среди междоусобія погибла семья самостоятельнаго князя Полоцкаго, дочь котораго, Рогнѣда, была насильно взята въ жены Владиміру. Въ рѣшительной битвѣ кіевскій воевода Блудъ измѣнилъ Ярополку и перешелъ къ младшему брату. Самого Ярополка измѣннически убили въ Кіевѣ, которымъ завладѣлъ Владиміръ. Послѣдній остался княжить одинъ безъ соперниковъ въ странѣ, значительно пострадавшей отъ этой усобицы.

Затѣмъ начались обычные походы ради усмиренія данниковъ и пограничной борьбы съ опасными сосѣдями. Владиміръ принудилъ вятичей къ платежу дани, нѣсколько разъ громилъ волжскихъ булгаръ, ихъ восточныхъ сосѣдей. На югѣ онъ закончилъ объединеніе восточныхъ славянъ, подчинивъ себѣ дулѣбовъ и бѣлохорватовъ. Здѣсь, въ прикарпатскомъ краѣ, онъ столкнулся съ поляками. Поляки въ эту пору оказались въ нѣкоторой зависимости отъ Германіи, завели съ нею тѣснѣйшія сношенія и приняли христіанство по католическому обряду. На востокѣ они завладѣли богатыми, такъ называемыми червенскими городами (позже

Червонная Русь, Галиція); то были очень важные пункты, гдѣ торговые пути восточной Европы сближались съ западными. Владиміръ отнялъ эти города у Польши, и Червонная Русь сдѣлалась богатѣйшимъ владѣніемъ его потомковъ. На Руси наступило усиленное развитіе языческихъ обрядовъ. Съ особымъ вниманіемъ воздвигались идолы и жертвенники, что ранѣе вовсе не было въ обычаѣ. Мѣстами даже приступили къ постройкѣ храмовъ. Приверженностью вѣрѣ предковъ князь стремился укрѣпить свою власть; отчасти тутъ сказывалось вліяніе новой массы варяговъ, явившихся изъ Скандинавіи. Язычество грозило установиться надолго, съ помощью увлекательныхъ для народа обрядовыхъ зрѣлищъ, пѣснопѣній и кровавыхъ жертвоприношеній. Но расцвѣтъ этотъ длился десятокъ, другой лѣтъ. Усиленныя сношенія, торговыя и политическія, съ греками и южными славянами сдѣлали свое дѣло. Въ Кіевѣ и другихъ важныхъ поселеніяхъ все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ появлялись вліятельные христіане-иноземцы, знакомили русскихъ со своей вѣрой и завлекали ихъ къ крещенію. Несомнѣно, и самъ Владиміръ подчинялся вліянію иновѣрцевъ.

Вообще, время, когда совершалось введеніе христіанства на Руси, еще очень мало извѣстно. Греческіе историки совсѣмъ не говорятъ объ этомъ событіи. Лѣтописный разсказъ о томъ, какъ проповѣдники разныхъ вѣроученій являлись къ Владиміру и поучали его, сложился лѣтъ на 100 позже, уже среди грековъ, побѣдителей въ состязаніи учителей: въ немъ ярко сказывается пренебрежительное отношеніе къ неправославнымъ и иновѣрцамъ. Изъ всѣхъ разсказовъ ясно одно: преобладающее вліяніе греческой образованности естественнымъ путемъ склонило высшій правящій классъ русскихъ примкнуть къ ней посредствомъ перемѣны вѣры. Дѣйствовалъ и примѣръ западныхъ славянъ, которые съ новой вѣрой замѣтно усилили свое политическое значеніе. Владиміръ тоже понялъ, что греческая вѣра и культура выгодно обособитъ его народъ отъ окружающихъ инородцевъ, и крестился, но гдѣ именно, въ точности неизвѣстно. Хорошія отношенія съ греками установились не сразу. Греки были горды своею культурою и ея просвѣтительнымъ значеніемъ: греческій императоръ высоко ставилъ божественное происхожденіе своей власти и считалъ себя главою православнаго міра. Владиміръ, готовый подчиниться христіанству и его культурѣ, желалъ дать почувствовать грекамъ, что онъ политически независимъ отъ Греціи, и пошелъ на греческую колонію Херсонесъ [1]). На Балканскомъ полуостровѣ тогда обострилась борьба съ болгарами и сербами; греки нуждались въ союзникахъ и наемныхъ войскахъ. Они отказались отъ борьбы съ русскими, заключили союзный договоръ, обязавъ присылкой вспомогательнаго войска. Кромѣ того, императоръ Василій II оказалъ кіевскому князю высочайшую честь,—согласился на его бракъ со своей сестрой Анной.

Послѣ крещенія послѣдовали походы на дунайскихъ славянъ въ союзѣ съ греками, довольно удачные. Далѣе Владиміръ оборонялъ границы отъ сосѣдей, устраивалъ свои торговыя сношенія. Защищая Червонную Русь отъ поляковъ, онъ укрѣплялъ города, строилъ новые (Владиміръ) въ землѣ волынянъ. Въ составъ земель Владиміра вошла отда-

[1]) Въ Крыму, близъ Севастополя.

ленная Тмутаракань на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря. Ходилъ онъ опять на волжскихъ булгаръ, разрѣшилъ имъ торговыя странствованія по верхней Волгѣ и Окѣ, и финскій край началъ понемногу заселяться и оживляться. Очень хлопотлива была защита Приднѣпровья отъ степняковъ. Въ 80-ти верстахъ на юго-востокъ отъ Кіева начинались степи и кочевья печенѣговъ, которые то приближались къ стольному городу, то отдалялись отъ него. По лѣвымъ притокамъ Днѣпра ставились ряды укрѣпленныхъ деревянныхъ городковъ съ земляными валами и частоколами. Захвативъ полоску степи, старались тотчасъ укрѣпить ее такими городками. Со всѣхъ концовъ Руси созывались жители для заселенія и защиты этихъ окраинъ. Свои дружины князь пополнялъ воинами всѣхъ народностей восточной Европы. Въ богатырскихъ пѣсняхъ народъ поминалъ громкіе подвиги своихъ защитниковъ, ихъ богатырскіе выѣзды на степныя границы, ихъ кровавую борьбу со стихійной силой натисковъ дикарей. Въ народной памяти Владиміръ Св. долго жилъ яркой, легендарной личностью. Въ его гостепріимныя кіевскія палаты съѣзжались всѣ богатыри народныхъ былинъ. Очевидно, князь стольно-кіевскій умѣлъ объединять и связывать общимъ дѣломъ дѣятелей разныхъ областей обширной равнины.

Еще при жизни Владиміръ посылалъ своихъ сыновей въ разныя области, на правахъ намѣстниковъ, собирать дани и защищать населеніе. Послѣ смерти отца каждый сынъ долженъ былъ получить область, какъ князь. Подобно Святославу, Владиміръ считалъ русскую землю общимъ достояніемъ всей своей семьи, причемъ старшій ея членъ имѣлъ право на лучшую ея часть и главный городъ. Въ 1015 г. Владиміръ скончался. Двухъ его старшихъ сыновей тогда уже не было на свѣтѣ; третій, Святополкъ, оказался старшимъ и находился одинъ въ Кіевѣ при гробѣ отца. Онъ счелъ себя въ правѣ тотчасъ же объявить себя великимъ княземъ кіевскимъ. Онъ давно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ жены, польской княжны католички и ея духовника; онъ не разъ возставалъ противъ отца и одно время сидѣлъ въ темницѣ. Святополкъ не разсчитывалъ на мирное вокняженіе. Кіевскіе бояре и дружина видѣли въ немъ союзника своихъ враговъ, ляховъ. Лѣтописецъ говоритъ, что любимцемъ отца и его знаменитой дружины былъ Борисъ муромскій, бывшій въ походѣ противъ печенѣговъ. Святополкъ происками и подарками удержалъ при себѣ дружину и поспѣшилъ отдѣлаться отъ неудобныхъ братьевъ. Борисъ, Глѣбъ ростовскій и Святославъ древлянскій были убиты подосланными убійцами; послѣдній уже на пути въ Венгрію, куда онъ бѣжалъ отъ усобицы. Мстителемъ за братьевъ явился Ярославъ новгородскій, тоже непокорный сынъ для Владиміра Св.: онъ перестал высылать въ Кіевъ новгородскую дань, и отецъ передъ смертью собирался въ походъ на Новгородъ, чтобы наказать сына. Усобица разгорѣлась на нѣсколько лѣтъ, благодаря участію Болеслава, короля польскаго. Поляки находили выгоднымъ ослаблять Русь междоусобіями, чтобы отнять у нея богатыя югозападныя земли. Казалось, вся сѣверная Русь боролась съ южной. Святополку помогали то поляки, то печенѣги; Ярославъ приводилъ съ собой новыя дружины варяговъ. Сѣверъ побѣдилъ. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу и погибъ гдѣ-то, близъ границы, въ 1019 г. Ярославъ утвердился великимъ княземъ въ Кіевѣ, но только послѣ смерти Мстислава тмутараканскаго въ

1035 г. онъ остался одинъ на Руси, если не считать Полоцкой области, гдѣ утвердились потомки сына Рогнѣды, Изяслава.

Ярославъ воспользовался ослабленіемъ Польши послѣ смерти Болеслава Храбраго и распаденіемъ ея на удѣлы, вмѣшался въ распри польскихъ князей и вернулъ Червенскіе города. При немъ началась борьба съ литовцами. Дреговичи съ помощью дружины Ярослава отняли отъ *Ятвяговъ* часть земли по лѣвымъ притокамъ Нѣмана: туда переселились русскіе, и мѣстность получила названіе Черной Руси. Нѣкоторые литовцы были обложены данью. Очень оживлены были сношенія съ варягами, которые продолжали пріѣзжать на Русь ради службы и доходовъ.

Скандинавскія пѣсни поминаютъ Ярослава и его дочь, за которую сватался норвежскій принцъ. Одинъ изъ шведскихъ принцевъ воспитывался въ Кіевѣ. Вообще, христіанинъ-представитель обширной восточной страны былъ извѣстенъ за границей, и Русь его времени вступила въ кругъ европейскихъ націй. Его дочь Анна была королевой Франціи, Елизавета—королевой Венгріи; сынъ Всеволодъ женился на дочери императора Константина Багрянороднаго; заключались браки и съ англійскими принцессами.

Ярославъ, повидимому, зналъ грамоту; онъ любилъ и цѣнилъ книги; онъ очень заботился о переписываніи св. книгъ и распространеніи ихъ по областямъ. При немъ христіанство сдѣлало большіе успѣхи среди народа; а высшій классъ становился замѣтно культурнѣе. Появился первый сборникъ судебныхъ обычаевъ—„Русская Правда". Славяно-руссы укрѣпились среди восточной равнины и начали вырабатывать начала государственныхъ порядковъ.

Ярославъ умеръ въ 1054 г., предоставивъ своимъ пяти сыновьямъ образовать пять княжествъ. Съ тѣхъ поръ до XVI-го в. Русь не знала единовластія.

III.

Князья, населеніе, общественный порядокъ.

Итакъ, первою объединяющею силой среди рѣдкаго населенія территоріи восточныхъ славянъ явился князь, потомокъ варяго-руссовъ. Русскій князь X, XI вв.—это военный защитникъ торговыхъ волостей и верховный судья спорныхъ дѣлъ и преступленій, получающій жалованье отъ населенія (*дани*) за свою службу. Дани на содержаніе князя и дружины области платили различно, смотря по своему экономическому положенію. Князья обыкновенно сами ѣздили за данью, въ „полюдье": какъ только наступала зима и устанавливался путь, князья съ дружинниками и цѣлымъ обозомъ саней отправлялись въ продолжительное путешествіе, останавливаясь по городамъ и „погостамъ", т.-е. въ главныхъ селеніяхъ небольшихъ сельскихъ округовъ. Тутъ же князь принималъ жалобы и судилъ дѣла, съ которыми къ нему обращались, принимая вознагражденіе за свои труды. Дань платили натурой, главнымъ образомъ мѣхами; рѣдко гдѣ сельское населеніе могло давать деньги, иностранныя монеты. Къ веснѣ князь возвращался въ свою столицу. Собранными цѣнностями онъ дѣлился съ дружиной. Дани того времени, мѣха куницъ, бѣлокъ,

медъ и воскъ, зерновой хлѣбъ, представляли массу товара, который отвозился въ греческіе и другіе города.

Въ подчиненныя области князья посылали своихъ воеводъ, сыновей или родственниковъ въ качествѣ намѣстниковъ, „посадниковъ“. Эти намѣстники дѣйствовали довольно самостоятельно, подобно князьямъ, собирали дани въ свою пользу, содержали свои отряды дружинниковъ, съ которыми иногда покоряли новыя области, образуя свои собственныя владѣнія. Иные города и при намѣстникахъ посылали дани великому князю (Новгородъ).

Но и въ этомъ положеніи наемнаго защитника земли и начальника дружины князь все-таки являлся объединителемъ племенъ данниковъ, какъ общій вождь и судья; даже какъ собиратель дани, онъ напоминалъ разбросанному по громадному пространству населенію, что оно составляетъ одинъ народъ, имѣющій общіе интересы. Названіе „русинъ“, первоначально означавшее то же, что варягъ, стало скоро прилагаться и къ славянамъ. Игорь уже заговорилъ о „Русской землѣ, какъ о единомъ цѣломъ, а при Владимірѣ всѣ восточные славяне стали именоваться „русскими“.

Въ эту же пору племенное дѣленіе территоріи и населенія обращалось въ *областное*. Области (впослѣдствіи княжества) не вполнѣ совпадали съ территоріями древнихъ племенъ. Если поляне составили главную массу жителей кіевской области, то кривичи, напримѣръ, подѣлились между Смоленской, Полоцкой и Новгородской. На группировку населенія имѣли вліяніе торговые пути и города, бассейны судоходныхъ рѣкъ. Такъ, кривичи располагались сообразно теченію Зап. Двины, Днѣпра и притоковъ озеръ Ильменя и Чудского.

Важное значеніе въ исторіи русскаго народа имѣла колонизація. Населеніе Руси до позднѣйшаго времени отличалось подвижностью. Ровная поверхность страны, первобытный характеръ сельскаго хозяйства, особенно обиліе лѣсовъ, полныхъ пушныхъ звѣрей и дичи, располагали народъ къ постояннымъ передвиженіямъ. Звѣроловство доставляло мѣха, самый цѣнный товаръ вывозной торговли, поэтому охотники и торговцы неустанно гнались за звѣрями все въ новыя и новыя дебри. Добывъ товаръ, русскіе старались получше устроить его сбытъ на иноземные рынки, занимали мѣста близъ выгодныхъ торговыхъ пунктовъ и путей и прочно поселялись здѣсь. Русскіе поселки находились въ предѣлахъ самой Хозаріи, на берегахъ Дона и Донца, близъ самой Волги между Булгарами и Ителемъ у Каспія. Русскіе проникали и въ Тмутаракань, которая на время сдѣлалась очень важнымъ владѣніемъ князей Рюриковичей, пока захваченная половцами съ конца XI в. не утратила связи съ Русью.

Первоначально группировка по областямъ вокругъ торговыхъ городовъ совершалась сама собой, безсознательнымъ тяготѣніемъ самого населенія; купцы съ наемными охотниками, воинами-защитниками прочно водворялись тамъ, куда удобнѣе было свозить свои товары изъ окрестныхъ мѣстъ, а затѣмъ сплавлять ихъ дальше. Первые князья и ихъ намѣстники являлись уже въ готовые города съ торговыми округами защищать образовавшуюся волость, кормиться ея доходами.

Но сами князья были крупными торговцами: они сбывали своихъ рабовъ изъ военноплѣнныхъ и дани—товары, и потому общіе интересы

связывали ихъ съ классомъ торговымъ, городскимъ. Князья обращали особое вниманіе на добываніе новыхъ рынковъ, пробиваніе новыхъ торговыхъ путей, заселеніе удобныхъ для торговли мѣстностей. Обладая отважными дружинами и богатствомъ, князья сдѣлались помощниками колонизаціи, особенно тамъ, гдѣ требовались военныя силы. Много войнъ вели они изъ-за расширенія торговыхъ сношеній. Къ югу и востоку отъ Кіева, гдѣ грозили кочевники, къ западу, гдѣ приходилось бороться съ литовцами и поляками, князья сами устраивали поселенія. Только на сѣверѣ дѣло долго шло по старому: новгородцы и кривичи понемногу передвигались къ сѣверо-востоку по притокамъ верхней Волги и занимали мѣста между крайне рѣдкими финскими поселками Веси и Мери. Радимичи и сѣверяне проникали на земли Муромы и Мордвы, тоже финновъ, и положили начало будущему Мурому — Рязанскому княжеству.

Въ теченіе X, XI вв. населеніе Руси понемногу сплачивалось, и среди него сильнѣе сказывалось вліяніе княжеской администраціи, особенно послѣ Владиміра, назначившаго сыновей править областями: будущіе князья, эти намѣстники, очень заботливо относились къ своему правительственному положенію; они укрѣпляли силу и значеніе своего рода Рюриковичей, внимательнѣй вникали во внутреннюю жизнь населенія, являясь среди него распространителями христіанства и культурныхъ началъ.

По своему правому положенію все русское населеніе отчетливо раздѣлялось на два класса: *свободное* и *несвободное* (холопы). Главная масса населенія древней Руси состояла изъ свободныхъ людей (един. число *людинъ*); изъ ихъ среды *рѣзко* выдѣлялся верхній слой людей, близкихъ къ князю, его *мужей* помощниковъ, главныхъ представителей его администраціи.

Въ частности сельское свободное населеніе называли еще „*смердами*"; этотъ довольно подвижной людъ, легко переселявшійся съ мѣста на мѣсто, занимался звѣроловствомъ, земледѣліемъ, рыболовствомъ, всякими видами добывающей промышленности. Жили смерды на огромныхъ пространствахъ вольной земли, даже еще не „*окняженной*", т.-е. положеніе которой еще вовсе не опредѣлилось, иногда на землѣ князей, бояръ и другихъ частныхъ лицъ собственниковъ. Селенія смердовъ представляли общины (*верви* по „Русской Правдѣ"), имѣвшія свое сельское управленіе, свой судъ съ общей отвѣтственностью передъ администраціей и передъ землевладѣльцемъ. Смерды платили дани и оброки за пользованіе землей, судились у князя и его тіуновъ (судей). Иногда они участвовали въ мѣстномъ ополченіи, собиравшемся въ помощь княжеской дружинѣ во время большихъ походовъ. Склонный къ военной жизни смердъ могъ поступить въ княжескую дружину; разбогатѣвши, онъ могъ переселиться въ городъ, обратиться въ купца, виднаго мужа городского вѣча. Вообще, это былъ низшій классъ людей, лично свободныхъ, но часто поневолѣ зависимыхъ экономически и административно отъ городовъ и землевладѣльцевъ.

Городское населеніе первенствовало въ общественной жизни древней Кіевской Руси. Городъ былъ силенъ своею сплоченностью; центръ волости, онъ являлся средоточіемъ ея экономической жизни, куда свозились мѣстные продукты, съѣзжались за покупками, сходились на зара-

ботки. Городское вѣче руководило дѣлами всей волости и меньшими пригородами, и сельскіе люди слушались города. Въ каждомъ городѣ богатѣйшіе и предпріимчивые люди выдѣлялись въ старшинъ, „старцевъ градскихъ“, не выборныхъ, но имѣвшихъ досугъ и опытность, и потому силой обычая становившихся во главѣ общихъ дѣлъ. Въ городахъ долго держалось древнѣйшее военное устройство, какъ его создала необходимость защищать отъ непріятеля всѣхъ и все, что̀ скрывалось за городскими стѣнами; жители дѣлились на десятки и сотни, а послѣднія составляли тысячи подъ начальствомъ десятниковъ, пятидесятниковъ и сотниковъ; а тысяцкій въ большихъ городахъ долгое время и послѣ татаръ являлся главнокомандующимъ мѣстнаго ополченія.

Въ главнѣйшихъ городахъ старѣйшины получали значеніе мѣстныхъ бояръ, почти равныхъ княжескимъ, а современемъ они становились и крупными землевладѣльцами. Власть и вліяніе торговыхъ городовъ уживались рядомъ съ властью князя. Въ заключеніи договоровъ съ греками участвовали послы Кіева, Смоленска и др. городовъ вмѣстѣ съ послами князей; здѣсь мы видимъ представителей всѣхъ собственниковъ, всѣхъ торговыхъ силъ страны.

Вообще, пока государственная власть была внутренно очень слаба и имѣла лишь объединяющее значеніе, свободные люди со своими союзами, собраніями были дѣйствительно и вполнѣ свободны. Всякъ шелъ, куда хотѣлъ, сходился съ кѣмъ хотѣлъ; признавалъ или не признавалъ князя, договаривался съ нимъ.

Силу князя составляла его дружина—воины, ближайшіе совѣтники и слуги его. Это военное общество дѣлилось на старшую дружину и младшую. Со старшей дружиной князь думалъ о дѣлахъ: тутъ были его воеводы въ походахъ и его постоянные совѣтники, являвшіеся каждый день въ его хоромы рѣшать вопросы о походахъ и мирныхъ договорахъ, разбирать вмѣстѣ съ княземъ важныя судебныя дѣла. Подвергался осужденію князь, который рѣшался на важное дѣло безъ совѣта со своей думой изъ старшей дружины: хорошій князь никогда не распоряжался одинъ самовольно, безъ вѣдома соратниковъ.

Когда князь пріобрѣталъ область и водворялся самъ въ главномъ городѣ, онъ посылалъ воеводъ въ меньшіе города собирать дани, судебныя пошлины и кормы на свое содержаніе.

Первоначально старшая дружина и члены думы назывались „княжьи мужи“: (уменьшительнымъ „мужикъ“ звали иногда свободнаго человѣка, людина и смерда). Нѣсколько позже вошло въ обычай слово „бояринъ“, вытѣснившее изъ употребленія старое—„мужъ“. Бояре служили главными орудіями княжеской власти: безъ нихъ князь былъ одинокъ и безсиленъ, и не могъ владѣть обширной волостью. Бояре прекрасно знали свою силу; нерѣдко они ссорили князей, чтобы среди усобицъ нажиться разгромомъ чужой волости и нахватать плѣнныхъ: они укрѣпляли свое вліяніе, собирая большія богатства, пріобрѣтая лучшія земли съ бобровыми гонами и рыбными ловлями. Позже, при множествѣ князей, они переходили отъ одного къ другому, сохраняя за собой пріобрѣтенныя имущества, и это тоже помогало объединенію страны.

Княжьи мужи вмѣстѣ со старцами градскими образовали высшій классъ населенія древней Руси, капиталистовъ и со временемъ, подобно

княземъ, собственниковъ обширныхъ земель. Богатства, пріобрѣтаемыя торговлей и военнымъ грабежомъ, они употребляли на устройство сельскаго хозяйства. Заселивъ участокъ земли своими рабами, бояре объявляли ее своей; чьи люди, того и земля, — думали встарину. Извѣстны очень древніе термины огнищанинъ, огнище: полагаютъ, что мѣста, заселенныя холопами—рабочими назывались огнищами, а владѣвшій ими княжій мужъ или капиталистъ носилъ имя огнищанинина.

Боярскій совѣтъ Рюрика, какъ и вся его дружина, состояли, конечно, изъ варяговъ: варяги преобладали среди мужей первыхъ Рюриковичей, хотя число ихъ стало понемногу пополняться славянами, преимущественно изъ городскихъ старѣйшинъ. Позже много инородцевъ, хозаръ, печенѣжскихъ князей, польскихъ и венгерскихъ выходцевъ являлось служить русскимъ князьямъ, и составъ боярства сдѣлался довольно разноплеменнымъ.

Таковъ же былъ составъ и младшей дружины, гораздо болѣе многочисленной. Всякій могъ уговориться съ княземъ и стать его воиномъ, товарищемъ-дружинникомъ, получая свою часть военной добычи и всякихъ даней. Въ число младшей дружины входили чины княжескаго двора, очень простого встарину: оружничьи, спальники и пр. На ряду съ ними служили и несвободные слуги, — военно-плѣнные и купленные рабы. Такія важныя довѣренныя лица, какъ ключникъ двора, дворецкій, управляющій селами князя (тіунъ, онъ же судья надъ людьми),—всегда выбирались изъ рабовъ. Князь и дружина являлись и администраціей и защитниками земли отъ внѣшнихъ враговъ; они были немыслимы другъ безъ друга, и горе князю, котораго не любила дружина! Вокругъ умнаго и щедраго князя собирались лучшія силы русскихъ дружинъ. Такой князь самъ жилъ просто, а для дружины ничего не жалѣлъ.

Что касается людей несвободнаго состоянія, то къ нимъ принадлежали главнымъ образомъ рабы, холопы древней Руси. Рабъ—это человѣкъ, принадлежащій вполнѣ, какъ вещь, другому человѣку; за нимъ не признавалось никакихъ человѣческихъ правъ; рабъ — живое орудіе, гласитъ законъ древнихъ римлянъ. Все, что онъ вырабатывалъ, принадлежало его господину. Рабъ не могъ жениться по своей волѣ: жена и дѣти его тоже принадлежали господину; жизнь и смерть его зависѣли отъ воли господина. Какъ только древній народъ становился многочисленнымъ и начиналъ улучшать свой бытъ, у него возникало рабство. Первобытные некультурные люди охотники и звѣроловы, не любили упорнаго усидчиваго труда; они всегда стремились сложить на ближнихъ тяжелую и скучную работу. Ранѣе другихъ заставляли работать женщинъ, какъ рабовъ. Право сильнаго выражалось прежде всего тѣмъ, что сильный заставлялъ слабаго работать на себя. Потомъ перестали убивать военноплѣнныхъ; ихъ обращали въ рабовъ, посредствомъ ихъ труда положили начало разнымъ производствамъ, улучшали и украшали свой бытъ. То, что побѣжденныхъ перестали убивать и съѣдать,—можетъ считаться уже шагомъ впередъ въ человѣческой культурѣ; только съ помощью подневольнаго труда рабовъ среди людей развивалась трудовая техника, къ которой со временемъ начали привыкать и свободные. Улучшивъ экономическую жизнь народовъ, само рабство понемногу становилось ненужнымъ;

въ сельскомъ хозяйствѣ его замѣнили прикрѣпленіемъ къ землѣ земледѣльца, а затѣмъ и вольнымъ наймомъ.

Въ древней Руси рабство должно было возникнуть одновременно съ торговлей и развивалось до огромныхъ размѣровъ съ распространеніемъ земледѣлія, съ увеличеніемъ числа князей, съ ростомъ высшаго класса. Древній славянинъ, пріобрѣтя рабовъ, челядинцевъ и возложивъ на нихъ черную работу по хозяйству, могъ все свое время отдавать торговымъ предпріятіямъ, надолго уѣзжать изъ дому. Рабовладѣніе и породило высшій богатый классъ; рабы явились первымъ капиталомъ, посредствомъ котораго состоятельные предприниматели выдѣлились изъ массы. Борьба съ постояннымъ наплывомъ кочевниковъ, ссоры между племенами, впослѣдствіи усобицы князей, все это сопровождалось плѣненіемъ и захватомъ людей, обогащеніемъ бояръ, дружинниковъ и торговцевъ. Въ X и XI вв. челядь составляла главный предметъ вывоза изъ Руси. Восточные писатели разсказываютъ, что русскіе купцы свозили массу челяди на приволжскіе рынки въ Булгарахъ и Итилѣ; тутъ они разставляли скамьи и сажали на нихъ самый дорогой товаръ — рабынь. Въ Царьградѣ греки для покупки рабовъ искали по рынкамъ русскихъ купцовъ, привозившихъ челядь. Порабощеніе и экспортъ людей низшаго класса въ XII в.—роковое бѣдствіе Кіевской Руси, которое подточило ея существованіе.

Кромѣ войны и плѣна явились и другіе источники рабства: должникъ, не имѣвшій, чѣмъ расплатиться, отдавался лично и даже со всей семьей въ собственность кредитору; человѣкъ, присужденный судомъ къ платежу штрафа и неимѣющій возможности выплатить, поступалъ въ холопы къ тому, передъ кѣмъ провинился. Если нанявшійся крестьянинъ или рабочій убѣгалъ отъ хозяина, не отработавъ взятыхъ впередъ денегъ, его, поймавъ, отдавали въ холопы. Бояре заселяли холопами обширныя земли и ихъ трудомъ вели все хозяйство. Въ домахъ состоятельныхъ людей холопы исполняли всѣ работы. Какъ вещь, предметъ торговли, холопъ, конечно, не платилъ податей, не давалъ показаній на судѣ, вообще не считался за личность. Со введеніемъ христіанства духовенство какъ и повсюду пыталось смягчить участь рабовъ, покровительствовало освобождавшимся; оно внушало собственникамъ хотя на смертномъ одрѣ отпускать рабовъ на волю, прощать должникамъ. Умирая, богачи кое-кому давали вольныя; но рабовладѣнія никто не считалъ за грѣхъ, и продажа людей просуществовала на Руси, какъ извѣстно, до 19 февраля 1861 года.

Переходную ступень между свободными и холопами занимали полусвободные—закупы. Люди, добровольно нанявшіеся работать, обыкновенно брали у хозяина деньги на годъ впередъ и поступали на этотъ срокъ въ его распоряженіе; хозяинъ закупалъ ихъ. Нанявшіеся люди отчасти считались на время утратившими свои гражданскія права. Къ нимъ можно причислить и смердовъ, которые, разжившись, не могли самостоятельно жить на вольной землѣ и платить дани; они брали ссуду на хозяйство у богатаго землевладѣльца, селились на его землѣ, и отрабатывали ему взятое съ процентами, прокармливая себя и свои семьи. Такой задолжавшій земледѣлецъ становился прикрѣпленнымъ къ землѣ, не могъ уйти, не выплативъ долга, а за попытку бѣжать его отдавали въ холопы.

Собственники земель всегда стремились держать закуповъ на положенiи холоповъ въ такой же зависимости.

IV.

Происхожденiе „Русской Правды". Церковь.

Положенiе свободныхъ и несвободныхъ, имущихъ и неимущихъ классовъ ярко отразилось въ первомъ сводѣ русскихъ судебныхъ обычаевъ. Первые представители православнаго духовенства вмѣстѣ съ богослужебными книгами привезли русскимъ переводы греческихъ церковныхъ законовъ. Духовные, какъ единственныя образованныя лица явились на первое время руководителями свѣтскихъ властей въ устройствѣ новаго христiанскаго общежитiя. Служители церкви получили въ свое вѣдѣнiе не только все, что касалось религiозной стороны общественной жизни, но и тѣсно связанные съ нимъ семейный и нравственный бытъ. Суду духовенства подлежали не только всѣ тѣ, кто жилъ и служилъ въ монастыряхъ и при церквахъ, все населенiе принадлежавшихъ имъ земель и всѣ проступки противъ вѣры, но и всѣ нарушенiя чистоты христiанской семейной жизни, преступленiя противъ нравственности, слова и поступки, наносившiе личную обиду человѣку. Да и въ болѣе позднюю пору духовенство являлось самымъ энергичнымъ помощникомъ свѣтской власти въ управленiи страной. Одновременно съ устройствомъ церквей духовенство начало составлять и уставы, по которымъ устанавливало порядки управленiя и суда въ своемъ вѣдомствѣ; оно руководствовалось при этомъ греческими образцами, приноравливая ихъ къ простому русскому быту. Древнѣйшiй изъ русскихъ уставовъ носилъ названiе „церковнаго устава Владимира Св.", хотя онъ былъ вполнѣ составленъ гораздо позже.

Учредительная дѣятельность духовенства, его первая попытка издать сборникъ правилъ для своего вѣдомства, указала свѣтской власти, какъ необходимо заготовить такой же сборникъ и для мiрского суда. Какъ у всѣхъ народовъ, у славянъ и варяговъ издавна существовали обычаи, по которымъ судились и наказывались проступки, дѣлились имущества и наслѣдства и т. д.: нѣкоторые судебные обычаи записаны въ торговыхъ договорахъ съ греками. Съ распространенiемъ христiанства и начатковъ грамотности, какiе-то русскiе грамотеи нашли нужнымъ составить и записать сборнички обычаевъ для руководства судей: несомнѣнно, что знанiя духовныхъ лицъ ими много помогли: по мнѣнiю нѣкоторыхъ ученыхъ, тутъ работало одно духовенство. Судя по сохранившимся спискамъ сборники были краткiе и пространные; назывались они „Русской Правдой", подобно такимъ же „Правдамъ" другихъ славянскихъ и германскихъ народовъ.

Въ различныхъ спискахъ „Русской Правды" порядокъ записанныхъ статей различный; видно, что въ разныхъ мѣстностяхъ записывали свободно, гдѣ какъ находили нужнымъ. Въ болѣе пространные списки занесены постановленiя Ярослава I-го, его сыновей, внука Владимiра Мономаха и другихъ князей. Только гораздо позже стали приписывать Ярославу составленiе всего свода.

Самый старинный списокъ еще признаетъ древнее право близкихъ родственниковъ мстить убійцѣ родича: но вліяніе христіанства, усиленіе власти князей побудили при сыновьяхъ Ярослава отмѣнять этотъ обычай, и за всѣ преступленія стали налагаться штрафы—„вира“ въ пользу князя и замѣняющихъ его судей, и „головничество“ въ пользу семьи пострадавшаго. Въ тѣ времена судъ не имѣлъ еще ни вполнѣ государственнаго, ни нравственно-исправительнаго характера: преступника карали не столько за злую волю, вредный душевный порывъ, сколько просто возмѣщали съ него убытокъ, который онъ нанесъ другому лицу: князь и его судья помогали людямъ разобраться между собои и за это получали плату. Судъ стоилъ не дешево населенію, такъ какъ кромѣ виръ приходилось содержать „вирника“ съ его обозомъ и свитой. Самый судъ начинался только по жалобѣ пострадавшаго, а безъ почина истца княжьи люди не начинали дѣлъ. Убійцу свободнаго человѣка судъ приговаривалъ къ платежу 40 гривенъ виры князю, а семьѣ убитаго головничества въ ту же сумму. Если убійца скрылся, за него платило все его общество всѣмъ селеніемъ. За убійство боярина, т.-е. княжьяго мужа, взыскивали вдвое, 80 гривенъ виры и 80 — головничества. Это указывало на высокое положеніе этихъ лицъ въ странѣ. Изъ другихъ памятниковъ извѣстно, что священники приравнивались къ нимъ, вира за нихъ 80 гр. За убійство свободной женщины брали половину виры—20 грив.; за рабу вира 6 грив.; тогда какъ за раба—мужчину всего 5 грив., головничество же за нихъ выплачивалось хозяевамъ: въ торговлѣ рабыни цѣнились дороже. За убійство холоповъ въ важныхъ должностяхъ дядьки или кормилицы взыскивали по 12 грив. Меньшія суммы платились за увѣчья и раны; за выдергиваніе бороды, за вышибаніе зуба—12 гр. За оскорбленіе свободнаго ударомъ палкой, чашей, тупой стороной меча—тоже 12 гр. Кто безъ спроса сядетъ на чужого коня,— платитъ три гривны. Такими же штрафами наказывалось воровство скота и вещей, порча пчелиной борти въ лѣсу, снесеніе межевыхъ знаковъ чужой земли. Не упомянута въ „Правдѣ“, но существовала для разбойниковъ и въ особо важныхъ случаяхъ смертная казнь. Духовенство не одобряло судебнаго поединка, не рѣшалось открыто рекомендовать смертныя казни: вѣроятно, потому ихъ и не внесли въ списки „Правды“, хотя и то и другое существовало на практикѣ. Пытки для вынужденія показаній или сознанія тогда еще не были изобрѣтены, а подвергали суду Божію поединкомъ или испытаніемъ огнемъ и водой: если человѣкъ будетъ побѣжденъ, обожжется, станетъ тонуть, значитъ онъ виновенъ,—Богъ обличаетъ его.

„Правда“ много говорила о закупахъ, о холопахъ, ихъ винахъ и отвѣтственности. Мѣстами она заступалась за несвободныхъ: раба, имѣвшая дѣтей отъ господина, выходила съ ними на волю; изувѣченный господиномъ холопъ долженъ отпускаться на волю. Статьями о наслѣдствѣ постановлялось, что послѣ смерти бездѣтныхъ бояръ и дружинниковъ имъ наслѣдовали родные, а послѣ бездѣтнаго смерда его имѣніе шло въ казну князя. Близость къ князю являлась источникомъ политическаго значенія, вліянія на населеніе, и потому давала большія преимущества. При Владимірѣ Мономахѣ возникли статьи о ростѣ, о долговыхъ процентахъ; они показываютъ, что денегъ по рукамъ было тогда немного, а ссужать ими оказывалось дѣломъ рискованнымъ; нуждающіеся могли

занимать только за огромные проценты 100 на 100. Новыя статьи позволяли брать высокій мѣсячный ростъ (до 50%) только при краткосрочномъ займѣ и не болѣе трехъ разъ подъ рядъ. Такова была жадность ростовщиковъ, что княжеская администрація нашла нужнымъ вмѣшаться въ частныя сдѣлки. Изъ немногихъ словъ о землѣ и пашнѣ видно, что земля на Руси уже начала переходить въ частную собственность; частныя пашни и др. угодья отличаютъ отъ вольныхъ и общественныхъ, огораживаютъ ихъ, запрещаютъ прикасаться къ чужой межѣ и изгороди.

Поджогъ гумна и двора объявлялись важнѣйшими проступками противъ собственности: за нихъ наказывалась погромомъ вся община виновнаго.

Вообще же „Русская Правда" вся проникнута интересами собственниковъ: она заботилась прежде всего объ охранѣ капиталовъ, а не о безопасности лицъ: для нея и лицо являлось прежде всего владѣльцемъ, а не человѣкомъ: за всѣ проступки человѣкъ платится капиталомъ и самъ можетъ обратиться въ капиталъ, какъ челядинецъ. На первомъ планѣ въ древнемъ судномъ обычаѣ капиталъ городской, предметы торговли и деньги. О сельскомъ хозяйствѣ еще мало заботъ. Очевидно, торговые города вполнѣ первенствовали въ экономической жизни Кіевской Руси.

Духовенство со всѣмъ населеніемъ церковныхъ и монастырскихъ земель жило особнякомъ, отдѣльнымъ самостоятельнымъ обществомъ, со своими уставами и порядками. У него была своя особая іерархія, свои низшіе и высшіе чины. Положеніе бѣлаго приходскаго духовенства сразу стало рѣзко отличаться отъ высшаго, монашествующаго. Кромѣ большихъ городовъ, приходы были крайне бѣдны, священники и причетъ малограмотны, и по развитію почти не отличались отъ неграмотныхъ прихожанъ. Прихожане, ставившіе церковь, сами и выбирали священника, сами содержали его съ причтомъ, и весьма скудно. Священники съ своей стороны платили дань епископу. Только немногія важнѣйшія церкви получали ругу, ежегодное жалованье отъ князей.

Епископы пользовались большимъ вліяніемъ при князьяхъ и среди горожанъ, и получали прекрасные доходы. Архіерейскимъ домамъ, соборамъ богачи охотно жертвовали деньги, земли и драгоцѣнности. Изъ княжеской казны имъ отпускалась десятина, $^{1}/_{10}$ всѣхъ доходовъ, и кромѣ того пошлины со священниковъ. Митрополитъ, единый глава русской церкви, обладалъ совершенно исключительными богатствами. Богатѣли и монастыри, хотя запиравшіеся въ нихъ иноки и отказывались отъ собственности и благъ земныхъ: но слѣдуетъ помнить, что въ тѣ грубыя времена монастыри все-таки служили центрами духовной жизни, распространителями начатковъ просвѣщенія и книжности. Молитвѣ иноковъ придавали особую силу, и потому вѣрующіе, начиная съ князей, осыпали монастыри пожертвованіями.

Что касается уставовъ церковнаго суда, то въ нихъ встрѣчаются новыя, болѣе сложныя понятія о винѣ и проступкахъ, чѣмъ въ свѣтскомъ сборникѣ. Церковь выдвинула понятіе *о грѣхѣ*, о проступкѣ, не наносящемъ матеріальнаго вреда, но вредномъ нравственно и виновному и другому ближнему: таковы волшебство, чарованье, бранныя обидныя слова, браки близкихъ родственниковъ, самовольное расторженіе брака и т. д.

Въ другихъ подробностяхъ, въ наказаніяхъ, взиманіи виръ много сходнаго со свѣтскимъ судомъ.

Величайшимъ событіемъ въ исторіи древней Руси можно считать введеніе христіанства. Народная языческая вѣра была очень груба и проста; представленія о божествахъ были такъ блѣдны и неопредѣленны, такъ мало говорили народному воображенію, что вѣра заключалась въ сущности въ поклоненіи явленіямъ природы: въ силу этого народъ довольно легко, повидимому, перешелъ къ новой вѣрѣ: открытое и продолжительное сопротивленіе оказали только на сѣверѣ, особенно въ новгородской волости. Но въ силу этой же простоты и неразвитости народа нравственный смыслъ христіанства очень долго оставался непонятнымъ ему. Языческіе обычаи и привычки мирно уживались рядомъ съ христіанскими обрядами. По праздникамъ люди утромъ ходили въ церковь, а вечеромъ справляли чисто языческое игрище въ лѣсу или у рѣки. Цѣлые вѣка въ глухихъ мѣстахъ священники не могли добиться отъ паствы выполненія самыхъ обыкновенныхъ обрядовъ, заставляли вѣнчаться въ церкви брачныя пары, которыя довольствовались для сожитія древними сговорами, напоминали о крещеніи дѣтей и т. д. Живучесть языческихъ повѣрій среди именовавшихся христіанами людей создавала странную смѣсь понятій, которую называли „двоевѣріемъ" и которая стала исчезать только послѣ татарскаго нашествія. Новгородская земля очень медленно становилась христіанской, и ея намѣстники принимали крутыя и жестокія мѣры противъ упорныхъ язычниковъ.

Со введеніемъ христіанства на Руси возникла и письменность. Благодаря трудамъ знаменитыхъ апостоловъ славянъ, грековъ Кирилла и Меѳодія, уже сто лѣтъ, какъ существовала славянская азбука и переводились богослужебныя и др. книги на славянскіе языки, главнымъ образомъ на древне-болгарскій. Первый митрополитъ Кіева и первые священники, пріѣхавшіе изъ Греціи, привезли для богослуженія много славянскихъ книгъ, по языку понятныхъ искренно желавшимъ постичь смыслъ вѣры. Казалось, на Руси могли возникнуть народныя школы и народная литература. Но время было неблагопріятно для русскаго просвѣщенія. Съ половины IX вѣка начались ожесточенные споры грековъ съ представителями латинской церкви. Раздоры усиливались, когда проповѣдники запада и востока встрѣчались въ странѣ новообращеннаго народа; спорили изъ-за поляковъ, чеховъ, болгаръ, какая церковь, латинская или греческая, приметъ ихъ въ свое вѣдѣніе. Чтобы привлечь къ Греціи моравовъ, константинопольскій патріархъ разрѣшилъ Меѳодію и Кириллу вести богослуженіе на народномъ языкѣ. Понемногу такое богослуженіе стало установившимся обычаемъ православной церкви. Несмотря на это, многія славянскія племена все-таки подчинились вліянію западной церкви и приняли латинское богослуженіе, и славянство тоже подѣлилось между двумя соперничествующими церквами. При Ярославлѣ I произошло окончательное раздѣленіе церквей; ихъ представители обвиняли другъ друга въ еретичествѣ и доходили до церковныхъ проклятій. Всѣ писатели заняты были церковными спорами; принимали въ нихъ участіе и славянскіе грамотеи. Въ эти-то годы, когда вражда и разгаръ страстей царили въ просвѣщенномъ мірѣ, Русь приняла православіе, а поляки, чехи, моравы стали католиками.

Первое поколѣніе грамотнаго духовенства на Руси было греческаго происхожденія. Подъ его вліяніемъ русскіе начали враждебно относиться къ народной поэзіи, какъ къ обольщеніямъ языческимъ, къ бѣсовской силѣ. Ихъ учили, что грамота и письменность должны существовать для дѣлъ вѣры и всего, что съ нею связано; а потому записывать народныя былины и пѣсни, считаться съ народнымъ творчествомъ, черпать изъ него вдохновеніе для сочинительства—древніе русскіе грамотеи долго считали грѣхомъ. Громадная масса безграмотнаго люда продолжала увлекаться неотразимой красотой родныхъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ и другихъ богатыряхъ. Въ первыя времена послѣ крещенія народные пѣвцы особенно усердно складывали былины, воспѣвая вмѣстѣ съ ними и ласковаго князя Владиміра стольно-кіевскаго. Грамотеи заперлись отъ міра за монастырскія стѣны и писали мало кому понятныя посланія, которыми обличали ереси латинянъ; наивные русскіе монахи, старѣвшіе безъ школьной науки, и сами врядъ ли ясно понимали богословскія основы того, что говорили со словъ озлобленныхъ грековъ. Такимъ образомъ, умственная жизнь раздвоилась: народъ жилъ и питался своей устной поэзіей, возникшей во времена язычества; грамотеи старались писать ради укрѣпленія вѣры и интересовъ церкви. Только лѣтописи, эти живые разсказы о событіяхъ русской жизни являются яркимъ отраженіемъ народной дѣйствительности и вмѣстѣ дышатъ глубоко-религіознымъ чувствомъ, вдохновлявшимъ старинныхъ книжниковъ. Въ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ древней письменности всѣ историческія событія, жизнь и поступки русскихъ дѣятелей выясняются и освѣщаются съ точки зрѣнія религіознаго міросозерцанія авторовъ.

Что касается школъ, то нужно помнить, что и у грековъ X и XI в. не существовало опредѣленныхъ типовъ учебныхъ заведеній. Но греки издавна, съ дохристіанскихъ временъ привыкли къ просвѣщенію; частнымъ образомъ, въ семьяхъ младшіе учились у старшихъ, способные и увлекавшіеся наукой юноши учились въ кружкахъ ученыхъ. Школьныхъ программъ однако и у грековъ нельзя было заимствовать. Судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, Владиміръ учредилъ въ Кіевѣ какую-то школу для мальчиковъ, вѣроятно, для обученія священнослужителей, необходимыхъ для учрежденія церквей среди новообращеннаго народа. Нѣчто подобное учредилъ Ярославъ въ Новгородѣ. Пришельцы изъ Греціи или выучившіеся тамъ славяне учили юношей и по другимъ городамъ. Св. Ѳеодосій въ Курскѣ учился у кого-то грамматикѣ. Но затѣмъ всякія извѣстія о школахъ прекращаются, какъ будто и тѣ, какія были на Руси, закрылись. Кому нужно было, выучивались грамотѣ, становились служителями церкви, переписывали книги, рѣдко переводили и сочиняли. Священно-служители имѣли дѣло съ однимъ славянскимъ языкомъ, что облегчало ихъ задачу сравнительно съ духовенствомъ западнымъ, которое подолгу училось латыни и имѣло дѣло всегда съ 2-мя языками, если не больше; поэтому русское духовенство не нуждалось въ особой школѣ, довольствуясь начальной грамотой, часто обходились даже безъ письма. Такъ цѣлыми вѣками на Руси не было школъ, пока ихъ не переняли съ латинскаго запада уже въ эпоху московскаго самодержавія. Самыхъ книгъ водилось мало. Весь матеріалъ для нихъ—пергаментъ, перья, трости, тушь привозились издалека; хорошіе переписчики были рѣдки:

книги стоили такъ дорого, что были доступны только монастырямъ, церквамъ и немногимъ частнымъ людямъ.

И все-таки, какъ не двоевѣрна была масса, грубо и безграмотно духовенство и малокультурно русское общество, введеніе христіанства очень много дало русскому народу. Послѣдствія великаго событія, правда, проявлялись постепенно и медленно. Прежде всего измѣнилось политическое положеніе Руси: крещеніе рѣзко отдѣлило Русь отъ Азія и ввело русскихъ въ кругъ европейскихъ народовъ: съ другой стороны общая церковная жизнь, власть единаго высшаго духовенства оказались новой объединяющей силой, которая помогла населенію сплачиваться въ національное цѣлое. Въ духовный міръ личностей заброшено было впервые сѣмя высшихъ идеальныхъ началъ, возвышавшихъ человѣка надъ видимымъ матеріальнымъ міромъ. Эти начала развивались у насъ необычайно медленно, но они все-таки кое гдѣ брезжились.

V.

Княжескій родъ и княжества.

По смерти Ярослава I старшій сынъ его, Изяславъ, сталъ вел. княземъ Кіевскимъ и получилъ Новгородскую область, важнѣйшія земли по великому водному пути отъ Варяжскаго моря въ Грецію. 2-й, Святославъ, получилъ Черниговскую землю, Всеволодъ—Переяславскую, Вячеславъ—Смоленскую, 5-й, Игорь — Волынскую. Послѣ Кіева и Новгорода области цѣнились тѣмъ выше, чѣмъ онѣ были ближе къ Кіеву.—Отдѣльно особнякомъ устраивалась Полоцкая земля, принадлежавшая внуку Владиміра св. и Рогнѣды — Всеславу. Предполагалось, что братья будутъ вполнѣ самостоятельны въ своихъ волостяхъ, а кіевскій князь займетъ почетное положеніе старшаго въ семейномъ совѣтѣ. Въ семьѣ подростали еще племянники: Ростиславъ, сынъ Владиміра Ярославича, умершаго раньше отца, и Глѣбъ Святославичъ. Первому дядья дали далекую Суздальскую землю, второму—Тмутаракань. Затѣмъ умеръ Вячеславъ Смоленскій. Родные братья дружно порѣшили возвысить Игоря волынскаго, перевести его въ Смоленскъ, а Волынь отдать старшему племяннику, Ростиславу. Суздаль остался семьѣ Всеволода Переяславскаго, гдѣ подростали сыновья.

По смерти Игоря начались смуты. Хотя въ князьяхъ въ эту пору проявлялось намѣреніе дружно владѣть землей всѣмъ своимъ родомъ, но сказывались и личныя наклонности, и желаніе не давать постоянно возвышаться и пересаживаться родичамъ. Ростиславъ по стариннымъ понятіямъ былъ *изгой*, князь сирота, осиротѣвшій при жизни дѣда, прежде, чѣмъ его отецъ получилъ вполнѣ опредѣленное положеніе среди родичей; это и сына лишало преимуществъ старшаго внука Ярослава. Обиженный чѣмъ-то, этотъ смѣлый и предпріимчивый князь подобралъ дружину изъ такихъ же недовольныхъ смѣльчаковъ и завладѣлъ Тмутараканью, но погибъ тамъ, и Глѣбъ снова водворился въ этой отдаленной и опасной землѣ. Затѣмъ поднялся еще болѣе смѣлый Всеславъ Полоцкій и пытался завладѣть то Псковомъ, то Новгородомъ. Братья Ярославичи разбили его, обманомъ захватили и, какъ опаснаго для спокойствія земли, заключили

въ тюрьму въ Кіевѣ. Въ эту пору въ степяхъ началось сильное движеніе: изъ Азіи прикочевалъ новый многочисленный народъ,—*половцы* (куманы). Ихъ орды частью истребили, частью оттѣснили печенѣговъ и заняли громадныя пространства степей. Ихъ набѣги оказались опаснѣе печенѣжскихъ и сильно истощали русскій народъ. Особенно тяжела стала жизнь въ Переяславской землѣ и отчасти Черниговской. Сперва Переяславскій князь, затѣмъ всѣ три Ярославича вмѣстѣ пытались оттѣснить половцевъ, но потерпѣли пораженія. Кіевляне собрались на вѣчѣ и потребовали новаго похода на степняковъ, — но Изяславъ отказался вести ихъ. Кіевляне, и прежде не любившіе своего князя, теперь возмутились, освободили узника Всеслава и прозозгласили его своимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, откуда мѣсяцевъ черезъ семь вернулся съ поляками. Зная, что ему не усидѣть въ Кіевѣ, Всеславъ до битвы убѣжалъ въ Полоцкъ. Вел. князь пошелъ за нимъ, лишилъ его этой области и отдалъ ее своему сыну, Святополку. Но Всеславъ былъ даровитъ, умѣлъ привлекать къ себѣ лучшую дружину; онъ отстоялъ себя и завладѣлъ Полоцкомъ.

Между тѣмъ Святославъ Черниговскій проявлялъ замѣчательную энергію въ борьбѣ съ половцами и заслужилъ большое уваженіе кіевлянъ. Видя общее недовольство Изяславомъ, Святославъ сговорился съ Всеволодомъ, и оба брата пошли на Кіевъ. Изяславъ опять бѣжалъ. Кіевляне съ радостью приняли Святослава. Богатый, тратившій большія средства на книги и переписку рукописей, онъ былъ другомъ Ѳеодосія, покровителемъ книжниковъ-монаховъ. Мирный Всеволодъ перешелъ тогда въ Черниговъ, а Переяславль отдалъ своему знаменитому сыну, Владиміру Мономаху. Черезъ 2 года умеръ Святославъ, и тогда только Изяславъ могъ вернуться изъ-за границы.

Старшіе князья умирали, но оставались дѣти, и княжескій родъ быстро разростался. Послѣ Святослава осталось 5 сыновей, которымъ Изяславъ не далъ земель; росли дѣти изгоя Ростислава (въ Тмутаракани), дѣти Игоря Волынскаго. Снова пришлось смирять неугомоннаго Всеслава Полоцкаго. Все это выполнялъ Владиміръ Мономахъ съ наемными половцами, — первый примѣръ княжескаго союза съ этой враждебной ордой. Изяславъ былъ убитъ во время рѣшительной битвы со Святославичами. Всеволодъ, въ свою очередь, сталъ вел. княземъ. Онъ надѣлилъ землями дѣтей Изяслава и своихъ. Но было еще много родичей, которымъ приходилось полагаться на личную доблесть, набирать дружины и пріобрѣтать клочки родной земли и довѣріе ея населенія. Страшнѣе всѣхъ на югѣ были подвиги Олега Святославича. Сами степняки захватили его, свезли въ Царьградъ для заключенія; но онъ бѣжалъ на островъ Родосъ. Хитрѣе дѣйствовали Давидъ Игоревичъ, извѣстный впослѣдствіи интриганъ — и 3 Ростиславича, Рюрикъ, Володарь и Василько. Первый завладѣлъ удѣломъ своего отца—Волынью; вторые водворились въ городахъ Червонной Руси (Галицкое княжество), которые отлично защищали отъ поляковъ и др. западныхъ сосѣдей.

Въ 1093 году умеръ Всеволодъ, человѣкъ слабый, вызвавшій много жалобъ на произволъ и поборы своихъ намѣстниковъ и тіуновъ. Благодаря поддержкѣ Мономаха, великимъ княземъ сдѣлался Святополкъ Изяславичъ, старшій изъ двоюродныхъ братьевъ. Кіевляне не любили

его, какъ и его отца, но терпѣли, и его княженіе было продолжительно. Съ половцами и другими степняками изъ дальнихъ странъ явился Олегъ Святославичъ искать отцовскихъ земель. Онъ захватилъ Муромъ и Суздальскіе города; но его успѣхъ остановилъ другой удалой вождь, Мстиславъ Новгородскій, сынъ Мономаха. Благодаря духовному родству (Олегъ былъ крестнымъ отцемъ Мстислава), послѣдній не рѣшался окончательно разгромить его дружину. Мономахъ лучше всѣхъ князей умѣлъ понимать обстоятельства и считаться съ народными мнѣніями: онъ понялъ, что при постоянной опасности отъ степняковъ, нельзя подвергать страну такимъ внутреннимъ бѣдствіямъ: онъ устроилъ съѣздъ князей въ Любечѣ для родственнаго раздѣла земли. Тутъ Олегу съ братьями отдали Черниговскую землю, Мономахъ перешелъ въ отцовскій Переяславль: за Давидомъ и Ростиславичами закрѣпили Волынь и Галицію. Но личныя свойства князей и ихъ личныя отношенія тотчасъ сказались: не успѣли они разъѣхаться по домамъ, какъ Давидъ съ великимъ княземъ Святополкомъ схватили Василько Галицкаго и ослѣпили его. Мономахъ устроилъ новый съѣздъ,—Давида и Святополка наказали отнятіемъ нѣсколькихъ городовъ; тѣ не мирились, и усобица продолжалась нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ боьба съ половцами шла своимъ чередомъ. Переяславль Мономаха подвергался постояннымъ набѣгамъ и тяжелые годы переживалъ въ немъ князь-герой. Онъ находилъ, однако, время поддерживать свое первенствующее значеніе среди князей, вникать въ общія дѣла, устраивалъ походы союзныхъ княжескихъ дружинъ въ полоцкія степи. По смерти Святополка кіевское вѣче потребовало, чтобы великокняжескій столъ занялъ Мономахъ, обходя старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ, Олега Черниговскаго. Въ Кіевѣ въ эту пору произошелъ большой мятежъ: народная масса возстала противъ правящей знати и старѣйшинъ, избивала богачей и евреевъ. Знатные люди умоляли народнаго любимца ѣхать скорѣе въ городъ и успокоить народъ. Прочіе князья своимъ молчаніемъ подтвердили избраніе. 12 лѣтъ смѣлый и искусный военачальникъ стоялъ главнымъ лицомъ на Руси; тонкій политикъ, Мономахъ зналъ, когда лучше уступать и когда стоять на своемъ. Человѣкъ весьма начитанный, видный писатель своего времени, онъ оставилъ „Поученіе дѣтямъ"— нравоучительное сочиненіе, подобное многимъ, какія писались на западѣ, и не для дѣтей только, а вообще для грамотныхъ людей. Въ немъ Мономахъ оставилъ очень важное для исторіи описаніе жизни и добрыхъ дѣлъ хорошаго князя. Онъ умеръ въ 1125 году. Уваженіе и любовь къ нему кіевскаго населенія, его вліяніе въ другихъ княжествахъ, изъ которыхъ большинство принадлежало членамъ его семьи, были таковы, что его даровитые сыновья Мстиславъ Великій и Ярополкъ по очереди занимали Кіевъ, и даже строптивые черниговскіе князья, старшая линія среди потомковъ Ярослава I, признали ихъ главенство.

Таково было чрезвычайно подвижное и неопредѣленное правительство изъ нѣсколькихъ десятковъ князей, часто перемѣщавшихся изъ волости въ волость. Князья считали себя призванными княжить во всемъ пространствѣ русской земли. Народъ отъ души признавалъ за ними это право [1]). Князья хотѣли придерживаться старшинства въ наслѣдованіи

[1]) Только разъ, именно въ Галиціи, боярину удалось нѣсколько мѣсяцевъ править

областей, но очень часто это имъ не удавалось, такъ какъ большое значеніе имѣли, съ одной стороны, личныя свойства князей, съ другой добрая воля, расчеты, расположеніе, побуждавшіе областное населеніе признать того или иного княземъ. Вообще о правительственныхъ порядкахъ тогда не думали: жизнь складывалась изо дня въ день, по хозяйственнымъ потребностямъ населенія, подъ грозой азіатскихъ кочевниковъ, отъ которыхъ могъ защитить только князь-вождь со своей дружиной, по временнымъ условіямъ и договорамъ. Какъ только Изяславъ отказался вести кіевлянъ на половцевъ, они прогнали его и взяли въ князья Всеслава Полоцкаго. Это было время еще богатырское. Судьба князя зависѣла отъ его доблестей. Повсюду находилось много людей, готовыхъ поступить въ удалыя дружины и поддерживать предпріимчиваго князя: набѣги обогащали воина: военная служба могла возвысить людина до боярина. Но постоянная дружина у князя бывала немногочисленна. Для большихъ походовъ, по старинному обычаю всѣхъ народовъ, нанимали сосѣдей,—половцевъ, торковъ, поляковъ, венгровъ. Доблестью и умѣньемъ набирать и содержать дружину князь обиженный сирота, всегда могъ возстановить свои княжескія права и добыть себѣ волость. Бояре и дружина служили лично по выбору и уговору тому или другому князю и были свободнѣйшими изъ свободныхъ въ русской землѣ: разъ пріобрѣтенныя имущества и земли всегда оставались за ними, кому бы и куда бы они ни шли служить. Но среди этихъ свободныхъ уже сказывались стремленія укрѣплять свое экономическое положеніе, постоянно улучшать свое хозяйство: поэтому мѣстами, гдѣ легче было обогатиться, бояре прочно поселялись въ области, обращались въ мѣстныхъ богачей и уже не переѣзжали съ князьями. Въ богатой Галиціи и въ торговомъ Новгородѣ рано появились мѣстные бояре, которые очень ограничивали власть и значеніе князей.

Огромное вліяніе на народную жизнь того времени имѣли вѣча большихъ городовъ. Горожане руководили промышленной жизнью всей области; требовали послушанія отъ младшихъ городовъ, гдѣ приходилось скрываться, если непріятели грозили главному городу. Областные города имѣли свой особый денежный счетъ могли чеканить свою монету. Во время усобицъ, когда князья подолгу не бывали въ областяхъ, изгонялись и смѣнялись, вѣча дѣйствовали вполнѣ самостоятельно. Пользуясь обиліемъ князей, городскія вѣча старались пріобрѣсти и оставить у себя того, кто былъ доблестнѣе, ставили ему условія, какихъ онъ долженъ былъ придерживаться, владѣя княжествомъ. Принимая условія, князь присягалъ: цѣлуя крестъ, горожане, съ своей стороны, присягали князю; и всѣ эти договоры были временные, личные, часто случайные: они часто заключались изъ осторожности, при видѣ большой дружины у князя, изъ боязни половецкаго набѣга и такъ далѣе. Держаться насильно среди враждебнаго населенія нелюбимому князю было очень трудно, безъ внѣшнихъ союзниковъ даже невозможно. При немногочисленности обычной дружины князья часто нуждались въ мѣстномъ ополченіи, а вѣче могло отказать въ сборѣ воиновъ. Если князь, отъ котораго жители хотѣли

съ властью князя, да въ Болховской землѣ за Днѣпромъ существовалъ княжескій родъ неизвѣстнаго происхожденія.

избавиться, не уходилъ добромъ, они могли открыть городскія ворота другому искателю княжества и доходовъ.

Несмотря на такое необезпеченное положеніе князей и слабость ихъ власти, въ Западной Европѣ ихъ признавали за истинныхъ правителей, уважали въ нихъ царственный родъ: съ ними сносились и сосѣди, и государи далекаго запада, заключали съ ними брачные союзы, какъ при Ярославѣ I. Мономахъ былъ женатъ на англійской принцессѣ, а дочь его была замужемъ за греческимъ царевичемъ: женою его сына была германская принцесса. Вообще, при всемъ превосходствѣ культуры западной Европы, вѣчевая Русь со своимъ неопредѣленнымъ правительствомъ не такъ рѣзко отличалась отъ нея, какъ это было позже при московскихъ государяхъ, когда русскіе стали крайне нетерпимы къ людямъ другой вѣры и намѣренно чуждались иностранцевъ. На западѣ въ XI, XII, XIII вѣкахъ тоже еще не опредѣлились государственные порядки,—знатные землевладѣльцы, дворянство и городскія общества жили довольно независимо отъ государей.

Обиліе князей не ослабляло увѣренности русскихъ, что волости только части единой нераздѣльной Руси. Отъ XII вѣка до насъ дошла замѣчательная героическая поэма „Слово о полку Игоревѣ“: авторъ ея, повидимому, дружинникъ черниговскихъ князей, постоянно горюетъ о бѣдствіяхъ „русской“ земли: онъ любитъ своего героя, князя Игоря Сѣверскаго, но горячо восхваляетъ могущество и доблести Всеволода Владимірскаго и Ярослава Галицкаго, хотя послѣдній былъ соперникомъ черниговскихъ князей. Очевидно, для него всѣ князья одинаково представители земли русской. Участвуя въ колонизаціонномъ движеніи народа, помогая ему закрѣплять за собою еще пустынныя мѣста, князья еще содѣйствовали объединенію восточной равнины за русскими. Бѣдные дальніе города, Муромъ, Суздаль, отдавались младшимъ молоденькимъ князьямъ. Уѣзжая на новыя мѣста, они стремились поддержать свое достоинство и проявить полезную дѣятельность. Изъ отцовскаго города князекъ увозилъ съ собой мастера строителя (архитектора) для постройки храмовъ, грамотныхъ монаховъ, опытнаго боярина изъ старой отцовской дружины: монахи забирали запасы книгъ, необходимыхъ для будущей епископіи, будущаго монастыря, переписчиковъ для заготовленія новыхъ рукописей.

Князь являлся чѣмъ-то вродѣ просвѣтителя глухихъ мѣстностей. Городокъ его укрѣплялся, украшался храмами. Бояре завладѣвали землями, старались заселить ихъ, и вводили лучшую обработку. Вокругъ укрѣпленнаго мѣста спокойнѣе селились переселенцы, и край оживлялся. Личная жизнь князей бывала очень проста. Около князя собирался придворный штатъ, но не для почета: у придворныхъ всегда много было дѣла среди княжескаго хозяйства, обширнаго, потому что князь на свой счетъ содержалъ дружину, и ея обиліе соотвѣтствовало его щедрости. Государственной казны въ то время не было: и семейные, и правительственные расходы князя шли изъ того же его личнаго имущества. Одинъ и тотъ же человѣкъ бывалъ и слугой князя, и завѣдывалъ какимъ-нибудь отдѣломъ управленія. Конечно, населеніе платило дани князю, содержало его намѣстниковъ и судей: но и, лишась княжества, князь все-таки содержалъ дружину, чтобы добыть другую землю. Дружина и населеніе не одобряли князей, которые сберегали имущество лично для себя, жили

съ семьею роскошно. Дружинники видѣли въ проживаемомъ свою долю, а населеніе не желало тратиться на княжескую роскошь. Въ княжескія хоромы, нерѣдко мало чѣмъ отличавшіяся отъ боярскихъ, имѣлъ право входить всякій, кому было дѣло до князя, и хорошій князь долженъ былъ обходиться со всякимъ ласково, отнюдь не холодно и не горделиво.

Князья не долго сохраняли порядокъ старшинства при наслѣдованіи княжествъ. Воля вѣча дѣлала великимъ княземъ и не старшаго въ родѣ. Да среди множества князей трудно становилось опредѣлить старшинство; являлись изгои—сироты, которые силой заставляли выдѣлять себѣ области; получивъ княжество, они сироты, лишенные отечества, уже лишались права на великое княженіе и не переѣзжали въ другую область,—она оставалась навсегда за ихъ потомствомъ. Нѣкоторые князья-отцы считали опаснымъ уходить въ другую область, чтобы среди усобицы и совсѣмъ не лишиться земель. Они раздавали у себя мелкіе города дѣтямъ и внукамъ, заботились о своей волости и успокаивались въ ней. Князья, особенно хлопотливо заселявшіе новыя пустынныя земли, часто неохотно разставались съ трудами рукъ своихъ. Да и сами общества мѣстныхъ жителей видимо готовы были сживаться съ одной постоянной княжеской семьей. Такъ, при сыновьяхъ и внукахъ Мономаха отдѣльныя княжескія вѣтви прочно усѣлись въ областяхъ, и Русь разбилась на обособленные волости — княжества; въ каждомъ былъ свой старшій князь, котораго начали называть великимъ въ отличіе отъ младшихъ. Каждое княжество постоянно дробилось все на меньшія и меньшія владѣнія между членами княжеской вѣтви.

Даже раздѣляя между собой волости, княжескій родъ все-таки этимъ же самымъ связывалъ части владѣній, втягивая жителей въ свои интересы, свои счеты старшинствомъ, въ свои предпріятія, тревожа своими усобицами; каждое передвиженіе князя возбуждало оживленныя сношенія между двумя-тремя волостями. Самая дружина, у отдѣльнаго князя часто немногочисленная, взятая въ цѣломъ, во всемъ составѣ лицъ, служившихъ всѣмъ Рюриковичамъ, образовала многочисленный высшій классъ, преслѣдовавшій повсюду одинаковые интересы; тѣсно связанный съ судьбами князей, очень подвижный, этотъ классъ являлся сильнымъ связующимъ элементомъ среди населенія древней Руси. А главное — населеніе сближали географическія особенности восточной равнины, огромные общіе бассейны рѣкъ, общіе разбросанныя торговыя дороги, которые ставили жителей отдаленныхъ мѣстъ въ зависимость другъ отъ друга, побуждали сближаться поневолѣ, даже среди борьбы и ссоръ.

Вообще общественный строй Кіевской Руси имѣлъ аристократическій характеръ. Князья и дружина создавали общую политическую жизнь; представителями и руководителями мѣстной жизни служили вѣча торговыхъ городовъ, гдѣ первенствовали богатые люди. Низшій классъ и сельскій людъ зависѣли отъ тѣхъ и другихъ властныхъ силъ и мучительно переживали усобицы, а по общему расчету таковыхъ приходилось по одной на каждые два года. Во время набѣга дружинники старались захватить побольше плѣнныхъ, обращаемыхъ въ рабовъ, въ „челядь“—дорогой товаръ въ торговлѣ и рабочія руки въ хозяйствѣ. Самъ знаменитый Мономахъ какъ бы хвалится въ „Поученіи“, какъ онъ разорилъ волость Минскую, не оставивъ тамъ „ни челядина, ни скотины“. Во время войны суздальскаго князя съ Новгородомъ, новгородцы плѣнныхъ суздальцевъ

продавали дешевле полтины за человѣка, такая масса плѣнниковъ скопилась въ городѣ. Иные князья, забравъ массы плѣнныхъ, уводили ихъ, какъ скотъ, въ свои области, гдѣ заселяли ими пустыя земли.

Набѣги степняковъ и насилія множества князей разоряли мирное населеніе, особенно на югѣ вокругъ Кіева. Въ XII в. благосостояніе населенія благодатнаго юга, даже городского замѣтно упало: торговое движеніе, стѣсняемое кочевниками, сокращалось; деньги становились все дороже и дороже. Населеніе стало понемногу исчезать изъ южныхъ областей, подвергавшихся постояннымъ набѣгамъ, перебираться на болѣе спокойный сѣверъ, несмотря на его суровую бѣдную природу: отчасти уходило оно и на западъ къ Польшѣ и Литвѣ, подальше отъ опасныхъ степей.

Въ XII вѣкѣ, незадолго до появленія татаръ на Руси образовалось нѣсколько крупныхъ областей, созданныхъ интересами торговыхъ городовъ и князей.

Полоцкое княжество выдѣлилось ранѣе другихъ. Песчаная почва мѣстности не располагала къ развитію земледѣлія: жители кромѣ земли занимались лѣсными промыслами, пчеловодствомъ, участіемъ въ транзитной торговлѣ, пути которой проходили съ востока къ Балтійскому морю. Многочисленные потомки Изяслава Владиміровича (ум. 1001) раздробили ее на множество бѣдныхъ удѣловъ. Походами на сосѣднихъ язычниковъ, литовцевъ и ливовъ (финское племя) князья добывали себѣ дани на прокормъ, затѣмъ утвердились на нижнемъ теченіи Западной Двины, основали здѣсь городки и владѣнія для младшихъ членовъ семьи. Но князья, полоцкое духовенство и населеніе по своей некультурности не заботились объ обращеніи язычниковъ въ православіе. Плохіе земледѣльцы, полочане плохо колонизировали песчаную почву прибалтійскихъ земель и не имѣли своихъ товаровъ для развитія морской торговли. Поэтому появленіе нѣмцевъ-торговцевъ на Балтійскихъ берегахъ быстро оттѣснило русскихъ отъ западнаго моря.

Чернигово - Сѣверское княжество обособилось послѣ Любечскаго съѣзда князей, когда его отдали сыновьямъ Святослава Ярославича (ум. 1706). При послѣднемъ оно было обширно, захватывая земли Вятичей, колонизуя пустынныя пространства за Окой. Князья его славились воинственностью и упорствомъ въ борьбѣ со степняками. Разъ уступивъ Кіевъ Мономаху и двумъ его сыновьямъ, потомки Олега Святославича только военной силой пріобрѣтали великое княженіе, хотя ихъ линія была старше Мономаховичей. Военныя опасности, подвижность населенія, часто переселявшагося, личныя свойства князей не дали развиться въ немъ сильнымъ мѣстнымъ вѣчевымъ порядкамъ. Край былъ поприщемъ дружинокняжескихъ подвиговъ, вродѣ тѣхъ, которые воспѣты „Словомъ о полку Игоревѣ". Разбившись на мелкія владѣнія, Черниговская область очень пострадала отъ татарскаго нашествія и лишилась самостоятельнаго значенія.

Послѣ смерти Мономаха сѣверо-восточная часть Черниговской области выдѣлилась въ особое *Муромо-Рязанское* княжество, колонизованное въ значительной степени вятичами. Оно занимало земли по Окѣ отъ Осетра и устья Москвы рѣки до Цны и Мокши на востокѣ, до верховьевъ Дона и Воронежа на югѣ. Незначительное по торговлѣ, оно было полно укрѣпленныхъ городковъ, разбившихся между удѣльными князьями: почти

оторванное отъ болѣе культурной жизни западныхъ княжествъ, отъ Кіева, гдѣ его князья не имѣли значенія, оно было важно, какъ военный оплотъ Сѣверо-восточной Руси и русскій центръ для дальнѣйшей колонизаціи востока. Рязанцы стойко выдержали татарскій погромъ и послѣ этого еще долго соперничали съ московскими князьями.

Галицкое княжество возникло тоже во время съѣздовъ князей въ землѣ прикарпатскихъ бѣлохорватовъ и дулѣбовъ и захватило славные богатствомъ Червенскіе города (отъ главнаго „Червня"). По климату, почвѣ, близости къ культурному германскому западу это была лучшая область среди владѣній восточныхъ славянъ; по составу населенія и по складу жизни она приближалась скорѣе къ землямъ западныхъ славянъ, чѣмъ къ восточнымъ. Богатые города сразу дали особое направленіе мѣстной жизни: они выдвинули богатый классъ, дорожившій военной защитой и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживавшій оживленныя сношенія съ сосѣдями. Княжество укрѣпилось за изгоями, правнуками Ярослава I, Василькомъ и Володаремъ. Явившаяся съ ними старшая дружина быстро втянулась въ жизнь сравнительно богатаго края, обзавелась землей, сошлась съ мѣстными богачами и обратилась въ классъ мѣстныхъ бояръ. Родъ Володаря былъ очень немногочисленъ; область не дробилась и бояре занимали всѣ мѣстныя должности, считаясь только съ однимъ княземъ и оказывая огромное вліяніе на его политическую дѣятельность. Сила бояръ и городскихъ богачей быстро подавила голосъ древняго общенароднаго вѣча, и жизнь приняла болѣе аристократическій складъ, чѣмъ въ восточныхъ областяхъ. Тутъ сказывалось и вліяніе Польши, Венгріи и Германіи, гдѣ знатные землевладѣльцы первенствовали въ правительствѣ. Во второй половинѣ XII вѣка галицкіе князья получили большое вліяніе на югѣ Руси, соперничали съ кіевскими и, своимъ союзомъ съ далекимъ Суздалемъ помогли его князьямъ властвовать въ Кіевѣ. Таковъ былъ Ярославъ Осмосмыслъ. Вскорѣ послѣ него родъ галицкихъ князей прекратился и Галицію занялъ потомокъ Мономаха, Романъ волынскій, энергичный борецъ противъ Литвы и Польши. Малолѣтство его дѣтей вызвало большія смуты. Даніилъ Романовичъ жилъ съ матерью въ Польшѣ, потомъ Венгріи. Боярство склонялось то на сторону венгерскаго принца, то принимало русскихъ князей; бояре стремились самостоятельно избирать себѣ князей, какъ это скоро установилось въ Польшѣ. Одно время Галиціей и Волынью правилъ сѣверный герой Мстиславъ Удалой, князь Торопецкій. Долго съ трудомъ, то съ помощью нѣкоторыхъ польскихъ князей, то Мстислава, дѣти Романа Даніилъ и Василько овладѣли обѣими областями. При Даніилѣ произошло нашествіе Батыя.

Владиміро-Волынское княжество не имѣло самостоятельнаго значенія; въ немъ укрѣпилось потомство старшаго сына Мономаха. При князѣ Романѣ, прославившемся борьбой съ литовцами, судьбы Волыни и Галиціи смѣшиваются.

Смоленское княжество на верховьяхъ Днѣпра окончательно обособилось при внукѣ Мономаха, Ростиславѣ Мстиславичѣ. Въ политическихъ дѣлахъ онъ подчинялся своему отцу, кіевскому князю, но зато онъ заботливо и самостоятельно устраивалъ внутреннюю жизнь своей области. Онъ намѣренно усиливалъ значеніе вѣча, старался даже придать ему правильныя формы, привлечь представителей сельскаго населенія. Онъ

же устроилъ епископію въ Смоленскѣ, очень заботился о книжномъ просвѣщеніи, перепискѣ и распространеніи книгъ. Послѣ него княжество сильно раздробилось на удѣлы: князья часто вмѣшивались въ дѣла другихъ земель, особенно сосѣдняго Новгорода: многіе отличались военными доблестями. Слава о сынѣ и внукѣ Ростислава, Мстиславѣ Храбромъ и Мстиславѣ Удаломъ, гремѣла повсюду. Оба были защитниками старыхъ порядковъ на Руси, вѣча, свободы дружинниковъ и личныхъ правъ князей-богатырей.

Къ тому времени, когда области стали обособляться въ отдѣльныя княжества съ собственными вѣтвями князей Рюковичей, положеніе *Кіевской* земли значительно измѣнилось. Кіевъ являлся долгое время средоточіемъ политической и экономической дѣятельности варяжскихъ князей. Кіевъ первый развилъ торговыя сношенія съ Греціей, востокомъ и западомъ; благодаря его положенію въ центрѣ воднаго варяжскаго пути, вокругъ него сосредоточились главныя нити торговли другихъ областей: все приливало сюда, къ центру экономической жизни страны. Въ Кіевѣ скоплялись богатства; въ немъ зарождалась образованность; отсюда распространялось христіанство. Народъ признавалъ его національной столицей, воспѣвалъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ. Князь, завладѣвшій Кіевомъ или приглашенный его вѣчемъ, становился великимъ княземъ даже тогда, когда младшіе князья другихъ областей уже не считались съ нимъ непосредственно, не платили ему дани.

При Ярославѣ I рядъ городковъ, построенныхъ для защиты Кіевской земли отъ кочевниковъ, образовалъ по р.р. Трубежѣ и Сулѣ особую область, *Переяславскую*, которой владѣли Мономаховичи. Здѣсь населеніе выдерживало особенно тяжелую борьбу со степняками: съ напоромъ новыхъ ордъ, эта область быстро уменьшалась, ея населеніе рѣдѣло и къ началу XIII в. это княжество какъ-то стушевывается. Черные клобуки со своими ханами поселились на южной половинѣ Кіевской земли, и кіевлянамъ пришлось примириться съ ними, какъ съ необходимой пограничной стражей, которая вмѣшивалась въ жизнь областей, то поддерживая князей, то измѣняя имъ. Далекая Тмутаракань скоро погибла для Руси: кочевники захватили ее, и ея русское населеніе разсѣялось.

Торговые пути къ Черноморью и Каспію одинъ за другимъ оказывались въ рукахъ кочевниковъ; торговое движеніе стало обходить Кіевъ: утративъ экономическое значеніе, онъ лишался и политическаго вліянія. Въ немъ не могло быть особой утвердившейся вѣтви князей: изъ за него страстно боролись представители другихъ княжествъ. Но съ конца XII в. князья охладѣвали къ Кіеву. Мѣстныя силы, которыя прежде при Владимірѣ и Ярославѣ приливали къ Кіеву, теперь сосредоточивались по роднымъ мѣстамъ. Лучшіе бояре и дружинники уже не стремились въ Кіевъ, какъ прежде. Своего боярства въ богатомъ городѣ не развилось, такъ какъ пріѣзжавшіе съ княземъ бояре всегда и во всемъ первенствовали. Когда князь, стремившійся завладѣть Кіевомъ, удачно заключалъ союзъ съ другими князьями, приводилъ половцевъ или торковъ, то кіевляне умоляли своего князя не губить ихъ, уступить силѣ и уйти: они, уступая, терпѣли нелюбимаго князя, и только по смерти его или внезапномъ уходѣ, мстили, разоряя хоромы его и его бояръ. Съ 1169 года, когда великій князь Андрей Суздальскій со своими союзниками

взялъ его приступомъ, какъ непріятельскій городъ, Кіевъ утратилъ свое значеніе: съ тѣхъ поръ въ немъ сидѣли второстепенные князья, а первенствовали надъ ними князья суздальскіе на сѣверѣ и галицкіе на югѣ Руси.

Итакъ, народныя силы стали отливать отъ былого центра. Области, куда эти силы отливали, начали крѣпнуть и развиваться на иныхъ началахъ, чѣмъ жила старая южная Русь; Галицкая Русь, какъ уже указано, подвергалась вліянію Польши и др. западныхъ сосѣдей; въ Суздальскомъ княжествѣ на сѣверѣ зарождались новые хозяйственные и политическіе порядки: только въ сѣверо-западномъ углу восточной равнины въ области Великаго Новгорода еще долго сохранялись старые обычаи,— правилъ землей торговый городъ, вѣчемъ руководили мѣстные бояре и торговцы: низшій классъ и землѣдѣльцы состояли въ полной экономической зависимости у высшихъ. Расцвѣтъ Новгорода относится къ болѣе позднему времени, послѣ нашествія татаръ, поэтому удобнѣе заключить бѣглый обзоръ областей очеркомъ возникновенія Суздальскаго княжества.

VI.

Суздальско-Ростовская область.

Со второй половины XII в. быстро и своеобразно усиливается Суздальское княжество. Оно образовалось по нижнему теченію Оки, ея притокамъ Москвѣ, Клязьмѣ и по верхней Волгѣ до Бѣлоозера. Еще до появленія славянъ здѣсь были разбросаны очень рѣдкія поселенія *финновъ* (Веси и Мери). Древніе латинскіе и германскіе писатели называютъ финновъ самымъ бѣднымъ и дикимъ племенемъ сѣвера Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно кроткимъ и миролюбивымъ; разбросанные среди лѣсной глуши, эти пасынки природы не имѣли, говорятъ, даже оружія и никакихъ признаковъ гражданскаго быта. Смиреніемъ, забитостью и объясняется исчезновеніе финновъ съ появленіемъ русскихъ: они безслѣдно слились съ болѣе сильными колонизаторами края; и только множество названій рѣкъ, озеръ, разныхъ урочищъ, да нѣкоторыя особенности произношенія въ велокороссійскомъ нарѣчіи напоминаютъ, что въ нынѣшней центральной Россіи жили какіе-то инородцы; Москва, Протва, Кострома, Скнига, Нерль и др. финскія слова и имѣютъ свое значеніе.

Новгородцы явились первыми колонистами пустыннаго края; ихъ торговыя поселенія оказались здѣсь первыми городами: самымъ древнимъ, повидимому, былъ Ростовъ, а за нимъ возникъ Суздаль. За новгородцами показались между Окой и Волгой вятичи, и только гораздо позже двинулись сюда переселенцы съ юга. Новгородцы знали въ этой землѣ торговые пути—болѣе важный съ запада на востокъ къ булгарамъ, и болѣе глухой съ юга на сѣверъ. Еще Рюрикъ оцѣнилъ значеніе этой мѣстности и держалъ въ ней намѣстника. Но не легко было до нея добраться: прямой дороги отъ Кіева долго не существовало. По Окѣ стояли дремучіе лѣса, въ которыхъ если и живали люди, то колонисты весьма опасныхъ наклонностей: былина про Илью Муромца разсказываетъ, какъ богатырь нарочно поѣхалъ дорогой прямоѣзжею, чтобы избавить ее отъ злодѣя, Соловья-разбойника.

Первые суздальскіе князья со своими дружинами странствовали въ объѣздъ на смоленскія и новгородскія земли и оттуда сворачивали къ Ростову. Какъ глухая окраина, Ростовско-Суздальская земля давалась въ придачу къ южному Переяславлю. Младшій изъ многочисленнаго потомства Мономаха, Юрій Владимировичъ Долгорукій, первый получилъ ее какъ особую, самостоятельную волость: онъ и положилъ начало вѣтви Суздальскихъ князей.

Тогда здѣсь находились только два города, давшіе имя краю, два торговыхъ центра, съ вѣчевыми собраніями, со своей городской аристократіей, со всѣми обычаями старой торговой Руси: прочія поселенія были ничтожны. Юрій тотчасъ принялся за заселеніе края: онъ отстроилъ нѣсколько новыхъ городковъ со славянскими южными именами (Юрьевъ, Звенигородъ и др.), пробилъ прямой путь къ Кіеву, и страна стала быстро заселяться. Набѣги кочевниковъ на Переяславльскую и Черниговскую земли, усобицы, необезпеченность земледѣльческаго труда на югѣ, наконецъ, постоянная опасность попасть въ плѣнъ, въ рабство, висѣвшая надъ каждой личностью побуждали южнорусское населеніе уходить на суровый, лѣсистый сѣверъ. Тамъ князь и его дружина въ интересахъ области устраивали переселенцевъ. Рѣдкое и слабое финское населеніе скоро слилось съ русскими въ одну нѣсколько отличную отъ древняго славянства „великороссійскую“ народность.

Какъ во всѣхъ областяхъ, старые вѣчевые города Ростовъ и Суздаль руководили жизнью края: но онъ былъ слишкомъ пустъ до укрѣпленія княжеской линіи, чтобы ихъ вліяніе могло развиться крѣпко и широко. Вѣчевыя собранія обоихъ городовъ, важныя для ихъ экономической жизни, далеко не имѣли силы и значенія такихъ же собраній въ Кіевѣ и Смоленскѣ. Здѣсь не существовало такихъ крупныхъ капиталистовъ, какъ на югѣ и въ Новгородѣ. Большинство населенія колонизировало край уже при князьяхъ, подъ защитой построенныхъ ими городковъ, уже независимыхъ отъ старыхъ новгородскихъ колоній, Ростова и Суздаля. Старые хозяева недружелюбно смотрѣли на поселенцевъ княжескихъ временъ, и вражда между ними вспыхнула при первой княжеской усобицѣ.

Главная же масса населенія, далекая отъ городовъ и вѣчевыхъ порядковъ, была поглощена здѣсь тяжелымъ сельскимъ трудомъ. Что бы завести пашни, поселенцамъ приходилось вырубать лѣса, корчевать пни. Люди долго работали сперва топоромъ, а потомъ уже сохой. Здѣсь не было мѣста для раскинутыхъ южныхъ селеній изъ множества дворовъ. Селились крошечными поселками въ 1, 2, 3 двора, разобщенными, отрѣзанными другъ отъ друга широкими полосами лѣсной глуши. Въ такихъ глухихъ поселкахъ люди привыкали къ замкнутой жизни въ одиночку, приклѣплялись къ заботамъ о своихъ личныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, а князь являлся для такого населенія болѣе важной и значительной властью, чѣмъ на югѣ. Отсутствіе окрѣпшаго единаго общественнаго союза давало ему право и поводъ вмѣшиваться во всѣ стороны быта жителей и руководить ими. Къ личнымъ свойствамъ князя здѣсь строго не присматривались. Здѣсь не испытывали постоянной военной тревоги, не подвергались стремительнымъ набѣгамъ конныхъ ордъ: земля была въ сторонѣ отъ болѣе богатыхъ южныхъ и западныхъ областей, гдѣ скоплялись князья, соперничая другъ съ другомъ; поэтому на лѣсномъ

сѣверѣ отъ князей не требовали великихъ доблестей, живости, стремительности и вмѣстѣ гибкости въ обращеніи съ самостоятельными мѣстными обществами.

Нелюбимый на югѣ, Юрій Долгорукій умѣлъ быть полезнымъ у себя на сѣверѣ: а сынъ его, Андрей Боголюбскій, сильная, оригинальная личность, выступилъ въ исторіи своего времени скорѣе носителемъ верховной власти, чѣмъ представителемъ обычнаго типа князя дружинника. Въ своей дѣятельности онъ точно позабывалъ, какъ считаются съ голосомъ народнаго вѣча. Не касаясь положенія старыхъ городовъ своего края, онъ подрывалъ ихъ вліяніе заботами о новыхъ городахъ. Вопреки обычаю князей сосредоточивать администрацію въ старшемъ городѣ области, Андрей поступилъ по личному расположенію и сдѣлалъ своей столицей Владиміръ на Клязьмѣ: незначительный городокъ скоро украсился соборами, новыми зданіями, заселился торговыми людьми и ремесленниками на зависть Ростову и Суздалю. Вновь заселенныя мѣста и новая столица, не имѣвшія еще твердыхъ общественныхъ связей покорялись своеволію князя: сыграло здѣсь роль и соперничество между старымъ и новымъ населеніемъ.

Еще смѣлѣе было другое новшество Андрея: онъ отстранилъ отъ себя бояръ, пересталъ совѣтоваться съ ними, полагаясь на свою личную энергію и прозорливость.

Увѣренный въ своей власти, Андрей нашелъ удобнымъ и пріятнымъ жить совсѣмъ особнякомъ отъ бояръ и дружины въ селѣ Боголюбовѣ; здѣсь онъ окружилъ себя излюбленными слугами и вкравшимися въ его довѣріе инородцами изъ плѣнныхъ и холопей.

Всѣмъ этимъ новый носитель власти какъ бы выдѣлялъ свою дѣятельность изъ общаго теченія, поднималъ ее надъ народною жизнью. Всѣмъ, начиная съ родныхъ, Андрей давалъ чувствовать, что онъ не князь, отецъ и братъ, а верховный повелитель. По праву сильнаго, Андрей прогналъ изъ княжества братьевъ и племянниковъ: изгнанники не нашли заступниковъ на югѣ и были вынуждены скрываться въ Греціи. Князь колонизаторъ и устроитель земли намѣревался смотрѣть на нее, какъ на свою собственность, свою отчину, и призналъ за собой право дѣлиться или не дѣлиться властью, смотря по желанію.

Юрій и Андрей искусно пользовались постоянными распрями южныхъ князей, ихъ многочисленностью и разнообразными интересами областей.

Юрій долго боролся сперва со старшимъ братомъ, затѣмъ съ племянникомъ; съ помощью удачныхъ союзовъ, содѣйствіемъ князей изгнанниковъ, которыхъ держалъ на службѣ, онъ добился Кіева и умеръ великимъ княземъ. Но кіевляне такъ ненавидѣли его и суздальскихъ бояръ, что едва онъ скончался, немедленно разграбили его великолѣпныя хоромы на Днѣпрѣ и перебили всѣхъ его суздальцевъ.

Гораздо рѣшительнѣй и своеобразнѣй поступалъ Андрей. Послѣ долгой борьбы изъ за Кіева со старшимъ двоюроднымъ братомъ и его сторонниками, Андрей двинулъ противъ племянника Мстислава, огромную рать изъ дружинъ 11-ти союзныхъ князей. Не смотря на способности и смѣлость защитниковъ, Кіевъ былъ уже слишкомъ слабъ, чтобы сопротивляться сѣверянамъ: въ 1169 г. его взяли приступомъ, какъ чу-

жой непріятельскій городъ: по данному втайнѣ позволенію, воины три дня грабили столицу Руси. Но какъ столица, Кіевъ не имѣлъ значенія для Андрея, которому нужно было только званіе великаго князя. Онъ посадилъ въ Кіевѣ своего младшаго брата, а самъ уѣхалъ домой на сѣверъ. Ему всегда претила шумная общественная жизнь юга, требовавшая отъ князя уваженія и ласковости къ людямъ.

Съ тѣхъ поръ Кіевъ потерялъ значеніе стольнаго города, и великими князьями изъ рода въ родъ становились князья Владиміро-Суздальскіе. Позже Андрей отдалъ его сыновьямъ Ростислава Смоленскаго. Самый выдающійся изъ нихъ, Мстиславъ Храбрый, чѣмъ-то прогнѣвилъ мрачнаго сѣвернаго владыку, Андрей приказалъ братьямъ исчезнуть изъ русской земли. Пылкій Мстиславъ далъ рѣшительный отпоръ: онъ обрилъ голову послу, который рѣшился передать слова, неприличныя между равными, и приказалъ сказать Андрею, что князья — братья ему, а не подручники. Андрей послалъ къ Кіеву огромное войско съ 20-ю князьями во главѣ, но самъ не пошелъ съ ними. Дружины шли только изъ политическихъ расчетовъ: въ душѣ всѣ ненавидѣли Андрея, сражались вяло и равнодушно, и походъ не удался. Подобную же неудачу потерпѣлъ Андрей подъ Новгородомъ; но въ его рукахъ осталось важное средство смирять новгородцевъ: онъ могъ прекратить подвозъ зерна, который направлялся въ Новгородъ черезъ суздальскую землю; новгородцамъ никогда не хватало своего хлѣба, и они закупали его по Окѣ и Волгѣ. Такъ, несмотря на неудачи, Андрей до конца жизни первенствовалъ на Руси, какъ сильнѣйшій князь.

Въ 1174 г. владимирскіе бояре, давно негодовавшіе на его самовластіе, убили его въ его Боголюбовскомъ дворцѣ. Довѣренные слуги, набранные изъ разнаго сброда, охотно измѣнили повелителю, который цѣнилъ ихъ за то, что могъ ни чѣмъ не стѣсняться съ ними. Вторая жена Андрея участвовала въ заговорѣ противъ него, а во главѣ заговорщиковъ стоялъ бояринъ Кучковичъ, братъ его первой жены, родня которой подвергалась казнямъ и преслѣдованіямъ. Не любила суроваго владыку и народная масса, о которой онъ умѣлъ заботиться: тѣло его пролежало на дворѣ три дня неубраннымъ, а народъ бушевалъ и грабилъ новыя резиденціи. Личность Андрея, напоминавшая его позднѣйшихъ потомковъ—неограниченныхъ повелителей Москвы, оказалась слишкомъ неожиданной и новой для XII-го вѣка: не успѣвъ укрѣпить новый порядокъ, первый владимирскій вел. князь глубоко оскорблялъ привычки старыхъ самостоятельныхъ бояръ, вольныхъ дружинниковъ, вѣчевыя собранія, и самъ расшаталъ порядокъ въ своей землѣ, что сказалось тотчасъ послѣ его смерти.

Освобожденныя отъ повелителя, городскія общины воспрянули духомъ, вернулись къ старымъ обычаямъ и начали сами договариваться съ князьями. Два брата Андрея, Михаилъ и Всеволодъ, поспѣшили вернуться на родину, (сынъ его навсегда лишился удѣла на сѣверѣ); за дядями вернулись и изгнанные племянники. Тутъ то и вспыхнулъ раздоръ между двумя слоями населенія, явившимися въ Суздальскій край въ разное время и съ разныхъ сторонъ. Старшіе города Ростовъ и Суздаль, особенно ненавидѣвшіе Андрея, пригласили къ себѣ обиженныхъ имъ пле-

мянниковъ, расчитывая при нихъ устроиться посвободнѣе: новые города съ Владимиромъ во главѣ приняли сторону дядей, старшихъ родичей; произошла усобица, продолжительная кровопролитная, и очень своеобразная: на сѣверѣ боролись не одни князья и ихъ дружина, — въ борьбѣ участвовало само населеніе края. Любопытно, что къ старымъ городамъ, къ ихъ вѣчевой аристократіи, присоединились бояре, знать и старшая дружина новыхъ городовъ. 1500 дружинниковъ ушли изъ Владимира къ молодымъ князьямъ въ Суздаль. Наоборотъ, низшій классъ, „мизинные люди", какъ говорили въ старину, выражали сочувствіе князьямъ дядямъ и всячески поддерживали владимирцевъ и прочихъ жителей новый городовъ. Въ усобицѣ ярко сказалась соціальная рознь: высшій классъ старыхъ вѣчевыхъ городовъ стремился руководить жизнью области, какъ это было встарину во всѣхъ торговыхъ округахъ, какъ это дѣлалось въ Новгородѣ. Новые пришельцы, принадлежали къ низшему классу южнаго населенія, бѣжавшаго отъ бѣдствій и обидъ. На сѣверѣ „мизинные люди" оправились, почувствовали за собой силу и, признавъ права дядей-князей по родовому старшинству, энергично давали отпоръ городской знати и старшей дружинѣ. „Мизинные" побѣдили знатныхъ; на ихъ сторонѣ, должно быть, стояло значительное большинство населенія, да и доблесть братьевъ Андрея давала перевѣсъ. Послѣ двухлѣтней борьбы умеръ Михаилъ. Владимирцы присягнули Всеволоду и его дѣтямъ, т.-е. признали наслѣдственныя права за его родомъ.

Всеволодъ III „Большое Гнѣздо" т.-е. отецъ многочисленнаго семейства, княжилъ 36 лѣтъ съ 1176 по 1212 г.: онъ слѣдовалъ такой же политикѣ, что и Андрей, но проявлялъ больше мягкости и осмотрительности. Признанный великимъ княземъ всей Руси, онъ распоряжался Кіевомъ, держалъ въ немъ подручныхъ князей, которыхъ по старой памяти тоже именовали великими. Всеволодъ власто правилъ своимъ сѣверомъ, славился своими богатствами, содержалъ многочисленную грозную дружину, которую воспѣвалъ современный поэтъ, авторъ поэмы „Слово о полку Игоревѣ". Этой силой великій князь владимирскій держалъ въ страхѣ прочихъ князей; его вліянію подчинялась и богатая Галиція, а сосѣди—рязанскіе князья принуждались къ полной покорности.

За попытку къ протесту, всѣ князья и княгини были свезены во Владимиръ, а рязанскимъ княжествомъ правилъ сынъ Всеволода съ намѣстниками, грозно карая всѣхъ, даже епископа за неповиновеніе.

Послѣ Всеволода осталась большая семья, и владимиро-суздальская земля распалась на мелкія владѣнія, какъ и другія области. Обладатели этихъ владѣній уже не передвигались изъ одного города въ другой; каждый князь дорожилъ своей землей, называя ее *вотчиной*, надѣляя изъ нея своихъ сыновей. Старшій князь получалъ Владимиръ со званіемъ великаго, но при этомъ онъ сохранялъ за собой свою вотчину, свой *удѣлъ*, какъ теперь только въ XIII в. вошло въ обычай называть собственное владѣніе каждаго князя.

Къ началу XIII-го вѣка русскія области жили каждая довольно самостоятельно: въ нихъ складывались свои мѣстные порядки; въ одной развивалась сильная княжеская власть; въ другой выростало значеніе вѣча: въ третьей получало вліяніе боярство. Но все таки общіе интересы, опасность отъ азіатовъ, защита степей поддерживали связи между обла-

стями; дружины суздальскихъ князей являлись защищать южныя границы отъ половцевъ въ помощь черниговцамъ.

Въ эту пору появленіе новой кочевой орды и натискъ западныхъ сосѣдей внесли много новаго въ положеніе русскаго народа.

VII.

Татары. Западные сосѣди. судьба Кіева и юго-западной Руси.

При сыновьяхъ Всеволода III Русь испытала послѣднее и самое страшное нападеніе степняковъ: изъ Азіи явились татары. Татарами привыкли называть многочисленныя орды изъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, съ незапамятныхъ временъ кочевавшія съ прочими монгольскими ордами по пустынѣ Гоби, сѣверному Китаю и южнымъ частямъ нынѣшней Сибири. Древніе китайскіе историки помнятъ ихъ за 2 тысячи лѣтъ до Рожд. Хр. Съ тѣхъ поръ бытъ татаръ-монголовъ не измѣнился: они остались тѣми же кочевниками. Вѣрой ихъ было грубое идолопоклонство. По временамъ орды то подчинялись китайцамъ, то освобождались отъ нихъ. Благодаря сношеніямъ съ болѣе образованными единоплеменниками, начальники ордъ и знатнѣйшіе татары получили нѣкоторое умственное развитіе: слѣдуя народнымъ языческимъ повѣрьямъ и обрядамъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрили въ единое божество, творца міра. У татаръ появилась азбука и возникла письменность: но когда это произошло — сами татары не помнятъ. Они знаютъ себя, свой народъ только съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны Европѣ, съ эпохи хана Темучина, потомка чудеснымъ образомъ рождавшихся богатырей. Уже эти богатыри соединяли въ своихъ рукахъ власть надъ многими ордами, а Темучинъ еще болѣе расширилъ ее и назвался Чингисъ-ханомъ, т.-е. великимъ ханомъ. Ему приписываютъ введеніе строгой военной дисциплины и очень удобной для кочевниковъ тактики на войнѣ. По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ при немъ вся масса ордъ пришла въ движеніе. Въ 1213 г. Чингисъ со страшными кровопролитіями покорилъ сѣверный Китай. Затѣмъ онъ двинулъ орды въ среднюю Азію, на Бухару и Туркестанъ. Оттуда неудержимымъ потокомъ татары ринулись на Иранъ, Персію, Арменію и оказались въ Малой Азіи Отряды Чингисъ-хана проникли на Кавказъ, покорили тамъ многія племена и поселились на ихъ мѣстахъ. Въ 1223 г. многочисленный отрядъ двинулся въ половецкія степи, откуда татары быстро проникли въ Крымъ. Перепуганные половцы бросились къ русскимъ князьямъ, умоляя помочь имъ. Общая опасность была очевидна. Южно-русскіе князья соединили свои дружины и выступили въ степи навстрѣчу татарамъ.

Примчался князь галицкій: суздальскія войска не поспѣли къ битвѣ. Татаръ встрѣтили у береговъ р. Калки, (какъ теперь полагаютъ за р. Самарой, южнымъ притокомъ Днѣпра). Здѣсь русскіе и половцы потерпѣли страшное пораженіе. На первый разъ побѣдители не преслѣдовали русскихъ далѣе Днѣпра.

Появленіе монголовъ въ Западной Азіи совпало съ крайнимъ упадкомъ Греческой имперіи, когда крестоносцы завладѣли Константино-

лемъ. а торговля съ Востокомъ оказалась въ рукахъ итальянцевъ, главнымъ образомъ Венеціи и Генуи. Венеціанцы нашли выгоднымъ вести сношенія съ монголами, чтобы сохранить за собой торговые пути. Кіевъ. центръ южно-русской торговли, мѣшалъ имъ, отвлекая значительную часть товаровъ въ другія руки. Татары обдуманно шли на Русь съ вѣдома итальянскихъ политиковъ, которыхъ поражали своимъ военнымъ искусствомъ.

Въ то время монголы гораздо лучше европейцевъ умѣли распоряжаться огромными военными силами и на широчайшихъ пространствахъ: они первые устроили у себя постоянныя арміи, подчиняя воиновъ однообразной военной дисциплинѣ подъ наблюденіемъ цѣлой іерархіи чиновъ съ правильной выслугой. Татары, нападая быстро, всегда укрѣпляли „тылъ", ранѣе захваченныя мѣста, и шли впередъ осмотрительно. Въ 1224 г. они, покоривъ половцевъ, укрѣпились на Дону, и затѣмъ только пошли испытывать силы русскихъ.

Но вскорѣ что-то случилось среди азіатскихъ ордъ, и татарская армія вернулась въ Азію. Въ 1227 году Чингисъ-ханъ умеръ. При раздѣлѣ его громадной монархіи, земли къ сѣверу и западу отъ Каспійскаго моря достались его внуку Батыю. Въ 1236 г. этотъ ханъ съ 300 тыс. воиновъ, ихъ семьями и всѣмъ имуществомъ двинулся изъ Азіи къ Волгѣ; по дорогѣ татары разгромили Камскихъ болгаръ, и въ 1237 г. явились въ Рязанскомъ княжествѣ. Началась тяжкая, всенародная мука. Въ лицѣ татаръ явились не простые степняки, довольствовавшіеся громадными пастбищами и по временамъ нападавшіе на сосѣдей земледѣльцевъ ради грабежа, — это было неотразимое нашествіе сплоченной массы безпощадныхъ варваровъ, темная сила, которую народъ почиталъ за выпущенную изъ ада ради наказанія его за грѣхи. Въ неурожаяхъ и голодахъ послѣднихъ лѣтъ, въ затменіяхъ, землетрясеніяхъ хотѣли видѣть знаменія наступающаго общенароднаго бѣдствія. Народъ притихъ въ молчаливомъ тупомъ отчаяніи. Всѣ попытки къ сопротивленію являлись благородными героическими порывами, которые народъ воспѣвалъ въ пѣсняхъ, а лѣтописцы благословляли въ своихъ поучительныхъ сказаніяхъ. Рязанцы сопротивлялись отчаянно, но были разгромлены, и очень немногіе пережили погромъ.

Изъ рязанской земли Батый выступилъ на дорогу изъ Чернигова къ Владиміру, разрушилъ Коломну, маленькую Москву и подступилъ къ столицѣ, когда вел. князь Юрій Всеволодовичъ еще собиралъ дружины въ области. Горожане защищались, какъ могли. Новая столица была взята и разграблена Батыемъ. Княжеская семья, бояре и духовенство погибли въ сожженномъ соборѣ. Татары разсыпались по всей области, жгли города и истребляли жителей. Близъ р. Сити (1238) Батый разбилъ соединенную дружину русскихъ князей, и вел. князь Юрій погибъ въ битвѣ. Татары двигались къ Новгороду, но наступило весеннее половодье,—верблюды и лошади гибли среди болотистыхъ лѣсовъ. Не доходя Новгорода Батый повернулъ на югъ къ половецкимъ степямъ. На пути городокъ Козельскъ прославился героическимъ сопротивленіемъ, во время котораго погибли всѣ жители. До 1240 г. орда Батыя устраивалась на низовьяхъ Волги, громила и истребляла половцевъ. Послѣдніе разбѣжались, частью въ Закавказье, частью за Балканы—въ предѣлы греческой имперіи; нѣ-

которые ушли даже въ Египетъ: одна орда была принята венгерскимъ королемъ и смѣшалась съ современными венграми.

Въ 1240 г., покончивъ съ половцами, Батый разгромилъ Черниговскую область, взялъ Кіевъ, въ которомъ на это время не оказалось даже своего князя, а защитой его руководилъ воевода князя Даніила Галицкаго. Опустошивъ Волынь и Галицію, татары пошли-было въ Венгрію и Силезію, но разбитые прекрасно вооруженнымъ войскомъ чешскихъ рыцарей, вернулись въ Россію и вынуждены были удовлетвориться обладаніемъ востока Европы. На широкомъ пространствѣ отъ Камы до Каспійскаго моря, отъ Уральскихъ горъ до Низовья Днѣпра Батый установилъ царство своей Золотой Орды, власть которой распространилась и на сосѣднія страны Европы и Азіи. Первые годы своего существованія Золотая Орда подчинялась ханамъ великой азіатской Монголіи, но съ ослабленіемъ послѣднихъ сдѣлалась самымъ могущественнымъ государствомъ татаръ-монголовъ.

Татары ничего не измѣнили во внутреннихъ распорядкахъ Руси: они стремились только получить побольше доходовъ съ покореннаго народа и требовали вспомогательныхъ войскъ въ случаѣ большихъ походовъ. По установившемуся въ ордѣ обычаю, они присылали особыхъ чиновниковъ, численниковъ, чтобы переписать мужское населеніе, подлежавшее обложенію; исключалось одно духовенство. По грубой простотѣ своей религіи, татары придавали огромное значеніе всѣмъ людямъ, которые какъ бы имѣли сношенія съ высшими силами, богами: они смотрѣли на всякое духовенство, какъ на своихъ знахарей и жрецовъ, считали ихъ одаренными необыкновенными способностями, предвидѣніемъ, которыя они могли употреблять на зло и на добро. Въ силу этого они были довольно вѣротерпимы, пока не приняли магометанства. За данью ѣздили особые чины, баскаки, часто изъ знатныхъ лицъ, съ отрядами татаръ. Эту толпу должны были содержать, кормить и веселить мѣстные жители, подносить имъ подарки. Баскаки и ихъ свита распоряжались въ завоеванной землѣ, какъ дома, забирали, что имъ нравилось, грабили и избивали неподатливыхъ. Часто возмущенный народъ сопротивлялся переписямъ и билъ численниковъ; часто нападали на баскака и мстили ему за грабежи татаръ. Тогда ханъ шелъ самъ или посылалъ цѣлую орду наказать мятежныхъ подданныхъ, и цѣлыя области подвергались новому раззоренію. Чтобы утвердиться на видномъ княжескомъ столѣ, князья ѣздили въ орду, а великокняжескимъ престоломъ обыкновенно располагалъ самъ ханъ; добившіеся этого званія кандидаты являлись къ нему съ подарками для него, для его женъ и мурзъ; приходилось давать всѣмъ и всюду; а кто больше давалъ, тотъ обыкновенно и получалъ просимое. Прежде народъ осуждалъ князей, которые заботились о накопленіи богатствъ; теперь только богатый былъ правъ и силенъ. Въ ханской ставкѣ князей подвергали унизительнымъ обрядамъ: они преклоняли колѣна предъ ханомъ; ихъ заставляли проходить между священныхъ огней и идоловъ. Татары боялись, что посѣтители носятъ заговоры и зелья, чтобы вредить хану, и думали уничтожить чары своими священными предметами. Александръ Невскій понялъ, что здѣсь говоритъ одно суевѣріе, выполнялъ молча обряды и тѣмъ успокаивалъ татаръ.

Разоренie, униженiя и экономическiй гнетъ, постоянное общенie съ варварскимъ народомъ оказали очень тяжелое влiянie на историческое развитie народа: они убивали лучшiя стороны русской общественности, остановили и безъ того слабую умственную жизнь, возбуждая дурные инстинкты: изворотливое лукавство, клятвопреступленie, или однѣ грубо-матерiальныя силы, необходимыя для отпора. Захватъ германцами балтiйскаго прибрежья еще ухудшилъ это положенie, отрѣзавъ русскихъ отъ образованнаго запада, замкнувъ ихъ среди кольца враждебныхъ сосѣдей.

По восточному берегу Балтiйскаго моря, отъ Финскаго залива до нижняго теченiя Вислы, жили *финскiя* и *литовскiя* племена (нынѣ 3 прибалтiйскiя губернiи и область восточной Пруссiи). Первую группу составляли эсты и ливы; ко второй принадлежали *летголы*, *латыши*, *жмудь* или *земиголлы* и *пруссы*. До XIII в. эти племена жили самостоятельно и долго сохраняли очень низкiй уровень культуры. Только языческая миѳологiя была довольно развита у литовцевъ. Своимъ божествамъ они ставили храмы: при храмахъ жили жрецы и жрицы, которые составляли среди народа самое уважаемое сословie Жрецы имѣли больше влiянiя, чѣмъ древнѣйшiе литовскiе князья. Язычество очень долго продержалось среди литовцевъ. Очень долго жили они простыми сельскими общинами, не имѣя и признаковъ государственнаго быта. Но многie роды владѣли рабами изъ военноплѣнныхъ: эти то роды выдвигали князей.

Русскie издавна вели сношенiя съ прибалтiйскими жителями. Новгородцы называли эстовъ *чудью* и ставили свои городки на ихъ землѣ. Полоцкie князья, съ своей стороны, дѣлали набѣги на Литву, облагали ее данью. По ироническому замѣчанiю лѣтописца, нѣкоторые бѣдняки-литовцы выплачивали ее „рогожами и вѣниками". Полочане построили на низовьяхъ Зап. Двины городки — Кукейносъ и Герсакъ. Кое-гдѣ литовцы и финны стали сами принимать православie. Оба племени легко поддались бы влiянiю болѣе культурныхъ русскихъ, но ихъ бѣдная, малоплодородная страна могла вознаграждать трудъ только болѣе культурныхъ промышленниковъ, которые съ лучшей обработкой умѣли бы соединять и другiя формы промышленности. Селенiя по р. Нѣману, благодаря лучшей природѣ и торговымъ путямъ, легче поддавались влiянiю сосѣдей. Энергичные культурные дѣятели явились сюда съ запада. Нѣмцы вольныхъ самоуправляющихся городовъ—Любека, Бремена и др. въ XII в. усиленно развивали торговыя сношенiя по Балтiйскому морю съ Данiей и Швецiей. На островѣ Готландѣ возникло складочное мѣсто для товаровъ. Нѣмцы привозили сукна, металлическiя издѣлiя, оружie; изъ Новгорода везли мѣха, кожи воскъ и товары далекой Азiи. Въ 60-хъ гг. XII в. нѣмцы искали путей, чтобы получать товары изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ жителей восточнаго побережья Балтики. Они появились со своими кораблями въ устьѣ Зап. Двины. Здѣсь они устраивали временныя лавочки и завели мѣновую торговлю тѣми же товарами съ финнами и Литвой. Очевидныя выгоды побудили построить на этой рѣкѣ въ 40 в. отъ устья городокъ Икскуль съ постоянными амбарами. Нѣмцы знали, что латыши и ливы платятъ дань полоцкимъ князьямъ, весьма политично завели съ послѣдними сношенiя и дѣйствовали съ ихъ позволенiя. Русскie князья дѣйствительно не противились развитiю нѣмецкой торговли и не могли предвидѣть, къ чему можетъ привести водво-

реніе нѣмцевъ у Зап. Двины. XII-й вѣкъ въ западной Европѣ былъ временемъ сильнаго увлеченія крестовыми походами въ Палестину ради освобожденія Іерусалима отъ власти магометанъ. Всюду господствовало религіозное возбужденіе и стремленіе распространить христіанскую вѣру. Около 1157 г. шведы начали посылать католическихъ миссіонеровъ въ Финляндію, затѣмъ въ землю эстовъ; поляки озаботились проповѣдью среди пруссовъ (Литва). Энергичнѣе всѣхъ взялись за дѣло нѣмцы. Около 1185 г. любекскій священникъ Мейнардтъ, изучивши языкъ ливовъ, началъ проповѣдывать среди нихъ; испросивъ разрѣшеніе полоцкаго князя, поставилъ католическую церковь въ Икскулѣ. Все шло хорошо, пока новообращеннымъ не пришлось платить налога на содержаніе приходовъ. Тратиться одновременно на дань русскимъ и на церковную десятину нѣмцамъ они не пожелали. Многіе изъ суровыхъ литовцевъ вернулись къ язычеству и начали нападать на нѣмцевъ, разрушая ихъ городки и крѣпости. Знакомство съ людьми высшей культуры, запасы оружія, которымъ нѣмцы снабжали ихъ, подняло духъ воинственнаго народа, и онъ сдѣлался опаснымъ врагомъ. Нѣмецкіе епископы получили отъ папы разрѣшеніе объявить крестовый походъ на прибалтійскихъ язычниковъ. Явился новый епископъ миссіонеръ съ цѣлымъ войскомъ рыцарей крестоносцевъ, чтобы сломить упорство дикарей. Въ 1201 г. построили укрѣпленный городъ Ригу; а въ слѣдующемъ епископъ учредилъ орденъ (общество) рыцарей Меченосцевъ, дававшихъ обѣтъ посвятить себя распространенію христіанства. Епископъ завелъ суды, управленія землями, которыя были захвачены у туземцевъ и обращены въ собственность рыцарей. Рыцари строили новые города и крѣпости, объявили финновъ и литовцевъ свободными отъ дани русскимъ князьямъ. Нѣмцы-переселенцы постоянно прибывали въ новый край, и не для одной торговли: они заводили здѣсь свое земледѣльческое хозяйство, обращая туземцевъ въ безземельныхъ работниковъ. Финны довольно мирные по характеру, скоро крестились и смирились предъ грозными пришельцами; но литовцы только раздражались и свирѣпѣли съ каждымъ признакомъ усиленія нѣмцевъ, и болѣе 200-тъ лѣтъ вели съ ними упорную борьбу. Среди этой борьбы они развились умственно, улучшили свой общественный строй и военный бытъ. Князья ихъ, какъ военачальники, получили большую власть. Стѣсненные нѣмцами, литовцы начали наступать на русскія области. Русь очень ослабѣла отъ татарскаго погрома, и съ большимъ трудомъ могла выдерживать ихъ грозныя нападенія. Не могли и нѣмцы остановиться на мирныхъ переговорахъ съ русскими; разгорѣлась борьба съ псковичами и новгородцами. Какъ разъ въ годъ нашествія Батыя (1237 г.) орденъ Меченосцевъ соединился въ одно цѣлое съ орденомъ нѣмецкихъ рыцарей (Тевтонскихъ), который былъ учрежденъ въ землѣ Пруссовъ язычниковъ, по почину поляковъ, и на Балтійскихъ берегахъ укрѣпилось сильное нѣмецко-рыцарское государство, названное сосѣдями Ливоніей.

Съ установленіемъ „татарскаго ига" судьбы русскихъ земель измѣнились. Участь старой Кіевской области съ ближайшими къ ней землями покрылась какимъ-то туманомъ на сто слишкомъ лѣтъ; о нихъ почти не сохранилось свѣдѣній, пока вмѣстѣ съ землями Полоцкой, Волынской и Полѣсьемъ они не вошли въ составъ Литовско-Русскаго княжества подъ властью литовскихъ князей. Полагаютъ, что въ Кіевской области все-таки

сохранились городки и селенія, которые управлялись старымъ общинно-вѣчевымъ порядкомъ, безъ князей и дружинъ, платили дань татарамъ и незамѣтно просуществовали 100 лѣтъ, неизвѣстными лѣтописцамъ.

На юго-западѣ, у Карпатъ Галицкая Русь при князѣ Даніилѣ и его первыхъ преемникахъ пережила живой и интересный періодъ борьбы за самостоятельность, чтобы затѣмъ подчиниться Польшѣ; а черезъ 150 лѣтъ послѣ Батыева нашествія, началось сліяніе Литвы и Польши въ одно католическое государство подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейской культуры.

Въ сѣверо-западномъ углу русской равнины близъ Балтійскаго моря Новгородская область осталась почти независимой отъ татаръ; здѣсь еще 200 лѣтъ развивались древніе вѣчевые порядки при выборныхъ князьяхъ, раскидывались широкія торговыя сношенія.

На сѣверо-востокѣ сохранились удѣлы Рюриковичей, татарскихъ данниковъ. Здѣсь, въ Приокскомъ центрѣ, начала медленно изъ удѣльно-вотчиннаго хозяйства образовываться подъ сильнымъ вліяніемъ церкви, неограниченная монархія, предпринявшая новое объединеніе восточной равнины.

Наиболѣе самостоятельнымъ княземъ первыхъ лѣтъ татарщины является современникъ Александра Невскаго, Даніилъ Романовичъ Галицкій. Сынъ могущественнаго потомка Мономаха, побѣдителя литовцевъ, соединившаго въ своихъ рукахъ Волынь съ Галиціею, онъ провелъ съ братомъ Василькомъ все дѣтство въ странствованіяхъ. Галиція 40 лѣтъ была лакомымъ кускомъ для западныхъ сосѣдей, и переходила изъ рукъ въ руки: то венгерскіе, то польскіе принцы стремились утвердиться въ этомъ княжествѣ; его отбивали отъ нихъ русскіе князья. Мстиславъ Удалой изъ Смоленска положилъ 12 лѣтъ жизни на борьбу изъ-за Галича, и 7 лѣтъ дѣйствительно владѣлъ имъ. Юношей Даніилъ съ трудомъ добился владѣній на Волыни. Галичане, особенно бояре, не любили его властнаго отца и старались обойти сына. Медленно и постепенно Даніилъ съ братомъ собирали отцовскую землю: а пользуясь союзомъ съ сѣверными польскими князьями противъ южныхъ, онъ отнялъ у послѣднихъ Чарторыйскъ и Люблинскую землю, гдѣ селилъ русскихъ. Въ 1239 г. Даніилъ добылъ Кіевъ и назначилъ намѣстникомъ воеводу Дмитрія, который защищалъ городъ отъ Батыя. Въ 1240 г. Даніилъ, какъ и многіе другіе князья, скрывался отъ татаръ за границей. Галиція менѣе другихъ княжествъ пострадала отъ татаръ: въ ней не дѣлали переписи, и Даніилъ не платилъ опредѣленной дани, хотя считался подданнымъ хана и долженъ былъ ѣздить въ орду. Его хорошо приняли тамъ, но онъ не мирился съ унизительнымъ положеніемъ ханскаго данника и стремился вознаградить себя на западѣ. На правахъ родства Даніилъ пытался завладѣть престоломъ Австріи, но потерпѣлъ неудачу. Постоянныя сношенія съ иностранцами пріучили Даніила очень терпимо относиться къ различнымъ вѣроученіямъ. Онъ рѣшилъ завести сношенія съ папой, чтобы побудить его устроить крестовый походъ на татаръ и тѣмъ спасти Русь. Даніилъ подалъ папѣ надежду на соединеніе православной церкви съ католической. Обрадованный папа прислалъ галицкому князю королевскую корону; но крестовый походъ не состоялся.

Король Даніилъ съ братомъ Василькомъ Волынскимъ всегда дѣй-

ствовали сообща. Завладѣвъ южными степями, татары отрѣзали Галицію отъ береговъ Чернаго моря и отъ южныхъ торговыхъ путей.

Предпріимчивое населеніе торговыхъ городовъ направило свою дѣятельность къ сѣверо-западу, усиливъ сношенія съ Германіей. Оно помогло князю завладѣть мелкими и слабыми княжествами Полѣсья (Туровомъ, Пинскомъ), колонизовало землю ятвяговъ (Черная Русь). Отъ Польши Даніилъ пріобрѣлъ Люблинскую область. Такимъ образомъ, нѣсколько областей соединились на время въ одно сильное княжество, самое богатое и культурное среди владѣній Рюриковичей; оно вошло въ тѣсную связь съ Литвой и Польшей, какъ еще ни одно русское владѣніе, и оказало сильное вліяніе на литовцевъ, но и само болѣе всѣхъ русскихъ земель подчинилось иноземнымъ вліяніямъ.

По смерти Батыя Даніилъ попытался воспользоваться безпорядками при утвержденіи новаго хана; онъ укрѣпилъ свои города, куда сзывалъ поселенцевъ изъ разоренныхъ мѣстъ—поляковъ, нѣмцевъ, евреевъ. Своего недавняго врага, Миндовга, великаго князя Литовскаго, онъ склонилъ на мирный договоръ и союзъ. Сынъ Даніила женился на дочери Миндовга и получилъ Черную Русь. Но силы Даніила оказались всетаки слишкомъ слабыми для борьбы съ татарами. Ханскій посолъ Бурундай заставилъ его самого разрушить укрѣпленія своихъ городовъ и послать вспомогательное войско для татарскаго похода противъ литвы. За такой союзъ съ татарами литовскіе князья жестоко отомстили Галиціи, несмотря на свои брачные союзы

Даніилъ умеръ послѣднимъ могущественнымъ княземъ южной Руси. Дѣти и внуки его уже носили латинскіе титулы, именуясь иногда герцогами „Малой Руси“; они подписывали грамоты на латинскомъ языкѣ, своихъ бояръ называли баронами. Послѣ внуковъ Даніила Галицію получилъ родственникъ по женской линіи—польскій князь Болеславъ, называвшійся русскими Юріемъ; его же, Юрія, наслѣдниками оказались: Казиміръ Великій, король польскій, и Любартъ, князь литовскій; около 1350 г. Галиція по договору была предоставлена Польшѣ.

Литовское завоеваніе началось тихо и незамѣтно. Мелкіе полоцкіе князья сами вмѣшали литовскихъ князей въ свои распри; литовцы проникли въ ихъ земли уже болѣе опытными воинами послѣ сношеній съ нѣмцами и съумѣли удержаться въ русской области. Въ началѣ XIII в. литовскія дружины проникали въ Туровскую область и даже въ Смоленскую. То воюя, то роднясь съ русскими, перенимая русскую грамоту, языкъ, принимая крещеніе, литовцы поддавались вліянію русскихъ. Но православіе всетаки слабо прививалось къ нимъ; князья же часто мѣняли вѣроисповѣданіе, сообразуясь съ политическими союзами. Такъ Миндовгъ, современникъ Александра Невскаго, подъ конецъ жизни отказался отъ христіанства и далъ рѣшительный отпоръ нѣмецкимъ рыцарямъ, собравъ подъ своею властью большія силы русскихъ и литовцевъ. Съ его времени возникаетъ литовско-русское государство.

Литовцамъ помогала неопредѣленность политическаго положенія русскаго населенія на юго-западѣ; у русскихъ не было центра, который бы могъ объединить ихъ силы. Угрожаемые степными варварами съ востока, а съ запада иновѣрцами, поляками и нѣмцами, русскіе сближались съ литовцами, не находя другого выхода: эти сосѣди казались бо-

лѣе уступчивыми, болѣе близкими по обычаямъ. Но русскіе со своими князьями во главѣ держались своей партіи, отстаивая православную литовскую партію.

Положеніе русскихъ земель нѣсколько выясняется при великомъ князѣ Гедиминѣ (1316—1340) и особенно при его сынѣ Ольгердѣ. Первый на югѣ проникъ почти до Кіева. Кіевская и Черниговская области очень страдали отъ татаръ. Надежды на самостоятельный выходъ изъ бѣдствій не было. Значительная часть Черниговскихъ князей легко признала главенство Ольгерда, замѣчательнаго политика своего времени и, вѣроятно, помогала ему въ его смѣлыхъ натискахъ на татаръ. Разбивъ въ Подоліи у южнаго Буга трехъ мѣстныхъ хановъ, Ольгердъ распространилъ свою власть до береговъ Чернаго моря. Окруженный его владѣніями, Кіевъ покорился какъ-то незамѣтно, въ какомъ именно году — точно неизвѣстно.

Это легкое подчиненіе объясняется тѣмъ, что Гедеминовичи, Ольгердъ и Кейстутъ, устранивъ другихъ братьевъ, оказались во главѣ—Ольгердъ русской половины государства, а Кейстутъ собственно литовской. Ольгердъ искусно входилъ въ интересы русскихъ, умомъ и могуществомъ привлекалъ ихъ къ присоединенію. Онъ не касался удѣльныхъ порядковъ и многихъ русскихъ князей оставлялъ на мѣстахъ. Его княгини были русскія, но самъ онъ оставался язычникомъ.

При его 12-ти малоспособныхъ сыновьяхъ съ Ягеллой во главѣ, Литвѣ грозили смуты, опасныя для такого смѣшаннаго государства. Побѣдила политика наиболѣе культурной Польши: ея опытные и дальновидные магнаты устроили бракъ Ягеллы съ польской королевой Ядвигой (1386 г.). Литовцы приняли католичество и польскую культуру. Русская часть населенія, самая слабая политически, подчинилась событіямъ; она твердо стояла за свою вѣру и обычаи; но на ея плодородныя южныя земли начали проникать хозяева-поляки, сильные культурой, и заводили лучшую обработку полей.

Стремленіе Литвы сохранить самостоятельность замедлило подчиненіе Руси Польшей. Талантливый Витовтъ, сынъ Кейстута, получилъ такое вліяніе, что Ягелло вынужденъ былъ признать его великимъ княземъ Литвы подъ своимъ верховенствомъ. Постоянной умѣлой борьбой съ орденомъ рыцарей и затѣмъ рѣшительной побѣдой надъ нѣмцами (1399 г.) онъ помогъ и Польшѣ и всей восточной равнинѣ избѣгнуть германскаго нашествія. На востокѣ Витовтъ являлся грозой татаръ. Онъ поселялъ въ своихъ владѣніяхъ татарскихъ бѣглецовъ и плѣнниковъ, черезъ нихъ сносился съ ордами и поддерживалъ ихъ раздоры.

Папа рѣшилъ наградить Витовта королевской короной за его заслуги, но поляки не допустили такого возвышенія литовскаго владыки.

Русское населеніе стало при немъ еще слабѣе. Витовтъ удалялъ изъ удѣльныхъ центровъ русскихъ и литовскихъ князей, замѣняя ихъ своими намѣстниками, отчего русскіе лишались своихъ представителей. Послѣ смерти талантливаго князя, русская партія подняла было голову и поддерживала защитниковъ православія на литовскомъ престолѣ; но избиравшіеся литовскіе князья получали послѣ Ягеллы и польскую корону, что очень укрѣпляло связи между обоими государствами до того, что въ 1567 г. они соединились въ одно польское королевство.

Что касается Кіева, то имъ по временамъ правили удѣльные князья изъ православныхъ Гедиминовичей; они заботились о городѣ, помогли ему отчасти возстановить свою торговлю.

Съ усиленіемъ польской власти, православные князья стали уходить въ Москву: а сѣверъ Черниговской области передался вслѣдъ за князьями во власть Московскаго государя. Одинъ князь татарскаго происхожденія Михаилъ Глинскій, очень способный, получившій образованіе на западѣ, сдѣлалъ попытку вмѣстѣ съ остатками русскихъ князей возстать противъ Польши; но не все русское населеніе пошло за нимъ: Глинскій былъ разбитъ и ушелъ въ Москву съ родными и друзьями. Въ эту пору западныя области старой Руси уже принимали шляхетный строй и хозяйство Польши.

VIII.

Сѣверная Русь. Новгородъ Великій, хозяйство, торговля, населеніе, вѣче.

Первое время подъ игомъ Золотой орды на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси не произошло замѣтныхъ перемѣнъ ни въ удѣльномъ раздробленіи земель между Рюриковичами, ни тѣмъ менѣе въ торговлѣ и вѣчевыхъ порядкахъ Новгорода. Только понемногу сказывалось вліяніе ханской политики, помогавшей усиленію власти богатыхъ великихъ князей, принижая до подданства ихъ мелкихъ удѣльныхъ родичей.

Въ годъ появленія татаръ у Волги (1236) новгородцы пригласили къ себѣ княземъ юношу Александра Ярославовича, внука Всеволода и Андрея Боголюбскаго, сына Ярослава, много разъ сражавшагося съ нѣмецкими рыцарями и Литвой. Алексанръ проявилъ большія способности полководца и политика. Въ 1240 г. шведы, возбужденные папой къ энергичной проповѣди католичества, двинулись на финновъ. Финскіе корелы уже принимали православіе и находились подъ покровительствомъ новгородцевъ, и шведы нашли нужнымъ и выгоднымъ идти на русскихъ. Александръ выступилъ къ нимъ навстрѣчу съ небольшою дружиною, и 15 іюля нанесъ имъ знаменитое пораженіе на берегахъ Невы. Русскіе понимали, что это былъ родъ крестового похода иновѣрцевъ на православныхъ. Побѣда Александра получила религіозное значеніе, и ее воспѣвали въ цѣломъ рядѣ сказаній. Военная слава Александра была упрочена; но какъ правитель, онъ былъ очень тяжелъ для новгородцевъ: онъ былъ вѣренъ властнымъ обычаямъ своихъ дѣдовъ и желалъ править въ вольномъ городѣ, какъ въ Суздальской землѣ, а не по договорамъ съ вѣчемъ. Разссорившись съ новгородцами, Александръ въ этомъ же году ушелъ отъ нихъ. Но уже въ 1241 г. нѣмцы разбили псковичей, ворвались въ Псковъ и хозяйничали въ немъ. Отсюда они пошли разорять новгородскія селенія по берегамъ Луги и построили свою крѣпость у Копорья. Новая опасность заставила новгородцевъ опять просить къ себѣ властнаго Александра. Онъ явился, въ 1242 г. взялъ Псковъ, гдѣ погубилъ 700 рыцарей и множество простыхъ воиновъ (слова нѣмецкаго лѣтописца). На льду Чудскаго озера онъ встрѣтился со свѣжимъ нѣмецкимъ войскомъ и одержалъ надъ нимъ блестящую побѣду (Ледовое по-

боище). Въ томъ же году Александръ успѣлъ побывать въ ордѣ, гдѣ пожелали его видѣть. По возвращеніи Александръ защищалъ смоленскіе и новгородскіе города отъ стремительныхъ набѣговъ литовцевъ и заставилъ ихъ на время притихнуть.

Узнавъ о смерти отца въ Монголіи, Александръ съ братомъ Андреемъ снова поѣхали въ Монголію къ великому хану. Каждый хотѣлъ быть вел. княземъ владимірскимъ. Александръ былъ старшимъ изъ братьевъ, но ханъ почему-то далъ великое княженіе Андрею. Выждавъ года два, Александръ явился въ орду къ сыну Батыя съ жалобой, что Андрей отнялъ у него старшинство, самъ же не исполняетъ ханскихъ приказовъ. Теперь Александру приказали быть вел. княземъ и дали ему татарское войско, чтобы наказать брата. Разбитый въ битвѣ, Андрей скрылся въ Швеціи, но скоро вернулся, помирился съ братомъ и, получивъ удѣлъ, призналъ его старшимъ. Замѣчательна борьба, которую велъ Александръ съ новгородцами. Новгородцы не считали себя побѣжденными Батыемъ и отказались допустить перепись населенія, съ котораго татары могли брать дань. Богатые люди, ради спокойствія, согласились бы платить дань, но бѣдняки яростно противились всякому новому обложенію. Александръ боялся, что ослушники вызовутъ гнѣвъ хана и новый погромъ рязанскихъ и суздальскихъ земель. Равномѣрное распредѣленіе дани по всей странѣ было выгодно областямъ великаго князя. Въ Новгородѣ княжилъ сынъ Александра, Василій, сторонникъ вѣча, и оправдывалъ своихъ новгородцевъ. Александръ самъ привелъ въ Новгородъ татарскихъ пословъ и баскаковъ и выгналъ сына. Новгородцы богато одарили пословъ и тѣ уѣхали, не составивъ переписи. Черезъ годъ, однако, запуганное угрозами войны, бѣдное населеніе согласилось принять татаръ.

Ханы часто отдавали на откупъ восточнымъ купцамъ сборъ дани съ цѣлыхъ областей, а для безопасности снабжали ихъ военными отрядами. Народъ ненавидилъ этотъ способъ сбора. Въ 1262 г. въ Суздалѣ, Владимірѣ, Ростовѣ и мн. др. городахъ народъ возсталъ и перебилъ татарскихъ сборщиковъ. Александръ поѣхалъ умилостивлять хана и на возвратномъ пути умеръ. Татары хитрили съ русскими князьями, поддерживая между ними распри въ своихъ выгодахъ. Князья отвѣчали имъ тѣмъ же; почти съ начала ига они стали пользоваться татарами ради возвышенія своихъ княжествъ и добыванія новыхъ земель. Народу приходилось терпѣть отъ этихъ союзовъ князей съ татарами, подъ ними скрывался особый видъ борьбы, увертливой и осторожной.

Новгородская земля занимала сѣверный склонъ русской равнины, спускающійся къ Бѣлому морю, и сѣверо-западную страну озеръ; она отличалась обиліемъ большихъ рѣкъ, земля же были малопродородная. Главнымъ препятствіемъ для успѣховъ земледѣлія являлась измѣнчивость температуры, зависящая отъ того, что вся страна была открыта для доступа сѣвернаго вѣтра. Большимъ подспорьемъ для жителей было рыболовство; въ новгородскихъ рѣкахъ водилось столько рыбы, что жителямъ случалось ловить ее руками у самаго города. Среди нея встрѣчалось много высшихъ морскихъ и рѣчныхъ породъ: лосось, семга, сельдь, треска, осетръ и др., которыя служили важнымъ предметомъ сбыта; соль для приготовленія рыбы добывалась въ Двинской землѣ землевладѣльцами

и крестьянами. Возможность перевоза по рѣчнымъ путямъ и обмѣна товаровъ, привозимыхъ съ четырехъ сторонъ, рано выдѣлила особый классъ купцовъ, людей, накоплявшихъ мѣстные продукты и капиталы, т.-е. запасы серебра и иностранныхъ монетъ. Черезъ свои торговыя дѣла купцы имѣли связи съ младшими городами области—Псковомъ, Старой-Русой, Изборскимъ и др. Богачи составляли главную силу вѣча Великаго Новгорода и помогали держать въ подчиненіи пригороды. При кіевскихъ князьяхъ торговля продолжала развиваться и получила большое вліяніе на вѣчевое устройство и всю общественную жизнь, побуждала расширять владѣнія новгородцевъ.

Не слѣдуетъ думать, что все новгородское населеніе занималось торговлей; значительное большинство его, крестьянство, какъ и по всей Руси, существовало земледѣліемъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ, разведеніемъ пчелъ. Правда, земледѣліе развилось сравнительно съ прежними временами, но ловля звѣрей и рыбы играла еще огромную роль въ хозяйствѣ, а на сѣверѣ эти промыслы были главнымъ средствомъ существованія. Промышленности въ точномъ смыслѣ въ странѣ еще не развивалось. Самая торговля оставалась внѣшней и почти не касалась массы населенія, среди котораго очень ничтожный процентъ платилъ свои оброки деньгами; огромное большинство расплачивалось натурой, продуктами хозяйства. Новгородцы долгое время были несвѣдущи въ ремеслахъ, умѣли кое-что изготовлять только для своего хозяйства. Еще обработка дерева удавалась имъ, но каменьщиковъ, кровельщиковъ выписывали изъ Московской области. Только незадолго до подчиненія Москвѣ въ Новгородѣ начали появляться мѣстные мастера.

Торговлѣ предавались небольшіе кружки городского населенія, которые проживали по волокамъ, т.-е. по мѣстамъ перегрузки товара, по временнымъ „торжкамъ" и „рядкамъ", какъ назывались поселки, которые быстро возникали и часто исчезали въ разныхъ мѣстахъ, куда съѣзжались для торговли на опредѣленное время въ году. Новгородцы не умѣли пользоваться минеральнымъ богатствомъ своихъ колоній въ Закамьи и близъ Урала. Какъ ни первобытно было кузнечное мастерство у финновъ, но они все таки лучше новгородцевъ умѣли обращаться съ металлами. Мѣха доставляли въ Новгородъ изъ сѣверныхъ лѣсовъ, съ Урала, даже изъ Сибири, откуда по временамъ добывали и кость мамонта. Морская торговля стала особенно развиваться, когда степные кочевники стѣснили проѣздъ въ Грецію, при татарахъ прекратившійся совсѣмъ. Закрытіе варяжскаго пути заставило Новгородъ обособиться отъ другихъ княжествъ и начать свою самостоятельную жизнь вокругъ своихъ мѣстныхъ интересовъ. Около половины XII в. на островѣ Готландѣ нѣмцы и шведы открыли огромные склады и конторы и завели постоянныя сношенія съ новгородскими торговцами.

Торговля становится еще оживленнѣй съ половины XIII в., когда въ сѣверной Германіи выростаетъ дѣятельность торговыхъ городовъ Любека, Бремена и др.; получивъ отъ германскаго императора права самоуправленія, они составили союзъ, называемый Ганзой. Въ Балтійской торговлѣ принимаютъ участіе новые нѣмецкіе города—Рига, Нарва, Ревель. Долгое время товговля была мѣновая, что совершенно соотвѣтствовало „натуральному" хозяйству новгородцевъ. Такъ вели ее и сами нѣмцы.

При такомъ порядкѣ золото, серебро, монеты сами являлись товаромъ; только ихъ удобоносимость понемногу обращала ихъ въ мѣрило мѣновой цѣнности. Есть извѣстія, что у новгородцевъ были мѣновые знаки „куны“, на которые размѣнивались гривны и слитки серебра, но въ точности они до сихъ поръ не извѣстны. Только когда новгородцы улучшили свое сельское хозяйство, стали сѣять ленъ и коноплю, которые очень охотно покупали нѣмцы, они стали перечеканивать иностранную монету и переводить ея цѣны на русскій счетъ.

Новгородскіе гости являлись со своими товарами во всѣ русскіе города, продавали заграничный товаръ и запасались русскимъ. На среднемъ Поволжьи они дѣлали большія закупки хлѣба; отсюда же они вели свои сношенія съ персидскими и бухарскими купцами. Въ опасныя времена купцы не дѣйствовали въ одиночку: они держались другъ за друга, устраивали кружки и товарищества на паяхъ, имѣли своихъ судей и старостъ. Самымъ значительнымъ обществомъ въ Новгородѣ была община церкви Іоанна Предтечи; подъ церковью и близъ нея находились склады товаровъ. Каждый членъ вносилъ 50 гривенъ серебра. Вообще же торговать могъ всякій; бояре-землевладѣльцы принимали живѣйшее участіе въ торговлѣ своими капиталами.

Берега Балтійскаго моря принадлежали разнымъ народностямъ,—въ случаѣ войны плаваніе по немъ становилось опаснымъ; тогда нѣмцы сокращали свой путь: высаживались въ Ригѣ, и оттуда рѣками, тогда еще многоводными, плыли мимо Пскова и Нарвы къ Новгороду, иногда плыли Лугой и Шелонью въ озеро Ильмень; высаживаясь въ Ревелѣ, они двигались дальше сухимъ путемъ. Въ Новгородѣ у нихъ былъ свой торговый дворъ со складами и жилыми зданіями; онъ не зналъ русской администраціи, подчиняясь нѣмецкимъ старостамъ и судьямъ.

Сами нѣмецкіе купцы руководствовались собственныхъ торговымъ уставомъ. Уставъ Ганзейскихъ городовъ отличался особенной строгостью; ихъ купцы стремились держать въ однѣхъ своихъ рукахъ (монополизировать) всю торговлю Новгорода, не допуская чужихъ купцовъ, хотя бы тоже нѣмцевъ; они устраняли англичанъ, чтобы самимъ провозить ихъ товары. Своимъ товарищамъ они разрѣшали торговать только по той цѣнѣ, какая установлена въ Германіи, а не по вольной. Одинъ караванъ купцовъ могъ пріѣзжать только на зимнее полугодіе, а другой только на лѣтнее и возить съ собою опредѣленное количество денегъ, не больше. Всегда торговало все общество, а не отдѣльный купецъ. Нѣмцы требовали, чтобы русскіе лоцмана и стражники встрѣчали ихъ далеко передъ устьемъ Невы и провожали на свой страхъ до мѣста; лодочники и извозчики возили ихъ не иначе, какъ по таксѣ, и отвѣчали за доставку до самаго нѣмецкаго двора. Кромѣ того, нѣмцы пользовались многими льготами въ пошлинахъ. Съ своей стороны, новгородцы выставляли и свои условія, разрѣшая нѣмцамъ оптовую торговлю и запрещая всякій мелочной торгъ.

Въ общемъ, нѣмцы больше выигрывали отъ торговли, чѣмъ новгородцы; ихъ товары были дорогіе, обработанные; они имѣли хорошую монету и точный счетъ; они дѣйствовали сплоченнымъ обществомъ, всегда строго обдуманно. Новгородцы особенно проигрывали тѣмъ, что не имѣли своихъ кораблей, своего купеческаго флота; имъ приходилось нанимать нѣмецкія суда. Но Ганза запрещала давать ихъ русскимъ и всячески мѣ-

шала новгородскимъ купцамъ ѣздить за границу, оберегая тайну своихъ цѣнъ и торговыхъ порядковъ. Нѣмцы жили особнякомъ въ Новгородѣ. Въ то время какъ въ Польшѣ уже подражали Германіи въ выдѣлкѣ суконъ, тканей и въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, нѣмцы почти не имѣли вліянія на новгородцевъ и не знакомили ихъ съ техникой производствъ. Къ заграничной торговлѣ прикасалась небольшая группа новгородцевъ. Когда Московское правительство разсѣяло ее, новгородская область по своему строю перестала отличаться отъ другихъ земель сѣвера.

Съ половины XII-го в., одновременно съ развитіемъ торговли, начала устраиваться общественная и политическая жизнь Великаго Новгорода, такъ и не получившаго своей мѣстной княжеской семьи. Первые князья X, XI вв. не любили туманнаго Новгорода:—они стремились на югъ, къ Кіеву, гдѣ жилось привольнѣй, гдѣ земля прокармливала населеніе, и больше раскидывалось городовъ для раздѣла. Но всетаки Новгородъ зависѣлъ отъ великаго князя Кіевскаго, который распоряжался посредствомъ своего намѣстника или посадника. А въ XII-мъ вѣкѣ послѣ смерти Мономаха, когда множество князей закрутилось въ усобицахъ, Новгородъ со своими землями оказался внѣ тѣхъ пространствъ, гдѣ они ссорились и дѣлились, и тотчасъ понялъ выгоду такого положенія: новгородцы помимо кіевскаго князя стали выбирать себѣ посадника изъ мѣстныхъ людей; князей начали приглашать по выбору и утвержденію вѣча, каждый разъ заключая съ ними договоры, ряды. У каждаго намѣченнаго князя являлась въ Новгородѣ своя партія, свои сторонники, съ которыми онъ заранѣе сносился; безъ своей партіи князь не могъ держаться среди самостоятельно складывавшихся порядковъ. Партіи при выборѣ князя принимали во вниманіе, съ какой областью выгоднѣй торговать или имѣть союзъ, какой князь надежнѣе, какъ союзникъ и защитникъ. Князь давалъ присягу, что станетъ выполнять всѣ условія, на которыхъ его выбирали: не смѣнять своей волей должностныхъ лицъ безъ суда и вины, никого не судить безъ посадника, не давать земель и службъ своимъ княжескимъ боярамъ и дружинникамъ. На свое содержаніе онъ получалъ доходы только съ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ новгородцами волостей. Участвовать въ торговлѣ съ иноземцами князь могъ только черезъ посредство новгородцевъ; даже жилъ онъ внѣ Кремля въ особомъ городищѣ. Никакихъ прочныхъ экономическихъ связей въ новгородскихъ владѣніяхъ князья не могли установить: за этимъ строго слѣдили. Вообще князь оказывался только наемнымъ защитникомъ Новгородской земли, не болѣе. Если князь не исполнялъ условій, его удаляли. Во время княжескихъ междуусобій, новгородцы очень искусно лавировали между вліятельными опасными соперниками.

Когда, съ возвышеніемъ Москвы, стало очень трудно найти надежнаго князя, новгородцамъ приходилось принимать намѣстниковъ тверскихъ или московскихъ князей.

Главной силой области съ XII-го в. сдѣлалось вѣче и общества. Всѣ старинныя группы и подраздѣленія населенія получили особую самостоятельность и значительность. Весь Новгородъ въ военномъ отношеніи составлялъ *тысячу* (не счетъ, а названіе) подъ начальствомъ выборнаго *тысяцкаго*; она дѣлилась на сотни по частямъ города, а сотни распадались еще на улицы; и сотни, и каждая улица составляли свои ма-

ленькія общины, имѣли своихъ уличанскихъ старостъ, свои частныя вѣча. Помимо этого городъ съ самого своего основанія дѣлился на 5 концовъ (по 2 сотни въ каждомъ); каждый изъ нихъ имѣлъ своего кончанскаго старосту, свою выборную управу, которая вѣдала дѣла его обитателей. Въ концахъ на улицахъ жили бояре и именитые купцы въ своихъ хоромахъ; они являлись заправилами на маленькихъ вѣчахъ: здѣсь бояре подбирали себѣ сторонниковъ для большого вѣча: они угощали, дарили, благотворили своихъ мелкихъ сосѣдей. Такимъ образомъ общественная и правительственная жизнь Новгорода складывалась изъ маленькихъ мірковъ, которые всѣ сливались въ одно народное вѣче съ державною властью. Какъ велись дѣла управленія, до сихъ поръ трудно опредѣлить съ точностью.

Къ каждому концу города была приписана ближайшая примыкавшая къ нему область *„пятина"*. Пять пятинъ расходились отъ города лучами во всѣ стороны: *Водская* пятина (приблизительно территорія Петербургской губ.), *Обонежская*, *Деревская*, *Бѣжецкая* и *Шелонская* за оз. Ильменемъ. Въ этомъ дѣленіи сказывалось участіе различныхъ родовыхъ общинъ, которыя основали сообща городъ. Прочія владѣнія, захваченныя колонизаціей и торговыми походами, назывались землями и волостями: *Двинская*, *Пермская*, волость Печора, а за Ураломъ лежала Югра. Города въ нихъ считались пригородами Новгорода и получали отъ него посадниковъ, но имѣли свои вѣчевыя собранія. Дальнія колоніи были слабо связаны съ главнымъ городомъ. Городское общество считало себя господиномъ своихъ земель, именуясь въ грамотахъ „Господинъ Великій Новгородъ.

При отдѣльныхъ мѣстныхъ общинахъ существовали еще общества по сословіямъ: бояре, купцы, черные люди имѣли свои интересы, составляли свои общества, кружки, по своему готовились къ великому вѣчу. Вѣче никогда не имѣло опредѣленнаго времени для собраній. По повелѣнію князя или посадника звонили въ вѣчевой колоколъ на дворѣ Ярослава (мѣсто, гдѣ, по преданію, стояли его хоромы). Тамъ собиралось правильное вѣче. На собраніи могъ быть всякій, кто считалъ себя гражданиномъ Новгорода. Здѣсь постановляли, какого пригласить князя, избирали посадника, тысяцкаго и др. необходимыхъ лицъ, утверждали договоры, торговые и политическіе, рѣшали вопросы о мирѣ и войнѣ; тутъ же бывалъ высшій судъ по особо важнымъ дѣламъ. На дворѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи стоялъ посадникъ; близъ него сидѣли старые посадники, занимавшіе прежде эту должность. Порядка, правильной подачи голосовъ на вѣчѣ не существовало: все рѣшалось крикомъ; при раздѣленіи голосовъ доходило и до дракъ. Бывало, что звонили въ 2, 3-хъ мѣстахъ: вѣча собирались въ разныхъ концахъ, происходила свалка, и побѣдители рѣшали дѣло по своему. Посадникъ, представитель Вел. Новгорода, выбирался всегда изъ бояръ; тысяцкій, начальникъ мѣстнаго ополченія, повидимому, тоже былъ бояриномъ, но менѣе знатнымъ; онъ же имѣлъ судебно-полицейскую власть надъ черными людьми. Вокругъ посадника и тысяцкаго постоянно собирался совѣтъ изъ старыхъ посадниковъ, вѣрнѣйшихъ и опытныхъ бояръ, который зналъ и разсматривалъ всѣ дѣла до голосованія ихъ на вѣчѣ. Въ сущности совѣтъ и руководилъ ими; онъ составлялъ постоянное правительство въ Новгородѣ. Безъ такого совѣта одно шумное вольное вѣче не управилось бы съ дѣлами. Нѣмцы

называли его „совѣтъ господъ“. Повсюду, во всѣхъ общинахъ первенствовали бояре.

При своемъ оригинальномъ самоуправленіи новгородцы достигли самостоятельности и въ церковныхъ дѣлахъ. Особой церемоніей въ соборѣ св. Софіи они выбирали себѣ архіерея, и только посвящаться посылали его въ Кіевъ или Владиміръ къ митрополиту. Послѣдній затѣмъ не вмѣшивался въ ихъ дѣла. Архіерей, какъ мѣстный человѣкъ, принималъ живѣйшее участіе въ рѣшеніи политическихъ и внутреннихъ дѣлъ и былъ членомъ совѣта бояръ. Церковь оказалась чисто народной. Прихожане сами выбирали себѣ священника, и духовенство участвовало во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, подчиняясь вліянію свѣтскихъ партій. Новгородцы такъ привыкли къ свободѣ и въ церковной жизни, что новыя вѣроученія очень легко переходили къ нимъ отъ иностранцевъ, а совершенно необразованное духовенство не умѣло бороться съ ними.

Что касается населенія, то съ перваго взгляда могло казаться, что въ вѣчевой землѣ у всѣхъ одинаковыя права: судная грамота и нѣкоторые договоры гласятъ, что передъ судомъ всѣ новгородцы равны, — и бояре и меньшіе люди. На дѣлѣ никакого равенства не существовало: аристократія и богатство господствовали повсюду.

Мѣстное боярство первенствовало надъ прочимъ населеніемъ. Оно сложилось еще до Рюрика изъ семей городскихъ старѣйшинъ и сохранило свое значеніе и при князьяхъ, тогда какъ въ другихъ городахъ первенство получали княжескіе бояре. Сами кіевскіе князья назначали Новгороду посадниковъ изъ членовъ его знатнѣйшихъ семей; а съ XII в. новгородцы выбирали изъ нихъ всѣхъ своихъ высшихъ сановниковъ. Къ боярству примыкали *житьи люди*, вѣроятно, менѣе знатные. Бояре владѣли обширными землями, лѣсами, промыслами, они считали свои владѣнія не селами и деревнями, а цѣлыми волостями, гдѣ добывались главные товары, отпускаемые новгородцами заграницу: мѣха, кожи, строевой лѣсъ, воскъ, смола и т. д. Они же владѣли главными капиталами, которыми ссужали купцовъ. Сами бояре непосредственно не участвовали въ торговлѣ: они руководили политической и экономической жизнью края.

Торговлю вели купцы, выдѣлявшіеся изъ городского населенія: они торговали съ помощью боярскихъ капиталовъ. „Иванское“ купечество, общество при церкви Ивана Предтечи, составлявшееся изъ пайщиковъ, являлось его высшимъ разрядомъ. Общество пользовалось большими привилегіями; совѣтъ его подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго вѣдалъ торговый судъ въ Новгородѣ и наблюдалъ за всѣми торговыми дѣлами.

Низшій классъ городского населенія, ремесленники, рабочіе назывались „черными людьми“: они же плательщики податей.

Свободное крестьянство, „смерды“, работали и кормились на земляхъ самого Новгорода (государственныхъ). На земляхъ частныхъ работали „крестьяне-половники“, получая половину урожая и на другихъ условіяхъ; но главную рабочую силу землевладѣльцевъ составляли холопы, которыхъ было очень много въ новгородскомъ краѣ. Съ развитіемъ вѣчевыхъ порядковъ, росло значеніе боярства и частныхъ собственниковъ, которые понемногу приравнивали половниковъ къ холопамъ, обращая ихъ въ нѣчто вродѣ закуповъ. Они получали право судить своихъ крестьянъ, а затѣмъ начали стѣснять ихъ переходы; съ начала XIV-го в. вѣче а-

ключаетъ договоры съ сосѣдними князьями, что бѣглые половники и холопы одинаково должны возвращаться обратно новгородцамъ. Такимъ образомъ вѣче начало прикрѣплять крестьянъ раньше сосѣднихъ князей, что вызывало недовольство и волненія низшаго класса.

Въ Новгородской области существовалъ классъ мелкихъ собственниковъ—*земцевъ* или *своеземцевъ*: они происходили главнымъ образомъ изъ горожанъ. Наживъ средства торговлей или промыслами, эти люди пріобрѣтали участки земли, сами обрабатывали или сдавали въ аренду крестьянамъ. Своеземцы имѣли большое значеніе въ мѣстной жизни, такъ какъ вѣче возлагало на нихъ обязанность защищать города въ военное время.

Сельское хозяйство въ области велось очень первобытно: повидимому, новгородцы не знали даже водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ. Крестьянство селилось часто однимъ, двумя дворами, такъ что селомъ, селищемъ называли и дворъ. Земли распахивали немного; даже у бояръ бывали запашки не болѣе 2—3 десят.; 40 десят. оказывалось огромной запашкой. Повидимому, сельское хозяйство велось для содержанія семей, ради домашнихъ потребностей, а не для торговли. Да земля безъ капитала мало вознаграждала трудъ земледѣльца. Крестьянство жило здѣсь гораздо бѣднѣе, чѣмъ на югѣ, въ Кіевской Руси. Съ развитіемъ торговли и ростомъ капиталовъ среди многочисленнаго высшаго класса, землю постепенно захватывали въ собственность богатые люди, бояре и монастыри. Послѣднихъ было очень много на сѣверѣ, и они много помогли новгородской колонизаціи. Бояре и иноки хозяйничали лучше крестьянъ, заводили скотъ, иногда удобреніе, заботились о правильности промысловъ. Крестьяне и не замѣтили, какъ оказывались на чужой землѣ, за которую платили владѣльцамъ часть урожая по уговору.

Главнымъ пригородомъ Новгорода, его „младшимъ братомъ", былъ Псковъ. Этотъ городъ со своей небольшой областью оказался его главнымъ мѣстомъ защиты отъ западныхъ непріятелей, и поэтому былъ издавна укрѣпленъ. Меньшіе пригороды Псковской области были просто укрѣпленными пунктами, которые переносились съ мѣста на мѣсто, то возникали, то исчезали. Псковичи, какъ жители важнаго города, пріѣзжали на вѣче въ Новгородъ. Съ появленіемъ нѣмцевъ у Зап. Двины и объединеніемъ Литвы, положеніе Пскова стало очень опасно: онъ сдѣлался защитникомъ всей Руси отъ наплыва нѣмцевъ. Терпя постоянные натиски, псковичи привыкли самостоятельно распоряжаться защитой, сноситься съ сосѣдями, выбирать себѣ князей, и понемногу отдѣлились отъ Новгорода въ особую вѣчевую общину. Во 2-й половинѣ XIII-го в. они взяли себѣ изъ Литвы принявшаго православіе князя Довмонта, который укрѣпилъ Псковъ, а съ начала XIV в. сами выбирали себѣ посадниковъ. Во Псковѣ были тѣ же концы, тѣ же свободныя меньшія общины, совѣтъ знатныхъ и опытныхъ людей, то же вѣче, собиравшееся въ неопредѣленное время. Но дѣла и собранія шли здѣсь глаже и спокойнѣй, чѣмъ въ Новгородѣ. Область псковская была очень невелика и не могла вмѣщать большихъ боярскихъ владѣній. Средній классъ и крестьянство жили болѣе осѣдло, больше дорожили своими участками, (которые приходилось защищать отъ враговъ) и личностью рабочихъ земледѣльцевъ. Псковичи имѣли особую „Судную грамоту", гдѣ были установлены точныя правила, какъ владѣть землей: эти правила охраняли свободу крестьянъ, опредѣ-

ляли ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ, къ товарищамъ при общественномъ хозяйствѣ и т. д. Отъ этого среди псковичей было много единодушія; бояре не имѣли такой власти, какъ въ Новгородѣ, а крестьянамъ жилось лучше. Зато Псковъ не разсчитывалъ на полную самостоятельность отъ Московскихъ князей: онъ послушнѣй принималъ ихъ намѣстниковъ. Московскіе князья дорожили Псковомъ ради защиты отъ западныхъ враговъ. Послѣ многихъ жалобъ на самовластіе и поборы намѣстника, вел. князь Василій III приказалъ отмѣну вѣча въ 1509 г. Много семей было выселено въ княжескія области: иностранные купцы выѣхали изъ Пскова, и область утратила свои самостоятельные порядки.

Новая политика сѣверныхъ князей, побуждавшая заботиться только о своемъ удѣлѣ и усиливать его насчетъ другихъ тяжела отзывалась на Новгородѣ,—она затрудняла приглашеніе самостоятельнаго князя. Сильный князь пользовался Новгородомъ только на пользу своей земли, слабый подчинялся кому-нибудь изъ сильныхъ, думая больше о себѣ, чѣмъ о Новгородѣ. Оставаясь подолгу безъ князя, Новгородъ не имѣлъ надежной дружины и при появленіи сильнаго войска старался откупиться отъ непріятеля болѣе или менѣе крупной суммой денегъ. Сношенія съ Литвой, не всегда мирныя, все-таки поддерживались: на ея опору разсчитывали въ случаѣ открытой борьбы съ Москвой. Все чаще и чаще приходилось слышать вольнымъ людямъ, какъ московскіе князья называли Новгородъ, — „моя вотчина“. Во 2-й половинѣ XV в. промышленность городская и сельская стали улучшаться, но ея главными участниками были бояре и капиталисты, забиравшіе въ свои руки земли и промыслы. Значеніе бояръ и ихъ совѣта стало подавлять вѣче: они заставляли выбирать посадниковъ все изъ тѣхъ же знатныхъ семей. Народъ замѣчалъ это и волновался, но экономическая зависимость отъ богачей и землевладѣльцевъ связывала его. Прежняя борьба изъ-за выбора князей смѣнилась борьбой между богатыми и бѣдными. Обѣ партіи искали себѣ опоры въ другихъ земляхъ. Бояре и купцы обращались къ Литвѣ, гдѣ развилось, какъ въ Польшѣ, господство вельможъ, а города получали самоуправленіе, подобно германскимъ. Низшій классъ во время судебныхъ столкновеній съ высшими обращался къ посредничеству московскаго князя.

Надежды на Литву были напрасны, — въ это время тамъ не было своего князя: король Казиміръ, сынъ Ягелло, правилъ обѣими землями и весь предался сношеніямъ съ западомъ. Онъ завладѣлъ Пруссіей, сына своего укрѣплялъ на престолѣ Венгріи и Чехіи: пустынная сѣверная земля не привлекала его. Иванъ III московскій прекрасно зналъ его и медленно подрывалъ свободу Новгорода. За приглашеніе литовскаго князька, Иванъ погромилъ Двинскую землю, причемъ Вятка и Вологда были его союзниками. Воевода князь Холмскій разбилъ нестройное новгородское ополченіе въ 1472 г. Новгородцы смирились и отказались отъ сношеній съ Казиміромъ. Но борьба партій продолжалась. Бояре тѣснили сторонниковъ Москвы, что и вызвало рѣшительный походъ Ивана въ 1478 году. Великій князь говорилъ, что идетъ на враговъ православія, замышляющихъ отдать вотчину его иновѣрцу, врагу русской земли. Въ осажденномъ Новгородѣ начался голодъ и моръ. Послѣ многихъ колебаній и просьбъ онъ сдался. Народъ отказался отъ вѣча и своихъ вольностей и

присягнулъ Ивану III. какъ государю. Вѣчевая волость обращалась въ простую область государства.

Чтобы скорѣе смирить привыкшихъ къ свободѣ людей, новгородскихъ землевладѣльцевъ и купцовъ сотнями и тысячами преселяли на московскія земли, водворяя на ихъ мѣсто покорныхъ москвичей. Нѣмецкіе купцы, лишившись своихъ правъ, покинули Новгородъ. Всѣ вѣчевые порядки исчезли въ немъ безвозвратно.

IX.

Усиленіе московскаго удѣльнаго княжества. Борьба московскихъ князей съ сосѣдями.

Татары заняли лучшія плодородныя земли по средней и нижней Волгѣ, по Дону, по Черному морю. Земли по Днѣпру принадлежали польско-литовскому государству; оно постоянно боролось съ Русью изъ-за Чернигова и Смоленска, которые переходили отъ одного къ другому. Земли финновъ по берегамъ Балтійскаго моря, къ югу отъ Финскаго залива, принадлежали Ливонскимъ рыцарямъ; къ сѣверу отъ Финляндіи утвердились шведы. Татарскія степи и польскія владѣнія лишали Русь общенія съ Греціей и западомъ; только черезъ Новгородъ еще нѣкоторое время шла торговля съ Германіей. Ближайшія къ западу земли Новгорода и Пскова развивали древніе вѣчевые порядки. Въ этой обстановкѣ близъ верховьевъ Волги зародилось будущее русское государство. Суздальско-Ростовская земля, иначе великое княжество Владимірское, сохранила древнее дробленіе земель между княжескимъ родомъ, но на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ на югѣ. Какъ извѣстно, заселеніе финскаго сѣвера издавна происходило съ содѣйствіемъ князей. Князь считалъ себя поэтому хозяиномъ, вотчинникомъ, какъ говорили въ старину, своего удѣла; масса земли была „вокняжена", и князь раздавалъ ее, кому хотѣлъ, какъ свою собственность. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ обыкновенно продолжалъ жить въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ, заботился о немъ и великокняжескіе доходы и преимущества употреблялъ на пользу и процвѣтаніе родной вотчины. Свои вотчины-удѣлы князья дѣлили, завѣщали, выдавали въ приданое за дочерьми, какъ простое частное имущество, какъ свои села, дома и движимость. Ничего подобнаго не знали во времена Мономаха, когда область была прежде всего достояніемъ ея населенія. Братствомъ и родствомъ князья считались только въ предѣлахъ одной семьи. Отношенія же другъ къ другу, какъ представители разныхъ княжествъ, они устанавливали особыми договорами. Завѣщавъ княжество, князь договорами заставлялъ родичей признать права своего наслѣдника: ѣздить въ Орду, вести тѣ или другія сношенія съ ханомъ нужно было по договорамъ, по взаимному условію между князьями. Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, князь обязывалъ другихъ договоромъ присоединять свои дружины къ его войску во время войны, дѣйствовать за одно передъ ханомъ и т. д. Значеніе князей подавило мѣстныя вѣча; въ эпоху татарщины народный голосъ замолкъ повсюду, кромѣ Новгорода и Пскова.

Эта эпоха вполнѣ справедливо называется удѣльно-вотчинной. Значеніе ея громадно: она положила основаніе и породила главныя основы государственнаго строя современной Россіи.—Подъ давленіемъ татарскаго завоеванія и усиленія Литвы, князья первые на Руси перестали кочевать, твердо усѣлись на мѣстахъ и начали устанавливать экономическіе и хозяйственные порядки, и уже на правахъ хозяевъ-собственниковъ развивали основы государственнаго порядка и свои права государей. Кромѣ ихъ, все прочее населеніе было еще далеко не вполнѣ осѣдло: бояре долго еще пользовались правомъ отъѣзжать отъ одного князя къ другому; торговцы, особенно крупные, носили характерное названіе гостей: не на усовершенствованіи производствъ и мастерскихъ, не на обработкѣ сырыхъ продуктовъ пріобрѣтали они богатства, а на куплѣ и перепродажѣ, на перевозкѣ готовыхъ товаровъ по областямъ Руси: во многіе города они пріѣзжали на опредѣленное время и въ самомъ дѣлѣ только гостили. Хотя условія почвы и обиліе лѣсовъ въ сѣверо-восточной Руси требовали отъ земледѣльца упорнаго труда и усидчивости, но и здѣсь крестьянское населеніе было еще въ движеніи: земледѣлецъ, какъ только находилъ лучшій участокъ или болѣе подходящія условія на чужой землѣ, охотно переселялся. Эта устойчивость князей среди общихъ передвиженій придавала огромное значеніе ихъ дѣятельности, давала имъ право вмѣшиваться во всѣ стороны народной жизни, распоряжаться по своему усмотрѣнію, всюду и свободно смѣшивать свои хозяйственныя дѣла по управленію землями съ правительственными и судебными мѣрами. Князья договаривались не съ населеніемъ, какъ въ старыя времена, а другъ съ другомъ, какъ хозяева населенія.

По смерти Александра Невскаго, Суздальско - Ростовская земля распадалась на Тверское княжество, Ярославское, Ростовское, Бѣлозерское, Костромское, Суздальско-Нижегородское, Стародубское и собственныя земли великаго княжества Владимірскаго. Изъ части великокняжеской волости, Невскій надѣлилъ своихъ сыновей: Дмитрію далъ Переяславль, Андрею—Городецъ, Даніилу—Москву. Послѣдняя всегда управлялась намѣстниками великихъ князей. Первыя 40 лѣтъ послѣ Невскаго, великіе князья Владимірскіе достигали этого званія хотя съ большими усиліями и съ помощью татаръ, но все-таки съ нѣкоторымъ соблюденіемъ старшинства. Только внукъ его Юрій Московскій, сумѣлъ перебить великое княженіе у двоюроднаго дяди, Михаила Тверского; побѣдитель воспользовался татарскими войсками, и народъ былъ молчаливымъ свидѣтелемъ мрачной кровавой драмы. Съ тѣхъ поръ всѣ московскіе князья умирали великими князьями всея Руси помимо всякихъ соображеній со старшинствомъ, и судьба сѣверо-восточной Руси соединилась съ судьбой Московской области. Сила князей заключалась въ населенности и богатствѣ ихъ собственной вотчины. Въ тѣ времена князья богатѣли двумя способами: заселяя жителями свою землю и устраивая хозяйство въ ней, пріобрѣтая довѣріе хана и право собирать дань съ группы княжествъ, (это упрощало для татаръ собираніе доходовъ), и вмѣстѣ съ этимъ наблюдать за ихъ князьями: это право всегда возвышало и обогащало князя, какъ намѣстника ханскаго.

Княжеская колонизація на финскомъ сѣверѣ нуждалась въ укрѣпленіяхъ для защиты страны съ востока отъ болгаръ камскихъ, съ юга —

отъ степняковъ и княжескихъ усобицъ. Когда при Юріи Долгорукомъ установился прямой путь на югъ черезъ Черниговъ, тамъ, гдѣ онъ пересѣкалъ рѣку Москву [1]), возникло селеніе великаго князя: тутъ, слѣдуетъ думать, проходила древняя граница Ростовской земли (Коломна на Окѣ принадлежала Рязанскимъ князьямъ). Въ 1147 г. Юрій давалъ здѣсь „обѣдъ силенъ“ своему союзнику, Олегу Черниговскому. По очень темному преданію, село принадлежало суздальскому боярину Кучкѣ; но, по словамъ лѣтописи, въ 1156 г. Юрій отстроилъ „городъ“, т.-е. укрѣпленіе, и онъ назывался „Московъ“. Итакъ, московскія земли находились на главной дорогѣ съ сѣвера къ югу, лежали на южной границѣ сѣверной области, оказываясь самыми доступными и удобными для южныхъ переселенцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ были выгодно удалены отъ восточныхъ и западныхъ враговъ; это было центральное мѣсто русской равнины, гдѣ главный восточный путь, Волга, сближался съ западнымъ, Западной Двиной.

Князья очень цѣнили Москву, какъ важный пунктъ политическихъ сношеній: для торговли она тоже оказалась важной, какъ мѣсто скрещенія путей Отсюда было легче всего сноситься къ окраинами. Переселенцы охотно осаживались здѣсь, на берегахъ Москвы, гдѣ вниманіе князей обезпечивало спокойствіе жизни; торговое движеніе, остановка проѣзжающихъ, постоянная стоянка войскъ давали заработки жителямъ, и торговецъ часто подольше засиживался здѣсь. Москва долго принадлежала Владимірскимъ князьямъ, руководителямъ порядка на сѣвера. А едва только у нея завелись свои князья, какъ уже, наоборотъ, великокняжеское званіе стало принадлежать имъ. Данило Александровичъ чуть не ребенкомъ сдѣлался княземъ; онъ выросъ въ Москвѣ и удовлетворялся ею: объ ней только и заботился, ставъ вполнѣ мѣстнымъ дѣятелемъ, княземъ-вотчинникомъ Присутствіе заботливаго хозяина сдѣлало маленькое княжество привлекательнымъ для населенія. Соперникомъ въ обогащеніи московскаго князя было обширное Рязанское княжество. Объ ихъ борьбѣ осталось мало свѣдѣній; извѣстно, однако, что Даніилъ быстрымъ нападеніемъ захватилъ въ плѣнъ Рязанскаго князя, держалъ его въ Москвѣ и завладѣлъ Коломной. Племянникъ Даніила, князь Переяславльскій, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ дядѣ весь свой удѣлъ, чѣмъ повидимому, жители княжества остались довольны. Владѣніе московскаго князя увеличилось вдвое. Доходы онъ получалъ большіе и, выплачивая дань хану, всегда имѣлъ сбереженія.

Значеніе накопленныхъ средствъ сказалось скоро. Даніилъ умеръ, оставивъ землю 5-мъ сыновьямъ. Старшій Юрій сталъ собственно московскимъ княземъ и первое время держалъ братьевъ въ подчиненіи: онъ немедленно нашелъ средства завести борьбу съ княземъ тверскимъ, дальнимъ дядею, изъ-за великаго княженія, съ которымъ связывались доходы съ даней и большія права надъ младшими князьями. Тверское княжество было тогда (1304 г.) гораздо обширнѣе и богаче Московскаго, и князь имѣлъ права старшинства. Къ Михаилу отъѣхали бояре умершаго великаго князя Андрея Александровича. Михаилъ тверской властвовалъ надъ Новгородомъ, гдѣ сидѣли его намѣстники. Власть князя, внутрен-

[1]) Москва — „мутная вода“, по-фински.

ніе распорядки, положеніе жителей, стремленіе князей расширить и заселить свои владѣнія и въ Твери и въ Москвѣ были совершенно одинаковы. За права Михаила стоялъ и митрополитъ, жившій уже во Владимірѣ. Православное духовенство всегда стояло за преимущества единовластія и всегда поддерживало великихъ князей, кто бы они ни были: и князья, прежде равнодушные къ его убѣжденіямъ, теперь, въ тяжкія времена татарскаго ига, стали прислушиваться къ голосу духовенства, къ указаніямъ на священную власть единаго греческаго императора. Ради усиленія единой власти духовенство прощало великимъ князьямъ нарушеніе клятвы. Все было за Михаила. Тверской князь поѣхалъ въ Орду. Юрій отправился туда же, скрывъ отъ митрополита свои намѣренія: дорогой его чуть не захватили братья Михаила.

Ханъ рѣшилъ дать грамоту на великое княженіе Владимірское тому изъ соперниковъ, кто больше за него заплатитъ. Наддавъ разъ, Юрій отступился, и Михаилъ вернулся великимъ княземъ. Но борьба только началась. Во время отсутствія старшихъ князей, ихъ младшіе братья все время вели междоусобія. Михаилъ дважды пытался взять Москву, но не могъ. Юрій усиливалъ свою область; онъ убилъ рязанскаго князя, плѣнника отца, и окончательно завладѣлъ Коломной; затѣмъ захватилъ князя можайскаго и взялъ себѣ его удѣлъ. На югѣ московской земли возникъ новый укрѣпленный городъ Серпуховъ. На сѣверѣ новгородцы страдали отъ самовластія Михаила, грозившаго останавливать на своей землѣ ихъ торговые караваны. Какъ только Михаилъ снова поѣхалъ въ Орду, они прогнали его намѣстниковъ и пригласили къ себѣ Юрія московскаго. Послѣдній оставилъ брата Ивана хозяйничать дома, а самъ нѣсколько лѣтъ защищалъ новгородцевъ отъ шведовъ. Это было выгодно, новгородцы хорошо содержали необходимыхъ для своего спокойствія князей. Юрій оставилъ имъ своего младшаго брата, Аѳанасія, а самъ поѣхалъ въ Орду, куда его вызвали. Тамъ онъ хорошо дарилъ, льстилъ и сумѣлъ такъ понравиться, что за него выдали обращенную въ православіе сестру хана, Кончаку, сдѣлали великимъ княземъ съ правомъ собирать и доставлять въ Орду дань съ нѣкоторыхъ княжествъ; дали и отрядъ татаръ ради борьбы съ Михаиломъ. Несмотря на это и на помощь новгородцевъ, Юрій потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ тверского князя. Кончака попала въ плѣнъ и была увезена въ Тверь, а Юрій ушелъ въ Новгородъ. Князья уже хотѣли мириться, какъ вдругъ Кончака умерла въ плѣну. Бѣда пришлась кстати; Юрій пожаловался хану, что Михаилъ отравилъ его сестру. Въ Ордѣ произошло уголовное судбище. Татары приняли сторону Юрія: Михаилъ былъ осужденъ и умерщвленъ. Сынъ его Дмитрій далъ большой откупъ Юрію и обѣщалъ не искать великаго княженія. Юрій укрѣпился великимъ княземъ, въ то же время правилъ Новгородомъ и воевалъ со шведами. Въ 1324 г. Дмитрій тверской убилъ его въ Ордѣ, какъ мститель за отца. Казнивъ убійцу, ханъ Узбекъ нашелъ нужнымъ сдѣлать его брата, Александра тверского, великимъ княземъ владимірскимъ. Москву получилъ Иванъ Даниловичъ, знаменитый Калита.

Калита соединилъ въ своихъ рукахъ владѣнія умершихъ братьевъ; но удѣлъ его былъ еще невеликъ: у князя московскаго было всего 6 городовъ, 42 собственныхъ, т.-е. дворцовыхъ, села, 51 волость сельская (волость— то же, что и нынѣ — округъ изъ нѣсколькихъ деревень). Эти владѣнія

сравнительно хорошо населенныя, давали ему большіе доходы. Въ 1328 г. тверичи не вынесли притѣсненій и безчинствъ ханскаго посла Чол-хана съ его татарами: произошло общее возстаніе и татаръ истребили. Калита тотчасъ отправился въ Орду для обсужденія событія. Тамъ ему дали 20 тысячъ войска и поручили наказать тверского князя. Вся Тверская область была погромлена и разграблена, а побѣдитель Калита былъ сдѣланъ великимъ княземъ. Александръ тверской бѣжалъ въ Псковъ. Вѣрный союзникъ власти великихъ князей, митрополитъ, теперь держалъ сторону князя московскаго; онъ велѣлъ запереть церкви въ Псковѣ въ наказаніе народу; псковичи пришли въ ужасъ отъ этой мѣры, и Александръ ушелъ отъ нихъ въ Литву, чтобы неповинный народъ не отвѣчалъ за него.

Калита еще искуснѣе брата умѣлъ дѣлать изъ татаръ своихъ союзниковъ. Всегда покорный хану, онъ добился высшаго права—собирать дань со всѣхъ русскихъ княжествъ и подъ личною отвѣтственностью отсылать ее въ Орду. Повсюду являлся онъ довѣреннымъ лицомъ хана и давалъ чувствовать свою силу и значеніе. Онъ умѣлъ брать и за вину и безъ вины. Бояре его и намѣстники хозяйничали въ чужихъ княжествахъ: въ Ростовскомъ, напримѣръ, они перевѣшали бояръ. Калита въ Новгородъ не ѣздилъ, подчинилъ его своему намѣстнику и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы брать особую дань съ его крестьянъ (черный боръ), которою откупались отъ княжескихъ походовъ. Отъ дани, отъ всякихъ поборовъ въ знаменитой калитѣ (кошелѣ) Ивана оставались богатыя сбереженія; онъ употреблялъ ихъ главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе земель. Мелкіе бѣднѣйшіе князья часто совершенно разорялись отъ поѣздокъ въ Орду, отъ непосильныхъ подношеній и подарковъ, должали въ Ордѣ, не знали, какъ выкупиться отъ татаръ. Калита давалъ имъ денегъ въ долгъ подъ залогъ земель, которыя переходили къ нему. Скупалъ у обѣднѣвшихъ князей села, сѣнокосы, цѣлыя сельскія волости, даже цѣлые города: есть извѣстія, что у самыхъ бѣдныхъ князей онъ скупалъ даже княжества. Такъ онъ скупилъ много земель у князей Бѣлозерскихъ, скупалъ и держалъ, вѣроятно, въ залогѣ удѣлы князей Углича и Галича [1]). Такія купленныя земли и города оказывались, конечно, полною собственностью князя, которой онъ распоряжался по своему произволу, выдѣляя ихъ отъ земель княжества.

Центральное положеніе Москвы было такъ удобно для правящаго лица, что митрополитъ св. Петръ сперва подолгу живалъ въ ней по дѣламъ, а въ 1325 г. окончательно переселился въ нее, покинувъ запустѣвшій Владиміръ. Всѣ преемники его жили въ Москвѣ, называясь митрополитами московскими и всея Руси. Среди множества свѣтскихъ князей, митрополитъ всея Руси былъ единой главой всей русской церкви. Съ его переѣздомъ Москва сдѣлалась церковной столицей Руси и получила особенное значеніе въ глазахъ народа, который за время татарскаго ига сдѣлался гораздо религіознѣе прежняго. Кромѣ того, при Калитѣ, другѣ хана, татарскіе баскаки совсѣмъ перестали посѣщать земли московскаго князя. Безопасность привлекла населеніе къ Москвѣ. Бояре, привыкшіе служить великимъ князьямъ, пріѣзжали сюда изъ Твери и

[1]) Эти княжества полностью отошли къ Москвѣ при дѣтяхъ и внукахъ Калиты.

другихъ земель, часто изъ южной Руси и изъ-за границы. Много народу искало въ Москвѣ службы и наживы. Начали появляться въ Москвѣ и бывшіе удѣльные князья, продавшіе или сдавшіе свои удѣлы; ихъ ожидало почетное положеніе среди бояръ. Во времена Калиты возникъ обычай давать служащему землю изъ собственныхъ, купленныхъ — съ тѣмъ условіемъ, что если уйдетъ отъ князя, то лишается земли.

Такъ Москва становилась сильнѣе Твери. Это станетъ понятнымъ, если всмотрѣться въ карту Руси того времени: маленькое московское княжество было со всѣхъ сторонъ окружено такими же удѣлами, какъ и оно само, съ такимъ же населеніемъ и такими же порядками. Князья безъ особаго труда перебивали и покупали ихъ у другихъ князей, такъ какъ главная масса населенія, простой сельскій людъ, не замѣчала перемѣны въ князьяхъ и порядкахъ и молча соглашалась на присоединеніе: даже со стороны Литвы пограничныя земли были чисто русскими. Положеніе другихъ областей было не такъ удобно для собиранія удѣловъ. Тверское княжество граничило съ Новгородской землей, гдѣ удѣловъ не было и порядки нѣсколько отличались отъ центральныхъ княжествъ. Рязанское княжество широкой полосой врѣзалось въ татарскія степи; Суздальско-Нижегородское, Ярославское тоже граничили съ пустынными землями, куда ихъ населеніе уходило только съ невыгодой и запустѣніемъ для княжествъ. Москва же по своему положенію пріобрѣтала небольшія по объему, но настолько заселенныя земли, что съ каждымъ захватомъ богатѣла. Союзъ съ ханомъ, содѣйствіе духовной власти и, на первое время, помощь новгородцевъ только облегчали московскимъ князьямъ ихъ задачу собирать удѣльныя земли вокругъ Москвы.

Въ своемъ завѣщаніи Калита по старинѣ раздѣлилъ земли между 3-мя сыновьями: старшій Симеонъ получилъ 26 городовъ и селъ, Иванъ — 23, Андрей — 21. Въ Москвѣ всѣ братья имѣли свои участки, съ которыхъ получали доходы: столица какъ бы связывала, сближала братьевъ. Какъ добрый хозяинъ, Калита перечисляетъ въ завѣщаніи всѣ свои цѣнные кресты, иконы, пояса, перстни, блюда и чарки, точно расписывая, кому что дается; не забыта и княгиня вдова; указываетъ князь, какіе сѣнокосы, деревеньки онъ купилъ, какіе табуны лошадей онъ завелъ. Весь хозяйственный характеръ удачно прозваннаго князя отражается въ завѣщаніи. Самъ онъ, очевидно, не сознавалъ, что работаетъ для установленія единовластія.

При этомъ раздѣленіи Московское княжество не распалось. Отчасти помогла малочисленность княжескаго рода: одинъ братъ умеръ бездѣтнымъ, у двухъ другихъ было по одному сыну. Но это случайность: народись больше князей, все-таки великій князь подчинилъ бы себѣ младшихъ, только съ большимъ числомъ убійствъ и клятвопреступленій. Самая возможность собиранія сосѣднихъ удѣловъ связывала князей одной семьей, сообщала общій интересъ ихъ дѣятельности, а единеніе со старшимъ облегчало сношенія съ татарами. Въ это время объединялась и Литва. Сынъ Гедимина литовскаго, Ольгердъ, личность замѣчательная даже по свидѣтельству его враговъ, почувствовалъ врага въ Москвѣ и выступилъ противъ нея, чтобы мѣшать ея усиленію, на первое время неудачно; но это былъ опасный врагъ: приниженные Москвой удѣльные князья смотрѣли на Литву въ лучшемъ случаѣ какъ на выгоднаго союз-

ника, въ худшемъ—на прибѣжище, куда можно бѣжать. При слабомъ или малолѣтнемъ князѣ положеніе дѣлъ въ Москвѣ мало измѣнялось. Въ Москвѣ укрѣпился кружекъ мѣстныхъ бояръ, привыкшихъ служить великимъ князьямъ и первенствовать надъ удѣльными слугами. Удѣльные князья были такъ слабы, что не могли удерживать знатныхъ бояръ на своей службѣ, и послѣдніе стремились къ великимъ князьямъ. Единовластіе, служба единому князю были выгодны боярамъ, такъ какъ давали имъ свободныя волости въ намѣстничества, съ которыхъ они получали доходы и кормы. Московскіе бояре энергично поддерживали и слабаго князя. Митрополиты, съ своей стороны, оказывали большое вліяніе на управленіе княжествомъ и смиряли удѣльныхъ князей передъ великимъ московскимъ.

X.

Усиленіе власти московскихъ князей среди борьбы съ татарами. Союзъ князей вокругъ великаго князя московскаго. Паденіе греческой имперіи.

Послѣ смерти послѣдняго изъ сыновей Калиты въ московскомъ княжескомъ домѣ остались одни дѣти: Дмитрій 10 лѣтъ съ младшимъ братомъ подъ опекой митрополита Алексѣя и 6-ти лѣтній Владиміръ серпуховскій, ихъ двоюродный братъ. Завистники возвышенія Москвы подняли головы. Нельзя же допускать, чтобы ханъ, помимо взрослыхъ князей, далъ грамоту на великое княженіе мальчику. Сильно потратившись на подарки, Дмитрій нижегородскій добылъ эту грамоту и 4 года считался великимъ княземъ. Затѣмъ московскіе бояре запаслись деньгами и повезли въ Орду своихъ юныхъ князей. Тамъ въ это время царилъ полный безпорядокъ: ханскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки: ханы изгоняли, убивали другъ друга съ цѣлыми семействами: нѣкоторыя небольшія орды грозили отложиться. Приходилось считаться съ ханами соперниками и ихъ партіями. Наконецъ, возвысился новый ханъ, который изъ ненависти къ предшественнику далъ грамоту Дмитрію московскому. Когда князья вернулись домой, московское войско выступило противъ Дмитрія нижегородскаго: тотъ не рѣшился на открытый бой и уступилъ Владимірское княженіе Москвѣ. Слѣдующая попытка нижегородскаго князя завладѣть Владиміромъ была отражена одними боярами: князья помирились и московскій женился на дочери своего соперника, за которой получилъ впослѣдствіи половину Нижегородскаго княжества.

Унаслѣдовавъ большія средства и сильное княжество, Дмитрій дѣятельно развивалъ политику отцовъ и дѣдовъ. Его отецъ, Иванъ, за недолгое княженіе успѣлъ получить отъ хана право высшаго суда надъ удѣльными князьями. Укрѣпляя авторитетъ московскаго князя, это право тѣснѣе связывало мелкихъ князей съ Москвой. Цѣлый союзъ князей образовывался вокругъ вел. князя московскаго. Такъ, на Тверь Дмитрій выступалъ во главѣ 12 князей съ ихъ дружинами. Пользуясь случаемъ, завладѣлъ Стародубскимъ княжествомъ, а князя держалъ у себя на службѣ. Когда замѣтили, что предпріимчивый тверской князь Михаилъ

Александровичъ сносится съ Литвой, его ласково зазвали въ Москву и посадили подъ стражу, а отпустили только по приказу хана. Когда Михаилъ тверской добился у новаго хана Мамая грамоты на великое княженіе, Дмитрій смѣло отвѣтилъ: „не пущу Михаила на владимірское княженіе“, съ помощью ханскаго посла задарилъ Мамая и снова сталъ великилъ княземъ. Иванъ тверской задолжалъ въ Ордѣ 10 тысячъ рублей, огромныя въ то время деньги. Дмитрій нашелъ выгоднымъ выкупить его и привести въ Москву, а отца заставилъ договоромъ навсегда признать себя младшимъ княземъ и союзникомъ московскаго.

Неурядицы въ Ордѣ очень ослабляли татаръ и подготовили открытую борьбу съ Москвой. Отдѣльные татарскіе отряды не разъ являлись грабить рязанскія и нижегородскія земли; ихъ нѣсколько разъ прогоняли. Населеніе понемногу перестало бояться татаръ. Около Москвы уже 50 лѣтъ не видали татарскихъ войскъ; цѣлыя поколѣнія выросли и старѣли, не испытавъ набѣга. Разъяренный пораженіемъ своего отряда у рѣки Вожи, Мамай рѣшилъ напомнить русскимъ времена Батыя. Дмитрій уже готовился къ борьбѣ. Удѣльные князья охотно присоединились къ нему со своими дружинами. Всѣ сознавали, что пора дать открытый отпоръ татарамъ. Одинъ Олегъ рязанскій не присоединился къ общему союзу, страшась одновременно и татаръ, и усиленія Москвы. Олегъ договаривался съ сыномъ умершаго Ольгерда литовскаго, Ягелло литовскимъ, при помощи татаръ остановить усиленіе московскаго князя. Время для такого союза было неподходящее. Ягелло не имѣлъ способностей своего отца; при немъ происходили большія смуты между князьями,—русская партія боролась съ языческой литовской, а всей странѣ постоянно грозило вмѣшательство нѣмецкихъ рыцарей католиковъ.

По словамъ лѣтописи, войско Дмитрія достигало 150 тысячъ. Число сомнительное: слишкомъ оно часто встрѣчается въ древнихъ сказаніяхъ. Благословенія св. Сергія Радонежскаго, его предсказанія, участіе присланныхъ имъ иноковъ—богатырей придавали походу характеръ борьбы съ невѣрными. Послѣ многихъ споровъ мѣсто для встрѣчи татаръ было удачно выбрано въ Рязанской землѣ. 8-го сентября 1380 г. произошла знаменитая битва за Дономъ, на Куликовомъ полѣ. Это была одна изъ тѣхъ великихъ битвъ народовъ, которыми въ исторіи задерживается и даже прекращается наступленіе одного племени на другое. Татары были разбиты на голову и бѣжали. Громадная масса убитыхъ осталась на мѣстѣ. Есть извѣстія, что у русскихъ уцѣлѣло не болѣе 40 тысячъ изъ 150-ти — потеря огромная. Русскіе возвращались домой измученные, но торжествующіе. Литовскія войска не показались: узнавъ о пораженіи татаръ, Ягелло вернулся съ дороги назадъ. Русскій народъ инстинктивно понималъ значеніе Куликовской битвы; о ней сохранилось много преданій; неизвѣстные писатели изложили ихъ въ стихотворной формѣ, подражая „Слову о полку Игоревѣ“, въ повѣстяхъ „О Задонщинѣ“, „О Мамаевомъ побоищѣ“. Съ тѣхъ поръ нашествія азіатскихъ ордъ прекратились, и Европа освободилась отъ этихъ страшныхъ бѣдствій.

Отпоръ Мамаю показалъ, что великороссы восточной равнины не намѣрены терпѣть азіатскихъ нашествій, а черезъ 30 лѣтъ (1410 г.) соединенныя силы Польши и Литвы дали отпоръ нѣмецкимъ рыцарямъ и тѣмъ остановили нашествіе съ запада германскаго племени: право владѣть во-

сточной равниной осталось за населявшими ее народами. Зато теперь эти народы начнутъ считаться между собой, кто пересилитъ и установитъ свое преобладаніе: западный—польско-русско-литовскій міръ, или восточный великороссійскій. Куликовская битва показала, какую силу даетъ народу объединеніе его въ одно цѣлое: главнымъ же объединителемъ былъ московскій князь, поэтому побѣда очень возвысила Москву и ея князя въ глазахъ русскихъ.

Блестящая побѣда не избавила русскихъ отъ подчиненія Ордѣ; татары, правда, поняли, что времена Батыя не вернутся; они стали нападать осторожнѣй и хитрѣй, стремясь застигнуть русскихъ врасплохъ. Такъ, ханъ Тохтамышъ, низвергнувъ побѣжденнаго Мамая, отмстилъ за Куликовскую битву разореніемъ Москвы и ея окрестностей, и снова пришлось посылать дань татарамъ. Дмитрій Донской умеръ въ 1386 г. Онъ пріобрѣлъ Верею, Мещеру, Калугу, часть княжества Суздальско-Нижегородскаго, и окончательно завладѣлъ Владимірскими землями. Онъ такъ былъ увѣренъ въ значеніи своей власти, что въ завѣщаніи благословилъ своего старшаго сына, Василія, великимъ княземъ владимірскимъ и далъ ему значительно больше земель, чѣмъ младшимъ сыновьямъ. Владѣнія послѣднихъ не составляли обособленныхъ удѣловъ, а были разбросаны по разнымъ мѣстамъ московской территоріи.

Василій Дмитріевичъ очень легко получилъ въ Ордѣ грамоту, утверждавшую его въ полученномъ отъ отца званіи. При немъ татары дважды грозили Руси: въ 1395 г. послѣдній великій завоеватель средней Азіи, Тамерланъ, завладѣлъ Закавказьемъ, оттуда явился громить Золотую Орду; разбивъ Тохтамыша, онъ гналъ татаръ до русскихъ предѣловъ, разгромилъ польско-литовскую армію Витовта, но отъ Ельца повернулъ на Кавказъ, не имѣя намѣренія идти на Европу. Въ 1408 г. ханъ Эдигей, не получая дани, сильно разорилъ московскую область. Затѣмъ главнымъ врагомъ Руси становилась Литва. Она долго служила опорой для удѣльныхъ князей, приниженныхъ московскими властителями; обиженные князья заключали съ нею союзы, а въ крайнемъ случаѣ искали спасенія за литовскимъ рубежемъ.

Много русскихъ князей еще владѣли здѣсь пограничными землями подъ верховенствомъ Литвы, и своими сношеніями съ московскими единовѣрцами вызывали столкновенія между соперничавшими государствами. При Витовтѣ Литва очень усилилась; только обиліе удѣльныхъ князей задерживало успѣхи талантливаго литовца. Василій женился на его дочери. Но три раза между зятемъ и тестемъ дѣло доходило до войны, причемъ оба, очень осторожные, обходились безъ рѣшительнаго сраженія, заключая договоры. Побѣда осталась таки за Витовтомъ; онъ овладѣлъ Смоленскомъ а рѣка Угра сдѣлалась границей между Литвой и Русью. Василій внутри страны обогатилъ свои владѣнія Муромомъ, Городцемъ, Тарусой, Боровскомъ, Нижнимъ-Новгородомъ, Суздалемъ, по обыкновенію съ помощью мѣстныхъ бояръ. Князья ихъ убѣгали въ Литву или поступали на московскую службу. Татарская дань рѣдко отсылалась ханамъ, оставаясь въ Москвѣ въ распоряженіи великаго князя.

Умирая, въ 1426 г., Василій оставилъ вдову, 10-ти лѣтняго сына, тоже Василія, котораго благословилъ великимъ княженіемъ, и нѣсколько братьевъ и племянниковъ. Московское княжество въ эту пору дѣлилось

удѣловъ на 10-ть. Многими еще владѣли сыновья Донского по завѣщанію отца. Впервые въ семьѣ московскихъ князей возникла усобица, которая, однако, ровно ничего не измѣнила въ порядкѣ владѣнія. Дядя, Юрій Галицкій, пытался перебить у Василія великое княженіе и Москву во имя древняго права родового старшинства. Изъ за свадьбы великаго князя вышло столкновеніе, обиды, побудившія нѣкоторыхъ бояръ отъѣхать къ Юрію. Послѣднему они помогли внезапно захватить Москву, а Василія посадить въ Коломнѣ. Но скоро москвичи вняли внушеніямъ духовенства и начали переѣзжать къ Василію. Юрій, всѣми покинутый, выѣхалъ изъ Москвы и вскорѣ умеръ. Сыновья его пытались продолжать борьбу. Юрьевичамъ удалось захватить злополучнаго Василія близъ Троицы и ослѣпить его. Но произошло то же, что̀ и раньше: духовенство и бояре отвернулись отъ нихъ и возвратили въ Москву слѣпого великаго князя. Несмотря на свои бѣдствія, Василій имѣлъ возможность замѣтно поднять свою власть и значеніе. Внутри своей области онъ избавился отъ 2-хъ семей двоюродныхъ братьевъ, которые принуждены были уйти въ Литву, оставивъ свои удѣлы великому князю. Нѣсколько разъ Василій выступалъ на Новгородъ, чтобы напомнить, что земля эта должна почитать въ немъ властителя „всея Руси“ и выплачивать требуемый „черный боръ“.

При немъ турки окончательно овладѣли греческой имперіей. Громадное нашествіе Чингисъ-хана заставило цѣлую орду турокъ, уже магометанъ, уйти изъ Туркестана въ Малую Азію. Здѣсь они постепенно усиливались и переняли отъ грековъ кое-какія культурныя привычки. По имени одного выдающагося султана турки стали называться Османскими и Оттоманами. Получивъ строго военное устройство, они захватили у грековъ ихъ азіатскія провинціи, но долго не могли проникнуть на искусно защищенный Балканскій полуостровъ. Въ 1356 г. грекъ принцъ Кантакузенъ, желая завладѣть императорскимъ престоломъ, заключилъ союзъ съ турками и пропустилъ ихъ на берега Ѳракіи. Турки немедленно начали покорять Балканскія земли. Черезъ 9 лѣтъ столица султановъ оказалась въ Адріанополѣ. Въ 1389 г. въ знаменитой битвѣ на Коссовомъ полѣ турки разгромили сербовъ и завладѣли ихъ страной, затѣмъ покорили Болгарію и проникли въ южную часть полуострова — Пелопоннесъ. Къ 1430 г. во власти императора остались только Константинополь и его окрестности. Христіанская имперія гибла подъ игомъ магометанъ.

Императоръ рѣшился войти въ сношенія съ папой, прося побудить западныхъ государей устроить крестовые походы для изгнанія турокъ. Папа потребовалъ отъ грековъ согласія на соединеніе — *унію* восточной церкви съ западной подъ его властью. Устроили церковный соборъ во Флоренціи, куда отправился императоръ съ греческимъ духовенствомъ. Чтобы привлечь къ уніи русскихъ, константинопольскій патріархъ назначилъ митрополитомъ въ Москву изворотливаго грека Исидора. Едва пріѣхавъ на мѣсто служенія, Исидоръ началъ упорно отпрашиваться за границу у Василія Темнаго. Великій князь и русское духовенство были поглощены мѣстными дѣлами и удѣльной смутой, а по недостатку образованія плохо понимали вселенскіе церковные вопросы; они упрашивали Исидора не ѣхать, однако отпустили съ большимъ сомнѣніемъ, такъ

ему свиту изъ русскихъ епископовъ и архимандритовъ. Споры представителей церквей длились нѣсколько лѣтъ и не обошлись безъ насилій. Суздальскаго архимандрита за отказъ подписать постановленіе объ уніи посадили въ тюрьму. Но унія состоялась только на бумагѣ: греческій императоръ умеръ, не рѣшившись открыто объявить ее народу. Папа, съ своей стороны, сдержалъ обѣщаніе—проповѣдывалъ крестовый походъ на магометанъ. На призывъ его двинулся только одинъ восторженный юноша, польскій король Владиславъ, сынъ Ягеллы.

Но турки разгромили его армію, и самъ онъ погибъ въ сѣчѣ. Въ 1453 г. великій Царьградъ доживалъ свои послѣдніе дни. Султанъ Магометъ II съ отличной артиллеріей и громаднымъ войскомъ обложилъ со всѣхъ сторонъ столицу православія. Въ городѣ было всего нѣсколько тысячъ наемнаго войска; сами же греки давно отвыкли отъ военнаго дѣла. Три ряда замѣчательныхъ каменныхъ стѣнъ не могли спасти города. Константинополь былъ взятъ, послѣдній императоръ погибъ въ рѣзнѣ. Оттоманская имперія заняла мѣсто греческой Византіи. Племянники императора были заранѣе отправлены въ Римъ къ папѣ. Древнія рукописи, цѣнныя произведенія искусствъ тоже перевозили въ Италію. Когда, по возвращеніи Исидора въ Москву, во время перваго служенія въ Успенскомъ соборѣ, на ектеніи помянули имя папы, какъ главы церкви, духовенство и молящіеся пришли въ ужасъ. Исидора посадили подъ стражу, но онъ бѣжалъ въ Литву, потомъ въ Италію; русское духовенство самостоятельно избрало себѣ митрополита, и великій князь утвердилъ его своею властью; рѣшили къ константинопольскому патріарху больше не обращаться, находя, что сами греки стали не тверды въ православіи.

Лестныя, даже льстивыя грамоты бѣдствовавшихъ императоровъ только подкрѣпляли русскаго князя въ сознаніи своего права дѣйствовать самостоятельно. Издавна русскимъ внушали, что Царьградскій императоръ есть Богомъ установленный глава православнаго міра. Еще кіевскихъ князей духовенство старалось убѣдить, что и они власти, и они поставлены Богомъ. Московскимъ князьямъ императоры не разъ писали грамоты, называя ихъ стольниками имперіи, сродниками своими. Василія Темнаго императоръ называетъ уже—„государь братъ мой". Все это понемногу возвышало положеніе и власть московскихъ князей въ ихъ собственныхъ глазахъ. Темный уже принималъ на себя обязанности главы своей русской церкви, какъ братъ царя греческаго, заступающій его по необходимости. Послѣ паденія имперіи чисто русскій митрополитъ Іона именовалъ своего великаго князя: „великій государь, царь русскій, благородный и благочестивый великій князь". Братъ царя-императора сдѣлался теперь естественнымъ главой православныхъ, ихъ самодержавнымъ правителемъ, царемъ. Въ духовныхъ сочиненіяхъ и посланіяхъ появилось такое мнѣніе: былъ первый древнѣйшій Римъ въ Италіи, гдѣ вспыхнула истинная вѣра; имъ завладѣли варварскіе народы; тогда возвысился 2-ой Римъ, Константинополь—столица православія; онъ погибъ отъ невѣрныхъ. Теперь возвышается 3-й Римъ—Москва; настало ея время быть столицей православія, а ея князю—самодержавнымъ государемъ.

XI.

Москва-государство. Исчезновеніе самостоятельныхъ областей. Сношенія съ иностранными государствами.

Лишенный зрѣнія своими соперниками въ борьбѣ за власть, внукъ Донского, Василій Васильевичъ, умеръ побѣдителемъ, окруженный почтеніемъ духовенства; московское населеніе, поддержавъ его при довольно невыгоднымъ условіяхъ, какъ бы отказывалось отъ удѣльныхъ порядковъ, отъ безпокойныхъ смѣнъ князей по старшинству: переходъ власти отъ отца къ сыну былъ признанъ болѣе удобнымъ для народа.

Но политическая обстановка этой власти являлась еще очень тяжелой: враги и соперники еще стояли очень близко отъ Москвы. Городъ Клинъ принадлежалъ самостоятельному еще тверскому княжеству; верстъ 100 за Можайскомъ начиналась могущественная Литва, владѣвшая Смоленскомъ; въ 100 верстахъ на югъ отъ Москвы тянулась сторожевая линія, защищавшая ее отъ татаръ; къ востоку вблизи Нижняго-Новгорода находились владѣнія Казанскихъ татаръ. Сѣверъ за Ростовскимъ и Ярославскимъ княжествами и Вяткой принадлежалъ вольному Новгороду. Всѣ эти земли, владѣнія великорусскаго племени, состояли въ полной зависимости отъ хана Золотой Орды; все населеніе—данники татаръ. При Иванѣ III исчезаетъ и тяжелая разобщенность великорусскихъ областей и татарская неволя. Иванъ получилъ по смерти отца 15 тыс. кв. миль, а пріобрѣлъ вмѣстѣ съ сыномъ около 40 тысячъ, такъ быстро пошло впередъ объединеніе земель. Разъ Москва была признана центромъ великорусскаго населенія, а великій князь твердо заставлялъ слушать свои рѣчи о томъ, что и въ Новгородѣ, и во Псковѣ, и въ Рязани, и въ Вяткѣ, все вотчины его, обязанныя подчиняться его волѣ, само населеніе областей привыкало вмѣшивать его въ свои мѣстныя дѣла, обращаться къ нему за судомъ, за защитой и втягивалось въ сферу его вѣдѣнія. Тяжело жилось великороссійскому народу среди его бѣдной страны, окруженной врагами; немного отраднаго сулила власть московскаго вотчинника, но объединеніе его земель вокругъ московскаго центра съ половины XV в. сдѣлалось національной задачей, необходимостью. А съ объединеніемъ областей московскому князю пришлось перенести свои политическія заботы за предѣлы своихъ вотчинъ и завести оживленныя сношенія съ иностранцами: онъ обращался въ единаго представителя своей націи.

Іоаннъ III-й съ юношескихъ лѣтъ былъ соправителемъ своего слѣпого отца. Сдѣлавшись великимъ княземъ въ 1462 г., онъ получилъ по отцовскому завѣщанію большую половину русскихъ городовъ; остальные подѣлились между 4-мя младшими братьями. Іоаннъ не поѣхалъ въ Орду за грамотой и первый изъ московскихъ князей рѣшился обойтись безъ ханскаго утвержденія. Вовсе не личную смѣлость проявилъ онъ здѣсь, а просто слабость Золотой Орды позволяла не церемониться съ нею. Іоаннъ не отличался ни особой энергіей, ни рѣшительностью, ни смѣлостью. Онъ боялся и избѣгалъ войнъ, а на войнѣ уклонялся отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Обдумывалъ онъ медленно, окончательныя мѣропріятія всегда откладывалъ, точно выжидая, не попадется ли непріятель

самъ ему въ руки. Этой тактикой онъ мастерски изводилъ враговъ. Положеніе московскаго княжества такъ окрѣпло, а порядки въ самостоятельныхъ еще областяхъ такъ расшатались, что московскому повелителю не стоило большихъ усилій забирать ихъ. Чрезвычайно усложнились въ его время отношенія съ иностранными государствами, но и здѣсь его медлительная осторожность оказывалась умѣстной и своевременной. Возвышая свою власть, свое государство, онъ умѣлъ не давать усиливаться сосѣдямъ.

Что касается внутреннихъ дѣлъ земли, то всѣ удѣльные князья попрежнему выплачивали дань для хана, хотя она почти вся оставалась въ Москвѣ; и какъ бы становились данниками московскаго князя. Многочисленные князья ярославскіе и ростовскіе не могли отстоять независимости своихъ мелкихъ земелекъ, добровольно уступали ихъ или продавали за деньги, а сами переѣзжали на службу въ Москву. Единственнаго независимаго родича, Верейскаго князя, Иванъ суровымъ обращеніемъ заставилъ уступать удѣлъ по частямъ Родныхъ братьевъ онъ сильно притѣснялъ, требуя полной покорности; владѣнія бездѣтнаго князя или ушедшаго въ Литву онъ присоединялъ цѣликомъ къ своему. Одинъ братъ былъ посаженъ въ тюрьму вмѣстѣ съ сыновьями. Великій князь Рязани воспитывался въ Москвѣ, женился на сестрѣ Ивана и постоянно получалъ отъ него приказанія; отъ удѣльныхъ же рязанскихъ великій князь просто отнялъ земли. Послѣ паденія Новгорода Тверь оказалась среди московскихъ владѣній. За сношенія съ Литвой тверскому князю была объявлена война; онъ бѣжалъ, а его удѣльные князья подчинились Ивану. Тверскіе бояре заблаговременно перебрались въ Москву.

Зависимость отъ Золотой Орды прекращалась сама собой съ распаденіемъ этого ханства. Въ началѣ XV-го в. ханъ Менгли-Гирей отложился отъ нея и основалъ независимое владѣніе на Крымскомъ полуостровѣ и степяхъ Черноморскаго побережья. Немного позже Улу-Махметъ основалъ казанское царство на землѣ волжскихъ булгаръ. Крымское ханство въ половинѣ XV-го в. отдалось подъ покровительство Турціи. Оно занимало нижнее теченіе южныхъ рѣкъ восточной равнины, и по своему положенію должно было бороться то съ Польшей, то съ Москвой. Иванъ III пользовался враждой его хановъ съ Золотой Ордой, держалъ часто пословъ въ Крыму—въ торговомъ городѣ Кафѣ, посылалъ дорогіе подарки. Попытка хана Ахмата въ союзѣ съ Казиміромъ польскимъ погромить Москву окончилась печально для Золотой Орды. Иванъ III особенно тѣсно сблизился тогда съ Крымомъ, которому Польша не прощала захвата ея Черноморскаго побережья. Ханъ явился къ р. Угрѣ, гдѣ остановился лагеремъ противъ московскаго войска, занимавшаго свой противоположный берегъ. Такъ войска стояли до морозовъ. Великій князь выслушалъ много нареканій за уклоненіе отъ сраженія. Поляки не показывались, занятые Чехіей и Венгріей Поздней осенью пришло извѣстіе, что крымцы и ногайцы грабятъ селенія Ахмата. Татары побѣжали домой. Разграбленная Орда перенесла смуты при сыновьяхъ Ахмата и, потерявъ еще нѣсколько владѣній, обратилась въ незначительное Астраханское царство. Иванъ III торжественно въѣхалъ въ Москву, провозглашая побѣду. Въ 1480 г. монгольское иго прекратилось.

Гибель Константинополя произвела сильное впечатлѣніе на хри-

стіанъ. Появленіе нехристіанскаго государства турокъ османскихъ въ Европѣ было непріятно и представителямъ самыхъ западныхъ народовъ: для ближайшихъ сосѣдей по Средиземному морю оно было крайне бѣдственно. Большіе торговые города Италіи—Венеція и Генуя—лишились своихъ колоній на востокѣ: турки нападали на купеческіе корабли, топили ихъ и грабили; изъ-за военныхъ предпріятій торговое движеніе часто совершенно прекращалось. Папы, всегда считавшіе себя главой христіанскаго міра, не могли помириться со вторженіемъ магометанства въ Европу. Каждый изъ нихъ считалъ долгомъ хлопотать о союзѣ христіанскихъ государей противъ поклонниковъ Магомета. Торговыя республики, Венеція и Генуя, посылали на востокъ за помощью къ разнымъ народамъ, не разбирая ихъ вѣръ, обращались даже къ ханамъ Золотой Орды, врагамъ крымцевъ.

Планы папъ были шире. Въ Римѣ подросли сироты изъ императорской семьи Палеологовъ, Зоя - Софія и ея два брата. Всѣ трое признавали унію; пользуясь гостепріимствомъ и милостями Рима, держали себя тамъ католиками. Папы искали въ женихи Зои такого государя, который былъ бы полезенъ для союза противъ турокъ. Переселившіеся въ Италію греки напоминали о Россіи. Когда попытки сватовства среди ближайшихъ правителей не удались, папа обратился къ православной Москвѣ, разсчитывая найти въ ней союзника и утвердить свое вліяніе на ея церковь. Итальянецъ делла Вольпе, способный, ловкій на всѣ руки дѣлецъ, служа техникомъ монетнаго дѣла при Іоаннѣ III-мъ сообщилъ изъ Россіи всѣ необходимыя свѣдѣнія; узнавъ что Іоаннъ овдовѣлъ въ 1468 г., послали довѣреннаго грека Траханіота съ предложеніемъ руки принцессы Зои, конечно, предполагая, что русскіе давно подчинились соединенію церквей. Великій князь прекрасно понялъ все значеніе такого лестнаго брака, объ уніи пока умолчалъ и отправилъ въ Римъ Вольпе съ Траханіотомъ для заключенія брачнаго союза. Обрадованный папа прислалъ съ Зоей своего представителя, епископа, для дальнѣйшихъ сношеній съ московскимъ государемъ по вопросамъ вѣры и союза. Зою всюду по дорогѣ чествовали, какъ „дочь императора“. Близъ Дерпта у границы привѣтствовали ее московскіе послы. Вступивъ на русскую почву, политичная гречанка тотчасъ обратилась въ строго православную Софію и отстранила отъ себя папскаго епископа. По разсказамъ иностранцевъ, Ивана тогда уже называли Грознымъ, только внукъ его, заставивъ забыть дѣда, перебилъ у него прозвище. Но гордая своимъ происхожденіемъ жена заставила его уважать себя. Съ ея пріѣздомъ московскій владыка почувствовалъ подъ ногами твердую почву для установленія самодержавной власти, о которой долго мечтали представители духовенства. Двуглавый орелъ православныхъ императоровъ самъ перелеталъ въ Москву, въ свой 3-й Римъ. Братья Софьи умерли раньше ея, не оставивъ потомства. Такимъ образомъ Софья спокойно перенесла свои права и свое величіе на мужа и дѣтей.

Теперь и мірскіе законы передавали московскому князю права греческаго царя, главы православія. Послы папы и нѣкоторыхъ государей льстя Ивану, усиленно убѣждали его въ величіи его положенія; они указывали ему обязанность его стать во главѣ союза противъ турокъ. Но Иванъ самъ считалъ себя выше всѣхъ королей, прекрасно проникался

своимъ величіемъ, однако никакого союза съ католиками не желалъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь русскіе чуждались теперь иновѣрцевъ, а турки не возбуждали пока никакой вражды, напротивъ—султанъ былъ покровителемъ крымскаго хана, союзника Москвы, котораго Иванъ направлялъ то на Золотую Орду, то на Польшу. Въ 1493 г. его послы явились въ отуреченный Царьградъ, очень горделиво держали себя передъ султаномъ, и послѣдній нашелъ выгоднымъ отвѣтить тоже присылкой пословъ съ лестными любезностями.

Послѣ окончательнаго прекращенія ига главнымъ врагомъ своимъ Иванъ считалъ польско-литовское государство: именуя себя „Божію милостью государь всея Руси", Иванъ требовалъ своей отчины—Кіева, Смоленска и всѣхъ русскихъ областей, входившихъ въ составъ Руси. Появленіе въ Литвѣ особыхъ митрополитовъ уніатовъ давало поводъ придавать борьбѣ характеръ защиты православія. Опасаясь усиленія Польши, императоръ Австріи и Германіи завелъ дипломатическія сношенія съ Москвой противъ общаго врага. Послѣ смерти Казиміра польскаго Литва и Польша опять раздѣлили государей: поляки избрали его сына, Яна-Альберта, литовцы другого—Александра. Оба получили хорошее образованіе, благодаря итальянскому ученому, видному представителю науки того времени. Иванъ, всегда старавшійся обходиться безъ открытой войны, устроилъ бракъ литовскаго князя съ своей дочерью, Еленой, съ условіемъ, что она останется православной. Литва ослабленная раздѣленіемъ, думала этимъ бракомъ тоже избавиться отъ войны и успокоить православныхъ князей и подданныхъ. Супруги жили очень хорошо, но папы въ Римѣ не одобряли смѣшаннаго брака, а Иванъ III, съ своей стороны, подъ предлогомъ защиты дочери отъ католиковъ, вмѣшивался въ литовскія дѣла. Русскіе князья Черниговской и Смоленской Украйны продолжали переходить отъ Литвы къ Москвѣ вмѣстѣ съ своими землями (кн. Воротынскіе, Бѣльскіе, Вяземскіе и др.). Въ 1500 г. все-таки вспыхнула война изъ за этихъ земель. Московскія войска разбили литовцевъ въ Ведрошской битвѣ; но противъ Москвы выдвинулись ливонскіе рыцари и едва не взяли самого Пскова. Попытка Ивана III завладѣть Смоленскомъ не удалась. Заключили миръ на условіяхъ, что мелкіе удѣлы за Угрой оставались за Москвой, а Смоленскъ за Литвой. По смерти Казиміра Александръ былъ признанъ королемъ Польши.

При московскомъ дворѣ завелась невиданная прежде пышность и возникъ очень строгій этикетъ. Изъ Италіи были вызваны архитекторы и разные мастера, которые перестроили кремль, соборы, воздвигли каменныя хоромы для царя.

Прежнія дружественныя отношенія московскаго владыки съ боярами стали ухудшаться. Укрѣпившись въ сознаніи божественнаго происхожденія царской власти, Иванъ III начиналъ смотрѣть на окружающихъ какъ на подданныхъ, врученныхъ ему провидѣньемъ; ото всѣхъ требовалось одинаковое послушаніе; возвышался только тотъ, кому власть оказывала довѣріе. Боярство считало своимъ исконнымъ правомъ участвовать въ управленіи созданнаго его работой государства. Ивана часто раздражала эта увѣренная смѣлость бояръ, и онъ охотнѣе совѣтовался съ незнатными служилыми людьми, съ дьяками, а съ боярами бывалъ холоденъ и неприступенъ. Гордость Ивана, пышность и церемоніальность

двора приписывали вліянію Софьи. Въ Москвѣ къ началу XVI в. сложились 2 партіи,—родовитыхъ бояръ, недовольныхъ новой обстановкой зародившагося самодержавія, и выслужившихся изъ мелкихъ чиновъ людей, дьяковъ, стряпчихъ и пр., которымъ была очень пріятна возможность такой выслуги—партія Софьи.

По смерти наслѣдника, старшаго сына отъ первой жены Ивана III, Софью Ѳоминишну обличали въ занятіяхъ колдовствомъ [1]) и поссорили съ мужемъ. Подъ вліяніемъ боярской партіи, государь торжественно короновалъ 10-лѣтняго внука Дмитрія и назначилъ его наслѣдникомъ. Но черезъ нѣсколько времени началось тяжелое дѣло о ереси жидовствующихъ; послѣдователи этого ученія нашлись въ самыхъ кремлевскихъ хоромахъ: къ нимъ принадлежала мать наслѣдника, невѣстка государя. Смущенный Иванъ примирился съ женой, отдалилъ отъ себя невѣстку и внука, посадивъ ихъ вскорѣ подъ стражу. Сынъ Софьи, Василій, сдѣлался наслѣдникомъ, и отношенія къ боярамъ ухудшились.

Иванъ III умеръ въ 1505 г.; Москву и ³/₄ городовъ царства онъ оставилъ старшему сыну Василію, остальнымъ 4 сыновьямъ маленькія волости, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, почти безъ всякихъ государственныхъ правъ; братья обязывались во всемъ слушаться старшаго, не замышлять на него, иначе не будетъ на нихъ благословенья. У младшихъ братьевъ не было долей въ Москвѣ; по завѣщанію Ивана III всѣ доходы со столицы получалъ великій князь, выплачивая братьямъ небольшія суммы. Умирая, удѣльные князья, не имѣвшіе сыновей, оставляли земли только великому князю, не смѣя завѣщать ихъ другимъ родичамъ. Это же завѣщаніе только великому князю давало право чеканить монету; прежде этимъ правомъ пользовались и удѣльные. Духовная вотчинника устанавливала своего рода законы, на которыхъ укрѣплялась власть московскихъ государей.

Въ Литвѣ знали о московскихъ партіяхъ. Александръ думалъ, что зятю не легко достанется престолъ и приготовился къ войнѣ, но вскорѣ умеръ. Столкновеніе произошло при его братѣ, Сигизмундѣ I, королѣ Польши и Литвы. Александру служилъ замѣчательно талантливый человѣкъ кн. Михаилъ Глинскій; европейски образованный онъ жилъ долго въ Вѣнѣ и Венгріи, но нашелъ болѣе выгоднымъ служить Литвѣ. Самъ православный, онъ считался главой православной партіи, хотя въ сущности происходилъ изъ татаръ и былъ окруженъ весьма разноплеменнымъ людомъ. Недовольный Сигизмундомъ, Глинскій съ братьями переѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ радостно встрѣченъ. Онъ искусно продолжалъ сношенія съ русскимъ населеніемъ Смоленской области и подготовилъ ея завоеваніе. Король думалъ застать русскихъ врасплохъ. Русскіе полки долго стояли подъ Казанью и терпѣли неудачи при осадѣ. Но татары сами просили мира, и русскимъ удалось двинуть къ Литвѣ массу войскъ, оставивъ близъ южныхъ границъ сторожевой отрядъ на случай набѣга крымцевъ.

Король попытался снестись съ кн. Юріемъ Ивановичемъ дмитровскимъ и возстановить его противъ брата, но Юрій не имѣлъ ни способ-

[1]) Греки ея свиты устроили заговоръ, и было покушеніе на жизнь сына покойнаго наслѣдника.

постей, ни достаточнаго вліянія въ Москвѣ для заговора Василій получилъ только предлогъ строже обращаться съ родичами. Смоленскъ сдался, оказавъ стойкое сопротивленіе. Но затѣмъ явились польско-литовскіе полки: они нерѣдко опаздывали, потому что собираніе войскъ всегда зависѣло отъ вельможъ королевства, не спѣшившихъ исполнять приказъ короля. Близъ Орши большое русское войско было разбито на голову слабѣйшимъ непріятелемъ: много воеводъ попало въ плѣнъ. Въ открытомъ полѣ русскіе часто терпѣли неудачи. Дѣло усложнилось попыткой Глинскаго вернуться къ королю. Талантливый честолюбецъ добивался Смоленска на правахъ удѣльнаго князя. Ему не давали его, продержали подъ стражей, но Василій все-таки помирился съ этимъ цѣннымъ дѣятелемъ. Съ большими хлопотами Москвѣ удалось заключить миръ, удержавъ за собою Смоленскъ.

Чтобы сдерживать Польшу, Василій довольно искусно склонилъ на свою сторону курфюрста Бранденбурга и начальника рыцарскаго нѣмецкаго ордена, и нѣмцы грозили полякамъ съ запада, когда усложнялись постоянныя пограничныя ссоры. Поддерживались и дипломатическія сношенія со Швеціей, начало которымъ положилъ еще Иванъ III. Германскій императоръ два раза присылалъ пословъ въ Москву, которые попрежнему старались подвинуть царя на борьбу съ Турціей и примирить его съ Литвой, причемъ стояли за интересы послѣдней. Съ исчезновеніемъ Золотой Орды, (она обратилась въ слабое Астраханское царство), дружба съ Крымомъ смѣнилась враждой. Крымскіе Гиреи стремились укрѣпить своихъ родичей на царствѣ въ Казани и соединить этимъ путемъ оба владѣнія. Московское правительство всѣми мѣрами боролось противъ татарскаго союза; подкупами, угрозами побуждало казанцевъ выбирать въ цари своихъ приверженцевъ, и держало опасныхъ сосѣдей подъ своимъ вліяніемъ. Крымъ былъ недостижимъ за южными степями: отъ его набѣговъ оберегали берега Оки сторожевыми отрядами. Казань была ближе и соединялась съ Москвой р. Волгой; съ нею-то и повели серьезную борьбу довольно частыми походами. Русскія границы придвинули къ берегамъ Суры, при устьѣ которой самъ Василій поставилъ крѣпость Василь-Сурскъ.

При Василіи послѣдніе удѣлы прекратили свое существованіе. Псковичи пожаловались въ 1509 г. на московскаго намѣстника; разслѣдованіе произвели не въ ихъ пользу и прекратили дѣятельность вѣча. Рязанскій князь Ѳедоръ, хотя былъ родственникъ Василія, трепеталъ за остатки своихъ владѣній. Во время крымскаго похода онъ списался съ ханомъ. За это Василій вызвалъ его въ Москву и посадилъ въ тюрьму, откуда тотъ, впрочемъ, спасся въ Литву. Сами рязанскіе бояре, какъ это бывало въ удѣлахъ, предали своего князя, уговоривъ его ѣхать къ Василію. Духовенство прощало всѣ ложныя клятвы въ личной безопасности, которыя давались повелителемъ Москвы. Посредствомъ тюрьмы избавились также отъ послѣдняго князя Новгорода-Сѣверскаго и захватили его удѣлъ.

Боярство попрежнему имѣло большое значеніе въ политическихъ дѣлахъ. Польскіе послы открыто обращались къ боярамъ съ особыми рѣчами. Огромное вліяніе Глинскаго среди пограничнаго населенія, его самостоятельныя сношенія съ нѣкоторыми западными государями, его

отъѣздъ къ Москвѣ, составившій цѣлое событіе, показывали, что значилъ талантливый вельможа. Василій Ивановичъ очень опасался этого значенія и относился къ боярамъ еще враждебнѣе отца. Окруживъ себя дьяками, онъ заранѣе просматривалъ и предрѣшалъ дѣла, иногда только въ исполненіе обычая выслушивая ихъ въ боярской думѣ. Бояре негодовали и осуждали царя; но каждое рѣзко выраженное мнѣніе вызывало жестокія кары. Чтобы бояре не заражались примѣромъ Глинскихъ, Василій замѣчалъ каждаго черезъ-чуръ смѣлаго и подозрительнаго и заставлялъ другихъ бояръ ручаться крупными суммами денегъ за товарища, что тотъ не уйдетъ въ другое государство; за поручителей бояръ ручались деньгами второстепенные чины, а за этихъ группа простыхъ служилыхъ людей. Бѣгство одного недовольнаго разоряло нѣсколько десятковъ неповинныхъ поручителей; понятно, что бояре зорко смотрѣли другъ за другомъ. Зато церковь стала вѣрной помощницей царской власти. Выдающійся духовный писатель того времени, игуменъ Волоколамскаго монастыря, оказывалъ своими поученіями огромное вліяніе на Василія и на московское духовенство. Онъ училъ, что иноки должны жить въ подчиненіи у властей и показывать примѣръ соблюденія всѣхъ уставовъ. Монастыри должны готовить послушныхъ служителей церкви; церковь же подчиняется своему главѣ, единому царю, который дѣйствуетъ заодно съ нею въ мірѣ.

Иностранные послы изумлялись, какъ все въ государствѣ трепещетъ передъ Василіемъ; всѣ обращались къ нему съ подобрастіемъ личныхъ слугъ; всѣхъ могъ онъ назвать своими холопами; всѣ были у него работниками его собственной вотчины, которая разрослась до размѣровъ огромнаго государства. Но самъ Василій умеръ въ большомъ страхѣ за его будущность. На склонѣ лѣтъ онъ оставлялъ молодую жену и сыновей 3-хъ и 1½ года. На смертномъ одрѣ онъ усиленно и страстно уговаривалъ князей, бояръ и своихъ 2-хъ младшихъ братьевъ служить его наслѣднику Ивану, ничѣмъ на него не злоумышлять и помогать правительницѣ Еленѣ Васильевнѣ. Всѣ, конечно, обѣщали; но вѣдь всѣ знали, какъ обычно и просто можно отречься отъ обѣщаніи и присягъ подъ предлогомъ, что они вынуждены страхомъ и опасностями. Подъ огромной, неограниченною властью, божественное происхожденіе которой никѣмъ не отрицалось, попрежнему все было шатко, подвижно и перемѣнчиво. Величіе самодержавной власти представители греческаго православія строили на словахъ ап. Павла: „Бога боитесь, Царя чтите". Не царей, учили они, а именно царя, такъ какъ въ православіи одинъ царь, и почитается онъ вслѣдъ за Богомъ.

XII.

Правленіе бояръ. Грозный. Завоеваніе Поволожья. Борьба изъ за Балтійскихъ береговъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ кончины Василія замѣтили, что нѣкоторые бояре уже сносятся съ царскимъ дядею Юріемъ, кн. дмитровскимъ. Очень самостоятельно держалъ себя кн. Глинскій, знаменитый въ Литвѣ, гдѣ обычаи были свободнѣе, чѣмъ на Руси; особенно жен-

щины имѣли тамъ много свободы: онѣ не знали терема. Елена была воспитана по-литовски. Скоро стало замѣтно огромное вліяніе на правительницу ея приближеннаго, кн. Телепня-Оболенскаго. Это возвышеніе, произволъ фаворита вызвали неудовольство бояръ и во главѣ ихъ Глинскаго, всегда разсчитывавшаго на первое мѣсто въ государствѣ. Вокругъ царскихъ хоромъ стало очень тревожно. За видными князьями давно наблюдали ближніе дьяки Василія. Пошли доносы, а за ними казни. Сперва Юрія дмитровскаго, а потомъ князя Андрея старицкаго посадили подъ стражу со всей его семьей. Наконецъ, столкновенія съ Глинскимъ побудили правительницу посадить и его въ тюрьму, гдѣ онъ умеръ. Черезъ 5 лѣтъ въ 1538 г. сама правительница скончалась. Смерть ея москвичи упорно приписывали отравѣ. Правленіе перешло въ руки бояръ. Положеніе было такое же, какъ во время малолѣтства Донского. Но тогда во главѣ дѣлъ стояли бояре нетитулованные. княжьи мужи, которые защищали мѣсто своей выгодной службы, обширныхъ кормленій отъ другихъ князей. Дума была еще собраніемъ равныхъ. Теперь въ думѣ сидѣли потомки этихъ соперниковъ-князей, поневолѣ только смирившихся передъ Москвой. Князья-бояре еще живо помнили свою самостоятельность; въ своихъ вотчинахъ они еще пользовались правами князей на судъ и сборъ доходовъ, какихъ не имѣли простые бояре при всѣхъ своихъ привилегіяхъ.

Среди думскихъ бояръ-князей разгорѣлись, кромѣ мѣстническихъ, и старые счеты временъ удѣльнаго соперничества. За каждымъ знатнымъ княземъ стояла своя партія, свои военно-служилые люди, жившіе на его земляхъ, свои дворецкіе, волостели и низшій людъ. Двѣ самыя крупныя партіи затмили остальныя: Шуйскіе во главѣ съ княземъ Андреемъ, только что выпущеннымъ изъ заключенія, соперничали въ думѣ съ родомъ князей Бѣльскихъ. Среди Шуйскихъ былъ выдающійся воевода— князь Василій, сумѣвшій удержать Смоленскъ, несмотря на пораженія русскихъ войскъ. Возвышеніе Шуйскихъ ознаменовалось гибелью фаворита вел. княгини Елены, Телепнева-Оболенскаго, и его родичей, низложеніемъ митрополита Даніила—ученика Іосифа, защитника самодержавія и многими казнями. Когда духовенству удалось освободить изъ тюрьмы одного изъ кн. Бѣльскихъ и семью удѣльнаго князя старицкаго, составилась новая партія, Бѣльскихъ: она сумѣла захватить Шуйскихъ врасплохъ и одно время стать во главѣ дѣлъ. Но за Шуйскихъ стояло еще много бояръ, въ томъ числѣ вліятельные среди войскъ Шереметевы и всѣ новгородцы. Недовольные москвичи сами призвали на помощь Шуйскихъ. Князь Иванъ Шуйскій привелъ своихъ сторонниковъ къ присягѣ какъ удѣльный князь, и явился въ столицу съ небольшой дружиной. Партію Бѣльскихъ разогнали, многихъ казнили, поставили новаго митрополита, новгородскаго архіепископа Макарія, извѣстнаго автора житій.

Эти перемѣны въ Москвѣ тяжело отзывались въ областяхъ. Намѣстники и волостели, назначавшіеся изъ родичей или сторонниковъ правящихъ бояръ, часто смѣнялись: они жадно и поспѣшно собирали кормы, а судомъ и защитой жителей пренебрегали. Люди и крестьяне правящихъ бояръ обижали жителей сосѣднихъ вотчинъ. Въ Новгородѣ и Псковѣ снова вспыхнула старая рознь между низшимъ классомъ и имущими людьми, теперь уже чужими московскими переселенцами.

Среди этой шумной борьбы за власть подросталъ маленькій царь. Съ 8-лѣтняго возраста, когда умерла мать, Иванъ IV остался совершенно одинокимъ: его младшій братъ Юрій былъ слабоуменъ и не могъ считаться за товарища. Слишкомъ рано бывалъ онъ свидѣтелемъ грубыхъ и кровавыхъ сценъ: брань, драки, кровавыя побоища видѣлъ онъ въ самомъ дворцѣ и на улицѣ. Властные бояре и приближенные не стѣснялись ребенка и вели себя при немъ на распашку, обвиняя другъ друга, открывая тайныя пружины заговоровъ. Крайности въ ихъ обращеніи могли поразить и не такого впечатлительнаго ребенка, какимъ былъ Иванъ. Со строгою чопорностію стариннаго церемоніала его облачали въ царское платье, несли или вели подъ руки, сажали на престолъ; старики кланялись ему въ землю; раболѣпствовали передъ нимъ; родные дяди, бояре отца называли себя его холопами; старикъ, недавній царь казанскій, на колѣняхъ прибѣгалъ къ милости 7-лѣтняго царя. И тотчасъ же, не отбывъ церемоніала, про взволнованнаго мальчика забывали: окружающіе погружались въ свои дѣла, въ свои ссоры; подчасъ шумно бросались другъ на друга: среди засѣданія думы тащили по полу митрополита и рвали его рясу.

Иванъ IV на бѣду всѣхъ уродился исключительно, ненормально нервнымъ: онъ необыкновенно легко возбуждался и приходилъ въ неудержимое волненіе, при этомъ былъ наблюдателенъ и обладалъ прекрасной памятью. Его черствую, неискреннюю душу окончательно портили нервные порывы. Очень рано проявилась въ Иванѣ дикая, болѣзненная жестокость. Она была бы ужасна и въ простомъ человѣкѣ, но въ царѣ съ колыбели, прекрасно сознававшемъ свое значеніе, она грозила вырости до исполинскихъ размѣровъ, а нервность безъ сдержекъ—обратиться въ душевную болѣзнь. Все, что онъ видѣлъ вокругъ себя, помогало развиваться въ немъ презрѣнію къ человѣческой личности, непониманію ея внутренняго достоинства. При всѣхъ нравственныхъ порокахъ Иванъ IV былъ уменъ для того темнаго времени, любознателенъ, обладалъ при большой памяти даромъ слова. Онъ читалъ все, что могъ найти на русскомъ языкѣ въ дворцовой библіотекѣ, собираемой со временъ Софьи. Онъ запоминалъ священныя книги наизусть цѣлыми страницами. Изъ лѣтописей русскихъ и переводныхъ греческихъ онъ вынесъ необыкновено высокое понятіе о своей власти и своемъ званіи. Сильное воображеніе повело его дальше стараго убѣжденія, что Москва — 3-й Римъ: какія-то темныя сказанія навели его на мысль, что онъ потомокъ Августа, перваго императора древняго Рима. Но недостатокъ воли долго не давалъ ему серьезно взяться за работу и тѣмъ ограничить бояръ. Воля прорывалась у него внезапно- разнузданными порывами. Такъ, 14-ти лѣтъ онъ велѣлъ отдать на растерзаніе псарямъ правителя князя Шуйскаго. Таковъ былъ первый вѣнценосецъ, котораго ожидали очень сложныя задачи государственной жизни и очень тяжелое время.

Всѣ области, населенныя великороссами, вошли въ составъ московскаго государства. Дальнѣйшее расширеніе должно было совершаться насчетъ сосѣдей, что требовало большихъ усилій и вниманія. Въ западной Европѣ, по берегамъ Балтійскаго моря, царило большое возбужденіе. Вѣроученіе Лютера и другихъ проповѣдниковъ совершенно отдѣлилось отъ папской церкви и создало бурное религіозное движеніе среди наро-

довъ, извѣстное подъ именемъ „Реформаціи“. Переустраивая церковь, Лютеръ входилъ въ союзъ съ германскими государями, принимавшими его ученіе; государи же, съ своей стороны, пользовались своимъ вліяніемъ въ церковныхъ дѣлахъ, чтобы укрѣплять и расширять свою власть надъ населеніемъ. Короли Даніи и Швеціи ввели у себя новое ученіе. Рыцари Пруссіи и Ливоніи тоже принимали его, отрываясь отъ папы; съ перемѣной вѣры все значеніе ихъ воинственнаго свободнаго общества исчезало. Часть его земель уже слилась въ въ одно владѣніе курфюрста Бранденбургскаго (будущая Пруссія). Только въ Польшѣ католичество было очень сильно, и послѣдователямъ реформаціи приходилось выносить тяжелую борьбу. Религіозная рознь совсѣмъ измѣнила отношенія между государствами. Внутри своей земли Иванъ видѣлъ разладъ во всемъ. Неограниченный самодержецъ имѣлъ главными сотрудниками князей и бояръ съ исключительными правами, еще считавшихъ себя въ душѣ вольными слугами и недовольныхъ его самовластіемъ. Бояре-вотчинники располагали массой народа на своихъ земляхъ; но этотъ народъ въ свою очередь, былъ недоволенъ ими, собирателями кормовъ, не заботившимися о судѣ и порядкѣ. Прежде всего предстояло справиться съ боярами. Но Ивану пришлось отложить боярскій вопросъ ради временнаго успокоенія массы и неизбѣжныхъ войнъ.

Въ 1547 г. 17-лѣтній царь вдругъ порывисто воспрянулъ духомъ: въ складной рѣчи онъ заявилъ твердое намѣреніе вѣнчаться на царство вѣнцомъ и бармами Мономаха, а мироломазаться по обрядамъ греческой имперіи. Такимъ образомъ явился въ исторіи первый вѣнчанный самодержецъ. Затѣмъ совершился съѣздъ дѣвицъ, намѣченныхъ по областямъ. Иванъ избралъ дочь боярина Романа Захарьина-Юрьева, Анастасію, съ которой и повѣнчался. Но еще нѣсколько мѣсяцевъ властвовали Глинскіе, дяди царя, возбуждая негодованіе народа, а царь проявлялъ себя только порывами гнѣва и жестокости. Страшный пожаръ Москвы, народный бунтъ, среди котораго погибли Глинскіе, глубоко поразилъ пылкое воображеніе Ивана, а удачное обращеніе протопопа Благовѣщенскаго собора, Сильвестра, къ его самодержавной власти, несущей отвѣтственность за царство передъ Богомъ, отрезвило его и возбудило дѣловое настроеніе. Возлѣ государя составился небольшой кружокъ выдающихся лицъ, протопопа Сильвестра, царскаго постельничаго Адашева, быстро дослужившаго до чина окольничаго, и ихъ друзей. Адашевъ состоялъ у пріема прошеній на царское имя, и черезъ его руки прошла масса жалобъ на намѣстниковъ за время боярскаго правленія. Среди совѣта возникла мысль обратиться къ мѣстнымъ жителямъ, чтобы сообразить, какъ быть съ порядками суда и кормленія; боярская дума сочувственно отнеслась къ этому плану, и выборнымъ изъ городовъ приказано было явиться въ Москву въ 1550 г. Этимъ было положено начало обычаю созывать соборы изъ представителей разныхъ классовъ населенія: своими совѣтами и указаніями выборные помогали правительству справляться съ тяжелыми политическими задачами.

Почти одновременно съ засѣданіями соборовъ разгоралась война съ Казанью. За время малолѣтства Ивана IV по прежнему сносились съ татарскими партіями, чтобы поддерживать своего князька на престолѣ. Крымцамъ трудно было большими арміями достигать Казани: они помо-

гали ей тѣмъ, что чуть не каждый годъ разоряли Южныя границы Руси. Съ уничтоженіемъ Рязанскаго княжества защита этихъ границъ брала много военныхъ силъ. Со стороны Казани русскимъ помогалъ мирный характеръ ея данниковъ—мордвы и черемисъ (финновъ), которые тяготились постояннымъ военнымъ положеніемъ и охотно присягали Москвѣ. Русскія войска выдвигали пограничныя укрѣпленія все ближе и ближе къ Казани. Оказало свое дѣйствіе и открытіе ярмарки для мѣстныхъ людей у мон. Макарія Желтоводскаго; сюда стали съѣзжаться торговцы. минуя Казань. Въ 1550 г. русскіе ходили большимъ походомъ на Казань. Подъ городомъ имъ не было удачи, но сдались черемисы лугового берега, и граница оказалась у новаго города Свіяжска. Въ 1552 г. приготовились къ рѣшительному натиску; заготовили возможно лучшую артиллерію; пріѣхавшіе французы обѣщали хорошо устроить подкопы. Но окрестные кочевники явились защищать татарскую столицу, и она оказала отчаянное сопротивленіе въ теченіе 1½ мѣсяца. Лучшіе воеводы стояли вокругъ нея; пустили въ ходъ всѣ старинныя осадныя орудія. Больше всего помогли, однако, подкопы, вырывавшіе при взрывахъ огромныя части стѣнъ. Городъ былъ взятъ приступомъ 2-го ноября (уже 1553 г.).

Завоеваніе Казани имѣло огромное значеніе: съ ея паденіемъ началось постепенное наступленіе русскихъ на Азію и полное ослабленіе кочевыхъ ордъ. Борьба съ ними побудила русскихъ двигаться внизъ по теченію Волги, укрѣпляя мѣстность сторожевыми городками. Черезъ 4 г. воеводы стояли у Астрахани, ханъ которой еще раньше посылалъ челобитья въ Москву и подготовилъ завоеваніе. Борьба между татарскими князьками, претендентами на Астрахань, помогла взять эту слабую крѣпость почти безъ выстрѣла. Еще не успѣли утвердиться у Каспійскаго моря, какъ уже возникли сношенія съ Кавказомъ. Отдѣльныя мелкія племена предгорья давно страдали отъ крымскихъ татаръ и ногайской орды. Въ 1552 г. два черкесскихъ князя уже являлись въ Москву просить покровительства; за ними пріѣхали и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ крестились и совсѣмъ основались въ Россіи. Такъ русскія владѣнія расширялись въ обходъ Черноморья съ его сильнымъ центромъ магометанства, Турціей, и подчиненнымъ ему Крымомъ.

Но оторванность Россіи отъ образованнаго міра тяжело давала себя чувствовать. Всякаго мастера-техника приходилось добывать съ запада съ большими хлопотами. Польша и Ливонія старались не пропускать образованныхъ людей въ Россію, чтобы тормозить ея развитіе. Попытки возстановить торговлю съ нѣмецкими купцами не удавались, такъ какъ дѣятельность вольныхъ торговыхъ городовъ сильно упала. Русское правительство нашло возможнымъ принять участіе въ борьбѣ сѣверныхъ государствъ изъ-за береговъ Балтійскаго моря и пыталось теперь завладѣть гаванями ослабѣвшей въ военномъ отношеніи Ливоніи. Постоянные пограничные споры всегда доставляли предлогъ къ войнѣ. Въ январѣ 1558 г. русскія войска, стоявшія въ Псковской области, вступили въ Ливонію, разграбили цѣлые округа и отступили. Лѣтомъ начали осаждать города: съ большимъ трудомъ взяли Нарву, Нейгаузъ, Дерптъ. Осада хорошо укрѣпленныхъ мѣстъ тяжело доставалась русскимъ. Въ 1559 г. большая русская рать, громя селенія, дошла до моря; тогда жители боль-

шихъ городовъ—Ревеля, Риги и другихъ—прибѣгли къ покровительству сосѣдей. Ливонія одна не могла выдержать борьбы съ неустроенными, но многочисленными войсками. Помощь отъ Даніи и Швеціи запаздывала; въ виду этого магистръ рыцарскаго ордена обратился къ врагу нѣмцевъ, Польшѣ. Пока русскіе забирали, что могли, Ливонія распалась. Рига съ Лифляндіей, связанная торговыми интересами съ Польшей, отдалась подъ покровительство польскаго короля. Послѣдній сдѣлалъ начальника ордена герцогомъ Курляндіи подъ верховенствомъ Польши. Ревельцы съ землей эстовъ передались Швеціи, а острова Эзель и др.—Даніи.

Въ рукахъ у Ивана IV было слишкомъ мало городовъ и ни одного порта, чтобы рѣшиться на открытую войну со многими врагами; борьба затянулась надолго. Иванъ пытался укрѣпить за собой что-нибудь на Балтійскомъ морѣ дипломатическими переговорами и брачными союзами. Онъ началъ сватать сестру послѣдняго потомка Ягелло, короля Станислава-Августа: потомъ завелъ такіе же переговоры со Швеціей. Изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло. Пользуясь войной между Даніей и Швеціей, царь лично повелъ войска (1562 г.) на Литовскія земли, завладѣлъ Полоцкомъ и нѣкоторыми крѣпостями. Затѣмъ успѣхи остановились, опять-таки по неустройству войскъ, которыя на зиму уходили въ отечество за недостаткомъ провіанта и часто теряли то, что пріобрѣтали лѣтомъ. Войска потерпѣли нѣсколько пораженій; послѣ одного изъ нихъ знаменитый воевода Курбскій ушелъ въ Польшу.

Серьезныя внутреннія дѣла занимали польское правительство. Ради Балтійскихъ береговъ и успѣшной борьбы съ сосѣдями тамъ рѣшили крѣпче сплотиться съ Литвой, чтобы лишить ее возможности выбирать отдѣльнаго государя. Происходило много споровъ между вольнымъ дворянствомъ обѣихъ земель, пока полное соединеніе ихъ не состоялось на сеймѣ въ Люблинѣ въ 1567 г. Поляки сдерживали московскія войска безконечными переговорами, предлагали даже уступить Россіи Полоцкъ съ городами. Іоаннъ не могъ отказаться отъ надежды пріобрѣсти Ливонскія гавани. Онъ созвалъ новый земскій соборъ, состоявшій изъ военно-служилыхъ и торговыхъ людей западныхъ городовъ. На вопросъ, есть ли средства для войны, выборные отвѣтили, что войну можно продолжать. Снова начали, не торопясь, военныя дѣйствія, пользуясь всякими удобными случаями: смутами въ Польшѣ при выборѣ преемника умершему королю, смутами въ Швеціи между королемъ и его братомъ, герцогомъ Финляндскимъ. Одно время Іоаннъ пытался сдѣлать Ливонію независимымъ королевствомъ въ рукахъ датскаго принца, за котораго выдалъ свою племянницу; но шведы отняли у призрачнаго короля его владѣнія. Наконецъ, поляки избрали королемъ венгерскаго воеводу, Стефана Баторія. Искусный военоначальникъ привелъ съ собою наемную пѣхоту изъ нѣмцевъ и венгерцевъ; хорошо обученныя войска твердо, шагъ за шагомъ отобрали у русскихъ все, что было ими захвачено въ Литвѣ и Ливоніи и перешли даже старую русскую границу; самый Псковъ едва отбился отъ поляковъ. Только утомленіе литовско-польскаго населенія побудило Стефана согласиться на перемиріе. Послѣ 24-лѣтней борьбы Москва осталась при прежнихъ границахъ; а быстро усиливавшаяся Швеція не вернула ей и русскихъ городовъ: Яма, Копорья, Ивангорода (1582—3 г.).

Знакомая новгородскимъ купцамъ Югорская земля сблизила русскихъ съ восточными склонами Урала. Воеводы Ивана III въ 1483 г. доходили до Оби, вывезли оттуда много добычи, и въ титулѣ Василія III уже находимъ: „князь Кондинскій и Обдорскій". Но постоянной дани еще не могли добиться изъ этихъ большихъ земель. Въ XVI в. за Ураломъ образовалось татарское ханство со столицей, городомъ „Сибирью", которое держало себя довольно независимо передъ московскимъ государствомъ. Богатые промышленники Строгановы, съ 1517 г. начавшіе заселеніе пустынныхъ мѣстъ за р. Устюгомъ, вызвали рѣшительное наступленіе на громадный, таинственный край. Ихъ поселенія вмѣстѣ съ сосѣдними племенами, платившими дани въ Москву, постоянно подвергались набѣгамъ Сибирскихъ татаръ. Съ разрѣшенія Грознаго Строгановы пригласили на службу разбойничавшій по Волгѣ казачій отрядъ Ермака и предложили ему идти походомъ за Уралъ. Въ 1581 г. Ермакъ двинулся въ путь съ 840 людьми, большимъ запасомъ оружія и припасовъ. Главныя затрудненія представляла мѣстность и громадные тяжелые переходы; военныя же силы инородцевъ скоро уступали передъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго почти не знали за Ураломъ. Ермакъ искусно пользовался враждой мѣстныхъ язычниковъ къ магометанамъ-татарамъ. Въ 1582 г. городъ Сибирь былъ взятъ, и поздравленіе съ новымъ завоеваніемъ оказалось большой радостью для Москвы въ послѣдніе годы мрачнаго царствованія. Однако подкрѣпленіе послали уже съ воцареніемъ Ѳедора въ 1584 г. Но Ермакъ не дождался его: въ этомъ же году онъ погибъ, окруженный въ засадѣ; немногіе уцѣлѣвшіе казаки вернулись въ Россію. Завоеваніе продолжалось по пробитымъ дорогамъ московскими воеводами, а вновь завоеванныя земли укрѣплялись городками. Къ 1625 г. русскіе дошли до р. Енисея.

Одновременно съ этими войнами московскому государству приходилось вести безпрерывную борьбу съ крымцами, своими набѣгами постоянно тревожившими его южныя границы по Окѣ, Упѣ и верховьямъ Дона. Въ XVI-мъ в. старинный степной рубежъ почти совпадалъ съ сѣверной границей черноземной полосы Россіи. Къ югу отъ нея русскому населенію приходилось каждый клочекъ плодородной земли отвоевывать отъ татаръ. Между Каширой, Епифанью и Орломъ мѣстность была изрѣзана земляными валами, засѣками, съ башнями и городками. Особый корпусъ войскъ (не менѣе 10 тыс.) постоянно оберегалъ здѣсь татарскія дороги и рѣчныя переправы, а мѣстное населеніе безпрестанно призывалось на сторожевую развѣдочную службу, на возведеніе новыхъ укрѣпленій, все далѣе и далѣе проникавшихъ въ степи. Но татары нерѣдко обманывали бдительность мѣстныхъ войскъ. Въ 1571 г. стремительный набѣгъ Девлетъ-Гирея едва не разгромилъ всей Москвы, а южные уѣзды лѣтъ 20 не могли оправиться отъ запустѣнія.

Дорого достались Руси огромныя завоеванія въ XVI в. Десятками лѣтъ безъ перерыва населеніе ея вело борьбу на три фронта—на западныхъ, южныхъ и восточныхъ границахъ. Отброшенное отъ западнаго моря, оно вознаградило себя на приволжскихъ степяхъ и на пустынномъ востокѣ за Ураломъ, пріобрѣтя 82.723 квадр. мили въ Азіи и Европѣ. Не качествомъ, а количествомъ пріобрѣтеній пришлось ему удовлетвориться.

XIII.

Администрація XVI-го вѣка. Земскіе соборы. Судебники.

При Иванѣ III, „государѣ всея Руси“, когда заканчивалось объединеніе сѣверо-восточныхъ земель въ одну монархію, замѣтно опредѣлилось и внутреннее управленіе государствомъ.

Ко времени распаденія Золотой Орды на восточно-европейской равнинѣ обозначились три государства—Польское, Литовское и Московское. Всѣ они отличались воинственностью; всѣ три первоначально раздроблялись на удѣлы; во всѣхъ игралъ большую роль высшій землевладѣльческій классъ и существовалъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ военной службой; во всѣхъ крестьянство было обезземелено и подвергалось закрѣпощенію. Но результаты, развившіеся изъ этихъ общихъ данныхъ, во всѣхъ трехъ государствахъ оказались весьма различными. Стѣсненная между германцами и восточными сосѣдями Польша рано увидала себя вынужденной укрѣпиться соединеніемъ съ Литвой. Языческая Литва широко воспользовалась слабостью восточныхъ сосѣдей и захватила Кіевскую Русь; но разноплеменность состава ея населенія и отсутствіе собственныхъ культурныхъ началъ заставили ее подчиниться культурѣ Польши. И польско-литовскій строй сложился изъ оригинальной смѣси началъ аристократическаго феодализма запада съ пережитками вѣчевыхъ порядковъ славянъ. Сеймы сперва магнатовъ, а затѣмъ и всей шляхты не только ограничили званіе королей, но и сдѣлали престолъ избирательнымъ. Московская Русь имѣла возможность неудержимо расширяться на востокъ и юго-востокъ, захватывая земли племенъ, воспитанныхъ въ духѣ азіатскихъ деспотій, склонявшихся только передъ мощной полнотой власти, не допускающей сомнѣній въ своемъ священномъ призваніи. Московскіе властители съумѣли мимо бояръ и мощныхъ землевладѣльцевъ укрѣпить вліяніе своихъ мелкихъ агентовъ на окраинахъ и новыхъ мѣстахъ, гдѣ практично и хозяйственно помогали имъ устроиться. Вокругъ стараго удѣльнаго и боярскаго центра все шире и шире раскидывалась Русь *царская*, покоренная царствомъ, богатства которой эксплуатировались съ помощью московской администрація.

Московское государство зародилось изъ хозяйственнаго управленія княжеской вотчины. Каждый князь получалъ съ своей области доходы, въ видѣ дани, судебныхъ пошлинъ. Если область была обширна, часть ея князь отдавалъ подъ надзоръ боярину, уступая ему и его судьямъ доходы съ нея, смотря по уговору. Подать въ пользу намѣстника и его служащихъ называлась „кормомъ“, а все управленіе „кормленіемъ“. Князь получалъ доходы и съ собственныхъ земельныхъ имуществъ, которыми въ старину завѣдывали довѣренные люди двора, обыкновенно несвободные, но часто за заслуги получавшіе свободу и очень почетное положеніе при дворѣ. Сѣверные князья, заботясь объ увеличеніи княжества, прикупали, получали въ приданое части чужихъ земель; они и въ эти благопріобрѣтенныя волости стали посылать бояръ на кормленіе на тѣхъ же правахъ, какъ и въ старые вѣчевые города: такимъ образомъ личныя владѣнія князя смѣшивались съ землями населенія кня-

жества въ одну княжескую вотчину. Съ этимъ простымъ управленіемъ Москва стала поглощать прочія области. Получивъ право собирать татарскую дань со всей Руси, московскій князь по временамъ посылалъ своихъ людей переписать по княжествамъ плательщиковъ, численниковъ, въ особыя книги. Каждое селеніе или группа поселковъ знали, сколько имъ платить, и сообща раскладывали сумму эту между собой. Очень часто численники убѣгали, исчезали изъ селенія; за бѣглыхъ вносили круговой порукой. Татарскую дань платили съ „сохи", которую составляли 2 работника. Въ Московскомъ княжествѣ число людей въ сохѣ увеличивалось до 30 и болѣе; но каждый за себя платилъ ту же долю общей суммы. Выборные сотскіе по городамъ и селамъ собирали дань и отвозили княжескимъ сборщикамъ. Дань платили главнымъ образомъ деньгами; прочіе поборы собирали натурой. Князья во взаимныхъ договорахъ часто ставили условіе: численниковъ другъ отъ друга не принимать, иначе съ уходомъ плательщиковъ дань становилась разорительной. Съ ослабленіемъ Орды дань оставалась въ казнѣ московскаго князя, а при Иванѣ III обратилась въ подать для государя.

Все хозяйство сѣверной Руси, источникъ власти московскихъ князей, опиралось на земледѣліи. Здѣсь вся земля была *вокняжена*, считалась принадлежавшей князю, вотчиной его, а онъ уже отъ себя передавалъ другимъ право владѣть ею. По понятіямъ того времени, кто владѣлъ землей, тотъ правилъ и людьми, жившими на ней, и судилъ ихъ. Вообще же, какъ верховный вотчинникъ, московскій повелитель могъ самъ входить во всѣ подробности своего громаднаго хозяйства, выроставшаго въ государство; отсутствіе законодательства допускало и съ мелкими дѣлами обращаться къ государю.

Князья различно распоряжались землями: въ однѣхъ они сами вели хозяйство посредствомъ вѣдомства дворцовъ, другія давали боярамъ, въ даръ монастырямъ, соборамъ, іерархамъ; предоставляли въ пользованіе крестьянскихъ волостей такъ назыв. черносошныхъ крестьянъ, или, наконецъ, приказывали раздавать во временное владѣніе людей, обязавшихся нести военную службу. Послѣдняя форма раздачи земель въ помѣстье получила огромное развитіе въ XVI вѣкѣ.

Давая землю въ пожалованье боярину или въ даръ монастырю, князья подписывали *жалованныя* грамоты, въ которыхъ перечислялись всѣ права и льготы, уступаемыя новымъ владѣльцамъ. До XVI-го в. эти права были очень широки: уступались не только доходы, но и власть надъ населеніемъ („судомъ и данью тянули по землѣ"). Князь обѣщалъ въ грамотахъ, что его намѣстники и тіуны не будутъ касаться передаваемыхъ боярину или игумену владѣній. Когда удѣльные князья лишались самостоятельности и переѣзжали на службу въ Москву, ихъ вотчины входили въ составъ владѣній московскаго государя; но служилые князья долго сохраняли въ нихъ особыя права и преимущества, держали своихъ судей, собирали въ свою пользу пошлины, оброки, часть общихъ сборовъ съ населенія городовъ и селъ, которые должны были поступать въ государеву казну.

Боярское и монастырское землевладѣніе носило особыя черты, хранило особую полноту правъ; земли знатныхъ лицъ и іерарховъ являлись своего рода „государствами среди государства". Съ конца XV в., когда

задачи государственной администрацiи становятся сложнѣй и обходятся дороже, властные землевладѣльцы дѣлались неудобными и для правительства и для населенiя.

Дворцовое княжеское управленiе присоединяемаго удѣла цѣликомъ переносилось въ Москву; здѣсь оно сливалось съ другими хозяйственными вѣдомствами, или существовало отдѣльно, если область была значительна, какъ Тверское княжество, напр. Съ усложненiемъ управленiя еще въ XV в. нѣкоторыя дѣла въ московскомъ центрѣ соединялись въ одно большое вѣдомство. Такъ денежные сборы съ княжескихъ земель и расходованiе ихъ составили вѣдомство „Большого Дворца“, родъ финансоваго приказа. Управленiе всѣми военно-служилыми людьми, высшими и низшими, составило одно вѣдомство, „Разрядъ“. Эти учрежденiя возникали просто, сами собою, изъ потребностей дѣла и тѣхъ, кто ими занимался; для учрежденiй не составляли ни уставовъ, ни законоположенiй. По поводу одной области или класса людей скоплялось много дѣлъ, приходилось открыть для нихъ близъ дворца особую канцелярiю; завѣдывать ею государь „приказывалъ“ тому или другому боярину съ нѣсколькими дьяками, и возникалъ „приказъ“. При Иванѣ III ясно опредѣлилось положенiе 3-хъ приказовъ; въ XVI в. ихъ возникло много: помѣстный, отводившiй земли служилымъ людямъ, новгородскiй, казанскiй, вѣдавшiй дѣла завоеваннаго царства, ямской, когда завели „ямы„ съ перемѣнными лошадьми и ямщиками, стрѣлецкiй для управленiя постояннымъ войскомъ—стрѣльцами, приказъ холопьяго суда, гдѣ вѣдались записи въ холопство. Во главѣ болѣе важныхъ приказовъ стояли бояре, менѣе важными правили дьяки.

Въ старину простые служители по письменной части и отчетности у князей и крупныхъ владѣльцевъ, съ XV-го в. дьяки становятся влiятельными дѣятелями среди московской администрацiи (высшей и низшей). Старое время уважало только 2 рода службы государству — военную и духовную. Знать, боярство прежде всего служило мечемъ, затѣмъ, совѣтомъ государю. Приказы мало занимали знатныхъ; въ нихъ все дѣлопроизводство лежало на дьякахъ и подъячихъ, ихъ помошникахъ. Сосредоточившись исключительно на дѣлахъ своихъ вѣдомствъ, дьяки естественно явились лучшими знатоками ихъ, специалистами докладовъ и отчетовъ. Въ самой боярской думѣ, благодаря усложненiю дѣлъ, роль дьяковъ-докладчиковъ выдвинулась на первый планъ и отъ ясности доклада зависѣло рѣшенiе царя и приговоръ бояръ. Въ ихъ работѣ заключалась механика стариннаго гражданскаго дѣлопроизводства, и знатные начальники слушались опытныхъ дьяковъ. Сами дьяки жили только службой, выслугой и милостью государя и покровителей изъ сильныхъ при дворѣ, дорожили службой. и потому оказались цѣннымъ орудiемъ власти, помогая ей сдерживать властолюбiе знатныхъ слугъ.

Центральнымъ учрежденiемъ въ московскомъ управленiи по прежнему служила боярская дума, былой совѣтъ вел. князя: она работала постоянно при государѣ; здѣсь составлялись указы и рѣшенiя, имѣвшiе силу закона; совершался верховный судъ; сюда приказы подавали свои отчеты. При многочисленности московскаго боярства въ XV и XVI вв. членами думы становились немногiя избранныя лица, въ числѣ 20 — 30 человѣкъ. Дума засѣдала каждый день въ хоромахъ государя, куда со-

бирались всѣ находящіеся на лицо въ столицѣ члены. Составъ ихъ былъ не такъ простъ, какъ при былыхъ князьяхъ. Въ самомъ боярствѣ появились верхній слой—потомки князей и рядовой—боярскіе роды. Высшіе вступали въ думу прямо боярами, вторые въ чинѣ окольничьихъ. Начали появляться въ думѣ и выслужившіеся лица изъ незнатныхъ помѣщиковъ, за опытность въ дѣлахъ производимые въ „думные дворяне". При Иванѣ Грозномъ вошелъ въ силу чинъ „думнаго дьяка". И въ думѣ и въ приказахъ быстро росло значеніе выслуженцевъ въ противовѣсъ „вольнымъ" слугамъ старыхъ временъ—боярамъ. Это сопровождалось ропотомъ и негодованіемъ знати, вынужденной считаться съ новыми условіями государственной дѣятельности. Но государи сознавали, что верховное управленіе не можетъ обойтись безъ участія знатныхъ болѣе независимыхъ личностей, и потому во время законодательныхъ реформъ Грознаго въ исправленный судебникъ была внесена прибавка въ статьѣ о дѣятельности думы „съ государева указа и со всѣхъ бояръ приговора".

Весьма важнымъ событіемъ въ жизни государства было возникновеніе „земскихъ соборовъ", совѣщаній московскаго центральнаго правительства съ представителями областей и промышленнаго класса. Главной причиной необходимости такихъ совѣщаній было объединеніе огромной территоріи съ разнообразнымъ населеніемъ, при очень слабыхъ связяхъ ея частей съ центромъ, малочисленности и слабости намѣстничей администраціи. Безпорядочность боярскаго правленія, злоупотребленія администраціи и острое недовольство народа сдѣлали созывъ мѣстныхъ людей неотложнымъ дѣломъ для правительства юноши Грознаго. Представители областей съѣхались впервые къ 1551 г. Трудно назвать ихъ выборными: повидимому, на этотъ первый земскій соборъ явились люди служащіе, которые были извѣстны правительству, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывались вполнѣ свѣдущими въ дѣлахъ своей мѣстности. Добрую половину членовъ собора составляли московскіе бояре, члены думы, начальники приказовъ, высшее духовенство. Выборные отвѣчали на вопросы, которые имъ задавали бояре и дьяки, и своими отвѣтами выяснили положеніе дѣлъ въ провинціяхъ и ихъ потребности. Второй соборъ созывался въ 1566 г. для рѣшенія вопроса—заключить ли миръ съ Польшей или продолжать войну изъ-за Ливоніи. Кромѣ столичной администраціи, на немъ присутствовали высшіе чины служилаго дворянства и столичное купечество, завѣдывавшее многими дѣлами по гражданскому вѣдомству. Эти свѣдущіе люди нашли возможность продолжать войну.

Такія совѣщанія помогали болѣе сознательному сплачиванію едва сцѣпленныхъ частей громаднаго государства. Ихъ сила и значеніе сказались позже, въ смутное время, когда ихъ вліяніемъ и авторитетомъ оправлялось расшатанное государство, когда земскимъ соборамъ приходилось выбирать царя и укрѣплять власть въ его рукахъ.

Измѣнялось понемногу и областное управленіе. И при Грозномъ назначались намѣстники и волостели съ правомъ собирать кормъ, но власть ихъ сократилась. Потребности въ деньгахъ, новыя задачи государства сдѣлали невыгодной уступку хозяйственныхъ доходовъ правителямъ, да и населенію было удобнѣй считаться преимущественно съ центральнымъ правительствомъ. И вотъ еще въ XV в. населенію то той, то другой области даютъ *уставныя* грамоты, опредѣляющія размѣры корма

намѣстнику и служащимъ при немъ, который оно должно доставлять. Каждая соха къ Рождеству посылала полоть мяса въ 2 алтына (6 коп.), 10 хлѣбовъ въ 10 денегъ, возъ сѣна 2 алт. и т. д. Другой срокъ взноса былъ Петровъ день. Судьѣ обязаны были давать половину корма намѣстника. Размѣры корма всегда сообразовались съ богатствомъ области.

Мѣстами тяжелая самовольная администрація намѣстника оказывалась совсѣмъ излишней; появлялись города, которые правительство поручало собственному агенту „городовому прикащику", его поставляли по выбору ближніе помѣщики, военные слуги, ручаясь круговой порукой за его вѣрность. Городовой прикащикъ наблюдалъ за укрѣпленіями города, его военными силами; но на немъ же лежало завѣдываніе сборами съ мѣстныхъ жителей.

Позже, во время малолѣтства Грознаго слышалось очень много жалобъ на кормленщиковъ намѣстниковъ, что они плохо справляются съ разбоями и ловлей грабителей. Тогда по просьбамъ изъ областей правительство жаловало имъ *губныя* грамоты, разрѣшавшія для борьбѣ со злодѣями выбирать изъ своей среды судебно-полицейскихъ властей—губныхъ старостъ, цѣловальниковъ (присягавшихъ), сотскихъ и пр. Староста непремѣнно выбирался изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, т.-е. служилъ отчасти агентомъ правительства. Но то, что собиралось на кормъ, было обращено въ новую подать, доставляемую въ финансовые приказы Москвы. Всюду на мѣстахъ, въ глубинѣ страны военно-служилый классъ доставлялъ отвѣтственныхъ агентовъ для всякихъ правительственныхъ порученій.

При Грозномъ послѣ перваго земскаго собора реформы пошли быстрѣй. Еще большему числу областей позволили обходиться безъ намѣстниковъ, однѣми мѣстными губными избами со своими старостами и пр. выборными. Намѣстничье управленіе стали понемногу отмѣнять. Въ большинство уѣздовъ назначались новые чины, воеводы, подчиненные московскимъ приказамъ, снабжавшимъ ихъ особыми наказами, что именно имъ полагалось дѣлать подъ угрозой отвѣтственности и взысканій, а непремѣнными товарищами при нихъ и наблюдателями командировались дьяки. Воеводы не имѣли права на сборъ корма. На ихъ доли могли выпадать одни добровольныя приношенія. Они являлись преимущественно военной властью, но имъ поручались и прочія отрасли администраціи. Первое время воеводамъ полагалось судить преступниковъ не иначе, какъ вмѣстѣ со старостой въ его губной избѣ, но впослѣдствіи они дѣйствовали вполнѣ самостоятельно.

Самая выгодная и соблазнительная для бояръ должность исчезла. Вообще земскіе соборы, помогая власти сноситься съ самимъ населеніемъ, ослабили политическое значеніе боярской думы; значеніе же и силу самой власти монарха они только укрѣпляли покорно почтительнымъ отношеніемъ къ ней.

Повидимому, большое неудобство представляло разнообразіе обычаевъ по мѣстностямъ и княжествамъ. Оно сказывалось въ судебныхъ приговорахъ, которые совершались въ присутствіи „добрыхъ людей", т.-е. представителей мѣстнаго люда. Разница была и въ условіяхъ крестьянской жизни. У крестьянъ своей земли не было; на чьей бы землѣ они ни жили,—княжеской ли, или на землѣ частнаго собственника, они могли уходить только въ опредѣленное время, справивъ всѣ платежи и дани:

въ одной мѣстности около Пасхи, въ другой осенью, раньше или позже. При Иванѣ III правительство стремилось свести все это къ общимъ правиламъ. Въ 1497 г. великій князь съ боярами утвердилъ и издалъ „Судебникъ“, подготовленный дякомъ сборникъ правилъ, какъ судить боярамъ. Его статьями запрещается частная плата судьямъ по уговору: намѣстники и судьи получаютъ только опредѣленную пошлину. Они обязаны судить въ присутствіи дьяка, который является, такимъ образомъ, важной особой въ государственномъ управленіи. Наказанія были однообразны: торговая казнь, т.-е. битье плетьми на площади, и чаще всего смертная казнь. Ее назначаютъ простому вору, попавшемуся вторично въ этомъ преступленіи, и только послѣ его казни вознаграждаютъ пострадавшаго изъ имущества преступника. „Люди добрые“, мѣстные жители, призываются свидѣтельствовать, какой человѣкъ подсудимый. Если подсудимый покажетъ на кого-нибудь, и человѣкъ этотъ сомнителенъ, то его пытаютъ, чтобы вынудить сознаніе.

Особой статьей крестьянамъ было указано переходить съ земли на землю, отъ одного землевладѣльца къ другому, только за недѣлю до Юрьева дня осенняго и въ послѣдующую за нимъ недѣлю, выплативъ хозяину или волостному обществу все, что полагалось государственныхъ сборовъ, аренды или оброка и долговыхъ обязательствъ. Это правило очень стѣснило передвиженіе крестьянъ. „Судебникъ“ показываетъ, какъ измѣнились порядки со временъ „Русской Правды“. Когда князья были простыми защитниками народа, люди жили, судились, считались между собои свободно, по своимъ частнымъ договорамъ. Они сами мстили провинившемуся, сами взыскивали съ него свои убытки. Теперь возникло государство, которое взяло на себя заботу о пользѣ народа; представитель государства и народа, государь всея Руси, устанавливалъ порядки людскихъ отношеній и договоровъ. Онъ запретилъ личную плату судьѣ, а месть преступнику взялъ на себя, назначая ему кары по установленнымъ обычаемъ степенямъ; попытки укрывательства и обмана судьи государя должны устранять пыткой, физическими муками. Такая строгость наказаній господствовала тогда повсюду въ Европѣ. Сама церковь неумолимо карала еретиковъ, отступниковъ, колдуновъ сожженіемъ, зажариваніемъ на рѣшеткахъ послѣ ужаснѣйшихъ пытокъ при допросахъ. Въ Литвѣ, гдѣ власть самого государя очень ограничивалась сеймами дворянъ, наказанія были еще строже, чѣмъ на Руси: тамъ вѣшали за кражу вещи, стоящей дороже полтинника.

Члены перваго земскаго собора сдѣлали много поправокъ въ „Судебникѣ“, и онъ вышелъ новымъ изданіемъ подъ именемъ „царскаго“. Въ немъ замѣтно болѣе строгое отношеніе къ произволу намѣстниковъ и точнѣе обставленъ отказъ крестьянъ, т.-е. условія ихъ ухода отъ землевладѣльца.

При Иванѣ III началась реформа податного обложенія, предпринятая и проведенная отчасти подъ вліяніемъ знакомства съ податными порядками Византіи. Подати стали взимать съ опредѣленнаго количества засѣваемой пашни. Единицей счета была все та же „соха“; но подъ этимъ названіемъ теперь разумѣлось нѣсколько сотъ десятинъ распаханной земли; съ сѣнокосовъ, вообще съ необработанныхъ земель, ничего не брали. Разныя сословія платили съ сохъ различно, смотря по своимъ

отношеніямъ къ государственной службѣ. Съ дворцовыхъ земель государя, съ помѣстій и вотчинъ военно-служилыхъ людей платили сравнительно меньше; здѣсь соху считали въ 400 дес. въ одномъ полѣ. На монастырскихъ земляхъ полагали въ соху 300 дес. Лично свободные крестьяне за пользованіе землей, которую теперь назвали бы государственной, платили дороже всѣхъ: ихъ соха равнялась 200 — 250 дес. Таковы мѣры „доброй" земли. Если почва была худшаго качества, въ сохѣ считали больше десятинъ: 500, 600, 900.

Кромѣ простой „дани" старыхъ временъ, возникало много новыхъ сборовъ на неотложныя государственныя потребности. Учреждены были „ямы", гдѣ поселялись люди, содержавшіе лошадей для проѣзда гонцовъ и др. служилыхъ людей: на содержаніе ихъ создалась ямская подать; крымцы уводили толпы плѣнныхъ, — стали собирать „полоняничныя" деньги для ихъ выкупа. Учредили постоянные отряды стрѣльцовъ: на ихъ содержаніе и вооруженіе съ сохъ брали стрѣлецкую подать и стрѣлецкій хлѣбъ натурой. Войны Грознаго вызвали рядъ новыхъ военныхъ нуждъ и новыхъ поборовъ. Города выплачивали еще болѣе разнообразные налоги. „Соха" среди ихъ населенія означала 40 добрыхъ дворовъ: среднихъ, меньшихъ и бѣднѣйшихъ насчитывали въ сохѣ 60, 80, 100. Казна попрежнему знала только соху: а жители сами вѣдали, какую часть сохи платить имъ всѣмъ селеніемъ или городомъ и сколько придется на каждый дворъ, въ деревнѣ — по величинѣ запашки, въ городѣ—по доходности двора съ домомъ, по состоянію хозяина. Городскія площади, гостинные дворы и торговыя мѣста, прежде совершенно свободныя, въ XVI в. обратились въ доходную статью казны; были обложены налогомъ торговыя заведенія, лавки, лотки.

Во время большихъ войнъ, когда казна пустѣла, съ торговаго класса взыскивали экстренно особыя деньги, проценты съ годового дохода, 20-ую (5%), 10-ую (10%), 5-ую (20%) деньгу. Такимъ образомъ, налогъ выплачивался съ достатка, съ дохода. Къ половинѣ XVI в. подати стали собирать не натурой, а деньгами. Необходимость безостановочныхъ расходовъ на военныя нужды заставила правительство перейти къ денежному хозяйству [1]). Несомнѣнно, что торговля существовала внутри страны, такъ какъ и у простого люда оказывались деньги на рукахъ; но они поступали теперь въ казну, а не на улучшеніе хозяйствъ и промышленности. Отъ этого самые необходимые продукты быстро дорожали, деньги же на ряду съ этимъ, конечно, сравнительно, дешевѣли. Полагаютъ, что въ началѣ XVI в. рубль равнялся (по покупной силѣ) 100 современнымъ: черезъ 100 тѣтъ, къ XVII в. онъ упалъ въ цѣнѣ до 20, 17-ти современнаго рубля.

Отъ времени до времени, черезъ большіе промежутки, по всему государству составляли описи земель, состоящихъ въ чьемъ-либо владѣ-

---

[1]) Натуральнымъ хозяйствомъ называется такой обиходъ, когда цѣлая мѣстность обходится продуктами собственнаго издѣлія, ничего не обращая въ деньги, а покупаетъ только обмѣномъ: подати и повинности справляетъ тоже „натурой", продуктами и трудомъ. Денежное хозяйство возникаетъ, когда люди начинаютъ работать на продажу, на чистыя деньги, которыя употребляютъ на свои нужды и на государственныя потребности. Тогда появляются работники-спеціалисты, сосредоточивающіеся на одномъ ремеслѣ.

ніи. и городскихъ дворовъ, опредѣляли количество пашенъ и суммы платежей. Описи назывались „писцовыми книгами“ и составлялись особо для каждаго уѣзда съ его городомъ.

XV.

Служилое сословіе, помѣщики, боярство.

Съ конца XV-го в. и за время великихъ воинъ XVI-го въ Московскомъ государствѣ совершались глубокіе перевороты съ экономической и соціальной жизни. Прежде мало замѣтныя разграниченія сословій теперь проявляются рѣзче и опредѣленнѣй: между обозначившимися сословными группами распредѣляются государственныя повинности: сами же представители сословій стараются пріобрѣсти права въ свою пользу и власть надъ бѣднѣйшими.

Въ XVI в. получило свое устройство военно-служилое сословіе, обратившееся впослѣдствіи въ помѣстное дворянство. Еще въ эпоху удѣловъ низшіе дружинники служили при дворѣ князя, выполняя должности стремянныхъ, конюшихъ, стражей и др. На ряду съ этими вольными людьми при дворѣ служили и невольные, холопы изъ плѣнниковъ: обыкновенно холопы и состояли особенно довѣренными лицами князя: ключникъ, напр., завѣдывавшій имуществомъ и расходной казной, по закону считался рабомъ: холопы управляли княжескими селами и судили жителей. Всѣ дворцовые слуги подчинялись управителю—„дворскому“, и, будучи даже свободными, не имѣли права уходить со службы. Въ наказаніе за уходъ такого слуги у него отбирали всѣ выслуженныя имъ имущества. Московскіе князья, захватами и покупками пріобрѣтая много собственныхъ дворцовыхъ земель, могли надѣлять ими массы дружинниковъ, но при этомъ принимали ихъ въ слуги своего двора, и, въ случаѣ отказа отъ службы, отбирали земли назадъ. Такъ бывшіе вольные дружинники оказались на положеніе слугъ, подчиненныхъ дворецкимъ. Обращеніе съ ними измѣнилось, совершенно утративъ прежній товарищескій оттѣнокъ; это были уже воины, какъ солдаты, покорные князю-повелителю.

Съ расширеніемъ государства увеличивалось число необходимыхъ для его защиты воиновъ. Надѣляя ихъ землями въ „помѣстья“, безразлично и изъ дворцовыхъ, и изъ вольныхъ участковъ, правительство переселяло ихъ куда и когда находило нужнымъ. Иванъ IV около 1550 г. приказалъ выбрать изъ всѣхъ уѣздовъ 1000 человѣкъ лучшихъ служилыхъ помѣщиковъ и перевести ихъ на подмосковныя земли: изъ нихъ составилось отборное войско.

Въ эту пору опредѣлился порядокъ службы для всѣхъ владѣльцевъ помѣстій, „государевыхъ служилыхъ людей“. По всѣмъ уѣздамъ они дѣлились на 4 статьи по размѣрамъ помѣстій и числу крестьянскихъ дворовъ, а размѣры были очень разнообразны — отъ 25 до 500, 600 десятинъ. Каждый помѣщикъ обязанъ былъ по первому призыву являться на службу, и съ каждыхъ 50 дес. привести по ратнику на конѣ съ ружьемъ, съ запасными лошадьми и повозкой. Если нужно, по-

мѣщики поставляли крестьянъ съ лопатами для сооруженія укрѣпленій. Бѣдняки, владѣльцы десятинъ 25 или запустѣвшихъ земель безъ крестьянъ, являлись одни, пѣшкомъ, съ саблей, лукомъ и стрѣлами. Такихъ воиновъ назначали въ города, на случай осады; въ дальніе походы ихъ не брали. Мелкопомѣстные защитники дальнихъ уѣздовъ близъ татарскихъ степей являлись съ однѣми рогатинами и караулили пути татарскихъ набѣговъ. Помѣщики каждаго уѣзда составляли особый полкъ, дѣлившійся на тысячи и сотни. Передъ большими походами и по окончаніи ихъ помѣщикамъ давали денежное жалованье отъ 2 до 25 р. на старинный счетъ. Сыновья помѣщиковъ съ дѣтства записывались въ книги разряднаго приказа; 15 лѣтъ они считались „новиками", годными для службы, и получали помѣстья. Обыкновенно по просьбѣ родныхъ дѣтямъ давали помѣстья отца; но только въ XVII в. этотъ порядокъ окончательно установился, и тогда помѣстное владѣніе стало приближаться къ вотчинному. За особыя заслуги давали земельныя прибавки, а позже, въ XVII в., часть помѣстья дарили въ полную собственность, въ вотчину. Самое помѣстье никто не смѣлъ продавать, завѣщать, дарить; имъ полагалось только пользоваться. За укрывательство отъ службы и др. проступки его могли отбирать. Самые состоятельные служилые помѣщики уѣзда отдѣлялись въ особую выборную статью. Ихъ по очереди вызывали на полгода въ Москву держать караулы, служить при дворцѣ, въ гонцахъ, разсылкахъ. Должно быть, ихъ первыхъ стали величать дворянами. Прошло много времени, прежде чѣмъ это названіе распространилось и на другихъ владѣльцевъ помѣстій. Знаніе грамоты, бойкость, а главное покровительство въ царскихъ теремахъ могли провести такого выборнаго въ чинъ жильца въ полкъ московскихъ дворянъ. Высшая степень, до которой могъ дослужиться служилый человѣкъ — это званіе думнаго дворянина, младшаго члена боярской думы. Низшіе служилые люди—стрѣльцы, пушкари, городовые казаки, сторожа степныхъ укрѣпленій получали землю не отдѣльными помѣстьями, а цѣлымъ поселкомъ, слободкой, и дѣлились ею, какъ крестьяне. Послѣ паденія Рязанскаго княжества, когда набѣги крымцевъ очень усилились,—земли за Окой и по ея верхнему теченію стали заселять служилыми помѣщиками. Близъ Тулы, Калуги и Рязани почти каждый годъ возникалъ маленькій городокъ-крѣпость; окрестная мѣстность записывалась его уѣздомъ и поспѣшно раздавалась небольшими участками новымъ помѣщикамъ, переведеннымъ изъ другихъ уѣздовъ, а часто и навербованнымъ изъ вольныхъ людей, городовыхъ казаковъ, служилыхъ людей бояръ-воеводъ.

Состоятельные помѣщики были обязаны строить дворы въ городѣ на случай осады и держать въ нихъ людей. Особые сторожевые разъѣзды караулили у границъ уѣзда движенія татарскихъ отрядовъ и предупреждали объ опасности. Въ ожиданіи набѣга жителямъ уѣзда приказывали съѣзжаться со всѣмъ имуществомъ въ городъ и защищаться въ немъ. Когда укрѣплялся одинъ уѣздъ, занимали мѣста южнѣе его, ставили новый городокъ, вербовали на службу новыхъ служилыхъ людей и заселяли новый уѣздъ. Первое время крестьяне не шли на опасную границу бѣдняковъ помѣщиковъ, на неустроенное хозяйство; и помѣщики въ одно и то же время обрабатывали сами землю и отстрѣливались отъ татаръ. Денежное жалованье очень помогало привлеченію крестьянъ. По

приблизительному подсчету правительство за 45 лѣтъ (1655—1600 гг.) переплатило помѣщикамъ за Окой и Сурой болѣе 40 мил. руб. на наши деньги—огромная сумма для того времени. Такъ самодержавное правительство распространяло свою власть, заселяя земли своими слугами, привязывая ихъ крѣпкими экономическими связями. Широко раскинувшимся военнымъ станомъ рѣдкія поселенія военныхъ людей подвигались все далѣе въ южныя степи, понемногу расширяя владѣнія государства. За Веневомъ, Епифанью, Крапивной возникли Ливны, Елецъ, Воронежъ и много др. городовъ. На юго-востокѣ воздвигали городки Тамбовской оборонительной черты. Мѣстами между городковъ тянулись земляные валы съ башнями, высокіе завалы деревьевъ, чтобы остановить быстрые набѣги степняковъ. Эти служилые люди высшихъ и низшихъ статей были самыми покорными орудіями верховной власти, возстановляли ее, когда она шаталась, поддерживали ея начинанія и реформы.

Помѣстья получали и знатные люди, обладавшіе наслѣдственными землями, бояре и недавніе удѣльные князья, съ тѣмъ же условіемъ — обязательной службы государю. Въ XVI в. установился принципъ, чтобы „земля изъ службы не выходила“. Личный землевладѣлецъ долженъ служить, знатный ли онъ, или недавно поверстанный изъ вольныхъ людей. Этотъ принципъ тяжело отразился на боярствѣ, принижая его до родовыхъ слугъ, именно тогда, когда среди него возникли протесты противъ неограниченнаго самовластія московскихъ государей.

Къ началу XVI в. московское боярство сдѣлалось очень многочисленно. Кромѣ русскихъ княжескихъ бояръ, съѣзжавшихся изъ другихъ удѣловъ, къ московскому вел. князю пріѣзжали служить знатные и незнатные выходцы изъ Германіи, Швеціи, Польши, Литвы, славянскихъ земель; явилось много татарскихъ мурзъ и ханскихъ родичей, принимавшихъ православіе (какъ Годуновы). Усаживаясь въ Центральной Руси, вокругъ Москвы, бояре начинали больше цѣнить свои земельныя имущества, богатѣли отъ своего хозяйства и намѣстничьяго корма, а не отъ военной добычи. Вновь пріѣзжіе бояре заключали съ князьями личные договоры о службѣ и наградахъ. Бояре были такъ необходимы московскому князю, такъ важно было привлечь ихъ на свою сторону отъ другихъ князей, что онъ, награждая ихъ за службу землями, давалъ имъ большія привилегіи: разрѣшалъ боярамъ судить самостоятельно жителей своихъ земель, держать собственныхъ военно-служилыхъ людей, отводя имъ помѣстья у себя; эти люди составляли вокругъ боярина маленькій дворъ и ходили съ нимъ на войну.

Знатнѣйшими среди бояръ оказывались бывшіе удѣльные князья, пріѣзжавшіе въ Москву. Своимъ появленіемъ они спутали весь простой порядокъ службы былыхъ княжихъ мужей: боярство расслоилось. Всякій князекъ, едва прибывшій въ Москву, считался выше заслуженнаго боярина уже потому что онъ князь: высота происхожденія на время стала выше заслугъ. Сами князья были однако не равны между собой: потомки великихъ князей ставились выше удѣльныхъ; тѣ же захудалые Рюриковичи, которые давно потеряли удѣлы и еще до Москвы служили другимъ князьямъ, ставились уже ниже старшихъ московскихъ бояръ. Среди знати возникли счеты между собой, обиды, стремленіе уравновѣшивать знатность рода съ заслугами и высотой службы.

А тутъ приходилось бороться съ государемъ за сохраненіе хоть нѣкоторой независимости вольныхъ слугъ. Легко и охотно переходили бояре въ Москву, заставляя своихъ князей поневолѣ покоряться московскому, но не легко имъ было уѣхать съ московской службы. Твердо проповѣдуя единовластіе, духовенство осуждало отъѣзды, какъ измѣну. Московскій вел. князь по праву сильнаго старался всѣми мѣрами наказать отъѣхавшаго. Исчезновеніе удѣловъ побуждало обиженныхъ бояръ и князей искать спасенія въ Литвѣ, у главнаго врага московскаго государства, что уже окончательно принималось за измѣну вѣрѣ и отечеству и наказывалось лишеніемъ вотчинъ и имущества. Литовскіе вел. князья горько жаловались, что бояре отъѣзжаютъ отъ нихъ въ Москву съ вотчинами, а изъ Москвы являются бѣглецами безъ вотчинъ.

Право отъѣзда исчезало само собой: приходилось сосредоточиться на своихъ интересахъ дома. Съ расширеніемъ политическихъ сношеній и задачъ большого государства повысились и претензіи бояръ—упрочить за собой права на постоянное участіе въ политической дѣятельности правительства. Приливъ служилыхъ князей создалъ новое титулованное боярство, желавшее играть политическую роль и заражавшее своими стремленіями и рядовыхъ бояръ. Изъ стараго обычая совѣщаній князя со своими мужами московское боярство XV и XVI вв. думало создать обязанность государя спрашивать совѣта ихъ представителей и сдѣлать думу органомъ законодательнымъ съ исключительно боярскимъ составомъ. Рюриковичи съ помощью бояръ создали великое государство, вмѣстѣ должны они и править („Не ихъ ли (бояръ) ты мужествомъ славенъ!“ писалъ Курбскій царю Грозному).

А прежде всего бояре не могли допустить, чтобы ихъ службой повелители распоряжались такъ же свободно, какъ прочими подданными. Но тутъ приходилось бороться другъ съ другомъ.

Постоянный приливъ новыхъ боярскихъ семей побудилъ заслуженныхъ бояръ отстаивать свое высокое положеніе службѣ отъ новыхъ претендентовъ на кормленіе и начальствованіе въ полкахъ. Каждый родъ держалъ у себя выписки изъ книгъ Разряднаго приказа, гдѣ вѣдались служебныя назначенія, и составлялъ родословныя своихъ предковъ; каждая семья строго слѣдила за тѣмъ, чтобы дѣти занимали мѣста и должности отнюдь не ниже тѣхъ, какія принадлежали отцамъ и дѣдамъ. Почти каждое назначеніе возбуждало рядъ семейныхъ соображеній и пререканій съ другимъ родомъ: служилъ ли дѣдъ Воронцова ниже дѣда Плещеева или наоборотъ. Если скромный бояринъ хоть одинъ разъ молча далъ записать себя воеводой сравнительно съ другимъ ниже, чѣмъ былъ его отецъ передъ отцомъ сослуживца, то этимъ давалъ поводъ сажать и своихъ дѣтей ниже послѣдняго; вмѣстѣ съ собой онъ понижалъ свой родъ; потому-то заносчивые счеты бояръ между собой были такъ остры и упорны. Считались назначеніями и мѣстами повсюду: въ приказахъ, полкахъ, намѣстничествахъ и на скамьяхъ за праздничными столами въ государевыхъ хоромахъ, въ рядахъ свиты, окружавшей государя. Странное и дикое на первый взглядъ это *мѣстничество*, какъ его называли, это преклоненіе передъ заслугами предковъ давало нѣкоторый отпоръ произволу государственной власти. Родовитая знать, споря изъ-за мѣстъ, говорила: „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не

отечествомъ". Первые ряды московскаго боярства занимали, конечно, бывшіе владѣтельные князья: за ними и отчасти рядомъ съ ними нетитулованные бояре, но потомки тѣхъ, которые собирали земли вмѣстѣ съ Калитой, его дѣтьми и внуками. Обѣднѣвшіе и безземельные потомки удѣльныхъ князей смѣшивались съ боярствомъ второстепенныхъ родовъ. Члены знатнѣйшихъ семей получали боярство сразу, не проходя низшихъ чиновъ; прочіе служили при дворѣ стряпчими, стольниками, и часто подымались не выше „окольничаго", послѣднее званіе передъ „бояриномъ". Въ просторѣчіи народъ называлъ „бояриномъ" всякаго члена знатной семьи, всякаго виднаго чина при дворѣ.

Иванъ III его сынъ и внукъ раздражались упорными претензіями бояръ; но знатные слуги были еще необходимы въ администраціи: самъ Грозный не могъ обходиться безъ „земскихъ" бояръ. Приходилось терпѣть ихъ, ускоряя непрерывное подтачиваніе ихъ вліянія въ вотчинахъ, на мѣстахъ, среди земскихъ силъ. Уже съ Ивана III-го жалованныя грамоты постепенно уменьшаютъ льготы, съуживаютъ права крупныхъ землевладѣльцевъ надъ населеніемъ: только мелкіе проступки подлежали суду его, все болѣе важное, всѣ уголовныя дѣла вѣдала администрація государя: сокращался кругъ вѣдѣнія суда боярскаго и намѣстничьяго. Царь отдѣлялъ свое государственное дѣло отъ бояръ, вынужденный считаться съ ними.

Знать была еще долго сильна. Въ малолѣтство Грознаго власть оказалась на время въ ея рукахъ: въ смутное время боярство снова вело свою линію — пыталось ограничить власть царей избранниковъ; и даже въ концѣ XVII в. ослабѣвшее, утративъ право на мѣстническіе счеты, боярство забавлялось фикціей объ установленіи наслѣдственныхъ намѣстниковъ.

Съ объединеніемъ государства и установленіемъ монархіи вопросъ о положеніи боярства становился все острѣе и больнѣе: сохранить ли оно свое значеніе обязательныхъ соправителей государей? Съ воцареніемъ перваго вѣнчаннаго царя Ивана IV дѣло должно было рѣшиться. Значеніе князей и бояръ въ своихъ вотчинахъ, въ законодательствѣ, въ военномъ дѣлѣ было таково, что казалось трудно пошатнуть его, а между тѣмъ оно начало быстро слабѣть. Во время боярскаго правленія и соборовъ 50-хъ годовъ бояре могли бы опредѣлить свое положеніе и права своего сословія, точно обозначить, кто долженъ присутствовать въ думѣ, какъ назначать намѣстниковъ и воеводъ. У нихъ на это былъ образецъ—литовская „рада". Въ радѣ засѣдали всѣ главныя лица управленія: канцлеръ, гетманы, маршалки (представители служилаго сословія), всѣ правители областей: это давало въ руки вельможамъ всѣ нити законодательства и управленія, и вельможи первенствовали въ странѣ. Въ Москвѣ все дѣлалось просто, по мѣрѣ надобности и удобства, безъ опредѣленнаго порядка. Наибольшая опредѣленность замѣчалась въ мѣстничествѣ; но боярскіе счеты и споры только разъединяли бояръ, не давали сплотиться въ сословный кружокъ, въ корпорацію; и это было очень выгодно государямъ. Недовольные самовластіемъ государей, бояре ссылались только на старые обычаи и не создавали новыхъ, чтобы укрѣпить свое значеніе. Отсутствіе образованія, малое знакомство съ управленіемъ европейскихъ странъ оставляло ихъ при взглядахъ и понятіяхъ

удѣльнаго времени: они хлопотали о правѣ пренебречь правителемъ и уйти отъ него, а не о томъ, какъ дѣйствовать сообща и отстоять свою самостоятельность. Они не умѣли во время отдѣлить свои права и обязанности отъ правъ прочаго населенія и сами стояли за право голоса низшихъ классовъ, видя въ этомъ возрожденіе вѣчевой старины, сами предлагали созывы земскихъ соборовъ, которые только умаляли ихъ значеніе, какъ представителей областей.

Обиліе земель въ государствѣ и отсутствіе промышленныхъ городовъ подорвали снизу боярскую власть. Безъ торгово-промышленныхъ центровъ мало повышалась доходность земель: все держалось однимъ сельскимъ хозяйствомъ, да и оно слабо развивалось. У самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ веденіе хозяйства по количеству запашки нельзя было назвать крупнымъ. Служба съ помѣстья принижала князей и бояръ, уравнивая ихъ съ мелкими дворянами. Служебныя назначенія разбрасывали князей по разнымъ мѣстамъ, не справляясь съ ихъ хозяйственными и сословными расчетами: то тамъ, то сямъ давалось и помѣстье. Недостатокъ капиталовъ побуждалъ князей закладывать и продавать родовыя земли монастырямъ, единственнымъ капиталистамъ, разсчитывая, что ради службы правительство дастъ помѣстье, и правительство давало, сообразно съ высотой чина и положеніемъ при дворѣ; послѣднее было особенно важнымъ: оно обыкновенно доставляло и богатство. Съ завоеваніемъ Поволжья для русскихъ открылись огромныя пространства свободныхъ земель. Крестьяне стали уходить изъ средней полосы и разсѣивались по черноземнымъ степямъ. Боярскія земли пустѣли, лишались рабочихъ рукъ, перестали давать доходы; у бояръ появились долги: вотчины стали еще чаще продаваться Затѣмъ „опричнина" Грознаго нанесла сильный ударъ боярскому землевладѣнію.

Съ самаго печальнаго дѣтства царь таилъ злобу противъ бояръ, видя въ нихъ враговъ самодержавной власти. Вскорѣ послѣ взятія Казани онъ опасно заболѣлъ, завѣщалъ царство сыну, новорожденному Дмитрію, поручивъ правленіе царицѣ и ея братьямъ, Захарьинымъ. Онъ приказалъ боярамъ тутъ же въ своей опочивальнѣ присягать Дмитрію. Увѣренные въ близкой смерти царя, бояре, даже приближенные, перестали стѣсняться. Сильвестръ и Адашевы первые заговорили, что продолжительное малолѣтство Дмитрія опасно для государственнаго порядка, и слѣдуетъ обратиться къ царскому двоюродному, брату Владиміру Андреевичу. Многіе кричали, что не хотятъ служить Захарьинымъ. Больной слышалъ все происходившее, но, выздоровѣвъ, долго молчалъ объ этомъ. Въ 1560 году умерла царица Анастасія, въ Ливоніи начались военныя неудачи; къ тому же царю стало ясно значеніе кружка его духовника и Адашевыхъ, умѣвшихъ вліять на него. Подозрительность, ревнивое отношеніе къ власти стали развиваться до болѣзненности. Друзья были удалены, ихъ сторонники подвергались казнямъ. Опалы, кровавыя расправы побудили многихъ бѣжать въ Литву, что въ свою очередь вызывало новыя казни. Бѣгство изъ арміи знаменитаго кн. Андрея Курбскаго довело царя до изступленнаго гнѣва.

Въ 1564 году царь объявилъ, что покидаетъ царство, и уѣхалъ въ село Александровское. Послѣ долгихъ моленій бояръ и подданныхъ, Грозный обѣщалъ царствовать подъ условіемъ, что онъ выдѣлитъ себѣ

особый штатъ служащихъ, которые будутъ знать одну его волю. Все царство, „опричь" (кромѣ) этого штата, по прежнему правилось боярской думой, приказами и называлось „земщиной". Болѣе 1000 лицъ выдѣлили въ опричнину изъ служилаго класса; сюда попало нѣсколько князей и сыновей бояръ. Для ихъ помѣстій отдѣлили рядъ волостей съ городами: доходы послѣднихъ тоже шли на потребности новой дружины. Много волостей было взято изъ владѣній бывшихъ удѣльныхъ князей — бояръ, получившихъ взамѣнъ земли на окраинахъ, вдали отъ своихъ родныхъ вотчинъ. Такимъ образомъ знатнѣйшіе люди лишались вліянія среди родныхъ мѣстъ, теряли связи съ бывшими подданными и переходили на положеніе служилыхъ людей. Благодаря подозрительности и жестокости царя, эта политическая мѣра сопровождалась рядомъ звѣрскихъ насилій. Опричники, ихъ люди, даже крестьяне ихъ помѣстій, преслѣдовали земскихъ бояръ и помѣщиковъ, грабили ихъ дома, дѣлали набѣги на ихъ деревни и разоряли ихъ крестьянъ. Все оправдывалось предлогомъ, что земскіе измѣняютъ царю. Самъ Грозный изощрялся въ изобрѣтеніи особыхъ утонченныхъ униженій и истязаній, чтобы истребить въ боярствѣ, да и повсюду, духъ независимости и личнаго достоинства. Постригшагося боярина взорвалъ на бочкѣ пороха, говоря, что инокамъ полагается парить въ воздухѣ. Кн. Репнина одѣлъ шутомъ передъ казнью: нравственными и физическими муками заставлялъ несчастныхъ взводить на себя невозможныя преступленія. Простой доносъ погубилъ десятки людей въ Новгородѣ. Опричнина продержалась до самой смерти Грознаго и послѣдніе годы называлась „дворомъ". Отбираніе вотчинъ, казни цѣлыми семьями, постриженія, ссылки, сокрушили старинное боярство: цѣлые роды вымерли, разорились и съ высшихъ чиновъ спустились въ ряды военно-служилыхъ людей, гдѣ утрачивали даже княжескіе титулы; а на ихъ мѣста стали свободнѣй возвышаться и получать доступъ къ думѣ люди изъ помѣстнаго класса, какъ Годуновы.

XVI.

Города, промышленность; крестьянство, казачество.

Сѣверо-восточная Русь оставалась вѣрной своему сельскому, земледѣльческому характеру жизни и промышленности. Городская жизнь здѣсь попрежнему развивалась очень медленно: городовъ было очень мало, если не считать тѣхъ, которые служили укрѣпленными пунктами и центрами уѣздовъ. Такіе центры представляли пространство, обведенное валомъ, рвомъ и бревенчатой стѣной: среди него стояла бревенчатая церковь, изба воеводы, губная изба, гдѣ производились судъ и расправа, тюремный погребъ и погребъ для храненія пороху и ядеръ; кругомъ стояли избы причта, дьяка, сторожей и пушкарей. За стѣнами ютились слободки стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ. Ни ремесленниковъ, ни торговцевъ въ такихъ городахъ не было; никакой промышленности не заводилось; мелкій торгъ хлѣбомъ и квасомъ вели жены стрѣльцовъ и сторожей. Такія крѣпости строили, не соображаясь съ удобствами торговли, поэтому торги и ярмарки часто устраивались близъ монастырей, въ большихъ селахъ, на берегу судоходныхъ рѣкъ.

Города сѣвера и средней части Руси имѣли важное значенiе въ промышленности. Вокругъ стѣнъ крѣпости располагались *посады*, гдѣ собственно жилъ городской классъ: торговцы, ремесленники, разные мастеровые. Въ большихъ городахъ здѣсь стоялъ гостинный дворъ, куда по временамъ прiѣзжали торговать крупные торговцы изъ Москвы, Новгорода, Казани: цѣлыми мѣсяцами лавки его стояли запертыми и открывались по частямъ. Мѣстныя лавки торговали только самыми необходимыми продуктами. Въ старой Коломнѣ, напр., на 1-мъ мѣстѣ по числу лавокъ оказывается рядъ рогожный (65 лав.), на 2-мъ—мясной, а далѣе—соляной, хмелевой, рыбный, сапожный и ветошный и т. д. Среди мастеровыхъ людей старыхъ княжескихъ городовъ жило много казенныхъ кузнецовъ, плотниковъ и др., которые были свободны отъ всякихъ повинностей и обязаны работой только на казну. Иногда посады тоже окружались деревянной стѣной или валомъ. За послѣднимъ тянулись селенiя низшихъ служилыхъ людей самыхъ разнообразныхъ специальностей, — стрѣльцовъ, пушкарей, ямщиковъ,—свободныхъ отъ податей, почему селенiя и носили характерное названiе „слободъ“.

На сѣверо-западѣ города бывшихъ вѣчевыхъ общинъ Новгорода и Пскова замѣтно опустѣли и обѣднѣли. Въ блестящемъ прежде Псковѣ цѣлые ряды торговыхъ заведенiй стояли въ запущенiи и разрушенiи; городъ въ европейскомъ смыслѣ, какъ промышленный центръ, очевидно приходилъ въ упадокъ. Повидимому, военная колонизацiя, разселенiе помѣщиковъ по степямъ на казенный счетъ, постоянно отвлекала населенiе отъ городовъ и поддерживала патрiархально-сельскiй характеръ быта и промышленности. Во 2-й половинѣ XVI в. очень оживились города къ сѣверу отъ Москвы, бойчѣй проявилась дѣятельность стараго Новгорода. Въ 1555 г. англiйскiй купеческiй корабль, одинъ изъ тѣхъ, которые черезъ Ледовитый океанъ искали морского пути въ Индiю, спасаясь отъ льдовъ, приплылъ въ устье Сѣв Двины. Командира его, Ченслера, пригласили въ Москву, гдѣ царь его хорошо принялъ. Съ тѣхъ поръ установились торговыя сношенiя съ Англiей черезъ Бѣлое море. Ихъ нашли очень выгодными въ Англiи и учредили русскую торговую компанiю. Для своей главной конторы англичане избрали Вологду; они поставили здѣсь свой торговый дворъ, складочное мѣсто англiйскихъ товаровъ, перевозили ихъ отсюда въ Москву и Волгой на востокъ въ Азiю. Русское правительство давало имъ льготы въ пошлинахъ; но англичане добивались большаго: они желали безпошлинной торговли по Россiи и свободнаго проѣзда въ Персiю и Индiю для широкихъ торговыхъ сношенiй. Это стремленiе пользоваться страной чужого народа, какъ вольной степной дорогой, возбуждало негодованiе страдавшихъ отъ всякихъ поборовъ русскихъ торговцевъ. Но правительство очень осторожно боролось съ претензiями англичанъ: замкнутое положенiе Россiи заставляло дорожить всякими торговыми сношенiями съ западомъ.

Городскими, промысловыми и таможенными сборами завѣдывали сами мѣстные торговые люди уѣзда, что представляло для нихъ тяжелую государственную повинность. Огромное, но бѣдное деньгами государство не имѣло средствъ содержать при всякомъ дѣлѣ своихъ служащихъ. Торговцы и посадскiе каждаго города обязаны были выбирать изъ своей среды честныхъ людей, которые присягали блюсти казенные сборы; они

состояли при торговлѣ казеннымъ виномъ, при внутреннихъ таможняхъ, на торговыхъ площадяхъ. Эта важная для правительства служба выполнялась людьми небольшого достатка, на которыхъ городскіе богатѣи сваливали повинности съ большими затратами времени и личныхъ средствъ, не принося никакой пользы мѣстнымъ промышленнымъ интересамъ. Уклоняясь отъ должностей, люди побѣднѣе подчасъ просто убѣгали, скрываясь изъ города. Крупные московскіе торговцы выполняли еще болѣе широкія задачи по провѣркѣ торговыхъ сборовъ, оцѣнкѣ товаровъ для казны, охранѣ казенныхъ суммъ; наконецъ, помогали правительству своими соображеніями при заключеніи торговыхъ договоровъ, обложеніи оброками казенныхъ имуществъ и цѣломъ рядѣ финансовыхъ дѣлъ.

Въ общемъ городская жизнь московской Руси мало чѣмъ отличалась отъ сельской. Много горожанъ постоянно занимались огородами и пашнями, широкимъ кольцомъ окружавшими города. За овощами сельскіе жители часто ѣздили въ города. Наоборотъ, крестьяне во многихъ мѣстахъ дѣлали посуду, войлока, обдѣлывали кожи, ткали и свозили въ города свои издѣлія. Суровый климатъ не щедро награждалъ земледѣльца плодами земными, а продолжительная зима удерживая населеніе по избамъ, давала много досуга на мѣсяцы. Тогда пахари и ихъ семьи прилагали свой трудъ къ матеріалу, который находили подъ рукой: точили дерево, валяли шерсть, пряли ленъ и пеньку. Съ переселеніемъ на другое мѣсто мѣнялось и домашнее ремесло. Пахарь занимался имъ между прочимъ, безъ любви къ дѣлу, безъ личной склонности къ той или другой работѣ; поэтому сельскія издѣлія не совершенствовались, были грубы, дешевы, удовлятворяли самымъ необходимымъ потребностямъ. Это преобладаніе на Руси сельской жизни, сельскихъ промысловъ держало на самомъ низкомъ уровнѣ ея промышленность. Даже въ большихъ городахъ ремесленники не брали заказовъ на свои издѣлія, что очень удивляло иностранцевъ. За всѣмъ необходимымъ ходили въ торговые ряды или лавки, гдѣ можно было купить все, всякій товаръ. Ремесленники работали для поставки скупщикамъ-капиталистамъ; послѣдніе возили товары по частнымъ дворамъ и ярмаркамъ городовъ и мѣстечекъ. Такой развозъ товаровъ по обширнымъ областямъ заинтересовывалъ торговцевъ въ широкомъ распространеніи власти московскаго царя: имъ было выгодно встрѣчать повсюду единую власть и однообразные порядки. Городское сословіе, какъ увидимъ, оказалось очень твердымъ и вѣрнымъ защитникомъ самодержавной монархіи.

Оживленіе внѣшней торговли во 2-й половинѣ XVI в., пріобрѣтеніе Волги и другихъ путей къ востоку и югу породили дѣятельныя сношенія внутри страны. Вокругъ Москвы двигались товары по семи путямъ. Съ сѣвера шла рыба, соль; съ юга восточные товары. Ярославская область снабжала хлѣбомъ сѣверъ и Москву, а Рязанская, кромѣ Москвы отправляла хлѣбъ къ южной Волгѣ. Сѣти менѣе значительныхъ путей вели къ торжкамъ, посадамъ съ ярмарками, промышлявшимъ помимо городовъ. У населенія Руси заводились деньги: на это указывала замѣна нѣкоторыхъ натуральныхъ платежей денежными взносами.

Развитіе хлѣбной торговли, спросъ на зерновой хлѣбъ побуждилъ землевладѣльцевъ заботливѣй относиться къ обработкѣ пашенъ. Они

всюду старались увеличивать запашки, чтобы добывать хлѣбъ для продажи. Старое натуральное хозяйство, заготовлявшее продуктъ только для потребностей хозяевъ и ихъ рабочихъ, начало переходить въ *денежное*, въ заготовку товара на рынокъ. Большія запашки нуждались въ рабочихъ рукахъ: холопы страдники не могли справляться съ новыми задачами сельскаго хозяйства. Тутъ полевое хозяйство отражалось на судьбахъ крестьянъ.

Судьба крестьянства измѣнялась сообразно съ ростомъ государства и его военныхъ силъ. Какъ извѣстно, съ татарскихъ переписей крестьянство утратило отчасти свою прежнюю свободу. Князья удерживали въ удѣлахъ плательщиковъ дани. Переходы съ земли на землю стѣснялись сроками, въ которые крестьянинъ долженъ выплатить дани исправить оброки и повинности землевладѣльцу. „Судебникъ“ Ивана III-го свелъ эти сроки къ одному—Юрьеву дню осеннему. Ко 2-ой половинѣ XVI-го в. и Юрьевъ день утратилъ свое значеніе; крестьяне уходили съ „отказомъ“, т.-е. выплативъ все, что полагалось, въ теченіе зимы, когда прекращались полевыя работы, или просто исчезали потихоньку. Крестьяне „данники“ жили на княжеской землѣ по старинному и платили казнѣ всѣ подати по числу сохъ, почему ихъ назвали „черносошными“. За сборъ и доставку податей крестьяне отвѣчали круговой порукой: вся волость ручалась за своихъ членовъ. Такой волостной союзъ не имѣлъ экономическаго значенія; его создавали требованія правительства, съ которымъ приходилось считаться сообща; онъ очень мало походилъ на современную сельскую общину, основанную на общемъ владѣніи землей. Каждый земельный участокъ черносошной деревни имѣлъ своего хозяина, который владѣлъ имъ, какъ личной собственностью, могъ его заложить, продать, сдать сыну. Обществу было совершенно безразлично, кто владѣетъ участкомъ, только бы владѣлецъ справлялъ сполна подати и повинности.

Уходя, крестьянинъ долженъ былъ поставить кого-нибудь на свое мѣсто, иначе убывалъ плательщикъ съ тяглой земли, и волостному обществу приходилось платить сообща за опустѣвшій участокъ, а черныя сохи облагались несравненно болѣе тяжелыми податями, чѣмъ владѣльческія земли. Въ XVI в. множество черносошныхъ земель раздавались въ помѣстья служилымъ людямъ, а крестьянамъ посылался указъ изъ помѣстнаго приказа—слушаться помѣщиковъ, платить имъ подати и дѣлать всякую работу, какую велятъ; предѣлы власти помѣщика, количество работы и оброковъ въ его пользу никогда никакими грамотами не опредѣлялись. Правительство Ивана IV массами привлекало на службу людей; имъ отводили множество земель и крестьянскихъ, и бывшихъ вотчинниковыхъ, и бывшихъ монастырскихъ: помѣщиковъ переводили съ мѣста на мѣсто; земли часто мѣняли владѣльцевъ; села и деревни дѣлились между разными помѣщиками. Государственные интересы требовали большого числа военныхъ силъ, а обезпечить служащихъ могли только землей и трудомъ земледѣльцевъ. Обширныя владѣнія монастырей стѣсняли раздачу помѣстій, и уже съ начала XVI вѣка поговаривали, какъ ограничить земельные вклады на поминъ души и самостоятельныя покупки монастырей, но до половины XVII-го в. не рѣшались дѣйствовать твердо: только лишали понемногу монастырскія земли прежнихъ податныхъ льготъ.

Служба государству и землевладѣніе теперь тѣсно связывались въ однѣхъ рукахъ. Какъ устраиваются между собою крестьяне и помѣщики на переходящей изъ рукъ въ руки землѣ, объ этомъ законодатели не думали да и не умѣли думать. На этихъ земляхъ задвигались и крестьяне, въ поискахъ за лучшимъ положеніемъ, часто переходя отъ одного помѣщика къ другому. Отказываясь отъ землевладѣльца, они должны были выплатить пожилое за дворъ, особую неустойку за выходъ, справить казенныя подати и оброки помѣщику. На новомъ мѣстѣ они подписывали „порядную“ на крестьянство, обѣщая исполнять всѣ работы, какія прикажутъ—чинить постройки, строить хоромы и т. д., часто при этомъ они брали ссуду деньгами или скотомъ и хлѣбомъ на пропитаніе и посѣвъ, которую приходилось выплачивать длинный рядъ лѣтъ. Съ половины XVI-го в. началось массовое передвиженіе крестьянъ на вновь завоеванныя степи. Тогда между землевладѣльцами средней полосы началась борьба изъ-за крестьянъ, переманиванье ихъ другъ отъ друга, стремленіе закрѣпить ихъ на своей землѣ. Увеличеніе податей, переводъ ихъ на деньги, причемъ послѣднія дешевѣли, очень тяжело отзывались на крестьянахъ, крайне обѣднѣвшихъ. Крестьянинъ безъ скота и орудій шелъ рядиться, прося прежде всего денежной ссуды; ради нея онъ расписывался въ порядной, что за себя и дѣтей обязуется никогда не уходить отъ помѣщика и не покидать его земли. Порядныя уподоблялись кабальнымъ записямъ холоповъ, и крестьяне сами закрѣпощали себя помѣщику. Люди охотнѣе шли на земли монастырей и богатыхъ вотчинниковъ, потому что тамъ больше давали ссудъ. Монастыри и богачи держали агентовъ, которые, разъѣзжая по селамъ, обѣщаніями и деньгами сманивали крестьянъ, часто просто выкупали, заплативъ за нихъ долговую ссуду. Обѣднѣніе, задолженность вели къ тому, что цѣлые уѣзды засѣвались забраннымъ въ ссуду хлѣбомъ. Бѣдность принизила личность крестьянина: онъ готовъ былъ за ссуду идти въ „закладни“ ко двору помѣщика; не имѣя силъ справлять крестьянское хозяйство и подати, онъ подписывалъ кабальную въ холопы, чтобы служить помѣщику по его смерть: это было облегченіе; закладни и холопы служили только господину и ничего не платили въ казну.

Мелкимъ помѣщикамъ безъ капитала труднѣе всѣхъ давалась погоня за крестьяниномъ, котораго легко переманивали на богатыя вотчины. Эти помѣщики жаловались, что не имѣютъ средствъ для службы, выпрашивали у правительства податныя льготы на нѣсколько лѣтъ, чтобы за эти годы набрать крестьянъ и отстроить деревню. Заселеніе степей было выгодно правительству, и оно допустило уходъ крестьянъ изъ средней полосы Руси. Но жалобы служилыхъ людей, большія пространства заброшенныхъ пашенъ заставили его подумать объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Частые крестьянскіе переходы помогали уклоняться отъ податей, а запустѣніе земель близъ Москвы, поступленіе въ закладни и холопы совсѣмъ лишали плательщиковъ. Всего удобнѣе была бы крѣпкая связь крестьянина съ участкомъ земли, обезпечивающая и казну, и помѣщика; богатъ онъ или разоренъ,—это не считалось, за него платилъ помѣщикъ. Къ этому и клонятся мѣры правительства. Крестьянъ, давно сидящихъ на той же землѣ, отмѣчаютъ въ писцовыхъ книгахъ, какъ „старожильцевъ“, и считаютъ ихъ лишенными права ухода (помѣщики

стали говорить про нихъ: „крѣпокъ по писцовымъ книгамъ“). Позволяютъ искать бѣглыхъ только въ теченіе 5 лѣтъ, чтобы сдерживать перемѣщенія крестьянъ. Послѣ этого срока они принадлежатъ своимъ новымъ хозяевамъ. При сынѣ Грознаго, царѣ Ѳедорѣ, была даже попытка объявить крестьянъ съ потомствомъ навсегда прикрѣпленными къ той землѣ, на которой они жили: но былъ ли изданъ такой указъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Сдѣлавшись царемъ, Борисъ Годуновъ позволилъ крестьянамъ переходитъ отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ, отъ богатыхъ— только къ богатымъ.

Кабала, ссуды съ процентами, порядныя на житье у помѣщика безъ права ухода, перезыванье съ выкупомъ у стараго владѣльца (въ сущности, та же покупка), переходы въ закладни и холопы,—все это устанавливало постепенное закрѣпощеніе разореннаго крестьянства и сближало его съ судьбой холоповъ. Въ XVII в. кабалы и ссудныя записи тѣхъ и другихъ записываютъ въ однѣ и тѣ же книги. На практикѣ владѣлецъ судилъ, пыталъ и наказывалъ одинаково и крестьянина, и холопа. Такъ въ XVI в. владѣльческіе крестьяне потеряли свободу и сами обращались въ движимое имущество, въ которое владѣлецъ вкладывалъ свой капиталъ. Земля и земледѣльцы были предоставлены людямъ, обязаннымъ служить государству.

На западѣ крѣпостной крестьянинъ считался прикрѣпленнымъ исключительно къ землѣ; онъ самъ не имѣлъ права уйти со своего участка, и землевладѣлецъ не смѣлъ перевести его въ другую мѣстность. У насъ крѣпостные, и крестьянинъ и холопъ, прикрѣплялись къ господину, и онъ воленъ былъ уводить ихъ, куда находилъ нужнымъ, гдѣ пріобрѣталъ землю. Широко растекавшееся во всѣ стороны государственное хозяйство Россіи, выгода отъ колонизаціи плодородныхъ степей и пустошей не позволяла привязывать земледѣльцевъ къ одному мѣсту: страна нуждалась въ ихъ подвижности. На западѣ небольшія владѣнія жили каждое своей самостоятельной жизнью, довольствуясь часто своимъ хозяйствомъ. Огромная Россія нуждалась въ обмѣнѣ продуктовъ на широкомъ пространствѣ; маленькія части ея не имѣли возможности довольствоваться тѣмъ, что сами производили; экономическій расчетъ всѣхъ требовалъ, чтобы рабочія руки свободно перемѣщались на мѣста съ еще мало использованными богатствами.

Что касается холопей, то на ихъ судьбѣ перемѣны сказывались въ обратномъ направленіи. Съ XV-го в. правительство московскаго государя вотчинника начинаетъ всматриваться въ положеніе населенія всѣхъ слоевъ. Уступать частному лицу въ полную собственность его дѣятельныхъ представителей уже не соотвѣтствуетъ государственнымъ интересамъ. Правительство и въ рабѣ пытается находить подданнаго, могущаго служить ему, а не состоять принадлежностью частнаго капитала. Въ XVI в. законодательство понемногу вмѣшивается въ положеніе холопей. Но еще ранѣе, въ концѣ XV в. на ряду съ холопствомъ полнымъ, наслѣдственнымъ установилось *кабальное* холопство; кабала—особая форма заемнаго письма, по которому должникъ обязывался личной службой кредитору погашать проценты (но не капиталъ). Эта форма очень отличалась отъ древняго полнаго холопства тѣмъ, что ею подразумѣвался выходъ на свободу, которую и получалъ должникъ по смерти господина; отпускъ кабальнаго

человѣка вошелъ въ этомъ случаѣ въ обычай. Пріобрѣтеніе кабальныхъ людей обратилось даже въ выгодный способъ помѣщенія капитала: проценты хорошо выплачивались.

Въ половинѣ XVI в. вышло постановленіе, что военноплѣнные служатъ въ холопствѣ только по смерть господина: дѣти же ихъ совершенно свободны. 2-й Судебникъ облегчалъ участь должниковъ, допуская ихъ службу кредиторамъ только до выплаты долга; для точности разчета онъ опредѣлилъ сумму ежегодной отработки. Подъ конецъ столѣтія узаконенъ и отпускъ на свободу кабальнаго человѣка со смертью владѣльца. Тотъ же Судебникъ Грознаго запретилъ служилымъ людямъ и ихъ дѣтямъ давать на себя кабалы и вступать въ холопы. Цѣлый рядъ мѣръ къ XVII в. обратилъ почти всѣ виды холопства во временныя состоянія. Далѣе законодательство сократило число лицъ, имѣвшихъ право владѣть холопами, не всѣ сословія получали его. Сокращалась и полнота власти господина: сперва намекали, а затѣмъ статьями уложенія 1649 г. запретили убивать и увѣчить холопей. Въ 1607 г. установлено, что господинъ обязанъ женить и выдавать замужъ челядинцевъ не позже 20 л., иначе холопъ имѣлъ право требовать отпускную.

Въ XVII в. нѣкоторые виды холопства очень приближались къ положенію владѣльческихъ крестьянъ, напр., задворные люди, которые отвѣчали за проступки своимъ имуществомъ.

Чтобы создать національное государство, всѣхъ русскихъ людей начали прикрѣплять къ обязательной службѣ. Землевладѣльцы служили всю жизнь на свои счетъ; крестьяне обязывались работать на нихъ, чтобы дать имъ время и средство для службы. Горожане и черносошные являлись главными плательщиками казны; первые, кромѣ того, несли отвѣтственную службу по сборамъ и торговымъ доходамъ. Духовенство тоже обращалось въ служилый классъ, подчиненный государственной власти. Прежде прихожане свободно пользовались правомъ выбирать себѣ священниковъ. Съ половины XVI в. по постановленію собора указывается, что дѣти духовныхъ лицъ должны преимущественно избираться въ духовные чины. Огромное государство съ постоянными войнами стоило непосильно дорого народу. Къ концу царствованія Грознаго всѣ классы русскаго общества обѣднѣли: всѣмъ жилось плохо и всѣ были недовольны, а уйти недовольнымъ было некуда: одно вольное казачество давало пріютъ, и то немногимъ.

Пока совершались всѣ эти перевороты въ общественномъ строѣ, на югѣ и юго-востокѣ земли понемногу отбирались отъ татаръ. По берегамъ Днѣпра, Дона и др. южныхъ рѣкъ, тамъ, гдѣ еще появлялись кое-гдѣ кочевья степняковъ и откуда считали степныя границы русскихъ и литовскихъ владѣній (Украина), издавна ютился разный вольный людъ. Раньше другихъ появились здѣсь татарскіе наѣздники, не желавшіе подчиниться ханамъ. Ихъ называли „казаками", какъ и всѣхъ легко вооруженныхъ воиновъ у татаръ. Русскіе, появляясь здѣсь, подвергались набѣгамъ этихъ наѣздниковъ и поневолѣ, ради защиты, перенимали у нихъ ихъ способъ борьбы и ихъ военный бытъ; къ нимъ перешло и татарское названіе. Первые русскіе казаки появились на границѣ Рязанскаго княжества, особенно часто страдавшаго отъ татаръ. Строя города въ пограничнымъ мѣстахъ, московское правительство привлекало къ ихъ

защитѣ вольныхъ людей изъ казаковъ, которыхъ прозвали „городовыми“. Но особенно важное значеніе получили „вольные“ казаки. Ихъ дружины составлялись изъ недовольныхъ условіями жизни на Руси, которые уходили въ степи, на берега Дона, Волги, Яика. Они устраивали здѣсь укрѣпленныя селенія и самостоятельно отбивались отъ татаръ и другихъ кочевниковъ, даже воевали съ турками. Они признавали верховенство православнаго царя, но больше по имени, на дѣлѣ не подчиняясь никакой администраціи, питая къ ней полное презрѣніе. Въ своемъ быту казаки возстановляли личную свободу и древнее самоуправленіе, которыя исчезли въ московской Руси. Они составляли общія собранія (круги) по станицамъ и полкамъ, сами выбирали всѣхъ „старшинъ“, т.-е. начальниковъ, носившихъ названія хорунжихъ, сотниковъ, атамановъ. Рыболовство и охота давали большіе доходы, а сельскій трудъ долго былъ въ пренебреженіи на вольныхъ мѣстахъ.

Военный промыселъ съ грабежомъ составлялъ главное занятіе казаковъ, особенно набѣги на невѣрныхъ, магометанъ. На турецкіе и персидскіе берега они нападали цѣлыми флотиліями и производили страшные погромы, часто грабили русскія суда по Волгѣ и мирныя селенія. Во время войнъ казаки оказывали важныя услуги русскому правительству; тогда съ ними вели переговоры, даже посылали имъ жалованье хлѣбомъ, сукномъ и порохомъ. Но въ мирное время ихъ военные подвиги доставляли не мало хлопотъ. Среди донскихъ казаковъ рано сложилось 2 разряда обывателей: „домовитые“, старые поселенцы Донскихъ земель, прочно устроившіе свое хозяйство, и „голутвенные“ казаки, „голытьба“, толпы новыхъ пришельцевъ, изстрадавшихся дома, раздраженныхъ противъ московскихъ порядковъ и еще не имѣющихъ ни кола, ни двора. Изъ нихъ составлялись главныя шайки грабителей „невѣрныхъ“ и русскихъ; они готовы были идти, куда угодно, по призыву перваго атамана.

Еще въ XVI в. выходцы съ Дона появились на р. Яикѣ, гдѣ занялись очень доходною рыбной ловлей и устроили такой же вольный, воинственный бытъ, какъ и на Дону. На нижней Волгѣ казачество возникло гораздо позже и не имѣло большого значенія. Всѣ три казачьи общины были основаны главнымъ образомъ выходцами изъ Великороссіи. Населеніе Малороссіи тоже выдѣлило изъ себя очень многочисленное казачество, которое въ XVII в. имѣло рѣшающее вліяніе на судьбы всего края. Предѣлы польско-литовскаго государства тоже сливались съ татарскими степями; степной просторъ и приволье Приднѣпровскихъ земель такъ же привлекали предпріимчивыхъ людей, какъ берега Дона и Яика. Поселенцы, ради защиты отъ татаръ, давали военный характеръ своимъ обществамъ, выбирали старшинъ и атамановъ. Въ концѣ XV в. крымцы совершенно опустошили окрестности Кіева и Переяславля; мирные жители надолго разбѣжались. Вѣроятно, ихъ мѣста заняло понемногу другое населеніе, которое устроило свой общественный бытъ самостоятельно и на военный ладъ. Можетъ быть, вернувшіеся хозяева приглашали новыхъ поселенцевъ подъ условіемъ селиться въ степи и защищать край отъ набѣговъ; но только съ этого времени нѣкоторыхъ жителей здѣсь стали называть „казаками“.

Съ укрѣпленіемъ русскаго государства среди восточной равнины казацкія общины и товарищества окраинъ играли важную роль передо-

выхъ борцовъ русской народности; на пустынныхъ мѣстахъ, среди инородцевъ и иновѣрцевъ они по собственному почину расчищали почву для поступательнаго движенія колонизаціи. Легко приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, казаки примѣнялись къ ближайшимъ врагамъ, ослабляли ихъ ихъ же оружіемъ. Такъ помогли они распаденію Польши, завоеванію Кавказа, средне-азіаткихъ степей, а прежде того завоеванію Сибири.

XVII.

Просвѣщеніе въ XVI в. Литература. Общественные взгляды.

Грамотность русскаго общества подвинулась впередъ въ теченіе XV в.; развились и его умственные интересы, хотя просвѣщеніе въ настоящемъ значеніи слова совершенно отсутствовало. Въ южной и западной Европѣ задолго до введенія христіанства жили и мыслили писатели, поэты и мыслители, разрабатывались науки, существовали театры. Основы европейской культуры были строго установлены. Христіанство первыхъ вѣковъ по Рожд. Хр. стремилось прежде всего поднять нравственность древнихъ народовъ, очень испорченную рабовладѣніемъ, роскошью и распущенностью жизни правящихъ римлянъ. Оно учило, что истинныя блага даетъ будущая жизнь, а въ здѣшней земной человѣкъ долженъ бороться съ низкими потребностями и прихотями плоти; всѣмъ здѣсь нужно жертвовать, чтобы подготовить душу для чистыхъ духовныхъ радостей. Первые христіане считали доблестью отреченіе отъ наслажденій земного міра, въ томъ числѣ ото всего, что напоминало язычество, отъ поэзіи, театра, даже отъ науки. Но современемъ, когда язычество исчезло, а люди укрѣпились въ вѣрѣ, стали снисходительнѣй къ древней культурѣ, замѣтивъ, что развивающія умъ занятія вовсе не опасны для истинно вѣрующаго: монахи стали трудиться надъ науками; возобновились театральныя представленія; пьесами, изображавшими библейскія событія, знакомили неграмотный народъ съ библіей. Гибель Греціи заставила съ особымъ вниманіемъ оглянуться на культуру древнихъ временъ. Поэты, ученые, художники съ жадностью бросались изучать все, что спасали отъ турокъ. Духовная дѣятельность и среди земной жизни стала привлекательной.

Наступило время „Возрожденія наукъ и искусствъ“. Повсюду на западѣ работали удивительно талантливые люди, ученые, поэты, художники. Изученіе св. Писанія дало новыхъ учителей вѣры: возникли вѣроисповѣданія протестантское и реформатское со множествомъ другихъ толковъ. Научные занятія и выводы придавали смѣлости людямъ: отважные мореплаватели пустились изслѣдовать земной шаръ: открыли Америку, много новыхъ странъ и путей.

На Руси дѣло шло иначе. Восточные проповѣдники еще строже западныхъ относились къ плотской земной жизни. На востокѣ создались болѣе строгія правила для монастырей: отшельничество, постничество цѣнились необыкновенно высоко. Весь міръ, думали здѣсь, полонъ грѣха, и даетъ человѣку только рядъ испытаніи, созданныхъ для того, чтобы слабый человѣкъ легче попалъ во власть дьявола. Православные книжники учили презирать тѣло съ его потребностями, помнить, что природа

полна соблазнительныхъ явленій, которыя могутъ смутить человѣка, прельстить его сладостями земного бытія и заставить погубить душу. Явившаяся съ христіанствомъ грамотность должна была служить дѣламъ вѣры. Народныхъ сказаній не записывали, литературныхъ произведеній свѣтскаго характера было очень мало. Писать подобало только о божественномъ или уже о насущномъ дѣлѣ, думали въ старину, такъ какъ все мірское—одинъ соблазнъ.

На западѣ такая проповѣдь имѣла противовѣсъ въ разработанной уже наукѣ, въ сложившейся литературѣ древнихъ; у насъ, на Руси, такого противовѣса не существовало, и ученіе о грѣховности земного міра грозило привить народной массѣ пренебреженіе къ улучшенію жизни, ко всякому культурному прогрессу. Никакія духовныя поэтическія начала не примиряли русскаго христіанина съ земной жизнью, не учили его находить въ ней проявленіе честныхъ духовныхъ силъ. Ничто не развивало ума, не укрѣпляло воли на борьбу съ темными сторонами жизни, на исканіе истиннаго, праваго пути. Часто русскій христіанинъ просто боялся земной жизни и, не умѣя бороться, искалъ спасенія въ бѣгствѣ отъ нея, въ монашествѣ; а если оставался въ мірѣ, то свою семейную жизнь устраивалъ на монастырскій ладъ, исполненіемъ постовъ и многочисленныхъ обрядовъ старался искупить мірскіе соблазны. Жизнь рѣзко раздваивалась: съ одной стороны, царили заботы о хозяйствѣ, грубые житейскіе расчеты, съ другой, заботы о спасеніи души, дѣла вѣры. Презираемая въ письменности народная словесность продолжала развиваться своимъ путемъ. Народные пѣвцы продолжали складывать былины, примѣняли старыя пѣсни ко временамъ татарщины, заставляли Илью Муромца и другихъ богатырей бороться съ литовцами и татарами, пѣли о Грозномъ царѣ, о его казняхъ, о взятіи Казани, объ участи бояръ. Подражая автору „Слово о Полку Игоревѣ“, неизвѣстныя лица составили въ стихахъ разсказы о Куликовской битвѣ.

На ряду съ чисто народнымъ творчествомъ сказывалось вліяніе иностранной письменности. Изъ Греціи, особенно отъ сербовъ и болгаръ, въ рукописныхъ сборникахъ привезли въ Русь множество фантастическихъ пересказовъ библейскихъ событій, житій, даже просто выдуманныя легенды о Ноѣ, Іовѣ, Божіей Матери. Они поражали воображеніе слушателей и отразились въ былинахъ и пѣсняхъ о Егоріи Храбромъ, о Голубиной книгѣ и т. д. Это такъ называемые духовные стихи. Благочестивый русскій человѣкъ, отслушавъ церковныя службы, выполнивъ всѣ свои дѣла, очень охотно слушалъ сказателей былинъ, странниковъ, которые услаждали его духовными стихами, забавлялся даже пляской домашнихъ шутовъ. Всѣмъ этимъ отводили душу въ сторонкѣ, втихомолку отъ церкви, значеніе которой однако усиливалось вмѣстѣ съ ростомъ государства.

Бѣдствія эпохи татарщины очень укрѣпили массу въ благочестіи; вѣра служила тогда величайшимъ утѣшеніемъ. Окруженные опасными иновѣрцами, русскіе создали изъ православной церкви свое національное знамя. Безъ школъ, безъ научныхъ знаній они всѣ, сверху до низу, преклонялись передъ каждымъ обрядомъ, каждымъ священнымъ предметомъ, каждой книгой съ заимствованнымъ изъ писанія содержаніемъ. Попытка грековъ при Василіи Темномъ провести унію въ русской церкви очень

напугала русское общество. Въ его глазахъ греки сдѣлались еретиками, отступниками отъ православія, къ тому же они подпали подъ власть турокъ; учиться у нихъ стало опасно. Приходилось обходиться своими обычаями, своими книгами, по которымъ спасались предки, при которыхъ избавились отъ татаръ. Возникло простое практическое соображеніе: греки—ученые, но ученость не спасла ихъ отъ турокъ; мы—неученые, а побѣдили татаръ вѣрою; значитъ, науки не нужно.

Одно время въ церковной жизни мелькнула свободная мысль. При Иванѣ III изъ Новгорода было занесено ученіе жидовствующихъ. Жидовствующіе не придавали значенія обрядамъ, вѣру свою основывали на свободномъ чтеніи и толкованіи Библіи, а названіе получили потому, что соблюдали субботу. Распространеніе ереси обратило вниманіе духовенства, и начались гоненія. Созвали соборъ для осужденія еретиковъ. И вдругъ среди самого духовенства оказались два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Изъ Бѣлозерскихъ скитовъ и монастырей явились заволжскіе иноки съ Ниломъ Сорскимъ во главѣ и начали доказывать, что еретики только заблуждаются, ихъ слѣдуетъ убѣдить въ ложности ихъ мнѣній, карать же и сожигать—напрасно и грѣшно. Глубоко-христіанская проповѣдь произвела на первое время сильное впечатлѣніе, и еретиковъ пощадили.

Нилъ Сорскій проводилъ особый взглядъ на церковную жизнь и монашество. Монастыри не должны владѣть имѣньями, говорилъ онъ, иноки должны питаться своими трудами и милостыней. Самые храмы не нуждаются въ великолѣпіи. Не постомъ и изнуреніемъ очищаются души, а глубиной вѣры, внутреннимъ, духовнымъ самоусовершенствованіемъ; въ своихъ подвигахъ иноки должны руководиться не принужденіями, а свободнымъ сознаніемъ ихъ важности. Вѣрующій долженъ поучаться свящ. писаніемъ. Но не всѣ писанія одинаково важны. Евангеліе и Апостолъ Нилъ признаетъ отъ слова до слова; прочія книги только хранятъ преданія св. отцевъ, и, наконецъ, есть такія книги, которыя содержатъ одни обычаи. Читатели должны различать значеніе духовныхъ книгъ, а не принимать все читаемое на вѣру. Церковь должна быть свободна отъ свѣтскихъ властей; это сила духовная. Противникъ Нила, игуменъ Волоколамскаго монастыря, Іосифъ Санинъ, училъ въ своихъ сочиненіяхъ, что имущества и вотчины необходимы монастырямъ, чтобы иноки свободно предавались однимъ подвигамъ и подготовляли достойныхъ служителей церкви. Св. Писаніе должно принимать всецѣло на вѣру, безъ разсужденій, всякое личное мнѣніе—грѣхъ („мнѣніе—второе паденіе"). Еретиковъ и всѣхъ отступающихъ отъ правилъ церкви слѣдуетъ нещадно проклинать и сожигать.

Оба учителя умерли, но ученики продолжали распространять ихъ взгляды. Мнѣніе Нила Сорскаго отстаивалъ ученый Максимъ Грекъ, который завѣдывалъ царской библіотекой и переводами священныхъ книгъ.

Надъ проповѣдью Нила Сорскаго и его учениковъ скоро восторжествовало ученіе Іосифа Волоцкаго, провозгласившаго, что мнѣніе, критическая мысль—то же, что грѣхопаденіе: нужно вѣрить, не разсуждая. Въ душѣ Іосифъ Волоцкій желалъ бы полной независимости церкви, даже ея господства надъ мірскимъ началомъ, надъ свѣтскимъ правительствомъ. Но онъ самъ своимъ вліяніемъ на правительство въ дѣлѣ преслѣдованія

еретиковъ и вольнодумцевъ только помогъ ему вмѣшиваться въ область вѣры и церкви.

Строгая обрядность, почитаніе каждой буквы, каждаго слова духовной книги становилось закономъ для вѣрующихъ; зависимость церкви и духовенства отъ свѣтскихъ властей прочно установилась. Напрасно Максимъ Грекъ доказывалъ, что русская церковь есть часть греко-восточной православной, что она должна быть независима отъ свѣтской власти, что священныя рукописи нужно читать съ разборомъ, что есть книги, написанныя измышленіемъ авторовъ. Онъ первый замѣтилъ, что русскія книги очень испорчены переписчиками. Ему позволили исправлять ихъ; но его русскіе писцы съ ужасомъ приступали къ каждой поправкѣ; недовольство, доносы вызвали судъ надъ Максимомъ Грекомъ и ссылку его.

Митрополитъ Даніилъ своими сочиненіями укрѣпилъ неприкосновенность старыхъ русскихъ книгъ и обычаевъ, съ ошибками и уклоненіями отъ восточныхъ обрядовъ. Его преемникъ, митрополитъ Макарій, установилъ почитаніе многихъ русскихъ святыхъ на соборахъ 1547—49 гг.; съ кружкомъ помощниковъ онъ приступилъ къ составленію громаднаго сборника житій русскихъ подвижниковъ; для назиданія православныхъ занимался онъ собираніемъ всѣхъ читаемыхъ въ Россіи книгъ. Макарій писалъ, особенно проповѣдывалъ и поучалъ очень доступнымъ языкомъ; сборники его получили большое значеніе; иные изъ нихъ онъ начиналъ извиненіями передъ читателемъ, если въ нихъ найдется что-либо не вполнѣ соотвѣтствующее св. Писанію, такъ какъ самъ онъ не можетъ отличить отъ него отреченныхъ книгъ и библейскихъ пересказовъ.

При митроп. Макаріи возникла въ Москвѣ первая типографія для печатанія церковныхъ книгъ. При немъ состоялся знаменитый духовный соборъ 1551 г., на которомъ утверждены и двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи, и сугубая аллилуія, и книги съ ошибками; воспрещено бритье бородъ, ношеніе иностраннаго платья, вообще подражаніе иностраннымъ обычаямъ, а ослушникамъ этихъ постановленій объявлялось соборное проклятіе. „Стоглавъ" установлялъ все, что впослѣдствіи отмѣнилъ Никонъ и за что такъ держались раскольники. На соборѣ признались въ отсутствіи школъ, въ крайней малограмотности даже духовенства. Въ „Стоглавѣ" (постановленіяхъ собора) предписывали въ городахъ учить дѣтей чтенію, письму и церковному пѣнію. Это былъ идеалъ обученія, выше котораго не могли подыматься требованія іерарховъ. Какъ исполняли постановленіе — неизвѣстно; но о школахъ по прежнему нѣтъ извѣстій; по прежнему иностранцы поражались невѣжествомъ и священниковъ, и мірянъ. Одинъ изъ нихъ писалъ, что русскіе, исполняя множество обрядовъ, не знаютъ и не понимаютъ ни православія, ни отклоненіи отъ него. Ученый шведъ, жившій въ Россіи въ смутное время, написалъ разсужденіе: „Христіане ли Русскіе?" И послѣ ряда соображеній за и противъ, снисходительно разрѣшилъ считать ихъ все-таки за христіанъ. Всѣ свои познанія грамотеи почерпали изъ книгъ.

Очень любопытна нравоучительная книга „Домострой", часть которой сочинена знаменитымъ другомъ Грознаго, протопопомъ Сильвестромъ. Вся она свидѣтельствуетъ, до чего мелочныя правила, пристрастіе къ обрядамъ, стремленіе не отличаться отъ ближнихъ, боязнь ихъ

суда подавляло русскаго человѣка. Вся домашняя жизнь богатаго человѣка подчинялась дисциплинѣ, напоминающей монастырскую: хозяинъ-отецъ былъ игуменомъ въ домѣ, проникавшимъ въ душу каждаго домочадца. Никто не могъ вздохнуть свободно. Всѣ, начиная съ жены, испытывали внушенія плеткой и палкой. Рядомъ съ благочестивыми поученіями съ одинаковой важностью трактуется, какъ вести хозяйство, беречь припасы и пр., преподается житейская премудрость, какъ избѣгать обмановъ, всегда и вездѣ соблюсти выгоду.

Много читались Палеи, библейскіе разсказы, перемѣшанные со свѣдѣніями изъ древнихъ географій, путешествій, астрономій, сказаній о несуществующихъ народахъ. Распространялось множество сборниковъ, по большей части перешедшихъ отъ южныхъ славянъ, въ которыхъ отрывки богословскихъ сочиненій Іоанна Дамаскина помѣщались рядомъ съ легендами, съ выдуманными историческими событіями и родословными императоровъ: ими писатели стремились приравнять славянскихъ князей къ Цареградскимъ императорамъ, производя ихъ отъ Прусса, царствовавшаго у Вислы, потомка кесаря Августа. Свѣдѣнія по естествознанію черпали изъ сборниковъ, подобныхъ „Физіологу". „Луцидарій" сообщалъ познанія о сложеніи человѣка и его темпераментахъ и т. д. Въ эпоху западно-европейскаго возрожденія на Русь черезъ Литву и славянскія земли стали проникать сборники свѣтскаго характера съ пересказами старинныхъ повѣстей и романовъ: въ XVI в. ихъ распространенію помогли оживленныя сношенія съ иностранными дворами. Черезъ сборники ознакомились русскіе съ Бовой королевичемъ, сокращеніемъ рыцарскаго романа, Петромъ Златые Ключи, Александріями, повѣстями изъ жизни Александра Македонскаго; явились „потѣшныя" и нравоучительныя повѣстушки, которыя впослѣдствіи вызвали и русскія подражанія. Вообще въ XVI в. среди немногочисленнаго класса грамотеевъ умственная жизнь нѣсколько оживилась. Споры съ жидовствующими, борьба учениковъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго изъ за имущественныхъ правъ монастырей, протесты бояръ-аристократовъ противъ самовластія государей, кружокъ бояръ, составившійся вокругъ Максима Грека, возникавшее сознаніе необходимости образованія—все вызвало появленіе ряда сочиненій, излагавшихъ политическіе и общественные взгляды русскихъ дѣятелей. Эта литература оказала огромное вліяніе на политическіе взгляды московскихъ князей-вотчинниковъ и ихъ слугъ, а ихъ укрѣпленію энергично способствовало московское духовенство.

Южные славяне еще въ XIV в. мечтали о водвореніи въ Константинополѣ мощной славянской державы. Въ Сербіи и Болгаріи государи учредили особые патріархаты, чтобы придать больше блеска и политическаго авторитета своимъ правительствамъ. Стефанъ Душанъ даже торжественно короновался королемъ Сербіи. Князь Александръ болгарскій именовался духовенствомъ и писателями „царемъ и самодержцемъ". По его повелѣнію распространяли мысль о будущемъ процвѣтаніи „новаго Царьграда", когда онъ признаетъ власть „побѣдоносца", „преизящнаго царя" болгаръ. Писатели сближаютъ Александра болгарскаго съ Александромъ Македонскимъ: архистратигъ, говорили они, поможетъ ему побѣдить Гоговъ и Магоговъ (турки), но затѣмъ вскорѣ наступятъ прише-

ствіе антихриста и кончина міра.—Но вотъ турки взяли Константинополь; онъ палъ, какъ древній Римъ.

Національная мечта стала искать опять новаго, уже 3-го Рима, державы, которая должна спасти славянъ и весь православный міръ отъ невѣрныхъ, и остановилась на далекой, таинственной Московіи.

Еще ранѣе при Василіи Дмитріевичѣ московскій митрополитъ Кипріанъ, болгаринъ родомъ, подготовилъ почву къ ученіямъ о великой монархіи и самодержцѣ; онъ составилъ литературное житіе митроп. Петра, гдѣ прославлялъ его пророчества о томъ, что Москва подчинитъ себѣ всѣ прочіе грады. При Иванѣ III-мъ пасхалія (росписаніе дней Пасхи) на 8-ую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра (1492 г.) называла московскаго государя царемъ Константиномъ, а Москву новымъ Константинополемъ.

Другія легенды и посланія подкрѣпляли увѣренность въ римскомъ наслѣдіи московскихъ государей. Легендарная „Исторія властодержцевъ отъ Ноя“ повѣствовала о происхожденіи Рюрика отъ Пруса, брата Августа, цезаря римскаго; и Грозный охотно вѣрилъ въ свое происхожденіе отъ римскихъ императоровъ. Въ посланіяхъ же монаха псковского монастыря Филофея (одно къ вел. князю Василію III) находится изреченіе: два Рима пали, третій стоитъ (Москва), а четвертому не быть. Національное чувство русскихъ складывалось крѣпко; всѣ желали сильнаго государства, считали его необходимымъ; но въ средствахъ его усиленія мнѣнія расходились: царь самодержавный одинъ съ подданными, или царь со властными совѣтниками-боярами, но то же самодержавный? Въ ограниченіи самодержавія еще не отдавали себѣ отчета. Мнѣнія находили себѣ отраженіе въ самостоятельныхъ политическихъ произведеніяхъ.

Въ „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“ неизвѣстный авторъ доказываетъ, что царямъ не слѣдуетъ править самовольно, а по совѣту съ князьями, боярами и всякими мірянами (т.-е. земскимъ соборомъ); что отъ монастырей слѣдуетъ отобрать земли, а духовенству давать содержаніе отъ казны; монахи, управляющіе имѣньями, губятъ душу свою и развращаются.—Другой авторъ, служилый человѣкъ Пересвѣтовъ, долго жившій заграницей, въ особомъ сказаніи вооружается противъ правъ и привилегій вельможъ, которые не даютъ управы на сильныхъ; онъ отстаиваетъ самодержавіе, требуетъ, чтобы государь со всѣхъ земель доходы полностью собиралъ въ казну, а всѣмъ служилымъ людямъ давалъ денежное жалованье. Это — защитникъ служилаго дворянства противъ вельможъ. Особенно ярки взаимныя обличенія царя Грознаго и отъѣхавшаго въ Литву кн. Курбскаго. Воевода напоминаетъ царю о происхожденіи бояръ-князей, объ ихъ огромныхъ заслугахъ и грозитъ ему гнѣвомъ Божіимъ за беззаконныя его казни. Грозный горячо и талантливо отвѣчаетъ цѣлой исповѣдью: припоминаетъ свое дѣтство и поведеніе могущественныхъ бояръ, ихъ беззаконія, униженія и оскорбленія, которыя онъ, царь, перенесъ безпомощнымъ ребенкомъ. Такъ поступали рабы, захватившіе власть: царь бьетъ непокорнаго текстами писанія, особенно напирая на слова ап. Павла о повиновеніи господамъ, даже строптивымъ. Дальше Грознаго трудно идти въ возвеличеніи самовластія. Такъ рядомъ съ теоріей самодержавной власти среди русскихъ книжниковъ таились убѣжденія въ правахъ постоянныхъ совѣтниковъ, въ правѣ голоса народ-

ной массы, которымъ связывается въ одно цѣлое громадное государство: рядомъ съ азіатской нетерпимостью къ иновѣрцамъ зарождалось стремленіе къ западному просвѣщенію, представителемъ котораго вскорѣ явился царь изъ бояръ, Борисъ Годуновъ.

XVIII.

Прекращеніе династіи Рюриковичей. Годуновъ. Настроеніе русскаго населенія въ началѣ XVII в. Начало смуты.

Громадное государство все расширялось: открывались все новыя и новыя вольныя земли для колонизаціи, куда стремились подвижныя массы населенія, а внутреннее состояніе русскаго общества не улучшалось. Мрачное царствованіе тяжело переживалось всѣми слоями населенія.

Къ концу его „опричнина" распространила свои владѣнія чуть не на половину государства; ежегодно новые города и волости переходили въ ея управленіе отъ „земщины". Сама же она къ 1575 уже не носила своего прозванія и обратилась во „дворъ", финансовое вѣдомство, гдѣ собирали доходы съ главныхъ торговыхъ городовъ сѣвера и сѣверо-запада (Новгородъ и др.).

Опричнина утратила и свое грозное карательное значеніе: звѣрства сократились: но цѣль была достигнута: сила боярства, его вліяніе на населеніе и ходъ управленія были подорваны, очень ослаблены: почти половина государства была изъята изъ вѣдѣнія боярской думы: масса земель ушла изъ боярскихъ рукъ. Неограниченная власть монарха устанавливалась практически, развитіемъ послушной и гибкой администраціи и нещаднымъ устраненіемъ или приниженіемъ авторитетныхъ аристократовъ. Этотъ процесъ совершался тяжело и болѣзненно, но далъ прочные результаты: народъ привыкалъ къ администраціи среднихъ людей: и Годунову съ Романовымъ безъ труда удалось держать князей воеводъ вдали отъ Москвы и вести государственный механизмъ силами дьяковъ и дворянъ.

Во дворцѣ царила трусливая и злобная подозрительность Ивана Грознаго, то пугая длинными періодами казней, то угнетая безумными покаяніями. Глубоко увѣренный въ высокомъ назначеніи своей власти, царь хорошо видѣлъ, что на практикѣ она еще слаба, что высшее боярство было еще необходимо для государственнаго порядка, и онъ, повелитель, могъ только отодвинуть его отъ себя подальше, назвавъ особо „земскими" правителями. Онъ радовался словамъ опричника Грязного: „государь, какъ Богъ, и малаго великимъ сдѣлаетъ", — а самъ боялся великихъ и ихъ вліянія и въ припадкахъ ужаса истреблялъ тысячи людей. Въ посольскихъ грамотахъ Грозный смѣялся надъ польскимъ королемъ, поставляемымъ своими же подданными, и надъ положеніемъ англійской королевы, обязанной слушаться парламента: а самъ то предлагалъ панамъ избрать себя или своего сына въ польскіе короли, то собирался бѣжать въ Англію къ осмѣянной королевѣ, считая бояръ настолько могущественными, что они, подорвавъ его власть, угрожаютъ гибелью ему и его семьѣ. Умный отъ природы царь какъ будто сознавалъ, какъ слабъ

едва установившійся порядокъ, поддерживаемый однѣми національными связями, какъ разрозненны классы людей, призываемые къ службѣ государству и предчувствовалъ надвигавшуюся смуту. Онъ замѣчалъ, что люди вокругъ него думаютъ, вникаютъ въ совершающееся и доходятъ до самостоятельныхъ мнѣній относительно формъ правленія. Самъ Иванъ увлекался ихъ мнѣніями и выдержалъ словесный поединокъ въ письмахъ съ измѣнникомъ кн. Курбскимъ.

Въ 1584 г. умеръ первый царь: мрачная и загадочная по своей сложности личность его на многіе вѣка стала достояніемъ народныхъ сказаній, пѣсенъ, романовъ и трагедій.

Подобно одному изъ своихъ старшихъ современниковъ, Генриху VIII англійскому, онъ былъ 7 разъ женатъ: но оставилъ всего двухъ сыновей: Өедора, уже женатаго, и двухлѣтняго Дмитрія отъ 7-ой жены Маріи Нагой. Своего старшаго сына и наслѣдника, Ивана, Грозный убилъ незадолго до смерти въ припадкѣ изступленнаго гнѣва. Өедоръ Ивановичъ сталъ царемъ: слабоумный и болѣзненный, онъ былъ порученъ отцемъ опекѣ дяди, Никиты Романовича и нѣсколькихъ бояръ. Дмитрію съ матерью былъ данъ на содержаніе гор. Угличъ съ округомъ. Есть извѣстія, что Өедоръ былъ признанъ царемъ съѣхавшимися изъ областей выборными. Затѣмъ при дворѣ возникло какое-то темное дѣло, вызвавшее ссылку знатныхъ лицъ и удаленіе маленькаго царевича съ матерью въ Угличъ. Старикъ Романовъ скоро умеръ, и естественнымъ образомъ правителемъ Руси сдѣлался шуринъ Өедора, братъ царицы Ирины, Борисъ Годуновъ. Это былъ способнѣйшій человѣкъ среди боярства. Годуновы быстро выдвинулись по службѣ, какъ разъ во время ожесточенной вражды царя къ боярамъ, отчасти благодаря опричнинѣ. Въ 1572 г. Борисъ женился на дочери Малюты Скуратова и сдѣлался очень близокъ къ Грозному. Дѣловитость, политическій умъ и тактъ такъ выдѣляли молодого опричника, что родство съ отвратительнымъ представителемъ палачей-кромѣшниковъ не затянуло его въ ихъ неистовства. Борисъ вышелъ чистъ изъ опричнины. Не имѣя родовитыхъ предковъ, чуждый правительственной знати, онъ возвышался гибкимъ умомъ, трудомъ и энергіей и сумѣлъ внушить боярамъ уваженіе къ своимъ способностямъ. Онъ стремился, не касаясь приверженности къ національной старинѣ, понемногу сближать Русь съ западомъ: старательно хлопоталъ о развитіи торговыхъ сношеній. Царствованіе его ознаменовалось церковной реформой: русская церковь, признавъ себя независимой и національной отъ восточныхъ патріарховъ, получила своего главу и патріарха (1589 г.).

Пользуясь враждой между Польшей и Швеціей, осторожно начали военныя дѣйствія противъ послѣдней и вернули утраченные при Грозномъ города Ямъ, Копорье, Иванъ-Городъ. Англичанамъ дано право безпошлинной вольной торговли въ Россіи.

Много хлопотъ доставляли жалобы помѣщиковъ на бѣгство крестьянъ и уходъ ихъ къ богатымъ вотчинникамъ: частыя передвиженія ихъ были невыгодны и казнѣ; и правительство указало сроки, до которыхъ можно искать ушедшихъ, а затѣмъ они остаются на разъ занятыхъ мѣстахъ. Крестьяне старожильцы, отмѣченные въ селеніяхъ писцовыми книгами конца XVI-го в., считались прикрѣпленными къ землѣ. Указы 1586 и 1597 запрещали держать вольныхъ слугъ безъ документовъ; со всѣхъ

холопей должны брать кабалы и крѣпости. Средства закрѣпощенія развивались медленно, но твердо.

По видимости все стихло въ государствѣ и какъ бы отдыхало послѣ мучительныхъ тревогъ эпохи Грознаго; но умнѣйшіе иностранцы, изучавшіе Россію, оставили извѣстія, что глухое броженіе чувствовалось во всѣхъ слояхъ общества. Всѣ знали, что потомки Грознаго непрочны, ходили слухи о припадкахъ Дмитрія и его дурномъ характерѣ, и нельзя было не тревожиться о будущемъ. У сосѣдей, въ Польшѣ и Швеціи тоже шли волненія изъ-за избранія королей. Даже Ѳедоръ считался одно время кандидатомъ на польскій престолъ.

Перспектива прекращенія династіи Рюриковичей заранѣе возбуждала страсти. Одна московская партія пыталась устроить разводъ Ѳедора съ бездѣтной Ириной, другая подготовляла судьбу Дмитрія. Ходили слухи, что царевичу не сдобровать, готовятся покушенія на его жизнь. Годуновъ назначилъ въ Угличъ служащими по земскимъ дѣламъ своихъ довѣренныхъ лицъ, которыя наблюдали за царицей-вдовой и семьей Нагихъ и доносили обо всемъ въ Москву. 15-го мая 1591 г. царевичъ оказался убитымъ. Возбужденные угличане перебили всѣхъ, на кого указала царица. Судъ производилъ знатнѣйшій князь-бояринъ Василій Шуйскій, врагъ Годунова, и объявилъ, что Дмитрій зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей. Множество угличанъ за самоуправство надъ невинными людьми подверглись ссылкѣ, самый колоколъ, звонившій въ набатъ 15-го мая, былъ отправленъ въ Сибирь. Въ народѣ пошли глухіе толки о трагическомъ событіи, но никакихъ опредѣленныхъ и настойчивыхъ указаній на убійцу еще не складывалось.

По смерти брата Ѳедоръ порадовался ненадолго рожденію дочери, вскорѣ умершей, а въ 1598 г. умеръ самъ безъ наслѣдниковъ. Вдова его послѣ похоронъ тотчасъ постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Патріархъ, близкій другъ Бориса, остался однимъ главнымъ лицомъ въ государствѣ. Бояре хотѣли объявить временное правительство чиновъ думы, но это вызвало неудовольствіе московскаго народа, признававшаго одну царицу. Всегда страдавшіе недостаткомъ единодушія бояре передъ опустѣвшимъ престоломъ еще болѣе разъединялись. Называли въ частныхъ бесѣдахъ кандидатами въ цари бояръ-Рюриковичей: Шуйскихъ, Воротынскихъ, но остановились на прежнемъ правителѣ и предложили престолъ Борису, разсчитывая, что онъ согласится подѣлить власть съ боярской думой. Борисъ отказался отъ избранія и политично укрылся отъ переговоровъ у сестры, намекнувъ на необходимость созыва земскаго собора.

На поспѣшно созванный соборъ явились главнымъ образомъ ближайшіе въ Москвѣ служилые люди и кучка горожанъ. Но составъ его былъ вполнѣ подобенъ предшествовавшимъ соборамъ, то былъ вполнѣ законный соборъ. Приняли только мѣры къ спокойствію въ странѣ; всѣ пути въ Литву закрыли, чтобы заграницей не знали, что дѣлается въ Россіи. Патріархъ сказалъ эффектную рѣчь съ намеками на Бориса. Немного голосовъ высказались за Василія Шуйскаго. Духовенство, чины думы и собора избрали Бориса и церемоніальнымъ шествіемъ съ толпами оживившагося московскаго населенія пошли въ Новодѣвичій монастырь бить челомъ о принятіи царства. Борисъ принялъ корону такъ, какъ хотѣлъ.

по просьбѣ представителей народа, а не по договору съ думой. Въ его лицѣ государство получило опытнѣйшаго, энергичнаго правителя, какого могъ дать составъ думскихъ чиновъ того времени. Даже враждебно относившіеся къ нему люди признавали, что Борисъ дѣлалъ все, чтобы улучшить внутреннее состояніе государства. Первое время поражали необыкновенно чувствительный тонъ его рѣчи при коронаціи и рядъ щедрыхъ милостей: служилымъ людямъ выдали двойное жалованье, купцамъ разрѣшили 2 года торговать безпошлинно даже низшіе тяглые классы на годъ освобождены были отъ податей. Были слухи, что царь собирался точно установить размѣръ повинностей крестьянъ относительно помѣщиковъ; но дѣло ограничилось разрѣшеніемъ перехода только къ владѣльцу той же статьи, того же достатка. Поговаривали, что Борисъ думаетъ открыть высшую школу въ Москвѣ; но, вѣроятно, планъ встрѣтилъ отпоръ духовенства. За границу послали учиться до 40 молодыхъ дворянъ; русскимъ такъ понравились чужіе края, что никто изъ нихъ не вернулся. Кромѣ приглашенія инженеровъ и др. мастеровъ, выписали военныхъ людей, которые составили особый полкъ дворцовой гвардіи. Очень энергично строили укрѣпленные города на южной степной границѣ и въ Сибири. Борисъ такъ проникся политическими планами Грознаго, что мечталъ устроить мирнымъ путемъ изъ Ливоніи особое владѣніе, искалъ для него принцевъ за границей, проча имъ въ жены свою дочь Ксенію. Сыну онъ старался дать хоть какое-нибудь образованіе, возможное въ тогдашней Россіи.

Но мудрено было выскочкѣ, недавнему служилому дворянину, спокойно занимать престолъ, 700 лѣтъ создаваемый Рюриковичами. Темные толки про Углицкое дѣло съ 1599 г. становились опредѣленнѣе: царевича убилъ тотъ, кому онъ мѣшалъ достичь престола; достигъ Борисъ Годуновъ, значитъ онъ убійца. Знать избрала Бориса поневолѣ, потому что въ данный моментъ не на комъ было больше остановиться: но дать утвердиться Годуновымъ на престолѣ она вовсе не желала. Толки о гибели царевича усердно поддерживались въ Москвѣ. Слышались даже сомнѣнія: не спасли ли царевича? Борисъ прекрасно понималъ свое положеніе, волновался и, помня нравы двора, среди котораго долго жилъ, поддался тяжелой подозрительности: онъ окружилъ себя цѣлою сѣтью доносчиковъ. Суевѣрный по старинѣ Борисъ сочинилъ и велѣлъ всюду читать молитву о своемъ здоровьѣ, якобы побѣждавшую наговоры и волшебства. Кровавыхъ расправъ Грознаго не возобновляли; но заподозрѣнные бояре ссылались и запирались въ тюрьмы и монастыри. Исчезли изъ Москвы Романовы, родня Грознаго; старшій изъ нихъ, Ѳедоръ Никитичъ, былъ постриженъ. Исчезли кн. Шестуновы, многіе Шуйскіе и съ ними ихъ приближенные.

Въ 1601 г. отъ сильныхъ дождей и раннихъ морозовъ произошелъ почти повсемѣстный неурожай. Первый годъ народъ кое-какъ перебился. Но въ 1602 г. хлѣбъ совсѣмъ не поднялся изъ земли. Люди питались травой, мѣстами мертвечиной; иногда, доходя до неистовства, ѣли собственныхъ дѣтей. Помѣщики и вотчинники прогоняли отъ себя холоповъ и крестьянъ безъ отпускныхъ, только бы избавиться отъ лишнихъ ѣдоковъ. Толпы голодныхъ двигались по всѣмъ дорогамъ въ поискахъ за пищей и заработками. Главныя массы тянулись въ Москвѣ, гдѣ жило

больше богачей. Борисъ открылъ раздачу собственныхъ хлѣбныхъ запасовъ и давалъ широкой рукой; давали и другіе. Царь распорядился о подвозѣ хлѣба изъ немногихъ дальнихъ окраинъ. гдѣ онъ уродился, придумывалъ сооруженія и работы, чтобы давать средства тѣмъ. кто еще не потерялъ силъ для работы. Отъ большой дороговизны деньги еще больше падали въ цѣнѣ. Рубль стоилъ всего 12. 10 современныхъ.

Но прокормить скопище голодныхъ было невозможно. Множество труповъ лежало вокругъ Москвы: хоронить ихъ не успѣвали. Отъ смрада. заразы и голода начался моръ въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Бѣдствіе было неописуемо. Народъ искалъ причины такого гнѣва Божія: ему подсказывали, что онъ избралъ на царство цареубійцу. Догадки о преступленіи Бориса обращались въ увѣренность. Смутное состояніе умовъ все росло и распространялось. Убѣжавшіе отъ голоду и прогнанные люди, кто поздоровѣе и счастливѣе, проникали въ казачьи общины, которыя переполнялись пришельцами. Другіе сплотились въ разбойничьи шайки. бродившія по степной украйнѣ. Урожайный 1604 годъ накормилъ истомленныхъ людей, но не могъ поправить бѣдъ. Холопы и крестьяне не возвращались назадъ къ своимъ помѣщикамъ: броженіе все усиливалось. Въ Москвѣ бояре радостно замѣчали, что Борисъ теряетъ почву подъ ногами. Въ январѣ 1604 г. въ Москву привезли извѣстія, что въ Польшѣ появился царевичъ Дмитрій Ивановичъ.

Умный царь, при всей своей проницательности и знаніи русскаго общества, ничего не могъ поправить въ развивавшемся броженіи: съ боярами онъ еще могъ поспорить. но порядокъ шатался въ основахъ повседневной обывательской жизни по городамъ и областямъ. Ростъ и усиленіе единой самодержавной монархіи уничтожили повсюду древнее мѣстное самоуправленіе: горькая неволя. опасность отъ сосѣднихъ народовъ, заставляла отдавать личныя частныя средства. личное благоденствіе на пользу государства. Когда казнѣ стало невыгодно дѣлиться доходами съ намѣстниками и ихъ помощниками. Грозный царь дозволилъ областямъ выбирать земскихъ и губныхъ старостъ. чтобы исполнять судебныя и полицейскія обязанности намѣстниковъ, но кормъ обратилъ въ новую подать. Намѣстниковъ замѣнили воеводы съ дьяками. безъ кормовъ и подчиненные московскимъ приказамъ: но вдали отъ Москвы эти правители были почти тѣми же властными намѣстниками. брали съ правыхъ и виновныхъ. наживались. какъ могли: они лишили выборныхъ старостъ всякаго значенія, возлагали на нихъ только побольше отвѣтственности за сборы. Реформы Грознаго усилили власть. увеличили подати и ничего не дали жителямъ для обезпеченія жизни и спокойствія. Только одинъ Бѣломорскій сѣверъ. далекій и пустынный. жилъ свободнѣе другихъ областей. но его обитатели не имѣли вліянія въ общей жизни Руси. Всюду готовились порывы смутные, безсознательные къ чему-нибудь лучшему, болѣе ясному. Событія времени Грознаго очень глубоко всколыхнули и верхи и низы русскаго общества: наверху глухо кипѣли политическія страсти: внизу масса сельскаго люда только-что перелилась на пустыя вольныя окраины и охотно готова была бороться съ прикрѣпленіемъ.

Въ началѣ XVII в. и въ Европѣ царила тревога. вскорѣ разрѣшившаяся въ Германіи 30-лѣтней войной. Уже сто лѣтъ, какъ въ запад-

ной церкви произошелъ расколъ. Возникшія по почину Лютера новыя вѣроисповѣдныя ученія оказывали огромное вліяніе на умственную и государственную жизнь народовъ. Это великое религіозное движеніе, называемое Реформаціей, развилось изъ Возрожденія наукъ и искусствъ и смѣнило его.

Власть римскихъ папъ значительно ослабѣла. Цѣлый рядъ государствъ получилъ независимую отъ Рима національную церковь подъ главенствомъ своихъ монарховъ, власть которыхъ стала значительнѣй и глубже. Повсюду происходила борьба между представителями разныхъ вѣроисповѣданій и разныхъ сословныхъ интересовъ. Во Франціи правилъ король, вернувшійся къ католичеству ради короны; въ Великобританіи, наоборотъ, король, тоже ради короны, отказался отъ католичества. Въ Германіи тянулась жестокая распря между католиками и протестантами. Въ Польшѣ и Литвѣ протестантство стало было сильно распространяться во 2-й половинѣ XVI в. При Баторіи съ нимъ начали энергично бороться; съ помощью монашескаго общества іезуитовъ папы побѣдили новое вѣроисповѣданіе и утвердили строгое католичество; затѣмъ открыли гоненія на православную церковь русскихъ подданныхъ Польши, насильно вводили унію и подчиняли приходы папскому верховенству. Польскій король Сигизмундъ III былъ сынъ шведскаго принца и польской принцессы и предъявлялъ свои права на обѣ короны; но шведы отказались отъ короля католика и въ 1693 г. объявили у себя протестантскую независимую церковь.

Появленіе въ Польшѣ русскаго царевича, все равно — настоящаго или самозваннаго, было очень выгодно прежде всего самой католической церкви, потерявшей много подданныхъ. Католическое духовенство тотчасъ постаралось завладѣть юношей, чтобы черезъ него установить свое вліяніе на православныхъ. Полякамъ было очень на руку поддерживать смуту на Руси и ослабить опасную сосѣдку и соперницу. Участіе поляковъ въ смутѣ побудило впослѣдствіи и Швецію вмѣшаться въ дѣла Россіи, что очень усложнило безпорядокъ и въ конецъ разорило страну. Что касается личности Лжедмитрія, то на это существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія. Долго вѣрили на слово манифесту Бориса, что самозванецъ—Григорій Отрепьевъ изъ семьи служилыхъ людей; начитанный бойкій юноша почему-то надѣлъ рясу и долго скитался по монастырямъ, былъ извѣстенъ духовенству въ Москвѣ, откуда вдругъ исчезъ.

Но давно возникали сомнѣнія, чтобы лицо хорошо знакомое москвичамъ могло такъ смѣло явиться въ роли царя: его бы сейчасъ узнали. Многіе ученые занимались этой интересной личностью, и все-таки до сихъ поръ неизвѣстно, кто былъ Лжедмитрій I. Говорили даже, что это подлинный Дмитрій, сынъ Грознаго, спасенный боярами. Несомнѣнно одно, что онъ не Отрепьевъ и не полякъ; онъ слишкомъ плохо владѣлъ польскимъ языкомъ. Всѣ современники отмѣтили, что самъ Лжедмитрій вполнѣ искренно былъ увѣренъ въ своемъ царскомъ происхожденіи; это отражалось въ смѣлости и прямотѣ его поведенія въ Москвѣ. Должно быть, какіе то люди хорошо воспитали его въ этой увѣренности и подготовили къ роли царевича, и слѣдуетъ думать, что это дѣло устроили бояре вскорѣ послѣ событія въ Угличѣ, на случай бездѣтной смерти Ѳедора. Они хорошо знали, какъ терпѣливо свыкся народъ съ династіей

московскихъ царей, и понимали, что появленіе ихъ потомка самое вѣрное средство избавиться отъ Годуновыхъ. Кто былъ таинственный мальчикъ, гдѣ скрывался и какъ препроводили его за границу, — дѣло пока темное, но что бояре вели между собой сношенія, скрывали что то, это извѣстно и ясно; это прекрасно зналъ Борисъ, при первомъ извѣстіи о самозванцѣ крикнувшій боярамъ—„это ваше дѣло“.

Первое время король и образованнѣйшіе люди польскаго общества съ усмѣшкой говорили о Дмитріи. Однако, кн. Вишневецкій, въ домѣ котораго онъ открылъ свое званіе, и Мнишекъ—его другъ и отецъ увлекшей самозванца Марины, получили право представлять его вельможамъ. Обласканный духовенствомъ,—а духовенство имѣло огромное вліяніе на Сигизмунда III,—Лжедмитрій нашелъ выгоднымъ принять католичество и обѣщалъ содѣйствовать его введенію въ Россіи. Маринѣ онъ далъ письменное обѣщаніе утвердить за нею въ случаѣ вдовства Новгородъ и Псковъ и не стѣснять ее въ ея религіи. Въ результатѣ его хорошо приняли при королевскомъ дворѣ. Тысячи шляхтичей получили возможность поступить къ нему на службу. Въ 1604 г., какъ только Лжедмитрій перешелъ русскую границу, къ нему толпами являлись казаки и шайки бродившихъ по Украйнѣ бѣглецовъ. Служилые люди пограничныхъ городовъ, издавна привыкшіе ко всякимъ опасностямъ и случайностямъ, понемногу переходили къ нему на службу. Высланные ему на встрѣчу коренные московскіе полки, смущенные именемъ царевича, сражались неохотно и вяло.—Лично Лжедмитрій проявлялъ много храбрости и вмѣстѣ безпечности, такъ велика была его вѣра въ сочувствіе народа. Украинскіе города легко сдавались ему. Только разъ потерпѣлъ онъ сильное пораженіе отъ кн. В. Шуйскаго. Лжедмитрію пришлось выжидать въ Путивлѣ; поляки, не получая жалованья, начали было покидать его. Приливъ новыхъ бѣглецовъ и казаковъ выручилъ его и побудилъ двигаться впередъ.

XVIII.

Лжедмитрій въ Москвѣ. Боярство и Шуйскій. Борьба классовъ. Междуцарствіе. Избраніе царя.

13-го апрѣля 1605 г. скоропостижно умеръ Борисъ, чѣмъ избавился отъ униженій и тяжкой участи. Шестнадцатилѣтній Ѳедоръ Борисовичъ оффиціально вступилъ на престолъ, но съ нимъ уже не стѣснялись; смерть Бориса развязала всѣмъ руки; бояре громко говорили о подлинности царевича Дмитрія; недавно раболѣпствовавшій передъ Борисомъ воевода Басмановъ со всѣми полками перешелъ къ самозванцу, и походъ послѣдняго обратился въ торжественное шествіе. Когда послы Лжедмитрія явились въ Москву читать на площадяхъ его воззваніе къ народу, ихъ слушали съ большимъ волненіемъ. Вытребовали на площадь кн. В. И. Шуйскаго, чтобы онъ снова разсказалъ, что видѣлъ въ Угличѣ въ 1591 г. Шуйскій заявилъ, что убійцъ подослалъ Борисъ, но убитъ былъ другой мальчикъ, а царевича спасли. Народъ бросился ко дворцу, громко крича о низложеніи Ѳеодора. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали

отъ Лжедмитрія кн. Голицынъ и Мосальскій. Θеодора съ матерью убили, пользуясь возбужденіемъ народа, а другихъ Годуновыхъ сослали и заточили. 20-го іюня Лжедмитрій торжественно въѣзжалъ въ Москву. Выѣхавшая ему навстрѣчу постриженная вдова Іоанна IV-го всенародно признала въ немъ сына. Новый патріархъ, грекъ Игнатій, короновалъ Лжедмитрія. Романовы были возвращены и обласканы, какъ родственники. Инока Филарета сдѣлали митрополитомъ ростовскимъ. Во всѣхъ дѣлахъ, на засѣданіяхъ думы новый царь проявлялъ много ума и энергіи, слегка подшучивая надъ косностью и медлительностью бояръ: онъ быстро рѣшалъ вопросы, надъ которыми подолгу ломали головы; просто и смѣло обращался съ простымъ людомъ. Подвижность его, частое появленіе на улицахъ удивляли привыкшихъ къ замкнутой жизни москвичей. Лжедмитрій успѣлъ нѣсколько переустроить думу; удвоилъ жалованье служилымъ людямъ; запретилъ записи въ наслѣдственное холопство; объявилъ свободными крестьянъ, ушедшихъ въ голодный годъ; онъ обѣщалъ разрѣшить поѣздки за границу для образованія и очень покровительствовалъ иностранцамъ. Но о проповѣди католичества въ Россіи не было и рѣчи; всѣ обѣщанія іезуитамъ были забыты. Между тѣмъ боярамъ послѣ гибели Годуновыхъ самозванецъ сталъ уже ненужной помѣхой, и знатнѣйшіе изъ нихъ выжидали случая съ нимъ покончить. Первый заговоръ В. Шуйскаго окончился неудачей, а смѣльчакъ-царь великодушно простилъ стараго хитреца.

Весной 1606 г. пріѣхала Марина съ отцомъ и огромной польской свитой. Царица, сохранившая свою вѣру, свое платье и обычаи, произвела непріятное впечатлѣніе. Припомнили, что и царь замѣтно отвыкъ отъ постовъ и многихъ русскихъ порядковъ. Поляки грубо обращались съ русскими, шумѣли по улицамъ и вызывали жалобы, которымъ не давали ходу при дворѣ. Все это помогло новому боярскому заговору. Шуйскій и Голицынъ склонили на свою сторону 18-тысячное войско и осторожно ввели его въ Москву. Въ ночь на 17 мая ихъ сторонники подняли тревогу; народу кричали, что поляки напали на дворецъ. Всѣ бросились спасать царя; но въ суматохѣ кучка заговорщиковъ убила Лжедмитрія. Возбужденнымъ толпамъ усердно внушали, что онъ самозванецъ, растрига; прискакали съ извѣстіемъ, что царица инокиня отказывается отъ него, а признаніе было вынуждено страхомъ. Народъ увлекся и совершилъ много кровавыхъ насилій. Начинали уже привыкать къ быстрымъ перемѣнамъ и пользовались ими для грабежа.

Послѣ Лжедмитрія не осталось лица, къ кому могла бы перейти власть, какъ это было по смерти царя Θеодора и Бориса Годунова. Всѣ классы населенія могли воспользоваться отсутствіемъ власти и установить ее заново, сообразно своимъ потребностямъ. Ближе всѣхъ къ правительственнымъ дѣламъ стояли бояре: они-то и рѣшили вопросъ посвоему. 19-го мая на Красной площади предложили народу указать новаго патріарха вмѣсто Игнатія, а затѣмъ созвать земскій соборъ для избранія царя. Раздались голоса, что царя можно избрать сейчасъ и назвали Василія Шуйскаго: конечно, кричали его друзья и сторонники. Бояре признали избраніе совершившимся, и Шуйскій оказался царемъ безъ земскаго собора. Онъ подписалъ поданную ими грамоту и передъ вѣнчаніемъ цѣловалъ крестъ, что безъ суда собща съ боярами никого

не станетъ казнить смертью и не отниметъ имущества; не станетъ вѣрить доносамъ, а лжесвидѣтелей подвергнетъ казнямъ. Въ договорѣ въ сущности не было ограниченія царской власти, да бояре не желали и не умѣли установить ей точныя рамки: они стремились вернуть себѣ первостепенное значеніе въ правительствѣ, господствовать надъ средними и низшими слугами и пользоваться привилегіями по землевладѣнію, ограждая себя только отъ жестокихъ казней и конфискацій, которымъ подвергались при опричнинѣ и доносчикахъ Бориса. Воцарившись, Шуйскій обратился къ народу съ грамотами, въ которыхъ говорилъ о своихъ правахъ на престолъ, какъ потомокъ старшаго сына Александра Невскаго, (Калита происходилъ отъ младшаго), а затѣмъ о томъ, что по своему желанію согласился наказывать только по суду своими боярами. Только-что убитаго царя онъ объявлялъ несомнѣннымъ самозванцемъ. Обнародованная клятвенная запись, избраніе царя безъ земскаго собора очень поразила массу. Шуйскаго немедленно стали прозывать „боярскимъ царемъ" и „полуцаремъ", а про убитаго заговорили, что царь Дмитрій спасся: толпѣ дали терзать вовсе не его трупъ; онъ же пока скрывается до удобнаго времени. Шуйскій такъ много лгалъ и изворачивался, что ему плохо вѣрили.

Поднятое по областямъ волненіе все разросталась. Смута переходила въ новый періодъ, который принято называть соціальнымъ: низшій классъ начинаетъ проявлять самостоятельность. По Руси бродили тѣ же шайки бѣглыхъ и отряды вольныхъ казаковъ, которые помогали Лжедмитрію противъ Годунова, и готовы были дѣйствовать именемъ любого смѣльчака. Много поляковъ, даже знатныхъ воеводъ осталось въ Россіи, ради предстоящихъ войнъ и грабежа. Все это волнами передвигалось съ мѣста на мѣсто, захватывая и увлекая въ свой круговоротъ мирныхъ людей. Первымъ поднялся воевода г. Путивля на Украинѣ кн. Шаховской, приверженецъ Лжедмитрія; вокругъ него собирались служилые люди изъ Чернигова, Тулы и др. городовъ. Поднялся бунтъ даже въ далекой Астрахани. На Украинѣ появилась оригинальная, смѣлая личность—Болотниковъ, холопъ, когда-то захваченный въ плѣнъ крымцами; проданный въ Турцію, онъ бѣжалъ оттуда въ Италію; онъ много видѣлъ и многому научился въ западной Европѣ. Онъ получилъ отъ Шаховского отрядъ въ командованіе и началъ дѣйствовать мастерски. Болотниковъ именемъ Дмитрія созывалъ крестьянъ, холопей и разбойниковъ; обѣщалъ кому свободу, кому льготы и прощеніе. Крѣпостные и угнетенные толпами шли къ нему. Съ его появленіемъ начиналось соціальное движеніе, борьба низшихъ классовъ противъ имущихъ и правящихъ. Поднялись дорожившіе начинаніями Лжедмитрія рязанскіе служилые люди съ выдающимися дворянами, братьями Ляпуновыми, во главѣ. Они соединились съ Болотниковымъ и Шаховскимъ. Огромное 100-тысячное ополченіе шло прямо къ Москвѣ. Положеніе Шуйскаго становилось критическимъ.

Но служилые люди скоро замѣтили, что Болотниковъ побуждаетъ населеніе бить и грабить бояръ и помѣщиковъ; интересы ратниковъ оказались различными. Ляпуновы съ дворянами покинули холопское ополченіе и принесли повинную Шуйскому. Этотъ разладъ побудилъ Болотникова отступить въ Тулу; тутъ у него явился свой самозванецъ, Лже-

петръ, якобы сынъ царя Ѳедора, подмѣненный дѣвочкой. Шуйскій успѣлъ собрать войска, и въ 1607 г. разбилъ мятежное ополченіе и казнилъ Лжепетра съ Болотниковымъ. Въ это время вновь воскресшій Дмитрій объявился въ Стародубѣ. Кто онъ былъ, совершенно неизвѣстно; но взволнованные люди ждали такого человѣка, и онъ явился. Бродячія шайки, казачьи и польскіе отряды Сапѣги и Лисовскаго двинулись къ нему. Мало кто вѣрилъ во 2-го Лжедмитрія; многіе звали его просто „воръ“. У всѣхъ казаковъ являлись свои самозванцы, какъ предлогъ для грабежа и насилій. Но у Лжедмитрія было популярное среди массы имя, и окружившія его шайки скоро составили очень опасную силу. Сбродное войско дошло до села Тушина въ 60-ти верстахъ отъ Москвы и здѣсь укрѣпилось. Сюда съѣхались торговцы, мастеровые, и село обратилось въ городокъ. Пріѣхала и Марина Мнишекъ, найдя выгоднымъ признать въ Тушинскомъ царькѣ мужа. Изъ Тушина разсылали повсюду грамоты, приглашая присягать царю Дмитрію. Изъ Москвы Шуйскій и патріархъ Гермогенъ отвѣчали на нихъ призывами къ вѣрности московскому государю и къ борьбѣ съ ворами и казаками. Отряды поляковъ и русскихъ тушинцевъ нападали на города и силой заставляли присягать самозванцу. Только сѣверныя и сѣв.-восточныя области были еще спокойны; тамъ сельскій людъ состоялъ изъ черносошныхъ крестьянъ, а въ городахъ жили посадскіе и промышленники, вовсе еще не стремившіеся къ мятежамъ. Посылая своихъ ратниковъ въ Москву по требованію Шуйскаго, они снабдили ихъ наставленіемъ, не спѣшить съ присягой кому бы то ни было, такъ какъ нельзя угадать, кто одолѣетъ,—„а до насъ далеко: всегда успѣемъ повинную послать, если нужно“.—Получая противорѣчивыя грамоты, города пересылались между собой, обмѣнивались мнѣніями и сговаривались, кому вѣрить. Въ центральныхъ городахъ послѣ невольной присяги тушинцы требовали денегъ для царя, давали кормленія польскимъ панамъ. Потерпѣлъ погромъ Ростовъ. Митрополита Филарета привезли оттуда въ Тушино и заставили служить при дворѣ самозванца.

Въ 1608 г. польскій гетманъ Сапѣга началъ знаменитую осаду Троице-Сергіева монастыря и вызвалъ изумительно доблестную защиту народной святыни. По дорогѣ между Москвой и Тушинымъ постоянно сновали перебѣжчики („перелеты“), ради жалованья по многу разъ переходившіе отъ службы Шуйскому къ самозванцу и обратно. У Шуйскаго было слишкомъ мало военныхъ силъ противъ всѣхъ этихъ враговъ, да и тѣ часто терпѣли пораженія. Рѣшено было просить помощи у враждебныхъ Польшѣ шведовъ. Въ 1609 г. князь Скопинъ-Шуйскій, племянникъ и наслѣдникъ царя, заключилъ съ ними союзъ на очень тяжелыхъ условіяхъ: Русь навсегда отказывалась отъ Ливоніи, уступала шведамъ Корелію и обѣщала вѣчный союзъ противъ Польши; за это Скопинъ получилъ въ помощь 6 тысячъ шведскаго войска. Скопинъ нанесъ сильное пораженіе тушинцамъ, побудившее Сапѣгу отступить отъ Троицы. Скоро Тушино опустѣло. Сигизмундъ III не могъ допустить союза Руси со Швеціей. Добившись согласія сейма, онъ приступилъ къ осадѣ Смоленска: онъ вѣрилъ слухамъ, что русскіе уже не способны на сильное сопротивленіе, и что сынъ его, Владиславъ, будетъ признанъ русскимъ царемъ.— Но воевода Шеинъ очень искусно 20 мѣсяцевъ защищалъ городъ, взятый

только вслѣдствіе измѣны. Теперь Сапѣга со многими поляками покинулъ самозванца и дѣйствовалъ именемъ своего короля. Тушинскій царекъ съ Мариной бѣжалъ отъ поляковъ же въ Калугу, гдѣ его поддержали казаки и шайки Шаховского. Служилые люди изъ его бывшихъ сторонниковъ, мелкіе обѣднѣвшіе представители знати съ бойкими дьяками, книжниками Годуновской эпохи, распорядились царствомъ по-своему: они рѣшили предложить престолъ королевичу Владиславу на заранѣе составленныхъ условіяхъ: 1) Владиславъ приметъ православіе и обѣщается оберегать его и уважать духовенство; 2) судъ и сборъ податей сохраняетъ по старинѣ, издавать новые законы и налагать подати будетъ по совѣту съ думой и всей землей (т.-е. земскимъ соборомъ, въ которыхъ участвовали главнымъ образомъ служилые люди и горожане); 3) безъ суда съ думой смертью не казнитъ и имѣнья не лишитъ; 4) чины и награды будетъ давать по заслугамъ, а не по знатности, безвинно чиновъ и имѣнья не лишаетъ: 5) разрѣшитъ поѣздки за границу для образованія; 6) *холопамъ свободы не дастъ и запретитъ переходы крестьянъ.* Такимъ образомъ служилые дворяне и дьяки-чиновники тоже, какъ бояре при Шуйскомъ, пытались обезпечить себѣ выгодное положеніе: но кромѣ того, болѣе слабые экономически, они старались обезпечить себя рабочими руками, требовали установленія крѣпостного права. Ихъ попытка шла дальше боярской: они написали маленькую конституцію, ограничивающую власть въ пользу средняго дворянства и вообще средняго класса, которому выслугой и образованіемъ открывался путь къ думѣ и боярскимъ чинамъ; экономическое обезпеченіе утверждалось на узаконенномъ порабощеніи низшаго класса. Салтыковы, князья Мосальскій и Хворостининъ, дьякъ Грамотинъ и др. поѣхали съ этой грамотой къ королю подъ Смоленскъ, гдѣ она была подписана, и царю Владиславу начали присягать.

Событія въ Москвѣ дали большую силу договору. Молодой побѣдитель Скопинъ, въ которомъ народъ видѣлъ желаннаго наслѣдника бездѣтнаго нелюбимаго царя, былъ такъ торжественно принятъ москвичами, что возбудилъ зависть старѣющаго Василія и его брата Дмитрія Шуйскаго. Вдругъ послѣ пира въ домѣ Дмитрія блестящій 24-лѣтній юноша скоропостижно умеръ. Старый дядя потерялъ послѣднюю опору. Воевода Дмитрій, ограниченный и бездарный, замѣнилъ Скопина во главѣ войскъ. Польскій гетманъ Жолкѣвскій двинулся къ Москвѣ, заставляя народъ присягать Владиславу. Близъ Можайска (у деревни Клушино) онъ разбилъ на голову Дмитрія Шуйскаго. Узнавъ объ этомъ, Лжедмитрій со своими шайками предупредилъ гетмана и осадилъ Москву. Въ городѣ произошелъ мятежъ. Бояре и служилые люди рѣшили, что царствованіе Шуйскаго несчастно, свергли его съ престола и, несмотря на протесты патріарха Гермогена, насильно постригли, чтобы лишить его возможности вмѣшиваться въ дѣла.

Московское населеніе присягнуло боярской думѣ, члены которой устроили временное правительство (семибоярщину). Положеніе было отчаянное. Въ осажденномъ городѣ не могли созвать земскаго собора. Вора-самозванца, представителя бунтующихъ холоповъ и вольныхъ казаковъ, боялись больше поляковъ: онъ всюду возбуждалъ низшій людъ противъ высшихъ. Ради защиты отъ него бояре завели переговоры съ Жолкев-

скимъ. Польскій гетманъ былъ очень умный политикъ, тонко повелъ дѣло объ избраніи Владислава. Москва отворила ему ворота и согласилась присягать королевичу. Бояре, какъ ярые охранители старины, нѣсколько измѣнили составленный служилыми помѣщиками договоръ: вычеркнули статьи о возвышеніи въ чинахъ по заслугамъ и о поѣздкахъ за границу для образованія, что̀ сочли опаснымъ для вѣры. Съ этимъ и отправили къ Сигизмунду большое посольство изъ тысячи человѣкъ; ловкій Жолкевскій въ числѣ пословъ удалилъ изъ столицы опасныхъ соперниковъ королевича: князя Голицына, Филарета Романова и даже монаха-царя Шуйскаго.

Очень выгодный для Польши оборотъ дѣла испортили обычные польскіе порядки,—столкновенія королей съ властью дворянскаго сейма. Въ 1610 г. какъ разъ наступилъ временный разладъ, и король Сигизмундъ, заботясь о себѣ и своей семьѣ, рѣшилъ лично завладѣть Россіей. Жолкевскій зналъ, какъ это возмутитъ русскихъ и уѣхалъ къ Смоленску уговаривать своего повелителя отправить скорѣе сына со свѣжими войсками въ Москву. Сигизмундъ стоялъ на своемъ и завелъ пререканія съ послами. Наградами, раздачей вотчинъ и помѣстій онъ пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ среди русскихъ. Такимъ образомъ землями и крестьянами завладѣвали разные люди, кто именемъ Шуйскаго, кто царя Владислава, а кто и Тушинскаго самозванца. Народъ терялся въ противорѣчіяхъ. Въ Москвѣ неохотно присягали королевичу, особенно, когда поляки въ отсутствіе гетмана начали грабить жителей. Въ концѣ 1610 г. въ Калугѣ одинъ татаринъ изъ мести убилъ самозванца. Боярство и помѣщики вздохнули свободнѣй, освободившись отъ холопьяго царька. Гермогенъ и прочіе сторонники избранія царя изъ русскихъ начали смѣлѣй дѣйствовать. По городамъ разсылались грамоты, описывавшія бѣдствія Смоленска и Москвы и призывавшія соединиться всей землей противъ Сигизмунда. Когда приверженцы короля посадили патріарха въ заключеніе, грамоты разсылались изъ Троицкой лавры. Во многихъ городахъ ихъ читали съ жадностью и пересылались между собою извѣстіями. Изъ Нижняго въ Москву пріѣзжали выборные освѣдомляться о дѣлахъ. Начался 3-й періодъ смуты: національное движеніе въ среднихъ слояхъ народа, ради изгнанія иноземцевъ и возстановленія государственнаго порядка.

Въ январѣ 1611 г. рязанецъ, знаменитый Ляпуновъ, сталъ собирать ополченіе для освобожденія Москвы отъ поляковъ. Къ нему двинулось много служилыхъ людей, запуганныхъ хозяйничаньемъ поляковъ и неправильной раздачей земель; пришли къ нему атаманъ Заруцкій съ казаками и бѣглыми. Лѣтомъ 100-тысячное ополченіе двинулось къ Москвѣ. Ополченіе и его вожди являлись своего рода правителями для тѣхъ мѣстностей, по которымъ шли; воины устраивали общія собранія, родъ земскаго собора, и составляли постановленія о власти воеводъ, о содержаніи служилыхъ людей и обезпеченіи ихъ и заслуженныхъ казаковъ, а бѣглыхъ крестьянъ и холопей постановили возвращать владѣльцамъ. Пренебрежительное отношеніе къ несвободнымъ возмутило казаковъ, и Ляпуновъ былъ убитъ. Въ ополченіи произошли раздоры между защитниками личной свободы и сторонниками существующаго экономическаго порядка, и оно распалось. Распадалась и Русь. Сигизмундъ взялъ

Смоленскъ съ окружающими областями, откуда изгонялъ русскихъ помѣщиковъ; но самъ вскорѣ долженъ былъ уѣхать на сеймъ въ Польшу, отправивъ въ Москву небольшое подкрѣпленіе. Новгородцы сдались шведамъ, которые обѣщали устроить имъ самостоятельное королевство съ шведскимъ принцемъ во главѣ. Во Псковѣ появился свой самозванецъ, завладѣвшій всей областью. Западныя области отпадали отъ государства, восточные города энергично сговаривались возстановить его. Нетронутый разореніемъ Нижній-Новгородъ началъ движеніе. Тамъ дѣйствовалъ торговецъ Мининъ, мѣстный земскій староста, по выбору завѣдывавшій сборомъ податей и мірскими повинностями горожанъ. Энергичный и вмѣстѣ практичный администраторъ, послѣ чтенія грамоты изъ Троицкаго монастыря онъ увлекъ нижегородцевъ горячей рѣчью. Тотчасъ постановили—каждому жертвовать третью часть имущества на содержаніе ратниковъ и идти къ Москвѣ противъ поляковъ. Все собираемое довѣрялось Минину. Съ общаго согласія, вождемъ ополченія избрали князя Пожарскаго, лечившагося отъ ранъ въ 100 верстахъ отъ Нижняго. Тотъ въ свою очередь указалъ на Минина, какъ на необходимаго устроителя хозяйственной части. Мининъ оказался душою дѣла, связующимъ звеномъ между частями ополченія. Коломна, Ярославль, Кострома и др. города немедленно отвѣтили на призывъ нижегородцевъ: прибѣжали смоленскіе и вяземскіе служилые люди, лишенные своихъ земель. Военные землевладѣльцы и промышленные горожане пошли теперь отвоевывать свои права и преимущества отъ иноземцевъ.

Ополченіе двигалось очень медленно, обходной дорогой на Ярославль, гдѣ долго простояло. Пожарскій и Мининъ вызывали къ себѣ выборныхъ отъ городовъ, которые представляли родъ маленькаго земскаго собора при ополченіи. Они опредѣляли суммы сборовъ съ населенія на содержаніе войскъ, назначали жалованья, возвращали помѣстья. Національнымъ движеніемъ руководили теперь люди, полные интереса къ возстановленію порядка, и довели дѣло до конца. Когда явились казаки съ Заруцкимъ, ихъ приняли, смиряли аккуратной выдачей жалованья; но между земскими ополченцами и казаками царила полная холодность, и станы ихъ разбивались поодаль одинъ отъ другого. Осенью 1612 года осадили Москву. Поляки сопротивлялись отчаянно. 22-го октября взяли Китай-городъ. Самый Кремль сдался въ началѣ ноября, когда защитниковъ въ немъ не стало. 15-го ноября Пожарскій, подкрѣпляемый выборными, разослалъ по городамъ призывъ на общій земскій соборъ для избранія царя. Хотя военныя дѣйствія продолжались, и войска Сигизмунда доходили до Волоколамска, до 700 выборныхъ съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 г. Въ ихъ числѣ впервые явились представители крестьянъ. Засѣдали въ Успенскомъ соборѣ за неимѣніемъ другого большого зданія въ разоренной столицѣ. Пренія были бурныя, спорили много. Бояре старались провести въ цари иностранца, разсчитывая участвовать въ управленіи. Пожарскій вторилъ имъ изъ политическихъ соображеній. Но большинство, наконецъ, пришло къ рѣшенію отнюдь не выбирать иноземцевъ. Стали называть русскихъ кандидатовъ — Шуйскаго (одного изъ младшихъ), кн. Воротынскаго, Трубецкаго; Шереметевы, по родству, хлопотали за давнишнихъ тайныхъ кандидатовъ, Романовыхъ, въ лицѣ 16-лѣтняго Михаила Ѳедоровича; къ нимъ стали примыкать голоса отъ

горожанъ и отъ другихъ общественныхъ группъ. Когда соборъ остановился на Михаилѣ, Пожарскій послалъ собирать отзывы за городомъ, и Михаилъ былъ избранъ. Ему немедленно присягнули, еще не зная даже, гдѣ онъ находится.

XIX.

Возстановленіе государственнаго порядка. Миръ со Швеціей и Польшей. „Уложеніе“.

Великороссы отбили натискъ иноземцевъ, и началось возрожденіе государства. Во время смуты возникали попытки ограничить самодержавную власть государей; несмотря на это, самодержавіе пережило тяжкія испытанія смутнаго времени и въ теченіе XVII в. установилось тверже прежняго. Есть извѣстія, что Михаилъ Ѳедоровичъ при коронованіи подписалъ ограничительныя условія, но грамота не сохранилась до нашего времени. Во всякомъ случаѣ, условія остались только на бумагѣ, на дѣлѣ выполнялись только тѣ же льготы, какія клятвенно обѣщалъ боярамъ царь Шуйскій; высшимъ мирволили. Всегда хлопотавшее объ ограниченіяхъ боярство очень пострадало во время бѣдствій; многіе знатные роды повымерли, многіе разорились и обратились въ мелкихъ помѣщиковъ, и выслуга въ чины стала легче прежняго. А кромѣ бояръ, жизнь не создала другихъ классовъ, сложившихся въ общественную силу.

Въ 1612—13 гг. служилые помѣщики съ помощью горожанъ, дававшихъ денежныя средства, отвоевали свои земли отъ иностранцевъ, казаковъ и бунтовавшихъ крестьянъ. Этимъ среднимъ людямъ было необходимо скорѣйшее возстановленіе государственнаго порядка, однимъ—ради службы и хозяйства, другимъ—ради промысловъ. Смута сильно запугала людей, и всѣ покорно согнулись передъ властью, которую сами избрали; служилые люди пожертвовали политическими правами, тяглые—своей личной свободой, къ которой такъ рвались. Правда, земскіе соборы при Михаилѣ засѣдали почти безпрерывно; одни выборные смѣнялись другими; но при большомъ вліяніи ихъ голоса были попрежнему совѣщательными; они указывали на нужды населенія и помогали вывести страну изъ бѣдственнаго положенія. Послѣ громадныхъ завоеваній въ XVI в. и тяжелыхъ потрясеній начала XVII в. русскимъ людямъ пришлось приняться за заботы по внутреннему устройству страны, за новыя переписи земель и населенія, пересмотръ податного обложенія, за болѣе точное разграниченіе обязанностей сословій. И правительство, и общество собирались возстановить государство по старинѣ; но это уже не было возможно. Во время смуты русскіе слишкомъ близко столкнулись съ иноземцами, чтобы не понять, что поучиться у нихъ все-таки придется. Несмотря на враждебныя дѣйствія украинскихъ казаковъ, великороссы начали сближаться съ малороссами, у которыхъ уже были свои школы и книгоиздательство. Въ высшій классъ черезъ нихъ стала проникать польская культура, пріучившая русскихъ примиряться съ вліяніемъ западной образованности.

Какъ ни старалось русское общество цѣпляться за свою старину, это вліяніе проникало все сильнѣе и сильнѣе. Еще при Грозномъ

московскіе книжники стали вдумчивѣе относиться къ событіямъ русской жизни. Опасности и политическія задачи смутнаго времени выдвинули много сильныхъ и талантливыхъ личностей: они создали нѣкоторое умственное возбужденіе, отразившееся въ литературныхъ памятникахъ. Въ сказаніяхъ, лѣтописныхъ повѣстяхъ, даже житіяхъ святыхъ монахи, дьяки, знатные князья разсказывали о поразившихъ ихъ событіяхъ, хвалили и осуждали, разбирали поведеніе царей и своихъ современниковъ; проявлялись потребности въ сознательной умственной жизни при явной экономической бѣдности и отсталости страны. Все это немыслимо было отбросить или повернуть къ старинѣ. Потребность въ образованіи заставляла прислушиваться къ школьной жизни въ Малороссіи. Филаретъ и окружающіе его интересовались Кіевской академіей и ея учеными; начали добывать оттуда богословскія книги, затѣмъ рѣшились выписать ученыхъ кіевскихъ монаховъ для работъ въ московской типографіи; но страхъ, что эти ученые, проникшись латинской наукой, исказятъ православіе, не позволилъ приступить къ учрежденію школы.

Положеніе Россіи въ 1613 г. было ужасно. Громадныя области совсѣмъ запустѣли. По всей дорогѣ отъ Новгорода къ Москвѣ встрѣчались однѣ пустыя деревни съ полными труповъ и костей избами; по улицамъ ихъ бродили волки и одичалыя собаки. Вокругъ Калуги въ уѣздахъ не нашли ни крестьянъ, ни помѣщиковъ, а пашни поростали лѣсомъ. Смута же далеко не кончилась, и тяжелыя опасности грозили народу до 1619 г. Казна была пуста; брали деньги взаимы и въ даръ отъ капиталистовъ Строгановыхъ, изъ богатыхъ монастырей, отовсюду, гдѣ можно. Дѣлали спѣшныя переписи земель и имуществъ, чтобы собирать съ нихъ подати. Деньги были необходимы для содержанія войскъ. Приходилось преслѣдовать конницу гетмана Лисовскаго, который грабилъ города, съ необыкновенной быстротой переносясь изъ области въ область. На югѣ бродили шайки Заруцкаго, провозглашавшія царемъ маленькаго сына Марины и 2-го Лжедмитрія. Съ большими усиліями захватили этихъ опасныхъ лицъ, а Лисовскій сумѣлъ скрыться въ Литвѣ. Еще нѣсколько лѣтъ длилась борьба одновременно со шведами и поляками. Густавъ-Адольфъ шведскій, прославленный герой религіозныхъ войнъ въ Германіи, завоевалъ нѣсколько русскихъ городовъ, но, весьма нуждаясь въ деньгахъ, соглашался на миръ. Переговоры тянулись цѣлый годъ; въ нихъ принималъ большое участіе Мерикъ, представитель англійской торговой компаніи, для предпріятій которой были очень невыгодны смуты въ Россіи. По договору 1617 г. Новгородъ вернули Россіи, а всѣ города по Финскому заливу отошли къ Швеціи; кромѣ того, Россія выплатила 20 тысячъ рублей. Король былъ доволенъ миромъ и поздравилъ шведское дворянство, что Россія навсегда отрѣзана отъ морского побережья.

Въ Польшѣ королевичъ Владиславъ все еще именовался царемъ московскимъ. Въ 1617 г. сеймъ разрѣшилъ ему добывать свой престолъ, но паны очень скупились на средства. Королевичъ 7 мѣсяцевъ осаждалъ Можайскъ съ полками, которые бунтовали, не получая жалованья. Наконецъ, явился на помощь малороссійскій гетманъ Сагайдачный съ казаками, и Владиславъ въ 1618 г. рѣшился идти на Москву. Ихъ приступъ былъ отбитъ, а Шереметевъ съ русскимъ ополченіемъ гнался за ними до Троицы. Битвы не послѣдовало: обѣ стороны страдали безденежьемъ

и усталостью. При деревнѣ Деулинѣ заключили перемиріе на $14^{1}/_{2}$ лѣтъ. Польша сохранила Смоленскую и Черниговскую земли, Владиславъ—царскій титулъ. При размѣнѣ изъ Польши вернулся митрополитъ Филаретъ, отецъ государя, и былъ немедленно посвященъ въ патріархи. Съ тѣхъ поръ установилось „двоевластіе:“ всѣ грамоты и указы писались отъ имени двухъ государей, свѣтскаго и духовнаго. Неустановившійся порядокъ верховнаго управленія легко допускалъ такія странныя комбинаціи. Народъ одинаково готовъ былъ признавать власть и двоюроднаго брата царя Ѳедора и его племянника. При слабомъ царѣ Михаилѣ признавали очень полезнымъ непосредственное участіе въ управленіе его умнаго отца, хотя уже монаха. Это участіе энергичнаго Филарета очень оживило дѣятельность правительства.

Классъ служилыхъ помѣщиковъ крайне обѣднѣлъ отъ запустѣнія помѣстій: многимъ было не подъ силу выходить на походы: чтобы избѣжать службы, бѣдняки записывались въ „служни“ въ монастыри, „закладывались“ въ службу боярамъ. Никакія наказанія, лишенія помѣстій, уже разоренныхъ, здѣсь не помогали, приходилось обезпечивать помѣщиковъ землями и крестьянами. Запустѣніе пашенъ такъ затрудняло сборы податей, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ положили начало переводу платежей съ земли на населенные дворы: послѣдніе составляли группы, „четверти“, въ 4, 6 дворовъ среди черносошныхъ крестьянъ, въ 10, 20 среди помѣщичьихъ, что давало большія льготы населенію помѣщичьихъ земель. Зато львиную долю повинностей справляли горожане. Промышленный классъ всегда былъ очень немногочисленъ, а послѣ смуты сталъ еще слабѣе и бѣднѣе; нуждавшееся же въ деньгахъ правительство именно съ него то и взыскивало ихъ, такъ какъ въ городахъ деньги легче собирались. Горожане платили цѣлые годы подрядъ до 20% съ капиталовъ и имуществъ. Многіе, выплативъ послѣднія средства, которыми держался промыселъ, забирали семьи и убѣгали въ лѣсныя мѣста сѣвера. Получивъ торговыя помѣщенія, обложенныя 20% сборомъ, нѣмецкіе купцы отказались отъ нихъ и переѣхали во дворы англичанъ, такъ невыносимы были русскіе поборы. Кромѣ того, оставшіеся на мѣстахъ горожане справляли службу казнѣ за бѣжавшихъ и обнищавшихъ, что утраивало тяжесть. Жили они постоянно на глазахъ городскихъ воеводъ, которые обратили выборныхъ въ своихъ слугъ и помощниковъ, брали съ нихъ отступное и взятки, заставляли отвѣчать за расхищенныя деньги. На земскихъ соборахъ постоянно слышались горькія жалобы на положеніе горожанъ и посадскихъ, обложенныхъ тяжкими повинностями и лишенныхъ многихъ доходовъ, такъ какъ у мелкихъ промышленниковъ отбиваютъ промыслы крестьяне, являющіеся на городскіе торги и площади, а у крупныхъ, гостей,—торговые иностранцы, особенно англичане, получившіе еще большія льготы за то, что ссужали казну деньгами и помогли заключить миръ со Швеціей. Кромѣ того, казна, государь сами вмѣшивались въ торговлю, стѣсняя дѣйствія промышленниковъ: ото всѣхъ сортовъ товаровъ лучшее отбиралось для казны. Печальныя послѣдствія этого положенія вполнѣ сказались въ слѣдующее царствованіе. Оно выразилось цѣлымъ рядомъ бунтовъ по городамъ, при каждой финансовой мѣрѣ правительства, при попыткахъ ввести новые налоги.

Съ возвращеніемъ Филарета начали систематически приглашать

иностранцевъ на русскую службу. Особенно хлопотали о разработкѣ минеральныхъ богатствъ; вызывали инженеровъ и оружейниковъ. Въ 1632 г. голландцу Виніусу разрѣшили построить желѣзные заводы близъ Тулы и Каширы, первые въ своемъ родѣ заводы въ Россіи. Цѣлая волость дворцовыхъ крестьянъ была приписана къ заводамъ и доставляла имъ работниковъ. Во время смуты преимущество иностранцевъ въ военномъ дѣлѣ было такъ очевидно, что заставило русское правительство заводить новые военные порядки. Нестройныя и безпорядочныя ополченія помѣщиковъ, собиравшихся въ походъ прямо изъ деревни съ своимъ разнокалибернымъ оружіемъ, могли побѣждать восточныхъ сосѣдей, но были слишкомъ слабы передъ западными. Религіозныя смуты и народныя войны на западѣ создали многочисленный классъ опытныхъ военныхъ людей, покинувшихъ родину изъ-за религіозныхъ убѣжденій и готовыхъ служить въ чужомъ государствѣ. Русское правительство выписывало десятками странствующихъ офицеровъ различныхъ національностей, давало имъ хорошія деньги и надѣляло помѣстьями, если они оставались въ Россіи. Въ нижніе чины первыхъ солдатскихъ пѣшихъ и драгунскихъ полковъ вербовали сыновей бѣднѣйшихъ помѣщиковъ и отдавали ихъ на обученіе иностраннымъ офицерамъ. На южной степной украйнѣ понемногу служилые однодворцы цѣлыми уѣздами записывались въ солдатскую службу. Тамъ даже богатые крестьяне изъ монастырскихъ забирались въ полковую службу, что готовило почву реформамъ Петра.

Къ 1632 г. было готово нѣсколько полковъ; въ этомъ же году истекалъ срокъ перемирія съ Польшей. Русь не могла примириться съ потерей западныхъ областей и разобщеніемъ съ Европой. Рѣшили воспользоваться эпохой шумныхъ выборовъ преемника умершему Сигизмунду III-му и объявили войну. Продолжительная осада Смоленска окончилась полной неудачей, потерей артиллеріи и обоза. Вся отвѣтственность обрушилась на честнаго воеводу Шеина, который поплатился смертной казнью. За время войны (1 г. и 2 мѣсяца), содержаніе 4-хъ регулярныхъ полковъ стоило казнѣ 450 тысячъ, тогда какъ болѣе 30 тысячъ стараго помѣстнаго войска обошлось всего въ 86 тысячъ. Новая армія увеличивала расходы на громадныя суммы. Всѣ заботы государства сосредоточиваются теперь на добываніи средствъ, а добывались они съ большимъ трудомъ: всѣ землевладѣльцы были на военной службѣ; для выполненія земской выборной службы оставались худшіе и бѣднѣйшіе люди, хлопотавшіе только о своей наживѣ. Мѣстная жизнь жертвовалась обще-государственнымъ нуждамъ, а безъ мѣстной самостоятельной жизни ухудшалось экономическое положеніе. Та же борьба съ экономическимъ разстройствомъ всего населенія продолжалась во второй половинѣ XVII в., все усложняясь общественнымъ броженіемъ, новыми культурными запросами и усиливающимся тяготѣніемъ къ западной Европѣ.

Михаилъ Федоровичъ въ молодости, поддерживаемый приближенными, хотѣлъ самъ жениться на иностранной принцессѣ. Подъ конецъ царствованія онъ нашелъ жениха для дочери, принца датскаго, Вольде-

[1]) Жители г. Чаронды платили податей съ сохи въ 1630 г. 95 р., въ 1636 — 120 р., въ 1637—39 гг.—240 р., съ 1663 по 822 р. За 30 лѣтъ подати выросли болѣе чѣмъ вчетверо.

мара. Дѣло разошлось изъ-за вѣроисповѣданія. Бѣднаго принца долго держали подъ арестомъ, чтобы принудить къ переходу въ православіе, и только смерть Михаила Ѳедоровича освободила его (1645 г.) Такое восточное обращеніе съ иновѣрцами, конечно, не могло располагать къ искреннимъ сношеніямъ съ семьями западныхъ правителей. Послѣ царя остался 15-лѣтній сынъ и три дочери, принявшія монашество, какъ это дѣлали царевны, если не выходили замужъ.

Молодой царь, Алексѣй Михайловичъ, одна изъ интересныхъ личностей стараго времени, умѣлъ сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ, умѣлъ довѣрять людямъ и по свойствамъ воспріимчивой души нуждался въ друзьяхъ и глубокихъ привязанностяхъ; но у него было мало иниціативы, мало выдержки характера, и онъ легко поддавался давленію любимыхъ имъ лицъ. Самымъ вліятельнымъ лицомъ первыхъ лѣтъ царствованія оказался его воспитатель, бояринъ Морозовъ. Подъ его давленіемъ устраивались административныя назначенія, даже семейная жизнь юноши царя, женившагося на его свояченицѣ, Милославской. Злоупотребленія родни Морозова, Милославскихъ, и ихъ ставленниковъ оказались послѣдней каплей, переполнившей бѣдствія тяглыхъ горожанъ. Въ 1648 г. въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ. Потребовали казни Морозова и другхъ дьяковъ, вводившихъ пошлину на соль и славившихся лихоимствомъ. Послѣднихъ выдали на самосудъ толпы. Ради Морозова царь выходилъ лично упрашивать народъ не требовать его казни, обѣщая сослать воспитателя въ монастырь и улучшить правосудіе. Послѣдовали сильныя мятежи въ Сольвычегодскѣ, Устюгѣ и др. промышленныхъ городахъ. Повсюду причиной ихъ были непосильные поборы и вымогательства правителей. Крутыя мѣры противъ мятежей были невозможны и безсильны уже по слабости тогдашней администраціи: не нашли бы слугъ для ихъ выполненія. При всей жестокости нравовъ и наказаній царямъ новой династіи приходилось считаться съ рѣзкими протестами массы. Правительство стало уступать, потому что „весь міръ качается“, какъ выразился одинъ посадскій человѣкъ. Дума нашла необходимымъ пересмотрѣть немедленно положеніе и обязанности всѣхъ сословій и правящихъ лицъ и точнѣе опредѣлить ихъ законодательными мѣрами, руководствуясь показаніями и челобитными выборныхъ земскихъ соборовъ. Съ половины XVI-го вѣка обособленіе сословій сдѣлало огромный шагъ впередъ, особенно послѣ смуты, когда правительство рядомъ энергичныхъ мѣръ старалось прикрѣпить ихъ къ соціальнымъ обязанностямъ. Составъ общества сталъ сложнѣй, разнообразнѣй; онъ требовалъ болѣе развитого законодательства: между тѣмъ со временъ послѣдняго „Судебника“ прошло почти 100 лѣтъ, а его пополняли только отрывочными указами, которые полностью не были извѣстны во многихъ городахъ; это давало поводъ администраціи поступать по произволу. У ближайшихъ сосѣдей давно существовали своды законоположеній. „Литовскій Статутъ“, составленный для литовцевъ и южно-руссовъ, былъ самымъ подходящимъ образцомъ для будущаго русскаго свода. Небольшая комиссія выдающихся членовъ думы очень скоро подготовила необходимый матеріалъ и черновой проектъ, можетъ быть, съ помощью прежнихъ работъ, вѣроятно, временъ Годунова. Къ октябрю созвали выборныхъ; до конца января 1649 г. земскій соборъ обсуждалъ необходимыя статьи законовъ. Весною „Уложеніе“ было

напечатано. Много новыхъ постановленій было внесено по просьбамъ. выборныхъ; таковы всѣ главы о городскихъ жителяхъ и о крестьянахъ Горожане повторяли старыя жалобы на налоги и службы, докладывали. что жители часто переходятъ въ другіе города ради лучшихъ доходовъ. а остающимся приходится справлять повинности за убылые дворы: въ городахъ селятся посторонніе люди и крестьяне, которые не тянутъ съ ними тягла, а перебиваютъ торги и промыслы. Всѣ, кто не участвовалъ въ сборахъ „деньги“ съ капиталовъ, оказывались людьми чужими въ городѣ. Служилые люди совсѣмъ не платили съ своихъ дворовъ.

„Уложеніе“ гораздо обширнѣе старыхъ сборниковъ узаконеній: оно гораздо внимательнѣе вникаетъ въ жизнь общества и трактуетъ отдѣльно о каждой изъ его сословныхъ группъ. Но и въ этомъ сводѣ XVII-го в. не видимъ общихъ правовыхъ постановленій; и новый сводъ въ значительной степени судебникъ. Еще $^2/_3$ „Уложенія“ заняты статьями о судахъ. Главы, выясняющія о положеніе крестьянъ и холопій, такъ и называются „судъ о крестьянахъ“—„судъ о холопѣхъ“.

Права и службы высшаго класса опредѣляются въ главахъ „о помѣстныхъ земляхъ“, „О вотчинахъ“. Глава „о посадскихъ людѣхъ“ опредѣляетъ 40 статьями положеніе городского сословія. Самый тонъ статей еще указываетъ на близость верховной власти съ земскими людьми соборовъ: законоположеніе составляется не только для *„государственнаго“*, но и для *„земскаго строенія“*, часты оговорки, что статья составлена по челобитью тѣхъ или иныхъ „людей“.

„Уложеніе“ запретило постороннимъ людямъ селиться для промысловъ въ городахъ, стѣснило торговлю другихъ сословій на пользу горожанъ; но зато и послѣднимъ приказало жить по своимъ городамъ, не переѣзжая въ чужіе. Такимъ образомъ городскіе жители оказались прикрѣпленными къ своимъ городамъ, чтобы легче исполнять повинности для государства. Жалобы землевладѣльцевъ на исчезновеніе крестьянъ привели къ тому, что совсѣмъ отмѣнили сроки для отыскиванія бѣглыхъ: помѣщики впредь могли искать внуковъ и правнуковъ бѣглеца; укрыватель обязывался выдать все это потомство, всѣ убытки, которые нанесъ, держа у себя чужихъ работниковъ. Эта мѣра юридически прикрѣпила крестьянъ къ землѣ и ея владѣльцамъ, т.-е. въ сущности къ послѣднимъ. такъ какъ съ 1646 г. въ переписи не вносили земель, а только дворы. принадлежащіе помѣщику. „Уложеніе“ нигдѣ не указало предѣловъ помѣщичьей власти и этимъ выполнило требованіе служилаго дворянства. отдало на его волю крестьянъ. Относительно холопей сказывается стремленіе правительства обратить и ихъ въ подданныхъ; ихъ жизнью дорожатъ и запрещаютъ убивать ихъ или жестоко увѣчить.

Кромѣ того, помѣщики жаловались на большія привилегіи монастырскаго землевладѣнія и суда надъ жителями земель. Правительство сочувствовало своимъ слугамъ. Обширныя владѣнія монастырей, все увеличиваясь, лишали его запасовъ земель, необходимыхъ для раздачи служилому классу. По „Уложенію“ запретили монастырямъ пріобрѣтать земли, принимать въ закладъ вотчины, что такъ часто дѣлалось раньше. а для суда надъ ихъ крестьянами учредили монастырскій приказъ, гдѣ служили свѣтскіе люди. Землевладѣніе стало обращаться въ привилегію служилыхъ людей.

Статьи „Уложенія“ свидѣтельствуютъ, что не объ улучшеніяхъ жизни русскихъ гражданъ говорили выборные, а только о „тяглѣ“; они являлись на земскій соборъ вовсе не для того, чтобы отстаивать интересы населенія такъ, какъ это понимаютъ теперь; не таково было положеніе этихъ представителей государственныхъ слугъ и тяглецовъ; ихъ созывали, чтобы выспросить, что они могутъ сдѣлать для выясненія общегосударственныхъ задачъ. Каждое сословіе обезпечивало себѣ какъ разъ то, что было необходимо для выполненія службы и повинностей въ пользу государства. Каждая группа населенія принуждена была сосредоточиться на своей повинности, приписывалась спеціально къ ней, не имѣя права перейти къ другой; группы, рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга, окончательно обратились въ сословія, прикрѣпленныя къ своему кругу дѣятельности. Служилые люди были нужнѣе всего государству; ихъ устроили получше; крестьянская масса была далека отъ всякихъ его дѣлъ, — ее отдали на службу другимъ. Но крестьянство и бѣднѣйшій городской людъ не мирились со своимъ положеніемъ, и бунтами ихъ полно все царствованіе Алексѣя Михайловича. Ими вызывались дальнѣйшія законодательныя мѣры: новоуказанныя статьи и „Новоторговый уставъ“ Уставъ отмѣнилъ много разнообразныхъ пошлинъ при перевозкѣ товаровъ изъ города въ городъ; всѣ они были замѣнены однимъ сборомъ 10% при продажѣ товара, что хорошо повліяло на промышленность. Иностранцамъ была запрещена розничная торговля; ихъ прежнія льготы отъ нихъ отняли. Съ той поры торговля съ Западомъ стала нѣсколько свободнѣй. Правительству было необходимо ее поддерживать, такъ какъ она доставляла монеты и металлы, которыхъ не имѣла страна.

XX.

Положеніе Малороссіи. Унія. Школы. Казаки. Богданъ Хмѣльницкій.

Напряженныя политическія сношенія съ сосѣдями почти не смягчались при первыхъ Романовыхъ; они не давали ни правительству старой Руси, ни населенію заниматься исключительно собой, своими внутренними дѣлами. Тяжело отозвались неудачныя попытки вернуть отъ Польши свои западныя земли, захваченныя во время смуты; но московская Русь не имѣла времени отдохнуть и собраться съ силами. Ея родная сосѣдка, южная Русь, безпрерывно волновалась съ конца XVI-го в. Смутное время, не смотря на кровавые счеты, все-таки сблизило обѣ группы русскаго населенія. Сношенія укрѣпились, наверху съ высшимъ слоемъ южнаго общества—уклончивыя, дипломатическія, прочныя—на крестьянскихъ низахъ, гдѣ старались прежде всего общими силами южанъ и московскихъ переселенцевъ усѣсться на отобранномъ отъ татаръ черноземѣ. Сближеніе съ Малороссіей сулило обезпечить за русскимъ хозяйствомъ и промышленностью связи съ богатымъ югомъ. И въ южной Руси развилось сильное національное броженіе: южное общество искало средствъ устроиться посвободнѣе среди сильныхъ сосѣдей; броженіе осложнялось борьбой православныхъ землевладѣльцевъ съ польской шляхтой, захватывавшей бо-

гатыя земли Приднѣпровья. Наконецъ, въ 50-хъ гг. даже знатные свободолюбивые казаки сознали, что приходится искать опоры въ тяжеломъ для нихъ, властномъ московскомъ правительствѣ и тѣмъ вовлекли Русь въ войну съ Польшей. Присоединеніе значительной части Малороссіи — поворотной пунктъ въ исторіи Россіи,—съ того событія она быстро сближается съ европейскимъ западомъ.

Юго-Западная Русь въ XIV в. подпала подъ власть Литвы, а Литва, какъ извѣстно, соединилась съ польскимъ королевствомъ подъ властью Ягелло и Ядвиги, и литовцы приняли католическую вѣру. По временамъ Литвѣ давали еще отдѣльнаго князя (Витовта, Александра, зятя Ивана III); но польское вліяніе въ ней, а черезъ нее и въ южной Руси постоянно усиливалось, вслѣдствіе большей культурности поляковъ, и въ силу договоровъ, которыми тѣснѣе связывали обѣ страны. Польскіе короли распространяли на литовско-русскія земли свой способъ управленія староствами [1]) и назначали правителей изъ поляковъ. Они раздавали *привилеи* (жалованныя грамоты), создававшія такія же права и преимущества сословій, какъ въ Польшѣ. Изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и крупныхъ землевладѣльцевъ складывался высшій классъ вельможъ, подражавшихъ польскимъ магнатамъ [2]). Они завладѣвали королевскими и великокняжескими землями, даже городами, распоряжаясь ими съ самостоятельностью королей. По призыву короля они приводили на войну собственные отряды. Классъ свободныхъ людей, принимавшихъ на себя обязанности военной службы, назывался *земянами*, иногда *боярами*: они получали на службу помѣстья. Вельможи очень усердно добивались сохраненія своей независимости передъ королемъ и права пользоваться королевскими землями, *урядами*; они поддерживали самостоятельность отдѣльныхъ польскихъ областей, что ослабляло королевскую власть, а имъ, вельможамъ, позволяло первенствовать въ мѣстномъ управленіи, да и въ государствѣ. Въ XVI в. Рюриковичъ, князь Острожскій, владѣлъ 35-ю городами, 700 селами, получая 10 мил. въ годъ доходу (на наши деньги). Кн. Вишневецкій тоже владѣлъ цѣлымъ маленькимъ государствомъ; на Волыни Чарторыйскіе, въ Подоліи Сангушки владѣли огромными богатствами. Каждый въ отдѣльности былъ богаче своего короля.

Съ другой стороны земяне вмѣстѣ съ польской дворянской шляхтой поддерживали королевскую власть противъ вельможъ, очень стояли за полное объединеніе въ одно цѣлое всѣхъ частей государства. За это шляхтичи добились отъ королей права собираться на мѣстные „сеймики", посредствомъ которыхъ участвовали въ управленіи, получали льготы и привилегіи по землевладѣнію. Когда масса земель даже подгородныхъ перешли въ руки вельможъ и шляхты, а польская „коронная" администрація замѣнила мѣстное самоуправленіе литовскіе и особенно русскіе бывшіе вѣчевые города пришли въ упадокъ. Что бы оживить ихъ короли дали имъ привилегіи на самоуправленіе по нѣмецкому *магдебурскому* праву. Горожане, по польски *мѣщане*, получали нѣкоторыя торговыя привилегіи и льготы по казеннымъ повинностямъ, освобождались отъ суда воеводъ. Судилъ выборный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ назначаемаго

[1]) Староство—область, губернія, зависящая непосредственно отъ короля.
[2]) Магнусъ—великій по-латыни.

королемъ *войта*; а выборная рада съ бургомистромъ завѣдывала городскими дѣлами.

При первыхъ короляхъ Ягеллонахъ литовцы по прежнему не притѣсняли русскихъ; православное вѣроисповѣданіе считалось почти на равныхъ правахъ съ католическимъ. Въ XVI в., благодаря обилію нѣмцевъ переселенцевъ среди городскихъ жителей, въ польское государство проникло протестантство со своими толками и стало довольно сильно распространяться въ Литвѣ. Протестанты открывали лучшія въ то время школы, посредствомъ которыхъ утверждали свое вліяніе.

Въ половинѣ XVI в. положеніе дѣлъ измѣнилось. При королѣ Сигизмундѣ-Августѣ, послѣднемъ Ягеллонѣ, Литва была очень истощена успѣхами русскихъ въ Ливоніи и согласилась на полное сліяніе съ Польшей, причемъ послѣдняя завладѣла и русскими областями. Это устроили очень осторожно, по частямъ. На сеймѣ 1569 г. начали сперва обсуждать присоединеніе Подлѣсья; вызвали представителей его администраціи и заставили присягать польскому королю. Потомъ подняли вопросъ о Волыни, и довольно легко присоединили ее тѣмъ же порядкомъ. Когда очередь дошла до Кіева, произошли ожесточенные споры, имѣетъ ли Польша какія-нибудь права на него; наконецъ, добились и его присоединенія вмѣстѣ съ послѣдними русскими областями. Послѣ люблинской уніи шляхта получила преобладаніе на общихъ польско-литовскихъ сеймахъ и стала руководить всѣмъ государствомъ.

Польское правительство прежде всего приступило къ искорененію протестантства. Въ Польшу были приглашены монахи ордена іезуитовъ (общества Іисуса), посвятившіе себя борьбѣ съ врагами папы. Іезуиты энергично принялись за проповѣдь, открыли школы съ лучшими учителями, чтобы отвлечь учениковъ отъ протестантовъ, забирались въ семьи въ качествѣ исповѣдниковъ, поддерживали религіозное настроеніе, и очень скоро вытѣснили враждебное папѣ вѣроисповѣданіе. Сліяніе государствъ и побѣда католичества очень тяжело отозвались на русскомъ населеніи. Польскимъ панамъ стали раздавать привольныя степи Малороссіи; на крестьянъ, часть которыхъ и такъ уже теряла свободу на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, работая рядомъ съ крѣпостной челядью, распространялось полное закрѣпощеніе, въ какомъ жилъ сельскій людъ въ Польшѣ,— крестьянинъ обращался въ безправнаго „хлопа“, проникаясь ненавистью къ пану-поработителю и ляху-иновѣрцу. Польскій помѣщикъ строилъ въ деревнѣ католическую церковь, православной пренебрегалъ и часто сдавалъ ее въ аренду. Русскимъ прихожанамъ, ради исполненія требъ, приходилось искать арендатора, чтобы онъ за плату открывалъ церковь. Побѣдивъ протестантовъ, католическое духовенство стало наступать на православіе. Но восточная церковь была родной сестрой католической; обѣ были одинаково древни, и борьба оказалась нелегкой. Выдвинули старое орудіе—церковную унію, соединеніе церквей подъ властью папы. Въ рукахъ католиковъ была, конечно, огромная сила — образованіе, котораго были лишены русскіе, и высокое положеніе духовенства въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Подчиненность властямъ, религіозное броженіе, проникавшее съ запада и возбуждавшее умы, давно лишали единодушія православное духовенство. У церкви подолгу не было своего главы—митрополита. Большое вліяніе на нее оказывалъ польскій обычай „патро-

ната", покровительства права, котораго имѣли король, вельможи, отдѣльныя общества и церковныя братства; это давало возможность свѣтскимъ людямъ вмѣшиваться въ судьбы православной церкви часто къ вреду для нея. Короли, вліятельные гетманы раздавали епископіи, кому хотѣли иногда даже католикамъ.

Неустройство церкви, невѣжество духовенства и всякія бѣдствія побудили нѣсколькихъ представителей духовенства и знатныхъ лицъ заговорить о пользѣ уніи, которая, конечно, не касаясь догматовъ и богослуженія, дала бы церкви главу и помогала создать просвѣщенное духовенство. Особенно энергично хлопотали два довольно образованныхъ архіерея, Поцѣй и Терлецкій. Очень быстро устроили они въ этомъ смыслѣ докладъ королю, но когда увидали, какъ схватилось за это католическое духовенство, большинство сторонниковъ уніи смутилось и отказалось отъ своихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что народъ волновался отъ однихъ темныхъ слуховъ о церковной реформѣ. Безхарактерный митрополитъ Кіевскій поддержалъ обоихъ ревнителей, и въ Брестѣ въ 1596 г. устроили церковный соборъ. Члены тотчасъ распались на 2 группы: очень многочисленную—защитниковъ православія, и небольшую уніатскую; группы постоянно засѣдали врозь безъ общихъ совѣщаній. Меньшинство, поддержанное польскимъ правительствомъ, объявило унію состоявшейся и утвердило строй уніатской церкви; во имя ея начали борьбу съ православіемъ. Помѣщики заставляли своихъ подданныхъ ходить въ уніатскую церковь, которую старательно сближали съ католической; устраивали эти церкви обманомъ, пользуясь невѣжествомъ крестьянъ. Православные не допускались на сеймы, не получали видныхъ должностей. Незнавшіе школьной латыни русскіе назывались „глупой Русью"; русскій языкъ назывался „хлопскимъ" и почитался недостойнымъ образованныхъ сословій. Чтобы вывести дѣтей изъ приниженнаго положенія, русское дворянство рѣшилось посылать ихъ въ школы іезуитовъ. Тамъ дѣти принимали польскіе обычаи и часто обращались въ католиковъ. Русскіе князья—Острожскіе, Вишневецкіе, Сангушки и др. сдѣлались поляками и въ свою очередь тѣснили православныхъ.

Усиленный натискъ на вѣру и народность укрѣпилъ національное сознаніе русскихъ и вызвалъ упорное сопротивленіе; послѣднее съ конца XVI в. совершалось двумя путями—казачествомъ и школами. Выше сказано о возникновеніи казачьихъ дружинъ и въ малороссійской украйнѣ. Здѣсь, благодаря международному положенію, близъ границъ восточной и западной Европы и владѣній Турціи, отчасти сношеніямъ съ болѣе культурнымъ населеніемъ, казацкая вольница достигла вліянія и значенія, до котораго не могли дорости донскіе станичники. Выдвинувшись въ степи, за линію литовскихъ и польскихъ „замковъ", казаки постарому занимались ловлей звѣря и рыбы, промышляли военными набѣгами и грабежами; но въ XVI в. многіе жили хуторами, понемногу привыкая къ сельскому хозяйству; работали, конечно, женщины и челядь.

Свободнѣй и воинственнѣй другихъ сложилось казачье общество на островахъ Днѣпра, за порогами; сюда стекались люди вполнѣ посвятившіе себя боевой жизни; ни одна женщина не имѣла доступа въ Запорожскую Сѣчь. Въ военное время семейные люди оставляли женъ и дѣтей на хуторахъ и подолгу живали здѣсь, не возвращаясь домой. Отсюда,

изъ Запорожья устраивались набѣги на крымцевъ; отсюда цѣлыя казачьи флотиліи лодокъ отправлялись на Черное море громить турецкія берега.

Польское правительство, всегда нуждавшееся въ войскахъ, прекрасно видѣло, что казаки необходимы ему для постоянной обороны Малороссійской украины отъ татаръ и заселенія степей; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно очень боялось вліянія казацкой вольницы на сельскій и даже городской людъ Малороссіи. Оно освобождало ихъ отъ податей за ихъ заслуги, выдавало жалованье, но вмѣстѣ съ тѣмъ старалось уменьшить ихъ число, записывая казаковъ въ особые реестры, и строго требовало, что бы число ихъ не превышало разъ опредѣленнаго. Но казаки не выдавали пришельцевъ и бѣглыхъ; сосѣдніе крестьяне помогали укрывающимся; и число казаковъ достигало полумилліона въ то время, когда короли ограничивали его до 20 тыс. Стефанъ Баторій далъ казакамъ первую общую военную организацію; при немъ появился и назначаемый польскимъ правительствомъ гетманъ. Эта организація, это признаніе казаковъ открытой вооруженной силой помогло имъ въ концѣ XVI в. поднять первыя возстанія въ Малороссіи. Во время борьбы Польши съ Москвой въ началѣ XVII в. даровитый Конашевичъ-Сагайдачный заставилъ признать себя гетманомъ по избранію казаковъ съ большой властью не только надъ ними, но надъ всей Кіевской украйной. Съ тѣхъ поръ судьба казаковъ сливается съ судьбой всей Малороссіи. Оскорбленные и забитые, холопы и свободные бѣгали на вольное Запорожье, старались скрыться у зарегистрованныхъ казаковъ украйны. Свободные крестьяне (*посполитые*) любили величать себя казаками. И горожане на особенно тяжелыя притѣсненія поляковъ ходили жаловаться казакамъ. Отъ времени до времени въ отвѣтъ на это поднимались запорожцы, увлекая за собой другіе казачьи отряды и вооруженныхъ крестьянъ, и шли мстить Польшѣ, истребляя и разоряя все на своемъ пути.

Починъ въ дѣлѣ образованія положили церковныя братства. Польскіе короли издавна давали привилегіи монастырямъ, церквамъ и при нихъ обществамъ прихожанъ, такъ называемымъ братствамъ. Послѣднія задавались цѣлью заботиться объ украшеніи храма, устройствѣ праздниковъ, постройкѣ богадѣленъ и сиротскихъ домовъ; это была полезная сторона патроната. Примѣры самоуправленія въ городахъ, хорошее устройство цеховыхъ обществъ научили братства понимать важность единодушія, тѣснаго союза во имя общихъ интересовъ.

Русскіе были свидѣтелями, какъ умѣло боролись за свое ученіе протестанты и близкія къ нимъ секты, какъ они устраивали школы, заводили типографіи, издавали книги. Религіозное и умственное движеніе оказало, наконецъ, вліяніе и на русскихъ; они живѣе почувствовали, какъ слабо и беззащитно православіе безъ науки, безъ школъ, безъ богослововъ, способныхъ выяснить имъ догматы вѣры и научить отстаивать ихъ. Первую попытку духовной борьбы сдѣлалъ, однако, вельможа, кн. Острожскій, около 1580 года: съ помощью греческихъ монаховъ онъ открылъ въ г. Острогѣ школу, гдѣ преподавали грамматику, риторику, немного богословія, а при ней типографію для распространенія св. писанія и богословскихъ сочиненій.

Въ 1588 г. константинопольскій патріархъ расширилъ права братства г. Львова въ Галиціи и благословилъ открыть школу для поддер-

жанія православной вѣры; чтобы освободиться отъ власти мѣстныхъ епископовъ, общество подчинило ее патріарху. Въ школѣ учили славянскому и греческому языкамъ и грамматикѣ. Вскорѣ открылась подобная же братская школа въ Вильно, и вслѣдъ за тѣмъ во многихъ другихъ городахъ юго-западной Руси. Первыя школы возникали тамъ, гдѣ населеніе испытывало особенно сильно давленіе отъ католиковъ; таково было положеніе Львова и Вильно. Гораздо позже явилась школа въ Кіевѣ, гдѣ русскимъ жилось спокойнѣе. Устроилась она тамъ въ 20-хъ гг. XVII-го вѣка по образцу другихъ братскихъ школъ. Школы приносили огромную пользу, хотя первое время уровень преподаванія былъ слабъ, благодаря тому, что давали преобладаніе греческому языку и очень боялись латинскаго, какъ главнаго предмета католическихъ училищъ: между тѣмъ, латинскій языкъ былъ языкомъ науки того времени, и незнакомому съ нимъ человѣку невозможно было овладѣть высшими знаніями. Только съ 30-хъ гг. печерскій архимандритъ и кіевскій митрополитъ Петръ Могила далъ болѣе живое направленіе школьному дѣлу. Онъ отправилъ за границу монаховъ изъ учениковъ братскихъ школъ съ тѣмъ, чтобы они тамъ учились по своему выбору въ иностранныхъ университетахъ и академіяхъ. Съ помощью новыхъ ученыхъ Могила ввелъ въ кіевской школѣ преподаваніе всѣхъ наукъ, какія входили въ программу европейскихъ духовныхъ коллегій, съ полнымъ курсомъ богословія и преобладаніемъ латинскаго языка [1]). Школа сразу оживилась и привлекла большое число учениковъ. Окончившіе въ ней поступали учителями въ братскія школы и улучшали въ нихъ преподаваніе, повышали программу. Эти улучшенныя учрежденія „Могилянскаго" періода могли уже отвлекать русскую молодежь отъ католическихъ школъ.

Старинная программа безъ точныхъ наукъ, уже неудовлетворявшая западныхъ людей, была еще вполнѣ хороша на востокѣ, гдѣ школъ не существовало. Тогда поэзія со стихосложеніемъ, этотъ свободный даръ, преподавалась въ классѣ, какъ грамматика, но и это было полезно; поучившись правиламъ стихосложенія и сочиненія, ученикъ пытался сочинять по-русски, складывалъ стишки свѣтскаго содержанія и способствовалъ возникновенію интереса къ литературѣ въ своей семьѣ и среди знакомыхъ. Рядомъ со школами развивалось литературное просвѣщеніе. Возбужденные религіозной борьбой протестантовъ съ католиками, русскіе загорѣлись особенной преданностью къ своей вѣрѣ и тоже рванулись на борьбу съ католицизмомъ; они старались воздержать свою братью отъ увлеченія иновѣріемъ. Появился рядъ писателей, создавшихъ самостоятельную богословскую литературу на малороссійскомъ языкѣ. По примѣру польскихъ школъ, ученики братскихъ по большимъ праздникамъ устраивали театральныя представленія. Славились духовныя драмы, содержаніе которыхъ заимствовалось въ священной исторіи. Учитель краснорѣчія или поэзіи руководилъ спектаклемъ; онъ же или способнѣйшій изъ учениковъ писалъ или переводилъ съ иностраннаго языка пьесы. Школа съ ея спектаклями, диспутами, издательской дѣятельностью очень оживляла западно-русскій городъ. Патріархъ

[1]) Реформа далась не легко: появленіе въ школѣ латынщиковъ изъ-за границы вызвало бунтъ въ Кіевѣ. „Нами собирались накормить днѣпровскихъ осетровъ", разсказывалъ одинъ изъ ученыхъ.

Филаретъ велъ сношенія съ кіевскими учеными, испрашивалъ ихъ мнѣнія о богословскихъ сочиненіяхъ, думалъ пригласить ихъ на сѣверъ ради изданія книгъ и для устройства школъ. Но въ Москвѣ долго еще боялись кіевлянъ, сомнѣвались въ чистотѣ православія среди учившихся за границей и на языкѣ католиковъ.

Такимъ образомъ покоренная иноземцами юго-западная Русь сослужила великую службу дѣлу просвѣщенія. Въ то время, какъ сѣверная развила въ себѣ исключительно физическія, матеріальныя силы, побѣждала враговъ сплоченностью и военнымъ могуществомъ, южная, слабая и разрозненная, научилась отстаивать русскую народность духовнымъ оружіемъ, школами, литературой и положила начало школьному просвѣщенію Россіи.

Если сравнить жизнь юго-западныхъ русскихъ съ жизнью московскихъ подданныхъ, придется сознаться, что и подъ иноземнымъ игомъ имъ жилось не такъ ужъ особенно тяжело. Многіе города имѣли нѣкоторое подобіе нѣмецкаго самоуправленія и свой судъ, не будучи подавлены казенными повинностями; отдѣльныя группы лицъ могли составлять общества, организоваться въ братства. Королевская власть иногда дѣйствовала на пользу православныхъ. И все-таки оказалось, что тамъ, гдѣ сильно сказывается иноземное вліяніе, хотя бы и полезное, вызывается страстное сопротивленіе чужеземной власти, страстное желаніе жить и развиваться самостоятельнымъ національнымъ міромъ. Такъ было съ малороссами.

Малороссійское казачество было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ остальнымъ населеніемъ страны, хотя выполнявшіе земскія повинности мѣщане и крестьяне почитались особыми сословіями назывались, „посполъствомъ“. Казачество постоянно пополнялось недовольными и искателями счастья и славы; число казаковъ всегда значительно превосходило назначаемый правительствомъ комплектъ, а изгонять людей полковники не могли. Когда поляки нуждались въ помощи казаковъ, они смотрѣли сквозь пальцы на ихъ вольности. Такъ было при гетманѣ Конoшевичѣ-Сагайдачномъ (1606—21), который помогалъ Владиславу громить москвичей. Онъ получилъ образованіе въ Острожской школѣ и былъ выдающимся полководцемъ и общественнымъ дѣятелемъ. Зная, что Польшѣ нужна помощь для борьбы съ Турціей, Сагайдачный выговорилъ у короля для казаковъ право выбирать гетмана всѣми казачьими начальниками (старшиной); устроилъ администрацію полковъ, выборы и раду, не обращая вниманія на протесты сейма. Его власть распространялась въ сущности на всю Малороссію; онъ же покровительствовалъ школамъ; упросилъ іерусалимскаго иатріарха, гостившаго проѣздомъ въ Украйнѣ, посвятить въ Кіевѣ митрополита, котораго не назначали со введеніемъ уніи. По смерти Сагайдачнаго сеймъ началъ отмѣнять его реформы, что̀ вызвало рядъ возстаній, очень кровопролитныхъ, но постоянно подавляемыхъ поляками; по временамъ реестръ казаковъ сокращали до 1200 чел.; шляхтичи требовали назадъ своихъ бѣглецовъ, что̀ доводило населеніе до крайняго ожесточенія. Въ 1638 г. замѣнили казацкихъ выборныхъ начальниковъ шляхтичами по назначенію правительства. Вынудившая эти мѣры шляхта и польскіе чиновники дѣлали все, что хотѣли въ Малороссіи, наѣздомъ захватывали имѣнья, крестьянъ обращали въ крѣпост-

нихъ. Казаки и малороссы стали толпами уходить на Донъ и въ предѣлы Московской Руси, гдѣ ихъ принимали очень охотно и поселяли вокругъ Харькова и Курска.

Самъ король Владиславъ, неудачный кандидатъ на русскій престолъ, въ душѣ благоволилъ къ русскимъ. Принявъ участіе въ союзѣ противъ турокъ, онъ увеличивалъ число войскъ и потихоньку отъ вельможъ вызвалъ для переговоровъ казачьихъ старшинъ, въ томъ числѣ Хмельницкаго. Казаки думали, что король за нихъ, и рѣшили пользоваться его враждой со шляхтой. Подобно многимъ виднымъ казакамъ, Богданъ Хмельницкій получилъ образованіе въ братской школѣ и закончилъ его въ Польшѣ у іезуитовъ; въ молодости служилъ при дворѣ польскаго вельможи, но оскорбленный имъ ушелъ въ казачество. Талантливый человѣкъ скоро выдвинулся и сталъ генеральнымъ писаремъ запорожскаго войска, когда набѣгъ польскаго подстаросты лишилъ его имѣнья, жены и сына. Казакъ нигдѣ не нашелъ управы на польскаго чиновника. Въ Варшавѣ король принялъ его, выслушалъ жалобы, но намекнулъ, что у казаковъ всегда есть право мести. Хмельницкій весь загорѣлся ею; онъ изъѣздилъ всю Малороссію, всюду рисуя невыносимое положеніе родины, подговаривалъ, подготовлялъ возстаніе. Но рядъ прежнихъ опытовъ показалъ, что казаки одни не справятся съ Польшей. Хмельницкій отправился въ Крымъ и, послѣ долгихъ переговоровъ, заключилъ союзъ съ ханомъ. По возвращеніи въ Запорожье онъ былъ сдѣланъ гетманомъ, и въ 1648 г. поднялъ казаковъ, подкрѣпляемыхъ отрядомъ татаръ. Крестьяне брались за оружіе и бѣжали къ гетману. Въ двухъ битвахъ, при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ, казаки и татары разбили очень неудачно составленное войско короннаго [1]) гетмана.

Вся Украйна поднялась, и возстаніе приняло небывалые размѣры. Во время пораженія поляковъ умеръ король Владиславъ. Въ Польшѣ наступило обычное смутное безкоролевье, когда собирали сеймы для выбора новаго короля. А Хмельницкій со 150 тысячами казаковъ и гайдамаковъ (вооруженныхъ крестьянъ) уже бушевалъ въ Галиціи и грозилъ внутреннимъ областямъ Польши. Вновь избранный король, Янъ Казиміръ, братъ покойнаго, обѣщаніями уговорилъ гетмана отступить. Хмельницкій послушался, уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ торжествовалъ побѣду и принималъ поздравленія. Онъ раздѣлилъ всю Малороссію на 24 полка, а полки на сотни. Управленіе сдѣлалось чисто военнымъ, и каждый малороссъ именовалъ себя казакомъ. Пользуясь отступленіемъ гетмана, въ Польшѣ объявили общее вооруженіе шляхты для усмиренія казаковъ, и война возобновилась. Подъ Зборовомъ казаки встрѣтили польское войско подъ начальствомъ короля и разгромили его; самъ король едва не попалъ въ плѣнъ. Говорятъ, что Хмельницкій пріостановилъ казаковъ, чтобы не подвергать его такому позору. Теперь казаки доказали свою силу и разгромили шляхту. Однако, казацкой старшинѣ не хотѣлось окончательно разорвать съ Польшей; они считали возможнымъ самостоятельно устраивать внутренній бытъ Малороссіи подъ главенствомъ короля. Казаковъ уговорили согласиться на мирный договоръ; тѣмъ болѣе, что поляки склонили къ миру татаръ. Онъ былъ подписанъ тутъ же подъ Зборо-

[1]) Начальникъ королевскихъ войскъ.

вымъ. Очень желавшій мира король далъ прощеніе возставшимъ. Число казаковъ опредѣлили до 40 тыс.; въ ихъ селеніяхъ не могли жить евреи и стоять польскія войска; чиновники должны быть изъ православныхъ; кіевскій митрополитъ дѣлался членомъ польскаго сената.

Положеніе оказалось все-таки невозможнымъ. Хмельницкому приходилось удалить изъ казачьихъ полковъ множество люда, примкнувшаго къ казакамъ; большинство не уходило и негодовало на гетмана. Шляхта враждебно отнеслась и къ королю и къ его договору съ казаками; она стыдилась мира съ тѣми, кого хотѣла сдѣлать поголовно своими холопами. Митрополита не приняли въ сенатѣ. Вообще обѣ стороны не выполняли договора. Хмельницкій завелъ сношенія съ Турціей, обѣщая посылать дань и помогать противъ Польши. Въ 1651 г. казаки снова поднялись, сговорившись съ крымцами. Но Польша подготовила огромныя силы, и на этотъ разъ казаки терпѣли тяжкія пораженія. Татары, которымъ было все равно, кого грабить, внезапно перешли на сторону Польши. Хмельницкому пришлось принять худшія условія: льготы Зборовскаго договора отмѣнились; число казаковъ сократили до 20-ти тысячъ. Эти условія были еще невыполнимѣе. Частыя перемѣны во внутреннихъ порядкахъ, необезпеченность гражданскаго быта истомила народъ; бѣднѣйшій классъ не прекращалъ волноваться. Крестьяне продолжали мелкую партизанскую борьбу съ поляками. Уже тогда сказывались различіе интересовъ крестьянъ и казаковъ, и начало разслоенія среди самого казачества. Старшины все-таки тяготѣли къ аристократическимъ порядкамъ Польши и свысока относились къ рядовымъ казакамъ; простые казаки по духу оставались близкими крестьянамъ и вмѣстѣ съ ними ненавидѣли пановъ и поляковъ.

Въ глубинѣ общественнаго сознанія давно таилась мысль о соединеніи съ московскимъ государствомъ. Низшее духовенство особенно хлопотало объ этомъ и вело оживленныя сношенія съ Москвой. Московское правительство тоже посылало своихъ агентовъ въ Малороссію. Но въ самой странѣ сказывалась нѣкоторая рознь. Низшіе классы, особенно ненавидѣвшіе иго шляхтичей-крѣпостниковъ, склонялись къ признанію власти московскаго государя; высшіе—черное духовенство и казачьи начальники боялись самодержавнаго правительства; состоятельнымъ людямъ была мила польская свобода; ихъ очень соблазняла надежда сравняться въ правахъ съ магнатами и шляхтой. Низшіе все равно были зависимы. а высшіе оберегали свою личную вольность съ саблей въ рукѣ и не торопились въ московскіе подданные. Въ Москвѣ тоже обдумывали вопросъ,—какъ принять Малороссію въ виду неизбѣжной войны изъ-за нея съ Польшей. Въ 1653 г. земскій соборъ заявилъ, что можно выдержать войну и слѣдуетъ принять Малороссію. Тогда отправили пословъ къ Хмельницкому съ грамотой, обѣщавшей сохранять казакамъ, городамъ и крестьянамъ ихъ выборное управленіе; число казаковъ доводили до 60-ти тысячъ; казаки обязывались безъ согласія царя не сноситься съ Крымомъ и Турціей. Въ г. Переяславлѣ въ 1654 г. собралась рада, постановившая присягать Алексѣю Михайловичу.

Война, дѣйствительно, разгорѣлась немедленно. Царь Алексѣй и русскія войска придали ей на первое время характеръ крестоваго похода въ защиту православія отъ католиковъ и татаръ-магометанъ и быстро достигли огромныхъ успѣховъ;—Смоленскъ и др. западно-русскіе города

сдавались одинъ за другимъ; взята была литовская столица Вильно. Съ другой стороны, въ борьбу самостоятельно вмѣшалась Швеція. Ея войска, справедливо считавшіяся лучшими въ Европѣ, встрѣтили очень слабое сопротивленіе въ Польшѣ и легко завладѣли Варшавой и Краковомъ. Королевская семья перебралась за границу. Шляхтичи одно время думали поладить со шведскимъ королемъ и передать ему Польшу; самое существованіе ея, какъ государства, тогда подвергалось сомнѣнію: поляки приравнивали свое положеніе къ тому, въ какомъ находилась Русь въ смутное время. Начатая казаками война обратилась въ важное европейское событіе. Швеція, Турція сносились съ Малороссійскимъ гетманомъ, какъ съ представителемъ отдѣльной державы. Но Франція и Австрія заступилась за Польшу. Въ 1656 г. русскимъ войскамъ пришлось пріостановить борьбу съ нею, чтобы ударить на шведовъ, становившихся очень опасными; они взяли Дерптъ, Полоцкъ, Динабургъ, но были отбиты отъ Риги. Все это помогло Польшѣ собраться съ силами и вытѣснить шведскую армію изъ своихъ предѣловъ. Затѣмъ Янъ-Казиміръ вторгся въ Малороссію. Царь Алексѣй поспѣшилъ заключить перемиріе со шведами, вернувъ имъ всѣ завоеванные города; удержать ихъ за собой не хватало средствъ. Началась новая война съ Польшей, далеко не такая удачная. Пользуясь опять союзомъ съ крымцами, поляки наносили тяжелыя пораженія выдающимся русскимъ воеводамъ. Въ битвѣ подъ Конотопомъ погибло почти все конное ополченіе помѣщиковъ, перебитое толпами татаръ. Подъ Чудновымъ Кіевскій воевода, бояринъ Шереметевъ, послѣ долгаго отступленія и геройской обороны, сдался и былъ отведенъ плѣнникомъ въ Крымъ. Старый Хмельницкій умеръ. Избранный подъ вліяніемъ русскаго правительства и нелюбимый казаками гетманъ Выговскій, видя усиленіе Польши, отложился отъ Москвы и заключилъ договоръ съ королемъ. Послѣдній, признавъ самостоятельность Малороссіи, обѣщалъ ей внутреннее самоуправленіе, отмѣнялъ унію. Въ договорѣ сказывалось стремленіе казачьей старшины и малороссійскихъ помѣщиковъ получить привилегированное положеніе польской шляхты, и ничего не выговаривалось въ пользу низшаго класса. Меньшая братья выразила неудовольствіе на возобновленіе связи съ Польшей и подняла смуты, отказавшись отъ договора.

Но суровая властность московскихъ воеводъ и враждебная мѣстной самостоятельности московская политика побуждала правящій классъ хлопотать о сохраненіи самоуправленія во что бы то ни стало; малороссы издавна, со временъ татаръ, привыкли защищать внутреннюю независимость своихъ общинъ. Новый гетманъ, Юрій Хмельницкій, пытался опять договориться съ Польшей. Въ восточной Малороссіи московское вліяніе, однако, пересилило; но правобережная отдѣлилась съ гетманомъ Дорошенкомъ и, разоряемая поляками, признала власть султана Турціи. Въ войну вмѣшалась грозная сила, опасная Польшѣ; въ ней самой вспыхнулъ бунтъ войскъ, не получавшихъ жалованья. Продолжительная война всѣхъ разорила, и истомленная Польша согласилась на перемиріе съ Москвой, заключенное на 13 лѣтъ при деревнѣ Андрусовѣ (1667 г.). Московское государство пріобрѣло Смоленскую и Черниговскую области, Малороссію по лѣвый берегъ Днѣпра, а Кіевъ на правомъ всего на 2 г. Никто не ожидалъ, что перемиріе обратится въ прочный миръ по жела-

нію самой Польши, которая слишкомъ ослабѣла, чтобы думать о возвращеніи утраченнаго.

XXI.

Умственное броженіе въ московскомъ обществѣ. Недовольство. Расколъ. Вліяніе запада.

Дорого стоилъ Россіи первый шагъ къ возвращенію западныхъ областей, уже прикоснувшихся къ иноземной культурѣ; война съ постояннымъ комплектованіемъ арміи все новыми и новыми полками иностраннаго образца требовала громадныхъ расходовъ. Поборы съ населенія все росли и росли, вызывая мятежи по городамъ и крестьянское волненіе, сказавшееся въ бунтѣ Стеньки Разина.

Одновременно съ народными волненіями, созданными соціально-экономическимъ положеніемъ страны, росло и развивалось умственное броженіе. Вліяніе западной культуры быстро усиливалось послѣ присоединенія Малороссіи и частыхъ сношеній съ Польшей. Высшій правящій классъ прекрасно сознавалъ, что нельзя довольствоваться только своими русскими порядками и средствами, съ какими обходились московскіе Рюриковичи XVI в. Обновленіе войска, постройка крѣпостей новаго образца, заводы, попытка завести флотъ вызвали значительный наплывъ иностранцевъ въ Москву, устроившихся въ столицѣ многолюдной и вліятельной колоніей. Пріобрѣтеніе русской страны со школами, начатками литературы, театромъ, со многими заимствованными съ запада обычаями, наводило на сравненія и размышленія. Южное общество было сильно и дѣятельно обиліемъ корпорацій (общественныхъ союзовъ) и разнообразіемъ духовныхъ и общественныхъ интересовъ. Высшее малороссійское духовенство преслѣдовало свои цѣли, хлопотало о самостоятельности своей церкви; низшее, особенно сельское, опасалось претензій своихъ начальниковъ и тяготѣло къ Москвѣ. Братства, городскіе цехи, казачья старшина—съ одной стороны, и рядовое казачество—съ другой, составляли опредѣленныя общественныя группы, готовыя постоять за себя. Всякій желалъ быть, и до нѣкоторой степени былъ самъ себѣ панъ. Московскіе же люди, прикрѣпленные къ службѣ, не имѣли понятія о корпораціяхъ. Со временъ Іосифа Волоцкаго ихъ учили бояться личныхъ „мнѣній", помнить, что личное достоинство и умѣнье жить заключается въ подчиненіи обрядамъ и правиламъ, тѣсно связаннымъ съ церковью и народной стариной. Сближеніе съ малороссами побудило сознаться, что польско-малороссійская жизнь привлекательнѣй.

Болѣзненныя явленія глубоко въѣлись въ московское общество: разнузданный произволъ воеводской администраціи, безчестность ея чиновъ, приниженность народа, подавленнаго податями, бѣдностью, безъисходнымъ невѣжествомъ, низкій уровень нравственности во всѣхъ слояхъ. Со 2-й половины XVII в. въ Москвѣ начинаютъ сознавать печальную дѣйствительность; возникаютъ кружки лицъ, которые добиваются выхода изъ нея, ищутъ руководящихъ началъ, посредствомъ которыхъ можно улучшить русскую жизнь. Съ 1648 г. въ Москвѣ появились кiев-

скіе монахи, служившіе въ типографіи для изданія богослужебныхъ книгъ. Съ помощью боярина Ртищева вокругъ нихъ изъ молодыхъ дворянъ и дьяковъ составилась школа, гдѣ обучали древнимъ языкамъ, сочинительству; кіевляне и поляки учили по домамъ дѣтей московской знати. Царь Алексѣй выписалъ для сыновей образованнаго бѣлоруса, монаха Симеона Полоцкаго, получившаго большое вліяніе своимъ литературнымъ талантомъ среди знати и стремившейся къ просвѣщенію молодежи. Въ этихъ кружкахъ жаждали школъ, толковали о ихъ необходимости: но въ Москвѣ не было братствъ, не существовало дѣятельныхъ союзовъ, и настоящей, правильной школы не могли устроить, пока правительство не нашло нужнымъ взять дѣло въ свои руки.

Еще ранѣе близъ дворца и типографіи сложился другой кружокъ. Издавна протопопы кремлевскихъ соборовъ пользовались огромнымъ авторитетомъ среди русскаго духовенства. Въ XVII в. это были очень начитанные люди, отлично знавшіе писаніе и духовную литературу, какая существовала на русскомъ языкѣ. Они работали также при типографіи по исправленію книгъ. Во главѣ ихъ стояли царскій духовникъ Вонифатьевъ и казанскаго собора протопопъ Нероновъ. Къ нимъ пріѣзжали совѣтываться о дѣлахъ церкви протопопы изъ уѣздовъ, часто тоже начитанные и талантливые люди; среди послѣднихъ выдавались 2 нижегородца, Аввакумъ и Никонъ, уже игуменъ дальняго монастыря. Всѣ они горячо и свободно толковали о неурядицахъ въ русской церкви, порчѣ книгъ, о дурныхъ нравахъ духовенства; часто касались они злоупотребленій воеводъ и дьяковъ и бѣдствій простого народа. Сами они нерѣдко страдали за заступничество, за малѣйшую попытку обличенія властей. Эти протопопы умѣли говорить проповѣди простымъ, понятнымъ народу языкомъ; всѣ они желали возвысить авторитетъ духовенства, подавляемаго свѣтскими властями. Лучшей стороной ихъ дѣятельности было любовное отношеніе къ народу, стремленіе нравственно подымать его поучительнымъ словомъ, за что всѣ они пользовались большой популярностью. Весь кружокъ зналъ, что священныя книги необходимо исправить, и придумывалъ, гдѣ найти для этого старинные русскіе образцы. Проповѣдники вѣрили, что все лучшее покоится въ старинѣ, и непремѣнно русской, хранящей православіе. О школахъ они и не помышляли, кіевскихъ ученыхъ-латынщиковъ готовы были записать въ еретики.

Отличавшійся необыкновенной набожностью царь Алексѣй, часто навѣщая своего духовника, познакомился съ его друзьями и особенно отличилъ Никона. Послѣдній, крестьянинъ родомъ, былъ священникомъ по выбору прихожанъ и по семейнымъ несчастьямъ постригся въ монахи. Благодаря царю, Никонъ въ нѣсколько лѣтъ прошелъ головокружительную карьеру. Будучи митрополитомъ въ Новгородѣ, онъ запретилъ безпорядочную многогласную службу, велѣлъ убрать изъ церквей иконы и аналои прихожанъ (въ старину молитву своей святынѣ считали болѣе дѣйствительной); ввелъ пѣніе по нотнымъ партіямъ, какъ въ Малороссіи. Государь постоянно переписывался съ Никономъ, называлъ его своимъ „собиннымъ" пріятелемъ, спрашивался его совѣтовъ; онъ только и ждалъ возможности сдѣлать его патріархомъ. Но крутой характеръ Никона уже замѣтили. По смерти стараго патріарха духовенство избрало ему другого преемника, и только отказъ избранника доставилъ Никону званіе

главы церкви. Никонъ выговорилъ себѣ у царя такую же самостоятельность, какой пользовался патріархъ Филаретъ, и съ 1652 г. снова появилось два великихъ государя. Въ церковномъ вѣдомствѣ Никонъ отстранилъ монастырскій приказъ, такъ какъ не допускалъ вмѣшательства свѣтскихъ властей, и открыто говорилъ, что церковь нуждается въ единой главѣ съ властью папы римскаго. Немедленно рѣшилъ онъ приступить къ исправленію книгъ.

Любопытно, что царь и Никонъ спрашивали совѣта у константинопольскаго патріарха, какъ быть съ русскими книгами, которыя очень разнятся между собой. Патріархъ успокоивалъ русскихъ правителей, что это бѣда невелика, что различія въ обрядахъ и книгахъ вовсе не ересь; порядокъ службы устанавливался не сразу, а постепенно, поэтому и древнія книги не всѣ одинаковы; и среди грековъ крестятся различно, и 2-мя и 3-мя перстами, а грѣха въ томъ не видятъ. Равнодушіе образованнаго грека къ внѣшнему обряду было непонятно даже умнымъ русскимъ, такъ обрядъ и сущность вѣры сливались въ одно цѣлое въ ихъ сознаніи. Въ Москвѣ узнали, что на Аѳонѣ сожгли за негодностью книги русской печати. Гордый Никонъ понималъ, что этимъ унижается авторитетъ русской церкви. Къ исправленію книгъ приступили, какъ къ насущному вопросу вѣры и національной чести.

Начитаннаго троицкаго монаха отправили на востокъ, во св. мѣста и монастыри, пріобрѣтать древнія рукописи. Болѣе 500 рукописей было доставлено въ Москву; но изъ нихъ только 8 могли служить для исправленія собственно богослужебныхъ книгъ.

Въ 1654 г. созвали соборъ духовенства, который рѣшилъ, что слѣдуетъ исправить книги по греческимъ хартіямъ; однако, шесть лицъ не подписали постановленій по недовѣрію къ грекамъ. Начали дѣло со служебника; его исправили просто по православному требнику, напечатанному въ Венеціи, свѣривъ послѣдній съ нѣкоторыми древними рукописями. Затѣмъ кіевскіе ученые исправили и др. церковныя книги. Новый соборъ 1656 г. большинствомъ голосовъ принялъ исправленныя изданія. Возражать было трудно: обѣ верховныя власти, царь и патріархъ, стояли за нихъ. Члены собора рѣшились даже проклясть двуперстное сложеніе, которое было установлено стоглавымъ соборомъ и поддержано патріархомъ Филаретомъ.

Еще раньше соборовъ, съ выходомъ первой напечатанной при Никонѣ книги, патріархъ разссорился со своими друзьями протопопами; Аввакумъ и Нероновъ съ братіей подали царю жалобу на еретическія нововведенія Никона, неправославныя мысли въ его изданіяхъ. Царь оставилъ ее безъ отвѣта. Протопопы ходили къ самому Никону, рѣзко спорили съ нимъ. Крутой повелитель пересталъ стѣсняться съ недавними друзьями. Онъ далъ ходъ злостному доносу воеводы на муромскаго протопопа, виднаго члена кружка проповѣдниковъ; духовный соборъ осудилъ обвиненнаго; горячо вступившіеся за него Нероновъ и Аввакумъ были высланы изъ Москвы. У вліятельныхъ проповѣдниковъ было много учениковъ и почитателей, особенно въ столицѣ; они завели съ ними оживленныя сношенія: Аввакумъ имѣлъ даже возможность подолгу проживать въ Москвѣ. Сопротивленіе патріарху было уже подготовлено, когда Никонъ круто, рѣзко, безъ объясненій приказалъ изо всѣхъ церквей

Россіи свозить старыя книги въ Москву и въ обмѣнъ получать изъ типографіи новыя. Много священниковъ и за ними мірянъ отказались служить и молиться по новымъ книгамъ. Измѣненіе простыхъ обычаевъ правописанія, крестное знаменіе 3-мя перстами, служеніе на 5-ти просфорахъ вмѣсто 7-ми, *Іисусъ* вмѣсто прежняго *Ісусъ* явились для нихъ ересью. Высланные протопопы вернулись и съ особой энергіей писали, проповѣдывали, быстро расширяя кружки недовольныхъ и негодующихъ. Свѣтская власть твердо стояла за реформы, но самъ царь удерживалъ Никона отъ жестокихъ преслѣдованій недовольныхъ.

Святыня сѣвера, Соловецкій монастырь не принялъ новыхъ книгъ и свято хранилъ старые экземпляры. Начинался открытый расколъ въ русской церкви, а преслѣдованія только разжигали фанатическую преданность старинѣ и готовность страдать за нее. Личныя свойства Никона еще болѣе обостряли положеніе. Когда царь отправился въ польскій походъ, Никонъ оставался полномочнымъ правителемъ государства, и своимъ высокомѣріемъ очень раздражалъ бояръ. Ему не хватало сдержанности и гибкости, требовавшихся его положеніемъ и временемъ. По возвращеніи царь былъ осажденъ жалобами на своего „собиннаго" друга. Скоро и самъ царь сталъ тяготиться властнымъ патріархомъ, и между ними произошло охлажденіе, что очень раздражало Никона. Не получивъ удовлетворенія въ одномъ требованіи, онъ рѣшилъ, что царь нарушаетъ данныя ему, патріарху, обѣщанія, снялъ въ соборѣ свои облаченія и торжественно уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь, заявивъ, что покидаетъ свой престолъ. Русская церковь осталась безъ главы. Никонъ нерѣдко писалъ государю, видимо разсчитывая на его набожность, чтобы примириться. Царь оплакивалъ бывшаго друга, страдалъ изъ-за неурядицы, но не уступалъ. Никонъ по временамъ служилъ, какъ патріархъ, и не давалъ полнаго формальнаго отреченія, безъ котораго не могли выбирать ему преемника. Неопредѣленное положеніе длилось 7 лѣтъ. Видя паденіе гордаго патріарха, личность котораго сливали съ его еретическими новшествами, враги его торжествовали, и число ослушниковъ достигло огромныхъ размѣровъ.

Въ 1666 г. по соглашенію съ восточными патріархами, правительство созвало духовный соборъ, чтобы разобрать дѣло Никона; вызваны были ослушники, Аввакумъ съ товарищами. Соборъ вполнѣ одобрилъ исправленіе книгъ и реформы Никона, но его самого за самовольное и неправильное удаленіе отъ дѣлъ осудили и лишили сана; для устрашенія ослушниковъ всѣ они были преданы анаѳемѣ. Послѣднее имѣло рядъ тяжкихъ послѣдствій. За сотни лѣтъ многія поколѣнія сроднились со своими церковными обычаями, своими безграмотными книгами и лишенные всякой живой умственной дѣятельности, считали книгу, букву въ ней, обрядъ принадлежностью самого таинства, самого догмата вѣры. Такъ учили ихъ думать и правительство, и высшее духовенство, преслѣдуя всѣхъ, имѣвшихъ „мнѣніе" и критиковавшихъ книги и обряды. И вдругъ теперь тѣ же священныя власти соборне осудили „Стоглавъ", какъ книгу, писанную „неразсудно, простотой и невѣжествомъ", приказываютъ разбирать и различать книги и проклинаютъ людей, вѣрующихъ по книгамъ, изданнымъ отцомъ и дѣдомъ государя.

Умы отказывались понимать такія противорѣчія. Какая-нибудь выс-

шая темная сила омрачила сознаніе правителей и готовится завладѣть міромъ; это—дьявольская сила антихриста, рѣшили послѣдователи Аввакума. Изъ древнихъ рукописей узнали, что въ годы 1666—67 на землѣ произойдетъ что-то недоброе; предсказаніе исполнилось, — антихристъ сошелъ въ міръ. Раскольники, въ виду преслѣдованій, все болѣе и болѣе отдалялись отъ православныхъ, стараясь даже не прикасаться къ этимъ еретикамъ.—чадамъ антихриста. Если военныя команды настигали ихъ, раскольники сожигались, истребляли себя всѣми способами, ради охраны чистоты душевной. Раскольники желали быть старовѣрами, желали духовнаго просвѣщенія установленіемъ старины; на дѣлѣ они вносили не мало новаго: ихъ подъемъ духа создалъ цѣлое умственное движеніе; раскольники стали гораздо грамотнѣе православныхъ, много читали, разбирали писаніе, выясняли себѣ религіозные вопросы, а попутно и общественные. Они вовсе не походили на старинныхъ, безразлично-послушныхъ вѣрующихъ русскихъ; это были люди, самостоятельно мыслящіе и дѣйствующіе. Скоро личное мнѣніе безсознательно достигло небывалаго значенія: возникъ рядъ учителей-проповѣдниковъ, создавались толки, а въ XVIII в. особыя секты, связанныя съ расколомъ общимъ происхожденіемъ изъ религіознаго броженія, имъ возбужденнаго.

Все высшее духовенство, (ни одинъ архіерей не перешелъ въ расколъ), а за ними православное священство, принявъ реформы Никона, во всемъ прочемъ упорно держалось старины. Враждебно и презрительно относилось оно къ иновѣрцамъ; не признавая въ нихъ христіанъ, требовало ихъ полнаго крещенія для перехода въ православіе. Патріархъ Іоакимъ подозрительно смотрѣлъ на ученыхъ малороссовъ, считая ихъ почти католиками; до конца жизни онъ тормозилъ открытіе высшей школы, чтобы не дать ее въ руки кіевскимъ ученымъ, особенно стихотворцу Полоцкому. А послѣдній патріархъ, Адріанъ, почти до самой реформы Петра подъ страхомъ проклятія запрещалъ бритье бороды. Все великороссійское духовенство сперва открыто, а при Петрѣ осторожно и втихомолку, боролось со всякими нововведеніями, со всѣмъ, гдѣ оказывалось вліяніе иновѣрца. Одни малороссы, всѣ болѣе или менѣе стояли за реформы въ русской жизни. Благодаря имъ, впервые дала себя почувствовать въ ней новая черта; она мелькнула въ презрительномъ отзывѣ о невѣжествѣ отцовъ Стоглаваго собора, узаконившихъ много неправильнаго; въ этомъ сказалось, конечно, вліяніе чужестранцевъ грековъ, но все-таки на Руси рѣшились, наконецъ, осудить невѣжество, на первый разъ грубо и безтактно, въ лицѣ покойниковъ. Рѣзче и яснѣе это сказалось въ сочиненіяхъ Полоцкаго, его учениковъ и вообще въ отношеніи ученыхъ и учащихся къ волнующейся и недоумѣвающей массѣ. Стихотворецъ-монахъ обѣщаетъ дѣйствовать и писать сообразно наукѣ, а не по замысламъ „человѣчья рода". Малочисленные представители учености знали себѣ цѣну и съ оттѣнкомъ пренебреженія относились къ безграмотной массѣ, изъ которой выросъ расколъ; она жила чувствомъ и инстинктами; наши первые ученые—умомъ и сознаніемъ. Все, что училось, желало или просто готово было изъ послушанія учиться и воспринимать западное вліяніе, начинаетъ отдѣлять себя отъ народной массы. Послѣ собора 1666 г., на которомъ первенствовали греки и кіевскіе ученые, появились первые при-

знаки зарождавшагося интеллигентнаго класса, горько жаловавшагося впослѣдствіи на свою оторванность отъ народа.

Западное вліяніе врывалось всюду: оно сказывалось въ горячихъ богословскихъ спорахъ по почину кіевлянъ; въ большомъ числѣ свѣтскихъ произведеній, листковъ съ шуточными разсказами, стихами, діалогами; въ появленіи въ боярскихъ домахъ духовныхъ и скрипичныхъ оркестровъ, въ кафтанахъ на польскій ладъ, въ новой европейской мебели и предметахъ роскоши. — Полоцкій своими поздравительными стихами и стихотворными посланіями ввелъ въ моду складываніе стишковъ и тѣмъ помогъ свѣтской литературѣ получить, наконецъ, права гражданства. Его же перу принадлежали первыя разыгранныя въ Москвѣ пьесы. — Еще при царѣ Михаилѣ по требованію духовенства всѣ иностранцы были поселены за городомъ у р. Кокуй. Нѣмецкая слобода при Алексѣѣ Михайловичѣ обратилась въ населенный и очень оживленный городокъ. Правда, и взрослые, и ребята часто не могли спокойно видѣть проходящаго по улицѣ иностранца, гримасничали и кричали ему; „на Кокуй, на Кокуй“; но примѣръ обитателей слободы дѣлалъ свое дѣло. Образованные и даже просто знающіе ремесленники нѣмцы заинтересовали москвичей; бояре, дворянство и дьяки сводили съ ними знакомство и бесѣдовали объ Европѣ. Люди начитанные выписывали черезъ нихъ книги, состоятельные — мебель, картины, зеркала, музыкальные инструменты. Видѣли въ слободѣ и театральныя представленія: спектакли пріѣхавшей изъ Германіи труппы поразили московскихъ знакомцевъ. Бояринъ Матвѣевъ, послѣдній вліятельный другъ царя Алексѣя, доложилъ ему о театрѣ. Освѣдомились у патріарха, у Полоцкаго, не грѣхъ ли для православныхъ подобное развлеченіе? Патріархъ отвѣтилъ, что греческіе императоры имѣли при дворѣ театры, слѣдовательно въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго для православія. Полоцкій настаивалъ на пользѣ такихъ зрѣлищъ и взялся написать пьесу. По указаніямъ директора нѣмецкой труппы, ее разучили молодые придворные и подъячіе и разыграли передъ царской семьей, и просвѣтительныя зрѣлища привились въ Москвѣ. Число иностранныхъ учителей такъ увеличивалось, что патріархи начали негодовать и требовали надъ ними особаго надзора.

Со временъ патріарха Филарета не прекращались толки о необходимости создать школу на подобіе малороссійскихъ. Были попытки создать нѣчто вродѣ образовательной коллегіи при Чудовомъ монастырѣ, гдѣ жили справщики богослужебныхъ книгъ. Въ другомъ монастырѣ Полоцкій обучалъ молодыхъ подъячихъ; но все это были частные кружки. Духовенство такъ боялось вліянія западныхъ католическихъ программъ, что не могло рѣшиться ни на одинъ типъ школы, пока правительство не взяло дѣло въ свои руки. Софья рѣшила, наконецъ, открыть въ Москвѣ школу по программѣ Могилянской коллегіи съ учителями изъ кіевскихъ ученыхъ, но не рѣшилась бороться съ патріархомъ Іоакимомъ, который называлъ кіевлянъ латинистами и католиками. Онъ довѣрилъ школу грекамъ съ Аѳона, братьямъ Лихудамъ, получившимъ отъ константинопольскаго патріарха особый аттестатъ въ чистотѣ ихъ православныхъ убѣжденій. Московскій уставъ славяно-греко-латинской академіи поручалъ ея представителямъ наблюдать за чистотой православной вѣры въ Россіи; ея учителя обязывались производить экзамены пріѣзжавшимъ въ Россію

иностранцамъ, послѣ чего они могли поступать на русскую службу. Уставъ строго внушалъ русскимъ людямъ отдавать дѣтей на обученіе въ это православное училище, запрещая держать въ домахъ учителей иностранцевъ. Неученые люди лишались права вести споры о вѣрѣ и имѣть книги, содержащія иновѣрческія ученія. — Этимъ уставомъ духовенство стремилось оградить національную церковь отъ всякаго иноземнаго вліянія. — Первые годы училище пошло хорошо; учениковъ являлось много (болѣе 300 чел.). Лихуды оказались очень знающими людьми и прекрасными учителями. Отсутствіе учебныхъ книгъ въ Россіи заставило ихъ приступить къ огромному труду составленія всѣхъ необходимыхъ для программы учебниковъ. Но и они не могли всѣмъ угодить: изъ Греціи прислали на нихъ доносъ; почтенныхъ ученыхъ отставили отъ школы, замѣнивъ ихъ ихъ же учениками. Въ этомъ положеніи застали школу реформы Петра.

Начинали русскіе смѣлѣе интересоваться свѣтскимъ чтеніемъ. Въ XVII в. въ подражаніе иностраннымъ образцамъ неизвѣстные авторы стали складывать русскія повѣсти. Изъ нихъ особенно извѣстны три, и всѣ три очень не лестно рисуютъ русскую жизнь. Первая — повѣсть о „Горѣ-Злосчастьи" описываетъ бѣдствія купеческаго сына, строго воспитаннаго своими родителями. Отправился онъ въ торговое путешествіе, забылъ родительскія наставленія, пилъ, кутилъ съ первыми встрѣчными и прожилъ отцовскія деньги. Боясь родителей, пошелъ онъ по свѣту, а за нимъ неотступно по пятамъ слѣдовало „Горе", пока не скрылся блудный сынъ въ монастырѣ; передъ его стѣнами преслѣдованія прекратились. Въ томъ же родѣ повѣсть „о Саввѣ Грудцынѣ". Савва, купеческій сынъ, тоже прокучиваетъ деньги и товаръ; отъ страха и горя онъ сходится съ чортомъ въ образѣ человѣческомъ и письменно отдаетъ ему свою душу. Послѣ долгихъ странствій Савва заболѣлъ. Во снѣ явилась ему Богоматерь и приказала постричься, чтобы избавиться отъ дьявола. Во время постриженія изъ купола церкви упала запись Саввы, но уже чистымъ листомъ бумаги.—Русскій человѣкъ является въ повѣстяхъ совершенно безпомощнымъ передъ соблазнами и грѣхомъ. Пока старшіе держатъ его въ строгости, онъ хорошъ и честенъ. Какъ остался одинъ, лицомъ къ лицу съ жизнью, нѣтъ у него ни воли, ни характера; не способенъ онъ бороться съ ея вредными сторонами. Но авторы винятъ не его, а злое начало самой жизни въ символическихъ образахъ Горя, чорта, и не ищутъ спасенія въ самомъ человѣкѣ, а во внѣшней преградѣ злу — стѣнѣ монастырской, которая оградитъ бѣдняковъ отъ жизни. — Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе оставляетъ „Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ". Изворотливый дворянинъ Скобѣевъ никогда не разбиралъ средствъ, чтобы нажиться и возвыситься, и достигъ извѣстности этой удалью. Подкупомъ и ловкостью онъ соблазняетъ единственную дочь знатнаго боярина. Обманомъ увозитъ ее вѣнчаться, припутавъ въ дѣло другихъ важныхъ лицъ, чтобы тѣ, хоть ради себя, скрыли его продѣлки. Обманомъ Фролъ устраиваетъ примиреніе съ родителями. Безшабашная наглость Фрола доводитъ до умиленія тестя боярина, который публично обзываетъ его плутомъ, воромъ, но награждаетъ, угощаетъ и принимаетъ въ семью. — Оба купчика все-таки боятся грѣха, кары отъ злосчастья, отъ чорта, и спасаются вѣрой. Дворянинъ Скобѣевъ точно не слыхивалъ о грѣхѣ и не боится

даже чорта; для него все хорошо, что кончается удачей; и всѣ радуются на него, находя, что онъ молодецъ и правъ. Такое отсутствіе нравственныхъ устоевъ въ представителяхъ служилаго класса, охотно подчинившагося реформамъ Петра Великаго, объясняетъ много тяжелыхъ явленій въ новой преобразованной Руси. Люди, подобно Скобѣеву, равнодушные къ правдѣ и кривдѣ, на все готовы, ничѣмъ не будутъ стѣсняться и на всякой службѣ сумѣютъ выиграть и поживиться.

Самымъ смѣлымъ сторонникомъ необходимости преобразованій и сближенія съ Европой былъ начальникъ посольскаго приказа, Ордынъ-Нащокинъ; онъ возвысился службой въ приказахъ, талантомъ, политическимъ умомъ, научился латинскому и нѣмецкому языку. Служа воеводой во Псковѣ въ тяжелые годы бунтовъ и польской войны, онъ пытался ввести городское самоуправленіе, чтобы поднять промышленную жизнь, устраивалъ торговыя компаніи, хлопоталъ о вольной торговлѣ виномъ; чтобы улучшить денежныя сношенія съ другими государствами, онъ завелъ переводы векселей. Нащокинъ первый положилъ начало почтовымъ сношеніямъ съ Польшей и Ливоніей. Онъ считалъ необходимымъ полную реформу военной службы; постоянно выражалъ негодованіе на жестокости русскихъ войскъ въ западномъ краѣ. Это былъ предшественникъ эпохи преобразованій, сознательно подготовлявшій ее. Печально прервалась его дѣятельность: его сынъ, получившій образованіе у иноземцевъ, бѣжалъ за границу и по возвращеніи жилъ въ заключеніи. Это горе и возвышеніе новаго любимца царя, Матвѣева, побудили замѣчательнаго дѣятеля уйти въ монастырь. Другіе современники были неизмѣримо ниже его по способностямъ. Послѣдній изъ ряда друзей царя, бояринъ Матвѣевъ, пріучалъ русскихъ къ обычаямъ общественной жизни запада: женщины его семьи были свободны отъ терема и сидѣли въ обществѣ мужчинъ; домъ его былъ убранъ по-европейски: гости развлекались театромъ и музыкой. Самъ онъ былъ популяренъ своей участливой обходительностью. Князь Василій Голицынъ проводилъ много времени съ образованнѣйшими представителями нѣмецкой слободы, выписывалъ лучшія книги по исторіи, по исторіи государственныхъ учрежденій, церкви, по богословію. Голицынъ прекрасно видѣлъ неурядицы въ русской администраціи и народную тяготу. Онъ оставилъ очень стройный планъ преобразованія Россіи, въ основѣ котораго лежало освобожденіе крѣпостныхъ и выкупъ крестьянами земельныхъ надѣловъ. Отличался онъ и вѣротерпимостью. Къ нему обращались католики, добиваясь разрѣшенія построить себѣ церковь въ нѣмецкой слободѣ. Но князь по натурѣ былъ созерцатель и любитель широкихъ плановъ, а не человѣкъ личной иниціативы и практическаго дѣла, и остался только однимъ изъ подготовителей культурнаго движенія.

XXII.

Внутреннее состояніе московскаго государства къ концу XVII-го вѣка. Верховная власть и администрація.

Бури смутнаго времени такъ и не могли вполнѣ успокоиться въ теченіе десятилѣтій; измѣнилось многое въ самомъ населеніи; мѣнялось его

отношеніе къ политическимъ событіямъ, къ властямъ, къ общественнымъ явленіямъ внутри родины. Народъ сталъ живѣй, нервнѣй и отзывчивѣй; но подавленный быстро растущими государственными потребностями, не поспѣвалъ за ними и пугливо замыкался въ свои интересы, враждебно сторонясь отъ чужихъ обществъ, отъ другихъ слоевъ съ ихъ иными чужыми, опасными интересами. Экономическій гнетъ вызывалъ протесты въ промысловомъ населеніи, соціальный—въ крестьянствѣ.

Во время польской войны изобрѣтались крайнія средства, чтобы добывать хоть денежные знаки. Въ 1656 г. уже не хватило средствѣ на жалованье войску. Выпустили мѣдныя монеты, приказавъ ихъ считать въ одной цѣнѣ съ серебряными. Года два ихъ такъ и принимали; но непомѣрныя злоупотребленія приказныхъ испортили дѣло. Царскій тесть Милославскій, его свойственники и ловкіе люди подкупомъ заставляли чеканить для себя на тысячи рублей мѣдяковъ и пускали ихъ въ оборотъ. Мѣдной монеты оказалось такъ много сравнительно съ серебряной, что она упала въ цѣнѣ; въ 1662 г. за серебряный рубль давали 12 мѣдныхъ. Настала страшная дороговизна. Въ Малороссіи совсѣмъ не брали русскихъ мѣдныхъ денегъ. Появилось много фальшивой монеты. Виновныхъ искали и строго наказывали, но многіе откупались взятками. Въ Москвѣ опять вспыхнулъ бунтъ, отозвавшійся въ другихъ городахъ. Погибло до 7-ми тысячъ человѣкъ; народъ заставилъ казнить множество фальшивыхъ монетчиковъ. Все это побудило отказаться отъ мѣдныхъ знаковъ и снова считать на серебро; тогда промышленники нѣсколько успокоились. Зато крестьянское разореніе отразилось на успѣхѣ бунта казака Разина, разразившагося тотчасъ послѣ польскаго замиренія 1667-го года.

Послѣ изданія „Уложенія", которое закрѣпило положеніе сословій и лишило крестьянъ остатковъ свободы, уходъ въ казаки только усилился. Правительство не допускало бѣглыхъ въ Малороссію; они бѣжали на Донъ, гдѣ скопилось множество „голутвенныхъ" людей. Между тѣмъ добывать средства набѣгами на сосѣдей-иновѣрцевъ стало затруднительно.— Польша и Турція заняли устья Днѣпра и Дона. Укрѣплявшіяся государства, соперничая между собой, замыкали между своими владѣніями бродячія толпы вольницы. Донцамъ открывалась дорога только къ Волгѣ и Каспійскому морю, гдѣ приходилось громить русскія владѣнія. Такъ и сдѣлалъ Стенька Разинъ. Со множествомъ голытьбы онъ отдѣлился отъ состоятельныхъ казаковъ и сперва грабилъ ихъ, потомъ перешелъ на Волгу. Своими громкими подвигами тамъ онъ поразилъ народное воображеніе; про него складывали былины; легенды рисовали его чародѣемъ, котораго и пули не берутъ. Воеводы приволжскихъ городовъ дѣйствовали нерѣшительно, боясь, что команды перейдутъ къ удальцу. Съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ Разинъ пустился на Каспійское море и разграбилъ все Кавказское попережье съ г. Дербентомъ. Высланный противъ него персидскій флотъ Разинъ разбилъ. Съ богатѣйшей добычей казаки вернулись въ Астрахань, принесли повинную государю и были прощены, а сами кружили головы населенію своимъ богатствомъ и разгуломъ. Являлся Разинъ и на Донъ на зло атаманамъ и правительственнымъ казакамъ щегольнуть вольностью и богатствомъ.

Съ 1670 г. онъ опять воевалъ по Волгѣ. Взявъ Царицынъ, Разинъ объявилъ, что идетъ истреблять бояръ; на словахъ онъ признавалъ власть

царскую, на дѣлѣ совершенно подрывалъ вліяніе правительства, выставляя разныхъ самозванцевъ. Отряды его разбрелись по берегамъ Волги, всюду приглашая крѣпостныхъ бить помѣщиковъ и идти въ казаки. Истребляя правителей, Разинъ устраивалъ по городамъ и уѣздамъ казацкое управленіе съ кругомъ и выборными властями. Крестьяне поднимались тысячами, избивали, жгли, грабили и шли навстрѣчу казакамъ. За Волгой заволновались башкиры и др. инородцы. Народной бунтъ разлился широкой волной по всей восточной Руси и бушевалъ около 2-хъ лѣтъ. Отряды Разина доходили до Нижняго Новгорода, захватили Темниковъ и Тамбовъ. Призывы къ возстанію противъ правителей и помѣщиковъ возбуждали броженіе и толки въ Москвѣ, когда воеводѣ Барятинскому удалось разбить самого Разина у Симбирска. Тогда Разинъ покинулъ увлеченныхъ крестьянъ и сталъ отступать на Донъ. Воеводы воспользовались его уходомъ для кровавой расправы съ мятежнымъ населеніемъ; людей истребляли цѣлыми селеніями безъ разбора и пощады. Въ каждомъ городѣ сотни устроителей казачьихъ круговъ обезглавливались, лишались рукъ и ногъ и т. д. Къ январю 1671 г. восточная окраина стихла цѣной полнаго запустѣнія. На Дону вѣрные правительству казаки сами захватили Разина и выдали московскимъ воеводамъ. Его торжественно казнили въ Москвѣ. Но въ Астрахани и кое-гдѣ у Волги долго держались шайки богатыря-разбойника. Возстаніе было бурно и грозно, но не принесло никакой пользы низшему классу. Ни у казаковъ, ни у крестьянъ не было опредѣленнаго плана дѣйствій на случай побѣды. Истребивъ притѣснителей, они сами не знали, что дѣлать со своей свободой, какъ укрѣпить ее за собой. Бунтъ создался неудержимымъ порывомъ слишкомъ подавленныхъ жизненныхъ силъ. „Хоть день, да мой".— слышалось въ буйной удали, съ какой пользовались часами свободы, не думая о судьбахъ завтрашняго дня. Какъ ни плохо обезпечивали государственный порядокъ, но онъ все-таки былъ порядокъ, и жестоко справился съ опоэтизированнымъ народными пѣснями Разинымъ.

Среди гула мятежей, религіозной борьбы и умственнаго броженія, Россія вступала въ новый періодъ своей исторіи.

Къ концу XVII в. Россія или, вѣрнѣе, Московское государство представляло громадную уже территорію, главная масса которой занимала пустынныя пространства Азіи и бассейна Ледовитаго океана. Главныя центральныя части его какъ-то безпомощно замыкались въ серединѣ восточно-европейской равнины, отрѣзанныя отъ морей широкими полосами непріятельскихъ владѣній. Успѣхъ казацкихъ набѣговъ у азовскихъ береговъ еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ указалъ, что самый слабый пунктъ у Черноморья—турецкая крѣпость Азовъ. Пріобрѣтеніе восточной половины Малороссіи сосредоточило все вниманіе правительства на южной окраинѣ, на борьбѣ съ Турціей и Крымомъ, и эту политику наслѣдовалъ Петръ I, который не сразу додумался до рѣшительнаго наступленія къ балтійскимъ берегамъ, такъ внушительны были военныя силы Швеціи.

Административное устройство страны какъ-бы стремилось исправить расплывчитость и безформенность территоріи и по крайней мѣрѣ властью и надзоромъ связать въ одно цѣлое разбросанное населеніе. Во главѣ его стоялъ самодержавный государь, источникъ всякой власти—законодательной, судебной и исполнительной (т.-е. правящей и наблюдающей;

онъ же постановленіемъ церковнаго собора 1666—7 г.г. верховный покровитель православной церкви. Самодержавная власть росла вмѣстѣ съ силой государственной администраціи, которая забирала въ руки понемногу всѣ виды дѣятельности населенія. Ни одно законоположеніе еще не опредѣляло власти государя, но она было освящена церковью и обычаемъ, и царь почитался хозяиномъ и верховнымъ повелителемъ всего въ государствѣ. Онъ—владѣтель огромныхъ земель; онъ—первый купецъ, который отбираетъ лучшіе товары русскіе и иностранные для своего хозяйства и для казны. Въ концѣ XVII в. до ²/₃ всей иностранной торговли зависѣли отъ казны, служили ея интересамъ. Большой процентъ средствъ, собираемыхъ съ населенія шелъ на содержаніе царскаго двора, управленіе которымъ еще смѣшивалось съ общей администраціей страны.

Первый царь второй династіи возведенъ на престолъ всенароднымъ избраніемъ, давалъ записку боярамъ признавать ихъ преимущества и привилегіи; то былъ земскій царь, постоянно сносившійся съ выборными земскихъ соборовъ. Сынъ его, повидимому, не давалъ никакихъ записей, но въ началѣ царствованія все-таки созывалъ соборы и давалъ большую силу ихъ голосу. Однако именно во второй половинѣ XVII в. самодержавіе въ лицѣ царя Алексѣя окончательно утвердилось; соборы исчезли; дума сдѣлалась собраніемъ важныхъ заслуженныхъ лицъ, но не представителей знати. Неограниченная власть укрѣпилась на силѣ служилаго сословія и на довольно сложномъ механизмѣ приказной и воеводской администраціи, всѣ нити которой сплетались въ центрѣ, въ московскомъ Кремлѣ. Здѣсь бывало сильно, всемогуще все, что стояло близко къ государю и его семьѣ. Съ новой династіей начинается сила родныхъ и фаворитовъ; ея источникомъ являлись царскіе браки,

Еще Софіей Палеологъ былъ перенесенъ въ Москву византійскій обычай избранія невѣстъ для членовъ царской семьи. Передъ царемъ, въ силу божественнаго происхожденія его власти всѣ одинаково низки; и бояринъ, и нищій равны передъ нимъ; возвысить же онъ можетъ всякаго, кого пожелаетъ. Поэтому, если не имѣлось въ виду брака изъ политическихъ соображеній, приказывали намѣстникамъ или воеводамъ переписать по областямъ всѣхъ красивѣйшихъ дѣвицъ и прислать въ Москву къ опредѣленному сроку. Являлось отъ 600 до 1500 красавицъ. Сперва женщины царской семьи разсматривали ихъ по группамъ, потомъ самъ женихъ. Менѣе красивыхъ отпускали съ подарками на родину. Окончательный выборъ посредствомъ передачи кольца и платка совершался изъ 12—25 кандидатокъ. Глава церкви, читалъ надъ избранницей молитвы, нарекая ее царевной. Иногда, въ знакъ перехода въ иное высшее званіе, невѣстѣ мѣняли имя, какъ монахинѣ. Царскій выборъ, благословеніе церкви дѣлали женщину изъ незнатной, даже совсѣмъ бѣдной семьи, равной царскому роду. Сынъ Ивана III, Василій, первый избралъ себѣ невѣсту по этому обряду.

Родня царицы обыкновенно выходила въ чины, получала вліяніе при дворѣ. Родство помогло возвышенію Романовыхъ и Годунову. Но при дворѣ XVII в. родные и приближенные первенствовали, какъ никогда ранѣе. Стрѣшневы, Морозовы, Милославскіе, Нарышкины со всѣми присными наводняли Москву, внося тучи интригъ, ссоръ и раздоровъ. Даже при Петрѣ и послѣ него близкіе родные, хотя и неспособные адми-

нистраторы, оказывали своей вѣрностью большія интимныя услуги носителямъ власти.

Земскіе соборы первой половины XVII в. сыграли огромную роль въ установленіи хозяйственнаго механизма, бѣднаго средствами государства, въ развитіи законодательства, въ распредѣленіи повинностей. Въ составъ соборовъ входили настоящіе выборные, дѣйствительно уполномоченные мѣстными группами населенія; среди нихъ встрѣчались и имена крестьянъ, но главную массу все-таки доставляли представители служилаго и городского класса. На соборѣ 1642 г. кромѣ чиновъ Думы, приказовъ и высшаго духовенства, засѣдало 192 выборныхъ, а въ 1648, когда обсуждалось уложеніе—290 выборныхъ. Соборы созывались часто, засѣдали подолгу, участвовали въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики; а когда не было въ странѣ государя, они сами издавали указы, избирали носителя власти; при государѣ они поддерживали его власть и ея законодательную силу. Никогда не боролись соборы со всеобъемлющимъ авторитетомъ царской власти. Обыкновенно отъ нихъ требовали отвѣтовъ на вопросы, затруднявшіе правительство. Но часто, въ формѣ униженныхъ челобитій члены соборовъ сами ставили и разрѣшали вопросы. Засѣданія велись различно; то выборные разбивались на 3, 4 группы, имѣя опытнаго дьяка руководителя и секретаря, то засѣдая сообща; иныя группы удостаивались засѣданій съ боярами. Такія временныя учрежденія могли возникнуть только въ государствѣ съ патріархальнымъ строемъ, гдѣ все безмолвно совершается по набожно чтимымъ обычаямъ. Соборы возникли внезапно, когда сѣверо-восточная Русь объединилась вокругъ одного центра, и черезъ 100 лѣтъ съ небольшимъ исчезли, когда была присоединена чуждая московскимъ обычаямъ Малороссія: государство окрѣпло и начало настойчиво пробиваться къ южному и западному морямъ. Сама государственная власть во 2-й половинѣ XVII-го в. стала утрачивать свой патріархальный характеръ и переходить понемногу къ полицейскому строю западныхъ монархій, и совѣты земскихъ соборовъ сдѣлались ей ненужными и нежелательными. Эти сотрудники верховной администраціи работали скромно и тихо, и также скромно исчезли, когда ихъ перестали требовать въ Москву. Почему? Въ отвѣтахъ на соборѣ 1642 г. напр., ясно слышится недовольство государственными порядками; торговые люди и низшіе жаловались на повинности, которыя всею тяжестью ложатся на низшіе и промышленные классы; промышленники корятъ служилое дворянство за пользованіе большими землями, всѣ вмѣстѣ бранятъ духовенство, которое только копитъ казну. Помѣстное дворянство злобствуетъ на московскихъ дьяковъ, богатѣющихъ „мздоимствомъ многимъ".—„Разорены мы пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ московскою волокитою и отъ неправды и отъ неправедныхъ судовъ". Всѣ недовольны, но всѣ неохотно собираются въ Москву на соборы, видя въ нихъ тяжкую повинность съ проживаньемъ средствъ вдали отъ дома, а не право гражданина, земскаго человѣка. Самая рознь сословій явилась одной изъ причинъ, почему выборнымъ трудно стало столковываться и они стали еще холоднѣй къ совѣщаніямъ.

Значительная часть (болѣе 80%) крестьянства подверглась закрѣпощенію при участіи самихъ соборовъ, и голосъ сельскаго люда уже замолкъ ко времени Уложенія. Служилое дворянство обезпечилось зем-

лями и крестьянами, и не видѣло надобности въ земскихъ соборахъ для совѣщанія съ правительствомъ; по службѣ же оно и такъ чувствовало себя главной опорой верховной власти, правящимъ классомъ; его представителей и такъ призывали на совѣщанія по специальнымъ дѣламъ. Только городское сословіе, *среднее* или *третье*, какъ говорили на западѣ, дольше другихъ стремилось поддержать сношенія правительства съ земскими представителями. Во время мятежа и денежныхъ затрудненій 1662 г. московскіе гости и торговцы разныхъ сотенъ предлагали созвать соборъ; но ихъ однихъ правительство не слушало. Русскія сословія сообща помогли государству выйти изъ бѣдствій смуты и укрѣпиться центральной неограниченной власти; сами же, распредѣливъ между собой роли, оказались рѣзко, даже враждебно обособленными другъ отъ друга; потребность въ правѣ голоса, какъ принадлежности гражданина была тогда недоступна пониманію, и голосъ земскаго собора умолкъ. Самодержавіе осуществилось.

Попрежнему постояннымъ совѣтомъ при государѣ была дума, но во 2-й половинѣ XVII в. ее уже трудно назвать боярской; со временъ Грознаго цѣлые роды князей и бояръ повымерли, многіе обѣднѣли и измельчали; зато много мелкихъ дворянъ и дьяковъ выслугой достигли высшихъ думныхъ чиновъ. Весь правящій классъ въ Москвѣ сталъ пораздо смѣшаннѣе, демократичнѣе. Дума попрежнему занималась всѣми сторонами государственной жизни; по старому она работала медленно, рѣшала дѣла частью по „Уложенію", частью руководствуясь обычаями и обстоятельствами. Главной пружиной въ ея дѣловой механикѣ были дьяки, дѣлавшіе на всякой грамотѣ свои помѣты, съ которыми они и докладывали дѣла; при рѣшеніяхъ этими помѣтами и руководствовались. Усложненіе администраціи обратило думскихъ людей въ высшихъ чиновниковъ, правившихъ приказами.

Въ эту пору отъ думы зависѣло отъ 40 до 50-ти приказовъ, возникавшихъ смотря по надобности для тѣхъ или иныхъ дѣлъ или для управленія какою-нибудь областью. Дѣла распредѣлялись между ними безъ всякой системы. Одни приказы устраивались прочно и дѣйствовали подолгу, другіе существовали только временно, закрываясь по прекращеніи своего основного дѣла. Московское правительство руководствовалось только практическими соображеніями. Одни приказы, какъ посольскій, сибирскій, малороссійскій, разрядный, были завалены важными дѣлами и управлялись главными боярами; другіе завѣдывали второстепенными отраслями администраціи и по два, по три вмѣстѣ имѣли одного начальника; иные приказы были тѣсно связаны съ думой, представляя родъ ея канцеляріи по сборамъ и храненію денегъ; ими управляли думные дьяки. Одно время при Алексѣѣ Михайловичѣ получилъ первостепенное значеніе приказъ тайныхъ дѣлъ, гдѣ служили только довѣренный дьякъ съ подъячими; отсюда наблюдали за дѣятельностью бояръ, думныхъ чиновъ и всей администраціи. Подъячіе отправлялись съ послами за границу, съ воеводами на войну, чтобы слѣдить за ихъ дѣятельностью и доносить государю; поэтому послы старались подкупать ихъ и располагать въ свою пользу. Въ этомъ же приказѣ производили разслѣдованіе по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, какъ дѣло Никона. Онъ былъ закрытъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

Вообще вокругъ государя и думы все очень легко измѣнялось. Все дѣлалось посредствомъ личныхъ порученій; значеніе приказа сообразовалось съ лицомъ, кому онъ поручался: если бояринъ силенъ при дворѣ, въ его приказѣ сосредоточивались важнѣйшія дѣла, или ему поручалась цѣлая группа приказовъ. Служебной іерархіи еще не было: не было установлено, какая отрасль управленія должна подчиняться другой. Ни правители, ни народъ не знали разницы между начальникомъ и судьей. На всякой службѣ на первомъ мѣстѣ стояли хозяйственныя дѣла. Дьяки въ приказахъ, не стѣсняясь, раздѣляли и соединяли области и группы дѣлъ такъ, какъ имъ было доходнѣй и удобнѣй.

Дума назначала въ города своихъ агентовъ—воеводъ, для управленія ими и ихъ уѣздами. Власть воеводъ очень выросла въ XVII в.; имъ подчинялись всѣ мѣстные выборные,—губные и земскіе старосты и всѣ сборщики. Всѣ они работали исключительно въ интересахъ казны, а вовсе не для блага мѣстнаго населенія. Всюду самоуправленіе сократилось и усиливалась власть правительства. Воеводы городовъ завѣдывали и военнымъ дѣломъ, часто во время войнъ обращаясь въ полковыхъ воеводъ. Объемъ власти опредѣляли въ *наказѣ*, который давался каждому воеводѣ. Смотря по лицу и по городу, давали больше и меньше власти одному сильному воеводѣ позволяли судить спорныя дѣла выше 1000 р., назначать самостоятельно казни; другіе должны были по всѣмъ дѣламъ поважнѣе отсылать въ Москву, и такихъ дѣлъ по Уложенію было много. По массѣ дѣлъ судящіеся подвергались многіе годы знаменитой „московской волокитѣ“, хожденіямъ изъ приказа въ приказъ, отъ дьяка къ дьяку. Хотя кормленіе давно отмѣнили, и всѣ доходы собирались для казны, но всѣ знали, что правители не станутъ забывать себя и возьмутъ свое съ населенія; поэтому въ думѣ имѣлись вѣдомости о доходности городовъ, и назначаемый воевода вносилъ думнымъ служащимъ, что полагалось за получаемое мѣсто. Дума не могла контролировать воеводъ и ограничивала ихъ самоуправство частыми смѣнами, чтобы не разживались на одномъ мѣстѣ и готовились ко сдачѣ дѣлъ преемнику черезъ $1^1/_2$—2 г. Только въ отдаленные сибирскіе города посылали на 3 года ради дальнихъ разстояній. Зато съ сибирскими воеводами не церемонились, зная, какъ легко богатѣть на счетъ инородцевъ. На границѣ Сибири въ таможняхъ пристава имѣли списки вещей и имуществъ, какія воеводамъ позволяли провозить въ Россію, и если у кого оказывалось больше положеннаго, то отбирали въ казну. Мѣстная жизнь была совершенно подчинена военнымъ представителямъ центральнаго правительства, думѣ и приказамъ. Власть государственной, особенно воеводской администраціи крѣпко связывала между собой широко раскинувшіяся части страны. Это была мощная сила, изъ которой выросла современная бюрократія. Уже намѣчена была и новая связь между уѣздами: составились группы уѣздовъ, 4 *четверти*, доходы которыхъ шли непосредственно на содержаніе опредѣленныхъ корпусовъ войска; это помогло Петру впослѣдствіи раздѣлить Россію на губерніи.

Къ концу XVII-го в. правящее и вмѣстѣ съ тѣмъ служилое сословіе получило весьма разнообразный составъ. На верхахъ администраціи сидѣли кн. Голицыны, Одоевскіе, Шереметевы и др. рядомъ съ разбогатѣвшими дѣтьми дьяковъ, какъ Матвѣевъ, царскими родичами, какъ На-

рышкины, Апраксины; московскіе и городовые дворяне наполняли полки русской арміи, а низы сословія терялись среди мелкихъ уѣздныхъ чиновъ, засѣчныхъ и другихъ головъ и прикащиковъ, мелкопомѣстныхъ и однодворцевъ украйны, которые сами пахали и на татаръ ходили. Общее между ними,—что они всѣ служили по „приказу", а не по набору, какъ *тяглые*, податные люди: всѣми ими начальствовалъ тотъ же разрядный приказъ. Всѣ они получали землю за службу по особымъ грамотамъ: землевладѣніе было уже отчасти ихъ привилегіей. Правительство такъ дорожило этимъ сословіемъ, что даже въ низшихъ чинахъ охотно награждало вотчинами и спокойно смотрѣло, какъ тотъ и другой видъ землевладѣнія смѣшивался на практикѣ; помѣстья мѣняли, даже продавали почти не скрываясь. Денежное жалованье быстро росло въ XVII в.: только платили его неаккуратно. Общій интересъ служилыхъ людей—получить какъ можно больше земли, закрѣпить за собой побольше крестьянъ и кабальныхъ людей. Средства были необходимы, чтобы удержаться въ этомъ сословіи. Бѣднѣя, служилый человѣкъ часто бѣжалъ отъ службы въ вольные казаки, поступалъ закладникомъ на службу монастырю или боярину, просто на время терялся среди вольныхъ людей. Роспись ратнымъ людямъ 1681 г. показываетъ, что съ 1631 г. численность арміи выросла въ $2^1/_2$ раза. Всего съ казаками, не считая малорусскихъ 50-ти тысячъ, было налицо 164 т., изъ нихъ всего 13 тыс. стараго помѣстнаго ополченія. Расходы на армію съ 3-хъ милл. на наши деньги выросли до 10 милл.

Рядомъ съ этимъ дворянствомъ, еще не сформировавшимся, работали „худородные" чины, дьяки и подъячіе. При отсутствіи точныхъ законодательныхъ порядковъ все старинное дѣлопроизводство создавалось практикой, навыками, дьяки, проводившіе жизнь при судахъ и приказахъ, оказались единственными хранителями этихъ навыковъ; безъ ихъ участія дѣлопроизводство было немыслимо, и дьяки, несмотря на низкое происхожденіе, крѣпко вросли въ ранги приказной службы. При стараніи и удачѣ дьякъ могъ выслужиться въ думные чины, въ стряпчаго и дворянина; снизу, въ число подъячихъ постоянно вступали грамотные дѣти духовенства, посадскихъ, иногда даже свободныхъ крестьянъ.

Среди духовенства, тоже замыкавшагося въ сословіе, господствовала тяжелая неурядица. Образовательнаго ценза для его представителей не существовало, и потому въ его среду стремились убѣгавшіе отъ податной и служебной тяготы. Отцы церковники торопились записывать неграмотныхъ сыновей въ духовные чины. Клиръ переполнился праздной, ожидающей мѣстъ толпой и сталъ громаденъ числомъ. На 12, 15 крестьянскихъ дворовъ являлось 2 священника, подкупавшіе прихожанъ, чтобы числиться при церкви; а не приписанные священники выходили на городскіе перекрестки и тамъ набивались служить за нѣсколько грошей. Худшіе кандидаты скорѣе добивались мѣстъ и окончательно подчинялись мірскому начальству. Въ вотчинѣ одного изъ Нарышкиныхъ служилъ священникомъ его же крѣпостной крестьянинъ.

Бѣлое духовенство жило крайне бѣдно; монашествующее владѣло богатствами. Но въ его средѣ уже сказывалось культурное вліяніе малороссовъ изъ южныхъ школъ, ожидавшихъ только разрѣшенія власти для неотложныхъ реформъ въ духовномъ вѣдомствѣ.

Что касается городского сословія, то наверху его выдѣлялся немногочисленный классъ *гостей*, капиталистовъ, торговавшихъ по всей Россіи; то были старые союзники московскаго правительства и его завоевательной политики, и потому давно освобожденные отъ повинностей мѣстныхъ посадскихъ обществъ; какъ привилегированные представители торговаго класса государства, они состояли въ посольствахъ, исполняли важныя финансовыя порученія, призывались на совѣщанія по финансовымъ вопросамъ; они даже могли имѣть вотчины.—Высшій слой мѣстнаго купечества большихъ городовъ, *гостинная* сотня, тоже избавлялся отъ повинностей посадской общины. Только купцы *суконной* сотни являлись собственно мѣстной аристократіей, первенствуя въ общинѣ; за ними шли рядовые торговцы *черныхъ* сотенъ, на которыхъ ложилась вся тяжесть службъ и повинностей.

Выборная, *вѣрная* служба казнѣ занимала одновременно треть и болѣе членовъ общины. Казенная винная торговля, сборы съ лавокъ, съ мостовъ, внутреннихъ заставъ и таможенъ, которыхъ было очень много, вѣсовъ базарной площади и т. д. требовали присяжныхъ людей. Посады давали ихъ даромъ, отрывая на годъ и болѣе отъ хозяйства. Въ концѣ XVII в. развивая воеводскую администрацію, правительство не довѣряло ей, и очень охотно передало въ руки *вѣрныхъ* посадскихъ всѣ сборы въ уѣздахъ, съ прямыми податями включительно; тутъ въ помощь имъ являлись выборные отъ уѣздныхъ людей. Посадскіе стали своего рода служилыми, выполняя финансовыя порученія не только въ своемъ уѣздѣ, но командировались и въ другіе города, гдѣ не хватало народа для службы, что для многихъ тяглецовъ оказывалось совсѣмъ невыносимымъ.

Что касается торговли, то ея положеніе замѣтно улучшилось въ XVII в. Иностранцы были лишены своихъ прежнихъ привилегій, и иностранная торговля стала переходить въ руки „гостей“, т.-е. русскихъ скупщиковъ-капиталистовъ. Торговый уставъ царя Алексѣя упростилъ сборъ таможенныхъ пошлинъ, что много помогло торговому дѣлу. Торговля съ иностранцами велась, главнымъ образомъ, черезъ Бѣлое море. Но въ XVII в. начинаетъ понемногу оживляться торговое движеніе старымъ западнымъ путемъ черезъ Новгородъ: иностранные корабли снова появляются у Финскаго залива. Изъ подробнаго подсчета провозимыхъ товаровъ историки дѣлаютъ любопытное заключеніе, что въ XVI в. въ Россіи пріобрѣтали, главнымъ образомъ, издѣлія восточныхъ народовъ, доставляемыя черезъ Каспійское море; въ XVII в. издѣлія западной Европы начинаютъ вытѣснять съ русскихъ рынковъ восточные товары. Теперь сами русскіе купцы получаютъ отъ персидскаго шаха привилегіи на торговлю за Каспійскимъ моремъ и возятъ туда товары, которые покупаютъ у англичанъ и голландцевъ. Такимъ образомъ, торговое сближеніе съ западомъ постепенно подготовляло событія, совершившіяся въ XVIII в.

Выше было указано, что переписью дворовъ 1648—7 гг. всѣ записанные въ ней крестьяне признаны крѣпостными. Въ 1678—9 гг. производилась новая перепись; ея итоги показываютъ, что 57% крестьянскихъ дворовъ принадлежали помѣстному дворянству, 10% боярамъ, 9,3% было дворцовыхъ, 13,3% монастырскихъ, и всего 10,4% приходилось на долю свободнаго населенія посадовъ и черносошныхъ деревень.

Около 1630 г. служилые люди выпросили на соборѣ льготу платить подати съ группы въ 10 крест. дворовъ; если считать, что дворъ обрабатываетъ не менѣе 2 десят. въ одномъ полѣ, то выходила огромная разница: помѣщикъ платилъ съ 20 дес., а позже 30 дес. столько же. сколько черносошный крестьянинъ съ 1 дес. До новой переписи правительство продолжало взыскивать платежи съ пашни, хотя во многихъ мѣстахъ она запустѣла, и населенію по круговой порукѣ приходилось платить за бездоходное угодье; а сами подати росли и виды ихъ были разнообразны. Населеніе упрашивало переложить всѣ платежи на дворъ, видя въ этомъ нѣкоторое облегченіе. Къ 1680 г. всѣ почти прямые налоги соединили въ одну стрѣлецкую подать (на военныя нужды), положивъ на дворъ посадскій и черносошныхъ крестьянъ отъ 80 к. до 2 руб. въ годъ, смотря по зажиточности двора; на дворъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ 10 до 20 коп.; остальное крестьяне выплачивали помѣщикамъ. Не умѣя сговориться въ вопросахъ верховной администраціи, касающихся неограниченной власти, участія земскихъ людей въ законодательствѣ, средніе и высшіе классы хорошо понимали другъ друга, когда дѣло касалось обладанія крестьянами.

XXIII.

Семья царя Алексѣя. Царь Ѳедоръ. Борьба партій. Царевна Софья. Дѣтство Петра.

Среди общаго оживленія въ Москвѣ, борьбы православія съ расколомъ, русской старины съ вліяніемъ запада, богословскихъ споровъ и школьныхъ плановъ, въ 1676 г. скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ оставилъ большую семью: отъ первой жены—2-хъ сыновей, Ѳедора и Ивана, и 6 дочерей, молодую вдову царицу Наталью (изъ рода Нарышкиныхъ, крестницу Матвѣева), съ сыномъ Петромъ и дочерью Натальей. 14-лѣтній Ѳедоръ наслѣдовалъ престолъ; тихій, болѣзненный, онъ не обѣщалъ долгаго царствованія. Но то былъ ученикъ Симеона Полоцкаго; онъ зналъ латинскій языкъ и умѣлъ писать стихи по-польски; первый представитель новаго воспитанія на престолѣ, онъ могъ только содѣйствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ западнаго вліянія. Дворъ тотчасъ раскололся на 2 партіи; одна сплотилась вокругъ сестеръ царя и ихъ родни, Милославскихъ; во главѣ ея стояла царевна Софья. Центромъ другой были Нарышкины съ Матвѣевымъ во главѣ, родня царицы вдовы и ея дѣтей. Царевна немедленно оттѣснила мачиху, пользуясь вліяніемъ на брата. По безсмысленному доносу Матвѣевъ былъ обвиненъ въ чародѣйствѣ и сосланъ въ Пустозерскъ. Царица переселилась съ дѣтьми въ с. Преображенское.

Борьба изъ-за Малороссіи продолжалась и въ это царствованіе, но не съ ослабѣвшей Польшей, а съ Турціей, благодаря Дорошенку, гетману правобережной Украйны. Мечтая объединить Малороссію въ одну самостоятельную страну, послѣдній не могъ помириться съ Андрусовскимъ договоромъ, раздѣлившимъ ее между Москвой и Польшей, и пытался освободиться отъ нихъ, признавъ власть султана. Но подчиненіе

магометанамъ оскорбляло религіозное и національное чувство народа и заставило Польшу сблизиться съ Россіей для борьбы съ усиленіемъ Турціи. Степные походы въ Крымъ были такъ тяжелы и безполезны, что Россія съ радостью заключила перемиріе, оставивъ западную Малороссію за Турціей.

Во время Крымскаго похода мѣстническіе счеты воеводъ принесли столько вреда, что, по совѣту знаменитаго впослѣдствіи Мазепы, рѣшили прекратить лишившійся смысла обычай. Послѣ смутнаго времени число боярскихъ семей очень уменьшилось. Съ воцареніемъ новой династіи изъ боярской семьи, возвышеніемъ новыхъ родовъ и паденіемъ старыхъ споры о мѣстахъ очень запутались. Развитіе приказовъ, появленіе новыхъ чиновъ и должностей, новые порядки военной службы постоянно выдвигали незнатныхъ людей; думные дьяки дослуживались до чина окольничьяго (2-й послѣ боярина); полковники и генералы солдатскихъ и драгунскихъ корпусовъ перебивали власть у знатныхъ воеводъ. Служебныя дѣла становились сложнѣй, требовали быстроты соображенія и точности въ выполненіи, заставляя цѣнить спеціальныя способности и навыки; выслуга силою вещей побѣждала права знати, хотя въ думѣ попрежнему засѣдали князья и много представителей аристократіи. Въ 1682 г. по приговору царя съ этой же думой, собрали маленькій земскій соборъ (скорѣе комиссію), послѣдній въ исторіи этого учрежденія; онъ порѣшилъ уничтожить всѣ мѣстническія книги, всѣ дѣла о боярскихъ спорахъ, хранившіяся въ разрядномъ приказѣ, и этимъ навсегда прекратить претензіи древняго боярства. Государственная власть окончательно побѣдила служебныя привилегіи аристократовъ.

Въ этомъ же году Ѳеодоръ умеръ, не оставивъ потомства. Наслѣдниками престола явились братья его, Иванъ и Петръ; первый больной, полуслѣпой, неспособный къ управленію государствомъ; второй всего 10-ти лѣтъ, но здоровый и бойкій; естественной правительницей являлась царица мать. Дума съ энергичнымъ патріархомъ Іоакимомъ во главѣ рѣшила, что царствовать долженъ Петръ. По прежнимъ порядкамъ слѣдовало бы созвать земскій соборъ, но этого не сдѣлали. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ соборы засѣдали почти непрерывно, работая надъ возобновленіемъ разложившагося во время смуты государства; при царѣ Алексѣѣ правительство окрѣпло и собирало земскихъ людей гораздо рѣже, по особо важнымъ вопросамъ. Съ присоединеніемъ Малороссіи полныхъ соборовъ не созывали. Горсточку чиновъ, отмѣнившихъ мѣстничество, можно скорѣе назвать комиссіей, какъ выражаются теперь. Съ усиленіемъ западнаго вліянія старое учрежденіе точно вымерло. Въ 1682 г. однако оказали вниманіе къ голосу народа, приказали собраться на Кремлевскую площадь „людямъ всякихъ чиновъ“. Патріархъ спросилъ толпу: „кого хотятъ царемъ, царевича Іоанна или Петра?“ „Московскій людъ“ закричалъ: „царевича Петра!“ Были голоса и за Іоанна, но ихъ заглушили. Петръ сталъ царемъ. Матвѣевъ въ это время уже возвращался изъ ссылки. Правительница ждала его, какъ необходимаго руководителя. Едва успѣлъ онъ вернуться, какъ вспыхнулъ бунтъ стрѣльцовъ.

Бѣда коренилась въ семейномъ разладѣ и придворныхъ партіяхъ. Въ „Уложеніи“ не было закона о престолонаслѣдіи, и наслѣдники могли

разсчитывать только на приверженцевъ; настало время, когда приходилось добывать престолъ. Царевна и Милославскіе не мирились съ правленіемъ мачихи. Къ тому же ни царица, ни Нарышкины не отличались административными способностями. Царевна Софья и ея приближенные были гораздо умнѣе и энергичнѣе правительницы, а ихъ кандидатъ былъ старшимъ годами царевичемъ. Московскіе стрѣльцы послѣднее время жаловались на своихъ начальниковъ. Царица на радостяхъ смѣнила послѣднихъ въ угоду недовольнымъ. Стрѣльцы подняли головы и стали самонадѣянны. Партія Софьи воспользовалась неулегшимся возбужденіемъ этихъ тѣлохранителей двора; приближенные царевны жаловались имъ на несправедливое избраніе Петра, на царицу, дерзости Нарышкиныхъ, наконецъ, выставили покушеніе на жизнь царевича Ивана. Стрѣльцы возстали въ защиту Ивана Алексѣевича и три дня бушевали по Москвѣ. Популярный Матвѣевъ сдержалъ ихъ своею рѣчью только на минуту и первый погибъ. Двое Нарышкиныхъ, Долгорукіе, цѣлый рядъ лицъ были умерщвлены въ эти дни. Перепуганное населеніе растерялось и склонилось передъ расходившейся военной силой. Боярская дума уступила силѣ обстоятельствъ и завела переговоры со стрѣльцами. Въ заключеніе, сообща объявили царями обоихъ братьевъ, а Софью правительницею. Русскія области отнеслись равнодушно къ перевороту. Это была первая попытка придворной революціей распорядиться престоломъ; въ XVIII в. такихъ переворотовъ будетъ много.

Москва съ удивленіемъ присматривалось къ необычайному явленію; вмѣсто матери вдовы, правительницей государства сдѣлалась дѣвица-царевна. Обреченныя обычаемъ къ замкнутой жизни въ глубинѣ терема, невидимыя для народа, царевны, теряя надежду на замужество, постригались въ монахини. Теперь онѣ вдругъ потребовали правъ на жизнь и дѣятельность. Безъ покрывала, съ открытымъ лицомъ, Софья Алексѣевна выходила въ думу, обращалась къ народу, принимала пословъ; за нею часто слѣдовали младшія сестры. Перемѣна въ обычаяхъ и нравахъ двора сказывалась еще ранѣе преобразованій Петра Великаго. Сотрудники Софьи, кн. Василій Голицынъ, дьякъ Шакловитый, монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, писатель и ученикъ Симеона Полоцкаго, какъ передовые люди своего времени, сочувствовали обновленію государства по западнымъ образцамъ. Правда, они во многомъ отличались отъ практическаго направленія позднѣйшей Петровской дѣятельности. Это были люди литературнаго образованія, поклонники польской, католической культуры, общеобразовательнаго направленія въ школьной наукѣ, съ религіознымъ оттѣнкомъ. Впрочемъ, Софья и ея друзья сознавали, что положеніе ихъ временнаго правительства очень шатко; они боялись борьбы съ приверженцами старины и не предпринимали рѣшительныхъ преобразованій. Столица была далеко не спокойна; стрѣльцы еще долго волновались. Разъ даже вся царская семья принуждена была скрываться отъ нихъ въ стѣнахъ Троицкой лавры. Раскольники, покровительствуемыя начальникомъ стрѣльцовъ, кн. Хованскимъ, задались цѣлью побѣдить никоніянъ и возстановить порядки стараго благочестія Они требовали публичныхъ споровъ съ православными. Имъ уступили. Первое собесѣдованіе было устроено во дворцѣ въ присутствіи всей царской семьи и патріарха; оно окончилось такимъ безпорядкомъ, что правительство опять

вернулось къ преслѣдованіямъ и казнямъ, и расколъ оказался твердымъ оплотомъ для противниковъ западнаго вліянія, защищавшихъ національные обычаи.

Неудачны были и военныя предпріятія правительства Софьи и Голицына. Постоянныя нападенія турокъ побудили Польшу согласиться на „вѣчный“ миръ съ Россіей въ 1686 г., закрѣпившій за нею Кіевъ съ половиной Малороссіи; установились дружественныя сношенія между недавними врагами, которымъ Россія обѣщала союзъ противъ Турціи. В. Голицынъ отчасти изъ честолюбія, очень торопился съ нападеніями на Крымъ. Оба похода его (1687 и 89 гг.) были неудачны. Движенія по безводнымъ степямъ оказались такъ гибельны для людей и лошадей, что только повторяя попытки, добрались до Перекопа и то съ громадными потерями. Правительство старалось скрыть неудачи и осыпало Голицына незаслуженными наградами, чѣмъ только возбуждало въ Москвѣ неудовольствіе и помогало партіи Петра. Быстрое распространеніе русскаго владычества въ Сибири закончилось при Софьѣ заключеніемъ Нерчинскаго договора съ Китаемъ, по которому послѣднему уступили берега Амура.

Въ годъ 2-го крымскаго похода Петру минуло 17 лѣтъ, и онъ не нуждался болѣе въ опекѣ правительницы. Во всѣ 7 лѣтъ правленія Софьи вражда между царицей-вдовой съ Нарышкиными и царевнами съ ихъ родней, Милославскими, попрежнему дѣлила дворъ, бояръ и служилыхъ людей на двѣ партіи, которыя не стѣснялись въ выраженіяхъ ненависти, интриговали и вербовали приверженцевъ. Обѣ партіи знали, что ихъ главной опорой могутъ быть преданныя войска. Софья старалась сохранить расположеніе стрѣльцовъ. Со стороны Петра—его потѣшныхъ поспѣшили обратить въ хорошо обученные полки.

Окруженный глухимъ шумомъ этой вражды, Петръ переживалъ свое дѣтство, своеобразное, странное не только для царевича старыхъ временъ, но и для любого потомка владѣтельной семьи нашего времени. Ни мать, женщина стариннаго склада, почти не затронутая европейскимъ вліяніемъ, ни ея родня не могли сознательно отнестись къ его воспитанію. Мать баловала его, заботясь только объ его здоровьѣ. Дядькой при Петрѣ, т.-е. верховнымъ руководителемъ его дѣтской жизни, служилъ кн. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ Василія. Довольно остроумный, живой, по тому времени образованный, кн. Борисъ отличался склонностью къ вину и невоздержанностямъ всякаго рода. Петръ любилъ общество занимательнаго воспитателя и очень рано привыкъ участвовать въ его разгульныхъ забавахъ и пьянствѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ нашелъ для своихъ старшихъ дѣтей хорошаго учителя въ лицѣ Симеона Полоцкаго. Относительно Петра ограничились по старинному назначеніемъ дѣловитаго и нравственнаго дьяка изъ приказа, который могъ учить только грамотѣ по церковнымъ книгамъ, да попутно ознакомить со священной исторіей и разсказать кое-что изъ прошлаго Россіи. Благодаря живости ученика, увлекавшагося физическими упражненіями, и отсутствію дѣльнаго надзора, обученіе шло медленно: книги сами по себѣ мало занимали Петра; а, покончивъ обученіе, бѣдный учитель обратился въ покорнаго слугу ученика, позволяя наряжать себя въ маскараднаго князя-папу и предсѣдателя всепьянѣйшаго собора.

Дѣтство и раннюю юность Петръ прожилъ съ матерью въ Преображенскомъ, увеселительной усадьбѣ царей, гдѣ все было приноровлено для потѣхъ и забавъ. Очень сильный и крѣпкій мальчикъ, мало занятый ученьемъ, скоро приложилъ всю свою жажду дѣятельности къ военнымъ упражненіямъ. 10-лѣтній Петръ окружилъ себя ребятками изъ семей мѣстныхъ служителей, съ которыми игралъ въ солдаты, возился, дрался и привыкъ обращаться за панибрата съ людьми всѣхъ чиновъ и сословій. Вдали отъ церемоннаго двора, среди деревенской простоты, нестѣсняемый надзоромъ и требовательной дисциплиной мальчикъ бросался на всякія упражненія и шалости, привыкалъ къ неопрятной, даже циничной грубости старинной жизни по улицамъ и проселкамъ. Въ работѣ, въ удалыхъ забавахъ Петръ поступалъ, какъ окружающіе простолюдины, даже превосходилъ всѣхъ въ „озорствѣ“ (какъ говорила царевна Софья), не признавая мѣры поступковъ и желаній, отрицая всякую сдержанность, потому что, при всей простотѣ и невзыскательности привычекъ, все-таки не забывалъ, что онъ—царь и безгранично всемогущъ. Въ 1682 г. уже начали вызывать желающихъ служить въ потѣшныхъ полкахъ; явилось много молодежи изъ всякихъ слоевъ населенія. Мальчикъ оказался среди дюжихъ юношей солдатъ и увлекался грубой казарменной жизнью. Иностранные офицеры помогли сформировать два полка—Преображенскій и поселенный по близости Семеновскій, и обучить ихъ всѣмъ тонкостямъ военнаго строя. Подростая, Петръ наблюдалъ, вникалъ въ преподаваніе офицеровъ и навсегда вошелъ во вкусъ всякой черной работы, на которой основывается любое большое дѣло. Тутъ съ дѣтства Петръ полюбилъ все, всякую мелочь дѣлать своими руками, доходя до сути дѣла,—страсть весьма необычная въ лицѣ, созданномъ для верховнаго надзора за бытіемъ цѣлой націи, которому бы, казалось, вовсе не было времени добираться до мелочей. Подаренная однимъ бояриномъ астролябія крайне возбудила его любознательность; чтобы умѣть обращаться съ нею, онъ сталъ учиться ариѳметикѣ и геометріи у Тиммермана, а когда нашелъ знаменитый ботикъ,—управленію судами у Брандта. Ботикъ составилъ эпоху въ его жизни, внушивъ такую страсть къ водѣ, что солдатская наука, ремесла отступили на второй планъ, и царь искалъ только воднаго пространства, которое могло бы удовлетворить его. Разсказы иностранныхъ техниковъ и рабочихъ разжигали любознательность его и пристрастіе къ мореплаванію и мастерствамъ.

Не находя простора въ Москвѣ для упражненія въ плаваніяхъ, Петръ отправился на Переяславское озеро и завелъ тамъ верфь для постройки судовъ. На цѣлые мѣсяцы исчезалъ онъ изъ Москвы. Отсутствіе сына стало очень тревожить царицу, а его безпрерывныя увлеченія то солдатскимъ ученьемъ, то матросскимъ дѣломъ были очень неудобны для его партіи, потому что подходило время неизбѣжной борьбы съ правительницей. Наталья Кирилловна съ трудомъ добилась возвращенія его въ Москву, чтобы устроить его бракъ съ выбранной ею невѣстой изъ незнатнаго рода Лопухиныхъ, Евдокіей Ѳеодоровной. Петръ послушался матери и женился. Но жена, красивая, воспитанная по старинному женщина, оказалась вовсе не занимательной особой для увлекавшагося походами и плаваніями мужа, и Петръ унесся опять на озеро.

Мать и приближенные, видя, какъ онъ мало вниманія оказываетъ

къ своему званію, сами подготовляли исподтишка паденіе Софьи. Послѣдней очень не хотѣлось разстаться съ властью; ея друзья знали, что ихъ судьба крѣпко связана съ ея положеніемъ, что за хулы и интриги противъ Нарышкиныхъ имъ не сдобровать, и наталкивали ее на рискованные планы—достигнуть самой престола. Объ этомъ она осторожно заговаривала со старыми стрѣльцами, но не нашла поддержки. Софья попыталась въ нѣкоторыхъ грамотахъ назваться самодержицей, но вызвала только негодованіе царицы Натальи и ея кружка и глухой ропотъ въ народѣ. Лѣтомъ 1689 г. послѣ неудачнаго крымскаго похода, ропотъ такъ усилился, что Петра заставили вернуться изъ Переяславля. Царь началъ рѣзко противодѣйствовать сестрѣ, не принялъ участниковъ похода и отказалъ имъ въ наградахъ. Положеніе натягивалось, и обѣ стороны побаивались другъ друга. Въ народѣ и въ войскахъ заговорили въ пользу Петра, несмотря на его странное поведеніе; онъ все-таки былъ законный царь. Опасаясь движенія потѣшныхъ, Софья собрала въ Кремль вооруженныхъ стрѣльцовъ (7-го августа). Людей пытались возбуждать, какъ раньше, грозящими царю Ивану опасностями, своеволіемъ Нарышкиныхъ, но немногіе отзывались на эти запугиванья. Несомнѣнно, что приближенные въ своихъ планахъ шли дальше правительницы; поговаривали, какъ извести Петра. Въ ту же ночь доброхоты поскакали съ этой вѣстью въ Преображенское. Легко возбуждавшійся Петръ умчался въ Троицкій монастырь. Зловѣщіе слухи распространились по столицѣ, и жители стали открыто принимать сторону молодого царя; патріархъ уѣхалъ къ нему; его примѣру стали слѣдовать бояре: полки одинъ за другимъ двинулись къ Троицѣ, въ томъ числѣ нѣкоторые стрѣльцы. Служилые иноземцы нѣмецкой слободы послѣ нѣкоторыхъ колебаній тоже пошли къ Петру, что̀ произвело немалое впечатлѣніе на москвичей. Стрѣльцы ничего не дѣлали для Софьи. Она пыталась ѣхать для объясненія съ братомъ,—ей велѣли вернуться съ дороги. Тогда стрѣльцы поняли, что нужно спасать свои головы и потребовали отъ нея выдачи дьяка Шакловитаго, яраго приверженца ея воцаренія. Софья была принуждена согласиться. Стрѣльцы съ повинной, съ готовыми орудіями казни отправились къ Троицѣ. Многіе изъ нихъ добились прощенія.—Софью заключили въ Новодѣвичій монастырь, кн. В. Голицына сослали въ Холмогоры. Медвѣдева и Шакловитаго съ ихъ друзьями судили очень строго подъ вліяніемъ патріарха, видѣвшаго въ нихъ учениковъ латиниста Полоцкаго.

XXIV.

Личность Петра. Заграничное путешествіе. Первыя реформы.

Первую четверть XVIII-го вѣка въ историческихъ сочиненіяхъ принято называть эпохой преобразованій, и совершенно справедливо. Для Россіи настало время, когда некультурная страна, чтобы продолжать свое развитіе, какъ государство, должна стремиться къ достиженію одного культурнаго уровня съ цивилизованными сосѣдями: ради этого она у нихъ же должна заимствовать тѣ средства, какія они выработали: лучшіе административные порядки, вооруженіе, ремесла и техническіе

пріемы, школьныя программы. А ея лучшіе энергичные люди должны проникаться мнѣніями, идеалами иностранцевъ и, просвѣтившись ими, помогать самостоятельному развитію умственной жизни на родинѣ.

Эпоха преобразованій тѣсно связывается съ дѣятельностью оригинальнѣйшей личности того времени, Петра Великаго. Много споровъ вызывала личность Петра; высказывалось много сомнѣній въ его творческихъ способностяхъ. Въ теченіе болѣе ста лѣтъ геніальность перваго императора превозносилась чрезмѣрно; наоборотъ, въ концѣ XIX-го новѣйшіе историки охотно рисовали его жестокимъ чудакомъ, хлопотавшимъ около реформъ, совершавшихся путемъ неизбѣжныхъ событій. На вопросъ: а если бы не появилась на свѣтъ эта богатырская личность, происходили бы преобразованія? нельзя не отвѣтить, — несомнѣнно произошли бы, но иначе; какъ именно, того никто не знаетъ. Однако во всякомъ движеніи, даже стихійномъ, даже въ бурномъ смерчѣ существуетъ центръ, вокругъ котораго сосредоточиваются силы; въ созидательныхъ движеніяхъ обществъ, націй тоже имѣются центры, и ихъ составляютъ личности, непремѣнно сильныя, энергичныя, иначе онѣ не выдержатъ вихрей. Поэтому, оставляя въ сторонѣ вопросъ о геніальности, нельзя отрицать значенія личностей въ исторіи. Человѣкъ съ изумительной энергіей воли и способностью къ труду оказывалъ огромное вліяніе на окружающихъ, возбуждалъ, будоражилъ ихъ и однимъ этимъ съигралъ роль руководящаго начала въ преобразовательную эпоху.

Послѣ паденія правительства царевны Софьи цари братья могли считать себя самостоятельными. Несчастный Иванъ Алексѣевичъ ослабѣлъ больше прежняго, и смерть его черезъ нѣсколько времени никѣмъ не была замѣчена, а Петръ съ еще большимъ рвеніемъ предался кораблестроенію и военнымъ забавамъ. Въ 1689 — 90 г.г. онъ особенно сблизился съ генераломъ Гордономъ и женевцемъ Лефортомъ, а черезъ нихъ перезнакомился съ представителями нѣмецкой слободы. Тамъ онъ нашелъ довольно смѣшанное общество мастеровыхъ, техниковъ, торговцевъ, офицеровъ,—людей съ незначительнымъ образованіемъ, людей, испытавшихъ много превратностей въ жизни; въ ихъ обхожденіи сказывалась безцеремонная грубоватость; ихъ веселье было шумливо и разгульно, какъ у людей тяжелаго грубаго, труда. Оно открыло широкій просторъ личнымъ наклонностямъ царя; безцеремонное веселье, разнообразныя забавы, танцы при участіи женщинъ совершенно увлекли его; онъ подолгу гостилъ въ слободѣ.

Здѣсь у него развилось отвращеніе къ церемоніальности стариннаго московскаго двора, азіатскимъ обычаямъ, получившимъ значеніе религіознаго догмата, какъ мытье царемъ рукъ послѣ пріема иностраннаго посольства, чопорности и напыщенности бояръ, затхлой домашней жизни, устроенной по нравоученіямъ Домостроя. Нервному юношѣ претило скрываніе распущенности и разврата въ глубинѣ теремовъ, трусость передъ просторомъ жизни и выборомъ поступковъ, закрашиванье грѣховъ внѣшнимъ благочестіемъ. И всѣ эти стороны русской жизни онъ сдѣлалъ мишенью самыхъ безцеремонныхъ насмѣшекъ, шутовскихъ выходокъ и маскарадовъ, съ обычной несдержанностью унижая личное достоинство осмѣиваемыхъ. Точно на зло старымъ цѣпямъ, сковывавшимъ русскую личность, Петръ разнузданно-порывисто проявлялъ лич-

ныя стремленія, убѣжденія, вкусы, деспотично навязывая ихъ всѣмъ, и русскимъ, и иностранцамъ. Пиры и попойки доходили до безпредѣльнаго разгула. Царь съ толпой пѣвчихъ и ряженыхъ врывался въ боярскіе дома, подымалъ хозяевъ, больныхъ или спящихъ, взворачивалъ все хозяйство. Люди съ ужасомъ ждали своей очереди въ этихъ наѣздахъ: за сопротивленія, неодобреніе, брезгливость наказывали, унижали, не разбирая возраста и пола. Дѣло всегда перемѣшивалось съ забавами: богатырская натура Петра легко переносила переходъ отъ пиршества (дня по 3 у Лефорта) прямо къ любой тяжелой работѣ. Пережитыя съ дѣтства волненія во время бунтовъ оставили, однако, потрясеніе нервовъ, выражавшееся подергиваніемъ лица, вспыльчивостью и болѣзненными порывами гнѣва. Чтобы свободнѣй слѣдовать своимъ порывамъ и влеченіямъ, Петръ всегда давалъ первыя роли довѣреннымъ лицамъ, а самъ являлся якобы частнымъ лицомъ, чтобы какъ можно меньше стѣсняться въ поступкахъ. Его личная жизнь, его преобразованія, указы, походы, ручныя работы, все сливалось въ одно безпрерывное движеніе, упорное, не терпѣвшее препонъ и помѣхъ. Это былъ вихрь затѣй, начинаній, передвиженій, гнѣвныхъ выходокъ, ломавшій порядки, людей, жизни. Царь былъ уже тѣмъ великій реформаторъ, что высоко поднялъ значеніе земной жизни и элементъ личной воли и дѣятельности, и смѣлое сознаніе отвѣтственности за нее среди робкаго, подавленнаго предразсудками общества.

На Бѣломъ морѣ Петръ впервые познакомился съ бурной стихіей, о которой долго мечталъ, и испыталъ свои силы въ борьбѣ съ нею. Тутъ онъ видѣлъ нагрузку торговыхъ судовъ, ихъ прибытіе и отбытіе, ознакомился съ морской практикой. Тотчасъ же Петръ одѣлся въ голландскій морской костюмъ и принялся за всякую черную работу. Онъ самъ снаряжалъ и провожалъ суда въ плаваніе и убѣдился въ непригодности сѣвернаго моря для сношенія съ Европой; большую часть года покрытое льдомъ, оно едва обезпечивало движеніе судовъ на какіе-нибудь три мѣсяца. Приходилось подумать о пріобрѣтеніи другихъ морскихъ береговъ. Лефортъ горячо доказывалъ Петру, что пора дѣйствовать, заявить себя чѣмъ-нибудь. Постоянныя военныя потѣхи, дружба царя съ нѣмцами, увлеченіе черной подготовительной работой давно смущаютъ народъ и вызываютъ ропотъ. Нужно повліять на него громкимъ успѣхомъ новыхъ войскъ, новой науки, чтобы онъ охотнѣе подчинялся новымъ порядкамъ. Къ тому же, крымцы и турки стали пренебрегать Россіей послѣ неудачныхъ походовъ Голицына; въ Палестинѣ обижали православныхъ, унижая ихъ передъ католиками. Малороссійскій гетманъ тоже совѣтовалъ воевать, такъ какъ казаки, скопившіеся въ Запорожьи, рвались въ походы, и ихъ трудно сдерживать.

Въ 1694 г. для новыхъ полковъ устроили маневры и примѣрное сраженіе подъ Москвой у деревни Кожуховой, сопровождавшіеся шумными пирами. Петръ остался ими доволенъ и ожидалъ большихъ успѣховъ отъ предстоящаго похода къ Азовскому морю. Но эту цѣль держали втайнѣ. Главному ополченію дворянской конницы объявили походъ въ Крымъ, чтобы отвлечь силы непріятеля отъ Азова: лучшія же войска, съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками во главѣ, отправили изъ Москвы водой по Окѣ и Волгѣ до Царицына, откуда они шли пѣшкомъ

и очень истомились. Подъ Азовомъ имъ удалось взять только два крошечныхъ укрѣпленія. Турки, получая подкрѣпленія моремъ, отбивали приступы. Измученное войско вынуждены были вернуть назадъ. Пришлось въ Москвѣ скрывать неудачу, какъ это дѣлали Софья и Голицынъ: но она сильно повліяла на Петра; онъ понялъ, что его возня съ солдатами была еще забавой; настоящее-же дѣло требуетъ обдуманности и упорной энергіи. И тутъ впервые проявилась его способность къ рѣдкой, напряженной дѣятельности. Только теперь онъ примѣнилъ къ дѣлу свои познаніи по кораблестроенію. Несмотря на неудачи и множество затрудненій, быстро завели верфь у Воронежа, хотя насильно согнанные съ разныхъ мѣстъ рабочіе разбѣгались, матеріалы и орудія привозились не во время и безцеремонно расхищались по дорогамъ. Все это выводило царя изъ себя и возбуждало жестокія расправы. Но въ 1696 г. уже могли отправить къ Азову цѣлый галерный флотъ, начальникомъ котораго назначили Лефорта, никогда въ моряхъ не служившаго. На этотъ разъ Азовъ окружили съ моря и съ суши, и онъ сдался. Побѣда ничего особенно важнаго еще не представляла, но поправила все-таки прежнія неудачи. Петръ съ Лефортомъ отпраздновали ее въ Москвѣ съ невиданной торжественностью, съ уличными церемоніями, маскарадами, гдѣ играли большую роль фигуры языческихъ боговъ, къ ужасу благочестиваго люда. Въ Азовѣ поселили стрѣльцовъ Для прочнаго устройства флота Петръ указалъ всѣмъ землевладѣльцамъ и купцамъ составлять компаніи такъ, чтобы съ 8 — 10 тыс. крестьянскихъ дворовъ ставили по готовому кораблю. Корабли явились; но эту мѣру мало обдумали, и она не принесла должной пользы при большихъ затратахъ силъ и матеріальныхъ средствъ: прѣсная вода такъ быстро портила суда, что они не дожили до настоящей службы.

Теперь Петръ и его друзья иностранцы достигли ближайшей цѣли; они совершили завоеваніе съ помощью иноземной науки; всю премудрость своихъ русскихъ иностранцевъ Петръ исчерпалъ; нужно было идти дальше, ѣхать самому за границу учиться и видѣть, какъ тамъ работаютъ. Чему учиться,—онъ еще въ точности не зналъ, какъ всегда, разсчитывая выяснить это на практикѣ. На дружескихъ совѣщаніяхъ съ Лефортомъ рѣшили продолжать войну съ Турціей и искать союзниковъ противъ нея въ Европѣ; ради этого составили большое посольство съ тѣмъ же довѣреннымъ другомъ во главѣ, которое должно было вести переговоры съ дворами, а царь рѣшилъ ѣхать инкогнито среди 40 молодыхъ дворянъ, посылаемыхъ для обученія разнымъ наукамъ; Петръ прежде всего старался не стѣснять себя. Царю не дали спокойно выѣхать. Его шумная жизнь среди иностранцевъ, увлеченіе техническими, вовсе не царскими работами, причемъ государственныя и судебныя дѣла оставлялись въ рукахъ людей, вѣрныхъ ему, но вовсе не отличавшихся способностями и честностью, возбуждали недовольство. Одинъ игуменъ поднесъ Петру укоризненное письмо, осуждавшее его за то, что онъ забываетъ о положеніи народа и правосудія, не заботится о текущихъ дѣлахъ. Игуменъ жаловался, что воеводы и дьяки стали несравненно хуже прежняго и грабятъ народъ. Тутъ же открылся цѣлый заговоръ стрѣлецкихъ полковниковъ, стремившихся новымъ переворотомъ лишить Петра власти. Онъ указывалъ на стойкое сопротивленіе преобразованіямъ, которое готови-

лось въ глубинѣ общества. — Уѣзжая, Петръ поручилъ управленіе государствомъ дядѣ, Льву Нарышкину, воспитателю, Борису Голицыну, и кн. Прозоровскому; а охранять спокойствіе Москвы—мрачному кн. Ромодановскому, который положилъ начало Преображенскому приказу, гдѣ разбирались политическіе доносы, тайныя дѣла о политическихъ заговорахъ; къ Ромодановскому, пользовавшемуся особымъ довѣріемъ, должна была съѣзжаться дума. Этого князя Петръ особенно цѣнилъ за вѣрность себѣ и именовалъ — „мой императоръ“.

Первый иностранный городъ, который посѣтили, Рига, произвелъ тяжелое впечатлѣніе на Петра: шведскій комендантъ не допустилъ его до осмотра крѣпости, какъ неизвѣстное лицо, „инкогнито“. Далѣе, начиная съ Германіи, Петръ удивлялъ всѣхъ своей необыкновенной дѣятельностью, подвижностью, смѣсью конфузливости съ нервными порывами; некультурными выходками и припадками гнѣва. Въ Пруссіи король успѣлъ намекнуть ему, что сѣвернымъ государямъ слѣдовало бы направить свое оружіе противъ усилившейся Швеціи.

Ради усовершенствованія въ кораблестроеніи Петръ поспѣшилъ въ Голландію. Въ Саардамѣ, гдѣ сохранился его домикъ, онъ въ сущности пробылъ съ недѣлю; зато 4 мѣсяца проработалъ въ Амстердамѣ на Остъ-Индской верфи. Отсюда онъ ѣздилъ въ Гаагу и др. города, посѣщалъ музеи, лекціи, мастерскія, заводы; часто плавалъ по морю на своей яхтѣ. Инкогнито его было мнимое. По описаніямъ голландцевъ, жившихъ въ Россіи, въ немъ тотчасъ признали царя. За нимъ ходили по пятамъ, разсматривали его, какъ диковинку. Онъ сердился, выходилъ изъ себя; но онъ былъ не дома, и потому приходилось терпѣть странности того положенія, въ какое онъ себя поставилъ, и выносить привычки и нрава свободнаго мѣстнаго населенія. Скоро Петру выяснилось, что голландской морской практикѣ не хватало научныхъ пріемовъ; не могъ онъ здѣсь изучить порядки военнаго флота. Петръ направился въ Англію, гдѣ военно-морское дѣло стояло очень высоко. Тутъ онъ познакомился съ инженерами, техниками, профессорами, нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласилъ на службу въ Россію. Повсюду закупалъ онъ инструменты, разныя рѣдкости.

Тѣмъ временемъ посольство безъ всякаго успѣха хлопотало о союзѣ противъ Турціи. Западныя государства готовились къ войнѣ изъ-за Испаніи, опустѣвшій престолъ которой французскій король предназначалъ своему сыну, и никому не было дѣла до Турціи. Изъ Англіи Петръ со своими послами снова черезъ Голландію переѣхалъ въ Австрію, къ императору Германіи. Хотя Австрія много страдала отъ турокъ, но отъ союза противъ нихъ все-таки отказалась. Петръ собирался уже въ Венецію знакомиться съ ея морскими силами, когда извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ заставило его вернуться домой. По дорогѣ черезъ Польшу онъ повидался съ ея королемъ Августомъ II (курфюрстомъ саксонскимъ), который указалъ ему на важность войны со Швеціей, предлагая свой союзъ. Петръ остановился на этой мысли, внушенной политическимъ положеніемъ Россіи и Европы. Балтійское море обѣщало гораздо больше выгодъ, чѣмъ Черное, окруженное азіатскими слабыми въ промышленности народами. Скоро потомъ въ большой тайнѣ заключили этотъ союзъ; къ нему примкнула и Данія. Польша должна была получить Эстляндію и Лифляндію, а Россія—Ингерманландію (нынѣ Петербургская губ.).

Стрѣльцы были очень недовольны продолжительной службой въ Азовѣ и др. отдаленныхъ городахъ вдалекѣ отъ Москвы, гдѣ жили ихъ семьи и гдѣ они привыкли служить. Глухой говоръ о странномъ боярскомъ правленіи, недовольство отъѣздомъ царя за границу, наконецъ, упорно усиливавшіеся слухи, что онъ погибъ тамъ, а бояре скрываютъ его смерть,—все болѣе и болѣе волновали ихъ. Возобновились по старой памяти сношенія съ Софьей и ея сестрами черезъ стрѣлецкихъ женъ. Сговорившись, нѣкоторые полки двинулись къ Москвѣ безъ приказанія начальниковъ. Высланный имъ на встрѣчу боярской думой воевода Шеинъ уже разбилъ ихъ, когда вернулся Петръ, раздраженный, озлобленный, что невѣжественные мятежники опять помѣшали его путешествію. Къ общему ужасу, онъ, не заѣзжая къ женѣ, проѣхалъ прямо въ нѣмецкую слободу. Затѣмъ начался розыскъ о мятежѣ. Въ Преображенскомъ приказѣ пытали, допрашивали, терзали людей по одному неосторожному слову; попутно поднималось множество дѣлъ о другихъ лицахъ, виновныхъ въ возбужденіи недовольства. Все негодованіе противъ предразсудковъ старины, застоя, отвращенія къ новизнѣ вымещалъ царь на стрѣльцахъ, и кто хотѣлъ показать свое сочувствіе реформамъ, тотъ участвовалъ въ казняхъ. Стрѣльцовъ казнили тысячами; самое существованіе войска ихъ прекратилось. Софья съ двумя сестрами были пострижены. Той же участи подверглась царица Евдокія, нелюбимая жена. Сына, царевича Алексѣя, Петръ поручилъ родной сестрѣ своей, Натальѣ Алексѣевнѣ.

Тогда же въ запуганной розысками и кровавыми казнями Москвѣ начались преобразованія, коснувшіяся прежде всего внѣшности. Боярамъ и служилому классу приказали брить бороды и носить нѣмецкое платье; съ горожанъ и раскольниковъ взыскивали пошлины за право сохранить бороду; духовенства и крестьянъ реформа не затронула. Регулярные полки переодѣлись первые въ европейскіе мундиры. Поспѣшно и жестоко, съ полнымъ пренебреженіемъ къ правамъ личности и возраста, силою рѣзали бороды и волосы; доброхоты обрывали длинныя полы боярскихъ кафтановъ. Только немногихъ стариковъ пощадили. Привезенныя съ запада впечатлѣнія только побуждали Петра къ безпощадной смѣлости въ требованіяхъ.

На западѣ вполнѣ сложились (во Франціи, въ Германіи) государства съ *полицейскимъ* строемъ, гдѣ власть стремилась, ради блага подданныхъ держать народъ въ своей опекѣ, наблюдать за частной жизнью гражданъ; тогда думали, что сильная государственная власть — самое лучшее, благодѣтельное, что создаетъ себѣ народъ; правитель, государь — лучшій представитель народа, созданный для его блага; онъ лучше всѣхъ видитъ, что нужно подданнымъ; народъ живетъ и руководствуется безсознательными чувствами, инстинктами; государь же— знаніями; науку, искусства, все долженъ онъ обращать для усиленія государства и въ результатѣ — для блага народа. Народъ никогда самъ не пойметъ во время, что ему нужно; просвѣщенный государь долженъ заставить его подчиниться всему, что разумно, чего требуетъ наука, хотя ему, народу, и пришлось бы на первое время пострадать ради будущаго благоденствія. Народы держались на положеніи учащихся дѣтей, для которыхъ корень ученія всегда горекъ. Одна госу-

дарственная власть способна вѣдать, что необходимо для общаго блага всѣхъ подданныхъ: самое государство создано для распространенія этого блага. Во второй половинѣ XVIII-го в. стремленіе властей во имя науки и просвѣщенія принуждать людей называютъ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ [1]).

Впослѣдствіи мыслители и ученые своими письмами поддерживали въ Петрѣ его давнюю склонность принуждать людей то учиться, то заниматься судами, то заводить непонятные еще имъ дорого стоющіе порядки, создать далеко не всѣмъ полезныя вещи. Но разумъ указываетъ, что все это нужно и полезно, значитъ хорошему государю необходимо приказывать и строго слѣдить, чтобы простаки исполняли требуемое, иначе вѣдь онъ, государь, не выполнитъ долга верховнаго просвѣтителя. Побужденіе Петра многіе раздѣляли на западѣ; но его власть надъ высшими и низшими была значительно шире власти западныхъ государей: его всегда безпокоила страсть добираться до мелочей дѣла. Трудно найти уголокъ частной и общественной жизни, котораго бы не задѣлъ Петръ: онъ вмѣшивался рѣшительно во все: балы и ассамблеи обратилъ въ государственное учрежденіе; назначалъ краску для домовъ своихъ подданныхъ; заставлялъ заводить паруса, изгоняя весла, косами замѣнять серпы при жатвѣ, мѣнялъ ширину домашнихъ полотенъ у крестьянъ... всего не перечислить. Необходимость реформъ при народной тяготѣ и бѣдности, это неугомонное вмѣшательство во всѣ подробности общественной и частной жизни придавало рѣзкій характеръ его мѣрамъ. Первыя реформы, измѣнившія внѣшность людей изъ правящихъ классовъ, если прибавить къ нимъ освобожденіе женщинъ отъ теремовъ, разрѣшеніе продажи табаку, за употребленіе котораго прежде рѣзали носы, должны считаться едва ли не самыми важными: недавно только патріархъ Адріанъ проклиналъ брѣющихъ бороды и перенимающихъ моды и обычаи у иновѣрцевъ; теперь все это рушилось; внѣшней формѣ, обряду изъявили полное презрѣніе: отнынѣ земное и житейское будетъ вестись самостоятельно, по указаніямъ воли и разума. На дняхъ стрѣльцы шли на нѣмецкую слободу бить басурманъ, заражающихъ нечистью православный людъ. Петръ поѣхалъ прямо въ слободу и всѣхъ служащихъ по виду уподобилъ нѣмцамъ. Ударъ былъ нанесенъ прямо въ сердце предразсудкамъ, порабощавшимъ духовное бытіе русскихъ, главной силѣ, мѣшавшей всякому движенію. Остальное пошло само собой. Прочія нововведенія уже не такъ были поразительны, не такъ понятны и очевидны народной массѣ, какъ эти первыя.

Тотчасъ по пріѣздѣ изъ-за границы Петръ сталъ предметомъ народныхъ толковъ, цѣлыхъ легендъ: говорили, что царь подмѣненъ нѣмцами, что онъ принялъ нѣмецкую вѣру; наконецъ, что царь обратился въ антихриста, какимъ почитался въ свое время Никонъ. За такія непочтительныя рѣчи и говорившихъ и слушавшихъ отводили въ Преображенскій приказъ (тайную канцелярію) на пытки и кровавую расправу князя—кесаря Ромодановскаго. Но толки все росли и распространялись.

Въ 1699 г. скончался патріархъ Адріанъ. Петръ не назначилъ ему преемника: церковь навсегда осталась безъ отдѣльнаго главы и предста-

[1]) „Абсолютизмъ“ — неограниченная власть.

вителя. Въ концѣ этого года народъ узналъ, что новый 1700 годъ наступитъ не 1-го сентября, а 1-го января, какъ въ прочихъ государствахъ. Сообразно съ этимъ было измѣнено старинное лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и введенъ новый календарь.

XXV.

Приготовленія къ войнѣ. Союзники Россіи. Сѣверная война. Дипломатическія сношенія. Прутскій походъ. Ништадтскій миръ.

Мирные переговоры съ Турціей затянулись до поздняго лѣта 1700 г. Между тѣмъ Петръ усиленно готовился къ войнѣ со Швеціей; прежде всего нужны были деньги, а потому изыскиваніе новыхъ доходовъ для казны стало главнымъ предметомъ заботъ правительства. Петръ понималъ, что эти доходы зависятъ отъ улучшенія народнаго хозяйства и промышленности, но оно требовало обдуманныхъ мѣръ, осторожности и послѣдовательности: а у Петра не было ни времени, ни силъ, ни подготовки къ этому. Ему приходилось непрерывно дѣйствовать, поступать; политическая жизнь не ждала Россіи; да и самъ царь былъ человѣкомъ дѣла, движенія, а вовсе не мыслителемъ. Война, ежеминутныя насущныя потребности въ деньгахъ смѣшивали задачи, спутывали добываніе доходовъ съ мѣрами по улучшенію промышленности, что доставляло много страданій народу. Въ 1699 г. городское сословіе — купечество и посадскіе — было избавлено отъ подчиненія воеводамъ и ихъ суду; жители каждаго города должны были выбирать бургомистра, устроить „ратушу“ (земская изба города) и самимъ вѣдать свои промысловыя дѣла, собирать налоги не только съ горожанъ, но и съ крестьянъ уѣзда, исключая помѣщичьихъ, подъ главнымъ наблюденіемъ московской ратуши. За освобожденіе отъ воеводъ Петръ хотѣлъ было обложить города двойнымъ налогомъ, но большинство городовъ отказалось его выплачивать, не принимая и реформы съ такимъ условіемъ: и двойной налогъ не провели. Петръ думалъ этой мѣрой достичь сразу двухъ результатовъ: промышленный классъ лучше поведетъ свои дѣла и обогатится; налоги же подъ его отвѣтственностью будутъ правильнѣй собираться.

Вокругъ Петра появились оригинальные дѣятели изъ разныхъ сословій, преимущественно изъ промышленниковъ и дьяковъ, называвшіеся „прибыльщиками“: они предлагали казнѣ доходныя статьи своего изобрѣтенія. Курбатовъ придумалъ гербовую бумагу для прошеній и пр. грамотъ: другой прибыльщикъ предложилъ перечеканку серебряной монеты, доставившую на первое время большой доходъ. Въ 1701 г. всѣми мѣрами сумѣли поднять доходы вдвое: въ 1689 г. разоренное войнами населеніе съ усиліемъ выплачивало $1^1/_2$ милліона рублей (по счету того времени), теперь съ него собрали 2 мил. 955 тысячъ р. Съ этимъ доходомъ Россія начала великую Сѣверную войну. При Иванѣ Грозномъ пріобрѣтеніе береговъ завѣтнаго моря оказалось не подъ силу русскимъ: соперница Польша была слишкомъ сильна; но Русь не отказывалась отъ насущной задачи: теперь положеніе измѣнилось, и наступила важная эпоха въ исторіи восточной Европы: два славянскія государства воспоrange

зовались соперничествомъ трехъ германскихъ (Швеціи, Даніи, Пруссіи), и, склонивъ къ союзу самое слабое изъ нихъ, Данію, ополчились противъ сильнѣйшей, знаменитой воинственной Швеціи.

Данія уже въ августѣ 1700 г. потерпѣла отъ Карла XII шведскаго такое пораженіе, что заключила немедленно миръ, отказавшись отъ союзниковъ. Король польскій напрасно утомлялъ свои войска, осаждая Ригу, когда Петръ получилъ извѣстіе изъ Константинополя о заключеніи перемирія на 30 лѣтъ. 40 тысячъ русскаго войска немедленно двинули къ Нарвѣ. Поздней, сырой осенью началась осада хорошо укрѣпленнаго города. Большая часть войска состояла изъ регулярныхъ, но еще плохо обученныхъ полковъ; присутствовалъ и отрядъ новгородскихъ помѣщиковъ. Командовалъ генералъ Головинъ и опытный адмиралъ де-Крюи, недавно поступившій на русскую службу; вмѣшивался въ дѣло и самъ Петръ, отчего въ арміи не было единства военной власти. Плохо подготовленное, неопытное войско роптало на подчиненіе иностранцу, на поздній походъ и робѣло передъ лучшими войсками Европы. Карлъ XII, едва покончивъ съ Даніей, отплылъ на судахъ къ Либавѣ защищать Ригу; но поляки уже покинули ее. Карлъ, вопреки совѣтамъ своихъ генераловъ, рискнулъ вести 8 тыс. измученныхъ солдатъ къ Нарвѣ. Только счастье и неопытность русскихъ дали ему возможность нагрянуть врасплохъ на непріятеля. Петръ въ нервномъ возбужденіи ускакалъ въ Новгородъ, рѣшивъ, что дѣло проиграно. Пораженіе было полное и очень тяжелое. Русскіе бѣжали въ паническомъ страхѣ, оставивъ артиллерію непріятелю. Только оба гвардейскіе полка выдержали натискъ и отступили въ порядкѣ.

Карлъ рѣшилъ, что русскіе не скоро оправятся послѣ такой неудачи, назначилъ генераловъ для охраны Финляндіи и Ливоніи и отправился въ Польшу. Въ Европѣ пренебрежительно осмѣивали попытку варваровъ бороться со шведами и рисовали каррикатуры на Петра.

Но именно въ такія минуты Петръ умѣлъ показать всю энергію человѣка дѣла; онъ вихремъ носился по своей странѣ, устраивая работы, заготовляя полки, добывая металлъ для пушекъ. Черезъ годъ бурной дѣятельности и тяжелыхъ расходовъ были заготовлены новыя боевыя силы. Пришлось еще искать свиданія съ Августомъ польскимъ и заключить новый договоръ; видя тяжелое положеніе Россіи и страстное желаніе добыть морскіе берега, поляки пытались получить обратно Кіевъ съ частью Малороссіи, но, въ виду рѣзкаго отказа, согласились на денежную субсидію и возобновили союзъ, сговорившись искать въ Европѣ посредниковъ для заключенія мира съ Швеціей. Въ 1701 г. двинулись двѣ русскія арміи, одна къ Финскому заливу, другая къ Польшѣ въ помощь союзнику. Двѣ первыя побѣды Шереметева, обязанныя громадному численному превосходству его отряда, вызвали у Петра шумную радость. Наши войска сильно опустошили селенія Эстляндіи и Лифляндіи. А Петръ долго возился съ постройкой кораблей въ Архангельскѣ, гдѣ почему-то ожидалъ появленія шведовъ. Только къ концу 1702 г. онъ явился къ Шереметеву и вмѣстѣ съ нимъ взялъ Нотебургъ (переименованный въ Шлиссельбургъ), гдѣ нашелъ менѣе 500 защитниковъ. Весною 1703 г., уже поработавъ надъ судами въ Воронежѣ, царь вернулся къ Невѣ, взялъ съ Шереметевымъ Ніеншанцъ и у устья рѣки основалъ гавань

С.-Петербургъ. Вскорѣ затѣмъ были взяты Копорье и Ямъ. Ближайшая цѣль была уже достигнута: получили частицу прибрежья Финскаго залива. Въ 1704 г. русскія войска захватили Нарву и Дерптъ. Немедленно вызывались массами рабочіе къ Петербургу строить крѣпость, готовить суда. Главная верфь была устроена дальше отъ центра войны, въ Олонцѣ. Петръ хотѣлъ завести немедленно торговыя сношенія черезъ новый городокъ.

Тѣмъ временемъ Карлъ XII разбивалъ войска Августа II, занимая области Польши и заставляя поляковъ избирать другого короля. Петръ отправилъ новыя войска защищать своего союзника; но спасти его было невозможно. Хотя русскіе заняли уже Курляндію. Августъ, боясь за свою родную Саксонію, бросился туда, оставивъ 60 тыс. русскихъ у Гродно безъ провіанта и главнокомандующаго, на произволъ судьбы. Талантливѣйшій изъ иностранныхъ генераловъ, Огильви, спасъ ее отъ Карла, искусно переправившись черезъ Нѣманъ. Августъ уже тайно заключилъ перемиріе со Швеціей и отказался отъ Польши, когда Меншиковъ заставилъ его участвовать въ пораженіи шведовъ при Калишѣ. Въ концѣ 1706 г. перемиріе было объявлено, и Россія осталась одинъ на одинъ съ грознымъ врагомъ. Ожидая вторженія Карла, поспѣшно укрѣпляли Москву, Кіевъ и др. города. Всѣ попытки найти среди иностранныхъ дворовъ посредника для переговоровъ съ Карломъ были напрасны; надъ претензіями Россіи посмѣивались, считали ее ничтожной страной; русскіе послы играли жалкую роль въ европейскихъ столицахъ. Петръ предлагалъ Карлу миръ подъ условіемъ уступить только устье Невы съ Петербургомъ, но получилъ отказъ. Переговоры прекратились. Въ 1708 г. Карлъ двинулся по литовскимъ землямъ на Москву. Наступили тяжкіе дни: вся Россія казалась въ опасности. Петръ поселился въ Петербургѣ. Больной, въ состояніи душевной подавленности, онъ взялъ на себя оборону Финскихъ береговъ. Въ Москвѣ онъ не былъ уже 2 года. Тамъ накоплялись дѣла, которыхъ онъ не успѣвалъ и просматривать. Росписи расходовъ устрашали: страна доставляла 2 мил. съ небольшимъ въ годъ, а одна армія обходилась безъ малаго 3 милліона; всѣ запасы старыхъ монетъ исчезли; всюду были недохваты. Съ ничтожными средствами приходилось укрѣплять чуть ли не всѣ города. На Дону пылалъ Булавинскій бунтъ, поднятый казаками, стосковавшимися тяжелой службой подъ командой генераловъ, безъ прежнихъ вольностей; казаки объявили, что идутъ защищать вѣру противъ нѣмцевъ. На малороссійскаго гетмана Мазепу получались доносы, обвинявшіе его въ измѣнѣ, но Петръ имъ не давалъ ходу, дорожа образованнымъ дѣятелемъ.

Карлъ очень медленно двигался по направленію къ Москвѣ, поджидая подкрѣпленій. У Березины онъ разбилъ Шереметева, не имѣвшаго обычнаго численнаго перевѣса, чтобы противостоять шведамъ. Подкрѣпленіе велъ Карлу изъ Швеціи Левенгауптъ. Осенью 1708 г. Петръ настигъ свѣжее шведское войско при Лѣсной и разбилъ его, захвативъ весь обозъ, что очень ободрило русскихъ. Карлу оставалось разсчитывать только на Малороссію. Тамъ давно разгоралась вражда между высшимъ классомъ, казачьей старшиной, обратившейся въ землевладѣльческое дворянство, и крестьянствомъ съ рядовыми казаками. Первые посредствомъ древнихъ привилегій хотѣли добиться правъ польской

шляхты и свободы Малороссіи, которая открывала бы просторъ ихъ власти. Мазепа началъ затруднять переходъ посполитыхъ, т.-е. крестьянъ и мѣщанъ, въ казаки, думая выдѣлить послѣднихъ въ привилегированное сословіе. Ненавидѣлъ онъ народнаго героя Палѣя, заселившаго простолюдинами правый берегъ Днѣпра. Народъ боялся шляхетскихъ порядковъ, подавлявшихъ низшій классъ, и желалъ сохранить добрыя отношенія къ московскому правительству. Мазепа мечталъ о Малороссіи, какъ о самостоятельномъ государствѣ. Сперва онъ обращался къ сопернику Августа, новому польскому королю; потомъ ему показалось, что нашествіе шведовъ, которые непремѣнно побѣдятъ, думалъ онъ, самый удобный моментъ для его плановъ. Мазепа перешелъ на сторону Карла; но ошибся въ разсчетахъ: только 2 тыс. казаковъ пошли за нимъ. Меншиковъ очень энергично разорилъ гетманскую столицу, Батуринъ, и заставилъ казаковъ выбрать новаго гетмана.

Положеніе Карла XII все ухудшалось. Русскіе избѣгали открытыхъ сраженій, пропуская его внутрь страны, но избивали вспомогательные отряды. Новый король польскій былъ занятъ у себя борьбой съ русской арміей и сторонниками Августа. Очень холодная зима 1708—9 г. погубила много шведовъ. Весной 1709 г. Карлъ приступилъ къ осадѣ Полтавы; онъ надѣялся пріобрѣсти укрѣпленную опору въ Россіи, пока ему не удастся побудить къ войнѣ турокъ или получить помощь отъ Польши. Но онъ не понялъ тогда, что дѣйствовалъ уже среди борьбы націй, что ничего нельзя пріобрѣсти на территоріи чужого народа. Петръ и Меншиковъ начали понемногу стягивать къ Полтавѣ войска. Когда ихъ оказалось болѣе 50 тыс. противъ 28 тыс. шведовъ, назначили рѣшительное сраженіе. 27-го іюня шведы были разбиты на голову и бѣжали. Попрежнему Петръ сдалъ командованіе нѣсколькимъ генераламъ, а самъ являлся всюду, раздѣлялъ всѣ опасности. Глава государства и вся армія чувствовала, какъ важно единодушно всѣмъ вмѣстѣ совершить послѣднее усиліе и кончить мучительный періодъ борьбы. Но и въ моментъ великаго торжества царь со своими сподвижниками остались вѣрны себѣ: послѣ битвы начался пиръ горой, и Меншиковъ запоздалъ погоней за остатками шведовъ; когда онъ захватилъ ихъ у Переволочны на Днѣпрѣ, Карлъ съ Мазепой и тысячей людей успѣли переправиться и спастись въ Турцію.

Полтавская побѣда имѣла огромное значеніе для дальнѣйшаго положенія Россіи; при общей усталости и разореніи она не произвела тогда на русскихъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ за границей. Въ Европѣ побѣда русскихъ возбудила общее изумленіе; побѣдители лучшаго войска того времени стали считаться достойными занять мѣсто среди европейскихъ народовъ; они возбуждали даже страхъ и недовѣріе къ себѣ: Европѣ нужно было сократить ростъ этой новой силы; за это взялись державы дальняго запада, Франція и Англія.

Въ Польшѣ радостно встрѣтили извѣстіе о пораженіи Карла. Августъ Саксонскій снова вернулся на польскій престолъ, разорвалъ договоръ со Швеціей и примкнулъ къ Россіи. Данія и Пруссія рѣшили воспользоваться пребываніемъ Карла въ Турціи и получить что-нибудь отъ грозной Швеціи. Но всѣ хлопотали о себѣ; сама Польша боялась, что Россія слишкомъ много выиграетъ отъ Сѣверной войны. Россія продол-

жала борьбу, не торопясь, безъ прежняго напряженія. Въ 1710 г. Шереметевъ взялъ Ригу; вскорѣ овладѣли Перновомъ, Кексгольмомъ и Выборгомъ въ Финляндіи. Петръ много времени проводилъ теперь за границей, стремясь закрѣпить за собой побольше завоеваній и установить положеніе Россіи среди державъ. Тутъ онъ устроилъ нѣсколько брачныхъ союзовъ, женилъ сына, выдалъ замужъ племянницъ. Онъ работалъ съ прежней нервностью, добивался сношеній и союзовъ, часто ошибаясь, раздражая иностранцевъ неполитичными выходками. Волноваться приходилось не даромъ. Ворвавшаяся въ необычайныя условія политической жизни Россія была очень слабо подготовлена къ новой роли; опасности грозили ей со всѣхъ сторонъ.

Въ 1711 г., побуждаемая Франціей и Карломъ XII, Турція объявила войну, посадивъ русскаго посла Толстого въ Семибашенный замокъ. Петру оставалось только принять вызовъ. Сочувствіе балканскихъ славянъ, обѣщанія союза со стороны господарей Молдавіи и Валахіи внушили ему надежду на успѣхъ; кромѣ того, онъ разсчитывалъ на помощь Польши. Забравъ съ собой всю свою семью, свиту Екатерины Алексѣевны, онъ смѣло двинулся къ Пруту. Тутъ оказалось, что Валахія измѣнила союзу. Припасовъ для русской арміи не заготовили, и ей грозила голодовка. Польскій отрядъ остановился у своей границы и точно выжидалъ, кто побѣдитъ. Одинъ иностранный генералъ предостерегалъ Петра, что русскія войска оказываются въ такомъ же состояніи, въ какомъ были шведы передъ Полтавой. На военномъ совѣтѣ иностранцы предлагали остановиться у Днѣстра, но русскіе, т.-е. большинство, желали идти за Прутъ. Петръ стремился поддержать ожидаемое возстаніе славянъ и согласился съ большинствомъ. За Прутомъ 38 тыс. русскаго войска, отрѣзанныя отъ корпуса конницы, были окружены 200 тысячами турокъ и татаръ. Арміи грозила полная гибель, а Петру плѣнъ. Удачный подкупъ турецкаго главнокомандующаго и возстаніе янычаръ (гвардія султана) побудили турокъ согласиться на миръ... очень тяжелый для Россіи: Петру пришлось вернуть Турціи Азовъ съ окрестностями и новыми городами, срывъ тамъ всѣ крѣпости.

Начались новыя хлопоты царя на западѣ. Германскіе государи и Голландія нашли опасными совмѣстныя дѣйствія союзниковъ Россіи и запретили имъ нападенія на германскія владѣнія Карла XII-го на южномъ прибрежьѣ Балтійскаго моря. Вернувшись въ Швецію только въ 1714 г., Карлъ нападеніемъ на Пруссію самъ нарушилъ постановленіе державъ. Тогда союзники лишили его этихъ владѣній въ пользу Пруссіи. Зато высадка датско-русскаго флота въ Швецію не удалась въ силу взаимнаго недовѣрія между союзниками. Англійскій флотъ довольно долго крейсировалъ по Балтійскому морю, готовый остановить рѣшительныя дѣйствія Россіи. Но понемногу русскія войска къ 1717 г. захватили всю Финляндію; русскій флотъ плавалъ близъ Швеціи и завладѣлъ Аландскими островами. Давно желая мира, Петръ ухитрился на время привлечь къ дѣлу Францію, чтобы устроить его. На Аландскихъ островахъ начались было мирные переговоры; но сестра и наслѣдница Карла XII-го (ум. 1718 г.) не рѣшилась на требуемыя уступки. Высадка русскихъ войскъ въ Швецію и опустошеніе окрестностей Стокгольма заставили, наконецъ, шведовъ заключить миръ. Въ Ништадтѣ въ 1721 г. Брюсъ и Остерманъ выну-

дили шведовъ отдать Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Корелію и часть Финляндіи съ Выборгомъ; но зато Россія обязывалась выплатить Швеціи въ 4 г. два милліона рублей. Послѣ тяжкихъ испытаній Россія получила гораздо больше того, чего могъ ожидать Петръ въ началѣ войны. Дорого стоили Россіи берега, которыми не умѣли владѣть полоцкіе князья; только культурный подъемъ, охватившій русскихъ, помогъ вернуть ихъ. На торжествахъ по случаю мира сенатъ поднесъ Петру титулъ императора и званіе Великаго.—За границей долго не соглашались признать императорскій титулъ за русскими государями.

Царь не успокоился на этихъ завоеваніяхъ: ему казалось необходимымъ поправить неудачи на югѣ. Послы говорили, что Персія очень слаба. Въ 1722 Петръ отправился Волгой въ морской походъ Русскія войска быстро захватили западные берега Каспійскаго моря и часть южныхъ. Персія просила помощи у турокъ; послѣднихъ снова возбуждали къ войнѣ, чтобы сдержать Россію. Но Петръ началъ переговоры о мирѣ, сохраняя всѣ завоеванія.

XXVI.

Распаденіе старыхъ учрежденій. Губерніи. Сенатъ. Коллегіи.

За 21 годъ Сѣверной войны распались старыя государственныя учрежденія, а на ихъ мѣсто возникли новыя, болѣе подходящія къ обстоятельствамъ. Втеченіе первыхъ 13—15-ти лѣтъ это совершалось безъ обдуманнаго, цѣльнаго плана реформъ, а просто въ силу необходимости, ради выполненія неотложныхъ государственныхъ нуждъ. Изъ страны стремились извлекать, прежде всего, всѣ необходимыя средства для завоеваній и укрѣпленія новаго политическаго положенія государства. Съ началомъ напряженной военной дѣятельности представители знати и высшихъ чиновъ получили постоянныя назначенія и разъѣхались по своимъ частямъ арміи; царь очень рѣдко заѣзжалъ въ Москву, обыкновенно къ новому году. Постоянныя собранія думы прекратились; зато усиленно работала ея канцелярія, которая и обратилась на время въ главное правительственное мѣсто, завѣдывавшее самымъ насущнымъ — сборами денегъ и ихъ расходованіемъ. Иногда сюда съѣзжались оказавшіеся въ столицѣ важнѣйшіе чины для совѣщанія по особо важнымъ дѣламъ (съѣздъ „генералитета"). Старые приказы распадались и понемногу исчезали; забывался старый дворъ, прекращались записи старыхъ чиновъ. До Полтавской битвы Петру некогда было заниматься внутренними дѣлами: онъ весь поглощался борьбой. Нѣсколько успокоившись послѣ истребленія главной шведской арміи, Петръ сталъ внимательнѣй присматриваться ко внутренней администраціи своей страны

Съ началомъ мирныхъ переговоровъ со Швеціей царь получилъ больше досуга и сталъ собирать свѣдѣнія о государственномъ строѣ европейскихъ народовъ. Настала пора отъ быстрыхъ, экстренныхъ мѣръ, вызываемыхъ неотложной необходимостью, перейти къ обдуманной системѣ учрежденій. Еще въ началѣ войны Петръ въ одномъ указѣ высказалъ намѣреніе дѣйствовать во имя „общаго блага". Теперь онъ все болѣе и

болѣе увлекался этой задачей; у него складывается вѣра въ силу государственныхъ учрежденій и отдѣльныхъ наблюдателей; онъ полагаетъ, подобно многимъ современникамъ, что хорошими уставами и дѣльными начальниками можно перемѣнить нравы цѣлаго народа. Стоитъ только завести хорошія, разумныя учрежденія (по заграничной теоріи), и всѣ дѣла пойдутъ хорошо. Онъ намѣренъ не преобразовывать, а „учреждать" заново всѣ порядки жизни подданныхъ, ихъ производства, управляющія ими вѣдомства. Петръ считаетъ себя во имя высшаго разума учителемъ жизни и учредителемъ новаго государственнаго порядка. Простыя формы краткихъ указовъ прежнихъ царей и боярскихъ приговоровъ ему негодятся. Указы Петра наполняются длинными разсужденіями съ характерными „понеже" и „поколику", изъ которыхъ подданные должны почерпать свѣдѣнія о причинахъ, вызывающихъ новое учрежденіе, о его важности и значеніи, о томъ какъ слѣдуетъ къ нему приноравливаться. Уставы и регламенты выясняли, что „полиція рождаетъ добрые порядки и нравоученія, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ"... и т. д. „вкратцѣ же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности". Указъ объ ассамблеяхъ въ частныхъ домахъ устанавливалъ правила, „какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, покамѣстъ въ обычай войдетъ" до поведенія лакеевъ включительно. Подданные обращались въ учениковъ власти.

Ближняя канцелярія со съѣздами генералитета по своей безформенности могла удовлетворять неотложнымъ задачамъ только въ самый бурный періодъ войны. Послѣ Полтавской побѣды Петръ очень усложнилъ сношенія съ иностранными правительствами. Ввиду его постоянныхъ отлучекъ оказалось необходимымъ создать учрежденіе съ широкими болѣе опредѣленными полномочіями, которое бы вѣдало основныя дѣла государства: въ 1711 г. передъ отъѣздомъ въ Прутскій походъ, Петръ учредилъ сенатъ изъ 12-ти членовъ, назвавъ его правительствующимъ и указавъ, чтобы ему повиновались, какъ самому царю. Сенатъ вѣдалъ всякія дѣла, и судебныя, и даже военныя, назначалъ на всѣ должности; иногда издавалъ указы, какъ законодательное собраніе; ему подчинялись губернаторы. Онъ носилъ только иностранное названіе, но былъ вполнѣ русскимъ учрежденіемъ, съ неопредѣленнымъ и измѣнчивымъ кругомъ дѣйствій, въ духѣ старыхъ русскихъ вѣдомствъ. По порученію самодержца, въ его отсутствіе онъ правилъ всѣмъ, замѣняя его и неся отвѣтственность за свои распоряженія; въ присутствіи царя онъ былъ исполнителемъ его воли, дѣлаясь понемногу узломъ дѣятельности зародившейся бюрократіи. При сенатѣ состояли *фискалы* (фискъ по-латыни — казна) для обличенія казнокрадства, взяточничества и пр. злоупотребленій. Петръ до ослѣпленія вѣрилъ въ пользу вмѣшательства наблюдателей во всѣ общественныя и государственныя дѣла и придавалъ огромное значеніе доношеніямъ. При немъ даже сенаторы доносили другъ на друга. Безграничное право фискаловъ доносить, на кого угодно, и отсутствіе контроля надъ ихъ доносами позволяли имъ творить такія злоупотребленія, что только обличительныя проповѣди духовенства побудили нѣсколько сократить доносничество. Подавленный множествомъ разнообразныхъ дѣлъ, сенатъ часто сердилъ Петра своей медленностью въ дѣлопроизводствѣ; къ нему назначали

то генералъ-ревизора, чтобы слѣдить за бдительностью сенаторовъ и побуждать ихъ къ дѣятельности, то одно время даже офицеровъ гвардіи. Такъ и сенаторы иногда оказывались на ученическомъ положеніи передъ довѣренными лицами государя. А майоры гвардіи, военные товарищи Петра, играли очень важную роль тайныхъ пружинъ высшей администраціи; они положили начало дѣятельности Тайной канцеляріи, впослѣдствіи грознаго судилища государственныхъ преступленій.

Въ ожиданіи предстоящихъ реформъ иностранцы и русскіе представили рядъ проектовъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Шведскія учрежденія по справедливости считались лучшими. Изъ нихъ-то Петръ выбралъ *коллегіи*, долженствовавшія замѣнить исчезавшіе приказы. Государственныя дѣла разбились систематически на отдѣлы и распредѣлились между 10-ю коллегіями (позже 12-ью). Каждая состояла изъ президента, вице-президента, асессоровъ (4) и секретарей (2). По шведской системѣ полагалось, чтобы всѣ эти члены рѣшали дѣла сообща, коллегіально, а президентъ являлся бы не начальникомъ, а предсѣдателемъ и давалъ всѣмъ высказывать свои мнѣнія. Часть коллегій подчинили сенату, часть—иностранная, военная и адмиралтейская—были самостоятельны и равны ему. Личное значеніе президента скоро стало вытѣснять коллегіальность, и русская практика измѣнила иностранные порядки. Всесильный Меншиковъ въ своей военной коллегіи ни съ какими мнѣніями не считался. Однако, благодаря системѣ въ группировкѣ дѣлъ, коллегіи были шагомъ впередъ сравнительно съ приказами. Впрочемъ, сразу не смогли измѣнить старины и систематизировать вполнѣ распредѣленіе дѣлъ. Нѣкоторые приказы, какъ Сибирскій, еще существовали рядомъ съ новыми учрежденіями. Устраивалось много отдѣльныхъ канцелярій, работавшихъ довольно самостоятельно. Съ возникновеніемъ коллегій сенатъ передалъ имъ массу текущихъ дѣлъ, но сохранилъ прежнее значеніе въ законодательствѣ и судебной дѣятельности. Ему назначали наблюдателя, *генералъ-прокурора* („око царское", по словамъ Петра), который обратился въ его начальника, главное лицо перваго министра государственной администраціи, и лишилъ собранія прежней независимости. Другимъ важнымъ чиномъ при сенатѣ являлся *генералъ-рекетмейстеръ* (рекетъ—сборъ), принимавшій въ сенатѣ жалобы на коллегіи и др. учрежденія.

Что касается реформъ въ областной администраціи, то онѣ начались ранѣе другихъ, вызванныя необходимостью собирать средства съ населенія въ глубинѣ самой страны. До 1709 г. состоялась одна реформа, особенно необходимая для содержанія войскъ. Еще при царѣ Алексѣѣ нашли удобнымъ содержать войска на мѣстныя средства областей, не теряя времени на перевозъ этихъ средствъ въ Москву; десятки уѣздовъ соединились въ округа ради выполненія финансовыхъ и военныхъ нуждъ (главнымъ образомъ, на югѣ и югѣ-востокѣ). Петръ вооружался, строилъ корабли, воевалъ почти на всѣхъ границахъ, и потому усиленно пользовался средствами такихъ округовъ. Ингерманландія съ Петербургомъ и окрестными уѣздами, порученная неограниченной власти Меншикова, пропитывала массы войскъ. Ради той же цѣли возникалъ то Смоленскій, то Кіевскій округъ, гдѣ расквартировывались войска и содержались на мѣстные сборы. Въ 1708 г., руководствуясь этими опытами, Петръ раз-

дѣлилъ всю Россію на 8 громадныхъ округовъ, назвавъ ихъ губерніями. Во главѣ каждой былъ поставленъ губернаторъ, которому подчинялись воеводы составлявшихъ губернію уѣздовъ; губернаторы пользовались огромною властью. Особый комиссаръ заботился о расходахъ на войска. Главная московская ратуша перестала играть прежнюю роль, когда она собирала большія суммы денегъ на военные расходы; многія дѣла ея отошли къ губернаторамъ; по той же причинѣ закрылись нѣкоторые приказы. Внутри губерній продолжались прежнія соединенія уѣздовъ по практическимъ соображеніямъ. Въ нѣкоторые важные города назначались оберъ-коменданты; имъ подчиняли незначительные города съ уѣздами, и такіе округа начинали называть *провинціями*.

Позже попытались дать дальнѣйшее развитіе областному управленію, тоже по шведскому образцу, съ коллегіальнымъ характеромъ. По указу 1713 г. при губернаторахъ долженъ былъ состоять совѣтъ выборныхъ дворянъ, *ландратовъ*, земскихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ каждый управлялъ долей губерніи; дворяне—*ландрихтеры*, земскіе судьи, избирались для суда и разбора поземельныхъ дѣлъ; такъ проявилась первая попытка отдѣлить судъ отъ прочихъ вѣдомствъ. Но выборное начало оказалось непримѣнимымъ; дворянство служило въ войскахъ и почти все отсутствовало изъ уѣздовъ: въ помѣстьяхъ оставались убогіе, раненые, укрывающіеся отъ службы, негодные для общественной дѣятельности; дворяне уклонялись отъ новой служебной и выборной повинности и привлекались къ ней подъ страхомъ штрафовъ и наказаній.

Вслѣдъ за учрежденіемъ коллегій послѣдовало дальнѣйшее преобразованіе губернской администраціи по новой системѣ, заимствованной, — опять-таки у Швеціи. Ландратскія доли, состоявшія изъ опредѣленнаго числа податныхъ дворовъ, были обращены въ провинціи, числомъ до 50. Во главѣ ихъ поставлены были воеводы съ громадной властью; инструкція Петра отдавала подъ ихъ наблюденіе рѣшительно все, всѣ стороны обывательской жизни, даже охраненіе чистоты православной вѣры. Петровскій воевода могъ подчинить себѣ все, что хотѣлъ Его ближайшими помощниками являлись земскій секретарь и камерирь-совѣтникъ по финансовымъ дѣламъ. Въ провинціальномъ городѣ находилось рентерея-казначейство со своимъ начальникомъ и штатомъ служащихъ. Кромѣ того, въ провинціи назначались землемѣры, лѣсничіе со своими командами, межевщики и т. д. Главными лицами въ уѣздахъ сдѣлались земскіе комиссары, имѣвшіе помощниковъ и канцеляріи. Петръ попытался сдѣлать первый шагъ къ отдѣленію суда отъ прочей администраціи; онъ понималъ важное значеніе судопроизводства; въ Европѣ оно выдѣлялось въ особое вѣдомство, которое должно было внушать гражданамъ чувство справедливости, уваженіе къ ближнимъ, твердое пониманіе правъ собственности.

Подъ вѣдѣніемъ юстицъ-коллегіи рѣшили въ Петербургѣ и 8-ми большихъ городахъ открыть *надворные* суды, родъ маленькихъ коллегій изъ президента съ помощникомъ и 6-ю асессорами. Въ провинціяхъ учредили *нижніе* суды изъ меньшаго числа членовъ; а въ уѣздахъ поставили только по одному городовому судьѣ. Этой реформы такъ и не удалось провести въ жизнь: скоро оказалось, что въ Россіи недостаетъ ни людей, ни денегъ для такой сложной администраціи; особенно затрудни-

тельно было измѣнять судебные порядки. На Руси судопроизводство считалось принадлежностью всякой администраціи: народъ не различалъ судью отъ начальника, а начальники цѣнили судебныя дѣла, какъ самыя доходныя въ своихъ вѣдомствахъ. И народъ, и администраторы отнеслись враждебно къ новымъ судамъ. Воеводъ и губернаторовъ хотѣли было отстранить отъ суда; но недостатокъ въ служилыхъ людяхъ побудилъ сдѣлать первыхъ предсѣдателями низшихъ провинціальныхъ судовъ, куда съ трудомъ набирали асессоровъ, а губернаторовъ назначать на предсѣдательство въ надворныхъ судахъ. Воеводы, непонимавшіе, почему ихъ лишили самыхъ доходныхъ дѣлъ, охотно судили жалобы, если къ нимъ обращались, а судьи сами уступали имъ судебныя дѣла, чтобы не ссориться. Такимъ образомъ, старина заѣдала реформы, и судъ спутывался съ администраціею. Быстрыя реформы учрежденій создавали страшный хаосъ въ провинціяхъ. Составъ служащихъ былъ старый, весьма немногочисленный. Тѣ же лица въ новыхъ чинахъ переводились съ мѣста на мѣсто, со строгими наказами сдавать дѣла на старомъ мѣстѣ и спѣшить на новое. Многіе получали сразу два указа: одинъ — немедленно ѣхать въ новую провинцію подъ страхомъ наказанія; другой — ожидать запоздавшаго преемника. Сидѣть или ѣхать — каждый рѣшалъ по личному соображенію. Сенатъ полгода занимался только назначеніемъ воеводъ съ ихъ секретарями; но и черезъ два года были провинціи безъ всякаго начальства; а камериры и пр. мелкіе администраторы еще менѣе спѣшили, поправляя свои отчеты и пополняя суммы, гдѣ нужно, чтобы не попасть подъ судъ. А въ новые суды такъ и не набрали служащихъ болѣе половины комплекта. Одинъ губернаторъ во время этой реформы слезно жаловался царю, что у него „все стало въ остановкѣ“.

Полное примѣненіе раздѣленія власти судебной, финансовой и административной, какъ это было въ Швеціи, требовало такого штата служащихъ, такихъ расходовъ, что одинъ уголокъ Россіи стоилъ бы дороже, чѣмъ вся старая администрація. Въ силу этого, пришлось остаться при тяжелыхъ свойствахъ прежняго судопроизводства.

При преемникахъ Петра многія должности были отмѣнены. Дворянство ставило изъ своей среды только земскаго комиссара, завѣдывавшаго сборомъ податей и мѣстной полиціей; провинціальное управленіе и надворные суды были отмѣнены; сохранились въ губерніяхъ одни уѣзды со старинымъ воеводскимъ управленіемъ, съ его правомъ суда и расправы надъ жителями.

Попытка преобразователя создать новое уложеніе посредствомъ дополненія стараго совершенно не удавалась: примѣры иностранныхъ сводовъ не годились для Россіи; быстрота же реформъ, по большей части не связанныхъ между собой, совершенная незаконченность преобразованій мѣшали спокойной обработкѣ указовъ въ цѣлый, связный сводъ законоположеній. Такъ Россія осталась надолго при массѣ указовъ и повелѣній. Для цѣлаго ряда созданныхъ эпохой должностей необходимы были люди, а ихъ постоянно не хватало; коллегіи открывались съ большимъ трудомъ за отсутствіемъ служащихъ. Писцовъ приказывали выписывать изъ-за границы; много шведскихъ плѣнниковъ, говорятъ, приспособили къ чиновничьимъ должностямъ. Съ начала реформъ среди служащихъ царствовала изумительная смѣсь чиновъ и званій: стольникъ и окольничій въ нѣмец-

комъ платьѣ сидѣли рядомъ съ бригадирами и генералъ-поручиками, камеръ-юнкеры и спальники дежурили при дворѣ.

Правительство ясно видѣло, какъ необходимо для государства позаботиться о постоянномъ пополненіи служилаго класса притокомъ новыхъ силъ; необходимо точнѣе опредѣлить положеніе того слоя его, который исключительно живетъ службой и подходящъ для гражданскихъ вѣдомствъ.

Послѣ учрежденія коллегіи выдающіяся лица петровской администраціи разработали степени чиновъ, которыми опредѣлялась іерархія служащихъ отъ низшихъ до высшихъ, указывалось подчиненіе однихъ другимъ. Въ 1722 г. изъ этой работы возникъ указъ о „табели о рангахъ". Параллельными списками по гражданской, военной, морской и придворной службѣ чины, или „ранги" располагались на 14 классовъ, въ соотвѣтствіи между собой, отъ коллежскаго регистратора и прапорщика до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-аншефа. Служащій, непринадлежащій къ сословію помѣстнаго дворянства, т.-е. служилаго по преимуществу, сдѣлавшись прапорщикомъ (13 чинъ) или коллежскимъ асессоромъ (8-й по гражд. вѣд.), становился потомственнымъ дворяниномъ и получалъ всѣ соотвѣтствующія права. На военной службѣ выслуга очень облегчалась. Табелью о рангахъ сдѣлали первый шагъ къ нарушенію прежняго закрѣпленія сословій, ихъ разграниченія другъ отъ друга; выслугой человѣкъ могъ перейти въ высшее сословіе; родъ уже ничего не значилъ для повышенія по службѣ: вся сила была въ самой службѣ.

При новыхъ порядкахъ положеніе дворянства сильно измѣнилось, Это не были мѣстныя землевладѣльческія силы, воины-помѣщики, сосѣди, ручавшіеся другъ за друга, приступая къ службѣ; среди дворянства возникало и постоянно росло чиновничество, по-европейски бюрократія, классъ, созданный правительствомъ для исполненія своихъ порученій и всѣмъ ему обязанный. Среди бюрократіи каждый зналъ свое дѣло, свою зависимость отъ высшаго и право контроля надъ низшимъ. Ей былъ чуждъ корпоративный духъ; интересъ каждаго заключался въ выполненіи тѣхъ порядковъ, какіе требовались высшими. Дѣятельность низшихъ совершенно поглощалась высшей инстанціей, претворялась въ ней. Чиновники составляли армію исполнителей указовъ и предписаній, покорную ради выслуги, часто чуждую окружающей обывательской жизни. Отсутствіе мѣстныхъ интересовъ, самостоятельности общественныхъ союзовъ придавало большое значеніе бюрократіи. Слѣдуетъ замѣтить, что и при новыхъ чинахъ нравственный уровень служащихъ и ихъ отношеніе къ службѣ не измѣнилось. Недавніе подъячіе приказовъ, носители новыхъ чиновъ, попрежнему дѣлились доходными статьями. Попрежнему не было возможности контролировать расходы губернаторовъ и воеводъ: отчетъ губернатора показывалъ одинъ остатокъ, а его канцелярія давала свѣдѣнія о суммахъ вдвое, втрое высшихъ. Ни фискалы, ни генералъ-прокуроры не могли справиться со старыми привычками. Важнымъ оправданіемъ служащихъ было постоянное запаздываніе въ выдачѣ жалованья, которое при преемникахъ Петра совсѣмъ отмѣнили для воеводъ и многихъ другихъ чиновъ администраціи, да полное невниманіе къ мѣстнымъ расходамъ самихъ вѣдомствъ.

На нужды канцелярій, подводы для разъѣздовъ, содержаніе тюремъ отпускали такія крошечныя суммы, что тюрьмы разваливались, колодники разбѣгались, подводы брали даромъ, а на бумагу, чернила, свѣчи въ канцеляріи устанавливали маленькій сборъ съ обывателей. Многіе годы даже подъячіе сената совсѣмъ не имѣли окладовъ и завѣдомо кормились отъ дѣлъ. Тоже самое дѣлали и всѣ служащіе, внося старыя привычки въ новыя учрежденія.

XXVII.

Землевладѣніе. Подушная подать. Промышленность. Городской классъ.

Давно уже служилые люди принимали мѣры, чтобы ихъ помѣстные участки закрѣплялись за ихъ сыновьями или близкими родичами, и только прибавка и награды получались въ другихъ мѣстностяхъ. Помѣстный приказъ нашелъ удобнымъ принять это за обычай. Во 2-й половинѣ XVII в. позволили служилымъ дворянамъ мѣняться помѣстной землей, часто съ денежными прибавками, что привело къ скрытой продажѣ участковъ, и помѣстная земля стала сливаться съ вотчиной. Въ указѣ о порядкахъ наслѣдованія 1714 г. Петръ смѣшалъ оба вида земель въ одинъ— недвижимыя имѣнія, и указалъ, чтобы впредь родители—не только дворяне, но и прочихъ сословій—не дробили ихъ между сыновьями, а оставляли одному старшему, младшіе же получали только движимое. Онъ разсчитывалъ: 1) побудить младшихъ сыновей къ болѣе усердной службѣ; 2) сохраненіемъ крупныхъ имѣній способствовать улучшенію сельскаго хозяйства и повышенію ихъ цѣнности; 3) улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, которымъ всегда было легче работать въ богатыхъ вотчинахъ, чѣмъ у мелкопомѣстныхъ, заставлявшихъ своихъ немногочисленныхъ работниковъ справлять всякую работу. Вотчинники-бояре ничего не имѣли противъ такого закона; но мелкіе владѣльцы недвижимости, не обладавшіе капиталами для награжденія младшихъ дѣтей, роптали на вмѣшательство въ свои семейныя и хозяйственныя дѣла и прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобы надѣлять по русскому обычаю всѣхъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, для дворянъ было очень важно, что помѣстья обратились въ ихъ прочную собственность.

Военная служба очень измѣнилась уже въ силу того, что служилыхъ помѣщиковъ было слишкомъ недостаточно для пополненія новой арміи. Въ 1699 г. передъ шведской войной впервые набрали массу солдатъ (32 тысячи) изъ тяглыхъ сословій; черезъ нѣсколько лѣтъ получилось названіе новой повинности — наборъ „рекрутъ". Служба по набору была тоже пожизненной, и рекрутъ съ семьей навсегда уходилъ изъ своей прежней среды. Въ тяжелые годы шведской войны стали брать въ рекрута дѣтей церковнослужителей, если они ничему не учились и не готовились въ духовное званіе, что очень напугало духовенство и побудило къ обученію дѣтей. Рекрутовъ ставили сами городскія и крестьянскія общества. Порядокъ разверстки и семейныя права опредѣлили уже послѣ Петра. Рекрутскіе наборы явились въ то время передовой рефор-

мой, выгодно отличавшей военные порядки Россіи отъ личной вербовки, еще господствовавшей въ Европѣ; но зато они перенесли всю тяжесть военной службы на тѣ же тяглые классы, крайне обремененные податями.

Кромѣ реформы службы, на положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія оказали сильное вліяніе податная система и мѣры Петра къ поднятію образованія. Въ 1678 — 80 гг. прямыя подати взимались съ двора, а не съ „сохи". Скоро сказались всѣ недостатки этой формы обложенія: люди находили возможность избѣгать платежей, переселяясь на время нѣсколькими семьями на одинъ дворъ, покидая деревни и скрываясь въ пустынныхъ мѣстахъ, въ монастырскихъ работникахъ и пр. По прежнему по русской землѣ скиталось много „вольныхъ", „гулящихъ" людей безъ опредѣленнаго мѣстожительства и потому свободныхъ отъ податей; не платили ихъ и холопы, служившіе на дворахъ господъ. Когда въ тяжелые годы войны податные доходы стали уменьшаться, сдѣлали новыя подворныя переписи; онѣ показали поразительную убыль населенныхъ дворовъ, мѣстами на половину; особенно запустѣли сѣверныя области, гдѣ жили крестьяне черносошные, частью монастырскіе, платившіе всегда болѣе другихъ, а теперь подвергшіеся еще воинской повинности. Слѣдуетъ думать, что населеніе отхлынуло въ отдаленныя укромныя мѣста, подальше отъ наблюденія начальства и сборщиковъ. Государство съ тяжелыми усиліями только-что пробило себѣ мѣсто среди европейскихъ державъ и требовало все бо̀льшихъ расходовъ; сократить ихъ въ то время было невозможно. Правительство искало всюду доходныхъ статей: перечеканка монеты уже не давала дохода, такъ была испорчена самая монета. Придумывали новые налоги, обложили оброкомъ рыбныя ловли, мельницы, даже домашнія бани; казна взяла въ свои руки торговлю солью, табакомъ, дубовыми гробами. Все-таки повсюду были большіе недоборы (дефицитъ).

Въ 1716—17 гг. снова переписали дворы, а въ нихъ все мужское населеніе; убыль оказалась менѣе поразительной; мѣстами даже число людей прибавилось: очевидно, съ прекращеніемъ военныхъ тревогъ, и бѣгство уменьшилось. Но доходовъ все-таки нельзя было повысить, такъ какъ число дворовъ не увеличилось. Приходилось придумать новый способъ обложенія, чтобы поймать побольше плательщиковъ. Проектъ одного иностранца напомнилъ Петру объ удобствахъ „поголовной" подати во Франціи. Чтобы перенести подать на лицо плательщика, слѣдовало переписать поголовно все тяглое неслужилое населеніе Россіи. Въ 1718 г. Петръ приказалъ произвести такую перепись, *ревизію*, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ точныхъ свѣдѣній, во сколько обходится въ годъ каждый солдатъ и вся армія. Круглымъ числомъ содержаніе сухопутной арміи обходилось въ 4 милліона. Этотъ расходъ требовалось обезпечить прежде всего. Нѣсколько лѣтъ ревизія не удавалась, вслѣдствіе милліонныхъ утаекъ, а также и потому, что администрація не знала въ точности, кого писать въ тяглое сословіе. Грозными указами назначали страшныя кары за укрывательство. Гулящимъ людямъ настрого приказали поступать въ военную службу или приписываться въ крѣпостные къ помѣщикамъ, а отнюдь не жить праздно. Наконецъ, рядомъ опытовъ установили, какія группы населенія подлежатъ записи въ ревизскія сказки. Въ январѣ

1723 г. собственная припись Петра рѣшила судьбу холоповъ:—„писать всѣхъ, и служащихъ (т.-е. дворовыхъ) положить въ поборъ“. Это то знаменитое постановленіе, которымъ помѣщичьи крестьяне смѣшивались съ холопами въ одно крѣпостное состояніе. Долго не могло оно сложиться въ умѣ законодателя. Съ другой стороны въ число тяглыхъ ревизія ввела много служилыхъ людей низшаго разряда, такъ наз. *однодворцевъ* черноземной полосы. Въ 1724 г. насчитали съ нѣкоторой достовѣрностью 4 мил. 750 тыс. крестьянъ, холопей, мѣщанъ и купцовъ. Петръ разложилъ круглую цифру 4 мил. рублей на круглую же—5 мил. людей, и на каждое лицо пришлось 80 копеекъ необходимаго государству платежа подати. Осьмигривенный окладъ и сдѣлался подушной податью мужского тяглаго населенія имперіи; только ввиду лишнихъ 750 тыс. сдѣлали льготу,—брали 74 коп. съ души. Помѣщичьи крестьяне этимъ окладомъ были смѣшаны съ холопами въ одну массу крѣпостного сословія. Ради дальнѣйшаго уравненія въ повинностяхъ, черносошные крестьяне (при Петрѣ ихъ назвали *государственными*) и горожане были обложены оброкомъ въ 40 коп.; крѣпостные же считались оброками только съ помѣщикомъ.

Съ тѣхъ поръ прямые налоги надолго сдѣлались главнымъ источникомъ доходовъ казны и всею тяжестью падали на низшіе классы; косвенные же налоги, выплачиваемые потребителями всѣхъ сословій, получили меньшее значеніе. Вмѣсто $1^1/_2$ милліона въ годъ, собираемаго казной въ концѣ XVII в., Петръ сумѣлъ къ 1725 г. съ того же числа населенія выручать до 10 милліоновъ, и все благодаря подушному налогу, обложенію личности рабочаго, не считаясь съ его обезпеченностью — имуществомъ и заработками. Платили убогіе, нищіе, младенцы; общины платили за людей, уже взятыхъ на военную службу. Кромѣ того, подушное обложеніе требовало строгаго прикрѣпленія „душъ“ къ мѣсту жительства—иначе эти платежи трудно взыскивать — и предоставляло обществамъ значительную власть надъ ихъ членами; а это стѣсняло пріисканіе заработковъ и развитіе производительныхъ силъ населенія.

Страстныя заботы Петра создать русскую промышленность не могли улучшить этихъ заработковъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ перенесъ изъ-за границы ту систему народнаго хозяйства, которая называлась „меркантилизмомъ“; она росла и окрѣпла одновременно и въ зависимости отъ усиленія государственной власти. Съ развитіемъ государствъ полицейскаго строя монархамъ прежде всего необходимы были деньги для содержанія арміи, артиллеріи, множества чиновниковъ для правительственныхъ учрежденій; главною цѣлью правительства становилось накопленіе денегъ посредствомъ развитія внѣшней и вывозной торговли; отправляя какъ можно больше товаровъ заграницу, страна получаетъ деньги, количество которыхъ въ ней увеличивается. Внутренняя же торговля, особенно важная для населенія, не имѣетъ значенія, потому что запасъ денегъ только переходитъ изъ рукъ въ руки своихъ же подданныхъ. Обработанный товаръ дороже сырья, поэтому усиленно хлопотали объ учрежденіи заводовъ и фабрикъ, чтобы отправлять за границу дорогіе обработанные продукты. На чужіе товары налагали большія ввозныя пошлины (тарифы), заставляя находить выгоду обрабатывать ихъ дома, давали привилегіи фабрикантамъ ради поощренія, даже монополіи. Богатство видѣли исключительно въ деньгахъ, а не въ хлѣбѣ, не въ довольствѣ населенія; имъ

даже жертвовали, чтобы побольше продать и сосредоточить больше денегъ въ рукахъ капиталистовъ. Завоевывая для Россіи мѣсто въ средѣ европейскихъ государствъ, Петръ тоже долженъ былъ искать денегъ для содержанія вздорожавшей арміи, флота и администраціи и принялъ готовую меркантильную систему. Ему необходимы были сукна, кожи, принадлежности вооруженія, которыя приходилось выписывать изъ-за границы и тратиться на обогащеніе чужой промышленности. Немедленно по возвращеніи изъ перваго путешествія Петръ, можетъ быть и не вполнѣ сознательно, принялъ мѣры къ тому, чтобы положить начало учрежденію крупныхъ промышленныхъ заведеній.

Въ Россіи давно существовалъ классъ купцовъ-капиталистовъ, гостей. Они занимались скупкой простыхъ издѣлій русскихъ кустарей — лѣса, хлѣба, холста и пр. и перепродавали ихъ: они были главными врагами привилегій иностранныхъ промышленниковъ, мѣшавшихъ ихъ операціямъ. Правительство давно привыкло обращаться къ нимъ за свѣдѣніями объ экономическомъ положеніи народа, поручало имъ за ихъ отвѣтственностью важные казенные сборы. Обратилось оно къ нимъ и теперь. Когда правительство обезпечило поставку товара на свои казенныя нужды, русскіе капиталисты нашли выгоднымъ составлять компаніи для устройства суконныхъ фабрикъ, выработки кожъ, полотенъ. Фабрики открывали люди, близкіе царю и знакомые съ иностранной промышленностью — Меншиковъ, Шафировъ, Толстой, Апраксинъ, привлекая въ компаніи купцовъ. Екатерина Алексѣевна, вторая жена Петра, открыла первый крахмальный заводъ на своей мызѣ. Правительство давало небольшія субсидіи фабрикантамъ; открывъ совершенно новое производство, оно спѣшило сдать его въ аренду частнымъ лицамъ; затѣмъ, высокими тарифами оно такъ затрудняло ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ, что заставляло потребителей довольствоваться русскимъ товаромъ и поддерживать вновь открытыя фабрики. Чтобы избавить новичковъ-предпринимателей отъ большого риска, правительство не допускало вольной конкуренціи и не дозволяло открывать новыхъ фабрикъ, пока не укрѣпились раньше открытыя фабричныя производства того же товара.

Особенно усилилась разработка минеральныхъ богатствъ Россіи; тутъ главное вліяніе оказали опять-таки потребности казны: артиллерія, новыя вооруженія, флотъ потребовали множество металлическихъ издѣлій, что̀ и подняло горнозаводское дѣло.

Первымъ препятствіемъ для развитія промышленныхъ заведеній оказалось отсутствіе рабочихъ. Скудныя потребности русскаго люда, привычка къ вольной жизни, труду исподволь, кое-какъ, безъ вниманія къ цѣнности времени, отталкивали его отъ регламентированнаго по часамъ фабричнаго труда; недисциплинированный сынъ полей предпочиталъ житье впроголодь, странничество, нищенство—работѣ по найму, хотя бы и выгодной, но требовавшей вниманія и напряженія. Правительство обратилось къ принудительнымъ мѣрамъ; сперва приказали брать на фабрики и заводы рабочихъ изъ штрафованныхъ, арестованныхъ, бродягъ; результаты оказались, конечно, плачевными. Тогда стали приписывать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ въ обязательные работники; купцамъ, не имѣвшимъ давно уже права владѣть населенными имѣніями, разрѣшили покупать людей для приписки исключительно къ промышленнымъ

учрежденіямъ. Только подневольнымъ трудомъ и двинулась нѣсколько впередъ русская обрабатывающая промышленность, пока служившая главнымъ образомъ, потребностямъ казны.

Такъ возникъ новый видъ крѣпостного состоянія — заводскіе или „поссессіонные“ крестьяне, положеніе которыхъ часто оказывалось еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ помѣщичьихъ. Въ 1719 г. среди коллегій возникли *мануфактуръ* и *бергъ* (горная) коллегіи: онѣ завѣдывали фабриками, металлургической промышленностью. Техниковъ и мастеровъ для промышленныхъ заведеній выписывали изъ-за границы. Въ Петровское царствованіе пошли въ ходъ 233 фабрики и завода, казенныхъ и частныхъ.

По своей впечатлительности и живости царь старался привить къ русскимъ множество техническихъ пріемовъ и хозяйственныхъ сноровокъ, о которыхъ узнавалъ отъ иностранцевъ: выписывалъ племенной скотъ для улучшенія русскихъ породъ тонкорунныхъ овецъ: приглашалъ изъ Германіи косцевъ, чтобы научить русскихъ лучшимъ пріемамъ косьбы: хлопоталъ о разработкѣ каменнаго угля и торфа и т. д. Много тутъ бывало увлеченіи, которыя, при обычныхъ угрозахъ и карахъ ослушниковъ, непокоряющихся благодѣтельнымъ мѣрамъ, очень тяжело отзывались на людяхъ и ихъ средствахъ: многія производства, требующія изящной выдѣлки и художественнаго образованія, заводились преждевременно и вызывали затраты, невознаградимыя въ бѣдной странѣ. Тяжка была невольная техническая школа, но она многому научила: медленно, таясь въ глубинѣ населенія, развивались производства, если не фабричнымъ, то кустарнымъ путемъ: а въ высшемъ слоѣ возникали потребности въ улучшеніи обстановки, въ удобствахъ, которымъ учились удовлетворять.

Въ 1723 г. сдѣлана была попытка устроить городской торговый классъ на иностранный ладъ. Учрежденныя въ 1699 г. ратуши исчезли среди перемѣнъ въ областномъ управленіи: ихъ замѣнили городскими *магистратами* изъ выбранныхъ мѣстнымъ купечествомъ членовъ—бурмистровъ и президентовъ: послѣдніе правили хозяйственными дѣлами города и судили мѣстныхъ горожанъ. Городскіе жители (исключая дворянъ и служащихъ) раздѣлились на немногочисленную группу „регулярныхъ“ гражданъ и многочисленную „нерегулярныхъ“; къ первой принадлежали купцы, распредѣлявшіеся по величинѣ объявленнаго капитала на 2 гильдіи: только эти капиталисты и являлись представителями города. Вторую группу составляли мѣщане, ремесленники, посадскіе и др. эта реформа не внесла почти ничего новаго въ жизнь русскихъ городовъ. По старому они оставались былой посадской общиной, члены которой исполняли множество „вѣрныхъ“ по присягѣ службъ по всякимъ казеннымъ сборамъ у себя и по командировкѣ на границѣ, на таможняхъ внутри страны, при портахъ; службы стали даже сложнѣе и тяжеле, а съ подушными общіе платежи, казенные и мірскіе, еще разорительнѣе. Гильдейскіе купцы и крупные собственники сваливали службы на бѣднѣйшихъ обывателей.

Магистраты не имѣли никакой самостоятельности и представляли только новыя группы казенныхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ полиціей, больницами и т. д. Самъ Петръ, всегда полагавшій, что всякое вѣдом-

ство должно имѣть командира, открылъ въ Петербургѣ главный магистратъ, которому подчинилъ всѣ прочіе магистраты, ему же далъ въ начальники знатнаго бригадира. По смерти Петра магистраты были во всемъ подчинены воеводамъ. Вся реформа не создала никакого самоуправленія; городская жизнь была слишкомъ слаба въ Россіи, духа общественности не проявлялось. Капиталисты склонялись передъ чиновными начальниками и проявляли свою силу надъ „нерегулярными“ людьми. Образованіе долго не проникало въ среду горожанъ.

XXVIII.

Школа и просвѣщеніе при Петрѣ I. Церковь. Послѣдніе годы жизни Петра.

Школьное дѣло при Петрѣ сдѣлало большой и рѣшительный шагъ впередъ, но развитіе его побуждалось такими же тяжелыми, непослѣдовательными мѣрами, какъ и всѣ преобразованія. Царь самъ всему учился на дѣлѣ; такую же техническую выучку проводилъ онъ и въ учебной системѣ. Вообще всякое государство, полицейскими мѣрами заботившееся о школахъ, давало образованію узкопрактическій характеръ. Въ 90-хъ годахъ XVII в. при его гвардейскихъ полкахъ существовало нѣчто въ родѣ учебнаго отдѣла, гдѣ учили счисленію, математическимъ навыкамъ вперемѣшку съ техникой артиллерійскаго дѣла. Дополняли ученье поѣздкой за границу, по примѣру царя. Это былъ первый зародышъ свѣтской школы. Въ 1697 г. Петръ пригласилъ на русскую службу англичанина, профессора математики Фарварсона, съ двумя помощниками. Съ ихъ помощью въ 1703 г. открыли въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, математическую школу, навигацкую, какъ любилъ говорить страстный морякъ-царь. Туда вытребовали болѣе 300 дѣтей изъ семей служилаго дворянства; имъ отпускали въ сутки 3—4 коп. кормовыхъ на все ихъ содержаніе. Безграмотныхъ мальчиковъ учили сперва грамотѣ, затѣмъ ариѳметикѣ и геометріи, артиллеріи и мореплавательному искусству. Первое школьное ученье очень тяжело давалось юношеству. Не только не существовало никакихъ учебниковъ, но и такихъ обыкновенныхъ словъ, какъ *сложеніе и вычитаніе* еще не знали; дѣти долго коверкали латинскія названія дѣйствій—аддиціо, субстракціо и т. д. Учились они по запискамъ со словъ иностранцевъ учителей, и тетрадки записокъ съ ихъ варварскимъ русско-голландско-англійскимъ языкомъ хранились въ семьяхъ для обученія младшихъ поколѣній. Въ ту же школу присылали цѣлыя роты солдатъ учиться вмѣстѣ съ мальчиками начаткамъ сапернаго дѣла. При очень разнообразномъ составѣ учениковъ, когда рядомъ съ дѣтьми учились и женатые отцы семействъ, не могло быть и рѣчи о воспитаніи. Посылка служилыхъ людей за границу при Петрѣ была въ сущности главнымъ образовательнымъ средствомъ.

Чтобы заставить дворянъ учиться, ежегодно вызывали дѣтей на „смотры“ по большимъ городамъ. 14-лѣтній мальчикъ долженъ былъ знать грамоту: затѣмъ учился математикѣ дома, или посылался въ школу. Въ 1715 г., съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ, сюда переѣхалъ

Фарварсонъ съ группой учениковъ и положилъ начало морской академіи (нынѣ корпусъ). Нѣсколько позже изъ Сухаревской школы выдѣлились артиллерійская и инженерная школа. Въ 1714 г. Петръ издалъ указъ, чтобы по всѣмъ городамъ основывали „цифирныя“ школы для всякаго рода дѣтей. Болѣе 40 учениковъ изъ навигацкой школы послали въ архіерейскіе дома, чтобы учить дѣтей ариѳметикѣ и геометріи,—и только о русскомъ языкѣ и др. предметахъ не говорилось ни слова. Вѣроятно, думали, что грамотѣ могутъ учить и сами церковные люди. Строгій указъ гласилъ, чтобы непремѣнно всѣ мальчики учились цифири, а неучившихся грозили не вѣнчать. Онъ свидѣтельствовалъ только о страстномъ желаніи царя, чтобы всѣ русскіе учились, но на практикѣ былъ неисполнимъ, черезчуръ близко касаясь личной жизни человѣка. Цифирныя школы успѣха не имѣли: дѣти дворянъ отдѣлывались отъ нихъ подъ предлогомъ обученія дома, въ столичныхъ школахъ, наконецъ обязанностями службы. Усердные воеводы стали насильно вербовать учениковъ для цифирныхъ школъ среди посадскаго населенія: приводили ихъ въ школы подъ конвоемъ солдатъ, иногда скованными. Горожане въ ужасѣ послали челобитье въ сенатъ, умоляя избавить ихъ дѣтей отъ обученія, такъ какъ они имъ необходимы дома для торговли и промысловъ. Большинство школъ, оставшись такимъ образомъ безъ учениковъ, захирѣли и черезъ 16 лѣтъ послѣ кончины Петра были обращены въ „гарнизонныя“ для солдатскихъ дѣтей. Первая попытка создать общеобразовательную школу совсѣмъ не удалась, уже потому, что о правильномъ курсѣ грамоты, самомъ необходимомъ для народа, никто не заботился.

Кромѣ военно-морскихъ школъ, твердо установилась первая медицинская школа въ Москвѣ, благодаря изумительной энергіи лейбъ-медика Петра, голландца Николая Бидлоо. Она открылась при первомъ въ Россіи госпиталѣ въ 1707 г. безъ книгъ, безъ необходимыхъ пособій, безъ опредѣленныхъ штатовъ для содержанія, при 25—30 больныхъ хроникахъ изъ нищихъ и бродягъ: никто тогда въ медицину не вѣрилъ и добровольно лечиться не хотѣлъ. Хотя клиники не удалось устроить, Бидлоо при самыхъ невозможныхъ условіяхъ ухитрялся выпускать почти каждый годъ по 25—30 человѣкъ лекарей и подлекарей. Учениковъ, знающихъ по-латыни, могла ему дать только слав.-греко-латинская академія. Бидлоо переманивалъ оттуда слушателей, постоянно объясняясь и споря изъ-за нихъ съ духовнымъ вѣдомствомъ, и всюду умѣя внушить къ себѣ уваженіе. Въ значительной степени благодаря его талантамъ, стойкости, преданности дѣла удалось въ то время положить начало медицинскому образованію въ Россіи.

Подъ конецъ царствованія, когда боевая жизнь нѣсколько успокоилась, царь задумался надъ организаціей коллегіи ученыхъ для разработки научныхъ знаній въ Россіи. Послѣ многихъ совѣщаній и переписки съ учеными корреспондентами, Петръ рѣшилъ открыть Академію наукъ и при ней университетъ и гимназію для подготовленія студентовъ; такимъ образомъ думали создать цѣлый питомникъ образованныхъ и ученыхъ людей. Университеты западной Европы издавна складывались въ самостоятельныя корпораціи, въ общины ученыхъ, имѣвшихъ покровителей въ лицѣ папъ и монарховъ, но управлявшихся самостоятельно своими выборными. Академіи же, какъ практическіе разсадники наукъ

въ XVII и XVIII вв. основывали правительства и часто имѣли въ нихъ послушныхъ исполнителей своихъ образовательныхъ плановъ. Ученые академики приглашались на службу изъ-за границы, откуда они и должны были пересаживать развившіяся въ западной Европѣ науки. Каждый изъ нихъ обязывался контрактомъ привести съ собой одного изъ своихъ лучшихъ учениковъ-студентовъ, какъ помощника и естественнаго преемника. Академія была открыта уже при Екатеринѣ I-й.

Среди этихъ академиковъ явилось не мало выдающихся ученыхъ; они работали очень добросовѣстно и дѣйствительно перенесли въ Россію научныя изслѣдованія; не ихъ вина, что некому было слушать ихъ лекціи, знакомиться съ разработкой научныхъ знаній, и они не могли оказывать вліянія на русское общество. Чтобы выполнить свои обязательства, они все-таки по временамъ читали курсы и ходили слушать другъ друга. При преемникахъ Петра нѣсколько разъ вытребовали въ студенты 20—30 учениковъ архіерейскихъ школъ. Тогда на нѣсколько лѣтъ устраивались лекціи; студенты кончали курсъ, обращались въ переводчиковъ и исполнителей разныхъ порученій, а университетъ опять пустовалъ. Въ гимназію въ первые годы ея существованія поступали ученики изъ дворянъ, но только до открытія перваго кадетскаго корпуса; затѣмъ стали по временамъ привлекать въ нее дѣтей приказныхъ, чтобы готовить изъ нихъ переводчиковъ. Сама наука все-таки кое-какъ развивалась въ Академіи, несмотря на стѣсненія; но она не могла оказывать вліянія на русское общество. Когда филологъ Байеръ пожелалъ получить русскія лѣтописи для изслѣдованія, духовенство запретило выдачу ихъ, боясь, что иновѣрецъ сдѣлаетъ изъ нихъ какое-нибудь вредное для Россіи и православія употребленіе. Тогда знаменитый ученый пересталъ заниматься русскимъ языкомъ, какъ ненужнымъ предметомъ, и принялся за китайскій.

Положеніе русской церкви очень измѣнилось при Петрѣ; она утратила свое прежнее вліяніе на умственную жизнь русскаго общества; мало участвовала въ дѣятельности высшаго правительства. Въ 1699 г. Петръ не назначилъ новаго патріарха, и съ годами только укрѣплялся въ намѣреніи не допускать въ своемъ государствѣ особаго „церковнаго государства“ и подчинить церковь свѣтской власти. Сочувствіе духовенства къ протестамъ противъ его дѣятельности и всякимъ народнымъ движеніямъ дѣлало его неумолимымъ. Церковными дѣлами завѣдывалъ монастырскій приказъ и мѣстоблюститель патріаршаго престола, ученый малороссъ, митрополитъ Стефанъ Яворскій. Давно уже всѣ горячіе приверженцы національной церкви, недовольные Никономъ и вмѣшательствомъ властей въ церковные споры, перешли въ расколъ; остальные, оставшіеся послушными, не могли оказать сильнаго противодѣйствія: между ними была рознь: ученые малороссы не ладили съ необразованнымъ великороссійскимъ духовенствомъ; среди самихъ малороссовъ одни, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, безусловно раздѣляли взгляды Петра: другіе, какъ Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій, желали большей самостоятельности церкви, меньше насилій надъ народной жизнью при реформахъ. По ученію самой восточной церкви она, покоясь на неизмѣнномъ установившемся преданіи, не нуждается во внутреннемъ законодательствованіи, и потому управленіе церковью вполнѣ возможно устраивать по потребностямъ страны. Благодаря этому, Петръ легко отмѣнилъ патрі-

аршество и устроилъ синодъ или духовную коллегію. Его непремѣннымъ членомъ сдѣлался свѣтскій оберъ-прокуроръ, который наблюдалъ за его членами и соблюдалъ интересы государственной власти. Впослѣдствіи, сравненный съ министрами, онъ сдѣлался руководителемъ синода. Петръ, не стѣсняясь, вмѣшивался въ церковную жизнь, запрещалъ хожденія съ иконами, ограничивалъ крестные ходы и т. д.

При Петрѣ архіереи малороссы по собственному почину стали открывать по городамъ школы на подобіе братскихъ, отыскивая для нихъ средства среди епархій. Лучшей одно время была школа Дмитрія Ростовскаго, основанная въ 1702 г. Въ нихъ учились преимущественно дѣти церковнослужителей, но являлись и дворянскія, и изъ низшихъ классовъ. Сперва страхъ частыхъ рекрутскихъ наборовъ, а потомъ внесеніе безграмотныхъ дѣтей духовенства въ списки „душъ", обложенныхъ податью, сильно побуждали послѣднихъ учиться. Охотно учились бы и дѣти дворянъ бѣдняковъ, но сословныя обязанности помѣшали: Петръ подъ страхомъ наказаній запретилъ имъ учиться въ духовныхъ академіяхъ и архіерейскихъ школахъ; они должны были готовиться къ службѣ въ математическихъ школахъ.

Нѣкоторые архіереи широко понимали свои учебныя задачи: они посылали своихъ учениковъ открывать школы „грамматики" по меньшимъ городамъ для дѣтей всѣхъ сословій; но никто не поддерживалъ этихъ школокъ: бѣдное матеріально духовенство едва-едва могло дать средства на обученіе своихъ дѣтей, и начальныя школки исчезли. Послѣ учрежденія синода архіерейскія школы понемногу переименовываются въ семинаріи. Выборы священниковъ прихожанами прекращаются. Духовенство стремится избавить свое потомство отъ горькой участи быть зачисленнымъ въ податное сословіе и укрѣпляетъ за нимъ приходы. Такимъ образомъ духовенство стало обращаться въ замкнутое сословіе. При этомъ разными мѣрами правительство старалось сокращать число священниковъ безъ приходовъ и количество празднаго люда, скрывавшагося по монастырямъ отъ приписки и податей. Монастырямъ вмѣняли въ обязанность открывать больницы, богадѣльни, воспитательные дома; но это не привилось къ нимъ. Вообще Петръ старался дать инокамъ практическую дѣятельность и сократить ихъ число.

Образованіе этимъ путемъ получило сословный характеръ. Правительство взяло на себя обученіе дворянства, чтобы подготовить изъ него офицеровъ и разныхъ дѣятелей государственной службы; въ нижнихъ чинахъ арміи понемногу дворянъ замѣняли люди податного класса. Только гвардейскіе полки пополнялись дворянами и считались своего рода школой для будущихъ офицеровъ. Духовенство обучалось по своему почину и на свои средства и неохотно пускало въ свои училища представителей другихъ сословій. Благодаря общеобразовательному характеру его школъ, учениковъ духовнаго вѣдомства брали въ разныя высшія заведенія. Многочисленное податное сословіе не выполняло передъ правительствомъ отвѣтственныхъ службъ, требовавшихъ подготовки, а потому не получало никакого образованія, о распространеніи грамотности среди него никто не заботился. Наибольшими просвѣтительными заботами пользовалось дворянство: ему облегчалась выслуга, оно было обезпечено землей; оно обратилось понемногу въ „привилегированное" сословіе; права его все увеличивались.

При Петрѣ печаталось значительно больше книгъ сравнительно съ прежними временами и, главнымъ образомъ, издавались свѣтскія. Придумано было при участіи царя новое начертаніе буквъ, болѣе удобное, чѣмъ славянское, т. наз. гражданская азбука; но изданія этой эпохи носили характеръ учебный, практически полезный на службѣ и въ школахъ; появились учебники, книги по морскимъ и военнымъ наукамъ, историческія и т. д. Беллетристика и поэзія еще считались пустяками; хотя и много переводили повѣстей, но онѣ распространялись въ рукописяхъ; ихъ еще не находили нужнымъ печатать. Литературы въ настоящемъ смыслѣ слова при Петрѣ еще не было; но то уже было шагомъ впередъ, что понемногу исчезало предубѣжденіе противъ свѣтскаго чтенія, какъ грѣховнаго. Самостоятельныхъ писателей не могло появиться: люди стараго склада жили еще патріархально; люди новые, воспитанные петровской эпохой, были слишкомъ заняты службой, практическими дѣлами, чтобы предаваться творчеству.

Во вторую половину царствованія Петра вопросъ о престолонаслѣдіи игралъ не малую роль въ борьбѣ русскихъ людей за свои привычки и личныя права противъ бурно навязываемой новизны. Семейная жизнь царя отличалась порывистостью и подвижностью, какъ и вся его дѣятельность. Старшій сынъ, царевичъ Алексѣй, перенесъ на себѣ всѣ тяжелыя послѣдствія семейной трагедіи. Оторванный отъ постриженной матери, онъ, мальчикомъ и юношей, былъ участникомъ разгульныхъ пировъ; учился безпорядочно у учителей-нѣмцевъ тѣмъ техническимъ знаніямъ, которыя только и цѣнилъ Петръ. Необыкновенная подвижность, походная жизнь, морскія и военныя упражненія отца были царевичу не по здоровью и не по душѣ, а отецъ взыскивалъ съ него, не считаясь ни съ чѣмъ, какъ всегда. Алексѣй вовсе не былъ противникомъ преобразованій и европейской науки; онъ только негодовалъ въ душѣ, какъ и всѣ, на неукротимыя насилія, безжалостное отношеніе къ людямъ, которыми сопровождалась дѣятельность отца. Алексѣй предпочиталъ науки старой общеобразовательной программы, относился съ уваженіемъ къ приниженному духовенству, особенно образованному, малороссійскому; сочувствовалъ онъ обѣднѣвшей массѣ, измученной податями, наборами, насильственными работами въ болотахъ Петербурга, на камняхъ Рогервика, въ дремучихъ лѣсахъ, по которымъ царь сухимъ путемъ возилъ любимые корабли. Недовольные безцѣльной возней съ флотомъ и напрасными усиліями сдѣлать Россію морской державой, нагроможденіемъ плановъ и работъ, часто фантастическихъ и безцѣльныхъ, ломкой частной жизни людей, группировались вокругъ наслѣдника, сына обиженной матери, и отношенія отца съ сыномъ съ годами очень обострялись.

Въ 1711 Алексѣй неохотно, но покорно женился на назначенной ему отцовской дипломатіей невѣстѣ, сестрѣ австрійской императрицы. Умная женщина умѣла улучшить отношенія мужа съ отцомъ. Но въ 1715 г. принцесса Софія-Шарлотта умерла, оставивъ новорожденнаго сына Петра; а вскорѣ и у Екатерины Алексѣевны, уже царицы, родился тоже сынъ Петръ. Престолъ обезпечивался тремя наслѣдниками. Отношенія Петра къ старшему сыну сразу ухудшились; друзья царевича совѣтовали ему спасти себя покорностью, даже постричься, намекая, что клобукъ можно

потомъ снять. Но царь посмотрѣлъ на уступчивость сына такъ подозрительно, что царевичъ не выдержалъ и бѣжалъ за границу. Тамъ онъ года три скрывался во владѣніяхъ своего свояка, австрійскаго императора. Петръ посылалъ самыхъ довѣренныхъ лицъ искать сына. Въ 1718 г. его нашли въ замкѣ Неаполя и уговорили добровольно вернуться. Въ Москвѣ царевичъ получилъ отъ отца торжественное прощеніе, съ условіемъ отречься отъ престола и назвать людей, совѣтамъ которыхъ онъ слѣдовалъ; царевичъ назвалъ. Но затѣмъ его все-таки предали суду, какъ генерала, бѣжавшаго со службы; скоро дѣло обратилось въ тяжелый политическій процессъ. Доносами и пытками узнали о его сношеніяхъ съ царицей Евдокіей; открылись подробности ея жизни. Изъ показаній нѣсколькихъ тысячъ запутанныхъ лицъ Петръ увидалъ, какъ имъ недовольны въ глубинѣ русскаго общества, какъ горячо желаютъ избавиться отъ его томительной для окружающихъ дѣятельности. Царевичъ былъ заключенъ въ крѣпость. Въ верховномъ судѣ надъ нимъ принимали участіе всѣ приближенные царя и готовили смертный приговоръ. Послѣ пытокъ царевичъ умеръ въ заключеніи. Вскорѣ за нимъ умеръ 4-лѣтній Петръ Петровичъ, и единственнымъ наслѣдникомъ преобразователя остался внукъ, Петръ Алексѣевичъ.

Послѣдніе годы жизни Петра ознаменовались тяжелыми расправами съ ближайшими сотрудниками. По условіямъ своей дѣятельности стремительной, неровной, часто разрушительной, ему приходилось выбирать исполнителей, не столько выдающихся и нравственно выдержанныхъ, сколько преданныхъ ему; чтобы его начинанія сколько-нибудь укрѣпились, онъ долженъ былъ создать сплотившійся кружокъ лицъ, способныхъ дѣйствовать самостоятельно и заинтересованныхъ въ успѣхѣ. Такой кружокъ и составили бойкіе самоучки, практичные, подвижные и оборотливые, какъ Меншиковъ, Апраксинъ, Толстой и мн. др. Среди нихъ мелькали представители стараго боярства—Шереметевъ, Репнинъ, Голицынъ. За этими лицами стояли на вторыхъ мѣстахъ талантливые иностранцы, подобные Огильви, Остерману, и незамѣтно дѣлали главное дѣло. Аристократы попрежнему были разобщены между собой карьерой и разными счетами.

Служебные выскочки тѣснѣй сплотились. Слѣдуя за преобразователемъ въ его постоянной спѣшкѣ, неувѣренные въ томъ, что дастъ завтрашній день, петровскіе дѣятели умѣли выбирать изъ сегодняшняго доходы и выгоды для себя. Отмѣна сдерживавшихъ обычаевъ, гнета привычекъ только способствовала ихъ разнузданности. Взяточничество, казнокрадство, произволъ царили, какъ никогда, среди вырвавшихся на просторъ личныхъ вкусовъ русскихъ людей. Если вспомнить, сколько тысячъ Фроловъ Скобѣевыхъ безъ нравственныхъ правилъ, сознанія личной чести, руководимыхъ жаждой успѣха и наживы, досталось XVIII вѣку отъ историческаго прошлаго, становится понятной откровенная распущенность дѣятелей этого вѣка. Только въ обществѣ съ такими задатками безразличія и могла имѣть успѣхъ поспѣшная, безпощадная реформа, дорого стоившая народу. Петръ билъ дубиной ослушниковъ и провинившихся, наказывалъ плетьми, примѣнялъ смертную казнь за взяточничество и выслушалъ отъ своего же „ока", генералъ-прокурора, язвительное замѣчаніе: „если такъ наказывать за взятки, ваше величество останетесь безъ подданныхъ". Въ 1723—24 г. при дворѣ вокругъ Екатерины соб-

рался кружокъ, повидимому, уже обдумывавшій мѣры для укрѣпленія своего положенія. Всѣ кругомъ такъ устали подчиняться неугомонной энергіи царя, перемѣнчивости его нрава, бѣшеному веселью пировъ, безконечнымъ уличнымъ маскарадамъ, что только жаждали покоя и возможности пользоваться своимъ положеніемъ. Въ маѣ 1724 г. Петръ торжественно короновалъ Екатерину, что связывали съ его планами о престолонаслѣдіи и съ указомъ 1721 г., по которому царствующій государь пользуется правомъ самъ себѣ назначить наслѣдника.

При Петрѣ выясненіе правъ самодержавной власти сдѣлало большой шагъ впередъ. Для его времени взгляды Грознаго очень устарѣли, и одного Божественнаго начала для объясненія происхожденія власти казалось недостаточно; необходимо было укрѣпить ея на мірскихъ началахъ. Еще прибыльщикъ и писатель крестьянинъ Посошковъ называлъ общественныя постановленія „уставами мужичьями", противными „его царскаго величества самовластію". — Выясненіе мірскихъ началъ власти заимствовали цѣликомъ съ запада, какъ и многія другія объясненія, изъ ученій о естественномъ правѣ людей устраивать свое общежитіе по своей свободной волѣ. Масса личностей, цѣлый народъ могутъ по общему уговору подчиниться власти монарха; тогда монархи правятъ ими и волею Божіею и постановленіемъ самого народа. Ученый истолкователь воли Петра, Ѳ. Прокоповичъ, написалъ въ уставахъ 1720 г., военномъ и морскомъ: „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять".—Въ 1721 въ „Правдѣ воли монаршей", сочиненіи, объяснявшемъ публикѣ смыслъ указа Петра о своемъ правѣ назначать самому себѣ наслѣдника, Прокоповичъ говоритъ то же самое, прибавляя, что власть государя „свободна есть", ибо вытекаетъ изъ „всенароднаго намѣренія".—„Мы же, однажды навсегда снявшіе съ себя волю свою... клятвенно обязуемся повиноваться тебѣ и твоимъ наслѣдникамъ"...

Осенью того же 1724 года тяжелая семейная исторія во дворцѣ вызвала тайный процессъ, отъ котораго пострадали приближенные императрицы. Это дѣло показало неукротимому дѣятелю, какъ чужды лично ему были всѣ его окружающіе, какъ подъ давленіемъ его воли всѣ и каждый умѣютъ исподтишка дѣлать по своему, постоять за себя. Въ эту пору богатырское здоровье Петра было уже совершенно расшатано. Послѣднее время онъ часто хворалъ, лечился, но, уступая жаждѣ дѣятельности, никогда не считался со своими силами. Тяжелая простуда на Лахтѣ, когда онъ спасалъ тонувшихъ солдатъ, подновленная на Рождествѣ участіемъ на церемоніи водоосвященія, сломила его: 28 января 1725 г. Петра Великаго не стало. Онъ не выполнилъ своего же закона: не оставилъ завѣщанія, не распорядился престоломъ и сдѣлалъ его, въ сущности, избирательнымъ.

Екатерина, Меншиковъ, Толстые и др. приближенные, выслужившіеся благодаря реформѣ, не потерялись. Близъ умирающаго, какъ будто уже рѣшили, что Екатерина I будетъ царствовать. Вся гвардія, т.-е. все среднее дворянство, которое больше всего выиграло въ царствованіе преобразователя, стояла за нее. Въ ночь на 28 января, когда началась агонія, и никакихъ распоряженій нельзя было ожидать, по какому-то приказу

преображенцы и семеновцы заняли дворъ маленькаго дворца. Вельможи собрались въ сосѣдней со спальней умирающаго комнатѣ. Туда же самовольно вошли гвардейскіе офицера. Знатные указали на естественнаго наслѣдника, 10-лѣтняго внука; но они уже были смущены смѣлымъ появленіемъ гвардіи. Приверженцы императрицы напомнили о ея короновaніи, о томъ, что для власти теперь необходимъ зрѣлый человѣкъ; тихонько шептали боярамъ, фельдмаршаламъ, что, вѣдь, это они судили и мучили отца великаго князя Петра. Большинство дворянства побѣдило. Какъ только Петръ испустилъ духъ, гвардія шумно закричала: виватъ, императрица Екатерина I!—Народъ узналъ одновременно о кончинѣ великаго царя и о воцареніи его вдовы. Народныя массы молчаливо и покорно отнеслись къ неслыханному событію—воцаренію женщины; даже въ Москвѣ, за спокойствіе которой опасались, все сошло тихо.

XXIX.

Первые преемники Петра Великаго. Верховный Тайный Совѣтъ. Попытка политическихъ реформъ. Кабинетъ.

Вторая жена Петра Великаго была родомъ изъ Ливоніи; въ юности служила она у пастора Глюка, въ первые годы Сѣверной войны была взята въ плѣнъ въ Марбургѣ. Она жила плѣнницей у Шереметева, потомъ перешла къ Меншикову, а затѣмъ къ Петру. Своего черезъ-чуръ подвижного повелителя она сумѣла окружить семейной обстановкой жизни. Екатерина вникала въ его измѣнчивое душевное настроеніе, успокаивала послѣдствія болѣзненныхъ припадковъ гнѣва; она выносила его тяжелыя забавы, слѣдовала за нимъ въ путешествіяхъ; всегда и всюду умѣла быть полезной и при этомъ съ большимъ тактомъ обходилась съ царской родней и со знатью. Послѣ кончины Петра наступилъ отдыхъ для всѣхъ отъ утомительной подвижности и постоянныхъ вмѣшательствъ его властной руки. Съ расширеніемъ государства до завѣтнаго западнаго моря окончилось и напряженіе военныхъ силъ. Западныхъ сосѣдей, Польши и Швеціи, уже не боялись. Зато настало время сильнаго вліянія иностранцевъ; западныя державы въ свою очередь теперь завлекали Россію въ союзы, поддерживали ту или другую партію у престола, старались выдвигать подходящихъ для себя лицъ. Екатерина I не проявила никакихъ способностей къ государственнымъ дѣламъ. Она только отдыхала и предавалась удовольствіямъ; поэтому при ней тотчасъ почувствовался недостатокъ въ учрежденіи законодательнаго, характера могущемъ замѣнить древнюю думу. Еще составители проектовъ коллегіи указывали Петру, что необходимо верховное учрежденіе, выше сената, которое бы доводило до свѣдѣнія монарха важнѣйшія дѣла, но Петръ отложилъ вопросъ. Учрежденію пришлось вырабатываться очень долго и возникнуть въ XIX в. послѣ окончательнаго установленія престолонаслѣдія.

При Екатеринѣ всемогущество Меншикова, надменнаго, совершенно необразованнаго фаворита, скоро сдѣлалось очень тяжкимъ. Генералитетъ [1]) довольно единодушно стремился сократить самовластіе выскочки;

[1]) Генералитетъ—лица 4-хъ высшихъ классовъ по табели Петра.

да и многое старое казалось привлекательнымъ послѣ долгой тяжелой ломки на новый ладъ. Генералы и тайные совѣтники иронически пересуживали множество вѣдомствъ и командъ, заведенныхъ въ провинціяхъ, питавшихся вмѣстѣ съ полками на мѣстныя средства народа, и такъ едва пробавлявшимся своимъ первобытнымъ хозяйствомъ. Казна бѣдна; недоимки громадны; а торговля идетъ слабо; всюду непорядки, по словамъ самого генералъ-прокурора.

Между „птенцами“ Петра происходили стычки въ сенатѣ и коллегіяхъ. Меншиковъ не выносилъ контроля; знать съ Голицыными во главѣ не слушалась сената, потому что въ немъ сильны выслуженцы и приказные.

Нѣсколько высшихъ лицъ съ помощью хитраго дипломата П. Толстого, добившагося согласія Меншикова, согласились сплотиться въ одну высшую коллегію—Верховный тайный совѣтъ изъ 8 лицъ. По указу Екатерины (8 фев. 1726 г.) эти дѣйствит. тайные совѣтники получили право разсматривать и обсуждать указы и важнѣйшіе вопросы и рѣшать все „именемъ ея Величества“. Совѣтъ принялъ на себя управленіе коллегіями,—умолчавъ о сенатѣ, но послѣдній силою вещей оказался на второмъ мѣстѣ. Верховный совѣтъ, соединивъ представителей знати съ представителями выслуги, сдѣлался политическимъ руководителемъ государства. Впрочемъ, Меншиковъ еще сохранилъ на время свое положеніе почти правителя къ негодованію знати.

Совѣтъ относился довольно внимательно къ тяжелому экономическому положенію населенія. Въ виду большихъ недоимокъ и обѣднѣнія народа, подушныя сбавили до 70 к., отмѣнили нѣкоторыя стѣснительныя пошлины, разорительный способъ расквартированія войскъ. Губернскую администрацію значительно упростили, отмѣнивъ провинціальное управленіе и надворные суды, ради дешевизны судъ и расправу предоставили губернаторамъ и воеводамъ. Правда, въ этой экономіи сказывались интересы крупныхъ землевладѣльцевъ-плательщиковъ, такъ какъ совѣтъ состоялъ изъ представителей этого сословія; но все-таки видно стремленіе дать отдыхъ странѣ послѣ бурной эпохи. Прекратилась и тяжелая регламентація промышленной дѣятельности, „доношенія“ фискаловъ, безцѣльныя запугиванья служащихъ. Много занимали совѣтъ сложныя дипломатическія сношенія, созданныя эпохой преобразованій. Особенно значильной стала роль совѣта при малолѣтнемъ Петрѣ II-мъ.

При Екатеринѣ былъ заключенъ бракъ цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ, уже устроенный Петромъ; герцогъ считался наслѣдникомъ шведскаго престола, что очень спутывало русскую политику и отношенія къ Скандинавскимъ государствамъ. Отчасти ради его интересовъ. Россія примкнула къ союзу австро-испанскому противъ Франціи, Англіи и сѣверныхъ государствъ и очень старалась о сохраненіи мира. Слабѣющее здоровье Екатерины заставляло думать о наслѣдникѣ. Остерманъ и нѣкоторые иностранцы предлагали объединить права вел. князя Петра и дѣтей императрицы бракомъ послѣдняго съ Елизаветой Петровной. Кандидатура Анны голштинской была опасна при ея связяхъ со Швеціей. Меншиковъ примирился теперь съ правами Петра Алексѣевича, но упросилъ Екатерину благословить бракъ великаго князя со своей дочерью, чѣмъ привелъ въ ужасъ царскую семью и дворъ. Императрица скончалась въ маѣ 1727 г., оставивъ завѣщаніе, которымъ отмѣнялся законъ

Петра I о назначенiи царствующимъ лицомъ себѣ наслѣдника. Екатерина объявила, что ближайшее право на престолъ получаетъ вел. кн. Петръ Алексѣевичъ со всѣмъ своимъ потомствомъ; въ случаѣ прекращенiя послѣдняго — цесаревна Анна Петровна, герцогиня голштинская, и ея потомство; за нею цесаревна Елизавета Петровна и т. д.

7-го мая воцарился 12-лѣтнiй Петръ II-й; окружающiе волновались и перебивали другъ у друга влiянiе на него. Первое время правителемъ оставался Меншиковъ. Образованiе русскаго царя велось довольно небрежно; руководителемъ былъ Остерманъ, самъ пробывшiй всего 2 года въ нѣмецкомъ университетѣ; преподавали двое русскихъ учителей. Раннее воцаренiе скоро отвлекло мальчика отъ ученья, но Остерманъ сохранилъ свое влiянiе на питомца. Петръ боялся Меншикова и очень не любилъ своей невѣсты. Близкимъ лицомъ къ нему скоро сдѣлался юноша, кн. Иванъ Долгорукiй, а черезъ него получила значенiе вся семья Долгорукихъ. Самовластiе Меншикова такъ тяготило всѣхъ, что Остерманъ безъ особаго труда подготовилъ Петра къ рѣшительнымъ дѣйствiямъ. Правитель былъ арестованъ и сосланъ, сперва въ свои рязанскiя земли, а вскорѣ лишенъ имѣнiй и отправленъ съ семьей въ Березовъ. Верховный совѣтъ сталъ пополняться знатными лицами—Долгорукими, Голицыными. Теперь Долгорукiе завладѣли императоромъ. Его перевезли въ Москву, поближе къ ихъ имѣньямъ, и завлекли его въ забавы и охоты. Петербургъ безъ двора такъ опустѣлъ, что иностранцы боялись за участь новой столицы. Петра убѣдили объявить своей невѣстой сестру Ивана Долгорукаго, княжну Екатерину. Цесаревна Анна съ мужемъ должны были уѣхать въ Голштинiю, такъ какъ стѣсняли временщиковъ. Петръ скоро сталъ скучать опекой Долгорукихъ; невѣста ему не нравилась, хотя онъ и согласился поспѣшить бракомъ. Среди свадебныхъ приготовленiй онъ простудился, получивъ страшную тогда болѣзнь — оспу, и скончался 18 янв. 1730 г.

Власть на время опять оказалась въ рукахъ важнѣйшихъ лицъ имперiи, „верховниковъ", какъ называли членовъ Верховнаго совѣта: ихъ было 6-ро: три князя Долгорукихъ, кн. Дмитрiй Голицынъ, канцлеръ графъ Головкинъ и вице-канцлеръ Остерманъ. Къ нимъ примкнули еще 5 князей Долгорукихъ и очень популярный въ полевой армiи фельдмаршалъ, кн. Михаилъ Голицынъ. О кончинѣ императора долго не объявляли. Составляли особое собранiе названныхъ лицъ, которое отвергло несообразное предложенiе короновать государыню-невѣсту княжну Долгорукую; завѣщанiе Екатерины I было отклонено: герцога голштинскаго не желали видѣть въ Россiю; порѣшили избрать вдову Анну Iоанновну, герцогиню курляндскую. Съ этимъ рѣшенiемъ верховники вошли къ генералитету и духовенству, которые подтвердили выборъ. Въ эту пору служилое дворянство, начиная со знати, уже ознакомилось съ высокимъ положенiемъ сословiя „благородныхъ" въ европейскихъ государствахъ; оно не могло успокоиться положенiемъ первыхъ вѣрноподданныхъ; оно желало правъ и привиллегiй, прежде всего облегченiй своей службы.

Наступилъ опять любопытный моментъ въ исторiи русскаго общества: какъ служилые люди распорядятся высшей администрацiей? — Составъ дворянства былъ въ это время довольно сложенъ. Въ однихъ его кругахъ уже сказывались бюрократическiе вкусы, побуждавшiе заботиться о пра-

вильномъ прохожденіи чиновъ и полученіи высшихъ назначеній. Гвардія желала сохранить свои преимущества, сократить время службы, и вмѣстѣ со среднимъ и мелкимъ дворянствомъ желала учрежденія казенныхъ школъ исключительно для своихъ дѣтей. Среди высшаго родовитаго дворянства проявилось старое стремленіе ограничить верховную власть правами сословій по примѣру сосѣдней Польши и Швеціи. Но всѣ группы сознавали, что необходимо созданіе высшаго учрежденія, которое бы своимъ вліяніемъ ограничивало силу временщиковъ.

Духовенство то же волновалось; среди него высшее, монашествующее, не ладило съ подчиненнымъ священствомъ. Высшее роптало на совѣтъ за подчиненіе ему синода. Низшее вмѣстѣ съ народомъ не одобряло господъ.

Представители дворянства, находившіеся во дворцѣ, поговаривали о томъ, какъ бы воспользоваться перемѣной царствованія и своимъ положеніемъ избирателей, чтобы облегчить себѣ по крайней мѣрѣ службу. Верховники шли дальше; сдерживая дворянство, они втихомолку и очень поспѣшно составили условія, такъ называемые *пункты*, которыми ограничивали власть новой императрицы. Она обязывалась блюсти Верховный совѣтъ въ числѣ 8 лицъ; безъ его согласія не начинать войны, не заключать мира, не назначать новыхъ податей, не давать чиновъ выше полковничьяго, вотчинъ не жаловать, безъ суда не лишать дворянъ чести и имѣнья; гвардія и флотъ зависѣли отъ Верховнаго совѣта Эти пункты были отправлены въ Митаву для подписи Анны Іоанновны. Политичный Остерманъ уклонился отъ подписыванья условій, какъ иностранецъ, да онъ и не сочувствовалъ имъ вмѣстѣ съ прочими иностранцами и послами державъ, которые тотчасъ начали интриговать для поддержанія самодержавія въ Россіи. Не сочувствовали условіямъ и нѣкоторыя важныя лица, Ѳеофанъ Прокоповичъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, пославшій въ Митаву гонца предупредить императрицу, чтобы она не подписывала придуманныхъ одними верховниками пунктовъ.

Въ это время въ Москвѣ по случаю ожидавшейся свадьбы Петра II стояла гвардія и былъ большой съѣздъ дворянства. Тайну верховниковъ многіе очень скоро узнали. 2-го февраля верховники собрали генералитетъ, и Голицынъ сообщилъ свой проектъ. Чины выразили молчаливое неудовольствіе. Верховники предложили дворянству немедленно составить свои проекты. Дворянство заволновалось; оно сейчасъ же роскололось на партіи: одни стояли за самодержавіе и предлагали немедленно арестовать затѣйщиковъ, но очень многіе были возмущены только самовластіемъ совѣта, который сносился съ императрицей втихомолку безъ вѣдома дворянства. Нѣкоторое знакомство съ западными сословными правами внушило имъ новыя мысли о государственномъ устройствѣ. Разбиваясь на кружки, дворяне составляли свои проекты реформъ въ противовѣсъ верховникамъ. Такихъ проектовъ возникло до 29,—одни со многими десятками подписей, другіе съ 5—6-ю. Самыми продуманными и разработанными оказались труды кн. Дмитрія Голицына и историка Татищева. Проектъ знатнаго князя напоминаетъ одну изъ шведскихъ конституцій XVII в. и опирается на права сословій. Законодательная власть принадлежитъ Верховному тайному совѣту, въ числѣ 10—12 членовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій; палата представителей дворянства охраняетъ интересы

этого сословія; палата представителей городовъ занимается интересами низшихъ сословій; довольно важную роль играетъ и сенатъ. Очень возвышая аристократію. Голицынъ даетъ право голоса и представителямъ другихъ сословій.

Ученый Татищевъ въ своемъ проектѣ прежде всего выражаетъ убѣжденіе, что въ Россіи необходимъ монархическій образъ правленія; далѣе, вмѣсто Верховнаго совѣта онъ предлагаетъ учредить Высшее правительство изъ 20 лицъ (или сенатъ) для веденія текущихъ дѣлъ; нижнее правительство изъ 100 лицъ разбивается на три группы для постоянныхъ собраніи, и только 3 раза въ годъ или въ экстренныхъ случаяхъ собирается всѣмъ составомъ. Члены обоихъ правительствъ, предсѣдатели и вице-предсѣдатели коллегій, губернаторы и вице-губернаторы, главные командиры войскъ выбираются баллотировкой на общемъ собраніи сената и нижняго правительства. Проекты законовъ составляются членами правительствъ по совѣту съ коллегіями. Далѣе, предлагается сократить дѣятельность тайной канцеляріи по политическимъ дѣламъ. Службу дворянъ слѣдуетъ ограничить 20-ю годами; отмѣнить законъ Петра I о единонаслѣдіи; составить точные списки старыхъ дворянскихъ родовъ отдѣльно отъ новыхъ выслужившихся. Предлагались льготы и для купечества; требовались во всѣхъ городахъ школы для духовенства и для дворянъ. Все сказанное представляло только предварительныя соображенія. Необходимо съ вѣдома императрицы всѣмъ дворянствомъ выбрать комиссію въ 100 чел., чтобы обсудить мѣры къ реформѣ государственнаго управленія.

Видимо, авторъ проекта не понималъ различія между монархіей ограниченною и неограниченною, не умѣлъ опредѣлить, кому принадлежитъ право создавать законы; вмѣсто прочнаго сословнаго представительства, онъ выдвигаетъ права служилыхъ чиновъ. Отмѣняя Верховный совѣтъ, проектъ не могъ угодить верховникамъ; но желаніе льготъ было такъ сильно, что другіе авторы соглашались на уступки и давали мѣсто Верховному совѣту въ проектахъ. Нѣкоторые изъ нихъ требовали обезпеченія въ податяхъ, но всѣ они ратуютъ за интересы чиновничества и далеки отъ сословно-общественной конституціи Голицына. Подъ проектомъ Татищева подписалось 85 лицъ, среди нихъ много членовъ генералитета. Довольно близокъ къ нему проектъ съ 360 подписями преимущественно уже средняго дворянства. Всего членовъ генералитета считалось тогда 170 лицъ; а дворянъ и гвардейскихъ офицеровъ было до двухъ тыс. Подъ проектами всѣхъ подписей — 1100; слѣдовательно, половина наличнаго дворянства желала перемѣнъ и нѣкотораго участія въ управленіи. Между тѣмъ дѣйствовали и сторонники существующаго порядка; самые дѣятельные осторожно группировались вокругъ Остермана, скрывавшагося въ кабинетѣ подъ предлогомъ болѣзни. Духовенство безъ всякихъ приказаніи стало въ церквахъ молиться за самодержицу императрицу. Большинство гвардейцевъ склонно было ожидать льготъ и облегченіи отъ самой государыни. Салтыковы и др. родственники Анны Іоанновны усердно поддерживали это мнѣніе. Родныхъ фаворита Долгорукова такъ ненавидѣли, что изъ за нихъ враждебно относились ко всѣмъ членамъ Верховнаго совѣта, подозрѣвая ихъ въ стремленіи ограничить власть только въ свою пользу, что было несправедливо: совѣтъ хлопоталъ о возвышеніи

знати вообще и ставилъ предѣлы возвышенію фаворитовъ и вліянію иностранцевъ.

Съ пріѣздомъ императрицы число сторонниковъ самодержавія быстро прибывало; сама она держала себя самодержицей, нерѣдко нарушая только-что подписанныя условія. Верховный совѣтъ, составляя текстъ новой присяги, по совѣту высшихъ чиновъ, рѣшился прибавить только, что присягаютъ императрицѣ „и государству“. Гвардія волновалась. Кн. Черкасскій съ Татищевымъ составили прошеніе императрицѣ о скорѣйшемъ созывѣ комиссіи для разбора проектовъ; писатель, юный кн. Кантеміръ (иностранецъ все-таки) составилъ другое прошеніе, въ которомъ Анну Іоанновну просили править самодержавно и выражали надежду на служебныя льготы; его подписали 180 чел., преимущественно гвардейцы. На большомъ пріемѣ во дворцѣ 25 февраля прочли, однако, только первое прошеніе. Недовольные офицеры подняли шумъ; верховниковъ обвиняли въ обманѣ. Растерявшись, Анна Іоанновна подписала прошеніе кн. Черкасскаго и разорвала пункты Верховнаго совѣта, приказавъ обдумать вопросъ о проектахъ. Волненіе гвардейцевъ заставило ее вернуться въ палату, и тутъ ее провозгласили самодержавной императрицей. Такъ планы политическихъ реформъ совсѣмъ не удались; дворянство разсчитывало только на полученіе сословно общественныхъ правъ. Но въ дворцахъ долго помнили этотъ замыселъ знати и боялись учреждать высшій центральный органъ, чтобы не давать повода къ новымъ попыткамъ договора съ монархами.

Началось очень своеобразное царствованіе, ненавистное для народной массы и прозванное „бироновщиной“. Опора русской знати, Верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ. Надъ Долгорукими разразился кровавый судъ за подлогъ завѣщанія Петра II и за замыслы противъ императрицы. Сенатъ былъ возстановленъ въ своемъ первенствующемъ положеніи, но только на бумагѣ. При императрицѣ немедленно образовался совѣтъ изъ нѣсколькихъ близкихъ лицъ съ Бирономъ во главѣ. Биронъ получилъ большое значеніе при дворѣ еще въ Курляндіи, а въ Россіи сразу сдѣлался первымъ лицомъ при императрицѣ. Съ нимъ усилилось вообще вліяніе иностранцевъ. Правительство очень увлекалось внѣшней политикой и военными предпріятіями, хотя медлительный сенатъ сильно сдерживалъ его въ политическихъ и денежныхъ дѣлахъ.

Только годъ терпѣли первенство сената: иностранцамъ было неудобно его значеніе руководителя служилаго класса, и его рѣшили подчинить болѣе гибкому учрежденію. Въ 1739 г. глава политики, Остерманъ, побудилъ учредить постоянный совѣтъ изъ 4 лицъ подъ именемъ Кабинета для обсужденія съ императрицей важнѣйшихъ дѣлъ; члены его назывались министрами. Онъ не имѣлъ значенія и законодательной власти бывшаго Верховнаго совѣта, но руководилъ дѣлами, вполнѣ подчиняясь въ то же время всесильному Бирону. Кабинетъ очень старался ввести порядокъ въ администраціи, особенно въ финансовомъ вѣдомствѣ; тутъ установили еще невиданно-строгое взысканіе податей и старыхъ недоимокъ (доимочная канцелярія), вовсе на считаясь съ бѣдностью народа. Виновниками нещадныхъ взысканій народъ почиталъ нѣмцевъ и особенно Бирона. Жестокое взыскиваніе недоимокъ при господствѣ иностранцевъ вызвало ропотъ. Чувствовалось недовѣріе къ правителямъ, даже

озлобленіе. На это отвѣчали жестокими преслѣдованіями и развитіемъ шпіонства; крикъ доносчиковъ — „государево слово и дѣло" никому не давалъ вздохнуть спокойно; возникало множество политическихъ дѣлъ и тайная канцелярія, замѣнившая Преображенскій приказъ, работала какъ никогда.

Царствованіе Анны Іоанновны очень важно въ исторіи русскаго дворянства Послѣднее не добилось политическихъ правъ, т.-е. участія въ управленіи Россіей, но зато оно очень подняло свое общественное положеніе, получило служебныя привилегіи. Законъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ, и дворянство получило полное право распоряжаться недвижимымъ имуществомъ, какъ вотчиной. Въ 1731 г. для дворянъ исключительно былъ открытъ кадетскій корпусъ съ учебной программой болѣе широкой, чѣмъ техническія программы петровскаго времени. Артиллерійская школа была приспособлена тоже только для дворянъ. Въ 1736 г. при нѣсколькихъ братьяхъ дворянской семьи одному разрѣшили не служить, а жить дома, ради устройства хозяйства въ семейныхъ вотчинахъ и управленія крестьянами, прочіе поступали на службу 20-ти лѣтъ и, прослуживъ 25 л., имѣли право выходить въ отставку. До 20-ти лѣтъ недоросли обязаны были учиться; ради экзаменовъ имъ періодически устраивались смотры: на первомъ 7-милѣтніе недоросли записывались въ службу; на 2-мъ и 3-мъ 12—16-ти-лѣтніе сдавали экзаменъ по грамотѣ и по математикѣ, затѣмъ до 20-ти лѣтъ учились географіи, исторіи, фортификаціи. Тутъ зародился обычай записывать малолѣтнихъ въ полки и выхлопатывать мальчикамъ унтеръ-офицерскіе чины; въ силу этого они могли явиться въ полкъ на дѣйствительную службу уже офицерами.

Параллельно съ ростомъ дворянскихъ правъ ухудшалось положеніе податныхъ сословій, особенно крестьянъ и крѣпостныхъ. Въ 1726 г. крестьяне, уже стѣсненные паспортами ради податной и рекрутской повинностей, лишились свободнаго ухода на промыслы. Въ 1731 г. крестьянамъ запрещено вступать въ откупа и подряды; этимъ положили начало ряду указовъ, которые запретили всѣмъ, записаннымъ въ подушный окладъ, владѣть недвижимыми населенными имѣньями. На помѣщиковъ возлагалась отвѣтственность за взносъ крѣпостными податей. Въ послѣдующую эпоху права землевладѣльцевъ дворянъ растутъ въ ущербъ правамъ податныхъ; раздача государственныхъ крестьянъ въ награду за заслуги достигала все большихъ размѣровъ и увеличивала число крѣпостныхъ.

Покровительственный для русской промышленности тарифъ Петра Великаго, слишкомъ поспѣшно и необдуманно составленный, очень тяготилъ иностранныхъ купцовъ, и они давно жаловались на его стѣсненія. Кромѣ того тарифъ, отъ котораго ожидали доходовъ, былъ въ сущности убыточенъ, благодаря самому беззастѣнчивому взяточничеству таможенныхъ чиновниковъ и могущественной контрабандѣ. Пользуясь своимъ вліяніемъ, Остерманъ провелъ измѣненіе тарифа и пониженіе пошлинъ; большая часть иностранныхъ товаровъ были обложены пошлиной въ 10% стоимости, а какъ ни сильны были Биронъ и Остерманъ, но ихъ 3, 4 министра на всѣ руки не могли по своей малочисленности властвовать, какъ Верховный совѣтъ. Сенаторы нерѣдко приглашались въ кабинетъ, гдѣ голоса ихъ имѣли вліяніе, и черезъ 10, 15 лѣтъ управленіе

могло бы сойти на петровскій порядокъ; но ненависть къ вліянію иностранцевъ вызвала переворотъ.

Во внѣшней политикѣ отражалась сложная борьба вліятельныхъ пословъ. Остерманъ, сторонникъ союза съ Австріей и сообща съ нею борьбы противъ Турціи, спѣшилъ покончить старую еще Петровскую персидскую войну; по мирному договору возвратили Персіи Гилянь и Мазандеранъ, невыгодныя и дорого стоющія завоеванія. Смерть Августа II польскаго побудила Россію съ Австріей выступить противъ Франціи, желавшей воцаренія Станислава Лещинскаго. Фельдмаршалъ Минихъ взялъ Данцигъ послѣ продолжительной осады (1733 г.), чѣмъ помогъ Августу III саксонскому получить послѣ отца польскій престолъ. Постоянная союзница Франціи, Турція, приняла угрожающее положеніе. Минихъ въ 1736 г. вторгся въ Крымъ; но слабая поддержка австрійцевъ заставила его вернуться, и тяжелый походъ остался безъ результата. Война затянулась. Послѣ неудачнаго похода 1738 г. кровавая битва при Ставучанахъ доставила арміи Миниха Хотинъ и Яссы. Молдавія отдавалась въ подданство Россіи. Но тутъ Австрія, сама претендовавшая на эту землю, заключила миръ съ Турціей. Россіи пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій. По миру въ Немировѣ отъ Турціи добились только возвращенія Азова и уступки полосы степи отъ Буга до устья Дона; держать флотъ на Черномъ морѣ все-таки не получили права. Раздраженный австрійскимъ коварствомъ, Минихъ вернулся съ похода врагомъ Остермана и предлагалъ другіе союзы. Ко всему относились мрачно въ это десятилѣтіе; возмущались нещадными взысканіями податей при расходахъ на иностранцевъ.

При дворѣ царила азіатская роскошь на показъ, чтобы поражать иностранныхъ гостей; ею прикрывались некультурность, распущенность, грубые нравы. Даже веселиться отъ души при дворѣ не умѣли среди своего показного великолѣпія. Сама императрица почти всегда скучала; ее старались развлекать шумными, очень дорогими забавами, тратили большія деньги на уличные маскарады, шутовскія церемоніи, жестокія и грубыя, какъ праздникъ въ Ледяномъ домѣ.

Въ октябрѣ 1740 г. Анна Іоанновна серьезно заболѣла. Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, она съ ужасомъ думала, что русскій престолъ можетъ достаться голштинскому принцу Петру, сыну покойной Анны Петровны. Желая передать его потомству царя Іоанна Алексѣевича, она за годъ до смерти устроила бракъ своей племянницы Анны Леопольдовны Мекленбургской (дочери Екатерины Іоанновны) съ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ, который переселился въ Россію. Въ октябрѣ 1740 г. у нихъ родился сынъ Іоаннъ. Этого младенца императрица объявила своимъ наслѣдникомъ; слабая, умирающая, она снизошла къ мольбамъ Бирона, тогда же признаннаго герцогомъ курляндскимъ, и назначила его правителемъ государства, придупреждая, что это грозитъ ему бѣдой.

XXX.

Воцареніе имп. Елизаветы Петровны. Возвышеніе и просвѣщеніе дворянства. Семилѣтняя война. Университетъ. Театръ. Нравы.

Регенство Бирона просуществовало только три недѣли; расколъ между иностранцами ускорилъ его паденіе. Минихъ, уже противникъ Остермана и его политики, оказался во главѣ заговора, устроившаго арестъ Бирона; отданный подъ судъ, бывшій фаворитъ былъ сосланъ въ Пелымъ. Правительницей сдѣлалась принцесса Анна, мать императора. Она не имѣла ни способности, ни наклонности къ правительственнымъ дѣламъ, и охотно уклонялась отъ нихъ. Робкая, лѣнивая и вялая отъ природы, она предавалась тихой домашней жизни. Дворянство ужасалось перспективѣ продолжительнаго регентства до отдаленнаго совершеннолѣтія крошечнаго императора. Благодаря разладу среди нѣмецкой партіи, дѣятельность кабинета ослабѣла, и сенатъ началъ возвращать себѣ прежнее значеніе. Въ народной массѣ и среди гвардіи съ оживленіемъ вспоминали Петра и его потомство, несправедливо отстраненное отъ престола. Петру голштинскому было всего 11 — 12 лѣтъ, но цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ уже 32 г. Сама цесаревна простотой обращенія и веселостью привлекала простой людъ. Въ своихъ загородныхъ селахъ она водила съ дѣвушками хороводы, пѣла пѣсни, устраивала свадьбы. Въ Петербургѣ она жила въ хоромахъ Смоляного двора, недалеко отъ казармъ преображенцевъ: здѣсь она постоянно принимала гвардейцевъ, угощала ихъ, крестила ихъ дѣтей, напоминая времена Петра Великаго. Ко всему этому царевна была набожна, что то же нравилось народу. При Аннѣ Леопольдовнѣ популярность ея расширялась. Въ тайной канцеляріи поднимали много дѣлъ изъ-за рѣзкихъ выраженій преданности цесаревнѣ. Правительницу предупреждали про опасныя сношенія гвардіи съ Елизаветой Петровной, но она не боялась рѣшительныхъ мѣръ. Цесаревна съ своей стороны вовсе не стремилась къ власти. Она любила наряды, веселую безпечную жизнь и боялась тревогъ и опасностей.

Вмѣшательство иностранныхъ пословъ подвинуло дѣло. Франція въ это время сблизилась со Швеціей и стремилась черезъ нее вліять на русскую политику; ради этого французскій посолъ Шетарди хлопоталъ о дворцовомъ переворотѣ въ пользу Елизаветы. Онъ сошелся съ ея лейбъ-медикомъ, французомъ Лестокомъ, ободрялъ цесаревну, обѣщалъ ей поддержку. Швеція не мирилась съ потерей прибалтійскихъ земель и нашла выгоднымъ объявить Россіи войну, подъ предлогомъ, что идетъ противъ господства иностранцевъ въ Россіи, отстаивая права Елизаветы. Правительство назначило день выступленія гвардіи въ Финляндію, торопясь удалить ее изъ столицы. Но гвардейцы не хотѣли уходить, не попытавшись низложить правительницу. Елизавету Петровну долго уговаривали добиваться власти, даже пугали, что правительница заключитъ ее въ монастырь, такъ или иначе погубитъ. Вечеромъ 23 ноября она рѣшилась дѣйствовать. Окруженная близкими лицами, она отправилась въ

Преображенскія казармы, гдѣ ей немедленно присягнули; оттуда она двинулась съ солдатами по улицамъ спящаго города ко дворцу. Отдѣльная рота отправилась къ домамъ кабинетъ-министровъ и нѣкоторыхъ иностранцевъ, чтобы арестовать ихъ. Во дворцѣ Елизавета сама разбудила Анну Леопольдовну. Караулъ немедленно присягнулъ новой императрицѣ. Разбуженные ликующими солдатами сенаторы и чины генералитета сходились во дворецъ и тоже безпрекословно присягали. Переворотъ совершился безъ пролитія крови; но зато онъ ознаменовался неудержимыми безчинствами гвардейцевъ, которые надолго присвоили себѣ право своевольничать въ столицѣ; особенно отличалась лейбъ-компанія, — особая привилегированная рота, составленная изъ самыхъ энергичныхъ приверженцевъ императрицы Елизаветы Петровны. Министровъ и другихъ дѣятелей прошлаго царствованія предали суду и сослали; среди нихъ очень пострадали незамѣнимый дипломатъ Остерманъ и фельдмаршалъ Минихъ. Первое время намѣревались мягко обойтись съ семьей Анны Леопольдовны, но вскорѣ стали опасаться, что потомство царя Ивана Алексѣевича получитъ большое значеніе и найдетъ приверженцевъ. Маленькаго Іоанна Антоновича подъ строгой тайной заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость; отца съ матерью и младшими дѣтьми сослали въ Холмогоры подъ строгій надзоръ.

При Елизаветѣ Петровнѣ первыя мѣста въ имперіи заняли русскіе, главнымъ образомъ изъ средняго дворянства, даже изъ низшихъ классовъ (напр., Разумовскіе). Духовенство одно время съумѣло поднять свое значеніе, но не надолго; оно выступало по старой памяти съ рѣзкими проповѣдями противъ иностранцевъ. Не разъ въ арміи прорывался довольно бурный патріотизмъ, отъ котораго страдали командиры иностранцы. Кабинетъ министровъ, какъ выдумка иноземцевъ, былъ упраздненъ; но скоро во дворцѣ сталъ собираться совѣтъ довѣренныхъ лицъ, называвшійся конференціей; онъ существовалъ въ помощь лично императрицѣ. Сенатъ сдѣлался по старому главнымъ правительственнымъ мѣстомъ; число сенаторовъ увеличилось, а должность генералъ-прокурора была возстановлена въ прежнемъ значеніи.

Руководителемъ внѣшней политики при Елизаветѣ Петровнѣ сдѣлался Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, вѣрный ученикъ Остермана, начавшій службу еще въ трудныя времена Петра Великаго; онъ твердо держался старой политики,—союза съ Австріей противъ Пруссіи, Франціи и Швеціи. Человѣкъ очень вѣроломный, фальшивый въ личныхъ отношеніяхъ, не отказывавшійся отъ подношеній, онъ былъ очень твердъ въ направленіи своей дипломатіи. Елизавета Петровна завладѣла престоломъ помимо вмѣшательства Швеціи; война съ послѣдней велась просто изъ-за Финляндіи. Русскія войска завладѣли всей этой страной: только нежеланіе, чтобы престолъ ослабѣвшей Швеціи достался датскому принцу, побудило правительство заключить миръ и удовлетвориться присоединеніемъ земель лишь до р. Кюмени.

Въ Германіи начались блестящіе подвиги прусскаго короля Фридриха Великаго, увеличившаго Пруссію на счетъ Австріи и поднявшаго ее на положеніе первостепеннаго государства; старыя европейскія отношенія измѣнились въ виду опаснаго усиленія Пруссіи; Франція уже мирилась съ Австріей. Стремленіе къ мирной политикѣ долго воздерживало

Россію отъ дѣятельной помощи своей союзницѣ. Только разгромъ саксонскихъ земель польскаго короля побудилъ ее тѣснѣй примкнуть къ союзу Австріи и Франціи. Русскія войска въ 1757 г. вступили въ предѣлы Пруссіи и нѣсколько разъ наносили пораженія знаменитымъ войскамъ Фридриха II-го, даже при его личномъ командованіи. Первый годъ войны считался неудачнымъ только потому, что русскіе по старой привычкѣ не съумѣли устроить провіантскую часть, и первый главнокомандующій, Апраксинъ, послѣ побѣды при Эгендорфѣ, рѣшился отступить на зимовку въ Россію. Съ 1758 г. русскія войска укрѣпились въ непріятельской странѣ. Восточная Пруссія съ Кенигсбергомъ управлялась русскимъ губернаторомъ; Берлинъ былъ одно время занятъ русскими. По смерти Елизаветы Петровны начались переговоры о мирѣ, который заключили уже при Екатеринѣ II-й. Задержавъ усиленіе и завоеваніе Пруссіи, эта война „семилѣтняя“, какъ ее называютъ, не принесла существенныхъ выгодъ для Россіи.

Уже сказано, что сенатъ получилъ прежнее первенствующее положеніе; однако возстановленіе петровскихъ порядковъ во многихъ отношеніяхъ оказалось формальностью. Въ сенатъ собирались лица, сильныя довѣріемъ императрицы и руководили дѣлами, черезъ сенатъ держа въ рукахъ коллегіи, которыя въ силу того не имѣли самостоятельности. Высшее собраніе, „конференція“, Елизаветы занималась главнымъ образомъ иностранной политикой: ее составляли канцлеръ, вице-канцлеръ и еще два сановника, но приглашались въ случаѣ надобности и другіе полномочные лица, какъ генералъ-прокуроръ; всегда являлся всесильный президентъ военной коллегіи П. И. Шуваловъ; но нерѣдко конференція обсуждала и вопросы внутренней администраціи, издавала указы. Елизавета, сама неспособная къ энергичной дѣятельности, такъ и не собралась законнымъ путемъ оформить положеніе своей конференціи, разрѣшая ей выпускать и свои постановленія и рескрипты съ Высочайшими повелѣніями; все это было внѣ закона, но имѣло на практикѣ силу законныхъ указовъ. Позднѣйшіе дѣятели смущались этими грамотами и не знали какъ почитать ихъ, и уже Екатерина особымъ указомъ выяснила, какія изъ нихъ считать за именные указы Елизаветы, какія за постановленія, равныя сенатскимъ; разъясненіе было очень важно тогда, при отсутствіи свода законовъ. Такъ патріархально просто правили Россіей при Елизаветѣ.

Сенатъ съ самаго основанія работалъ очень медленно, чѣмъ приводилъ въ негодованіе Петра Великаго; теперь, никѣмъ не понуждаемый, онъ дѣйствовалъ еще тише, безъ всякой системы, безъ плана, по старой дѣловой практикѣ; онъ, пожалуй, и заботился объ экономическомъ бытѣ народа, но случайными, нецѣлесообразными мѣрами, и его дѣятельность уподоблялась патріархальному хозяйству стараго помѣщика въ собственной вотчинѣ. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, правительство не рѣшалось на крупныя экономическія реформы; не налегало на подати, потому что за нихъ часто отвѣчали помѣщики, изыскивая доходы по мелочамъ. Больше всего старались задерживать золото и серебро въ кладовыхъ казны, чтобы всегда ими распоряжаться, а въ народное обращеніе отпускали мѣдную монету. Подъ конецъ жизни Елизаветы Петровны экономія ея дворца набрала запасы денегъ на свои расходы, но ничего не отпускала на имперію; тоже дѣлали и при Петрѣ III-мъ. Коллегіи,

хорошо служили потребностямъ монархіи, постоянно подготовляя служилыхъ людей къ гражданской службѣ, но, какъ центры администраціи, носили признаки разложенія [1]).

Эпоха реформъ государственнаго строя, напряженной военной дѣятельности прекратилась. Административныя строгости не подавляли народа, недоимокъ не взыскивали съ прежними мученіями; въ полкахъ не стало тяжелой дисциплины, не щадившей жизней, какая царила при Минихѣ. Пытали и наказывали осторожнѣй, безъ прежней устрашающей торжественности. Императрица съ приближенными старались не присутствовать въ столицѣ въ дни исполненія приговоровъ; хотя попрежнему мало щадили людей и ихъ достоинство.

20 лѣтъ правленія Елизаветы были временемъ тихой, не яркой работы внутри самого общества. Дворянство удовлетворялось улучшеніемъ своего быта, постепеннымъ пріобрѣтеніемъ привилегій, и не думало объ ограниченіи монархической власти. Дворянская среда становилась культурнѣй, получала привычки и потребности европейскаго общества; на ряду съ этимъ крѣпло ея обособленіе отъ податныхъ классовъ. Въ 1741 г. крестьянъ не приводили къ присягѣ государынѣ, и они какъ бы перестали считаться истинными гражданами; указомъ 1747 г. дворяне пріобрѣли право продавать крѣпостныхъ крестьянъ въ рекруты, а въ 1760 г. имъ разрѣшили ссылать крестьянъ по своей волѣ въ Сибирь и получать за каждаго ссылаемаго рекрутскую квитанцію. Крестьянамъ запретили выдавать векселя, принимать на себя денежныя обязательства безъ позволенія помѣщиковъ. Владѣльцы получили огромную власть надъ личностью и имуществомъ крѣпостныхъ. Съ лишеніемъ прочихъ сословій, даже личныхъ дворянъ, права владѣть населенными землями, это право обращалось уже въ привилегію одного потомственнаго дворянства. Служба одно время еще строго взыскивалась съ дворянъ,—каждый долженъ былъ служить; но возможность получить маленькое образованіе, открытая только для дворянъ, разныя послабленія по протекціи и подаркамъ помогали имъ являться въ полкъ уже офицерами, получать долговременные отпуски, о какихъ прежде и думать не смѣли. Само правительство, учреждая первый корпусъ, какъ бы признавало, что благородному сословію не слѣдуетъ служить въ нижнихъ чинахъ на ряду съ податными.

Къ концу царствованія уже все было подготовлено къ тому, чтобы безъ труда отмѣнить обязательность дворянской службы: этого жаждало само дворянство; объ этомъ упорно толковали его представители, Шува-

---

[1]) Члены коллегій изъ отставныхъ офицеровъ обыкновенно ничего не знаютъ о законахъ государства и указахъ прошлаго времени. Представляется на рѣшеніе какое-нибудь важное или новое дѣло; по прочтеніи протокола президентъ, вице-президентъ, и члены начинаютъ толковать и спрашивать другъ друга, что каждый думаетъ. Послѣ долгихъ разговоровъ соглашаются въ мнѣніяхъ и постановляютъ рѣшеніе; остается только перевести его на бумагу. Оберъ-секретарь или секретарь при обсужденіи дѣла не имѣетъ никакого голоса; онъ сидитъ въ той же комнатѣ за особымъ столомъ и пишетъ, но въ то же время внимательно слушаетъ и замѣчаетъ всѣ разговоры гг. членовъ. Когда доходитъ дѣло до рѣшенія, онъ встаетъ и говоритъ. „Имѣю честь напомнить о такомъ-то указѣ".—Коллегіи приходится измѣнять свое рѣшеніе, и время, ушедшее на обсужденіе, потеряно. Мнѣніе секретаря всегда беретъ верхъ, потому что онъ знаетъ указы и завѣдуетъ письменнымъ изложеніемъ дѣлъ.—Изъ записокъ Миниха-сына, автора выраженія: Россія управляется не президентами и губернаторами, а секретарями.

ловы и Воронцовы, на собраніяхъ администраторовъ. Не прошло 2-хъ мѣсяцевъ со смерти Елизаветы, какъ они устроили это легко и просто при безпечномъ Петрѣ III. 18-го февраля 1762 г. вышелъ указъ о „вольности дворянской"; онъ совершенно освобождалъ дворянъ отъ обязательной службы государству; дворянинъ могъ служить, какъ и сколько хотѣлъ; онъ получилъ право даже уходить на службу въ чужое государство; на вольнаго дворянина возлагался одинъ нравственный долгъ—заботиться объ образованіи дѣтей, быть представителемъ образованнаго сословія въ странѣ. При этомъ за нимъ сохранились всѣ его права и преимущества, и служилое сословіе обратилось въ „привилегированное". Прежде дворяне владѣли крестьянами потому, что государство уступало имъ это право ради лучшаго исправленія службы; теперь они, одни въ странѣ вольные люди, свободные отъ обязанностей, владѣли крестьянами, какъ частныя лица, захватившія монополію на это право благодаря своему вліянію на государственный строй. Образованные дворяне ликовали, когда исполнилось ихъ давнишнее желаніе,—отмѣна обязательной службы. Къ дальнѣйшему ихъ удовлетворенію состоялось запрещеніе покупать крестьянъ для приписки къ фабрикамъ и заводамъ, и купцамъ приходилось разсчитывать на вольный наемъ. Но большинство плохо или своеобразно поняло указъ. Почти всѣ находили нужнымъ служить, ради чиновъ и укрѣпленія за собой правъ первенствующаго сословія.

Благодаря служебнымъ льготамъ и болѣе обезпеченной жизни, у дворянъ оказалось больше свободнаго времени. Лучшіе представители сословія употребляли его на чтеніе, писательство, самообразованіе, какъ говорятъ теперь. Появились писатели, воспользовавшіеся улучшеніемъ русскаго языка, возникъ и началъ укрѣпляться русскій театръ. На досугѣ простые любители, офицеры, помѣщики въ сельской глуши переписывали занимательныя книги, переводили, какъ умѣли, съ иностранныхъ языковъ, развозили книги по сосѣдямъ, распространяли ихъ среди товарищей. Въ обѣихъ столицахъ, даже въ провинціальныхъ городахъ, для дворянскихъ дѣтей открывались частные пансіоны, очень дорогіе для того времени и вмѣстѣ съ тѣмъ очень плохіе; но уже то было хорошо, что дѣтей отдавали учиться добровольно, не нуждаясь въ угрозахъ петровскихъ указовъ. Въ этихъ пансіонахъ все таки пріучали къ чтенію, этому главному источнику образованія. Многіе образованные люди прекрасно видѣли, что иностранные выходцы, безъ подготовки и знаній, подгоняемые бѣдностью, поступали въ учителя въ поискахъ за заработкомъ; знали, что у этихъ педагоговъ часто весьма темное прошлое. Противъ нихъ особенно вооружался горячій патріотъ Ломоносовъ, и добился своего: благодаря покровительству Шувалова, онъ учредилъ въ Москвѣ университетъ съ гимназіей; другую гимназію открыли въ Казани. Въ число обязанностей профессоровъ была включена провѣрка знаній иностранныхъ и домашнихъ учителей.

По уставу московскій университетъ былъ такъ же свободенъ, управлялся самостоятельно своимъ ученымъ обществомъ, какъ всѣ нѣмецкіе университеты; но эта самостоятельность осталась на бумагѣ; русская жизнь не знала западныхъ цеховъ и союзовъ, не понимала самоуправленія ученыхъ корпорацій, которыя цѣлыми вѣками завоевывали свою свободу у папъ и свѣтскихъ властей. Русскій университетъ оказался

сразу въ подчиненномъ положеніи, а ученые—въ зависимости отъ властей. Онъ былъ открытъ для всѣхъ сословій; крѣпостные должны были представлять увольнительныя свидѣтельства. Отчасти по сословнымъ предубѣжденіямъ, а главное по недостатку интереса къ широкому общему образованію въ русскомъ обществѣ, московскій университетъ довольно долго, до самаго XIX в., имѣлъ 100—110 студентовъ, не болѣе, и страдалъ недостаткомъ въ профессорахъ. По временамъ онъ выпускалъ выдающихся людей и полезныхъ ученыхъ, но въ общемъ не оказывалъ вліянія на общество. Ученіе въ немъ почиталось за военную службы; студенты носили шпаги и кончали курсъ съ оберъ-офицерскимъ чиномъ, что разночинцевъ обращало въ дворянъ. Въ обѣихъ гимназіяхъ дворяне строго отдѣлялись отъ другихъ сословій; для разночинцевъ существовала даже особая программа техническаго характера съ прикладными знаніями. Что касается университета и гимназіи при Академіи, они попрежнему не привлекали учащихся и исчезли совсѣмъ при Екатеринѣ II-й. Подъ конецъ царствованія Елизаветы Петровны была учреждена академія художествъ съ подготовительными общеобразовательными классами, куда старались привлечь разночинцевъ.

Но не самыя школы и учебныя программы были главными виновниками замѣтнаго подъема образованія: его создало постепенно усилившееся вліяніе Европы, знакомство съ ея умственной жизнью, которую мало замѣчали во время спѣшной технической выучки петровскихъ временъ. Кадеты I-го корпуса, самаго многолюднаго тогда заведенія, начали переводить иностранныя книги, писать стихи не по заказу и не для денегъ, а просто изъ интереса къ литературной работѣ Когда среди нихъ явился такой выдающійся талантъ, какъ Сумароковъ, литературой стали уже увлекаться. Его стихи быстро расходились по рукамъ и вызывали подражанія. Разъѣзжаясь по полкамъ, кадеты развозили повсюду книжки, рукописныя тетрадки стиховъ и возбуждали интересъ къ чтенію. Общественныя забавы и увеселенія начали измѣнять свой характеръ. Грубыя шумныя развлеченія временъ Петра Великаго и Анны Іоанновны, маскарады, уличныя процессіи, пиры съ пьянствомъ утрачивали прежнее значеніе. Люди привыкли по вечерамъ собираться семейными и товарищескими кружками, читали, бесѣдовали, декламировали стихи, танцовали; зарождалась настоящая общественная жизнь при дѣятельномъ участіи женщинъ.

Благодаря Сумарокову, кадеты воспламенились любовью къ театральнымъ представленіямъ и заразили своимъ увлеченіемъ дворъ Елизаветы Петровны, гдѣ ихъ спектакли соперничали съ иностранными труппами. Здѣсь видѣлъ представленія купецъ Волковъ и создалъ свою театральную труппу въ Ярославлѣ, которая вскорѣ была вызвана въ Петербургъ: съ директоромъ, уже извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, Сумароковымъ во главѣ, она положила начало національному русскому театру. Въ эпоху семилѣтней войны русская военная молодежь 4 года прожила въ прусскихъ провинціяхъ; тамъ она сблизилась и свыклась съ общественной жизнью нѣмцевъ и вернулась на родину съ запасомъ книгъ, опыта, новыхъ наблюденій и привычекъ. Нечего говорить, что образованіе касалось только дворянскаго класса и проводило еще болѣе рѣзкую грань между нимъ и низшими сословіями. Дворяне окончательно прониклись,

по примѣру Европы, убѣжденіемъ, что они люди особые, „благородные". Въ силу этой розни возникло удивительное раздвоеніе въ духовномъ мірѣ благородныхъ: число крѣпостныхъ все росло, положеніе ихъ подъ гнетомъ помѣщичьей власти становилось все безправнѣй, а нравы помѣщиковъ въ ихъ сословномъ обиходѣ замѣтно смягчались: русскіе люди перестали стыдиться нѣжныхъ чувствъ, даже охотно впадали въ чувствительность, въ то время модную въ Европѣ: но смягченіе отражалось только на личностяхъ въ замкнутомъ быту барскихъ семей; оно вовсе не вліяло на соціальныя отношенія; оно не мѣшало взыскивать непосильные оброки, морить людей на барщинѣ, распоряжаться семейною жизнью крѣпостныхъ, истязать ихъ. Крѣпостное право установилось вполнѣ: первый банкъ опредѣлилъ казенную минимальную цѣну ревизской души.

Что касается торговаго класса, то Елизавета первое время намѣревалась, по примѣру Петра I, покровительствовать промышленному люду. Но дворянство считало владѣніе крѣпостными исключительно своимъ правомъ; если фабрики держатся трудомъ закрѣпощенныхъ имъ людей,— слѣдовательно, и фабриками должно владѣть дворянство: въ виду этого оно хлопотало, какъ бы лишить торговый классъ крѣпостныхъ работниковъ. Съ 1752 г. правительство, подъ предлогомъ, что фабриканты-купцы пользуются трудомъ вольнонаемныхъ рабочихъ, начало ограничивать покупки и приписки къ ихъ фабрикамъ опредѣленнымъ числомъ крестьянъ. Преемники впослѣдствіи совсѣмъ запретили эту покупку. Долго не прикасались къ облегченному таможенному тарифу императрицы Анны. Между тѣмъ, къ 1760 г. вывозъ за границу русскихъ товаровъ увеличился вдвое, а ввозъ иностранныхъ втрое. Заботясь о доходахъ казны, начали понемногу возвышать на послѣдніе пошлины. Съ другой стороны, всѣ таможенные сборы внутри имперіи были отмѣнены, что очень облегчило внутреннюю торговлю и возбудило общее удовольствіе. Произошла перемѣна и въ торговлѣ виномъ: доходами съ нея издавна пользовалась казна, причемъ кабаки часто сдавались въ аренду. Въ 1755 г. начали сдавать на откупъ торговлю виномъ по цѣлымъ губерніямъ, чѣмъ положили начало „откупамъ". Не одно вино, сдавались на откупъ въ то время патріархальныхъ порядковъ таможни, торговые пути, казенные промыслы. Вліяніе и интересы сильныхъ людей создавали монопольныя компаніи, забиравшія въ свои руки доходные промыслы. Графъ Воронцовъ владѣлъ привилегіей на торговлю по Каспійскому морю. Весь табачный сборъ былъ проданъ одному купцу Матвѣеву. Издавна русское общество страдало недостаткомъ денежныхъ капиталовъ; со времени Петровской реформы дѣло плохо двигалось впередъ: капиталы почти не накоплялись, въ частныхъ рукахъ было мало денегъ, и получить въ кредитъ стоило очень дорого. Подъ давленіемъ дворянства, которое всегда нуждалось въ средствахъ, въ 1754 г. правительство сдѣлало важное нововведеніе: при сенатѣ въ Петербургѣ и сенаторской конторѣ въ Москвѣ были учреждены два заемныхъ банка для дворянъ въ Великороссіи (позже позволили кредитоваться и дворянамъ другихъ мѣстностей). Разрѣшили выдавать одному лицу не болѣе 1000 руб. изъ 6% подъ залогъ драгоцѣнныхъ вещей, домовъ, населенныхъ имѣній; при этомъ ревизская душа цѣнилась въ 10 руб. сер. Тогда же въ Петербургѣ открыли коммерческій банкъ для торгующихъ въ мѣстномъ портѣ. Позже открывались конторы

банковъ и по провинціальнымъ городамъ. Но банковое и вексельное дѣло еще плохо усваивалось казенной администраціей: долгое время банки велись очень безпорядочно. При Екатеринѣ II купеческій банкъ нашли даже нужнымъ закрыть. Дворянскій все развивалъ свои операціи; онъ былъ необходимъ дворянству. Требовало реформы положеніе недвижимыхъ имуществъ церкви и духовенства. Когда владѣніе крѣпостными стало привилегіей дворянства, крестьяне церковныхъ земель оказались въ неопредѣленномъ положеніи между начальствомъ отъ синода и наблюденіемъ гражданскаго вѣдомства. Духовная администрація плохо вела дѣла; крестьяне волновались. Переходъ казенныхъ земель отъ церкви къ казнѣ оказывался необходимымъ.

XXXI.

Петръ III. Указъ о вольности дворянства. Воцареніе Екатерины II. Вліяніе французскаго просвѣщенія. Комиссія для составленія уложенія.

Укрѣпившись на престолѣ, императрица Елизавета вызвала изъ Голштиніи своего племянника, 14-ти лѣтняго герцога Петра Фридриха, и объявила его наслѣдникомъ престола. Это былъ слабый неразвитой мальчикъ, который уже давно готовился унаслѣдовать шведскій престолъ. Русская политика измѣнила его судьбу: онъ перешелъ въ православіе, учился русскому языку и воспитаніемъ Россіи обращался въ русскаго. Малоспособный, невоспріимчивый юноша совершенно потерялся среди этого перелома и остался чуждымъ своей новой націи. Его умственное развитіе рано остановилось; будущій Петръ III казался ребенкомъ во всемъ, очень огорчая этимъ свою тетку. Все его шестимѣсячное царствованіе оказалось переходной ступенью къ воцаренію его знаменитой супруги, Екатерины II.

Елизавета Петровна послѣ сильныхъ нервныхъ припадковъ скончалась въ декабрѣ 1761 г., и Петръ Ѳедоровичъ сдѣлался императоромъ. Личное вліяніе его сказалось въ льготахъ раскольникамъ и сектантамъ, которые могли теперь довольно свободно выполнять свои обряды. На ряду съ этимъ усиленно готовили переходъ въ казну населенныхъ земель, которыми издавна владѣли монастыри и церкви. Эта реформа давно предвидѣлась, но теперь она вызывала особенное неудовольствіе, потому что Петръ III болѣе чѣмъ равнодушно относился къ православному духовенству, мало уважалъ церковь. Вообще несдержанность, безтактность императора очень тяготили всѣхъ служащихъ. Всѣмъ не нравилось его преклоненіе передъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II; переходъ отъ войны съ Пруссіей къ переговорамъ о союзѣ съ нею, причемъ войскамъ предстояло бы сражаться за интересы вчерашняго врага, былъ черезчуръ рѣзокъ. Предстоявшее переформированіе русскихъ войскъ на прусскій ладъ очень раздражило армію: дворянство, осчастливленное указомъ 18-го февраля, тоже негодовало. Семейный разладъ между императоромъ и императрицей дошелъ до того, что послѣдней грозило невольное постри-

женіе, а наслѣднику, Павлу Петровичу, лишеніе правъ на престолъ. Какъ и раньше, представителемъ правящаго сословія оказалась гвардія; она составила заговоръ. 28 іюня въ Петербургѣ и Кронштадтѣ войска присягнули Екатеринѣ II, когда Петръ готовился къ своимъ именинамъ въ Петергофѣ. Растерянный, покинутый почти всѣми приближенными, онъ отказался отъ престола, и былъ отвезенъ въ Ропшу, гдѣ черезъ 5 дней скончался.

Софія-Августа-Фредерика была дочерью мелкаго принца, владѣтеля такого крошечнаго городка Ангальтъ-Цербста, что его можно найти только на очень подробныхъ картахъ Германіи. По недостатку средствъ онъ служилъ въ арміи прусскаго короля и долго былъ губернаторомъ города Штетина, гдѣ воспитывалась будущая императрица. Ею занималась француженка гувернантка, Кардель, которую принцесса цѣнила больше другихъ учителей; благодаря ей, учившаяся мало и урывками воспитанница познакомилась съ лучшими французскими писателями и на всю жизнь пристрастилась къ чтенію. Принцесса очень рано созрѣла умственно, умѣла всѣхъ слушать, а думала всегда по-своему: гувернантка выговаривала ей, что она слишкомъ рано стала себѣ на умѣ.

Когда Елизавета Петровна подыскивала невѣсту своему племяннику, по возможности изъ незначительнаго рода, чтобы принцесса, всѣмъ обязанная Россіи, легко забыла бы свою родину и привязалась къ новому отечеству, Фридрихъ Великій рекомендовалъ дочь своего генерала, разсчитывая, что она поможетъ ему лишить вліянія неудобнаго канцлера, Бестужева-Рюмина. 15-лѣтняя Софія пріѣхала въ Россію и обратилась въ вел. княжну Екатерину Алексѣевну. Она твердо рѣшила немедленно обрусѣть и создать себѣ здѣсь блестящую судьбу. Она легко поняла, что на такого мужа, какъ Петръ Ѳедоровичъ, немыслимо надѣяться. Освоившись съ русскимъ языкомъ, принцесса ко всему прислушивалась, изучала людей, сразу и искусно установила свои отношенія среди русскаго двора. Постоянный разладъ съ мужемъ скоро заставилъ ее устроить себѣ самостоятельную замкнутую жизнь въ маленькомъ кружкѣ приближенныхъ. Когда императрица взяла къ себѣ новорожденнаго внука, мать оказалась свободной отъ семейныхъ обязанностей, вела втихомолку очень дѣятельную жизнь, массу читала, пополняя свое образованіе: она умѣла пріобрѣтать всѣ книжныя новости, выходившія заграницей, особенно во Франціи. До страсти любя писать, она положила начало своей громадной перепискѣ съ выдающимися людьми Европы. Екатерина отличалась необыкновенной способностью къ стойкому, выдержанному труду, въ своемъ родѣ равной трудолюбію Петра Великаго. Не теряя минуты даромъ, она готовилась къ государственной дѣятельности, жаждала широкаго дѣла, вполнѣ увѣренная въ себѣ и своихъ способностяхъ. Изучая серьезныя просвѣтительныя сочиненія европейскихъ мыслителей, Екатерина усердно знакомилась съ рядомъ переворотовъ, которыми ранѣе возводились на престолъ русскія императрицы; она обдумывала условія своего положенія, какъ матери сына-наслѣдника, законнаго преемника отцу подъ ея временной опекой, и соперницы другого уже взрослаго юноши, императора Іоанна, отвергнутаго переворотомъ 1741 г. Она разсчитывала, что привыкшее къ женскому правленію дворянство провозгласитъ ее державной императрицей. Въ разгаръ недовольства Петромъ III, когда заговоръ уже

опредѣлился, она заготовила манифестъ народу, какъ принимающая престолъ самодержица.

Первые годы по воцареніи положеніе Екатерины было очень трудное и безпокойное между сыномъ и заключеннымъ въ крѣпости Іоанномъ Антоновичемъ. Приходилось держать себя тонко и осторожно, всѣмъ угождать, нравиться, всѣхъ удовлетворять; нужно было уклоняться отъ рѣзкихъ мѣръ, замалчивать прорывавшіеся планы высшаго дворянства, создать учрежденіе, которое бы сдерживало власть монарха.

Въ Европѣ наступило время небывалаго еще вліянія литературы, итоговъ просвѣщенной мысли. Рядомъ съ преклоненіемъ передъ разумомъ и просвѣщенной властью развивались новыя понятія о законахъ дѣятельности духа человѣческаго и государственныхъ порядкахъ, которые изъ нихъ вытекаютъ. Возникло ученіе о „естественномъ правѣ“ человѣческой личности, основанномъ на ея положеніи среди явленій и прочихъ твореній природы: на это право должны опираться всѣ законоположенія, и нельзя допускать противорѣчащихъ ему законовъ: отъ него берутъ начало всѣ общества и государства посредствомъ добровольнаго договора людей между собой; люди отказываются отъ личной свободы, съ которой рождаются, обѣщаются помогать другъ другу, устроить сообща правительство и порядки. Отсюда слѣдовало, что починъ въ законодательствѣ всегда принадлежитъ народу. Появилось и окрѣпло мнѣніе, что работа мысли человѣка и вся его душевная жизнь зависитъ отъ впечатлѣній, которыя онъ своими чувствами воспринимаетъ изъ окружающей жизни. Новая наука о душѣ измѣнила старыя понятія о школѣ и воспитаніи, о судѣ и наказаніяхъ человѣка. Мыслители силою разума подвергали разбору и провѣркѣ всѣ старинныя вѣрованія, знанія, обычаи; они стремились выяснить людямъ все достояніе ихъ жизни, уничтожить суевѣрія и предразсудки, спасти людей отъ бѣдствій и притѣсненій.

Горячая вѣра въ силу разума доводила мыслителей до увлеченія: они забывали, что человѣческая культура развивалась постепенно и основы ея коренятся въ старинѣ; они думали, что разумными мѣрами можно легко и просто передѣлать бытъ цѣлаго народа. Но искренность убѣжденія, пламенная жажда лучшаго будущаго для человѣчества придавали огромную нравственную силу созданному ими просвѣтительному движенію, увлекавшему и государей. Еще писатели первой половины вѣка, съ Вольтеромъ во главѣ, вѣрили въ значеніе просвѣщенныхъ правителей и отъ нихъ ждали улучшеній, съ пренебреженіемъ относясь къ темной народной массѣ; но ихъ послѣдователи пошли гораздо дальше Вольтера. Руссо отказался отъ вѣры въ разумъ, даже въ просвѣщеніе; онъ признавалъ негодными всѣ существующіе порядки, общественные и государственные, которые только искажаютъ бытіе людей. Руссо превозносилъ силу непосредственнаго чувства простого, близкаго къ природѣ человѣка и являлся предвозвѣстникомъ новѣйшихъ народныхъ движеній и соціальныхъ переворотовъ. Великія мысли творцовъ просвѣтительной литературы переносились во второстепенныя сочиненія, въ романы и пьесы для театра, пересказывались въ популярныхъ книжкахъ и такимъ образомъ проникали въ среду простой, только что грамотной публики. Екатерина II особенно сблизилась съ Вольтеромъ, ознакомилась съ современными ей взглядами по законодательнымъ и государственнымъ вопросамъ; Руссо она

очень не любила и не пошла дальше Вольтера въ своихъ взглядахъ на народъ и значеніе для него просвѣщеннаго правительства.

Первые годы императрица была поглощена усиліями удержаться на престолѣ. За границей думали, что ей, чужестранкѣ, не удастся долго царствовать; вышло иначе, благодаря свойствамъ ея личности: она жила полною жизнью своего вѣка, горѣла въ работѣ и принимала дѣятельное участіе въ событіяхъ общественной жизни. При всей своей начитанности и наблюдательности Екатерина, конечно, не знала Россіи; первое время приходилось всѣхъ выслушивать, испытывать непріятности отъ навязчивыхъ совѣтниковъ, часто прежнихъ друзей, которые поддерживали ее въ тяжелое время. Чтобы узнать положеніе страны и настроеніе умовъ своихъ подданныхъ, она отправлялась путешествовать то на западъ, въ Ригу, то на востокъ, по Волгѣ, останавливаясь въ городахъ и селахъ; всюду она видѣла наивную, слѣпую покорность, почетъ до низкопоклонства. Масса не допытывалась, какъ Екатерина достигла власти и какъ она намѣрена править. Сами подданные казались добродушными и мягкими, а императрица, въ свою очередь, не допытывалась, какія настроенія скрываются за этой наивностью. Приходилось считаться съ тѣмъ, что̀ оставило прошлое. Пылкій караульный офицеръ въ Шлиссельбургской крѣпости попытался освободить несчастнаго Іоанна Антоновича, выросшаго въ заключеніи душевнобольнымъ юношей. По старому приказу, начальникъ крѣпости тотчасъ закололь заключеннаго.

Воспитатель наслѣдника, Никита Ивановичъ Панинъ, служилъ посломъ при иностранныхъ дворахъ и вывезъ изъ-за границы, особенно изъ Швеціи, большое уваженіе къ знати, къ ея твердости и постоянству въ политическихъ дѣлахъ. Легкость переворотовъ въ Россіи, власть фаворитовъ смущали его и представителей знати. Пользуясь своей близостью къ императрицѣ, онъ поднесъ ей проектъ постояннаго государственнаго совѣта, облеченнаго правомъ подготовлять законы. Всѣхъ членовъ совѣта (6—8) государыня должна была назначать сама, совѣтъ въ сущности не могъ ограничивать власти: онъ только наблюдаетъ за правильностью законодательной работы. Тогда еще ярая поклонница Запада, Екатерина подписала его, но скоро поняла, что ей невыгодно стѣснять себя чѣмъ-либо. Дворянство увлекалось своими привилегіями дома, въ сельской жизни, и не поддержало проекта; самъ Панинъ былъ лѣнивъ и не отличался энергіей.

Екатерина отнеслась къ проекту осторожно, политично: она бы и осуществила на дѣлѣ предлагаемый совѣтъ, если бы всѣ высшіе чины опредѣленно на этомъ настаивали. Она выжидала, толковала о нѣкоторыхъ исправленіяхъ и видя, что нѣтъ необходимости устанавливать около себя вліятельное учрежденіе, она отложила проектъ, потомъ разорвала его и предала забвенію.

Осторожность Екатерины имѣла основаніе: первые мѣсяцы по ея воцареніи въ Петербургѣ смутно ожидали реформъ. Въ частныхъ письмахъ она говорила, что ждетъ не мало „странныхъ" проектовъ, которые она постарается отложить подальше; ген.-прокурору она намекала, что знаетъ о группѣ сенаторовъ, которая бы желала побольше вліянія на законодательство. Въ теченіе года, оглядѣвшись, Екатерина убѣдилась, что при своихъ способностяхъ и трудолюбіи можетъ обойтись безъ совѣтовъ

и конференцій и крѣпко забрала все въ свои руки. Чтобы занять честолюбивыхъ и недовольныхъ сановниковъ, она собирала ихъ въ комиссіи по вопросамъ, которые сама въ душѣ уже рѣшила по-своему. Для отдѣловъ высшей администраціи она выбирала довѣренныхъ лицъ; для внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и суда она взяла ген.-прокурора кн. Вяземскаго, который отслужилъ ей лѣтъ 30 за перваго министра; по вопросамъ образованія она выдвигала Бецкаго, для таможенъ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ вѣдомствъ имѣла Миниха; для полиціи—тоже вѣрное лицо. Стараясь вникнуть въ самую суть дѣлъ, Екатерина въ началѣ царствованія часто присутствовала въ сенатѣ; но скоро стала сурово и брезгливо относиться къ медленному дѣлопроизводству этого собранія. Ея широкимъ планамъ, навѣяннымъ сношеніями съ философами и политиками, ея кипучей дѣятельности не соотвѣтствовалъ осторожный сенатъ, настолько непросвѣщенный, какъ оказалось, что не имѣлъ даже карты Россіи для необходимыхъ справокъ. Скоро и это высшее собраніе лишилось своего прежняго вліянія: ради скорѣйшаго дѣлопроизводства его раздѣлили на департаменты изъ 5, 7 присутствующихъ сенаторовъ; онъ уже не представлялъ многолюднаго совѣщанія высшихъ чиновъ; маленькія группы покорно разбирали то, что имъ задавали изъ разныхъ вѣдомствъ. Тихо, незамѣтно за шумомъ рѣчей въ комиссіи депутатовъ, побѣдныхъ торжествъ Екатерина подняла державную власть до высоты, которой она едва достигала при Петрѣ I-мъ и подготовляла бюрократическую систему управленія посредствомъ министерствъ. Внизу, въ провинціяхъ Екатерина усилила вліяніе губернаторовъ, которые докладывали лично ей помимо сената, и намѣтила реформу всего областного управленія.

Серьезно намѣреваясь при воцареніи отмѣнить крѣпостное право, императрица долго задумывалась надъ этимъ тяжелымъ для нея, какъ друга Вольтера и ученицы просвѣтительной литературы, вопросомъ, и не только не нашла выхода изъ затрудненія, но довела крестьянъ до полнаго рабскаго закрѣпощенія. Сгоряча, ища популярности по вступленіи на престолъ, она разрѣшила всѣмъ свободно являться къ себѣ съ прошеніями; конечно, она была ими завалена, особенно жалобами крестьянъ на помѣщиковъ, и свобода въ подачѣ челобитныхъ въ собственныя руки очень скоро была отмѣнена. Крестьянскія жалобы и волненія, съ которыми не имѣли силъ разобраться, вызвали разрѣшеніе помѣщикамъ ссылать крестьянъ за „дерзости“ не только на поселеніе, но даже на каторгу. Вскорѣ затѣмъ крестьянамъ были запрещены какія бы то ни было жалобы на помѣщиковъ. Наступилъ полный расцвѣтъ крѣпостного права. Раздача земель съ государственными крестьянами достигла широкихъ размѣровъ: по общему расчету при Екатеринѣ на годъ приходилось болѣе 23 тыс. душъ, обращенныхъ въ крѣпостныхъ. Съ другой стороны, казенныя имущества пополнились новымъ разрядомъ крестьянства. Обиліе населенныхъ земель во владѣніи духовенства и монастырей давно стѣсняло правительство. Екатерина рѣшилась выполнить проектъ Петра III, и въ 1764 г. земли были отобраны (секуляризованы) въ казну; населявшіе ихъ крестьяне получили названіе *экономическихъ* и состояли въ вѣдѣніи коллегіи экономіи.

Финансы были очень плохи. Уже при Елизаветѣ, несмотря на повышеніе доходовъ, особенно питейнаго и таможеннаго, содержаніе арміи

повело къ перерасходамъ. Доходовъ положительно не хватало. При воцареніи Петра III казна оказалась пустой: денегъ совсѣмъ не было. Попытка занять ихъ за границей не удалась: Россіи не довѣряли и не открыли кредита. Прежде всего правительство обратило вниманіе на тяжесть податей; попытались сбавить нѣкоторые налоги, но это оказалось невозможнымъ; вскорѣ же пришлось повысить пошлины на соль. Думали увеличить жалованье служащихъ, чтобы не доставлять повода къ устрашающему взяточничеству. Но перерасходы и безъ того росли. Весь правительственный механизмъ работалъ такъ безпорядочно и шатко, было столько грубой старины и неповоротливой косности, что рѣшили приступить сразу къ трудной задачѣ—составить новое законодательство.

Со временъ Петра Великаго было нѣсколько попытокъ создать уложеніе; ради этого то собирали комиссіи въ нѣсколько десятковъ служилыхъ людей, то человѣкъ 6—8 чиновниковъ. Послѣдняя комиссія просидѣла до 1760 г. и, расходясь, донесла сенату, что слѣдуетъ созвать представителей разныхъ сословій для составленія уложенія по примѣру земскаго собора 1649 г. Перемѣны въ правленіи помѣшали выполнить это предложеніе. Рѣшивъ въ душѣ обратиться къ мудрости народа, ученица Вольтера смѣло взяла на себя составить для его представителей просвѣтительное руководство въ законодательной работѣ. Она принялась втайнѣ разрабатывать идеальныя основы будущаго свода законовъ Россіи, и проработала 2 года. Въ своемъ „Наказѣ“ она намѣревалась ознакомить русскую публику съ идеями европейской просвѣтительной литературы: она сама откровенно сознавалась, что пересказывала цѣлыя главы изъ сочиненій знаменитыхъ современниковъ. Обо всѣхъ вопросахъ Екатерина говоритъ здѣсь вообще, вовсе не примѣняясь къ русской дѣйствительности. Впрочемъ, сами великіе учителя тоже имѣли въ виду человѣка вообще и мало считались съ народностями и условіями ихъ быта.

Постановивъ, что Россія по своей величинѣ требуетъ самодержавнаго правительства, императрица считаетъ „вольность“ принадлежностью всякаго гражданина, но такъ отдѣляетъ ее отъ права участвовать въ законодательствѣ своей страны, опредѣляетъ въ такихъ блѣдныхъ, туманныхъ выраженіяхъ, что смыслъ термина „вольность“ непонятенъ въ ея произведеніи. Далѣе Екатерина твердо и рѣзко отличаетъ сословія и опредѣляетъ особенности и обязанности каждаго изъ нихъ, отдавая дань господствовавшимъ въ то время взглядамъ. Большой пользы для государства ожидаетъ она отъ „средняго сословія“, причисляя къ нему ученыхъ и художниковъ (художниками называли тогда и ремесленниковъ). Во Франціи городское среднее сословіе въ эту пору по образованію, капиталамъ, трудолюбивой дѣятельности, дѣйствительно, начало выдвигаться на первый планъ. Далеко не то было въ Россіи при слабой городской жизни, едва развивающемся денежномъ хозяйствѣ. Рабство Екатерина строго осудила, произволъ правителей—тоже; и слова эти странно и тяжело звучали въ годы расцвѣта крѣпостной Россіи. Болѣе искреннее впечатлѣніе оставляли главы о важности хорошаго судопроизводства, о возможномъ смягченіи наказаній и тюремныхъ заключеній: необходимость карать и безъ того тяжела и вынуждена. Особенно энергично ратовала императрица за отмѣну пытокъ. Вовсе не касаясь образованія, императрица довольно туманно

пытается внушить пониманіе высокаго значенія воспитанія. Ея мысли подробно разработаны въ особомъ трудѣ: „Учрежденіе о воспитаніи"...

О духовенствѣ и его значеніи она совсѣмъ не говоритъ. Ея иностранные учителя вели у себя на родинѣ энергичную борьбу съ вліяніемъ церкви, и императрица оставляетъ въ сторонѣ этотъ вопросъ. Несмотря на неясность мыслей, туманность, расплывчатость выраженій, „Наказъ" важенъ и любопытенъ какъ отраженіе умственной жизни Запада на далекомъ востокѣ Россіи. Въ первоначальномъ видѣ онъ неизвѣстенъ; Екатерина подвергла его критикѣ многихъ представителей русскаго общества и любезно примирились съ тѣмъ, что болѣе половины статей ей вычеркнули, какъ черезчуръ либеральныя и вредныя для Россіи. Панинъ и драматургъ Сумароковъ съ негодованіемъ говорили, что обнародованіе такихъ необычайныхъ мыслей погубитъ Россію. Во Франціи „Наказъ" и въ сокращенномъ видѣ не дозволили напечатать. Но скоро либерализмъ сталъ остывать и въ авторѣ „Наказа", и Екатерина позволила держать его только въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ 1766 г. вышелъ указъ о созваніи депутатовъ для комиссіи о составленіи уложенія; ихъ должны были прислать дворяне, горожане, всѣ группы свободныхъ землевладѣльцевъ, нѣкоторыя правительственныя учрежденія, въ томъ числѣ св. синодъ; изъ крестьянъ допустили только государственныхъ. Духовенство, которое играло первостепенную роль въ старыхъ законодательныхъ собраніяхъ, вовсе не было приглашено въ комиссію.

Населеніе отнеслось къ выборамъ внимательно и серьезно, хотя маленькіе города и воспользовались правомъ не посылать депутатовъ; каждому представителю избиратели вручили, по крайней мѣрѣ, по одному наказу, съ изложеніемъ своихъ нуждъ и соображеній о томъ, какъ ихъ удовлетворить На слѣдующій 1767 годъ въ Москву съѣхалось 564 депутата съ 2467 наказами; дворяне прислали 161-го депутата, горожане — 208, крестьяне (однодворцы, пахотные, солдаты и пр.)—79, казаки—54, правительственныя мѣста 28; пріѣхало 34 инородца отъ башкиръ, киргизовъ и др. народовъ, по большей части не понимавшихъ по-русски. Къ работамъ приступили эффектно и торжественно. Чтеніе „Наказа" Екатерины произвело сильное впечатлѣніе. Императрицѣ поднесли титулы: Великой, Премудрой матери отечества. Она согласилась принять только послѣдній. Тотчасъ появились признаки крайне неудобныхъ условій для успѣха работъ. Изъ трехъ кандидатовъ въ маршалы (предсѣдатель общихъ собраній) императрица утвердила того, котораго выбрало незначительное меньшинство — Бибикова. Въ особую дирекціонную комиссію и частныя комиссіи по отдѣльнымъ вопросамъ (такихъ возникло до 15-ти) поподали руководителями чиновные люди съ одобренія и по желанію императрицы, Чтеніе депутатскихъ наказовъ и споры изъ-за ихъ предложеній занимали очень много времени. Бибиковъ оказался неподготовленнымъ къ дѣлу, плохимъ предсѣдателемъ; онъ не умѣлъ ставить общихъ заключеній, не сводилъ голосованій къ окончательнымъ результатамъ. Работы частныхъ комиссіи не удавалось связать съ засѣданіями главной. Никакой системы въ занятіяхъ не существовало; очень долго читали наказы отъ дворянъ разныхъ уѣздовъ и, не окончивъ, перешли къ наказамъ отъ горожанъ; ихъ тоже не окончили, приступивъ къ обсужденію вопроса „о правахъ

благородныхъ". Оказалось, что Бибиковъ не заканчивалъ вопросовъ по совѣту императрицы.

Дѣло въ томъ, что каждое сословіе принялось энергично отстаивать свои интересы. Дворяне, опираясь на своей привилегіи владѣть землями и крѣпостными, требовали, чтобы всѣ члены провинціальной администраціи и суда выбирались изъ ихъ среды. Городскіе депутаты боролись противъ дворянъ и крестьянъ, требуя права владѣть крѣпостными ради фабричной промышленности, которую хотѣли всецѣло забрать въ свои руки; кромѣ того, они добивались, чтобы крестьянамъ запретили вести торговлю и перебивать барыши у коммерческихъ людей. Вообще, всѣ желали пользоваться крѣпостнымъ трудомъ. Крестьяне вели себя сдержаннѣе другихъ, примыкая то къ высшимъ, то къ среднимъ. Среди дворянъ кружокъ болѣе образованныхъ и чиновныхъ людей держался правительственныхъ видовъ противъ своей рядовой провинціальной братіи. Черезъ представителей этого кружка правящія лица пытались провести то составленіе списка дворянству со скрытой цѣлью ограничить доступъ въ его среду, то смягченіе наказаній въ духѣ „Наказа": но средніе классы всегда сводили рѣчь на свои насущные сословные интересы. Пренія о правахъ благородныхъ были особенно шумны; большинство оказывалось за горожанами, благодаря ихъ численному перевѣсу (208 г.), особенно при поддержкѣ крестьянъ. Графъ Орловъ (временщикъ, почти не посѣщавшій засѣданій) явился тогда съ придворными чинами на помощь дворянству и авторитетомъ государыни сдерживать городскихъ депутатовъ, значеніе которыхъ еще недавно такъ восхвалялъ „Наказъ". Императрица боялась этой борьбы сословій и стремилась свести пренія на благодѣтельныя дѣла смягченія наказаній и человѣколюбіе вообще. Прошелъ годъ, а въ комиссіи ни одного вопроса не обработали. Депутаты стали охладѣвать къ дѣлу; охладѣвала къ комиссіи и Екатерина, видя въ ней не то направленіе, какого желала. Неискреннее отношеніе правительственныхъ руководителей помѣшало дѣлу. Въ 1768 г. значительное число дворянъ—военныхъ—отправились въ турецкій походъ. Собранія комиссіи назначались все рѣже и рѣже, и про комиссію, наконецъ, совсѣмъ забыли; она незамѣтно разошлась. Отъ нея остались однако депутатскіе наказы, огромный матеріалъ свѣдѣній о состояніи Россіи. Депутаты разъѣхались по провинціямъ подъ впечатлѣніемъ широкихъ мыслей „Наказа" и шумнаго, для того времени, все-таки отчасти полезнаго обмѣна мнѣній.

XXXII.

Внѣшняя политика Екатерины II. Паденіе Польши. Войны съ Турціей. Крымъ. Восточный вопросъ. Пугачевщина.

Съ 1768 г. начинаются годы тяжелыхъ войнъ, окончившихся рядомъ блестящихъ пріобрѣтеній, такъ что по результатамъ внѣшнюю политику Екатерины можно сравнить только съ Петровской. Но въ способахъ и обстановкѣ пріобрѣтеній была громадная разница. Въ старину, когда Россія была обособлена отъ Европы, она нападала на сосѣдей не

торопясь, выжидая удобные моменты или ихъ полнаго разслабленія. Вступивъ въ круговоротъ европейской политики, Россія должна была считаться прежде всего съ настроеніемъ и планами другихъ державъ, которыя ревниво слѣдили другъ за другомъ, не давая никому усиливаться безъ спора и уступокъ; это заставляло торопиться, нападать ради сохраненія вѣса внѣшней значительности, когда противникъ былъ еще силенъ, брать на себя сразу нѣсколько задачъ въ борьбѣ. Чтобы успокоить недовольныхъ политикой Петра III-го, Екатерина въ манифестѣ при воцареніи обѣщала вернуться къ старымъ союзамъ, отчего, впрочемъ, самое положеніе не мѣнялось. Замѣтное ослабленіе Польши побудило императрицу соблюдать дружественныя отношенія съ Пруссіей, торопившейся вмѣшаться въ судьбы этой сосѣдки, чтобы не предоставлять ее Россіи. Кромѣ того, необходимо было добраться до естественныхъ морскихъ границъ на югѣ и отнять у Турціи черноземныя степи и Крымъ, а борьба съ Турціей заставляла дорожить союзомъ Австріи.

Господство въ Польшѣ королей изъ нѣмецкихъ герцоговъ, которые тратили на свои забавы польскія деньги; безпорядочность сеймовъ, которые кончались ничѣмъ, если не удавалось провести единогласнаго соглашенія; рознь между разными партіями знати и группами богатаго и бѣднаго шляхетства; безправіе православныхъ и протестантовъ (диссидентовъ) передъ католиками, — все вносило полную неурядицу въ жизнь польскаго государства. Кругомъ его крѣпли сильныя монархіи, дисциплинированныя неограниченною властью, выставлявшія постоянныя арміи. Одна Польша среди нихъ являлась несовременнымъ обломкомъ неопредѣленной вѣчевой республики, съ богатыми властными вельможами и безсильными монархами. Среди лучшихъ людей едва возникало сознаніе, что безъ коренныхъ реформъ и постоянной арміи Польша распадется. Такія реформы были вовсе нежелательны ея сильнымъ сосѣдямъ. Широкая полоса польскихъ земель по Вислѣ отдѣляла восточную Пруссію отъ главныхъ провинцій королевства, и для Фридриха Великаго пріобрѣтеніе этой полосы было насущной задачей первостепенной важности, тѣмъ болѣе, что Россія, водворивъ въ Курляндіи герцога Бирона, возвращеннаго изъ ссылки, уже почти завладѣла этой землей и становилась сосѣдкой Пруссіи у Балтійскихъ береговъ.

Въ 1764 г. полякамъ предстояло выбирать короля. Россія усиленно поддерживала сторонниковъ князя Станислава Понятовскаго, долго жившаго въ Петербургѣ и бывшаго поклонника императрицы. Ему и удалось доставить престолъ: при этомъ Пруссія и Россія уговорились не допускать реформъ въ управленіи Польши; они только требовали равноправности вѣроисповѣданій, а это одно грозило распаденіемъ государства. Въ виду жалобъ православныхъ на свое безправіе и гнетъ католиковъ Екатерина ради ихъ защиты назначила посломъ въ Польшу князя Репнина, хорошо знакомаго съ ея порядками. Пользуясь правомъ польскихъ подданныхъ составлять союзы (конфедераціи) для защиты оружіемъ своихъ интересовъ, православные съ помощью посла устроили такую конфедерацію и возстали. Поднялся бунтъ казаковъ и гайдамаковъ, сопровождавшійся истребленіемъ пановъ на Волыни и Подоліи. Недовольная королемъ польская партія составила свою Барскую конфедерацію, требовавшую реформъ для поляковъ.

Русскія войска вступили въ Польшу для защиты диссидентовъ; опираясь на нихъ, Репнинъ распоряжался хозяиномъ въ странѣ, защищая самого короля отъ недовольныхъ поляковъ. Франція выслала отрядъ въ помощь польскимъ патріотамъ, а Турція нашла удобнымъ объявить войну Россіи. Несмотря на раздѣленіе русскихъ силъ, поляки терпѣли пораженія, и къ 1771 г. вся страна была во власти русскихъ. Тутъ прусскій король первый поднялъ голосъ за раздѣлъ польскихъ земель. Побѣды русскихъ въ Турціи испугали Австрію, и она поддержала Фридриха Великаго, разсчитывая удовлетворить Россію на счетъ Польши, а не Турціи и ея славянскихъ земель. Въ такой моментъ раздѣлъ былъ невыгоденъ Россіи. Но стремительная и честолюбивая Екатерина не смогла политично отступить. Въ 1772 г. произошелъ 1-й раздѣлъ несчастнаго государства. Пруссія получила земли по Вислѣ. Австрія—богатую Галицію, древнюю Червонную Русь Ярослава Осмосмысла и Даніила, съ частицей южной Польши, Россія же, положившая столько силъ на войну, самую жалкую долю — болотистую Бѣлоруссію. Король Станиславъ съ трудомъ добился согласія сейма на требованія союзниковъ.

Само польское общество было еще полно жизни и не мирилось съ гибельнымъ давленіемъ сосѣдей. Среди него возникли 3 партіи: 1) патріотическая стремилась къ освобожденію отъ гнета Россіи, къ внутреннимъ реформамъ, укрѣпленію монархической власти, улучшенію быта крестьянъ; 2) королевская партія соглашалась на реформы, но боялась открытой борьбы съ Россіей; 3) русская партія вовсе не соглашалась на реформы. Послѣ долгой борьбы первая побѣдила, благодаря поддержкѣ Пруссіи, имѣвшей виды на новыя пріобрѣтенія во время смутъ. Россія въ это время была отвлечена 2-й турецкой войной. Въ 1791 г. польскіе патріоты завладѣли слабымъ королемъ и провели на сеймѣ новую конституцію, устанавливавшую наслѣдственную монархію, упорядочившую сеймъ, военную службу, учебную часть и т. д. Русская партія отвѣтила новой конфедераціей и возстаніемъ противъ реформъ. Русскія войска, покончивъ турецкую войну, опять вступили въ Польшу. Въ 1793 г. по 2-му раздѣлу Россія получила Украину, Подолію, Волынь и часть Полѣсья; Пруссія завладѣла тремя сѣверо-западными провинціями. Понятовскому оставили едва третью часть королевства съ обязательствомъ отмѣнить реформы. Но немедленно же вспыхнуло возстаніе патріотовъ подъ главенствомъ героя американскихъ войнъ Костюшки. Русскимъ войскамъ пришлось кровавымъ приступомъ брать Варшаву и бороться съ отчаяннымъ сопротивленіемъ патріотовъ. Пруссія прекратила войну съ Франціей, чтобы заняться Польшей. Въ 1795 г., вслѣдъ за плѣномъ Костюшки и отреченіемъ короля, польское государство прекратило свое существованіе. Россія взяла Литву и Курляндію; Пруссіи временно уступили Варшаву съ окружающими землями; Австрія получила западную Галицію. Послѣдняя была награждена славянской землей, чтобы не мѣшала Пруссіи усиливаться въ Германіи, а Россіи—на Балканскомъ полуостровѣ. Въ самой Россіи раздавались тогда голоса, несочувствовавшіе окончательному раздѣлу славянскаго государства.

Еще дороже обошлась русскимъ борьба съ Турціей. Послѣдняя сама объявила войну въ 1769 г. Близкіе сотрудники Екатерины были люди чуткіе къ европейскому просвѣтительному движенію, кое-что читавшіе

изъ политической литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкіе мечтатели. Въ эту пору придворные Екатерины пристрастились къ политикѣ; люди выслужившіеся, обязанные всѣмъ счастливой карьерѣ, были полны честолюбія, и въ сложныхъ политическихъ комбинаціяхъ, въ трудныхъ походахъ жаждали прежде всего отличиться и прославиться. Это политическое увлеченіе карьерой отъ екатерининскихъ вельможъ перешло къ царедворцамъ XIX вѣка. Начиная съ Григорія Орлова, многіе интересовались судьбой грековъ и славянъ и составляли планы для ихъ освобожденія и изгнанія турокъ изъ Европы. Завели тайныя сношенія съ балканскими христіанами, возбуждали ихъ къ возстанію. Среди послѣднихъ шло глухое броженіе, но оно не организовалось въ широкое движеніе.

Въ Петербургѣ осмотрѣли суда русскаго флота, почти забытаго послѣ Петра, и нашли ихъ въ отчаянномъ состояніи. Ихъ могли только наскоро починить, подправить, вооружили и пополнили ихъ экипажъ. Подъ начальствомъ Алексѣя Орлова рѣшили отправить эскадру къ берегамъ Греціи. Слѣдуя въ Средиземное море мимо всей линіи береговъ Европы, плохія суда возбуждали не мало сомнѣній и улыбокъ. Къ счастью, турецкій флотъ оказался еще слабѣе: въ 1770 г. онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Орлова у береговъ Греціи и затѣмъ былъ сожженъ въ малоазійской гавани Чесмѣ. Въ этомъ же году Румянцевъ съ своей маленькой арміей одержалъ громкія побѣды надъ огромными силами татаръ и турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ, а князь Долгорукій вторгся въ Крымъ и завладѣлъ всѣмъ полуостровомъ. Во Франціи съ ужасомъ начали поговаривать о возможности раздѣла Турціи. Австрія боялась союза Россіи съ балканскими славянами. Въ это время Фридрихъ прусскій очень ловко заторопилъ раздѣломъ Польши. Истощенная войной на 3-хъ флангахъ, угрожаемая внутри бунтомъ Пугачева, Россія не рѣшилась бороться съ недовольствомъ Европы и удовлетворилась освобожденіемъ Крыма отъ Турціи, пріобрѣтеніемъ Кабарды, долины Терека и Кубани, степью у южнаго Буга и нѣсколькими гаванями на Черномъ морѣ. Кромѣ того, она получила право вступаться за интересы православныхъ подданныхъ султана, покровительствовать Молдавіи и Валахіи,—первыя попытки вмѣшательствъ въ турецкіе распорядки. Это право Россіи породило въ Европейской политикѣ т. наз. „Восточный вопросъ", выражающійся въ заботахъ о существованіи Турціи, о судьбѣ населяющихъ ея народовъ и стремленіи сдержать усиленіе Россіи.

Крымъ оказался слишкомъ слабымъ, чтобы сохранить самостоятельность; запутанный борьбой партій ханъ принялъ русское подданство. Турція не могла помириться съ тѣмъ, что Россія овладѣла южными морскими границами, и столкновеніе было неизбѣжно. Тѣмъ временемъ Екатерина увлеклась „греческимъ" проектомъ Потемкина, предлагавшимъ изгнать турокъ въ Азію и возстановить греческую имперію; своего второго внука она назвала Константиномъ, видя въ немъ будущаго императора Греціи. Пышное, театрально-обставленное и стоившее громадныхъ денегъ путешествіе Екатерины въ Крымъ, устроенное незнавшимъ мѣры фантазеромъ Потемкинымъ, который хотѣлъ удивить Европу вновь заселеннымъ краемъ, совершенно напрасно раздражило Турцію. Западныя державы поддерживали турокъ. Даже Фридрихъ Великій выражалъ имъ сочувствіе, посмѣиваясь, что Крымъ былъ слабъ для одной войны, а онъ

заставитъ Россію выдержать изъ-за него двѣ. Едва въ союзѣ съ Австріей началась борьба съ Турціей, какъ Швеція потребовала возвращенія восточной части Финляндіи, опираясь на субсидіи Англіи и обѣщанія Пруссіи. Русскій флотъ пришлось направить противъ шведовъ. Послѣдніе одержали нѣсколько побѣдъ, навели страхъ на столицу, но утомились раньше Россіи, и Верельскій миръ 1790 г. утвердилъ прежнія границы. Отсутствіе флота не позволило начать войну съ турками у Дуная и на Кавказѣ при той торжественной обстановкѣ, какую задумалъ главнокомандующій Потемкинъ. Самъ онъ былъ лишенъ военныхъ талантовъ, всегда медлилъ началомъ дѣйствій и терялся во время битвы. Знаменитый Румянцевъ отказался выполнять его планы и покинулъ армію. Туркамъ удалось даже вторгнуться въ Австрію. Только рядъ успѣховъ Суворова поправилъ ея дѣла, и она поспѣшила заключить отдѣльный миръ въ 1790 г. Эта война создала славу Суворова. Разгромъ турокъ при Рымникѣ вызвалъ сдачу Бендеръ, позже Тульчи, Исакчи; 1790 г. былъ законченъ знаменитымъ штурмомъ Измаила. Въ этомъ же году вошелъ въ дѣло флотъ и нанесъ нѣсколько пораженій турецкимъ кораблямъ. Въ 1791 г. Репнинъ перешелъ Дунай и заставилъ турокъ согласиться на миръ (Ясскій). Турція признала Крымъ за Россіей, уступила ей полосу земли у Днѣстра.

Вторая турецкая война поглотила огромныя для русскихъ финансовъ средства и дала сравнительно очень немного; слабый Крымъ уже принадлежалъ Россіи; она была полезна главнымъ образомъ балканскимъ христіанамъ, смѣлѣй разсчитывающимъ на освобожденіе, и побудила христіанъ Закавказья соединиться съ Россіей. Грузія очень страдала отъ натисковъ сосѣдей – мусульманъ Турціи и особенно Персіи; и тѣ и другіе стремились распространить въ ней мусульманство. Съ конца XVII в. цари Грузіи вели сношенія съ Россіей, ища въ ней опоры противъ враговъ. Во время 1-й турецкой войны грузины помогали русскимъ войскамъ, а послѣ нея въ 1783 г. Грузія отдалась подъ покровительство Россіи; русскіе полки стояли въ Тифлисѣ. Съ началомъ новой войны, ихъ вывели въ горы. Пользуясь случаемъ, персіане страшно разгромили страну, особенно пострадалъ Тифлисъ. Положеніе Грузіи оказалось настолько тяжелымъ, что послѣдній царь Георгій XII рѣшился на присоединеніе ея къ Россіи (1800).

Въ концѣ перваго періода войнъ Россія пережила тяжкое внутреннее потрясеніе: въ 1773 г. на Волгѣ разразилась Пугачевщина и показала полную беззащитность провинцій и отсутствіе въ нихъ всякаго административнаго порядка. Среди яицкихъ казаковъ давно шла борьба между рядовыми и высшими чинами, какъ и въ Малороссіи. Обиженные злоупотребленіями въ своихъ богатыхъ рыбныхъ ловляхъ, рядовые казаки долго посылали въ Петербургъ жалобы на старшинъ. Изъ столицы къ нимъ пріѣзжали власти для разбора дѣлъ, но дѣйствовали уклончиво, мирволили старшинамъ. Наконецъ, жестокая расправа съ недовольными вызвала открытый бунтъ. Уже давно ходили среди народа глухіе толки о томъ, что Петръ III живъ. Недовольные нашли донского казака, Емельяна Пугачева, бродившаго среди раскольничьихъ скитовъ съ цѣлью найти партію переселенцевъ за Кубань. Увлеченный окружающимъ ропотомъ, онъ объявилъ себя спасшимся отъ смерти императоромъ. Вокругъ

Пугачева тотчасъ сгруппировался кружокъ предпріимчивыхъ лицъ. Начали готовить знамена для отрядовъ и указы для разсылки по селеніямъ. Безграмотный самозванецъ не подписывалъ ихъ, отговариваясь неправдоподобными выдумками. Недѣли въ двѣ собралась маленькая армія, быстро развившаяся въ грозную силу. Плохенькія крѣпости Оренбургской линіи сдавались одна за другой. Казаки, жалкіе гарнизонные солдаты расправлялись съ командирами; крестьяне, ожидая обѣщанную волю, истребляли помѣщиковъ. Безпечность и легкомысліе Оренбургскаго коменданта и губернатора Казани помѣшали своевременно побороть небольшія еще шайки. Когда же къ движенію примкнули башкиры съ прочими инородцами Заволжья и давно волновавшіеся крестьяне уральскихъ заводовъ; оно стало угрожать внутреннему порядку всей имперіи. Начальники отдѣльныхъ шаекъ, захватывая мѣстность, распоряжались въ ней энергично и самостоятельно. Одинъ изъ нихъ поднялъ все населеніе за Камой; другіе хозяйничали близъ Нижняго-Новгорода, у Пензы. Крѣпостные всюду выражали сочувствіе Пугачевщинѣ. Помѣщики заблаговременно бѣжали въ Москву и другіе большіе города. Самозванецъ старательно выказывалъ свои отеческія чувства къ Павлу Петровичу, обиженному матерью наслѣднику.

За недостаткомъ точныхъ извѣстій въ Петербургѣ долго не могли постичь всей силы мятежа Екатерина переживала тогда очень трудное время въ виду не вполнѣ удачной и очень дорогой войны съ Турціей, разбросанности военныхъ силъ, сложности политическихъ задачъ; ухудшались ея отношенія съ взрослымъ уже сыномъ передъ беззастѣнчивымъ говоромъ поднявшейся народной массы. Первые посланные противъ Пугачева отряды съ трудомъ, какъ по непріятельской землѣ, пробивали себѣ дороги. Только усиленными военными мѣрами начали разсѣивать мятежниковъ. Генералъ П. И. Панинъ, братъ дипломата, проявлялъ безпощадную жестокость не только съ мятежниками, но и съ усмиреннымъ уже населеніемъ. Пріѣздъ Суворова съ Дуная оказался уже излишней мѣрой, вызванной растерянностью мѣстныхъ властей. Захватъ Пугачева и торжественная казнь его въ Москвѣ вызвали ликованіе дворянства, видѣвшаго въ немъ врага своего сословія.

XXXIII.

Положеніе провинцій. Губернскія учрежденія. Жалованныя грамоты. Сословія конца XVIII в.

Въ промежутки ослабленія военной дѣятельности внутри государства совершались весьма важныя реформы. Провинція въ смыслѣ улучшеній почти не двинулась впередъ съ XVII-го в. и представляла тяжелую картину глуши, дичи и полнаго безправія и даже безначалія. Начатая Петромъ организація провинціальной администраціи и суда не состоялась. Городовъ попрежнему было чрезвычайно мало для обширнаго пространства имперіи; правящихъ властей было тоже слишкомъ мало по числу населенія. Судъ совершенно смѣшивался съ полицейскою властью и почти не дѣйствовалъ; судили тѣ же губернаторы и воеводы съ то-

варищами, правившіе всѣми дѣлами провинціи и получившіе, благодаря петровскимъ инструкціямъ, такія права, о какихъ не мечтали старинные московскіе воеводы. Жители деревень и маленькихъ мѣстечекъ съ жалобами и мелкими дѣлами въ нѣсколько рублей должны были тратиться на проѣздъ огромныхъ разстояній и въ сущности нигдѣ не могли найти управы. Продажность суда, составлявшаго своего рода доходную статью, поражала всѣхъ иностранцевъ. Право сильнаго царило надъ всѣми. Разбойничество самое дерзкое и открытое проявлялось повсюду; нападали на казенные дома, канцеляріи, расхищали кассы. Мѣстами даже помѣщицы выѣзжали на грабежъ во главѣ своихъ крѣпостныхъ. Разбойники иногда сотнями проживали въ укрѣпленныхъ стѣнахъ, властвуя надо всей округой.

„Въ цѣлой области, писалъ новгородскій губернаторъ, нѣтъ никакой полиціи; она вся въ рукахъ однихъ сотскихъ, и къ нимъ посылаются приказы отъ воеводъ и губернаторовъ. Эти сотскіе безграмотны; приказы имъ читаются и отчеты пишутся приходскими дьячками. Почты почти не существуетъ... Дороги, кромѣ столичныхъ, состоятъ подъ надзоромъ однихъ сотскихъ... Около 12-ти тысячъ преступниковъ въ кандалахъ наполняютъ тюрьмы... Въ каждой изъ пяти провинціи губерніи отъ 40 до 50 чел. постоянно на пыткѣ“.—Власть губернаторовъ и воеводъ почти безотвѣтственна, пишетъ онъ про себя и своихъ, а множество мѣстныхъ дѣлъ пересылаются въ столицу, въ коллегіи, которыя завалены ими.—Чувство полнаго безправія и униженія вызывало безпрерывные бунты крестьянъ, вспыхивавшіе то тамъ, то сямъ по имперіи. Освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы, а затѣмъ переводъ монастырскихъ крестьянъ въ казенные пробуждали среди крѣпостныхъ надежды на освобожденіе: они справедливо ставили государство выше всякихъ сословныхъ интересовъ, ждали царскихъ указовъ, ко всему прислушивались и волновались.

Пока дворянство, въ силу обязательной военной службы, почти не жило въ провинціяхъ, оставляя пустыя усадьбы подъ надзоромъ приказчиковъ и старостъ, на мѣстахъ не находилось политическихъ силъ, посредствомъ которыхъ можно бы было устроить областное управленіе. Съ 1762 г. значительная часть дворянъ, особенно небогатыхъ, передвинулась въ свои деревни. Въ столицахъ дворянство оказалось слишкомъ слабымъ политически, чтобы даже черезъ своихъ знатнѣйшихъ представителей участвовать въ законодательствѣ и верховномъ управленіи; но въ своихъ уѣздахъ уже въ качествѣ владѣльцевъ земледѣльческаго населенія оно имѣло нѣкоторое политическое значеніе; оно не могло вынести суда воеводъ и власти сотскихъ, и тотчасъ проявило склонность сложиться въ мѣстныя сословныя корпораціи и взять въ свои руки судъ и администрацію. Въ интересахъ правительства было воспользоваться свободнымъ владѣльческимъ сословіемъ и попрежнему устроить его на службѣ за небольшое жалованье, только по гражданскому вѣдомству.

Возведенная на престолъ дворянствомъ, наполнявшимъ гвардейскіе полки, Екатерина знала, что оно сильно, собранное военными товарищами въ столицѣ; она видѣла его готовность подавать ей проекты учрежденій: съ господствующимъ сословіемъ необходимо было считаться. Екатерина

приходилось способствовать вольному дворянству устроиться въ провинціяхъ, дать ему права на организацію мѣстныхъ обществъ, но его службу вполнѣ подчинить центральной администраціи, иначе оно могло проявить излишнюю самостоятельность. Прежде всего Екатерина укрѣпила власть губернаторовъ, низшей администраціи назначила жалованье; затѣмъ въ 1766 г. ради правильности выборовъ депутатовъ въ комиссію, приказала дворянамъ губерній избрать предводителей, а городамъ—городскихъ головъ: обѣ должности стали постоянными; и тѣмъ и другимъ тотчасъ дали административныя порученія — надзоръ за сборомъ рекрутъ, за дезинфекціей товаровъ во время чумы и т. д. Тѣмъ временемъ собрался огромный матеріалъ для дальнѣйшихъ реформъ въ наказахъ депутатовъ и ихъ рѣчахъ на засѣданіяхъ комиссіи, гдѣ они излагали требованія и взгляды сословій, въ запросахъ нѣмецкаго дворянства прибалтійскихъ провинцій, представлявшихъ примѣръ дворянскихъ корпорацій и т. д.

Отсутствіе надзора надъ населеніемъ областей, допустившее въ Пугачевщинѣ такое же народное движеніе, какимъ отмѣчена 2-ая половина XVII-го в., убѣдило императрицу въ неотложности реформы губернскаго управленія. Послѣ многихъ житейскихъ уроковъ, ее покинуло увлеченіе высшими идеями о правахъ людей вообще, о благодѣтельномъ законодательствѣ по ихъ почину, хотя она еще не вполнѣ отказалась отъ намѣренія освободить крѣпостныхъ. Знакомство съ дѣйствительною жизнью открыло коренившуюся въ императрицѣ практичность. Отъ французскихъ философовъ она перешла къ юридическимъ произведеніямъ сдержанныхъ англичанъ, приняла къ свѣдѣнію основныя желанія депутатовъ неудавшейся комиссіи, особенно дворянства, готоваго служить, хотя бы ради жалованья и чиновъ, и лично разработала „учрежденіе о губерніяхъ" (1776 г.).

Чтобы приблизить судъ и власть къ населенію, пришлось создать новые административные центры; до 300 селъ были переименованы въ города. Огромныя губерніи были разбиты на меньшія по числу жителей, отъ 300 до 400 тысячъ въ каждой: на уѣздъ приходилось отъ 20 до 30 тысячъ жителей. Разсчитывая организовать сословныя корпораціи, императрица учредила много выборныхъ должностей, какъ этого и желали дворяне, и отдѣлила суды отъ другихъ вѣдомствъ. Всѣхъ губерній оказалось до 50-ти; во главѣ каждой стоялъ губернаторъ или намѣстникъ (впослѣдствіи намѣстниковъ назначали высочайшею властью одного на нѣсколько губерній); губернаторъ—главная мѣстная власть; ему подчинено *губернское правленіе*, членами котораго являлись совѣтники судебныхъ палатъ, губ. прокуроръ, судьи совѣстнаго и земскихъ судовъ; оно завѣдуетъ полиціей губерніи, предаетъ суду служащихъ, наблюдаетъ за постройками и т. д. *Казенная палата* съ казначействомъ завѣдывала сборомъ податей и налоговъ, казенными крестьянами и всякими казенными имѣніями, выдавала жалованье. Двѣ *судебныя* палаты, гражданскаго и уголовнаго суда, состоявшія изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, получали жалобы изъ судовъ губерніи. *Верхній земскій судъ* состоялъ изъ лицъ, выбранныхъ дворянствомъ и разбиралъ дѣла и тяжбы въ средѣ дворянъ. *Верхняя расправа* судила сельскихъ податныхъ обывателей и пополнялась ихъ выборными, часто тоже изъ дворянъ. *Совѣстный судъ* состоялъ изъ представителей судебныхъ мѣстъ губерній, т.-е.

всѣхъ 3-хъ свободныхъ сословій и, судилъ тѣ дѣла, которыя рѣшались болѣе по совѣсти, чѣмъ по указамъ. Екатерина хотѣла видѣть въ немъ „органъ“ естественной справедливости. *Приказъ общественнаго призрѣнія* завѣдывалъ больницами, школами, мѣстной благотворительностью подъ предсѣдательствомъ губернатора и состоялъ изъ представителей судовъ, дворянъ, крестьянъ и городового магистрата, но преобладалъ голосъ дворянства. Приказамъ императрица тоже придавала особое значеніе, называла ихъ „пульсомъ общественнаго сознанія“, какъ просвѣтительные органы.

Уѣздная администрація вся была выборная и зависѣла отъ мѣстнаго дворянства; *исправникъ* (или капитанъ-исправникъ) для административно-полицейскихъ дѣлъ, *уѣздный* судъ, дворянская опека и предсѣдатель нижняго земскаго суда выбирались дворянствомъ. Нижній судъ подъ наблюденіемъ исправника слѣдилъ за порядкомъ и благочиніемъ въ уѣздѣ и за исполненіемъ законовъ. Онъ приводилъ въ исполненіе приказы губернскихъ начальствъ. Нижняя расправа съ засѣдателями изъ государственныхъ крестьянъ судила лицъ этого сословія тамъ, гдѣ имѣлось значительное число ихъ среди населенія. Только уѣздное казначейство, какъ отдѣленіе казенной палаты, являлось вполнѣ правительственнымъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ Екатерина пыталась провести *децентрализацію*, т.-е. перемѣщеніе значительной части дѣлопроизводства, касающагося жизни областей, отъ центральныхъ органовъ къ губернской и уѣздной администаціи; въ судѣ проводилась сословность, согласно порядкамъ суда на западѣ, уже устарѣвшимъ въ то время.

Отдѣлить вполнѣ судъ отъ управленія она все-таки не смогла. Губернаторъ и намѣстникъ, хотя „не судьи“ по уставу, но оказались предсѣдателями губернскаго правленія, которое наблюдаетъ за всѣми судами, и кромѣ того были обязаны побуждать суды, что бы не „волочили“ дѣлъ. Въ нижнемъ земскомъ судѣ исправника, самомъ близкомъ къ народной массѣ, полицейскія, административныя и судебныя дѣла совсѣмъ смѣшивались. Вообще первоначальная система екатерининскихъ судовъ оказалась слишкомъ сложной; ее скоро упростили.

Проведеніе въ жизнь новыхъ губернскихъ учрежденій потребовало значительныхъ измѣненій въ управленіи городовъ, стоявшихъ попрежнему особнякомъ отъ сельскаго населенія. Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ избавило членовъ старыхъ посадскихъ общинъ отъ многихъ службъ по сборамъ. Въ 1775 г. городское купечество, раздѣленное на три гильдіи, было избавлено отъ подушной подати и обложено небольшой гильдейской пошлиной. Появленіе въ уѣздахъ новыхъ администраторовъ избавило горожанъ отъ многихъ „вѣрныхъ“ службъ. Когда губернскія учрежденія были введены по всей Россіи и рядъ мелкихъ властей утвердился среди населенія, Екатерина нашла возможнымъ особыми *жалованными* грамотами 1785 г. городамъ и дворянамъ подтвердить и точнѣе опредѣлить права сословій и ихъ корпоративныхъ организацій.

Всѣ горожане, называвшіеся также обывателями, были раздѣлены на 6 разрядовъ, куда входили отдѣльными группами и капиталисты, и художники, и писатели; ремесленники дѣлились на цехи, получали своихъ старшинъ и управы. Своей грамотой императрица хотѣла создать въ

Россіи то среднее сословіе, которое достигло большого могущества на западѣ, благодаря капиталамъ и образованію; она надѣялась, что оно образуетъ полезную корпорацію для обогащенія и просвѣщенія страны. Но корпораціи складываются самостоятельно, своимъ путемъ, благодаря пробужденію въ обществѣ сознательнаго отношенія къ своимъ интересамъ, къ своему положенію, а не искусственными мѣрами. Сами депутаты городовъ въ комиссіи 1767 г. очень хлопотали о правахъ промышленниковъ и вовсе не добивались корпоративныхъ правъ. Сама жалованная грамота запутываетъ дѣло, называя гражданъ просто обывателями, жителями; въ ихъ число попадали и владѣвшіе городскими домами дворяне, которые по своимъ привилегіямъ избавлялись отъ личныхъ платежей и службъ. Городскіе жители и прежде разбивались на группы людей съ различными правами и интересами; грамота усиливаетъ разнообразіе, избавляя купцовъ 1 и 2 гильдіи отъ тѣлесныхъ наказаній, признавая за ними одними право открывать фабрики; именитые граждане 1-го разряда нѣкоторыми правами приравнивались къ дворянству; посадскіе же и цеховые оставались въ подушномъ окладѣ и ставили рекрутовъ.

Всѣ обыватели (дворяне и др. люди) имѣли право разъ въ 3 года собираться на *общую* думу и выбирать городского голову и шесть гласныхъ постоянной думы, членовъ магистрата и др. должностныхъ лицъ; но правомъ голоса пользовались только имѣвшіе недвижимость, промыселъ съ доходомъ (не менѣе 50 р.); такъ что купцы, не имѣвшіе домовъ, были лишены голоса, а дворяне и чиновники могли имѣть его. Это лишало выборы сословно-корпоративнаго характера. Указавъ, что *общая* дума, внѣ выборовъ. собирается по указанію губернатора, когда „общественная польза“ того потребуетъ, грамота не опредѣлила отношеній городскихъ учрежденій къ губернскимъ властямъ, и послѣдніе скоро подчинили ихъ себѣ. Понятно, что не понуждаемые никакими общими интересами, городскіе избиратели почти не собирались (дворяне всегда отсутствовали). Шестигласная дума, состоявшая изъ купцовъ, по пріятельски выбранныхъ, заботилась объ интересахъ личныхъ и своей братіи—купечества. Не было ни отчетности, ни контроля въ городскихъ дѣлахъ; и все городское управленіе попрежнему служило казнѣ по сборамъ доходовъ и содержанію полиціи, пожарной команды, больницы, слабыхъ признаковъ городского благоустройства. Изъ цехового устройства тоже не возникло корпорацій. Въ свое время цехи сыграли важную роль въ соціальной жизни запада, усовершенствовали ремесла и просвѣщеніе; но въ XVIII в. они повсюду распадались. Когда издавались грамоты Екатерины, на западѣ уже начала работать паровая машина, которая создала силу капитала и лишила значенія ремесленые цехи.

Города, какъ торгово-промышленные центры съ разнообразнымъ населеніемъ и сложными интересами, не послушались жалованной грамоты, не сложились во всесословныя общества.

Въ противоположность искусственной жалованной грамотѣ городамъ, жалованная грамота дворянству, опираясь на готовую почву, подтвердила всѣ прежде данныя права, укрѣпила за сословіемъ привилегію владѣть населенными имѣніями, обѣщала безъ суда не лишать званія и имуществъ; имущества же не отбирались болѣе въ казну, а передавались

наслѣдникамъ. Сословіе благородныхъ было избавлено отъ тѣлесныхъ наказаній, но о пыткѣ грамота умолчала, (а втайнѣ и дворянъ подвергали имъ). Дворянство каждой губерніи составляло общество, которое собиралось разъ въ 3 года для обсужденія своихъ дѣлъ и выбора предводителей и должностныхъ лицъ въ суды и др. мѣстныя учрежденія. Дворянство получило право подавать свои ходатайства прямо на высочайшее имя. Подавать голоса могли лица, имѣющія 25 лѣтъ и не менѣе 100 руб. дохода съ имѣнія. Хотя положеніе дворянскаго сословія опредѣлялось гораздо яснѣе, чѣмъ городского, но корпораціи и среди него развивались слабо. Дворяне довольствовались имущественными привилегіями, служебными правами и не торопились сплачиваться тѣснымъ союзомъ. Представители знати избѣгали службы въ губерніяхъ, а жили и служили въ столицахъ. На судебныя должности, особенно въ исправники, шли бѣдняки ради жалованья; состоятельные люди выбирали службу полегче и хлопотали только о чинѣ. Съ исправниками и засѣдателями сами состоятельные дворяне обращались грубо и пренебрежительно, унижая свои же корпоративныя учрежденія. Губернатору было дано огромное вліяніе на всѣ отрасли администраціи. Одинъ ученый сказалъ про эту реформу, что дворянъ изъ военнаго вѣдомства просто перечислили въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ. Вся выборная администрація легко подпадала подъ гнетъ сановниковъ и богачей. Послѣдніе свозили на выборы сотни бѣдныхъ дворянъ, содержали ихъ въ городѣ, вербуя себѣ сторонниковъ.

Меньше всего получили крестьяне отъ реформъ Екатерины II; крѣпостное право только развивалось и расширялось. Дворянство массами разселялось по роднымъ деревнямъ; провинціальная жизнь очень оживилась: потребности росли, обстановка благородныхъ становилась роскошнѣе и требовала денежныхъ средствъ. Дворяне усердно принялись за сельское хозяйство, чтобы извлекать изъ него больше доходовъ; своимъ живымъ инвентаремъ они распоряжались, какъ машинами. Съ присоединеніемъ Крыма и Польши очень выросъ хлѣбный вывозъ, особенно въ Англію. Южныя степи заселились; тамъ завелась обработка барщиной огромныхъ помѣщичьихъ запашекъ. Давно уже отвѣчая за сборъ податей, помѣщики сурово связывали крестьянъ круговой порукой, смотрѣли за надѣлами и хозяйствомъ, ради сохраненія исправныхъ плательщиковъ. Тяжелый гнетъ съ двойнымъ рядомъ повинностей заставилъ крѣпостныхъ замкнуться въ хозяйственную общину съ уравнительными передѣлами, которыми часто завѣдывалъ баринъ или приказчикъ.

Дворовые люди наполняли барскія хоромы часто для обстановки и удовлетворенія капризовъ. Помѣщики посылали ихъ въ города учиться въ мастерскихъ, ради развитія домашнихъ ремеслъ; держали своихъ парикмахеровъ, сапожниковъ, ветеринаровъ. Крѣпостные обучались даже художествамъ, музыкѣ, живописи; иные возвращались домой замѣчательными скрипачами, актерами, мучительно страдая отъ своего рабскаго приниженнаго состоянія. Государственные крестьяне, къ которымъ присоединялись бывшіе *дворцовые* и *экономическіе*, отобранные отъ церковнаго вѣдомства, почитались прежде всего за источникъ доходовъ казны; про интересы ихъ забывали, наградивъ только правомъ выбирать засѣдателей въ судебныя расправы. Самый интересъ казны требовалъ, чтобы государственные крестьяне имѣли больше земли для обработки. Въ 1766 г. имѣне-

ратрица указала, чтобы на каждую душу давали не менѣе 8 десят., а гдѣ можно, до 15-ти. Но врядъ ли гдѣ указъ исполнялся какъ слѣдуетъ. Лично свободные, крестьяне долго жили въ довольно неопредѣленномъ положенiи, среди старыхъ волостныхъ порядковъ. Правительство считало ихъ землю казенной, а между тѣмъ крестьяне часто сдавали свои надѣлы людямъ другихъ сословiй, и казна теряла плательщиковъ. У однодворцевъ, бывшихъ мелкихъ служилыхъ людей, не было даже волостного общества. Только съ половины XVIII в. казна начала стѣснять своихъ крестьянъ въ распоряженiи землей, узаконила власть мiрского схода и выборныхъ, которые слѣдили за земельнымъ хозяйствомъ; ссылаясь на заботы о бѣднякахъ, правительство указало на необходимость уравнительныхъ передѣловъ земли: съ тѣхъ поръ и у государственныхъ крестьянъ зародилась хозяйственная община, какая установилась раньше у крѣпостныхъ. Такимъ путемъ подушный налогъ на практикѣ какъ бы перелагался на землю, изъ которой извлекалъ его трудъ крестьянина. Оброчная подать была повышена, мѣстами до 1 р., мѣстами до 75 к.

Запрещенiе приписывать людей къ фабрикамъ и заводамъ дало значительный перевѣсъ дворянамъ передъ купцами; привилегированные обладатели крѣпостного труда усердно открывали свои фабрики, число которыхъ быстро росло къ XIX-му вѣку. Екатерина съ начала царствованiя прекратила раздачу монополiй отдѣльнымъ лицамъ на то или иное производство, и всякiя фабричныя заведенiя открывались свободно, и купеческiя, и дворянскiя. Со введенiя губернскихъ учрежденiй до 1797 г. ихъ возникло больше, чѣмъ за весь перiодъ съ Петра I-го,—до 2.270. На ряду съ ними развивалась и кустарная промышленность, находившаяся подъ особымъ покровительствомъ помѣщиковъ. Крестьяне-кустари присматривались къ производствамъ на фабрикахъ и совершенствовали свои домашнiя ремесла: эти работы занимали свободное время земледѣльцевъ и доставляли деньги, необходимыя для все возвышающихся оброковъ и податей. Хотя владѣть населенными землями составляло давно уже право однихъ дворянъ, но держать крѣпостную прислугу могъ всякiй; считалось даже постыднымъ для сколько-нибудь обезпеченнаго человѣка не имѣть ея. Нерѣдко встрѣчалось, что сами крѣпостные крестьяне въ свою очередь обладали крѣпостными людьми, покупали ихъ, гдѣ совершенно свободно, гдѣ только съ разрѣшенiя барина или управителя. Торговля людьми происходила открыто и беззастѣнчиво по домамъ, рынкамъ, аукцiонамъ. Объявленiя о продажѣ крѣпостныхъ въ концѣ XVIII в. публиковались въ газетахъ такъ же просто, какъ продажа домашнихъ вещей. Какъ въ началѣ исторической жизни Руси, порабощенные люди дѣлались главнымъ мѣриломъ состоянiя собственниковъ; только сила государственной власти и податная система дѣлали крѣпостныхъ частью нацiи. При вступленiи на престолъ Екатерина громко негодовала па состоянiе финансовъ: но ей самой ничего не удавалось сдѣлать для ихъ упорядоченiя; ея политичныя и эффектныя мѣры въ другихъ вѣдомствахъ не проявляли своихъ темныхъ сторонъ: въ финансахъ же все случайное, безсистемное давало роковые результаты; и финансы и въ ея время, какъ при ея предшественникахъ, оказались самой мрачной стороной государственной дѣятельности.

На первыхъ порахъ правительству пришлось прекратить раздачу

монополій; причемъ торговлю виномъ все-таки нашли нужнымъ сдавать на откупъ. Первые годы Екатерина пыталась экономить на доходахъ (18 мил. съ небольшимъ при цѣнѣ 1 рубля=8,9 современнымъ); но необходимость назначить жалованье воеводамъ и др. чинамъ, кормившимся „отъ дѣлъ“, поглотила много денегъ.

Выпустить ассигнаціи, т.-е. прибѣгнуть къ внутреннему займу, какъ предполагалъ Петръ III, она долго не рѣшалась. Ген.-прокуроръ кн. Вяземскій горячо протестовалъ противъ всякихъ займовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, доказывая, что честнѣе просто повысить подати; но Екатерина боялась потерять популярность среди народа и предпочитала другія мѣры.

Скоро ея сложная политика и замысловатыя военныя предпріятія потребовали гораздо бо̀льшихъ расходовъ, чѣмъ при Петрѣ I и Елизаветѣ. На круговой походъ флота Орлова сдѣлали первый заемъ за границей. Затѣмъ рѣшились и на дальнѣйшіе.

Очень важной финансовой мѣрой было основаніе государственныхъ ассигнаціонныхъ банковъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1769 г. и выпускъ ассигнацій, т.-е. бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Денежные знаки вмѣсто металлической монеты выпускали и раньше: еще при Алексѣѣ Михайловичѣ указывали на нѣсколько лѣтъ мѣдную монету принимать по цѣнѣ серебряной; при Петрѣ I серебряная монета худшаго качества ходила по повышенной цѣнѣ внутри государства. При Екатеринѣ II въ каждый банкъ было положено по 500 тыс. рублей и на 1 милліонъ было выпущено ассигнацій, 25, 50, 75 и 100 руб. достоинства. Первое время денежнымъ знакамъ оказывали полное довѣріе, и они легко обмѣнивались на звонкую монету. Но крайняя нужда въ деньгахъ на военныя потребности заставила правительство повторять выпуски ассигнацій, дѣлать ихъ меньшаго достоинства (10, 5 руб.), ради большаго распространенія въ глубинѣ народной массы; крупными ассигнаціями занимали у состоятельныхъ людей, мелкія являлись займомъ у народа, у бѣдноты. Крымъ и вторая турецкая война при хозяйничаньи Потемкина стоили непомѣрно дорого. Вяземскій требовалъ прекращенія займовъ, но Екатерина поддерживала требованія своихъ дипломатовъ. Ассигнаціонные банки обратили въ одинъ Госуд. заемный банкъ, который самъ дѣлалъ операціи, принималъ въ закладъ имѣнія и выпускалъ ассигнаціи. Съ 1785 г. дефицитъ установился прочно и надолго. Фавориты, фельдмаршалы, адмиралы безконтрольно тратили огромныя суммы.

Во время 2-й турецкой войны сотни милліоновъ ассигнацій скопились по рукамъ; ассигнаціи стали быстро падать въ цѣнѣ, доходили до 40 коп. мѣди за 1 руб., и только въ концѣ XVIII в. установились на 68 метал. коп. Всѣ продукты первой необходимости страшно вздорожали, особенно въ столицахъ. Подати, жалованье потеряли прежнее значеніе; все принималось и отпускалось колеблющимися въ цѣнѣ ассигнаціями. Въ 1794 г. повысили подушный сборъ до 1 руб. съ крестьянъ, до 2 р. съ мѣщанъ; повысили и многіе другіе налоги.

Въ политическомъ вихрѣ Россія, правда, побѣждала на всѣхъ границахъ, но всегда при очень разорительныхъ условіяхъ для націи. Едва она укрѣпляла свое вліяніе на одной окраинѣ, какъ другой сосѣдъ пользовался отливомъ ея силъ и выигрывалъ что-нибудь для себя.—Внутри

страны происходило *раскрѣпленіе* сословій въ отдѣльныя общества, отмѣна обязательныхъ службъ, что очень дорого обходилось; за службу теперь платили чистыми деньгами; недостатокъ денегъ покрывали бумажными знаками и займами за-границей, которые обезпечивались только податями съ тяглыхъ классовъ, особенно съ крѣпостныхъ; отсюда неизбѣжность усиленія крѣпостного права.

Въ XVIII в. Малороссія быстро теряла свой самобытный строй. Просвѣщенный абсолютизмъ, налагавшій на всѣхъ опеку во имя верховной разумности, не признавалъ національныхъ красокъ жизни; только Верховный тайный совѣтъ до нѣкоторой степени считался съ мѣстными особенностями. Послѣ измѣны Мазепы Петръ энергично старался подчинить правительству всѣ силы и средства Малороссіи. Сперва особая войсковая канцелярія, а затѣмъ Малороссійская коллегія, при участіи правительственныхъ чиновниковъ, завладѣвали доходами страны. Гетманы выбирались по указаніямъ изъ Петербурга. По волѣ Петра запрещали возить малороссійскіе товары на заграничные рынки.

Ослабѣвшая Польша уже не привлекала малороссійскую старшину и шляхту; все болѣе и болѣе отдѣляя себя отъ казаковъ и крестьянства, шляхта стремилась, какъ русское дворянство, завладѣвать населенными деревнями и устанавлить крѣпостной трудъ.

Генералы и знатные великороссы награждались имѣніями въ Малороссіи и помогали вводить въ нихъ московскіе порядки, смущая нарождающееся малороссійское дворянство. Малороссы очень желали получать права и привилегіи русскаго дворянства, даже чины и отличія по табели о рангахъ; землевладѣльческіе интересы подавили въ нихъ прежнія увлеченія политической свободой польской шляхты, и они сами помогали отмѣнѣ казачьихъ вольностей.

Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ въ имперіи при Елизаветѣ стерло преграды между территоріями обоихъ русскихъ племенъ и ихъ экономическую обособленность: сліяніе пошло впередъ само собой. Послѣдній гетманъ Малороссіи, Кириллъ Разумовскій, распоряжался совершенно самостоятельно ея полками. При немъ казачья старшина добилась запрещенія крестьянскихъ переходовъ и окончательно завладѣла свободными землями и крестьянами.

Екатерина II возмущалась „непорядочнымъ", противнымъ политическимъ теоріямъ ея времени строемъ Малороссіи; съ 1764 г. она возстановила малороссійскую коллегію съ властнымъ командиромъ Румянцевымъ во главѣ. Тогда рѣшили стереть самые остатки малороссійскихъ порядковъ. Выборы депутатовъ въ комиссію происходили подъ сильнымъ вліяніемъ энергичнаго полководца. Присоединеніе Крыма, распространеніе русскихъ владѣній далеко на югъ уничтожили послѣдніе слѣды казачьихъ вольностей: существованіе страны на особомъ положеніи близъ границъ новозавоеванныхъ земель оказалось неудобнымъ для правительства. Въ 1782 г. въ Малороссіи ввели губернскія учрежденія; въ слѣдующемъ 1783 г. по новой ревизіи помѣщичьи люди и крестьяне оказались въ положеніи крѣпостныхъ. Запорожскіе казаки частью выселились изъ Россіи, частью переселились на Кубань.

XXXIV.

Воспитаніе и школы при Екатеринѣ II. Умственная жизнь. Расколъ. Масоны. Журналы и книги.

При Петрѣ школы приняли профессіональный характеръ, такъ какъ правительство требовало прежде всего подготовки къ службѣ. При преемникахъ его въ нихъ проникаетъ и общеобразовательный элементъ. Духовныя школы, созданныя еще во времена господства церковнаго направленія въ умственной жизни, становятся узкосословными, но даютъ нѣкоторую подготовку и склонность къ дальнѣйшему образованію,—ученики ихъ поступали въ московскій и академическій университеты и медицинскія школы. При Екатеринѣ сказались новыя вѣянія эпохи просвѣщенія. Новая наука о свойствахъ человѣческой души выдвинула на первый планъ вопросъ о воспитаніи. Съ половины XVIII-го вѣка книги о воспитаніи начинаютъ въ переводахъ проникать въ русскую публику, и Екатерина съ обычной отзывчивостью занялась животрепещущимъ вопросомъ. Тогда возникло убѣжденіе, что одно обученіе дѣтей даетъ очень мало, нужно прежде всего воспитывать ихъ, прививая имъ добрые нравы: это особенно необходимо въ Россіи; русская жизнь очень груба: люди непросвѣщены и порочны; безнравственность домашней обстановки, произволъ надъ низшими и младшими, жестокое обращеніе съ крѣпостными портятъ мягкія души дѣтей. Екатерина признала нужнымъ создать въ школѣ такую нравственно-воспитательную среду, гдѣ бы дѣти были совершенно отдѣлены отъ семьи и отъ некультурнаго общества; вдали отъ испорченнаго міра дѣти замыкались въ особую атмосферу добродѣтели, гдѣ имъ добрыми примѣрами сообщали нравственную выдержку, мягкость, чувствительность сердца и нѣкоторое умственное развитіе. Изощренный науками умъ безъ добродѣтели признавался только вреднымъ. Задачей екатерининскихъ школъ явилось созданіе новой породы людей, которые бы постепенно улучшили русское общество.

Съ помощью одного изъ самыхъ довѣренныхъ приближенныхъ, Бецкаго, Екатерина измѣнила уставы корпусовъ, куда стали принимать 4—5-лѣтнихъ дѣтей и воспитывали ихъ до 18—19-ти безъ отпусковъ, безъ свиданій съ родными и близкими. Для созданія новой породы людей необходимо было перевоспитать женщинъ. Екатерина открыла первое въ Россіи женское учебное заведеніе — Смольный институтъ, строго отдѣливъ дворянскую половину, гдѣ вполнѣ примѣнялись ея воспитательные планы, отъ мѣщанской, гдѣ учились по упрощенной программѣ. И Екатерина, и Бецкій сознавали, что не создать имъ новой породы русскихъ, если не найдутъ и не подготовятъ хорошихъ педагоговъ, способныхъ вліять нравственными примѣрами. Такихъ педагоговъ, конечно, не нашлось даже среди выписанныхъ изъ-за границы учителей, и вся затѣя, не желавшая считаться съ жизнью, оказалась невыполнимой. Въ дворянскихъ заведеніяхъ все воспитаніе сосредоточивалось на выработкѣ внѣшняго лоска, на „умѣньи жить въ свѣтѣ“, которое сама императрица почитала за важное дѣло. Благодаря вниманію ея, институтки и кадеты

бывали при дворѣ, устраивали у себя въ заведеніяхъ балы и праздники; и эти столичныя училища приняли тогда чисто придворный характеръ, какъ это было во Франціи съ XVII в. При всѣхъ этихъ неудачахъ школьный вопросъ все-таки подвинулся впередъ: признали, что школа имѣетъ дѣло со всѣмъ умственнымъ и душевнымъ складомъ человѣка и не можетъ задаваться одной практической выучкой.

Во 2-й половинѣ царствованія неутомимая въ своемъ честолюбивомъ стремленіи не отставать отъ Европы, Екатерина снова быстро и своевременно прониклась возникшимъ въ Европѣ вопросомъ обученія народной массы. Тамъ государства еще нигдѣ не задавались народнымъ образованіемъ. Духовенство издавна занималось обученіемъ дѣтей среднихъ классовъ; для низшихъ, для крестьянства ученье долго считалось излишнимъ. Кромѣ того, учили ради заработка частныя лица: лишившіеся способности къ тяжелому труду ремесленники, старые солдаты, одинокія женщины. Общины отводили имъ для школокъ ненужныя зданія и сараи. Повсюду учились тяжелымъ стариннымъ способомъ, безъ объясненій и облегченій. Въ свободное время учителя уходили на другіе заработки, занимались ремеслами, такъ какъ учительство не обезпечивало ихъ. Около половины XVIII в. въ Саксоніи, въ одномъ монастырѣ учитель изобрѣлъ облегченный способъ называть буквы, упрощенные склады, наглядныя таблицы для письма и счисленія. Упрощенный способъ обученія безусловно необходимъ систематическому устройству начальныхъ школъ для народной массы, такъ какъ трудовой классъ можетъ отдавать обученію очень мало времени.

Австрія первая воспользовалась новыми педагогическими пріемами. Екатерина II тотчасъ узнала о вновь возникающихъ для народа школахъ и рѣшила ввести такія же въ Россіи. Изъ Австріи выписали образованнаго серба, Янковича де Миріево, и поручили ему это дѣло. Была создана особая комиссія для учрежденія училищъ, въ которую онъ внесъ свои планы и программы. За границей существовали школы 3-хъ разрядовъ: 4-хъ классныя главныя, 3-хъ классныя среднія и малыя 2-хъ классныя. Главныя готовили учителей и наблюдали въ своемъ округѣ за дѣятельностью малыхъ школъ. Каждая школа, каждый классъ представлялъ цѣльный законченный курсъ, которымъ можно было кончить обученіе. Въ Россіи могли открыть только главныя и малыя училища. Сперва открыли въ Петербургѣ главное училище съ учительской семинаріей, навербовавъ учениковъ изъ духовныхъ школъ. Въ 1786 г., подготовивъ 100 учителей, начали открывать главныя школы въ губернскихъ городахъ, малыя — въ уѣздныхъ. Средства на нихъ указано было доставлять приказамъ общественнаго призрѣнія; они давали ихъ весьма неохотно, только подъ давленіемъ губернскихъ властей. Губернаторы, чтобы отличиться, первое время наперерывъ заводили училища, торжественно обставляли ихъ открытіе. Въ виду малаго числа учениковъ, привыкшихъ къ тому же обходиться старыми средствами обученія, вербовали ихъ принудительными мѣрами; чтобы не было конкуренціи, закрывали частные пансіоны, преслѣдовали учителей изъ дьячковъ, солдатъ и т. п. Съ перемѣной губернаторовъ школы пустѣли и хирѣли, приказы прекращали выдачу средствъ изъ своихъ крайне скудныхъ суммъ. Надзора за преподаваніемъ не существовало; учителя скоро перешли къ старому обученію заучиваньемъ.

наизусть и выспрашиванью учениковъ въ одиночку. Матеріальная необезпеченность и нравственная приниженность учителей подъ давленіемъ мѣстныхъ властей были первое время таковы, что несчастныхъ педагоговъ приходилось насильно задерживать на службѣ. Школьное дѣло развивалось очень медленно, съ перерывами. Главная заслуга школъ Екатерины—доступность для всѣхъ сословій—тогда только мѣшала ихъ развитію, отталкивая отъ нихъ дворянство, которое одно считало нужнымъ учить своихъ дѣтей. Къ 1800 г., по приблизительному счету, число всѣхъ училищъ дошло до 315 съ 19,935 учениками; среди нихъ было до 7% дѣвочекъ. Учились дѣти изъ городскихъ классовъ и чиновничества. Въ деревняхъ школы совсѣмъ не открывались.

Что касается духовенства, то реформа его имущественнаго состоянія завершилась въ 1764 г.:—населенныя имѣнія съ милліономъ ревизскихъ душъ были отобраны отъ монастырей и каѳедръ высшаго духовенства. Ихъ отдали въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, и крестьяне стали называться экономическими. Получаемые съ нихъ доходы обращались на штатное содержаніе монастырей, семинарій и духовныхъ школъ, на жалованье высшему духовенству. Бѣднѣйшіе монастыри закрывались или предоставлялись собственнымъ средствамъ. Положеніе духовныхъ школъ укрѣплялось теперь помимо воли архіереевъ; съ ихъ развитіемъ составъ духовенства все болѣе и болѣе пополнялся образованными лицами. Тѣлесныя наказанія духовныхъ лицъ были строго запрещены; архіереи за прежнія жестокія расправы попадали подъ судъ. Низшее бѣлое духовенство могло только радоваться реформѣ, тѣмъ болѣе, что разборы, которые производились среди него, ради удаленія скрывающихся отъ повинностей и бѣглыхъ, дѣлались мягче и осторожнѣй прежняго. Зато высшее духовенство, особенно архіереи-малороссы, очень возмущались лишеніемъ имѣній. За рѣзкій протестъ ростовскій митрополитъ Мацѣевичъ подвергся тяжелому заключенію. Съ подъемомъ образованія значеніе малороссовъ очень упало; ихъ и прежде не любили за строгость въ обращеніи съ духовенствомъ и даже съ паствой. Эта нелюбовь отразилась на трагическомъ концѣ архіерея Амвросія Зертисъ-Каменскаго, убитаго во время чумы въ Москвѣ.

Расколъ очень усилился въ XVIII в. Реформы, новыя историческія явленія, требовавшія объясненій, сильно возбуждали умственную жизнь враговъ Никона. Ревизія, подушныя подати, введенія паспортовъ вызвали весьма различныя толкованія и разномысліе, разбившее раскольниковъ на толки; отъ поповцевъ, готовыхъ идти на соглашеніе съ православнымъ духовенствомъ, до странниковъ или бѣгуновъ, не допускавшихъ никакихъ сношеній съ православными и правительствомъ, среди раскольниковъ развились самыя разнообразныя отношенія къ формамъ общественной жизни. При Петрѣ Великомъ уже преслѣдовали не за вѣру, а за непризнаніе государственной власти и уходъ за границу. На ряду съ расколомъ нарождались и секты; онѣ возникали подъ вліяніемъ иновѣрцевъ и чисто народнымъ путемъ, отпавшими развѣтвленіями раскола. Общеніе съ протестантами при Петрѣ отозвалось среди учащихся русскихъ критическимъ отношеніемъ къ обрядамъ, къ иконопочитанію, причемъ основывались на евангеліи и внутреннемъ богопочитаніи. Таковъ былъ лекарь Тверитиновъ, довольно мягко осужденный духовенствомъ.

Одинъ раскольникъ отказался вѣрить и старымъ, и новымъ книгамъ, и призналъ одну истинной,—книгу животную, голубиную,—Духа св. Изъ смѣшенія нѣмецкаго піэтизма, т.-е. ученія о проникновеніи Духомъ св., нравоученій старовѣрія и грубой обрядности стариннаго двоевѣрія создалась хлыстовщина. Въ 60-хъ гг. XVIII в., ради дальнѣйшаго сближенія со св. Духомъ, отъ него отпало и развилось скопчество, почитающее Петра III-го. Послѣ походовъ въ Пруссію во время войны за польскій престолъ въ 1733—34 гг. плѣнные занесли въ Россію ученіе квакеровъ, подъ вліяніемъ котораго зародилось духоборчество и отчасти молоканство. Вообще въ XVIII в. удивительное личное свободомысліе относительно религіозныхъ вопросовъ проявлялось во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

Въ настроеніи и умственной жизни образованныхъ русскихъ людей 2-й половины XVIII-го в. тоже замѣтна значительная перемѣна. Просвѣщенные люди петровской эпохи отличались душевнымъ равновѣсіемъ, цѣльностью натуръ. Ихъ задача была проста и ясна,—повседневная служба государству занимала ихъ силы и время; а выгоды и доходы, связанные съ нею, считались необходимымъ удовлетвореніемъ служащихъ. Наиболѣе способныхъ, какъ историкъ Татищевъ, та же служба наталкивала на разработку научныхъ вопросовъ; но и на эти вопросы, на эту ученую дѣятельность смотрѣли тоже какъ на службу, какъ на непосредственно полезное дѣло. Въ екатерининскую эпоху внуки петровскихъ служакъ уже не сливали своей жизни со службой; признанные благородными, вольными, они имѣли полную возможность выбирать занятія, слѣдовать своимъ склонностямъ, развивать собственныя мнѣнія. Но выработать себѣ ту или другую форму самостоятельной дѣятельности не такъ просто, какъ поступить на службу на всю жизнь; просвѣщенные люди колебались, мѣняли пути, мучились исканіемъ правды. Съ одной стороны, увлекались вольтерьянствомъ, матеріализмомъ французскихъ мыслителей, съ другой, возрождался интересъ къ вѣрѣ и сознательная потребность въ ней; съ одной стороны, неотразимо привлекала богатая жизнь Франціи, съ другой, начинало занимать прошлое Россіи.

Съ 50-хъ гг. на русское, особенно столичное общество оказывали сильное вліяніе кружки *франкъ-масоновъ* (въ переводѣ—„вольныхъ каменщиковъ“). Среди множества корпорацій, возникавшихъ въ Европѣ въ средніе вѣка, выдѣлялись строительныя товарищества каменотесовъ, занимавшихся постройкой и украшеніемъ церквей. Ремесленники-художники, они ревниво хранили тайны стиля и искуства. Отъ англійскаго названія хижинъ, въ которыхъ ютились каменотесы близъ построекъ, ихъ корпораціи и собранія стали называться *ложами*. Въ англійскія товарищества вступали богатые любители, которые помогали просвѣщенію и умственному развитію бѣдныхъ ремесленниковъ, поэтому англійскія *ложи* оказывались самыми вліятельными въ Европѣ. Когда ремесленные цехи потеряли былое значеніе, въ началѣ XVIII в. въ Англіи ложи каменщиковъ обратили въ оригинальные филантропическіе и духовно-просвѣтительные кружки. Ложи франкъ-масоновъ сдѣлались союзами религіозно настроенныхъ людей, стремившихся къ личному душевному самоусовершенствованію, къ самопожертвованію, чтобы установить братство всѣхъ людей, любовь, взаимную помощь; масоны отвергали предразсудки, суевѣрія, сословную рознь, осуждали вражду среди людей и народовъ, войны. Среди членовъ уста-

навливалась болѣе или менѣе строгая дисциплина; подобно былымъ ремесленникамъ масоны носили званія мастеровъ, подмастерій, учениковъ и т. д., строго подчиненныхъ другъ другу, отличались особыми значками, украшали помѣщеніе кружковъ, свои ложи очень своеобразно: молотками, наугольниками, мечами, мертвыми головами. Принятіе и посвященіе членовъ сопровождались таинственными, въ иныхъ ложахъ очень странными обрядами. По примѣру англійскихъ ложъ возникло множество масонскихъ союзовъ во всѣхъ странахъ Запада.

Во время особенно сильнаго вліянія иностранцевъ при Аннѣ Іоанновнѣ зародились масонскія братства и въ Россіи. Первое извѣстіе о нихъ относится къ 1731 г.; извѣстный генералъ Кейтъ, шотландецъ, былъ однимъ изъ раннихъ представителей масонства. При Екатеринѣ множество знати и чиновныхъ лицъ записывались въ члены ложъ; въ одной изъ нихъ числился наслѣдникъ, Павелъ Петровичъ. Одно время быть масономъ считалось признакомъ просвѣщенности.

По направленію и духу ложи были различны. Однѣ группы масоновъ погружались въ религіозную мистику, увлекались таинственными обрядами (розенкрейцеры); другія проявляли болѣе здоровую религіозность, широко понимали проповѣдь братства, принимали въ ложи ремесленниковъ, людей низшихъ классовъ, и на почвѣ филантропіи старались выработать изъ товарищей просвѣщенныхъ общественныхъ дѣятелей: таковы были московскія ложи, къ которымъ принадлежали Новиковъ, Карамзинъ и др.

Несмотря на эти странности, на то, что оно захватило исключительно дворянство, масонство въ Россіи имѣло большое просвѣщающее вліяніе. Русскіе такъ долго знали одну службу и хозяйство, жили вразбродъ, безъ корпорацій, безъ общественныхъ и умственныхъ связей, что всякое сплачивающее начало могло помочь воспитанію духа общественности, а призывъ къ самоусовершенствованію училъ сосредоточиваться на нравственныхъ вопросахъ, разбираться въ собственной душевной жизни, понимать человѣческое достоинство, уважать его въ каждомъ человѣкѣ, несмотря на званіе.

Въ эту же пору едва зарождавшееся литературное движеніе крѣпло и оживлялось. Въ концѣ 50-хъ годовъ начали возникать журналы; только одинъ изъ нихъ—„Ежемѣсячныя сочиненія" академика Миллера выходилъ книжками и имѣлъ до 700 подписчиковъ; прочіе представляли листки, маленькія тетрадки, вращавшіяся въ кругу товарищей. Кадеты Сухопутнаго корпуса издавали „Праздное время, съ пользой употребляемое", первый журналъ частныхъ лицъ въ Россіи. Вслѣдъ за ними сталъ издавать листки Сумароковъ. Въ 1760 г. баснописецъ Херасковъ съ помощью студентовъ московскаго университета выпускалъ свои маленькіе журнальчики. Образцомъ для этихъ изданій служили нравоучительные и сатирическіе листки, давно уже во множествѣ расходившіеся въ Англіи и въ Германіи. Послѣ 1762 г. періодическихъ изданій появилось гораздо больше. Особенно помогло дѣлу разрѣшеніе устраивать вольныя типографіи. При Елизаветѣ выходило не болѣе 23 книгъ въ годъ; при Екатеринѣ къ 1770 г. выпускалось до 105, а къ 1790 г.—до 366-ти; затѣмъ число изданій стало падать.

Первое время журнальчики были еще равнодушны къ серьезнымъ

задачамъ литературы, стремились только попрежнему—доставлять публикѣ полезное и пріятное развлеченіе. Сама императрица, до страсти любившая писать и бойко владѣвшая перомъ, участвовала въ журналахъ своихъ довѣренныхъ лицъ. Въ своихъ статейкахъ она осмѣивала невѣжество, грубость нравовъ, праздность, тщеславіе, вообще свойства личныхъ характеровъ, и была очень изумлена, когда въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ проявилось очень серьезное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ. „Трутень", затѣмъ „Живописецъ" Н. И. Новикова негодовали на безправіе и беззащитность народной массы, на произволъ и безчеловѣчность помѣщиковъ, на распущенность придворныхъ нравовъ, на всѣ бѣдствія крѣпостной Россіи; узкость морали и поверхностность сатирическихъ статеекъ императрицы вызывали ихъ сдержанныя насмѣшки, указанія на то, что зло гораздо глубже, чѣмъ она думаетъ, и исправленія нужно искать не тамъ, гдѣ она ищетъ его. Екатерина отвѣчала имъ обвиненіями въ жестокости къ людямъ, требовала снисхожденія къ порокамъ, называя ихъ только слабостями, осуждала негодующій тонъ сатириковъ и ихъ черезчуръ строгія требованія относительно общественной нравственности; она сама допускала только „улыбательную" сатиру. Серьезная, глубоко захватывающая истинную суть русской жизни сатира Новиковскихъ журналовъ заражала своихъ собратій по перу, и колкія возраженія по адресу забавлявшейся литературой Екатеринѣ II полетѣли и изъ круга второстепенныхъ изданій. Она отбивалась отъ опередившихъ ее по широтѣ взглядовъ писателей, раздражалась, напрасно подъискивая аргументы и, наконецъ, на статейку знаменитаго фонъ-Визина, въ которой тотъ призывалъ къ отвѣту дворъ и вельможъ, совсѣмъ разсердилась и отвѣтила такъ строго, что писателю пришлось принести ей что-то въ родѣ повинной. Журналисты перестали касаться многихъ жгучихъ вопросовъ, какъ современное крѣпостное право, напримѣръ. Имъ стало заниматься „Вольно-экономическое общество", получившее на заданную имъ задачу, правильнѣе—задачу императрицы, такъ какъ она прислала ее—„въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ",—много интересныхъ и важныхъ сочиненій.

Въ журналѣ „Кошелекъ" Новиковъ перешелъ къ осмѣянію страсти подражать французамъ и умѣло выбиралъ лучшія черты старинныхъ русскихъ нравовъ, напоминая, что хорошо бы взять въ образецъ и кое-что отъ прадѣдовъ. Фонъ-Визинъ создалъ свою славу своими комедіями, „Бригадиромъ" и, главнымъ образомъ, „Недорослемъ", въ которыхъ очень ярко проводилъ тѣ же общественные взгляды, какіе отличали направленіе сатирическихъ журналовъ Новикова, съ тѣмъ же уваженіемъ къ добрымъ чертамъ старины въ лицѣ высоконравственнаго Стародума. Новиковъ переѣхалъ въ Москву и принялся за изданіе древнихъ историческихъ памятниковъ, чтобы привлечь вниманіе общества къ народному прошлому. Онъ сдѣлался выдающимся масономъ, очень сблизился съ рѣдкой по нравственной красотѣ личностью, проф. Шварцемъ, и погрузился въ широкую общественную дѣятельность. Новиковъ взялъ въ свое вѣдѣніе „Моск. Вѣдомости" и ихъ типографію. Собравъ вокругъ себя кружокъ литераторовъ и переводчиковъ, „Дружеское ученое общество",

онъ принялся за изданіе книгъ серьезнаго и разнообразнаго содержанія; выпускалъ приложенія къ газетѣ въ видѣ „Экономическаго магазина", „Дѣтскаго Чтенія", первый журналъ для дѣтей въ Россіи, гдѣ началъ писать Карамзинъ. издавалъ масонскія и религіозно-нравственныя произведенія. Доходы съ одного журнала Новиковъ назначилъ на учрежденіе народной школы, предупредивъ дѣятельность комиссіи училищъ. Но недостаточно печатать книги, „ихъ нужно дать въ руки читателю", говорилъ Новиковъ, и завелъ обширныя знакомства и сношенія въ провинціяхъ, высылалъ знакомымъ книги и поручалъ продавать ихъ. Дѣятельность его достигла высшаго напряженія въ голодные годы 1786—7-й, когда онъ поразилъ русское общество первымъ примѣромъ того, что значитъ частный починъ. На средства милліонеровъ, которые охотно отдавали деньги въ его полное распоряженіе, онъ пріобрѣталъ запасы хлѣба и устроилъ его раздачу и дешевую распродажу. Въ его лицѣ Россія получила перваго общественнаго дѣятеля въ полномъ смыслѣ слова. Каждому дѣлу онъ отдавалъ себя, какъ служенію. Императрицѣ давно не нравилась эта поразительная дѣятельность, хотя она охотно давала средства на изданія историческихъ памятниковъ. Практичная и положительная, она не понимала, не любила масонства и жестоко осмѣивала его обряды. Слишкомъ властолюбивая, она была чужда истинной общественности. Послѣ голодныхъ лѣтъ она открыто стремилась сократить вліяніе Новикова; казенную типографію и газету передали другому издателю; а его обвинили въ изданіи вредныхъ богословскихъ книгъ. Заступничество московскаго митрополита Платона, признававшаго Новикова искреннѣйшимъ христіаниномъ своей паствы, отсрочило бѣду. Революція во Франціи ужаснула Екатерину; она и раньше неблагосклонно относилась къ мыслителямъ, которые, подобно Руссо, смѣло вели впередъ освободившіеся умы; теперь она отшатнулась отъ прежнихъ увлеченій и стала подозрительна къ самостоятельнымъ людямъ. Въ 1792 г. надъ Новиковымъ разразилось слѣдствіе, по своей жестокости напоминавшее давно прошедшія времена, (его обвиняли даже въ политическихъ сношеніяхъ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ), и онъ былъ заключенъ въ крѣпость. Даже московскіе враги великаго дѣятеля были поражены послѣдствіями своихъ происковъ.

Другимъ замѣчательнымъ представителемъ зарождающагося общественнаго мнѣнія является Радищевъ, ученикъ Лейпцигскаго университета; пользуясь разрѣшеніемъ открывать вольныя типографіи, онъ напечаталъ у себя на дому свое выдающееся произведеніе: „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву". Здѣсь онъ въ цѣломъ рядѣ яркихъ, крайне тяжелыхъ картинъ обрисовалъ ужасы крѣпостного права. Особый чувствительный слогъ, юношескій жаръ, съ которымъ изъ глубины души зрѣлаго человѣка выразилось горькое негодованіе на современный порядокъ людскихъ отношеній, увлекалъ читателей, и книга быстро распространилась въ публикѣ. Радищевъ былъ отданъ подъ судъ особой слѣдственной комиссіи и поплатился ссылкой въ Илимскій острогъ въ Сибири.

Въ общемъ литература Екатерининской эпохи осталась подражательной: развиваясь количественно и качественно, она еще не выходила изъ подготовительнаго періода. Подражаніе французскимъ образцамъ

приводило многихъ писателей къ странной двойственности въ умственномъ мірѣ. Сумароковъ, напр., въ своихъ пьесахъ съ жаромъ повторялъ вслѣдъ за Вольтеромъ, какъ безчеловѣчна тираннія въ правителѣ, какъ необходима строгая законность, какъ возвышаетъ человѣка свободный духъ: самъ же приходилъ въ ужасъ отъ „Наказа" Екатерины II, прямо и открыто стоялъ за незыблемость крѣпостного права. Извѣстное вліяніе, конечно, эта безсознательная подражательность все-таки оказывала и, хотя въ блѣдныхъ отрывкахъ, но до широкой публики доходили отголоски освободительныхъ идей XVIII в.

XXXV.

Конецъ XVIII в. Павелъ I. Воспитаніе Александра I. Планы реформъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II Европа была потрясена сильными народными движеніями, положившими начало новой, современной эпохѣ политической и соціальной жизни цивилизованныхъ государствъ. Еще въ 70-хъ гг. XVIII в. примѣръ подали сѣверо-американскія колоніи Англіи; онѣ возстали противъ англійскаго правительства и, послѣ тяжелой борьбы, обнародовавъ къ свѣдѣнію всего міра декларацію о правахъ народа и человѣческой личности, провозгласили себя самостоятельной республикой. Лѣтъ черезъ 12 во Франціи послѣ великаго умственнаго движенія, создавшаго міровое вліяніе французской просвѣтительной литературы, разразилась грандіозная революція. Она быстро и сильно повліяла на политическія отношенія западныхъ государствъ.

Значительная часть французскаго дворянства и духовенства бѣжала заграницу; другая часть дворянъ, увлеченная движеніемъ и патріотизмомъ, отказалась сама отъ своихъ привилегій и правъ надъ безземельными крестьянами. Національное собраніе обнародовало въ свою очередь декларацію „о правахъ человѣка и гражданина", написанную подъ вліяніемъ Руссо, и заставило короля, очень добродушнаго, подѣлиться властью съ палатой выборныхъ. Масса земель, отобранныхъ отъ дворянъ и церквей, стали раскупаться состоятельными крестьянами. Такой переворотъ нашли крайне опаснымъ для себя правительства Германіи и Англіи. Австрійскія и прусскія войска вступили въ предѣлы Франціи. Королевская семья пыталась бѣжать подъ покровительство иностранцевъ, чѣмъ вызвала дальнѣйшее волненіе французовъ. Короля казнили, а Франція была объявлена республикой среди страшныхъ кровопролитій между партіями.

Французская армія начала войну среди полнаго финансоваго разстройства, лишенная офицеровъ, большинство которыхъ скрывалось вмѣстѣ съ дворянствомъ за границей; но скоро она выработалась и дисциплинировалась среди неудачъ и бѣдствій и обратилась въ грозную силу, вдохновленную лозунгами народной свободы и обновленія жизни.

Всѣ французы служили съ восторгомъ и жаждали подвиговъ ради обновленной родины. Солдаты храбрецы быстро выслуживались въ офицеры; возвысилось много талантливыхъ молодыхъ генераловъ, составившихъ славу Франціи XIX в., но первенство надо всѣми скоро захватилъ

молодой артиллеристъ, Наполеонъ Бонапарте. Французы завладѣли Бельгіей, Голландіей, Прирейнскими землями, Италіей, громили пруссаковъ и австрійцевъ; въ покоренныхъ странахъ устраивали республики, уничтожая сословныя привилегіи, возбуждая духъ массы. Только побѣды англійскаго флота еще мѣшали успѣхамъ французовъ.

Екатерина негодовала на эти событія; но польскіе раздѣлы и истощеніе Россіи не позволяли ей думать объ участіи въ борьбѣ противъ усиливавшейся республики. Послѣдніе годы ея царствованія проходили для русскаго общества среди какой-то унылой усталости послѣ долгихъ войнъ и внутреннихъ тревогъ и хозяйничанья фаворитовъ. Императрица старѣла и теряла былое вліяніе. Два наслѣдника, отецъ и сынъ, занимали умы двора. Съ самаго рожденія взятый на воспитаніе императрицей Елизаветой, Павелъ Петровичъ былъ всегда далекъ отъ матери. Впослѣдствіи онъ считалъ себя обиженнымъ ея воцареніемъ, тѣмъ болѣе, что зналъ о существованіи партіи, которая признавала за нею только права регентши. Это легло тяжелой полосой между матерью и сыномъ и навсегда разъединило ихъ. Нервный, чрезвычайно вспыльчивый, Павелъ сдѣлался крайне обидчивымъ и подозрительнымъ. Постоянное удаленіе отъ дѣлъ, запрещеніе участвовать въ походахъ и командованіи арміями измучило его и окончательно испортило его характеръ. Проживая въ Гатчинѣ, онъ весь погрузился въ обученіе и обмундировку нѣсколькихъ отданныхъ въ его владѣніе батальоновъ изъ его голштинцевъ, мечтая подготовить на нихъ будущую реформу всей арміи. При большомъ дворѣ открыто смѣялись надъ гатчинскимъ, а въ послѣднемъ негодовали на распущенность большого двора. Павелъ всегда осуждалъ сношенія матери съ Вольтеромъ и прочими вождями просвѣщенія, приписывая ихъ вліянію упадокъ нравовъ въ Россіи. Французская революція съ ея кровопролитіями была ему такъ ненавистна, что онъ не терпѣлъ французскихъ модъ, клубовъ, а вмѣстѣ съ этимъ всякихъ проявленій общественной и умственной самостоятельности.

Совершенно иное видѣли въ сынѣ его, Александрѣ Павловичѣ. Хотя уже охладѣвшая въ своихъ увлеченіяхъ французскимъ освободительнымъ движеніемъ, обученіе внука Екатерина все-таки поручила члену кружка мыслителей Лагарпу, французу изъ Женевы. Случайно пріѣхавъ въ Россію, онъ взялся за преподаваніе французскаго языка великимъ князьямъ; когда же подалъ императрицѣ изложеніе своихъ подагогическихъ взглядовъ, то былъ обращенъ въ главнаго наставника. Превосходный человѣкъ, очень знающій, съ литературнымъ талантомъ, Лагарпъ внесъ въ свое преподаваніе все, что занимало умы современниковъ, — идеи естественнаго права, высокое понятіе о гражданскомъ долгѣ, уваженіе къ человѣческой личности, выяснялъ основы возникновенія человѣческаго общества на примѣрахъ исторіи и герояхъ литературныхъ произведеній. Съ начала французской революціи при дворѣ на него смотрѣли подозрительно; онъ сталъ сокращать свои курсы, читать съ оговорками. Въ вопросахъ, касавшихся Россіи, Лагарпъ былъ даже слишкомъ остороженъ, вѣроятно, именно потому, что былъ уроженцемъ республиканской страны; онъ какъ бы заранѣе всюду примирялся съ тѣмъ общественнымъ строемъ, какой люди сами себѣ создали; поэтому спокойно относился даже къ крѣпостному праву. 15-лѣтняго Александра рѣшили женить, и

образованіе его прекратилось въ томъ возрастѣ, когда оно только что становилось серьезнымъ. Постоянный разладъ между бабушкой и отцомъ рано научилъ юношу скрытничать и притворяться. Онъ понималъ, что бабушка гораздо умнѣе и талантливѣе, и потому представителю власти, желающему сыграть видную роль въ исторіи, она—хорошій примѣръ. Лагарпъ отъ души старался примирять воспитанника съ отцомъ; безъ него положеніе было бы еще хуже. Когда бабушка хотѣла составить завѣщаніе въ пользу внука, Александръ почтительно и твердо отказался отъ этого предпочтенія.

Въ обществѣ многіе осуждали воспитаніе Александра, находя, что оно пріучало къ пустой мечтательности, не приготовляло къ житейскимъ задачамъ и наблюдательности; находили, что воспитаніе чисто французское, проникнутое свободомысліемъ, сдѣлало наслѣдника престола иностранцемъ въ Россіи. И все-таки Лагарпъ былъ прекраснымъ воспитателемъ своего времени; не его вина, если событія и тяжелыя условія русской жизни, отражавшіяся на всѣхъ русскихъ, испортили его дѣло. Вся жизнь высшей среды, создавшейся на крѣпостномъ правѣ и вмѣстѣ стремившейся усвоить культурную жизнь запада, была двойственна, двулична и разрушительно дѣйствовала на любую натуру.

6 ноября 1796 г. Екатерина II скончалась, и Павелъ I на 43-мъ г. сдѣлался императоромъ. Тотчасъ онъ далъ волю накипѣвшимъ чувствамъ; мелочно, непослѣдовательно открылъ онъ борьбу противъ памяти матери, начавъ съ коронованія праха Петра III-го. Тѣ же чувства побуждали его дѣйствовать порывами и совершенно произвольно во всемъ; произвольно обращался онъ съ лицами, противорѣчивы и непослѣдовательны были его мѣры. Даже то необходимое и назрѣвшее, что все тяжеле и тяжеле ложилось на правительство—проявить хоть какую-нибудь заботу о главной массѣ населенія имперіи—крестьянствѣ, носило характеръ отместки памяти матери, возведенной на престолъ дворянствомъ. Жалованныя грамоты, дававшія хоть одному сословію искру политическихъ правъ—право дворянъ представлять *петицію* верховной власти, не были укрѣплены законами: власть дала ихъ,—она могла и отмѣнить. Павлу были непріятны чьи либо права и привилегіи, и дѣйствіе грамотъ при немъ оказалось практически отмѣненнымъ; возстановилось тѣлесное наказаніе по суду для дворянъ и даже духовенства. Самоуправленіе сословій почти прервалось. Губернскіе дворянскіе съѣзды были запрещены, уѣздные разрѣшались съ трудомъ и подъ строгимъ контролемъ администраціи. Всякая возможность петицій, коллективныхъ прошеній устранялась особымъ указомъ (май 1797 г.):—„ни отъ кого и ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ, не принимать“.

Оказывая недовѣріе къ господствующему классу, который избиралъ недавно государей, Павелъ какъ будто искалъ опоры въ низшей обездоленной массѣ; на дѣлѣ онъ положилъ починъ тому, предъ чѣмъ остановилась реформаціонная дѣятельность Екатерины, хотя проектъ устройства сельскаго быта и подготовлялся; верховная власть впервые вмѣшалась въ отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; особымъ указомъ (въ дни коронаціи) Павелъ ограничилъ барщинныя работы въ пользу помѣщиковъ 3-мя днями въ недѣлю; остальные три крестьяне должны были работать на себя. При немъ же крестьяне впервые со временъ Анны

Іоанновны были привлечены къ присягѣ императору. Но въ эту же пору какъ бы въ контрастъ съ благими начинаніями, за 4 года царствованія Павелъ роздалъ разнымъ лицамъ болѣе 600 тыс. душъ государственныхъ крестьянъ. Самый указъ о 3-дневной барщинѣ остался мертвой буквой, безъ практическаго примѣненія въ силу крѣпостническихъ привычекъ и слабости административнаго надзора. А слухи и ожиданія лучшей участи возбудили волненіе крѣпостныхъ въ 17 губерніяхъ.

Сельскіе сходы были узаконены еще при Екатеринѣ. При Павлѣ селенія государственныхъ крестьянъ были раздѣлены на волости, до 3 тыс. душъ въ каждой. Въ волости учреждалось *волостное правленіе* изъ выборнаго головы, сельскаго старосты и писаря: оно завѣдывало сборами податей и мѣстнымъ хозяйствомъ, судило мелкія дѣла. Правленія, которымъ полагалось бдительно слѣдить за жизнью крестьянъ, подчинялись исправникамъ и становымъ и потому являлись низшей полицейской инстанціей, необходимой уѣзднымъ властямъ, что бы держать крестьянскій міръ въ повиновеніи. Отъ государственныхъ была выдѣлена особая группа крестьянъ, населявшихъ имѣнія, доходы которыхъ поступали на содержаніе императорской семьи; ими управлялъ новый *удѣльный департаментъ*.

По отношенію къ сословіямъ у Павла мелькало даже нѣкоторое стремленіе уравнивать ихъ обязанности передъ государствомъ: возвысивъ подушныя до 1 р. 25 коп., онъ, ради поправленія финансовъ, наложилъ на дворянъ особую подать, доставлявшую казнѣ при немъ болѣе $1^{1}/_{2}$ милл. въ годъ.

Тверже всего былъ установленъ законъ о престолонаслѣдіи, отсутствіе котораго принесло столько страданій императору. Отнынѣ престолъ наслѣдовался по праву первородства и по старшинству линій. Задавшись цѣлью подтянуть распущенныя при женскомъ правленіи войска, особенно гвардію, Павелъ ввелъ формальную до жестокости и вмѣстѣ мелочную дисциплину; мучилъ солдатъ неудобной прусской формой, а офицеровъ закаливаніемъ здоровья, маршировкой на морозѣ безъ верхняго платья. Эта тягота вмѣстѣ со вспыльчивостью императора побудила лучшихъ командировъ и офицеровъ выйти въ отставку. Начиная съ Суворова выбыло изъ службы 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и множество офицеровъ. Такъ же быстро смѣнялись и служащіе по гражданской части. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и спѣшилъ найти предлогъ скрыться изъ столицы. Лишенный лучшихъ людей, весь правительственый механизмъ сталъ шататься.

Мелочная ненависть къ зарождающимся на Западѣ новымъ порядкамъ была такова, что поѣздки заграницу, привозъ оттуда книгъ, даже нотъ, были запрещены. Широкополыя шляпы, фраки изгонялись, какъ признакъ модъ революціонеровъ-французовъ; на ряду съ этимъ запрещено употреблять слова „отечество“, „гражданинъ“. Даже голландскіе купцы были лишены торговыхъ правъ за то, что въ Голландіи выражали сочувствіе республиканскому строю Франціи. Полицейскій приказъ относительно времени, когда тушить огонь въ столицѣ, назначеніе часовъ для прихода служащихъ на службу, рядъ тяжелыхъ безцѣльныхъ стѣсненій подчинилъ все общество военной дисциплинѣ, возбуждая глубокую ненависть въ дворянствѣ, во всемъ служиломъ слоѣ.

При Павлѣ Грузія мирно передалась Россіи, заставивъ ее вести борьбу съ горцами Кавказа, чтобы утвердить за собой новое пріобрѣтеніе. Изъявивъ намѣреніе сохранить миръ, Павелъ послѣ разгрома Италіи и Австріи загорѣлся желаніемъ возстановить старые порядки въ Европѣ и принялъ участіе въ союзѣ противъ Франціи. Суворовъ, жившій въ немилости, былъ вызванъ по желанію союзниковъ и двинулся съ 45 тыс. арміей въ Италію.

Изумительное пренебреженіе къ жизни, къ опасностямъ, неутомимость русскихъ солдатъ и вмѣстѣ талантъ старика полководца, съумѣвшаго быстро овладѣть новыми военными пріемами французовъ поразили Европу. Обратный переходъ Суворова черезъ Альпы среди столкновеній съ непріятелемъ затмилъ на время подвиги Наполеона. Но австрійцы ничѣмъ не интересовались, кромѣ возвращенія своихъ владѣній въ Италіи, и плохо поддерживали русскихъ. Это обстоятельство вмѣстѣ съ завоеваніемъ англичанами острова Мальты, который считался подъ покровительствомъ Павла, главы ордена мальтійскихъ рыцарей, вызвало гнѣвъ императора на союзниковъ; онъ уже приготовился начать войну съ Англіей. Поспѣшно былъ набросанъ невыполнимый походъ въ Индію, и казачьи полки уже двигались въ степи среди страшныхъ лишеній, когда 12 марта 1801 г. Павелъ Петровичъ скончался.

Вся столица проснулась отъ тяжкаго оцѣпенѣнія и привѣтствовала восшествіе на престолъ Александра I-го, и жизнь закипѣла вокругъ молодого правительства. Наступилъ и новый бурный XIX вѣкъ. Новыя задачи общественной жизни народовъ назрѣвали въ Европѣ; все, о чемъ читалось и мечталось, обращалось въ дѣйствительность: быстро по волѣ народовъ созидались заново и мѣнялись государственныя учрежденія, отношенія сословій, экономическій обиходъ. Отъ прошлаго, особенно отъ бабки, по сердцу которой обѣщалъ править ученикъ Лагарпа и 1-й государь Россіи XIX в. онъ наслѣдовалъ два жгучихъ вопроса: отмѣну крѣпостного состоянія и устройство высшихъ центральныхъ учрежденій въ ихъ отношеніи къ верховной власти.

Правительству приходилось немедленно исправлять путаницу, созданную прошлымъ царствованіемъ, и вмѣстѣ идти впередъ по пути реформъ. Въ XVIII в. Московское государство обратилось въ имперію съ обширнѣйшими владѣніями, когда-либо существовавшими на земномъ шарѣ; имперію слабую, съ очень шаткими внутренними порядками, но сильную внѣшними завоеваніями. Россія не только достигла давно желанныхъ естественныхъ границъ, она уже переступила ихъ: на югѣ съ присоединеніемъ Грузіи въ ея владѣнія вошла долина между кавказскимъ хребтомъ и армянской возвышенностью, а на западѣ она готовилась двинуться за Вислу. Во время послѣдняго раздѣла Польши юноша Александръ ужасался неустанному поглощенію сосѣднихъ земель, которое создавалось политикой его бабушки. Съ новымъ XIX в. назрѣла неотложная задача для правительства—сосредоточить всѣ свои силы на внутреннемъ устройствѣ громаднаго государства, на развитіи экономическихъ и духовныхъ силъ ея населенія, а для этого необходимо было избавить русскихъ людей отъ гнета крѣпостныхъ отношеній, отъ произвола сильныхъ и обезпечить народу участіе въ управленіи страной. Воспитанникъ республиканца-писателя прекрасно сознавалъ, что онъ обязанъ выступить на путь осво-

бодительныхъ реформъ. Александръ I заявилъ, что намѣренъ установить строгую законность, внѣ которой немыслимы правильный ходъ дѣлъ въ государствѣ и строгое правосудіе, какъ бы намекая, что считаетъ законъ выше своей власти. Стала закрываться дѣятельность тайной экспедиціи, и вмѣстѣ съ этимъ освобождались заключенные и сосланные ею со временъ Екатерины II; въ числѣ ихъ вернулся изъ Сибири Радищевъ. Отмѣнены были запрещенія на ввозъ и вывозъ разныхъ товаровъ: возстановлены права сословій по всей силѣ екатерининскихъ грамотъ; на ряду съ этимъ было запрещено продавать крѣпостныхъ людей безъ земли и публиковать о продажѣ ихъ въ газетахъ. Газеты дѣйствительно очистились отъ откровенныхъ публикацій, но появились иносказательныя, и самая продажа все-таки совершалась, гдѣ открыто, гдѣ подъ видомъ найма.

Смолоду Александръ мечталъ о возможно лучшемъ всеобъемлющемъ усовершенствованіи бытія людей, которые отъ него зависѣли. Въ частности онъ увлекался возстановленіемъ свободы побѣжденныхъ народовъ, особенно Польши, и дружилъ съ польскими аристократами. Отмѣна крѣпостного права и участіе въ управленіи народныхъ представителей лежали въ основѣ задуманныхъ улучшеній. При воцареніи молодого государя и передовые, и устарѣвшіе представители высшаго класса ожидали отъ него коренныхъ преобразованій; вся же общественная масса просто радовалась болѣе свѣтлой облегченной жизни. Много старыхъ дѣятелей предъидущей эпохи мрачно смотрѣли на ожидавшуюся ломку старины. (начиная съ поэта Державина), а за ними стояло многочисленное дворянство, которое охотно увлекалось политической литературой, но на практикѣ вовсе не готовилось освободить своихъ крѣпостныхъ. Приверженцы прошлаго уже имѣли вліяніе на императора. Самый вліятельный изъ нихъ по своей близости къ Павлу I первое время изъ осторожности не допускался ко двору,—это былъ Аракчеевъ.

Молодыя силы уже развивались, отдавали себѣ ясный отчетъ о задачахъ эпохи, но житейская практика спутывала ихъ планы. Первые годы Александръ окружилъ себя людьми, давно принадлежавшими къ его друзьямъ. Графъ Строгановъ, Кочубей, Новосильцевъ, кн. Чарторижскій составляли постоянный домашній совѣтъ, „негласный комитетъ“. Въ немъ почти ежедневно обсуждались разныя соображенія и планы предстоящихъ реформъ. По видимости можно было думать, что друзья бесѣдовали просто, откровенно, искренно оспаривая другъ друга. На дѣлѣ почти никто не рѣшался открыто противорѣчить государю, а объ откровенныхъ спорахъ, какіе выдерживалъ самъ Петръ Великій, и помину не было. Очевидно, значеніе власти очень возвысилось за XVIII в., особенно съ тѣхъ поръ, какъ престолъ наслѣдовался законнымъ порядкомъ, и представители власти не достигали его съ помощью партій.

Александръ очень неохотно слушалъ возраженія и часто отталкивалъ ихъ. Позже поняли, что онъ считалъ своимъ долгомъ настойчиво держаться разъ высказаннаго. Друзья говорили и обращались съ нимъ очень осторожно, избѣгая сразу приступать къ опроверженіямъ. Не разъ и заслуженные люди, даже въ такомъ близкомъ государю дѣлѣ, какъ освобожденіе крѣпостныхъ, получали отпоръ въ самыхъ искреннихъ предложеніяхъ, выслушивали напоминанія о подчиненіи власти.

При искреннемъ стремленіи довольно туманными расплывчатыми проектами быстро усовершенствовать и управленіе и общественный строй, на практикѣ Александръ крайне нерѣшительно нащупывалъ выходы изъ тисковъ стараго порядка. Горячій по тону, но весьма умѣренный по существу докладъ Строгонова о необходимости освободить крестьянъ былъ встрѣченъ въ совѣтѣ глубокимъ молчаніемъ. Вызванный изъ Швейцаріи Лагарпъ явился привѣтствовать воцареніе своего ученика. Онъ не присутствовалъ въ комитетѣ, но подолгу бесѣдовалъ съ Александромъ и подавалъ ему мнѣнія и записки. Лагарпъ послѣдніе годы руководилъ внутреннимъ устройствомъ Женевской республики и ознакомился съ тяжелымъ трудомъ проведенія въ жизнь тѣхъ порядковъ, которыми раньше увлекался въ литературѣ, и успѣлъ не мало разочароваться въ людяхъ. Онъ совѣтовалъ не торопиться жертвовать размѣрами своей власти, доказывая, что она все-таки по своему полезна людямъ, и, конечно, ученикъ охотно выслушивалъ его.

Каждый планъ реформы испытывалъ задерживающее вліяніе консервативныхъ вѣяній. Затруднительное состояніе финансовъ, условія сельскаго хозяйства, недостатокъ въ образованныхъ людяхъ остановили крестьянское дѣло, и всѣ порывы свелись къ указу о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Но уже важно было то, что крестьянскій вопросъ обсуждался во дворцѣ и въ лучшей части общества; это повліяло на крестьянское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ; сперва лифляндское дворянство, а затѣмъ эстляндское приступили къ освобожденію крестьянъ.

Между тѣмъ приступили къ неотложнымъ исправленіямъ центральныхъ органовъ управленія, которые распадались еще со временъ Екатерины II. Введенныя ею губернскія учрежденія приняли въ свое вѣдѣніе множество дѣлъ, которыми раньше занимались коллегіи, и эти послѣднія понемногу закрывали. Исчезли финансовыя коллегіи, когда многія дѣла перешли въ казенныя палаты на мѣстахъ. Для отчетности устроили экспедицію о государственныхъ доходахъ при сенатѣ подъ вѣдѣніемъ ген.-прокурора. Ему же подчинились соляное дѣло, винная продажа, горные заводы и т. д. Послѣ 1770 г., когда въ рукахъ ген.-прокурора оказалась вся финансовая часть, думали учредить должность государственнаго казначея, но не исполнили. Закрыли мануфактуръ-коллегію, чтобы предоставить больше свободы развитію промышленности; исчезла юстицъ-коллегія.

Къ воцаренію Павла коллегіальное управленіе распалось; главный контроль и наблюденіе по старинному поручалось отдѣльнымъ лицамъ; дѣйствовали: 1) *президенты* военный, морской, иностранной коллегій, 2) *ген.-прокуроръ*, 3) *ген.-почтъ-директоръ*.

Павелъ I нашелъ нужнымъ возстановить нѣкоторыя коллегіи, но съ другими порядками, *съ директорами* вмѣсто президентовъ, самостоятельною властью и докладами государю. Явились финансовыя—*экспедиція государственнаго хозяйства*, *опекунство иностранцевъ* и *сельскаго домоводства*, которыя поглощали коллегіи; *экспедиція водяныхъ коммуникацій*; всѣ подчинялись директорамъ и носили признаки будущихъ *министерствъ*.

Фактически первымъ министерствомъ оказался *департаментъ удѣловъ*, управлявшійся министромъ съ 4-мя товарищами. Въ 1800 учреждено званіе *министра коммерціи* надъ старой коллегіей. — Такъ изъ обломковъ коллегій начали складываться министерства по практической

необходимости, безъ всякаго порядка и обдуманныхъ нормъ. Среди хаотической смѣси стараго и новаго особенно тяжело чувствовалось отсутствіе высшаго учрежденія для подготовленія законодательныхъ актовъ. При Павлѣ случались невозможные казусы. Въ 1800 г. комерцъ-коллегія, представители купечества и адмиралъ-экспертъ обсуждали вопросъ объ улучшеніи судоходства, и написали три разныхъ мнѣнія. Всѣ три мнѣнія были доложены государю въ разное время среди массы другихъ дѣлъ, и онъ всѣ подписалъ. Какое же правильно и получаетъ ходъ?..

Такой порядокъ сталъ очевидно невозможнымъ, и въ 1801 г. тотчасъ послѣ воцаренія Александра учрежденъ *непремѣнный совѣтъ* изъ 12 лицъ для обработки законопроектовъ и изданія законовъ. Съ конца 1802 началась правильная организація 8-ми министерствъ, замѣнившихъ коллегіи и экспедиціи.

Пока обсуждались всѣ эти мѣры, возникли запутанныя политическія сношенія, вызванныя возвышеніемъ Наполеона и разрѣшавшіяся войнами. Между друзьями комитета еще чаще стали проявляться несогласія. Благодаря большей культурности человѣческихъ отношеній, повелительное обращеніе Петра I было уже неумѣстно, зато и совѣтники не рѣшались возражать такъ рѣзко, какъ бояре и сенаторы стараго времени. Государь, настаивая на своемъ, сдерживался: но онъ прекрасно видѣлъ, что друзья думаютъ и судятъ по-своему, и ему стало неловко въ этомъ дружественномъ комитетѣ; увлекаясь военнымъ дѣломъ, онъ охладѣвалъ къ кружку; комитетъ распался, когда его члены получили новыя важныя назначенія. Но Александръ вовсе не отказывался отъ прежнихъ плановъ подготовить коренныя реформы въ государствѣ.

XXXVI.

Войны съ Наполеономъ. Союзы съ Австріей, Пруссіей и Англіей. Тильзитскій миръ. Турція. Финляндія. Отечественная война. Конгрессы. Священный союзъ.

Съ 1801 г. Наполеонъ властвовалъ среди утомленной частыми внутренними переворотами Франціи въ званіи 1-го консула республики. Страна въ то время замѣтно обогащалась, благодаря лучшему распредѣленію земельной собственности среди населенія и огромному трудолюбію крестьянства и надолго обѣщала выдерживать военные расходы. Первое время царствованія Александръ I довольно миролюбиво и довѣрчиво относился къ политикѣ Бонапарта, тайно поддерживалъ его въ Германіи, когда тамъ систематически уничтожали мелкія владѣнія. Друзья негласнаго комитета предупреждали, что для Россіи выгодна крайняя раздробленность Германіи между слабыми княжествами; но императоръ долго не соглашался съ ними. Только когда стало вполнѣ очевидно скорое провозглашеніе имперіи во Франціи и коронованіе Наполеона ея повелителемъ, Россія поспѣшила укрѣпить свои отношенія къ Англіи и Швеціи. Англія съ самаго взрыва революціи вела безпрерывную борьбу съ очень невыгоднымъ для нея усиленіемъ Франціи на континентѣ Европы и усердно привлекала къ ней другія государства. Въ самой Россіи сторонникомъ этой

борьбы былъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Чарторижскій. Польскій патріотъ въ душѣ, но до нѣкоторой степени мирившійся съ Россіей, онъ мечталъ, что, поддерживая Австрію и Пруссію противъ Наполеона, можетъ побудить эти государства возвратить западныя части Польшѣ и возстановить свое отечество въ его прежнихъ предѣлахъ, сохраняя его связь съ русскимъ престоломъ. Самъ Александръ возмущался властолюбіемъ и „тираніей", какъ онъ говорилъ, Наполеона. Къ удовольствію Англіи, Россія дѣятельно примкнула къ союзу Австріи и Швеціи; только Пруссія уклончиво относилась къ нему. Чарторижскій настаивалъ на войнѣ и съ этой сосѣдкой.

Въ 1805 г. 30-тысячное войско съ Кутузовымъ во главѣ было отправлено въ Австрію; болѣе 100 тыс. готовились дѣйствовать противъ Пруссіи; 20-тысячную армію намѣревались переправить изъ греческаго моря въ Италію. Но русскіе не успѣли приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ Наполеонъ страшнымъ натискомъ разгромилъ австрійскую армію и завладѣлъ самой Вѣной. Кутузовъ, спасая утомленную переходами армію, осторожно отступалъ, чѣмъ крайне раздражалъ Наполеона, искавшаго случая разгромить ее. Александръ уѣхалъ въ Пруссію уговаривать короля примкнуть къ союзу и, вернувшись къ своей арміи, истощенной недостаткомъ провіанта, приказалъ дать сраженіе. Кутузовъ, Чарторижскій и многіе другіе напрасно указывали на неудобство мѣстности, на слабость австрійскаго подкрѣпленія. Наполеонъ только и желалъ вызвать русскихъ на бой, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ. 20-го ноября 1805 г. близъ Аустерлица русскіе, очень дурно расположенные въ боевой порядокъ по плану нѣмца Вейротера, были разбиты наголову и потеряли всю артиллерію. Австрія заключила отдѣльный миръ съ Наполеонномъ. Россіи оставался только союзъ съ Пруссіей. Чарторижскій вышелъ въ отставку, не желая работать для союза со страной, политика которой вызвала окончательную гибель Польши.

Нападенія французовъ на Европу продолжались неудержимо; только прежнее стремленіе устраивать республики смѣнялось теперь другимъ: то присоединять земли къ Франціи, то раздавать королевства роднѣ Наполеона (съ сохраненіемъ конституціонныхъ порядковъ) и при обязательныхъ союзническихъ отношеніяхъ съ его имперіей. Мелкіе нѣмецкіе князьки подолгу живали въ Парижѣ, ожидая рѣшенія своей участи. Ихъ западныя земли образовали Рейнскій союзъ. Вліяніе Франціи, поддерживаемое военнымъ геніемъ Наполеона, только крѣпло и расширялось. Судьба нѣмецкихъ княжествъ побудила Пруссію протестовать противъ распоряженій Наполеона, что тотчасъ вызвало новую войну. Въ 1806 г. Наполеонъ вступилъ въ сѣверную Германію и въ 2-хъ битвахъ уничтожилъ прусскую армію, а черезъ 17 дней занялъ Берлинъ. Король съ семьей спасся за Вислу на восточномъ клочкѣ своихъ владѣній. Французскія войска вступили въ Варшавское герцогство и подошли къ границамъ Россіи. Наступилъ моментъ, когда Пруссія могла разсчитывать только на заступничество Россіи.

Императоръ Александръ торжественно обратился къ патріотизму русскаго народа; особымъ манифестомъ объявили сборъ ополченцевъ. Духовенство обязано было внушать прихожанамъ, что Наполеонъ врагъ христіанства и орудіе нечестія. Но средствъ на войну было мало; войска

формировались съ большимъ трудомъ [1]) и медленно подвигались къ границамъ. Возникло и обычное тяжелое осложненіе: Турція объявила войну, и Россіи сразу пришлось раздѣлить силы. На западѣ война началась печально. Старый фельдмаршалъ Каменскій измучилъ армію безцѣльными маршами по тяжелымъ осеннимъ дорогамъ и, признавъ свою неспособность, сдалъ командованіе Бенигсену. Одна простодушная энергія русскихъ солдатъ, способныхъ воодушевляться борьбой съ далекимъ и туманнымъ врагомъ христіанъ и всегдашнимъ ожиданіемъ—получить за подвиги свободу и гражданскія права, лишила однако Наполеона права такъ же хвалиться своими побѣдами, какъ онъ это дѣлалъ раньше. Кровопролитная битва при Прейсишъ-Эйлау [2]) была въ сущности пораженіемъ французовъ; Наполеонъ называлъ ее бойней. Только уходъ русскихъ съ полей сраженія далъ ему поводъ приписывать себѣ побѣду. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ завладѣлъ Варшавскими областями, а новая бойня подъ Фридландомъ являлась уже несомнѣннымъ пораженіемъ русскихъ, которые отступили за Нѣманъ, и вся Пруссія оказалась въ рукахъ Наполеона. Русскія войска не были такъ разстроены, какъ рисовалъ это Бенигсенъ; но условія борьбы очень утомили штабъ и офицерство, особенно потому, что она велась въ защиту чужого народа, пруссаковъ: развязка была отложена до народной борьбы 1812 г. Александръ долго колебался, слѣдуетъ ли теперь, послѣ огромныхъ затратъ на войну и возбужденія массъ заключить миръ, но его убѣдили. Побѣжденнымъ приходилось самимъ просить мира. Наполеонъ игралъ роль благороднаго рыцаря и, пренебрегая безземельнымъ королемъ прусскимъ, нашелъ удобнымъ вести переговоры съ повелителемъ восточной имперіи. Первое свиданіе императоровъ произошло при поэтической обстановкѣ, на плоту среди водъ устья Нѣмана; затѣмъ въ Тильзитѣ они бесѣдовали съ глазу на глазъ по цѣлымъ вечерамъ.

Южная фантазія Наполеона рисовала изумительный новый передѣлъ вселенной между властителями и гибель ненавистной ему Англіи. Александръ слушалъ, поражался, но не имѣлъ силъ ни бороться съ этой фантазіей, ни уноситься за нею. Онъ чувствовалъ, что за нею таится не мало дипломатическаго лукавства и хитрилъ самъ среди дружескихъ изліяній. Но за широкими фантазіями Наполеона таилась работа искуснаго дипломата старой королевской Франціи, Талейрана, который записывалъ, что нужно, ловко составляя договорные пункты; а Александръ стоялъ передъ ними одинокъ со своими мечтами школьника, безъ знанія родной страны и ея истинныхъ запросовъ, но рыцарски относился къ словеснымъ обѣщаніямъ. Отказавшись отъ прежнихъ союзниковъ, Россія обязалась вступить въ союзъ съ Франціей и получила Бѣлостокскую область; другихъ польскихъ провинцій Пруссіи Александръ не принялъ; изъ нихъ Наполеонъ создалъ Варшавское герцогство, и отдалъ его саксонскому королю. Въ этихъ земляхъ крестьяне были освобождены; введено было нѣкоторое подобіе французской администраціи. Кромѣ того, Россія при-

[1]) Изъ 31 губерніи набрали 612 тыс. ратниковъ, которые пополняли полки или обращались въ подвижное земское войско. Число повозокъ, воловъ соотвѣтствовало массѣ людей.

[2]) Среди страшной снѣжной мятели русскіе отбили всѣ атаки французовъ, уничтожая цѣлые корпуса. Къ вечеру 30 тыс. тѣлъ лежало въ снѣгу.

соединилась къ *континентальной* системѣ. Чтобы ослабить Англію, побѣждавшую своимъ флотомъ, Наполеонъ заставлялъ своихъ союзниковъ и побѣжденныхъ континента отказаться отъ торговли съ нею, не принимать ея товаровъ даже съ кораблей другого флота; это-то называлось „континентальной системой". Она породила перевороты въ промышленности. Недостатокъ въ тростниковомъ сахарѣ побудилъ фабриковать его изъ свекловицы; кофе стали разводить во французскихъ колоніяхъ [1]). На словахъ Россіи дали много обѣщаній, говорили даже о вознагражденіи ея Придунайскими княжествами.

Статьи Тильзитскаго договора, союзъ со вчерашнимъ врагомъ произвели тяжелое впечатлѣніе въ Россіи. Народъ, уже создавшій легенды о Бонапартѣ-Антихристѣ, не зналъ, что̀ думать, какъ понять дружбу съ нимъ. Недовольная петербургская знать группировалась вокругъ императрицы матери, Маріи Ѳеодоровны, возмущавшейся французскимъ союзомъ. Среди этого ропота Александръ замкнулся въ себѣ и предался работамъ надъ проектами Сперанскаго и докладами Аракчеева, тогда военнаго министра.

Союзъ съ Франціей повлекъ за собой полный разрывъ со Швеціей, разрѣшившійся войной. Но успѣшныя наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ и тутъ вызвали ропотъ, для чего Россіи подавлять слабаго, неопаснаго врага. Русскіе, измученные тяжелыми войнами, видимо дѣлались нервными въ политическихъ вопросахъ. Переходъ Барклай-де-Толли по льду Ботническаго залива на шведскіе берега привелъ къ заключенію Фридрихсгамскаго мира. Россія получила всю Финляндію до р. Торнео. На сеймѣ въ Борго въ 1809 г. императоръ учредилъ конституціонное управленіе въ странѣ подъ своей верховной властью, какъ князя Финляндіи (Выборская губ. было приспособлено къ новому владѣнію государя). Такимъ образомъ Александру въ первый разъ удалось удовлетворить своему постоянному стремленію къ свободнымъ учрежденіямъ и установить ихъ на одномъ клочкѣ своихъ владѣній. Въ Турціи военныя дѣйствія долго тянулись безъ успѣха, пока главнокомандующимъ не былъ назначенъ Кутузовъ. Умный генералъ своей обдуманной медлительностью сумѣлъ заморить голодомъ главную турецкую армію [2]). Свои неблестящіе, но прочные успѣхи онъ заключилъ миромъ въ Бухарестѣ, доставивъ Россіи Бессарабію со многими крѣпостями, двѣ области на Кавказѣ, а Сербіи—внутреннюю самостоятельность.

Россію подавляли условія Тильзитскаго мира. Англія была главной покупщицей русскихъ сырыхъ товаровъ; разрывъ съ нею подрывалъ всю торговлю Россіи и развитіе сельскаго хозяйства. Страдали интересы дворянъ и крестьянъ. торговля Россіи замерла; промышленность упала, государственная казна страдала отъ дефицитовъ. Ассигнаціонный рубль падалъ въ цѣнѣ до 25, даже 20 к. Громадная энергія Сперанскаго едва-едва поправляла дѣла, и то вызывая негодованіе повышеніемъ податей. Подъ давленіемъ общественнаго негодованія правительство было выну-

[1]) Эта фантазія Наполеона показала, что насиліемъ нельзя измѣнить экономическихъ порядковъ: Англія продолжала богатѣть, а континентальная система, разоряя союзниковъ Франціи, возбудила страшную ненависть къ произволу и больше всего способствовала паденію геніальнаго воина.

[2]) Наполеонъ съ увлеченіемъ мастера дѣла бранилъ глупость турокъ.

ждено издать новый тарифъ, допускавшій ввозъ англійскихъ товаровъ на американскихъ судахъ и наложившій большія пошлины на французскіе предметы роскоши, который крайне раздражилъ французовъ и Наполеона. Отношенія между союзниками быстро ухудшались. Уклончивое молчаніе на сватовство Наполеона къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, требованіе Александра, чтобы отнюдь не пытались возстановить Польши, не могли поправить отношеній, усложнявшихся событіями въ Европѣ. Наполеонъ нанесъ нѣсколько пораженій испанцамъ и навязалъ имъ въ короли своего брата Іосифа, а Неаполь отдалъ своему зятю Мюрату. Снова разгромивъ Австрію, онъ заставилъ Александра, какъ союзника, выставить противъ нея корпусъ, который старался не вмѣшиваться въ военныя дѣйствія. Послѣ этого Голландія и все нѣмецкое прибрежье были присоединены къ Франціи; много нѣмецкихъ владѣтелей лишились земель, въ томъ числѣ Ольденбургскіе принцы. Россія по долгу союзника должна была соглашаться на все. Скорый разрывъ былъ очевиденъ; вся Европа ожидала его.

Въ 1811 г. обѣ стороны готовили военныя силы. Наполеону очень хотѣлось, чтобы русскіе сами открыли кампанію наступленіемъ; это было бы очень выгодно для него. Но Александръ твердо велъ дѣло къ тому, чтобы самъ Наполеонъ объявилъ войну; онъ разсчитывалъ побѣдить врага въ Россіи; онъ желалъ, чтобы вся Европа видѣла тираническіе натиски его на чужія владѣнія и убѣдилась бы въ необходимости избавиться отъ его владычества. Дѣло зашло такъ далеко, что Наполеону дѣйствительно пришлось нападать самому. Многіе его маршалы ясно сознавали опасность похода въ глубь далекой, малоизвѣстной страны. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ въ своей разрушительной дѣятельности былъ истиннымъ наслѣдникомъ французской революціи, пошатнувшей всѣ старыя понятія о государственныхъ порядкахъ; всюду, гдѣ проводилъ онъ свои побѣдоносныя войска, онъ вносилъ революціонные перевороты, всюду оставалось вліяніе обновленнаго духомъ народа. Только тамъ, гдѣ сопротивленіе оказывалъ неподготовленный къ политическимъ переворотамъ сельскій людъ, защищавшій свое кровное достояніе и свои простые національные интересы, французская армія лишилась своей увлекательной мощи. Такъ было въ Испаніи и въ горахъ нѣмецкаго Тироля, гдѣ боролась простодушная, чуждая еще революціонныхъ порывовъ масса.

Въ такомъ же положеніи находился и русскій народъ, далекій отъ культурныхъ странъ, обитатель широкихъ пространствъ между Европой и Азіей: первобытный пахарь, на половину закрѣпощенный, среди своего натуральнаго хозяйства, онъ еще не понималъ событій, руководившихъ жизнью западныхъ государствъ, а въ Наполеонѣ видѣлъ только завоевателя, насильника родной земли и готовился къ свирѣпому, безпощадному сопротивленію. Не свои отжившіе порядки отстаивали русскіе: реформъ жаждали, особенно крестьяне; — но не отъ Наполеона ожидали и желали ихъ. Въ патріотическомъ одушевленіи массъ, въ подъемѣ общественнаго мнѣнія сказывалось пробужденіе гражданскаго сознанія. Народъ волновался, готовясь служить родинѣ безъ всякаго призыва правительства.

Наполеонъ двинулъ на Россію до 700 тыс. войскъ, состоявшихъ на

половину изъ армій иностранныхъ союзниковъ. По своему обычаю, онъ требовалъ отъ побѣжденныхъ странъ полнаго содержанія для своихъ полчищъ и на этотъ разъ въ конецъ истощилъ германскія земли, по которымъ шелъ. Къ тому же Австрія и Пруссія обязаны были ввести въ Россію по 20 тыс. вспомогательныхъ войскъ. 12-го іюня 1812 г. эта громада переходила черезъ Нѣманъ. Россія могла въ это время выставить только 210 тыс. Часть ея силъ еще не возвратилась изъ Турціи. Двѣ арміи Багратіона и Барклай-де-Толли (военнаго министра) въ Литвѣ и Волыни закрывали путь внутрь страны; 3-я—Витгенштейна стояла на пути въ С.-Петербургъ. По совѣту новыхъ нѣмецкихъ генераловъ, Александръ разсчитывалъ защищаться въ Западномъ краѣ у укрѣпленныхъ лагерей; но французскія войска шли такъ стремительно, что могли обойти русскихъ съ тыла и прервать сообщенія между небольшими арміями. Пришлось покинуть дорого стоившія укрѣпленія и отступать внутрь страны, какъ это было при Карлѣ XII-мъ.

Едва Александръ выѣхалъ въ Москву изъ Вильно, какъ 16-го іюня Наполеонъ уже вступалъ въ этотъ городъ. Въ Москвѣ государя встрѣтили среди необычайнаго подъема патріотическихъ чувствъ: купечество дало милліоны на военныя нужды, дворяне вооружали ратниковъ; готовились „партіи“ для безпрерывной народной борьбы съ французами. Александръ прекрасно сознавалъ все значеніе происходящаго и объявилъ, что рѣчи о мирѣ не будетъ, пока хоть одинъ непріятель останется въ Россіи. Наполеонъ въ душѣ очень желалъ мира; ему очень скоро выяснились всѣ опасности похода по бѣдной странѣ, среди озлобленнаго, готоваго на всѣ жертвы народа; великая армія таяла отъ тяготы и недостатка провіанта по невозможности во-время подвозить его; когда дошли до Вильны, уже 100 тыс. выбыли изъ строя. Русскіе генералы предвидѣли это и настойчиво избѣгали сраженій, оберегая свои силы. Ихъ планамъ мѣшалъ душевный строй войскъ и самого возбужденнаго патріотизмомъ общества: отступленіе безъ битвъ казалось всѣмъ унизительнымъ. Подъ Смоленскомъ Барклай сдѣлалъ уступку настроенію и позволилъ аріергарду сражаться съ непріятелемъ, пока главныя силы уходили на московскую дорогу. Въ Смоленскѣ Наполеонъ заколебался: въ виду ослабленія великой арміи не перезимовать ли здѣсь, чтобы устроить подвозъ припасовъ и утвердиться въ занятыхъ мѣстахъ, или какъ можно скорѣе идти на Москву и тамъ покончить кампанію? Онъ рѣшился на послѣднее. Теряя не менѣе 3 тыс. человѣкъ въ день, его армія шла впередъ. Такъ какъ русскія войска постоянно получали подкрѣпленія, то силы обѣихъ сторонъ понемногу уравнивались. Успѣхъ русскихъ былъ очевиденъ для знатоковъ дѣла, но непонятенъ массѣ, которая не довѣряла главнокомандующему иностранцу. Повсюду громко роптали на командировъ, особенно на нѣмца Барклая.

Армія, народъ и болѣе интеллигентная часть общества требовали русскаго главнокомандующаго; только русскій генералъ, пользующійся довѣріемъ массы, могъ принять на себя отвѣтственность за подготовлявшіяся событія, за судьбу арміи. Называли старика Кутузова, одного изъ самыхъ любимыхъ сподвижниковъ Суворова. Императоръ не любилъ его; не нравилась ему и смѣлость, съ которой проявлялось общественное мнѣніе; однако онъ вынужденъ былъ уступить ему и назначилъ Куту-

зова главнокомандующимъ. Кутузовъ менѣе всѣхъ былъ способенъ рисковать открытымъ боемъ. Войска продолжали отступать. Только въ 100 верстахъ отъ Москвы нашли сколько-нибудь удобную мѣстность для движенія большой массы войскъ. 26-го августа дали знаменитую битву при Бородинѣ. Страшное сопротивленіе русскихъ въ теченіе цѣлаго дня, причемъ они все-таки были слабѣе силами, нравственно подавляло избалованныхъ славой французовъ. Потерявъ въ этотъ день почти половину войска, Кутузовъ переночевалъ у поля сраженія и отступилъ къ Москвѣ. 1-го сентября въ деревнѣ Филяхъ, подъ стѣнами столицы, военный совѣтъ рѣшилъ, что нѣтъ возможности защищать ее; Кутузовъ приказалъ отступленіе. Русская армія, пройдя по рязанской дорогѣ, повернула на калужскую и остановилась, прикрывая дороги въ южныя губерніи, гдѣ хранились запасы хлѣба.

Наполеонъ вступилъ въ Москву и былъ пораженъ ея пустотой и разореніемъ. Онъ привыкъ въ большихъ городахъ подчинять администрацію и мѣстныя средства служенію своимъ войскамъ и своимъ интересамъ, а здѣсь не за кого было взяться. Мѣсяцъ его пребыванія въ ней совершенно разстроилъ армію. Ожиданія мирныхъ переговоровъ были напрасны; война обращалась въ мучительное томленіе среди дикой, голодной пустыни. Самый городъ горѣлъ со всѣхъ концовъ. Солдаты сами изыскивали провіантъ и поневолѣ обращались въ мародеровъ; дисциплина падала совершенно; армія разсѣивалась. Въ Петербургѣ этого не знали. Сдача Москвы произвела удручающее впечатлѣніе на всѣ слои населенія; среди глубоко мрачнаго настроенія слышались на разные лады крики осужденія. Всѣмъ становилось страшно за исходъ борьбы. Императоръ переживалъ мучительные дни.

Кутузовъ дѣйствовалъ навѣрняка и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы задерживать французовъ въ Москвѣ. Каждый его день выдержки и промедленія стоитъ побѣдоносной битвы, говорили боевые люди. Дворянскіе полки, отряды партизановъ, толпы вооружившихся чѣмъ попало крестьянъ скоплялись вокругъ русской арміи и били отдѣльныя толпы французовъ, искавшихъ спасенія и хлѣба. Около 10 окт. французы выбрались изъ Москвы и пытались пробиться на югъ, въ неразоренныя хлѣбныя области. Несмотря на свое искусство, послѣ ряда небольшихъ битвъ Наполеонъ отступилъ отъ окрѣпшихъ главныхъ силъ и оказался на опустошенной еще лѣтомъ Смоленской дорогѣ. Зима наступила рано и рѣзко. Партизанскіе отряды не давали минуты отдыха французской арміи. Кутузовъ двигался за нею по менѣе разоренной дорогѣ и поддерживалъ дѣятельность отрядовъ. Армія Витгенштейна и вернувшіеся съ Дуная полки подъ начальствомъ Чичагова разбивали отряды великой арміи, зимовавшіе въ западномъ краѣ. У Березины намѣревались окружить толпы бѣгущихъ французовъ. Но Наполеонъ выказалъ во всемъ блескѣ свой геній полководца и сумѣлъ спастись съ 60 тыс. еще хранившаго дисциплину войска, остальное разсѣялось. Съ нѣмецкими войсками у русскихъ произошло какъ бы перемиріе; эти невольные союзники французовъ тихо отступили къ своимъ границамъ.

Русская армія тоже очень пострадала, и до границы Кутузовъ довелъ не болѣе 26 тыс. изъ 100 тыс. стоявшихъ на калужской дорогѣ. Вмѣстѣ съ канцлеромъ Румянцевымъ и многими вліятельными лицами онъ

находилъ, что война покончена, и разоренной Россіи слѣдуетъ позаботиться о себѣ, предоставивъ Европѣ вѣдаться съ Наполеономъ; но Александръ жаждалъ полнаго искорененія неугомоннаго воителя. Патріотическое возбужденіе европейскихъ народовъ льстило ему, какъ побѣдителю, и завлекало его впередъ. Временно приниженные французскими успѣхами народы разгорались патріотическими чувствами, и ударъ, постигшій Наполеона, возбудилъ всѣхъ. Прусскій генералъ Іоркъ съ вспомогательнымъ корпусомъ безъ разрѣшенія короля присоединился къ русскимъ, хотя Кутузовъ провелъ через границу всего 16 тысячъ людей. Рядъ новыхъ усилій, новыхъ жертвъ Россіи долженъ былъ сформировать новые корпуса, привести въ порядокъ разстроенные старые, чтобы какъ можно скорѣй приступить къ громаднымъ походамъ.

Не малую роль сыграла Англія, побуждавшая Россію и Германію покончить съ Наполеономъ. Ея денежныя субсидіи помогали возстановлять и двигать арміи. Александръ распубликовалъ въ Германіи воззваніе къ нѣмецкому народу, которое произвело громадное впечатлѣніе и еще болѣе воспламенило его патріотическое возбужденіе. Австрійскій императоръ, тесть Наполеона, медлилъ, какъ бы неохотно вступалъ въ число союзниковъ, когда къ нему присоединились и шведы. Первые мѣсяцы кампаніи Наполеонъ побѣждалъ своимъ геніемъ и цѣльностью общихъ распоряженій. Лагерь союзниковъ представлялъ соединеніе нѣсколькихъ пышныхъ дворовъ: политическія любезности, дипломатія, обиліе командировъ мѣшали сосредоточенности дѣйствій войскъ. Только понемногу союзники начали усиливаться и поправлять свои дѣла, разбивая отдѣльные корпуса маршаловъ. Самъ Наполеонъ долго былъ еще страшенъ; но неудачи его помощниковъ побудили его пріостановить наступательныя дѣйствія и даже согласиться на кратковременное перемиріе. Впослѣдствіи онъ до послѣднихъ минутъ жизни раскаивался въ этомъ поступкѣ.

Перемиріе помогло союзникамъ обдумать лучшій планъ и сосредоточить свои силы. Въ началѣ октября 1813 г. они соединили громадную армію близъ Лейпцига и дали знаменитую 3-дневную битву, „битву народовъ" (болѣе 400 тыс. собрались на Лейпцигскихъ поляхъ). Превосходныя силы союзниковъ нанесли тяжкое пораженіе французамъ. Наполеонъ началъ отступать. Въ Италіи и Испаніи войска его тоже терпѣли пораженія. Слѣдуя за французами до Рейна, союзники государя пріостановились здѣсь и заговорили о мирѣ, хотя искренно никто еще не желалъ его; каждый стремился выиграть отъ войны что-нибудь для себя; кромѣ того, опасались оставить борьбу въ рукахъ одной Россіи. Въ силу этого Александръ увлекъ союзниковъ во Францію безъ особаго труда. И здѣсь, еще послушные своему генію-повелителю, французы энергично сопротивлялись. Но Европа одолѣла неожиданнымъ для Наполеона походомъ на Парижъ. Думаютъ, что сторонники возстановленія прежнихъ королей подали Александру мысль, въ виду шаткаго настроенія столицы, поскорѣе завладѣть ею, такъ какъ за Парижемъ смирится и Франція. 18-го марта парижане, привыкшіе къ властной распорядительности Наполеона, упали духомъ въ отсутствіи повелителя и сдали столицу. Наполеонъ скрывался въ охотничьемъ замкѣ; тамъ маршалы, находя сопротивленіе безполезнымъ, уговорили его отказаться отъ престола въ пользу сына. Но было уже поздно. Союзники намѣтили возвращеніе Людовика XVIII-го, брата

казненнаго короля. Александръ не сочувствовалъ ему, но въ эту пору онъ весь предался ликованію, что Наполеона не будетъ въ Европѣ. Нельзя сказать того же про его побѣдоносныя войска: русскимъ тяжело дышалось за границей; съ окончаніемъ народной войны прекратилась и національная политика; она растворилась въ новыхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ. Александръ проникся ролью борца за права чужихъ государей и народовъ и создалъ себѣ особую личную политику, независимую отъ интересовъ Россіи. Онъ такъ увлекался преимуществами западной жизни, что сталъ пренебрежительно относится къ своимъ отсталымъ подданнымъ; они терпѣли всякія униженія передъ французами: ихъ муштровали ученьями и смотрами, генераловъ сажали подъ арестъ за пустяки, какъ при Павлѣ I. Выведенный изъ терпѣнія герой 12-го года Ермоловъ напоминалъ, что армія служитъ Россіи, и не для парадовъ пришла въ Парижъ...

Но императоръ настаивалъ на выправкѣ и въ мирное время: „строгость причиной, что наша армія самая храбрая и прекрасная", любилъ онъ говорить. Напоминанія о 12-мъ годѣ стали ему непріятны, потому что національная борьба совершенно заслоняла тогда его личность и его вліяніе.

Послѣ взятія Парижа Александръ почти не жилъ въ своей столицѣ, проводя время въ разъѣздахъ. Едва побывавъ на родинѣ, Александръ отправился въ Вѣну, на конгрессъ, гдѣ должны были установить въ Европѣ границы и даже порядки 1792 г., нарушенные революціей. Какъ главный побѣдитель Наполеона, Александръ черезчуръ горячо вмѣшивался во взаимныя отношенія государствъ, былъ слишкомъ настойчивъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ (на возвращеніи польскихъ провинцій отъ Пруссіи, напр., и вознагражденіи ее на счетъ Саксоніи). Противъ него (Австрія и Англія) заключали тайные договоры, чтобы противодѣйствовать вліянію Россіи въ Европѣ. Только попытка Наполеона снова завладѣть Франціей (100 дней) заставила Австрію примиряться съ вліяніемъ Александра. Русскіе корпуса болѣе двухъ лѣтъ стояли во Франціи, ради охраненія порядка. Конгрессъ возобновился, но закончилъ свои работы среди взаимнаго недовѣрія, недовольства и всяческихъ недоразумѣній. Въ награду за борьбу съ завоевателемъ Россіи уступили Варшаву съ Привислянскимъ краемъ, съ 2 милл. населенія. Австрія и Пруссія за свои бѣдствія были вознаграждены болѣе богатыми землями.

Потрясающія событія отечественной войны, разгромъ Москвы и, какъ бы въ отвѣтъ на это, униженіе Франціи, высылка Наполеона и его смѣлое возвращеніе, временно ослѣпившее всѣхъ, очень потрясли душевный миръ императора Александра. Онъ вдался въ глубокую религіозность, во всемъ видѣлъ вмѣшательство Творца или указаніе свыше; на ряду съ этимъ имъ овладѣвало разочарованіе въ людяхъ, равнодушіе къ обычнымъ земнымъ дѣламъ людей, къ насущнымъ задачамъ и заботамъ. Подъ давленіемъ такого настроенія Александръ удивилъ иностранныхъ друзей предложеніемъ принять участіе въ созданномъ имъ Священномъ Союзѣ. Онъ предлагалъ государямъ подписать грамоту, въ которой говорилось, что всѣ государи, восчувствовавъ внутреннюю потребность подчинить свои дѣйствія закону Спасителя, будутъ впредь руководствоваться заповѣдями любви, правды и мира; будутъ проводить чувства братства среди наро-

довъ; государи суть самодержцы, поставленные Богомъ отечески править подданными и войсками, и сноситься между собой будутъ какъ члены единаго христіанскаго народа... Послѣ перваго впечатлѣнія удивленія государи рѣшили, что такія чувства на практикѣ ни къ чему не обязываютъ; вѣру и нравственность слишкомъ мудрено сочетать съ политикой, войной и всѣми подробностями государственной жизни, а все-таки эти туманныя выраженія до нѣкоторой степени высказываютъ чувства государей, оскорбленныхъ французскимъ переворотомъ, ихъ стремленіе укрѣпить старину и свою власть и побѣдить свободныя вѣянія, порожденныя во Франціи. За исключеніемъ короля Англіи и папы, представители власти подписали грамоту Священнаго Союза. Самый союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей былъ заключенъ нѣсколько позже, во время народныхъ волненій Европы.

Но революціонное броженіе, зародившееся среди народовъ при завоеваніяхъ и реформахъ Наполеона, не могло утихнуть, тѣмъ болѣе, что борьба съ нимъ возбудила повсюду національное сознаніе. Распредѣленіе земель и возстановленіе порядковъ, всѣ постановленія Вѣнскаго конгресса никого не удовлетворили. Католическая Бельгія не мирилась съ подчиненіемъ протестантскому правительству Голландіи. Итальянцы, раздѣленные между французскими и австрійскими принцами, съ грустью вспоминали Мюрата и свободныя учрежденія Наполеоновскихъ временъ и готовились къ борьбѣ съ иноземцами. Въ Германіи, тоже раздѣленной еще между повелителями, зарождалось стремленіе объединиться въ одно цѣлое по праву единой націи; наоборотъ, населеніе Австріи было составлено изъ очень различныхъ народностей: нѣмцевъ, венгровъ, славянъ, румынъ, итальянцевъ; для нея было гибелью развитіе національныхъ чувствъ, и она вся сосредоточилась на подавленіи этихъ движеній, на укрѣпленіи существующихъ властей: этой политикой прославился австрійскій министръ, кн. Меттернихъ. Священный Союзъ радовалъ его, какъ средство связывать порывъ самого русскаго императора, еще проявлявшаго по временамъ склонность къ конституціоннымъ порядкамъ, ненавистнымъ Меттерниху; онъ умѣлъ сваливать отвѣтственность за обузданіе возставшихъ, за реакціонныя, жестокія мѣры на Россію и ея государя.

Безпрестанно то тутъ, то тамъ прорывались народныя движенія; для подавленія ихъ созывались новые конгрессы. Послѣднее десятилѣтіе своего царствованія Александръ провелъ въ разъѣздахъ, подолгу жилъ за границей, постоянно напоминая союзникамъ о Священномъ Союзѣ и во имя его поддерживая права всѣхъ государей. Очень часто мѣстное населеніе мрачно встрѣчало императора, недовольное его вмѣшательствомъ въ жизнь чуждой ему страны: Александръ прекрасно чувствовалъ это и впадалъ въ большую грусть. Особенно тяжело стало его положеніе, когда греки поголовно возстали противъ Турціи, и имъ вторили вспышки балканскихъ славянъ. Меттернихъ опасался пробужденія славянства и убѣдилъ императора считать возстаніе грековъ за проявленіе все того же вреднаго революціоннаго духа. Такая холодность къ страданіямъ грековъ вызвала ропотъ даже въ Россіи, гдѣ увлекались ихъ подвигами и стремились помочь имъ.

XXXVII.

Сословія. Преобразованія центральнаго управленія. Проекты представительства и ихъ судьба. Сперанскій. Государственный совѣтъ. Министерства. Военныя поселенія.

Разработка преобразовательныхъ плановъ правительства Александра I то затихала въ тяжелые годы напряженной военной дѣятельности, то оживлялась въ мирные промежутки. Каждый планъ реформъ испытывалъ мощное задерживающее вліяніе консервативныхъ устоевъ. Однако поворотъ къ новому проявился немедленно. Государь прекратилъ раздачу государственныхъ крестьянъ въ награду за заслуги, и тѣмъ показалъ, что правительство уже не считаетъ людей собственностью даже казны. Большимъ шагомъ къ уравненію правъ сословій являлся весьма важный законъ 1801 года, дававшій всѣмъ свободнымъ людямъ право пріобрѣтать земельную собственность, составлявшее привилегію дворянства. Много говорили про измѣненіе участи крѣпостныхъ въ комитетѣ друзей Александра; было издано запрещеніе продавать крѣпостныхъ по одиночкѣ безъ земли; на практикѣ оно не исполнялось, какъ и указъ Павла о барщинѣ. Условія сельскаго хозяйства, затруднительное положеніе финансовъ, общій строй общества были таковы, что скоро остановили попытки реформъ, и всѣ порывы друзей свелись къ указу о *свободныхъ хлѣбопашцахъ*. Указъ заключалъ только предложеніе помѣщикамъ на опредѣленныхъ условіяхъ отпускать крестьянъ на волю, надѣляя ихъ посредствомъ выкупа участкомъ земли. Но, не говоря уже о нежеланіи разстаться съ даровыми работниками и особенно съ землями самыя условія были такъ дурно выяснены, процедура освобожденія была такъ сложна, что немногіе воспользовались указомъ. Всего 47 тыс. мужскихъ ревизскихъ душъ (не считая ихъ семей), были обращены въ вольные хлѣбопашцы въ теченіе 22 лѣтъ. Указъ былъ важенъ только, какъ торжественное признаніе необходимости раздѣлаться съ закрѣпощеніемъ низшаго класса: отдѣльнымъ личностямъ онъ давалъ право не соглашаться съ большинствомъ и признать преимущества вольнаго труда.

Важно было, что законъ обязывалъ давать увольняемымъ земельный надѣлъ. Правда, это правило имѣло силу только въ многоземельной Россіи. Помѣщики прибалтійскихъ губерній по особому положенію получили разрѣшеніе освободить всѣхъ своихъ крѣпостныхъ безъ земли (въ 1816—1819 гг.). Жалованныя грамоты дворянству и городамъ были возстановлены во всей силѣ.

Свидѣтель хаотическаго состоянія центральнаго управленія при отцѣ и бабкѣ, молодой царь горячо, сразу приступилъ къ реформѣ его. Уже въ 1801 г. учрежденъ *Непремѣнный совѣтъ* изъ 12 членовъ, совѣщательный органъ для подготовленія законопроектовъ и началась организація министерствъ.

Кочубей и Новосильцевъ, поклонники англійскихъ порядковъ, представили свои записки, которыя обсуждались сообща въ дружескомъ комитетѣ. Въ результатѣ, въ концѣ 1802 г. были учреждены 8 министерствъ,

руководимые *единоличною* властью министровъ или ихъ товарищей; друзья считали несомнѣннымъ, что эти власти будутъ отвѣтственны за свои дѣйствія, какъ министры Англіи. Министры обсуждали свои доклады и важнѣйшія дѣла въ своемъ комитетѣ, и только послѣ общаго совѣта представляли ихъ государю. Всѣ они засѣдали въ государственномъ совѣтѣ и должны были подчиняться контролю сената, подавая ему отчеты.

На практикѣ новыя учрежденія все-таки подчинились прежде всего старымъ привычкамъ. Непремѣнный совѣтъ не только не получилъ совѣщательнаго значенія, но влачилъ довольно жалкое существованіе, забываемый даже своимъ предсѣдателемъ-царемъ, который побывалъ въ немъ не болѣе 2—3 разъ. Контроль надъ министрами не состоялся. И воспитанникъ Лагарпа оказался приверженцемъ стараго обычая—управлять посредствомъ личныхъ порученій, отстраняя всѣ предположенія объ отвѣтственной администраціи. Министры сразу начали дѣйствовать совершенно независимо отъ сената, смотря по личному довѣрію государя, часто самостоятельно, помимо комитета, представляя ему свои доклады. Самъ Александръ, вполнѣ довѣряясь военному министру, Аракчееву, приказывалъ считать его указы за высочайшія повелѣнія. Живѣй всего работалъ *комитетъ министровъ*, очень часто посѣщаемый государемъ; въ немъ и сосредоточились всѣ важнѣйшія дѣла, даже тѣ, которыя подлежали вѣдѣнію Совѣта. Когда государь въ 1805 году уѣхалъ на войну, комитетъ правилъ Россіей, по его довѣрію.

На первыхъ порахъ, проповѣдуя силу законности прежде всего, Александръ закрылъ тайную канцелярію, эту грозную полицейскую и судебную инстанцію по политическимъ преступленіямъ; но черезъ 4 года, покидая надолго Россію, онъ основалъ комитетъ для „охраненія спокойствія и тишины гражданъ“ изъ 3 лицъ, во главѣ которыхъ оказался бывшій правитель тайной канцеляріи.

Одновременно съ этими реформами обдумывались конституціонные проекты; государь иногда называлъ себя республиканцемъ въ душѣ. Русское общество съ первыхъ извѣстій о французской революціи живо интересовалось вопросомъ о представительствѣ. Строились разные планы; мечты подогрѣвались толками о томъ, что̀ готовится самимъ государемъ, вызывая негодующіе протесты со стороны многочисленныхъ консерваторовъ. Александръ менѣе всего торопился съ этими проектами. Самъ Лагарпъ совѣтовалъ не спѣшить съ ограниченіемъ своей власти. Среди знати кое-кто охотно желалъ предупредить слишкомъ пылкія мечты очень сдержанными проектами. Такъ членъ совѣта Мордвиновъ представилъ планъ реформы сената въ высшее учрежденіе съ тѣмъ, чтобы дворянство каждой губерніи посылало по 2 сенатора-депутата; другой предлагалъ званіе сенатора сдѣлать наслѣдственнымъ среди знатныхъ семей, какъ въ верхней палатѣ парламента Англіи. Такія мнѣнія не имѣли успѣха. Въ 1803 г. уже началъ выдвигаться талантливый разночинецъ Сперанскій; онъ составилъ записку, доказывающую, что для установленія ограниченнаго монархическаго правленія необходимо организовать отвѣтственность административныхъ властей. Записка заинтересовала государя, и Сперанскій получилъ приказаніе составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи; но скоро внѣшняя политика овладѣла вниманіемъ правителя.

Военныя неудачи 1805—1807 годовъ, въ свою очередь, охладили Александра и къ войнѣ, разочаровали въ собственныхъ способностяхъ, какъ главнокомандующаго, и онъ съ новымъ рвенiемъ принялся за проекты реформъ. Къ нему стали особенно близки два лица—Сперанскiй и Аракчеевъ. Необыкновенно даровитый ученикъ Александро-Невской духовной академiи, Сперанскiй служилъ секретаремъ у генералъ-прокуроровъ Павла I и своимъ яснымъ умомъ, блестящимъ изложенiемъ мыслей умѣлъ быть необходимымъ каждому начальнику. Позже, съ 1802 г., онъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Его доклады интересовали государя. Познакомившись лично со Сперанскимъ въ 1807 г., Александръ уже не отпускалъ его отъ себя, возилъ съ собою за границу, когда ѣздилъ туда для свиданiй съ Наполеономъ. Сперанскiй очень увлекался тогда французскимъ административнымъ строемъ съ его централизацiей, т.-е. съ полнымъ подчиненiемъ областей высшимъ государственнымъ учрежденiямъ, и сводомъ законовъ Наполеона, не признававшимъ сословныхъ привилегiй. Цѣлые вечера проводилъ Александръ I со своимъ секретаремъ въ чтенiи трудовъ по политическимъ вопросамъ и въ подготовительныхъ работахъ для намѣченныхъ коренныхъ преобразованiй. Попрежнему Александръ I увлекался талантливыми проектами, но былъ все такъ же остороженъ и недовѣрчивъ, медлилъ, откладывая, не высказываясь окончательно. Сперанскiй, примѣняясь къ государю, измѣнялъ проекты, растягивалъ на многiе годы введенiе главныхъ мѣръ, но колебанiя, сомнѣнiя продолжались.

А между тѣмъ положенiе было таково, что глава правительства долженъ былъ рѣшиться на важныя реформы. Всѣ слои общества проявляли мрачное недовольство: отъ Александра ждали очень многаго—широкой дѣятельности, быстраго улучшенiя экономическихъ и административныхъ порядковъ. Вмѣсто этого испытывали послѣдствiя несчастныхъ войнъ, разорительные результаты унизительнаго мира съ Наполеономъ и его континентальной системы. Самолюбивый авторъ Тильзитскаго мира замыкался одиноко въ своемъ дворцѣ съ глазу на глазъ съ необходимыми ему довѣренными лицами. Между нимъ и русскимъ обществомъ, даже дѣйствующей администрацiей порывались связи; чувствовалась пустота, которую необходимо было заполнить, иначе государь оказывался одинъ нравственно отвѣтственнымъ передъ народомъ лицомъ и за сложившееся невыносимое политическое состоянiе, и за всѣ его грандiозныя послѣдствiя, которыя уже предчувствовались. Александръ самъ возбуждалъ политическое сознанiе своихъ подданныхъ и тѣмъ обязывался создать нѣчто яркое, новое, что̀ связывало его, главу государства, съ жизнью и дѣятельностью населенiя. Но какъ это сдѣлать?—Самодержецъ въ душѣ, по воспитанiю—ученикъ республиканца, Александръ терялся въ противорѣчивыхъ тенденцiяхъ своей двойственной личности.

Нуженъ былъ близкiй человѣкъ, который бы съумѣлъ разобраться въ мысляхъ государя и хорошо изложить ихъ. Ради этого былъ приближенъ и возвышенъ Сперанскiй, получившiй званiе статсъ-секретаря. Близость къ государю тотчасъ же сдѣлала его самымъ могущественнымъ лицомъ высшей администрацiи и вмѣстѣ самымъ отвѣтственнымъ передъ общественнымъ мнѣнiемъ. Дѣла всѣхъ министерствъ по гражданскому вѣдомству, даже до самаго отвѣтственнаго—финансовъ, подчинялись его влiянiю.

Въ 1810 г. было получено 125 мил. руб. асс. дохода, а расходъ составлялъ 230 мил., при 577 мил. долга. Передъ назначеніемъ гр. Гурьева никто не принималъ несчастнаго министерства финансовъ. Плохое положеніе финансовъ, наслѣдованное отъ XVIII в., послѣ Тильзитскаго мира 1807 г. значительно ухудшилось. Громадная масса упавшихъ въ цѣнѣ ассигнацій ходила по рукамъ; долгъ за границу становился непомѣрно великъ; а доходы казны все уменьшались; ежегодно до 66 мил. не доставало на расходы. Сперанскій рѣшилъ прежде всего сократить выпускъ ассигнацій, а на 1810 г., когда бумажный рубль упалъ въ цѣнѣ до 19 к. метал., выпускъ совсѣмъ прекратили; 3 руб. ассигнаціи постановили считать за 1 р. сер. и копить капиталъ для выкупа бумажныхъ знаковъ. Ради пополненія казны повысили подушные до 2-хъ рублей, а оброки съ казенныхъ крестьянъ до 3 р. съ души, что думали сдѣлать всего на одинъ годъ; но въ виду войны не удалось понизить платежи, напротивъ— въ 1812 г. они еще были повышены (подати платились на ассигнаціи). Были прекращены всѣ казенныя сооруженія ради экономіи. Чтобы вывести Россію изъ тяжелаго промышленнаго кризиса, измѣнили тарифъ, повысивъ пошлины на многіе предметы.

Желая сосредоточить дѣла въ твердыхъ рукахъ среди правительственныхъ вѣдомствъ. Сперанскій особыми мѣрами позаботился объ улучшеніи состава чиновниковъ. Отмѣнялись льготы, которыя имѣли придворныя чины, когда переходили на гражданскую службу; запрещено было давать чинъ коллежскаго асессора чиновникамъ, даже заслуженнымъ, если у нихъ нѣтъ университетскаго свидѣтельства, что сдѣлалось понудительнымъ толчкомъ къ правильному прохожденію курса ученья. Ради подготовленія къ государственной службѣ, Сперанскій проектировалъ открыть особыя училища—лицеи.

Одновременно съ этими мѣрами Сперанскій обрабатывалъ планъ полнаго преобразованія государственнаго устройства. Доказывая въ объяснительной запискѣ его необходимость, Сперанскій утверждалъ, что во всѣ времена образъ правленія въ странѣ долженъ соотвѣтствовать степени гражданскаго образованія и потребностямъ ея населенія, отнюдь не отставая отъ нихъ; онъ приводилъ рядъ примѣровъ, какъ обновлялся государственный строй въ европейскихъ земляхъ и въ Америкѣ. Всегда правленіе должно приспособляться къ состоянію народа, а не народъ къ правленію. Сперанскій высказывалъ удивленіе, какъ можно стремиться къ развитію наукъ, торговли и промышленности и въ то же время не признавать, что этимъ измѣняется состояніе народа,—желать, чтобы разумъ освобождался и развивался, а волю людей держать въ цѣпяхъ. Когда народъ обогащается, онъ непремѣнно желаетъ пользоваться лучшимъ плодомъ своего обогащенія—свободой. По предлагаемому имъ проекту, всѣ сословія въ Россіи должны быть свободны и принимать участіе въ законодательствѣ, судѣ и управленіи страной. Жители каждой волости, имѣвшіе собственность, дворяне, купцы, мѣщане и государственные крестьяне, выбираютъ своихъ представителей, по одному — съ 500 чел., въ волостную думу. Эта дума посылаетъ своихъ представителей въ окружную думу (въ каждой губерніи отъ 2 до 5 округовъ); послѣдняя поставляетъ депутатовъ въ думу губернскую, а отсюда уже посылаются депутаты въ государственную думу. Эта дума разсматриваетъ проекты законовъ, на-

логовъ, принимаетъ отчеты министровъ. Рядомъ съ думами въ областяхъ дѣйствуютъ суды изъ выборныхъ членовъ при участіи присяжныхъ засѣдателей. Сенатъ, какъ верховный судъ, и государственный совѣтъ, разрабатывающій проекты законовъ, отчасти реформируются, но сохраняютъ свое значеніе, по плану Сперанскаго. Такимъ образомъ по довольно неясному (по необходимости) плану представительство опиралось, на права ценза при многостепенныхъ выборахъ. Высшая и губернская администрація могла легко взять ихъ въ опеку. Про отмѣну крѣпостного права Сперанскій умалчиваетъ, вѣроятно, чтобы не вызывать отпора реформамъ въ средѣ дворянства; но по проекту низшее сословіе—крѣпостные крестьяне и дворовые, ремесленники, работники должны получить *гражданскія* права, но не политическія, связанныя съ цензомъ.

Работая очень быстро, Сперанскій постоянно совѣщался съ государемъ и дѣлалъ все возможное, чтобы поддерживать въ немъ интересъ къ реформамъ. Однако, съ окончаніемъ работы исчезла рѣшимость Александра I привести задуманное въ исполненіе. Тогда Сперанскій попытался начать дѣло съ необходимаго усовершенствованія министерствъ и государственнаго совѣта, которые слишкомъ поспѣшно учреждались въ началѣ царствованія. Проектъ о государтванныхъ реформахъ хранился въ глубокой тайнѣ между авторомъ и государемъ. Въ публикѣ, однако, о тайныхъ работахъ знали, всѣ говорили о нихъ, строя догадки и собственные планы. Защитники старины волновались и негодовали на Сперанскаго, да и *либералы*, первые въ Россіи, не могли быть довольны, видя въ таинственности проявленіе деспотизма. Реформаторы, очевидно, не желали считаться съ тѣми учрежденіями, которыя признавались необходимыми для правильной законодательной дѣятельности: ни непремѣнный совѣтъ, ни даже комитетъ министровъ не вѣдали проектовъ Сперанскаго; одно Высочайшее повелѣніе могло провести ихъ въ жизнь. Отчасти понятно, что государь не могъ взять на свою единоличную отвѣтственность такого рѣшительнаго шага.

Александръ нашелъ полезнымъ начать реформы съ государственнаго совѣта и министерствъ. По выработаннымъ планамъ, совѣтъ имѣлъ законодательное значеніе; въ его составъ входили 4 департамента, гдѣ разрабатывались очередные вопросы и готовились законодательные проекты. По этому плану министры имѣли очень большую власть, но предполагалась опять-таки ихъ отвѣтственность передъ государственной думой, верховнымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ выборныхъ депутатовъ. Сперанскій, теперь первый государственный секретарь, подготовляя открытіе государственнаго совѣта, разсчитывалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приступитъ къ организаціи выборныхъ учрежденій. Онъ обдумывалъ манифестъ, которымъ 1-го мая 1810 г. назначались выборы депутатовъ въ думы, чтобы 1-го сентября открыть государственную думу.

Въ январѣ 1810 г. Александръ I открылъ новый государственный совѣтъ замѣчательной политической рѣчью, которой никогда не слыхивали въ Россіи отъ представителя верховной власти; въ ней онъ намекалъ на широкія политическія преобразованія, ожидающія страну. Рѣчь оставила потрясающее впечатлѣніе; но самыя преобразованія ограничились болѣе правильной организаціей министерствъ, посредствомъ изданнаго для этого „Общаго учрежденія". Манифесты остались проектами;

никакихъ депутатовъ не созывали; одинъ изъ самыхъ выдающихся консерваторовъ историкъ Карамзинъ въ 1811 г. представилъ государю записку „о древней и новой Россіи“; какъ въ своей исторіи онъ видѣлъ самодержавныхъ правителей въ удѣльныхъ князьяхъ, такъ и здѣсь онъ проводилъ взглядъ, что неограниченная власть монарха основывается на свойствахъ всей прошлой народной жизни, выросла изъ ея основныхъ началъ, и потому самъ государь не имѣетъ права ограничить свою власть. Записка произвела довольно сильное впечатлѣніе. Конституціонные планы отложили на будущее, а государственный совѣтъ и министры оказались съ иными правами, чѣмъ предполагалъ ихъ организаторъ.

Сперанскій своимъ точнымъ умомъ прекрасно распредѣлилъ дѣла по департаментамъ государственнаго совѣта и между министерствами, строго разграничивая ихъ движеніе между инстанціями. Государственный совѣтъ въ основѣ и теперь дѣйствуетъ по тому же плану, какъ былъ устроенъ при Александрѣ I. Слѣдуетъ отмѣтить, что первое время записывалось и докладывалось государю одно мнѣніе большинства членовъ совѣта; вскорѣ послѣ удаленія Сперанскаго рѣшили представлять всѣ опредѣлившіяся мнѣнія; и государь получилъ возможность соглашаться и съ мнѣніемъ меньшинства, какъ это сохранилось до сихъ поръ. Отвѣтственность министровъ не состоялась, какъ это заранѣе предсказывали охранители старины. Стройная система централизація всѣхъ дѣлъ въ кругу столичныхъ учрежденій, сложность дѣлопроизводства, когда все рѣшалось посредствомъ предписаній высшаго чина низшимъ, а отъ нихъ еще болѣе мелкимъ, потребовали цѣлую армію опытныхъ живущихъ службой чиновниковъ; созиданію бюрократіи, какъ называютъ эту армію на западѣ, очень помогли мѣры Сперанскаго. Бюрократія была очень сильна и во Франціи, но въ Россіи она развилась еще болѣе самостоятельной и властной. Такимъ образомъ, то немногое, что нашли нужнымъ провести въ жизнь изъ проектовъ великаго человѣка, оторванное отъ глубоко продуманной имъ системы, дало неожиданные результаты—усилило верховную власть и значеніе необходимой для нея бюрократію.

Самого реформатора постигъ неожиданный ударъ. Его исключительное положеніе, возвышеніе выскочки, поповича давно стало предметомъ жгучей зависти среди высшихъ круговъ, его планы политическихъ преобразованій возбуждали недовольство консервативнаго большинства въ обществѣ. Дворянство и заслуженное чиновничество негодовали на тѣ мѣры, которыми стѣснялось полученіе высшихъ чиновъ; низшіе классы роптали на возвышеніе податей, считая виновникомъ Сперанскаго. Всѣ устали волноваться въ ожиданіи чего-то великаго, благодѣтельнаго для всѣхъ безъ исключеній, и искали виновныхъ въ своихъ разочарованіяхъ. Къ тому же приближеніе великой народной войны очень возбуждало умы. Преклоненіе Сперанскаго передъ французскимъ законодательствомъ оказалось предлогомъ для дикаго обвиненія его въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ. На императора, уже поколебленнаго запиской Карамзина, повліяли, нашептавъ ему неосторожное сужденіе любимца о свойствѣ характера его, государя. А главное, — положеніе измѣнилось: кое-какія реформы сдѣланы, требовались новые военные подвиги. Александру, не любившему вообще подчиняться явнымъ вліяніямъ, отвѣтственный, талантливый, уже не личный, а государственный секретарь сталъ не-

нуженъ. Весною 1812 г., ссылаясь на необходимую уступку общественному настроенію, Александръ удалилъ ближайшаго помощника въ ссылку, наказавъ его лишеніемъ знаковъ отличій. Только въ 1816 г. немилость была снята.

Несмотря на реакціонную политику второй половины царствованія, Александръ продолжалъ питать прежнія чувства къ свободнымъ общественнымъ учрежденіямъ и проводилъ ихъ на практикѣ тамъ, гдѣ легко проявлялась его единоличная воля. Пріобрѣтеніе земель на западныхъ окраинахъ съ довольно культурныхъ населеніемъ дало ему возможность связать ихъ съ Россіей своею личностью, какъ монарха и дать имъ представительство.

Сперанскій помогъ организовать строй Финляндіи, какъ великаго княжества. Въ 1816 г. Александръ объявилъ себя конституціоннымъ государемъ царства Польскаго, ограниченнаго предѣлами Привислянскаго края, и вскорѣ открылъ его сеймъ рѣчью, изъ которой заключали, что и Россію ожидаютъ реформы. Отстранивъ затѣмъ работу Сперанскаго, Александръ поручилъ старому другу Новосильцеву составить проектъ подобныхъ же учрежденій для Россіи, а грозному Аракчееву — планъ освобожденія крѣпостныхъ въ Россіи (крестьяне Привислянской Польши были освобождены еще Наполеономъ, и тоже безъ земли).

Новосильцевъ, долго жившій въ Польшѣ, заготовилъ „Уставную грамоту", многимъ напоминавшую польскую хартію; въ ней упоминаются гарантіи свободы личности и печати, о которыхъ Сперанскій не счелъ возможнымъ говорить въ своемъ проектѣ, вѣроятно потому, что объ этомъ мудрено говорить серьезно при крѣпостномъ правѣ. Составилъ и Аракчеевъ весьма любопытный проектъ освобожденія крестьянъ, не затрагивая матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ, какъ требовалъ государь. Онъ предлагалъ постепенный выкупъ казной помѣщичьихъ крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ 2-мя дес. земли. На это казна должна ассигновать не менѣе 5 милліон. ежегодно. Здѣсь впервые указанъ тотъ путь разрѣшенія вопроса, на который вступило правительство Александра II-го, рѣшившись на сложную выкупную операцію, чтобы не совершить отчужденія. Говорятъ, этотъ проектъ понравился государю. Но постоянныя хлопоты съ народными волненіями въ Европѣ и страхъ видѣть такія же движенія среди народовъ Россіи (въ 1820 г. произошелъ бунтъ солдатъ Семеновскаго полка) остановили всѣ реформаторскія начинанія.

Одновременно съ благими желаніями многія тысячи государственныхъ крестьянъ были лишены прежней свободы зачисленіемъ въ „военные поселенцы". Нужно замѣтить, что еще послѣ военныхъ подвиговъ Фридриха Великаго Прусскаго среди европейскихъ государей проявилось увлеченіе военнымъ дѣломъ, обученіемъ войскъ, ихъ усиленной подготовкой къ войнѣ среди мирнаго времени. Примѣромъ тому былъ императоръ Павелъ I. Въ Наполеоновскую эпоху это увлеченіе разгоралось и захватывало само общество. Александръ I всегда предавался ему, а послѣ 1815 г. занятія арміей, доходившія до мелочности по части фронта и шагистики, поглощали все его вниманіе во время пребыванія въ Россіи. Реформа военной службы въ Пруссіи, давшая возможность быстро вдвое и втрое увеличивать армію подготовленнымъ ополченіемъ, навела императора на мысль удешевить содержаніе своихъ войскъ и

вмѣстѣ подготовить лишнихъ солдатъ. Полки начали разселять по казеннымъ селамъ, крестьяне которыхъ смѣшивались съ солдатами; всѣ вмѣстѣ подчинялись казарменной дисциплинѣ даже среди сельскихъ работъ, которыми содержали себя. Поселенцы не платили податей, не несли никакихъ повинностей, но зато готовили въ солдаты дѣтей своихъ, кормили солдатъ и сами справляли полковую службу среди работъ по сельскому хозяйству. Солдатскіе дѣти — мальчики, давно уже называвшіеся кантонистами, состояли какъ бы крѣпостными военнаго вѣдомства, подвергались до жестокости строгому воспитанію въ казенныхъ школахъ; они становились солдатами и со всѣмъ потомствомъ принадлежали къ военному сословію. Современники Александра I много возражали противъ этой мѣры; даже Аракчеевъ устраивалъ военныя поселенія нехотя, только въ угоду государю. И дѣйствительно, хотя 36 полковъ перевели такимъ образомъ въ среду пахарей, армія и казна отъ этого ничего не выиграли, а тяготы было много при постоянныхъ волненіяхъ недовольныхъ поселянъ, которые обращались въ своего рода крѣпостныхъ военнаго министерства. Военныя поселенія устраивались помимо государственнаго совѣта, волею государя и распоряженіемъ Аракчеева. Въ законодательствѣ о нихъ не сохранилось ни одной статьи. Кресгьяне посылали жалобы на свое невыносимое положеніе, происходили бунты поселянъ, но Аракчеевъ очень ловко устранялъ отъ государя тяжелыя вѣсти, и Александръ считалъ свои поселенія благодѣяніемъ, избавлявшимъ крестьянъ отъ податей, наборовъ и др. повинностей.

XXXVIII.

Просвѣщеніе и школы въ началѣ XIX в. Общественное движеніе. Декабристы.

Въ Александровскую эпоху дѣло просвѣщенія значительно подвинулось впередъ; среди общества появилось больше интереса къ знанію. Учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія хорошо повліяло на развитіе учебнаго дѣла. Прежде учебная часть долго велась когда и кѣмъ придется; только теперь она прочно и опредѣленно обратилась въ особую область государственной дѣятельности. Въ 1804 году правленіе училищъ съ помощью харьковскаго дѣятеля, Каразина, составило новый университетскій уставъ по германскимъ образцамъ, дававшій русскимъ университетамъ права самоуправляющейся общины, съ выборнымъ ректоромъ, профессорами и т. д. Дворянство согласилось дать средства на харьковскій университетъ обычнымъ способомъ—сборомъ съ дворянъ по числу крѣпостныхъ душъ. Въ эту же пору были открыты университеты Казанскій, Дерптскій и переформированъ Виленскій. Значительно позже, въ 1819 г., образовался С.-Петербургскій университетъ изъ Главнаго Педагогическаго института. Вся Россія была раздѣлена на учебные округа съ попечителями во главѣ; послѣдніе наблюдали за всѣми учебными заведеніями округа до низшихъ включительно; имъ помогали профессора университета, такъ что высшія школы становились своего рода центрами учебной администраціи и разсадниками учителей. Самоуправленіе опять-

таки не привилось къ жизни университетовъ. Полный недостатокъ въ русскихъ профессорахъ побудилъ выписывать иностранцевъ, которые часто своеобразно и произвольно относились къ своему положенію; одни слишкомъ твердо для Россіи стояли на своихъ правахъ, и за подобныя напоминанія объ уставахъ профессора получали выговоры отъ попечителей, губернаторовъ и др. начальствъ, отставлялись отъ службы, если сами не уѣзжали: другіе иностранцы, напротивъ, преслѣдовали однѣ личныя выгоды, прислуживались начальству и унижали самоуправленіе. Самое сближеніе университета съ учебной администраціей уже вредило его самостоятельности.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ было постановлено открыть по одной гимназіи изъ 4-хъ классовъ. Въ нихъ вовсе не занимались Закономъ Божіимъ и русскимъ языкомъ; этимъ предметамъ полагалось обучать въ школахъ низшихъ, элементарныхъ; въ гимназіи преподавали науки изъ области университетскихъ, естественное право, политическую экономію и нѣкоторые техническіе предметы (коммерцію, технологію) и др. Тогда въ теоріи казалось вполнѣ естественнымъ, что многіе удовлетворятся гимназическимъ образованіемъ и на томъ покончатъ курсъ ученія, поэтому гимназическимъ программамъ хотѣли придать серьезный и законченный характеръ,

Во всѣхъ городахъ, уѣздныхъ и губернскихъ, открывали уѣздныя училища вмѣсто екатерининскихъ главныхъ народныхъ; они состояли изъ 2-хъ классовъ съ преподаваніемъ Закона Божія, русской грамматики, ариѳметики, начальной физики, исторіи, географіи, геометріи. Наконецъ, начальную школу представляли одноклассныя приходскія училища. Ихъ очень желали распространить и по деревнямъ подъ наблюденіемъ помѣщиковъ, священниковъ и почетныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ началѣ XIX в. екатерининскую народную школу разбили на три, растянувъ обученіе на 8 лѣтъ по меньшей мѣрѣ; каждая изъ нихъ служила приготовительной ступенью къ слѣдующей, но представляла и сама по себѣ нѣчто цѣльное. Очень стройная по плану, система сразу показала свою непригодность на практикѣ: программа гимназій оказалась не подъ силу серьезной для русскаго юношества и требовала хорошо подготовленныхъ учителей. Пришлось подготовку ихъ возложить на университеты. Дѣти горожанъ не кончали и уѣздныхъ училищъ; родители находили предметы старшаго класса излишними въ своемъ быту; а дворяне отнеслись неблагосклонно къ этимъ слишкомъ народнымъ заведеніямъ, предпочитая имъ частные пансіоны, особенно французскіе, гдѣ учили иностраннымъ языкамъ, танцамъ, хорошимъ манерамъ. Каждое сословіе имѣло свои требованія, а казенная система мало считалась съ ними. Къ тому же гимназія со своими науками не готовила и къ университету, гдѣ по большей части читали лекціи на латинскомъ языкѣ или на иностранныхъ. Профессорамъ подолгу приходилось самимъ подготовлять своихъ слушателей, и только съ весьма немногими, знающими древніе языки, они устанавливали нѣкоторое подобіе университетскихъ курсовъ. Провинціальные университеты первые годы своего существованія были очень малолюдны; одинъ московскій, самый старый, лучше поставленный, развивался быстрѣй и имѣлъ до 400 студентовъ.

Приходскія школы существовали исключительно на средства самихъ

жителей, поэтому открывались только въ городахъ; въ деревнѣ никто не интересовался ихъ существованіемъ, начиная съ помѣщиковъ; ни одно мѣстное вѣдомство не заботилось объ нихъ, и народъ по старинному учился грамотѣ, кто какъ хотѣлъ, своими домашними способами.

Въ 1809 г. Сперанскій установилъ требованіе, чтобы чиновники ради полученія высшихъ чиновъ экзаменовались при университетѣ: это поневолѣ дало толчекъ честолюбивому дворянству, и стало привлекать къ университетамъ. Тогда оторванность отъ нихъ гимназій сдѣлалась особенно очевидной. Въ 1811-мъ году попечитель Петербургскаго округа, Уваровъ, предложилъ поставить гимназіямъ иную цѣль, болѣе практичную—готовить учащихся къ университетскимъ курсамъ, и имѣлъ успѣхъ: гимназію сдѣлали 7-ми классной, ввели преподаваніе Закона Божія, русскаго языка, латинскаго и отчасти греческаго, устранили большинство университетскихъ предметовъ. Получивъ практическое служебное значеніе, гимназія оживилась и вышла на свою дорогу. Уваровской гимназіей заложенъ первый камень классической системѣ образованія, хотя въ то время мало задавались вопросами о системахъ, а думали только о практическомъ соединеніи интересовъ службы съ потребностями въ образованіи. Въ это время университеты уже потеряли всѣ признаки корпоративныхъ правъ; иностранцы поразъѣхались; ихъ замѣняли русскими профессорами, кончившими курсъ за границей. Къ 20-мъ годамъ гимназіи начали поставлять студентовъ, когда надъ университетами разразилась бѣда.

Рядомъ съ основной учебной системой росли и другія образовательныя учрежденія: по большимъ городамъ основывались кадетскіе корпуса. Лицеи, по мысли Сперанскаго, должны были быть тѣми законченными учебными заведеніями съ высшими науками, которыя готовятъ спеціально къ государственной службѣ. Такихъ лицеевъ учредили три. Женскія учебныя заведенія были выдѣлены въ особое вѣдомство подъ надзоромъ императрицы-матери, Маріи Ѳеодоровны, и, по-своему, развивались довольно быстро. Не говоря уже о столичныхъ заведеніяхъ, институтахъ Маріинскомъ, Павловскомъ, ордена св. Екатерины и др., по иниціативѣ дворянства, начали возникать институты въ губернскихъ городахъ. Бѣдствія и разоренія 1812 г. подняли патріотическое настроеніе и побудили сообща улучшить положеніе пострадавшихъ: открылись дома трудолюбія для бѣдныхъ съ преподаваніемъ элементарнаго курса грамоты; устроилось Патріотическое дамское общество; оно учредило институты для дочерей пострадавшихъ военныхъ людей и школы для бѣдныхъ. Императрица находила, что науки не должны занимать много мѣста въ женской жизни; на первый планъ она ставила благовоспитанность, хозяйственность—добродѣтели, необходимыя добрымъ супругамъ и матерямъ. Если имѣть въ виду, что болѣе широкіе взгляды Екатерины въ свое время не были выполнены на практикѣ, то въ данное время женщины немного потеряли при ея женственной преемницѣ. Вообще отношенія къ образованію стали опредѣленнѣй, запросы яснѣй, хотя попрежнему школьное дѣло строилось заново, такъ незначительно было наслѣдство прошлаго. Увеличивалось число книгъ научнаго содержанія; возникли ученые общества и кружки. Широкая публика особенно интересовалась политической экономіей и сельскохозяйственными знаніями.

Едва зародившееся при Екатеринѣ II общественное мнѣніе въ на-

чалѣ XIX в. настолько развилось, приняло такой характеръ, что уже можно говорить объ общественномъ и умственномъ движенiи эпохи Александра I. Правда, образованный кругъ былъ очень малочисленъ, но взгляды его представителей сдѣлались гораздо шире и глубже; они дѣлили людей на обособленныя группы, что особенно замѣтно отражалось среди журналовъ. Послѣднiе уже не задавались цѣлью развлекать публику, а говорили дѣловымъ тономъ о серьезныхъ вопросахъ, сообщали свѣдѣнiя о политической и общественной жизни за границей и дома, печатали даже ученыя статьи. Кругъ читателей ихъ очень расширился. Бывшiй сотрудникъ Новикова Карамзинъ, будущiй историкъ, своимъ „Вѣстникомъ Европы" положилъ начало серьезному направленiю журналовъ. Глубокiй цѣнитель науки и просвѣщенiя, Карамзинъ явился въ Россiи первымъ образованнымъ консерваторомъ, который объяснялъ необходимость и пользу существующихъ порядковъ ихъ связью съ историческимъ прошлымъ русскаго народа. Его „Вѣстникъ"—первый примѣръ журнала, служащаго выраженiемъ общественныхъ убѣжденiй группы лицъ. Какъ и во всей Европѣ, наполеоновскiя войны пробудили въ русскихъ нацiональныя чувства, подъ влiянiемъ которыхъ развивались до крайностей нѣкоторыя мнѣнiя Новиковскаго кружка о вредѣ поверхностныхъ заимствованiй отъ иностранцевъ. Проповѣдью такихъ мнѣнiй занимались журналы „Русскiй Вѣстникъ" и „Сынъ Отечества", которые осуждали западноевропейскiя вѣянiя и преклонялись передъ русскими народными началами. Писатели „Русской Бесѣды", держась того же направленiя, шли еще дальше въ отстаиванiи старины, признавали истинными поэтами только Ломоносова и Державина, ненавидѣли Карамзина за его уваженiе къ западной наукѣ, особенно за его реформу въ языкѣ. Къ нимъ отчасти примыкалъ знаменитый Крыловъ, славившiй въ басняхъ здравый смыслъ простого люда и совѣтовавшiй не торопиться съ распространенiемъ образованiя.

Увлеченiе политическими вопросами, охватившее тогда всю Европу, сказалось въ Россiи съ самаго воцаренiя Александра I. Начиная съ друзей императора до членовъ столичныхъ клубовъ, толковали, кто какъ умѣлъ, объ англiйскомъ парламентѣ, объ экономической жизни народовъ, о судахъ и правахъ законодателей. Постоянное ожиданiе предполагавшихся реформъ, въ которомъ держалось общество, уже одно возбуждало и настраивало умы. Всѣ мыслящiе люди, а за ними толпы подражателей—одни къ чему-то готовились, другiе раздражались заранѣе, отвергая пользу реформъ. Послѣ гоненiй Павла I возобновили свою дѣятельность масонскiя ложи, измѣнившiя однако прежнему исключительно религiозно-нравственному направленiю; проникались и онѣ интересами гражданской жизни. Масонскiя ученiя были тѣ же, но общество стало уже иное, и новые члены невольно вносили въ свои кружки то, что особенно увлекало ихъ. Общественные интересы становились разнообразнѣе, особенно послѣ 1812 г., когда патрiотическое возбужденiе очень повысило сознанiе русскихъ и оживило умственную дѣятельность. Два англичанина квакера, заѣхавшiе въ Россiю изучать русскiя секты, заинтересовали Александра I своими толкованiями Священнаго писанiя. Подъ ихъ влiянiемъ быстро создалось русское библейское общество, какъ отголосокъ таковыхъ на западѣ. Въ короткое время оно распространило огромное коли-

чество евангелій на русскомъ и инородческихъ языкахъ. Но этотъ успѣхъ коренился вовсе не въ подъемѣ религіознаго духа, а въ могуществѣ бюрократіи; желая угодить религіозно-настроенному императору, начальники губерній, полицеймейстеры, исправники, всѣ старались изо всѣхъ силъ распространять изданія библейскаго общества, и ихъ предписаніями достигался чисто внѣшній показной успѣхъ. Общество сильно повліяло, однако, на укрѣпленіе сектантскихъ вѣроученій, видѣвшихъ себѣ поддержку въ его дѣятельности.

Въ нѣкоторой связи съ дѣятельностью этого общества распространился интересъ къ новому, возникшему въ Англіи методу взаимнаго обученія грамотѣ (ланкастерскому). Особый комитетъ старался ввести этотъ методъ въ войскахъ, ради скорѣйшаго обученія солдатъ. Мечтали о введеніи его въ деревняхъ среди крестьянъ; но рознь между сословіями явилась непреодолимымъ препятствіемъ; только лучшіе представители образованной военной молодежи сумѣли съ твердостью убѣжденія и преданностью дѣлу провести на практикѣ этотъ методъ обученія.

Съ освободительными вѣяніями воцаренія Александра I преслѣдованія сектантовъ ослабѣли, а съ пріѣздомъ квакеровъ-англичанъ и основаніемъ библейскаго общества сектанты окрѣпли духомъ; они приняли участіе въ обществѣ и видѣли въ немъ нѣчто ободряющее и близкое своему сердцу; для нихъ наступилъ періодъ процвѣтанія. Синодъ и духовенство были очень недовольны вліяніемъ библейскаго общества, которое обходило дѣятельность государственной церкви. Они знали, какъ въ Англіи распространялось мнѣніе, что это общество поможетъ сближенію православныхъ съ протестантствомъ. Въ силу этого кружки патріотовъ ненавидѣли библейское общество, считая его вреднымъ въ Россіи. Но интересъ къ религіознымъ вопросамъ проникъ и въ высшее петербургское общество; интересовались и сектами, съ легкой руки библейскаго общества. Среди русской знати сказывалось вліяніе католиковъ-французовъ, покинувшихъ родину во время революціи, аббатовъ, открывавшихъ пансіоны для великосвѣтскаго общества. Являлись случаи перехода въ католицизмъ. Съ другой стороны, общество занялось сектантствомъ, особенно тѣми вѣтвями его, которыя гнѣздились по городамъ; имѣли успѣхъ буйные обряды хлыстовщины, представлявшіе для чиновныхъ людей родъ гимнастическихъ упражненій, отчасти даже скопчество. Самъ императоръ посѣщалъ главарей сектъ. Большимъ покровителемъ сектъ, особенно духовныхъ христіанъ, былъ предсѣдатель Библейскаго общества, князь Голицынъ.

Смолоду поклонникъ Вольтера и французскаго вольномыслія, Голицынъ при Александрѣ I сдѣлался оберъ-прокуроромъ синода; подобно императору, онъ углубился въ изученіе Писанія и обратился въ мистика. Въ 1816—17 гг. онъ получилъ въ управленіе вѣдомство иностранныхъ исповѣданій, вскорѣ затѣмъ сталъ министромъ просвѣщенія; особымъ указомъ государя, увлеченнаго религіозной мистикой, всѣ дѣла церкви и просвѣщенія объединились въ одномъ вѣдомствѣ. Всѣ вѣроисповѣданія, даже нехристіанскія, были признаны равноправными. Русское духовенство пришло въ негодованіе и открыло походъ противъ Голицына и новаго министерства. Просвѣтительному дѣлу самъ министръ и вся организація новаго вѣдомства принесли много вреда. Голицынъ въ эту

пору дошелъ до убѣжденія, что всѣ науки слѣдуетъ замѣнить чтеніемъ Священнаго писанія; о распространеніи грамотности онъ еще считалъ возможнымъ заботиться, но къ судьбѣ университетскихъ наукъ былъ совершенно равнодушенъ. Попечители округовъ, особенно Петербургскаго и Казанскаго, пользовались этимъ настроеніемъ начальства; подъ предлогомъ искорененія невѣрія преслѣдовали лучшихъ профессоровъ, мучили студентовъ, покровительствуя лицемѣрію и ханжеству. Въ 1821 г. университеты лишились лучшихъ дѣятелей и захирѣли. Цензура становилась необычайно строгой, особенно въ дѣлахъ вѣры, и это какъ разъ въ то время, когда Новосильцевъ вносилъ статьи о свободѣ слова и личности въ свою Уставную грамоту. Мучительная дисциплина, поддерживаемая Аракчеевымъ въ войскахъ, стѣсненія литературы, подавленіе просвѣтительнаго движенія ложились на русское общество крайне тяжелымъ гнетомъ. Контрастъ между началомъ эпохи и ея послѣдними годами тяготилъ всѣхъ, внушая многимъ глубокое разочарованіе и равнодушіе къ общественной дѣятельности. Въ 1822 г. масонскія ложи, самое Библейское общество были закрыты.

Точно подавленный великими событіями эпохи, не находя выхода изъ накопившихся задачъ, самъ Александръ жилъ среди полнаго разочарованія въ людяхъ и особенно въ русскихъ. Грустное, тоскливое настроеніе почти не покидало его; подолгу онъ не принималъ важнѣйшихъ лицъ администраціи, довольствуясь докладами одного Аракчеева, который одинъ правилъ всѣми дѣлами. Императоръ часто намекалъ на желаніе отречься отъ тяготившей его власти. Почти все время проводилъ онъ въ разъѣздахъ, главнымъ образомъ за границей, на конгрессахъ, отчасти по Россіи. Онъ зналъ, что его политическіе союзники играютъ двойную игру, часто договариваясь между собой втайнѣ отъ него; чувствовалъ свою отвѣтственность за тяжкую судьбу возставшихъ грековъ, сознавалъ, что народы и общества кипятъ жизнью и идутъ куда-то помимо его воли, его предначертаній и намѣреній. Съ 1824 г. онъ какъ бы началъ освобождаться отъ вліянія яраго консерватора, австрійскаго министра Меттерниха, и готовился къ войнѣ съ Турціей, но неожиданная кончина вдали отъ столицы прервала дальнѣйшіе планы.

Мысль, умственное движеніе, возбужденныя преобразовательными вѣяніями, идеи и общественныя настроенія запада, привезенныя возвратившимися изъ Франціи войсками, подновляемыя свѣжими вѣстями, сильно работали въ немногихъ, но горячихъ, энергичныхъ головахъ. Въ литературѣ эта работа не могла найти себѣ полнаго отраженія: для этого служили рукописные листки, стихотворенія, во множествѣ ходившія по рукамъ. Стѣсняемые реакціей, тайными и явными преслѣдованіями и униженіями, первые представители нарождавшейся интеллигенціи замыкались со своими собесѣдниками въ тайныя общества, возникавшія и въ провинціяхъ.

Въ изящной литературѣ движеніе косвенно отразилось въ торжествѣ такъ называемаго романтизма и въ быстромъ переходѣ отъ него къ реализму, т.-е. къ воспроизведенію дѣйствительной жизни. Оно выражалось преклоненіемъ передъ силою непосредственнаго чувства человѣка, великими бурными порывами души, увлекающими его на необыкновенно смѣлые поступки, на борьбу противъ зла и насилія, на исканіе свободы.

Полные пламенныхъ чувствъ, герои авторовъ-романтиковъ искали общенія съ міромъ простого люда, живущаго непосредственною, близкой къ природѣ жизнью, еще не затронутаго цивилизаціей. Одновременно съ этимъ у писателей вспыхнулъ интересъ къ поэзіи своего народа, стремленіе обрабатывать его произведенія, сказки, легенды.

Эта эпоха дала Германіи, Англіи, позже и Франціи ихъ великихъ писателей—Гёте, Шиллера, Байрона, Виктора Гюго. Въ Россіи чувствительно-мечтательный романтизмъ зародился съ появленіемъ заимствованныхъ отъ иностранныхъ образцовъ балладъ Жуковскаго и очень скоро слился съ жизненными произведеніями національнаго характера подъ перомъ Пушкина, Лермонтова и ихъ менѣе значительныхъ современниковъ.

Послѣ борьбы съ Наполеономъ лучшая часть русской молодежи, вдохновленная патріотизмомъ, проявляла свое настроеніе въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ оно выражалось на западѣ. Вся она въ громадномъ большинствѣ принадлежала къ дворянскому военному кругу. Подобно нѣмцамъ, основавшимъ патріотическое общество „Союзъ добродѣтели", русскіе офицеры въ 1817 г. образовали „Союзъ Спасенія", первоначально съ цѣлью поддерживать добрыя начинанія правительства и частныхъ лицъ, (т.-е. тѣ реформы, на исполненіе которыхъ еще надѣялись), и бороться съ злоупотребленіями; въ своемъ кругу они дали другъ другу слово вести себя какъ безукоризненные граждане. Гдѣ бы ни служили члены этого общества, они хорошо обращались съ подчиненными въ полкахъ, искореняли битье солдатъ, улучшали ихъ бытъ, заводили школы, гдѣ сами учили ихъ. Черезъ годъ то же общество назвалось „Союзомъ благоденствія". Политическіе взгляды его членовъ стали рѣзко опредѣляться. Молодежь сознавала, что народъ и общество, такъ энергично отразившіе грознаго врага, имѣютъ право голоса въ судьбѣ своей страны. А между тѣмъ положеніе общества ухудшалось; члены видѣли жестокости и произволъ Аракчеева, ужасы военныхъ поселеній, лицемѣрное, показное благочестіе на ряду съ преслѣдованіемъ профессоровъ, разрушеніемъ учебныхъ заведеній, поруганіемъ всего, что было необходимо для культуры и прогресса народа. Императоръ съ пренебреженіемъ обращался съ русскими, а свои любимыя начинанія проводилъ въ жизнь недавно присоединенныхъ народовъ Финляндіи и Польши. Онъ зналъ о тайныхъ обществахъ, читалъ уставъ „Союза" и не нашелъ въ немъ ничего политически опаснаго, узнавъ многое, о чемъ самъ когда-то мечталъ. Только послѣ волненій въ Семеновскомъ полку въ 1820 г., вызванныхъ подавляющей казарменной дисциплиной, онъ началъ опасаться настроенія дѣятельной молодежи, но все еще не допускалъ строгихъ мѣръ; однако, при гвардейскомъ корпусѣ устроили особую полицію. Въ 1822 г. вышло повелѣніе закрыть масонскія ложи и всѣ тайныя общества; отъ служащихъ отбирали подписки не вступать въ нихъ.

Когда не сохранилось ни въ комъ ни малѣйшей надежды на реформы по почину власти, среди членовъ союза возникли горячіе дебаты о томъ, какъ поступать. Происходили расколы. Одно время въ 1821 г. сами члены хотѣли закрыть союзъ, но его ревностные представители сплотились тѣснѣе прежняго. На югѣ, гдѣ стояла 2-я армія, мечтали о переворотѣ посредствомъ возстанія войскъ и ряда кровавыхъ мѣръ.

Члены „Сѣвернаго“ общества, жившіе въ столицахъ, составляли свои проекты конституціи, думали обойтись безъ крайнихъ насилій, хотя и они разсчитывали только на войско. Солдаты всюду обожали своихъ лучшихъ, гуманныхъ офицеровъ. Оттѣнки мнѣній и планы дѣйствій членовъ общества были крайне разнообразны, одни члены съ годами становились умѣреннѣе, другіе, напротивъ, радикальнѣе и рѣшительнѣе. Членъ Сѣвернаго общества Муравьевъ, кандидатъ моск. унив., серьезно образованный, участникъ французскаго похода, принадлежавшій къ аристократическому кругу, понемногу разочаровывался въ республиканскомъ строѣ, обращаясь въ монархиста-конституціоналиста. Составленный имъ въ этомъ духѣ проектъ конституціи объявляетъ всѣхъ жителей имперіи равными передъ закономъ, крѣпостныхъ свободными (крестьяне помѣщичьи получаютъ свои дворы съ инвентаремъ и 2 дес. земли на дворъ). Обладатели (совершеннолѣтніе мужчины) имуществъ на 500 руб. сер. становятся избирателями и могутъ быть присяжными. Лицо императора священно и неприкосновенно. Законодательная власть ввѣряется народному вѣчу изъ 2-хъ палатъ, — верховной думы изъ 45 членовъ, избираемыхъ областными палатами, и палаты представителей изъ 450 чл., посылаемыхъ группами избирателей въ 50 тыс. чел. Болѣе умѣренный Батенковъ находилъ нужнымъ имѣть первую палату изъ вельможъ наслѣдственныхъ, духовенства и лицъ, пожизненно назначаемыхъ государемъ; нижняя палата выборныхъ должна состоять изъ лицъ средняго состоянія, избираемыхъ куріями горожанъ, землевладѣльцевъ и представителей ученыхъ корпорацій.

Проекты очень внимательны къ областному дѣленію Россіи, къ областнымъ учрежденіямъ и къ судоустройству, этому больному мѣсту Россіи. Организація мелкой единицы, волостного самоуправленія, особенно занимала политическихъ мыслителей; проекты основывали на ней переустройство Россіи. Муравьевъ, и съ нимъ многіе соглашались, доказывалъ, что Россія должна современемъ обратиться въ федерацію автономныхъ областей.

Самый талантливый изъ „декабристовъ“, какъ называютъ теперь членовъ тайныхъ обществъ, былъ полк. Пестель. Храбрецъ въ сраженіяхъ, знатокъ военнаго дѣла и вмѣстѣ политическій умъ, всесторонне образованный, слѣдившій за всѣми новостями соціально-политической литературы, Пестель оказывалъ огромное вліяніе на всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Его занималъ не одинъ политическій вопросъ, но и реформа соціальнаго строя и аграрный вопросъ. Долгое время онъ разрабатывалъ подробный проектъ переустройства Россіи подъ заглавіемъ „Русская Правда“ и повидимому не окончилъ его. Посредствомъ военныхъ силъ онъ находилъ нужнымъ совершить переворотъ, вручить на 10 л. власть временному правительству, которое измѣнитъ административные порядки, составитъ новое законодательство, по которому все населеніе получитъ одинаковыя права; крестьяне съ освобожденными крѣпостными получатъ надѣлы; всѣ земли имперіи раздѣлятся на три части: на государственный фондъ, общественныя и частныя. Затѣмъ вводится система выборовъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ и провозглашается республика. Пестель желалъ сохранить Россію цѣльнымъ, нераздѣльнымъ государствомъ съ сильной центральной властью; онъ не признавалъ

автономіи областей. Только Польша, какъ бывшее независимое государство, имѣла право на самостоятельность; народы слабые, которыми легко могли завладѣть сосѣднія государства, должны были крѣпко сливаться съ Россіей и получить одинаковое съ нею устройство. Евреямъ слѣдовало внушить тѣснѣй сближаться съ христіанами; если не захотятъ, то помочь имъ устроить самостоятельное государство. Пестель наслѣдовалъ отъ XVIII в. вѣру въ силу разума; разумная власть можетъ и должна пересоздать бытъ народовъ. Такую власть, только созданную выборами, и слѣдуетъ дать Россіи. Сложность народныхъ движеній, руководимыхъ тайными порывами чувствъ, была въ то время еще мало понятна ему. Холодный, точный умъ Пестеля, желѣзная воля, не чуждая деспотизма, подчиняли его руководству сочленовъ по обществу и склоняли ихъ соглашаться съ его проектами.

Особенно фантастиченъ и туманенъ былъ планъ организаціи соединеннаго государства всѣхъ славянскихъ племенъ, проповѣдывавшійся обществомъ „Соединенныхъ славянъ“, къ которому однако принадлежали начитанные и дѣятельные люди. Южныя общества завели сношенія съ польскимъ „Патріотическимъ союзомъ“, съ недовольными частыми нарушеніями польской конституціи.

Въ 1825 г. здоровье императрицы Елисаветы Алексѣевны очень ослабѣло. Ей предписали южный климатъ. Мѣстопребываніемъ былъ избранъ Таганрогъ, куда рѣшилъ направиться и самъ Александръ Павловичъ. До его отъѣзда одинъ офицеръ сообщилъ черезъ Аракчеева о замыслахъ кружка офицеровъ 2-й арміи. Рѣшили слѣдить за заговорщиками. Въ октябрѣ императоръ сильно простудился въ Крыму; подъ вліяніемъ своего мистическаго настроенія отказываясь отъ серьезнаго леченія, онъ скончался 17 ноября, не оставивъ потомства. Цесаревичъ Константинъ, слѣдующій за нимъ братъ, еще въ 1823 г. отказался письменно отъ престола, но эта грамота хранилась въ глубокой тайнѣ. Въ Петербургѣ и во всей Россіи, по распоряженію вел. князя Николая Павловича, присягали Константину, а цесаревичъ въ Варшавѣ присягнулъ брату Николаю Павловичу. Но, по вскрытіи завѣщанія Александра I-го и акта отреченія цесаревича, произошло тяжелое замѣшательство, которое разъяснилось только къ 14-му декабря. Иностранцы не мало удивлялись, что въ Россіи наслѣдованіе престола можетъ представлять еще семейную тайну и государствомъ можно распоряжаться посредствомъ завѣщанія, какъ имуществомъ.

Трудно сказать, какъ бы сложилась дальше дѣятельность тайныхъ обществъ, если бы не произошло конфликта вслѣдствіе необдуманнаго отношенія къ престолонаслѣдованію; но подходящій моментъ для политическаго выступленія открылся самъ собой,—то были дни, когда войско оказалось свободнымъ отъ присяги, представителя верховной власти не было, а примѣры дворцовыхъ переворотовъ подъ давленіемъ войска были живы въ памяти. Со дня кончины Александра I-го члены кружковъ, „декабристы“, спѣшно обсуждали планъ дѣйствій. Вдохновленные освободительными идеями, они не допускали и мысли дѣйствовать, по примѣру переворотовъ XVIII-го в., ночью, втихомолку, замѣнять одного носителя власти другимъ. Они стремились заявить свои требованія открыто и гласно, среди бѣлаго дня, какъ нѣчто вполнѣ законное, необходимое для

блага народа; этимъ они надѣялись вызвать общее сочувствіе къ своему политическому движенію. Подсчитавъ свои наличныя силы, декабристы не разсчитывали, однако, на его непосредственный успѣхъ.—„Все-таки надо начать, начало и примѣръ принесутъ пользу",—говорилъ вдохновитель Сѣвернаго общества, поэтъ Рылѣевъ. „Предвижу, что не будетъ успѣха; но потрясеніе необходимо... Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ—дерзай! и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ".—„Мы были дѣти 1812 г."—говорилъ другой декабристъ, Муравьевъ-Апостолъ,—„жертвовать всѣмъ, даже жизнью для блага отечества было влеченіемъ нашего сердца"... Члены Сѣвернаго общества склонялись на сторону цесаревича, какъ правителя конституціонной страны; они рѣшили воспротивиться новой присягѣ Николаю Павловичу и требовать введенія конституціи по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденія крестьянъ. Утромъ 14-го декабря нѣсколько ротъ гвардейскихъ полковъ и гвардейскаго экипажа со своими офицерами и другими членами общества вышли на Сенатскую площадь и провозгласили свое рѣшеніе. Ихъ атаковали отрядомъ конной гвардіи; они отразили атаку, но затѣмъ были разсѣяны артиллеріей. Произведены были многочисленные аресты. На Рождество 1824 г. дѣло дошло и до южной арміи. Тамъ 6 ротъ Черниговскаго полка бросились выручать изъ-подъ ареста любимаго командира, Муравьева-Апостола, и вызвали кровавую схватку.

Только въ іюнѣ назначенъ былъ верховный судъ надъ 200 слишкомъ обвиненными. За слѣдствіемъ и судомъ съ трепетомъ слѣдила знать, все образованное общество. Множество семей оплакивали своихъ членовъ-родичей. Пятеро декабристовъ были казнены смертью; около 100 человѣкъ отправлены на каторгу; прочіе сосланы на Кавказъ, разжалованы и т. д. Петербургское высшее общество опустѣло.

Слова „декабристовъ" оправдались; необходимое „потрясеніе" совершилось, и самой неудачей своей они научили другихъ. Историкъ императоровъ Александра I и Николая I говоритъ про ихъ движеніе: „въ немъ выдѣляется одна общая черта, отрицать которую невозможно... черта эта есть самопожертвованіе. Жертвами затѣяннаго движенія явились не такія лица, которымъ терять было нечего; напротивъ, всѣ или составляли себѣ или могли составить блестящую карьеру... Среди членовъ союза были люди, занимавшіе опредѣленныя, нерѣдко важныя мѣста, извѣстные своей исполнительностью по службѣ во всѣхъ званіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ; наконецъ, люди, которые въ ближайшей практической сферѣ дѣйствовали согласно своимъ убѣжденіямъ, гуманно, благородно, справедливо, заслуживая довѣріе подчиненныхъ и другихъ зависѣвшихъ отъ нихъ людей".

Дѣятельность и судьба декабристовъ показали, что политическія и соціальныя идеи, созданныя народными движеніями въ западной Европѣ, прочно вкоренились въ культурныхъ слояхъ русскаго общества. Лучшіе представители этихъ слоевъ уже претворили ихъ въ свою кровь и плоть и усовершенствованіе государственнаго строя и народнаго быта сдѣлали своей главной заботой. Выдающіеся люди XVIII в., Новиковъ и Радищевъ, еще просто и благодушно работали по влеченію ума и сердца, не ожидая жестокаго, произвольнаго приговора; декабристы открыто и

сознательно шли на борьбу съ устарѣлымъ строемъ, чтобы жертвовать жизнью за свои убѣжденія. Нравственное значеніе ихъ движенія громадно для будущихъ поколѣній. Они научили цѣнить истинное величіе общественнаго дѣятеля, дѣйствующаго по воспринятымъ и проповѣдуемымъ убѣжденіямъ, всюду и всегда, среди благополучія и среди бѣдствій и подавленности. Съ тѣхъ поръ въ Россіи отчетливо проявились два теченія недовольныхъ: внизу—крестьянство, закрѣпощенные рабочіе и дворовая прислуга попрежнему упорно проявляли жажду личной свободы и экономическаго обезпеченія возстаніями и убійствами повелителей и ближайшихъ начальниковъ: вверху—среди образованныхъ кружковъ, разрабатывались новыя ученія и соціально-политическія теоріи, составлявшія главное содержаніе умственной жизни XIX в. Кромѣ усиливающейся борьбы съ стремленіями къ освобожденію внизу, среди крѣпостной массы, передъ властью, покоившейся на старыхъ патріархальныхъ основахъ, явилась новая задача—бороться съ умственнымъ развитіемъ общества, съ живою мыслью и ея проявленіями, что очень ослабляло ея политическую дѣятельность.

XXXIX.

Правительство Николая I и національное самосознаніе. Сводъ законовъ. Финансы. Городское управленіе. Дворянство. Фабрики.

Власть перешла въ руки императора Николая І-го при условіяхъ, по своей сложности, еще безпримѣрныхъ въ историческомъ прошломъ Россіи. Задачи внутренней народной жизни опредѣлились вполнѣ. Отмѣна крѣпостного права твердо и ясно становилась на первую очередь государственныхъ вопросовъ. Хлѣбная торговля подъ давленіемъ міровогo рынка начала проявлять постепенный упадокъ: совершался медленный, не яркій, но чувствительный переворотъ въ экономической жизни Россіи и осложнялъ освобожденіе крѣпостныхъ вопросомъ о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ. Въ грамотной и мыслящей части общества крѣпло твердое національное самосознаніе, въ связи съ политическими понятіями; выяснились потребности умственной жизни; предъявлялись запросы къ наукѣ и школѣ; молодежь вполнѣ сознательно стремилась къ образованію. Благодаря шаткости, расплывчатости общественнаго строя, могучій ростъ народнаго духа ярче всего выразился въ литературѣ. Общество было далеко не такъ ровно и гибко, какъ въ XVIII в., и руководить имъ стало труднѣй. Запутано и сложно было политическое наслѣдіе. На западныхъ границахъ александровская эпоха оставила два конституціонныхъ государства, связанныхъ съ Россіей только общимъ монархомъ, который въ Польшѣ даже короновался вторично; это нарушило цѣльность характера власти. Николай Павловичъ принялъ на себя всѣ обязательства Священнаго Союза и старался даже установить связь между внѣшней политикой и своею дѣятельностью внутри Россіи. Его правительство стремилось руководить подъемомъ русскаго національнаго духа. Оно дало ему свое опредѣленіе и обосновало его дѣятельность 3-мя началами: православіе, самодержавіе, народность. Сообразно съ этимъ оно повсюду за-

границей считало необходимымъ отстаивать національныя правительства противъ посягательствъ революціонныхъ вѣяній.

Подъемъ національнаго чувства выразился довольно своеобразно во внутренней политикѣ императора Николая I. Народность представляли себѣ въ видѣ полной внутренней обособленности страны отъ остального міра. Россію считали особеннымъ явленіемъ среди государствъ, къ которому неприложимы требованія и стремленія прочихъ націй; оберегать ее отъ европейскихъ вѣяній того времени сдѣлалось главной заботой власти. Всякіе помыслы о томъ, что государственный строй ея можетъ не соотвѣтствовать усложнившимся задачамъ внутренней и внѣшней политики, почиталось преступленіемъ. Самъ Сперанскій какъ будто забылъ свои былые смѣлые планы и показалъ себя истымъ бюрократомъ. Центральное правительство признавалось рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ, большихъ и малыхъ, творившихся въ странѣ; мѣстнымъ силамъ, частной иниціативѣ не придавали значенія. Ко всякимъ нововведеніямъ относились опасливо и ограничивались собираніемъ и пересмотромъ только того, что уже создано исторической жизнью народа.

Самъ императоръ Николай сохранилъ на всю жизнь неизгладимыя впечатлѣнія, пережитыя 14 декабря и вынесенныя изъ допросовъ и показаній декабристовъ; онъ считалъ необходимымъ ради цѣлости и благополучія государства поддерживать тщательныя наблюденія за частной и духовной жизнью русскаго общества.

Императоръ строго проводилъ принципъ, чтобы въ Россіи все исходило отъ самодержавной власти; голосъ общества совершенно не признавался. Всѣ правительственныя мѣры обдумывались въ строго замкнутыхъ комиссіяхъ, по большей части секретныхъ, петербургскихъ сановниковъ; дѣятельность этихъ послѣднихъ строго отграничивалась отъ общества кого бы то ни было. Государь все-таки въ глубинѣ души чувствовалъ, что положеніе крѣпостныхъ, городской строй, мѣстная администрація требуютъ вниманія правительства; но допускалъ только такія мѣры, въ которыхъ не было бы ничего реформаторскаго, никакой новизны, главное ничего такого, чтобы дало поводъ надѣяться на возможность реформъ. Понятно, что работы сановниковъ слишкомъ часто сводились на безплодныя, формальныя постановленія, на мелкія дополненія старыхъ уставовъ, перетолковыванія положеній.

Для разбора бумагъ покойнаго императора и пересмотра строя дѣятельности государственныхъ учрежденій былъ учрежденъ „секретный комитетъ“, самымъ дѣятельнымъ членомъ котораго оказался Сперанскій, уже не прежній смѣлый реформаторъ: человѣкъ наполеоновской эпохи подчинился теченію и измѣнилъ характеръ своей дѣятельности. Главнѣйшіе проекты комитета касались положенія сословій: намѣтили мѣры для постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ, для ограниченія доступа къ дворянскому званію, учрежденіе званія почетныхъ гражданъ. Проекты о крестьянахъ были уже обработаны, когда разразились революціонныя событія 1830 г. и польскій мятежъ, и все пріостановилось. Нѣкоторыя отдѣльныя мѣры проводились позже безъ всякой связи между собой. Какъ и при Александрѣ I, находили излишнимъ проводить серьезныя мѣры законодательнымъ путемъ, черезъ государственный совѣтъ; министры подносили постановленія государя, даже не посовѣтывавшись въ своемъ ко-

митетѣ, и получали его подпись. Сановные члены комитета охотно поддерживали государя. Необходимость болѣе точнаго разграниченія вѣдомствъ они объясняли такъ: государь, будучи самодержавнымъ, не ввѣряетъ никому власти во всемъ пространствѣ ея, но употребляетъ отдѣльно удостоенныя довѣренности мѣста и лица или для совѣщаній при составленіи новыхъ и пересмотрѣ старыхъ узаконеній, или для приведенія въ исполненіе законовъ или для наблюденія за точностью и правильностью сего исполненія. Огромное значеніе получила „*Собственная Его Вел. канцелярія*", организованная изъ 4-хъ отдѣленій. Комиссію для составленія законовъ государь обратилъ во II отд.; вѣдомство государственной полиціи образовало III-е отд. IV-е отд. вѣдало учрежденія просвѣтительныя и благотворительныя, основанныя императрицей Маріей Ѳедоровной.

Стремленіе къ собиранію уже созданнаго старыми порядками вполнѣ выразилось въ изданіи Свода Законовъ. Со временъ Уложенія накопилась масса указовъ и постановленій, часто противорѣчившихъ одно другому; эта хаотическая смѣсь давала поводъ къ оправданію всевозможныхъ злоупотребленій. Рѣшили привести въ извѣстность постановленія, имѣющія силу закона, выдѣливъ ихъ отъ измѣненныхъ, потерявшихъ значеніе указовъ. Для производства работъ было открыто II-е отдѣленіе Собств. Е. В. Канцеляріи съ выдающимся юристомъ Балугьянскимъ во главѣ, но душой дѣла и главнымъ работникомъ былъ Сперанскій. При своемъ исключительномъ трудолюбіи онъ въ 7 лѣтъ успѣлъ издать 45 томовъ полнаго Собранія Законовъ, начиная съ Уложенія 1649 г.; собраніе имѣетъ большое историческое значеніе: а въ 1832 г. поспѣлъ Сводъ дѣйствующихъ законовъ въ 15 томахъ. Исполняя задачу времени и высочайшую волю, Сперанскій собралъ по рубрикамъ статьи разнаго происхожденія: общіе законы съ административными постановленіями и съ рѣшеніями по отдѣльнымъ случаямъ; онъ не выдѣлялъ главныхъ основъ законоположеній, и работа его осталась сводомъ, а не уложеніемъ. Правда, замѣчательный работникъ разсчитывалъ, что его сводъ послужитъ только обработаннымъ матеріаломъ для созданія уложенія: но къ этой работѣ такъ и не приступали. Впрочемъ и такое изданіе было очень важно въ свое время, хотя имъ и не исправили плохого судопроизводства. Сводъ постоянно пополнялся новыми постановленіями: а въ 1845 г. издано особое уложеніе о наказаніяхъ.

Все тотъ же Сперанскій, при разсмотрѣніи положенія крѣпостныхъ, указалъ секретному комитету на бѣдствія, испытываемыя многими государственными крестьянами; тогда же рѣшили прежде всего заняться судьбой лично свободныхъ земледѣльцевъ. Оказалось, что при одинаковыхъ подушныхъ платежахъ надѣлы государственныхъ крестьянъ были крайне неравномѣрны; одни владѣли 50 дес., другіе 1, 1/2-й десятины; было много безземельныхъ. Объ ихъ бытѣ и хозяйствѣ никто не заботился; все вниманіе мѣстнаго начальства сосредоточивалось на сборѣ податей и выполненіи повинностей и полученіи съ нихъ доходовъ для себя. Такое положеніе признали невозможнымъ. Опасаясь коснуться собственности дворянъ, нашли возможнымъ поступить болѣе рѣшительно съ участью плательщиковъ казны.

Для попечительства надъ казенными крестьянами было учреждено министерство государственныхъ имуществъ, которое съ помощью меже-

ванія земель выяснило до нѣкоторой степени размѣры богатствъ собственно казны. Надѣлы крестьянъ нѣсколько уровняли: гдѣ оказывался недостатокъ земель, оттуда переселяли. Въ эту пору „Сельскимъ Уставомъ“ устроили волостныя правленія и укрѣпили существованіе сельской общины. Крестьянскія учрежденія получили впервые обще-административное и полицейское значеніе. „Сельскій Судебный Уставъ“ опредѣлилъ дѣятельность волостного и сельскаго суда съ выборными судьями. „Сельскій Полицейскій Уставъ“ долженъ былъ ознакомить крестьянъ съ порядками благоустройства, но остался мертвой буквой среди сельской простоты. Въ губернскихъ городахъ открыли палаты государственныхъ имуществъ, которыя вѣдали и крестьянъ: ближайшимъ же наблюдателемъ являлся окружной начальникъ (безъ судебной власти). Эта реформа подчинила и крестьянъ бюрократическимъ распорядкамъ, но, съ другой стороны, по болѣе заботливому отношенію къ нимъ она могла считаться предвѣстницей освобожденія крѣпостныхъ. Намѣренія новаго министерства были благія, но не давали желаемыхъ результатовъ, потому что не имѣли связей съ мѣстной жизнью. Стали издавать газету для крестьянъ; пытались издавать для нихъ книги; устроили школы подъ надзоромъ духовенства. Но сухое, начальственное отношеніе къ этому дѣлу со стороны окружной и волостной администраціи убивали его въ корнѣ: крестьяне по большей части не хотѣли знать этихъ школъ.

Для помѣщичьихъ крестьянъ западныхъ губерній создали инвентари, т.-е. извѣстную норму имущества, которую помѣщикъ обязанъ былъ обезпечить за каждой семьей. Относительно крѣпостныхъ такъ и не пришли къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, лицо очень вліятельное, предложилъ такой выходъ: укрѣпивъ землю за помѣщиками, предоставить крестьянамъ личную свободу съ тѣмъ, чтобы помѣщики дали имъ надѣлы за оброки или точно опредѣленныя подъ надзоромъ правительства повинности. Помѣщики сохранятъ надъ крестьянами такую же власть, какъ волостные суды у казенныхъ поселянъ. При дальнѣйшей разработкѣ этой мѣры у нея отняли ея характеръ обязательнаго закона, размѣры надѣловъ предоставили волѣ помѣщиковъ, допустили существованіе барщины. Въ такомъ видѣ она была обнародована въ 1842 г. указомъ о *временно-обязанныхъ* крестьянахъ. Указъ былъ составленъ такъ запутанно, что никого не удовлетворилъ; но обновилъ однако въ крестьянахъ надежды на объявленіе полной воли. Еще менѣе значенія имѣлъ указъ о выкупѣ дворовыхъ по обоюдному соглашенію съ помѣщиками. Обязательства выкупающихся были непомѣрны тяжелы; за просрочки платежей имъ грозили уголовными карами, что совершенно не соотвѣтствовало юридическому смыслу сдѣлокъ по обоюдному соглашенію. Повидимому, указъ не вызвалъ ни одной сдѣлки. Въ 1847 г. крестьянамъ разрѣшено было выкупаться при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, но и этотъ очень скромный законъ возбудилъ неудовольствіе среди дворянства; тутъ уже былъ опасный шагъ къ освобожденію личности. На этомъ и остановилось крестьянское дѣло при Николаѣ I-мъ.

Подобныя мѣры большого экономическаго значенія не могли удаваться бюрократіи, особенно на огромномъ пространствѣ страны съ разнообразнымъ населеніемъ: ихъ разработка требовала участія мѣстныхъ

обществъ. Эти мѣры имѣли только вліяніе косвенное на подготовку умовъ къ неизбѣжной отмѣнѣ крѣпостныхъ отношеній, а главное къ тому, что свободный крестьянинъ долженъ быть надѣленъ землей.

Съ другой стороны, нужно отмѣтить, что финансами въ эту пору занимались болѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе. Положеніе ихъ во вторую половину царствованія Александра I-го было крайне плохо, что отчасти зависѣло отъ общаго безпорядка въ высшей администраціи, водворившагося въ ней въ силу постояннаго почти отсутствія государя изъ столицы и его равнодушія къ текущимъ дѣламъ. Мѣры министра Гурьева были очень неудачны; попытка выкупить изъ обращенія обезцѣненныя ассигнаціи только запутала дѣло; отмѣна откуповъ и установленіе казенной оптовой продажи вина съ акцизомъ, т.-е. пошлиной съ каждаго потребляемаго ведра, при слабой администраціи не дала доходовъ.

Въ 1823 г. министерство принялъ Канкринъ, получившій извѣстность замѣчательной экономіей и распорядительностью при завѣдываніи интендантской частью во время наполеоновскихъ войнъ. Большой консерваторъ во всемъ Канкринъ ненавидѣлъ фабрики, потому что онѣ развращаютъ людей; не признавалъ онъ пользы желѣзныхъ дорогъ, полагая, что улучшенные пути сообщенія пріучаютъ людей къ празднымъ передвиженіямъ и страсти къ перемѣнамъ. Канкринъ требовалъ строгой цензуры, находя, что печать, особенно газеты вреднѣе всякаго нашествія дикарей; совѣтовалъ не давать образованія простолюдинамъ, чтобы они не читали газетъ. Но министръ былъ трудолюбивъ и умѣлъ внушить къ себѣ довѣріе; онъ задался цѣлью исправить финансы безъ экономическихъ реформъ, экономіей и домашними средствами, но ему удалось только улучшить монетную систему.

Понимая всю выгоду акциза въ дѣлѣ винной продажи, Канкринъ, однако, снова ввелъ откупа; онъ боялся, что чиновники не справятся со сложнымъ надзоромъ, какого требовала акцизная система, а помѣщики начнутъ увлекаться продажей вина и разведутъ пьянство. Гораздо позже, въ 1838 г., наложили, однако, акцизъ на табакъ. Замѣчательно твердо поступалъ Канкринъ съ падавшими въ цѣнѣ денежными знаками; онъ посмотрѣлъ злу прямо въ глаза,—говорили про министра. Онъ прекратилъ выдачу средствъ на извлеченіе изъ обращенія ассигнацій. Послѣ французскихъ войнъ, благодаря новымъ тарифамъ и займамъ, въ Россію было ввезено много иностранной монеты, которую крестьяне брали охотно вмѣсто русской, переплачивая довольно много мѣняламъ. Въ провинціи царилъ полный хаосъ въ денежныхъ знакахъ: по рукамъ ходили дешевыя ассигнаціи, мѣдь, всевозможныя монеты по самымъ разнообразнымъ цѣнамъ въ переводѣ на серебро. Крестьяне очень страдали отъ него. На каждый денежный знакъ существовала биржевая цѣна; но торговцы даже въ столицахъ не могли слѣдовать ей, такъ какъ пришлось бы каждый день продавать по разной цѣнѣ, а въ дальнихъ мѣстахъ господствовалъ довольно произвольный счетъ. Продавая хлѣбъ, крестьянинъ рѣшалъ, чѣмъ получаетъ, ассигнаціями или серебромъ. Если на биржѣ 1 р. сер. стоилъ 352 коп. ассиг., торговецъ давалъ его по 375 коп.; если просили ассигнацій, онъ опять бралъ лишнее. Выплачивая подати, крестьяне всегда теряли на каждой дорого пріобрѣтенной монетѣ.

Канкринъ разрѣшилъ уплату податей ассигнаціями по 3 р. 50 к.

за 1 сер. рубль и этимъ извлекъ большое число ихъ изъ обращенія; въ этомъ обезцѣненіи, *девальваціи*, скрывалось признаніе несостоятельности казны платить по займу; затѣмъ подати стали брать всякой звонкой монетой, что доставило казнѣ цѣлый фондъ дорогого металла. Тогда рѣшили перейти къ счету на серебро, который уже практикой установился въ народѣ. Въ 183 г. объявили основной единицей серебряный рубль, а ассигнаціи второстепеннымъ знакомъ по указанной выше цѣнѣ; при этомъ приглашали сдавать звонкую монету въ государственный банкъ въ обмѣнъ на временный знакъ—депозитики. Къ министру относились такъ довѣрчиво, что стали свозить золото мѣшками и наперерывъ просили депозитокъ. Иностранные банкиры говорили, что такая крайне простая операція могла удасться только въ Россіи при ея патріархальномъ хозяйствѣ. Въ 1843 г. выпущенъ былъ бумажный рубль съ принудительнымъ для Россіи курсомъ, который могъ измѣняться только за границей; этотъ знакъ обезпечивался обмѣномъ на звонкую монету особымъ на это закономъ. Съ тѣхъ поръ установился, наконецъ, твердый денежный счетъ въ Россіи.

При Канкринѣ въ 1831 г. совершился первый внутренній заемъ посредствомъ выпуска серій; онъ былъ вызванъ затрудненіями польскаго мятежа. Къ иностраннымъ займамъ приходилось прибѣгать часто, несмотря на стремленіе обходиться собственными средствами. Войны и постоянные расходы на военное министерство поглощали огромныя средства. Расходы на балтійскій флотъ нашли возможнымъ сократить, такъ какъ не придавали ему большого значенія: сосѣди по Балтійскому морю были слабы, а силѣ англійскаго флота онъ не могъ угрожать; но затраты на армію постоянно росли при завоевательной политикѣ того времени. Къ тому же участились неурожаи; особенно тяжелъ былъ почти повсемѣстный неурожай 1833—34 гг. Денежная реформа 1839 г. тоже сопровождалась неурожаемъ. Недоимки быстро и непоправимо росли. Въ 1842 г. Канкринъ нашелъ положеніе до такой степени тяжелымъ, что потребовалъ прекращенія войны съ горцами на Кавказѣ или скорѣйшаго ея окончанія; не получивъ удовлетворенія, онъ вышелъ въ отставку. При его ничтожныхъ преемникахъ финансовое дѣло велось безъ знанія и системы. Въ 1847 г. Россію постигъ новый неурожай; онъ сопровождался промышленнымъ кризисомъ въ западной Европѣ; повсюду дѣла стали; наступала безработица. Въ 1848 г. былъ опять неурожай; къ тому же разразилась холера. Грянули революціонныя движенія, которыхъ въ тотъ годъ не ожидали. Всѣ бумаги упали въ цѣнѣ. Капиталъ на постройку Николаевской дороги добывали при очень тяжелыхъ условіяхъ, и она обошлась очень дорого. А между тѣмъ желѣзныя дороги были необходимы: земледѣльческіе районы въ громадной странѣ были такъ широко разбросаны, что правильная доходность земель не могла установиться: гдѣ былъ урожай, тамъ не хватало рабочихъ рукъ, и онѣ были дороги, а хлѣбъ крайне дешевѣлъ; въ неурожайные года былъ дорогъ хлѣбъ; только лучшіе пути сообщенія могли помочь бѣдамъ.

Съ 1849 г. прекратили отпускъ золота за границу, что прежде дѣлали тайно, ради поддержки курса. Прямыя подати при ростѣ недоимокъ не удовлетворяли казну; стали прибѣгать къ косвеннымъ налогамъ, къ акцизамъ на табакъ, на соль, хотѣли даже обложить сахаръ. Громад-

ные дефициты скрывали не только отъ публики, но даже отъ государственнаго совѣта. Венгерская и за нею Крымская война совершенно расшатали финансы и администацію; старый порядокъ уже не могъ дольше держаться.

Что касается до мѣстнаго сословнаго самоуправленія, то оно всюду было полно неурядицъ. Очень плохо прививалось и дворянское самоуправленіе. Только первые годы послѣ изданія жалованной грамоты лучшая часть дворянства внимательно относилась къ выборамъ и выборнымъ должностямъ. Вскорѣ мѣры Павла I, почти отмѣнившія дѣйствія грамотъ, внесли путаницу и растерянность среди провинціальной администраціи, а затѣмъ дворянская дѣятельность захирѣла. Въ 1802 г. Александру I докладывали, что дворяне очень равнодушны къ выборамъ, отлынивають отъ должностей. Находилось немало уѣздовъ, гдѣ ни предводители, ни дворянскіе депутаты не являлись къ исполненію своихъ обязанностей и исчезали изъ мѣстности подъ разными предлогами. Приходилось грозить, призывать къ отвѣтственности. Вообще служба по выборамъ отвѣчала не мѣстнымъ интересамъ, а становилась такой же обязательной, какъ старинная государственная повинность до 1762 г. Императоръ Александръ всегда строго отличалъ выборную службу, которую считалъ признакомъ довѣрія и уваженія общества, отъ государственной. Его указъ 1802 г. звучалъ укоромъ; онъ какъ бы отказывался вѣрить, что въ благородномъ сословіи угасло всякое соревнованіе къ гражданскому благу. Замѣчали, что дворяне мало дорожили своимъ положеніемъ землевладѣльческаго класса; у нихъ не развивалось крѣпкихъ связей съ землей. Онѣ удивляли иностранцевъ равнодушіемъ, съ какимъ продавали и закладывали старинныя имѣнія. Пока надъ дворянами тяготѣла обязательная служба, они рвались въ деревни; а когда съ нихъ сняли тяготу, они записывались въ службу ради чиновъ и денегъ, не интересуясь мѣстными и сословными дѣлами; попрежнему дворяне оставались служилымъ сословіемъ. Знатные богачи почти поголовно живали въ столицахъ, добиваясь высшихъ чиновъ и положенія въ центральной администраціи. Въ провинціи имѣнія дробились по мелочамъ между членами семей, и число мелкопомѣстныхъ все росло и росло. Многіе изъ нихъ почти ничѣмъ не владѣли, но пользовались избирательными правами. Они низкопоклонничали передъ вліятельными людьми, добивались избранія въ исправники, судьи, засѣдатели, ради жалованья; въ этихъ званіяхъ своимъ раболѣпствомъ передъ администраціей, приниженностью передъ избирателями они роняли значеніе важныхъ для населенія должностей, сами же позволяли себѣ всякія злоупотребленія. Между членами сословія не проявлялось элемента взаимнаго уваженія.

Императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ на дѣло откровенно, по старинному: онъ былъ убѣжденъ, что первѣйшая обязанность благороднаго дворянства—служба государству, и поэтому оно болѣе служилое, чѣмъ землевладѣльческое сословіе. Въ Петербургѣ не любили лицъ, независимыхъ при большомъ вліяніи въ провинціи. Поднять службу по выборамъ государь считалъ возможнымъ, только приравнявъ ее къ государственной. Въ 1831 г. дворянамъ, занимающимъ должности по выборамъ, дали права государственной службы, т.-е. чины и награды. Имущественный цензъ, дававшій избирательныя права, былъ повышенъ, чтобы устра-

нить мелкопомѣстныхъ отъ выборовъ; но зато позволили выбирать на должности такихъ дворянъ, которые совсѣмъ не имѣли недвижимости; предсѣдатели судебныхъ палатъ стали тоже выбираться. Такимъ образомъ, сокративъ избирательныя права, расширили и облегчили самые выборы. Тогда же новое положеніе предоставило дворянству право ходатайствовать передъ правительствомъ по всѣмъ вопросамъ управленія. Съ тѣхъ поръ въ сознаніи дворянъ понятія о выборной и государственной службѣ смѣшивались еще болѣе прежняго, исправить же неурядицу мѣстнаго управленія этой мѣрой все-таки не могли.

Городскія дѣла страдали отъ поразительныхъ безпорядковъ. Общая дума, по положенію Екатерины II, почти никогда не собиралась, не выполняя и единственной своей обязанности—выбирать гласныхъ постоянной думы: на выборы являлось до $^1/_2$% избирателей; иные изъ нихъ были на посылкахъ у членовъ шестигласнаго собранія, а эти, въ свою очередь, оказывались покорными слугами губернатора и прочихъ представителей администраціи, служили у нихъ смотрителями домовъ и т. д. Не существовало никакой отчетности въ расходованіи городскихъ суммъ, и не было возможности обревизовать городское счетоводство. Головы и гласные часто оказывались совершенно „несвѣдущими ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ“, поручали ихъ производство старымъ приказнымъ за хорошую плату, а послѣдніе всегда трепетали передъ губернскими властями. По отзывамъ ревизоровъ гласные бывали люди темные, безотвѣтные, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывались большими мастерами на всякія темныя сдѣлки, хищенія, передержки. По городамъ нигдѣ не водилось списковъ избирателей, на основаніи которыхъ можно было бы осуществлять правильное избраніе гласныхъ; поэтому немногочисленные избиратели по чьимъ-нибудь указаніямъ выбаллотировывали малолѣтнихъ, состоящихъ подъ судомъ, не имѣвшихъ осѣдлости въ городѣ и т. п.

Съ 20-хъ гг. уже начали обсуждать способы, какъ улучшить городское самоуправленіе, и тогда уже проницательные люди находили, что вся бѣда заключается въ зависимости гласныхъ отъ администраціи, въ ихъ несостоятельности. Находили полезнымъ привлечь наиболѣе образованныхъ дворянъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ. Съ другой стороны, назначали комиссіи чиновниковъ для наблюденія за городскими расходами. Недовѣріе къ общественнымъ силамъ задерживало реформы; во все царствованіе Николая I-го въ городскомъ управленіи оставался прежній хаосъ; самая городская жизнь приходила въ упадокъ. Несомнѣнно, что развитіе городовъ стѣснялось существованіемъ крѣпостного права, которое насильно скопляло населеніе въ уѣздахъ и поддерживало остатки натуральнаго хозяйства. Пытались поднять значеніе городскихъ сословій, учредивъ званіе почетныхъ гражданъ, личныхъ и потомственныхъ; но эти званія никого не привлекали къ служенію общественному дѣлу. Попрежнему одна за другой назначались разныя комиссіи для надзора за городскимъ хозяйствомъ; онѣ отнимали у городскихъ думъ всѣ обязанности, которыя возложила на нихъ грамота Екатерины II-ой. Наконецъ, послѣ долгихъ пересмотровъ, въ 1846 г. ввели сословный порядокъ въ обывательское самоуправленіе: въ общую думу выбирались представители 5 городскихъ сословій. Но это положеніе успѣли ввести

только въ Петербургѣ и гораздо позже въ Москвѣ и Одессѣ. Вся масса городовъ дожидалась эпохи общихъ преобразованій. Положеніе составлялъ Милютинъ, впослѣдствіи извѣстный дѣятель крестьянской реформы, и надолго прослылъ опаснымъ либераломъ; сословность и цэнзъ играли бо̀льшую роль въ его положеніи, чѣмъ въ старомъ екатерининскомъ, но давали практически болѣе шансовъ развитію самоуправленія, и уже по-одному этому пугали консерваторовъ.

Съ XIX в. промышленность начала, наконецъ, выходить на путь болѣе естественнаго развитія. До этой поры поддерживалось производство тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ нуждалась казна—сукна, холста, кожи и т. п. Въ концѣ XVIII в. за границей, съ возникновеніемъ паровыхъ машинъ, необыкновенно быстро развилась хлопчатобумажная промышленность; она упразднила ручное ткачество, пустила въ оборотъ массы новаго дешеваго товара и произвела хозяйственный переворотъ, вытѣсняя понемногу національные деревенскіе наряды домашняго приготовленія. Скоро хлопчато-бумажныя фабрики появились и въ Россіи, первое время работая заграничной пряжей, которая быстро дешевѣла; но введеніе континентальной системы остановило ввозъ пряжи и побудило завести свои прядильни. Эти фабрики важны были тѣмъ, что принадлежали частнымъ лицамъ, не пользовались покровительствомъ казны и дѣйствовали исключительно вольнонаемнымъ трудомъ; хлопчатая бумага несомнѣнно способствовала установленію вольнаго труда въ Россіи. Съ 1803 г. въ правительствѣ установилось мнѣніе, что фабричное дѣло можетъ хорошо идти только въ частныхъ рукахъ и улучшится только подъ этимъ условіемъ. Давая владѣльцамъ прикрѣпленныхъ рабочихъ, казна опредѣляла размѣры производства и самой фабрики; хозяева не имѣли права сами сокращать или расширять производство по требованіямъ сбыта. Часто невольные рабочіе совсѣмъ не получали жалованья или получали его товаромъ, рѣже деньгами. Фабричный трудъ былъ для нихъ барщиной, которую они выполняли лѣниво и дурно; отвращеніе исполнителей къ работѣ мѣшало улучшенію техники производства и вредило доходности фабрики. Бунты поссессіонныхъ (фабрично-заводскихъ) крестьянъ почти не прекращались, вспыхивая то здѣсь, то тамъ. Жалобы на дурное обращеніе хозяевъ, на скудную плату, тяжесть работы такъ и сыпались въ руки государя и тяготили администрацію.

Между тѣмъ на частныхъ фабрикахъ, особенно на хлопчато-бумажныхъ, плата рабочимъ, сравнительно съ цѣной на предметы потребленія, какъ хлѣбъ, была довольно высока. Впослѣдствіи, повышаясь съ годами, она значительно отставала отъ роста цѣнъ на предметы первой необходимости; поэтому въ настоящее время, сравнительно съ дороговизной жизни, рабочіе получаютъ меньше, чѣмъ въ началѣ XIX в. Хорошимъ заработкамъ рабочихъ изъ крѣпостныхъ, конечно, мѣшала необходимость платить помѣщику оброкъ.

Негласный комитетъ друзей Александра I желалъ обезпечить за Россіей торговое значеніе южнаго края недавно вошедшаго въ ея составъ. Ради улучшенія экономическаго состоянія края, хотѣли поднять положеніе торговаго класса, давъ ему независимый судъ; тогда ввели особые коммерческіе суды, неподчиненные администраціи; они должны были защищать гражданъ даже отъ властей. Явились попытки надзора

за бытомъ фабрикъ; съ 1803 г. для поссессіонныхъ учрежденій стали составлять положенія. Попытка 1819 г. издать свободный тарифъ, допустившій ввозъ многихъ иностранныхъ издѣлій, привела къ закрытію многихъ фабрикъ и показала, что русское производство не можетъ еще свободно конкурировать съ иностраннымъ. Въ 1822 г. измѣнили тарифъ и наложили снова высокія пошлины на иностранные товары, что принудило обратиться къ русскимъ, и фабрики открылись. Этотъ тарифъ былъ подтвержденъ при Канкринѣ въ 1833 г.

Министръ Канкринъ не любилъ промышленныхъ заведеній; самое увеличеніе потребностей находилъ крайне вреднымъ; онъ видѣлъ пользу только въ занятіи земледѣліемъ и радовался развитію кустарныхъ промысловъ, простыхъ, безхитростныхъ, которые, не отрывая крестьянъ отъ земли, снабжаютъ ихъ нужными въ хозяйствѣ вещами. Тѣмъ не менѣе капиталисты, промышленники изъ купцовъ и дворянъ-душевладѣльцевъ, оказывались уже силой въ русскомъ обществѣ, и министръ долженъ былъ считаться съ ихъ дѣятельностью и заботиться о нихъ. Сношенія съ приписными рабочими и ихъ малопроизводительный трудъ начали такъ тяготить фабрикантовъ, что въ 30—40-хъ гг. послѣдніе часто просили разрѣшенія отпускать ихъ съ паспортами, даже совсѣмъ увольнять для приписки въ другое званіе. Скоро и государственный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что поссессіонное владѣніе фабриками не соотвѣтствуетъ новымъ условіямъ промышленности. Въ 1840 г. особымъ закономъ разрѣшили фабрикантамъ увольнять приписныхъ рабочихъ съ правомъ, если за приписку были выплачены деньги, получать изъ казны 36 руб. за каждую душу. Выселенія и переселенія увольняемыхъ, при тогдашнихъ крутыхъ полицейскихъ мѣрахъ, часто сопровождались волненіями.—Такъ сказывалось приближеніе общаго освобожденія крѣпостныхъ. Въ 1835 г. вышло первое „Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и ихъ рабочими“, а черезъ 10 лѣтъ запретили ночную работу малолѣтнихъ до 12-лѣтняго возраста. Эти правила были проведены противъ желанія мануфактурнаго совѣта [1]), впрочемъ, они очень долго оставались мертвой буквой, нисколько не улучшая положенія рабочихъ.

Вѣдомство полиціи получило впервые сложное развитіе. Грубая тайная канцелярія XVIII в. дѣйствовала въ столицѣ; ей присылала провинціальная администрація людей опасныхъ для верховной власти, оказавшихъ непочтеніе. Теперь послѣ событій 14 декабря признали необходимымъ установить наблюденіе за всей общественной и умственной жизнью населенія имперіи; оно ввѣрено III-му отдѣленію Е. И. В. Канцеляріи, начальникомъ которой сдѣлалось очень довѣренное лицо. Въ вѣдѣніе отдѣленія входили всѣ распоряженія и извѣстія по высшей полиціи, свѣдѣнія о расколахъ и сектахъ, открытіе дѣлъ по фальшивымъ монетамъ, документамъ и т. д., дѣла о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, высылка и размѣщеніе ихъ, мѣста заточенія государственныхъ преступниковъ, постановленія о живущихъ въ Россіи иностранцахъ, свѣдѣнія о

[1]) Совѣтъ коммерческій или мануф. открытъ Канкринымъ при мин. фин. съ отдѣленіями въ большихъ городахъ; въ нихъ входили непремѣнные члены изъ мѣстныхъ купцовъ.

всѣхъ безъ исключенія происшествіяхъ, статистическія свѣдѣнія по полиціи; къ этому широкому вѣдомству позже были присоединены — театральная цензура, наблюденія за журналистикой, наконецъ дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крѣпостными. Особый корпусъ жандармовъ сдѣлался исполнительной силой отдѣленія. Территорія распредѣлилась между 8 жандарм. округами съ ихъ отдѣлами. Теперь не одна верховная власть и церковь, но весь административный строй до самаго низу, съ мелкими правилами и учрежденіями сталъ священнымъ и незыблемымъ въ цѣломъ; всѣ намѣренія, помыслы, сужденія подлежали вниманію начальствъ. Возникло особое опредѣленіе „неблагонамѣренный“, т.-е. болѣе или менѣе самостоятельно мыслящій. Такихъ не любили на службѣ. Наблюденіе проникало въ глубь страны, въ уголки ея и тѣснило въ узкія душныя рамки умственную жизнь и дѣятельность людей. Иниціатива, самостоятельная мысль искоренялись всюду, даже въ средѣ служащихъ.

Императоръ сдѣлалъ своей главной заботой армію; военная служба ставилась тогда на первый планъ; введеніе военныхъ порядковъ считали лучшимъ способомъ исправленія всякой администраціи; поэтому многимъ чисто гражданскимъ вѣдомствамъ дали военную организацію; таковы межевое дѣло, лѣсное, пути сообщенія; ихъ спеціальныя учебныя заведенія обращались въ военныя, явилась увѣренность, что Россія по своему самодержавному строю и патріархальности быта гораздо счастливѣй западной Европы и служитъ оплотомъ противъ ея безпорядочно мятущихся обитателей; возникло даже какое-то самообольщеніе, что все въ Россіи прекрасно, что военныя силы ея непобѣдимы, доходившее до необыкновеннаго самодовольства. Между тѣмъ, благодаря застою во всемъ, и военныя силы страдали. Съ 1845 г. ростъ доходовъ слабѣлъ, а расходы очень быстро росли, и въ 1850 г. получился дефицитъ 38 милл. при общемъ бюджетѣ въ 200 мил., который старались таить даже отъ государственнаго совѣта. Приходилось сокращать расходы на армію. Оружія новаго образца совсѣмъ не вводили (перевооруженіе стоитъ дорого); солдаты имѣли еще старые кремневые ружья; артиллерія тоже не обновлялась. Флотъ состоялъ изъ деревянныхъ парусныхъ судовъ, когда Европа ввела паровыя и покрытыя броней.

Новизной вообще пренебрегали, вѣрили въ штыкъ, саблю и личную стойкость солдатъ. Всѣ порядки отдавали стариной. Въ 1850 г. полки строились какъ при Кутузовѣ. Учили маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, цѣнили выше всего чистоту движеній, не щадя жизни при выправкѣ. Мѣткостью стрѣльбы совершенно пренебрегали. Въ ней мало упражнялись, щадя патроны. Не учили справляться съ трудностью мѣстности, ходить по горамъ, примѣняться къ обстоятельствамъ; разсуждать никто не смѣлъ: за инициативу наказывали, за офицерами былъ такой же тайный надзоръ, какъ и за вольными обывателями. Образованія въ нихъ не цѣнили. Войско, побѣдившее Наполеона, нуждалось только въ строгости, чтобы сохранить былой духъ.

XL.

Національное самосознаніе въ обществѣ. Западники и славянофилы. Университеты и гимназіи при Николаѣ I. Стѣсненія раскольниковъ и уніатовъ.

Александровская эпоха съ ея колоссальной борьбой народовъ, сопровождавшейся ихъ обособленіемъ въ тѣсныя національныя связи, имѣла огромное значеніе въ исторіи Россіи. Впервые лучшіе русскіе люди научились дѣлать самостоятельное употребленіе изъ культурнаго матеріала, заимствованнаго съ запада. Впервые готовые образцы школъ стали сознательно примѣнять къ русской жизни. Университетскіе центры начали проявлять самостоятельность и оказывать нѣкоторое вліяніе на общество. Учебныя заведенія возникали естественнымъ путемъ изъ потребностей и при содѣйствіи самого общества. Но зато сверху сила просвѣтительнаго движенія получила новую оцѣнку. Наука, прежде такая желанная гостья въ Россіи, перевозимая изъ-за границы очень дорогой цѣной, казалась теперь опасной союзницей общественныхъ движеній запада. Власти уже не покровительствовали образованію, какъ это дѣлалось со временъ Петра, и высшія учебныя заведенія подчинялись строгому надзору.

Но, несмотря на многія стѣсненія, именно въ эту пору наука въ Россіи показала, какъ непобѣдима сила свободнаго творчества человѣческаго духа; она теперь-то именно привилась къ русской жизни и сыграла первостепенную роль въ общественномъ развитіи. Благодаря ей, возникла наклонность глубже всматриваться въ явленія человѣческой и міровой жизни, не довольствуясь вопросами внѣшняго быта. Еще при Александрѣ I кружки молодыхъ людей, студентовъ и писателей собирались потолковать о философіи, которая процвѣтала въ то время въ Германіи. Философія учила тогда, что мыслить и жить—одно и то же: все вещественное въ мірѣ тѣсно связано съ духовнымъ, идеальнымъ. Молодежь не соглашалась съ просвѣтителями XVIII в., что во имя разума можно внѣшней силой измѣнять жизнь людей и даже цѣлыхъ народовъ; молодые люди видѣли разумность въ самой жизни, въ бытіи простой народной массы, хотя бы эта масса сама этого и не сознавала. Ихъ занимала сама жизнь, самъ народъ со своими лучшими и худшими сторонами.

Они прежде всего стремились познать человѣка въ его духовной и матеріальной жизни, и уже изъ познанія его вывести законы, по которымъ улучшается бытіе, совершенствуются люди. Человѣку ничего нельзя навязывать, говорили тогда; все развивается изъ его же бытія. Эта философія помогла установиться наукѣ XIX в.— *исторіи*, изучающей явленія народной жизни въ ея постепенномъ развитіи. Послѣ приговора надъ многими профессорами въ Петербургѣ умственная жизнь затихла на нѣкоторое время, и временно перенеслась въ Москву, къ старѣйшему университету. Въ эту пору проявилась рѣзкая перемѣна въ составѣ студенчества. Прежде учились главнымъ образомъ разночинцы ради карьеры, дѣти духовенства, мелкихъ чиновниковъ и очень небольшое число дво-

рянъ. Съ 20-хъ годовъ въ университеты нахлынуло дворянство, и даже знатное. Свободные, обезпеченные юноши учились ради образованія; самостоятельно, не торопясь, среди своего обычнаго досуга они много читали, разрабатывали жгучіе вопросы своего времени, на которые наталкивала университетская наука. Они очень подняли настроеніе и независимый духъ студенческихъ кружковъ. Сами профессора и ученые чувствовали себя сильнѣй и тверже прежняго.

Повсюду въ Европѣ вмѣстѣ съ ростомъ значенія 3-го сословія возникало *гуманистическое* направленіе въ образованіи, основанное на изученіи древнихъ языковъ, латинскаго и греческаго, и древней словесности: человѣку стремились дать свободное общечеловѣческое образованіе, его учили и развивали ради него самого, а не для какой-либо внѣшней спеціальной цѣли. Позже, во 2-й половинѣ вѣка, проявляются національныя начала, когда получаетъ политическое значеніе низшее сословіе. У насъ правительство, едва принявъ ту же классическую систему образованія, стремилось уже къ проведенію національныхъ началъ и вмѣстѣ къ поддержанію извѣстной сословности. Организованный въ 1826 г. „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній" принялся за пересмотръ учебно-воспитательной части съ цѣлью ввести въ ней единообразіе, не допускающее произвола въ преподаваніи. Къ 1828 г. поспѣли уставы гимназій и народныхъ училищъ. Элементарныя школы были теперь совершенно оторваны отъ среднихъ и высшихъ и предназначены исключительно для низшихъ классовъ населенія. Открытіе частныхъ школъ было до крайности стѣснено небывалой еще регламентаціей, а въ столицахъ съ 1833 г. и вовсе запрещено. Сельскія и городскія власти въ силу этого еще неохотнѣй отпускали средства на приходскія училища. Уѣздныя училища были, однако, приняты на счетъ казны. Послѣ польскаго мятежа въ западномъ краѣ закрыли всѣ католическія приходскія училища и предписали завести русскія школы при православныхъ церквахъ. Несмотря на всѣ усилія министерства государственныхъ имуществъ, въ казенныхъ селеніяхъ школы дѣйствовали очень плохо по сознанію самого министра Киселева. Принудительныя мѣры губернскихъ палатъ и волостныхъ правленій только отталкивали крестьянъ, возбуждая нелѣпые слухи о припискѣ школьниковъ въ кантонисты и т. д. Многія училища какъ казенныхъ, такъ и крестьянъ удѣльнаго вѣдомства существовали только на бумагѣ или служили для обученія однихъ писарей.

Гимназіи по уставу 1828 г. получили двоякую цѣль: готовить къ слушанію университетскихъ лекцій и давать приличное воспитаніе. Онѣ состояли изъ 7-ми классовъ. Многіе предметы, какъ право, политическая экономія, были устранены; основой образованія были теперь признаны— древніе языки и математика; преподаваніемъ стремились достигнуть основательности знанія и развитія патріотическаго духа. Въ однѣхъ гимназіяхъ преподавались оба древніе языка, въ другихъ одинъ латинскій. При гимназіяхъ открывали благородные пансіоны. Предполагалось, что пансіонеры будутъ проходить полный гимназическій курсъ. На дѣлѣ его ухитрялись сокращать спеціально для дворянъ. Частные пансіоны, вопреки стѣсненіямъ, продолжали открываться во множествѣ. Уставъ окончательно вошелъ въ силу только къ 1837 г., когда уже вводился и новый университетскій уставъ 1835 г.

Министръ народнаго просвѣщенія, гр. Уваровъ, ставилъ такія задачи реформѣ: „Посреди быстраго паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ началъ, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ: найти начала, на коихъ зиждется благоденствіе, силы, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные останки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія“... эти начала—православіе, самодержавіе, народность. Тріединыя начала получили названіе „оффиціальной народности“. Такимъ образомъ, вводя гуманистическое образованіе человѣка, еще не рѣшались воспитывать его ради него самого: къ воспитанію примѣшивались политическія цѣли. Надъ университетами былъ назначенъ строгій надзоръ. Въ высшія школы стали усиленно привлекать дворянскую молодежь, ограждая послѣднихъ отъ частныхъ пансіоновъ, прежде столь вліятельныхъ; доступъ же въ нихъ людямъ низшихъ классовъ по возможности затрудняли. Всѣ школы—низшія, среднія, университеты одинаково подчинялись попечителю округа. Только ректоръ и деканы [1]) были еще первое время выборными. Инспектора студентовъ назначались попечителемъ изъ постороннихъ, даже изъ военныхъ. Форма одежды, поведеніе студентовъ подчинились строгимъ правиламъ. Преподаванію старались дать прикладной характеръ: философію, все умозрительное ослабляли и стѣсняли. Выдѣлили въ особые курсы исторію Россіи и славяновѣдѣніе. Въ Литвѣ закрыли Виленскій университетъ, а вмѣсто него открыли въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра, который долженъ способствовать подавленію духа отдѣльной польской національности и сліянію ея съ обще-русскимъ духомъ. Нѣмецкій Дерптскій университетъ пока не трогали, надѣясь постепенно обрусить его; однако сильно сократили его свободный уставъ. Наука и просвѣщеніе становились орудіями для политическаго воспитанія русскаго населенія и для обрусенія жителей окраинъ.

Но всѣ эти уставы не спасали русское общество отъ вліянія запада. Въ 40-хъ годахъ начали и классическое образованіе находить вреднымъ источникомъ вольнодумства: бытъ древнихъ народовъ былъ слишкомъ проникнутъ республиканскимъ духомъ. Преподаваніе латинскаго языка значительно ослабили, даже совсѣмъ избавляли отъ него; греческій сохранился всего въ 9-ти гимназіяхъ; сократили и программу математики; зато ввели законовѣдѣніе, собрались уже дать преобладаніе естественнымъ наукамъ. Классическая система разрушилась. Университетское образованіе послѣ народныхъ волненій, охватившихъ Европу въ 1848 г., стало казаться просто опаснымъ. Какъ ни стремились создать профессоровъ русскими доморощенными способами, все-таки приходилось посылать ихъ за научными свѣдѣніями за границу, и они привозили оттуда и философскій духъ и разныя новинки. Число слушателей въ университетахъ сильно росло, и Уваровъ еще въ 1840 г. говорилъ, что пора позаботиться, чтобы стремленіе къ наукамъ не поколебало „порядокъ гражданскихъ сословій“. Но совершенно напрасно пугался онъ прилива студентовъ изъ низшихъ классовъ: тогда еще его не замѣчалось.

[1]) Завѣдующіе факультетами, т.-е. отдѣленіями въ университетахъ.

Въ 1849 г. число своекоштныхъ студентовъ сократили до 300 на каждый университетъ; дворянамъ рекомендовали поступать въ военно-учебныя заведенія и въ ряды войскъ. Въ среднихъ и высшихъ школахъ завели обученіе маршировкѣ и военнымъ упражненіямъ. Ректоровъ уже начали назначать отъ правительства; сократили цѣлый рядъ наукъ; программы и лекціи подчинили строжайшей цензурѣ. Нѣкоторыя допущенныя отрасли философіи разрѣшали преподавать только богословамъ. Особенно рѣзко сказалось отступленіе отъ сохраненія „останковъ народности“, когда начали преслѣдовать славянофиловъ, запретили профессорамъ говорить о вѣчѣ, земскихъ соборахъ и т. д. Университеты стали замирать. Профессора охладѣвали къ дѣлу. Въ Петербургскомъ университетѣ къ воцаренію Александра II-го число своекоштныхъ слушателей упало до 159-ти.

Къ раскольникамъ и сектантамъ правительство Николая I-го относилось очень строго. Вѣроисповѣдныя ученія стали разслѣдовать административнымъ и полицейскимъ путемъ и раздѣлили ихъ по группамъ — на болѣе и менѣе вредныя. Въ 1831 г. возникъ особый секретный комитетъ, который долженъ былъ осторожно, безъ шума, производить давленіе на раскольниковъ, стѣснять ихъ въ совершеніи ихъ обрядовъ. Новыхъ молитвенныхъ домовъ они не могли строить. Бѣгство священниковъ въ расколъ строго наказывалось и скоро стало невозможно; раскольничьяго монашества не признавали, скиты не смѣли болѣе никого принимать. Къ тому же многіе изъ нихъ были уничтожены или перечислены въ единовѣрческіе. Такіе же комитеты возникали и въ провинціи при участіи тайной полиціи. Послѣ революціоннаго 1848 г. отношеніе къ расколу стало еще суровѣе: подъ вліяніемъ изслѣдователей и чиновниковъ, изучавшихъ его, въ немъ стали видѣть опасныя политическія ученія. Всѣ отпавшіе отъ православія были поручены вѣдѣнію „временнаго управленія“. Раскольники и сектанты, съ своей стороны, прибѣгали къ строгой тайнѣ, тратили огромныя средства своихъ богачей-купцовъ на подкупы и успѣли притаиться въ ожиданіи болѣе спокойныхъ временъ. При императорѣ Николаѣ духовенство занялось очень усердно подготовкой миссіонеровъ для увѣщанія раскольниковъ и собесѣдованій съ ними; но среди множества полицейскихъ мѣръ эта дѣятельность терялась, лишалась необходимой спокойной независимости и не приносила пользы. Въ западномъ краѣ и въ Польшѣ послѣ мятежа 1830 — 31 гг. были приняты мѣры противъ дальнѣйшаго существованія уніатской церкви. Еще ранѣе, въ 1828 г., ее отдѣлили отъ католической церкви и подчинили особой коллегіи. Съ 1831 г. закрыли много монастырей, принимавшихъ участіе въ возстаніи, уніатскіе обращали въ православные. Въ 1837 г. уніатскіе церкви были подчинены святѣйшему синоду. Изъ нихъ старательно устраняли католическіе обряды, ради скорѣйшаго слiянія ихъ съ православными; духовныя лица, отстаивавшія уніатскіе обряды, удалялись, переводились въ другія мѣста. Въ 1839 г. послѣдовалъ указъ о присоединеніи уніатской церкви къ православной; послѣднія епархіи закрылись однако только въ 1875 г.

Благодаря постепенному приспособленію къ государственной службѣ большихъ массъ дворянства, (выплачиваемыя его крестьянами подати возвращались ему жалованьемъ), и кое-чему поучившихся разночинцевъ,

отсутствію корпоративнаго духа, пониманія общественныхъ интересовъ, былое національное возбужденіе политически затихло и расплылось въ консервативный застой. Эгоистическая боязнь подъема массъ побудила успокаиваться на „оффиціальной народности". Строжайшая цензура печати и слова поддерживала мертвящій консерватизмъ. По условіямъ жизни русскаго населенія врядъ ли въ какой другой странѣ цензура имѣетъ такую силу, какъ въ огромной Россіи, особенно до введенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, телефона. Населеніе разбросано маленькими группами по огромному пространству, разобщавшему его: высшій и низшій классъ раздѣляла пропасть, какъ нигдѣ. Одно крылатое свободное слово помогло бы общенію мыслей, сообщало бы свѣдѣнія внѣ узкихъ мѣстныхъ мірковъ. Потому-то система и видѣла въ немъ самого страшнаго врага. Министръ Уваровъ говорилъ въ дополненіе знаменитой формулѣ народности. „въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ, это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда захочетъ". Когда академикъ Кеппенъ попробовалъ обсуждать постановку почтоваго дѣла въ Россіи, то администрація вознегодовала: „публичное порицаніе частнымъ человѣкомъ какой-либо отрасли государственнаго управленія, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти, есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія".

Цензура дѣйствовала логично, систематично и такъ давила мысль, что реакціонные журналисты восклицали: „за что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій?!"

Администрація пользовалась силой печати и имѣла свою консервативную прессу изъ газетъ („Моск. Вѣд." и др.) и журналовъ. Профессоръ Погодинъ и Шевыревъ въ журн. „Москвитянинъ" съ убѣжденностью поддерживали идеи оффиціальной народности. Не мало честныхъ писателей и дѣятелей, не изъ чиновъ и карьеры, а наивно-искренно восхищались высотой народнаго духа крѣпостной Россіи и презирали „гнилой Западъ", который пахнетъ „трупомъ". Историкъ Полевой называлъ эти восторги „кваснымъ патріотизмомъ". Среди духоты и гнета живая душа націи, однако, работала, развивалась великая національная сила, самостоятельная литература. „Литература—нашъ парламентъ", говоритъ Карлейль о новыхъ временахъ, и этотъ парламентъ сдѣлался огромной силой въ Россіи именно съ эпохи Николая I-го.

Сильно двинулась впередъ и наука. Среди приниженнаго неподвижнаго общества съ 30-хъ гг. начались выдѣляться маленькія группы учащейся молодежи, главнымъ образомъ, около московскаго университета: они зачитывались нѣмецкими философами, отчасти французскими соціалистами и возмущались „противорѣчіями ученья съ жизнью", они не позволяли окружающему затянуть себя подъ общій уровень крѣпостническаго общества.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ получила большое вліяніе философія Гегеля. Громадный критическій умъ этого мыслителя разбиралъ всѣ отрасли наукъ по ихъ содержанію и отношенію къ жизни — богословіе, право, исторію, и т. д. до науки о нравственности, этики, включительно. Въ жизни онъ строго раздѣлялъ *существующее*,—то готовое, созданное, что́ каждое поколѣніе застаетъ въ мірѣ, отъ *становящагося*, —того живого и дѣятельнаго, что каждое поколѣніе само вноситъ въ окружающій

міръ. *Все живущее* и *дѣйствующее разумно*, заключалъ Гегель, этимъ признавая величіе и верховную силу вѣчнаго развитія, вѣчнаго движенія впередъ. Русская молодежь, горячая и честная, глубоко проникалась такими мыслями и связывала съ ними свои завѣтныя мечты,—исканіе правды въ жизни, истинныхъ путей въ общественной дѣятельности. За размышленіями надъ разумностью человѣческой жизни вообще скоро послѣдовалъ жгучій вопросъ: къ чему стремиться? Чего желать для родины?— За прошлое, за то, что уже существуетъ, никто изъ молодежи не отвѣтственъ. Но за то, что „становится“, т.-е. созидается силами молодого поколѣнія, за то оно нравственно отвѣчаетъ. Тутъ среди молодежи возникли разногласія. Одни настолько проникались любовью къ родному народу, къ пережитой имъ старинѣ, къ созданному имъ общежитію, что считали все родное исключительно разумнымъ. Жизнь западныхъ народовъ они находили черезчуръ сухой, эгоистичной и разсудочной. Западныя государства возникли насиліями и борьбой и поэтому страдаютъ внутренними раздорами и склонностью къ переворотамъ. На западѣ нѣтъ истиннаго общественнаго духа. Личности слишкомъ стремятся выдѣлиться и проявлять себя; они любятъ составлять обособленные кружки, партіи, которыя преслѣдуютъ свои цѣли, забывая про свой народъ и государство. Не такова Россія; ея государство сложилось внутреннимъ объединеніемъ народа; ея вѣра, православіе, черпаетъ свои основы съ востока, оттуда, гдѣ родилось христіанство, не примѣшивая къ нему западныхъ умствованій. Русскій народъ не такъ рѣзко разбивается на сословія; въ немъ больше единства, чѣмъ среди западныхъ народовъ; личности охотно сливаются въ общественную массу. Эти патріоты съ особенной любовью относились къ сельскому міру, къ крестьянской общинѣ съ ея владѣніемъ землей сообща. Все это нравственно выше устарѣвшей западной общественности со всѣми ея корпораціями, партіями, соціальными ученіями, говорили они. Возвеличивая русскую народность, патріоты шли дальше: они проповѣдывали объединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, которыя, окрѣпнувъ, положатъ предѣлъ преобладанію гордыхъ германцевъ и покажутъ міру новыя формы справедливой жизни, научатъ высшему пониманію нравственности. Они осуждали Петра Великаго, научившаго русскихъ преклоняться передъ западнымъ просвѣщеніемъ и заимствовать чужіе обычаи. Съ его времени образованное меньшинство отдѣлилось отъ народа и стало чуждо ему. Давно пора исправить эту ошибку, отрѣшиться отъ „гнилого“ запада и слиться воедино съ народной массой, проникнуться ея общественнымъ духомъ и смирять передъ нимъ свою личную волю. Ради этого необходимо прежде всего отмѣнить крѣпостное право. Молодые патріоты получили названіе *славянофиловъ* (славянолюбовъ).

Другая часть молодежи не признавала такого рѣзкаго разграниченія народностей; она вѣрила въ общія основы человѣческаго развитія. Ея представители справедливо находили, что прошлое Россіи гораздо мрачнѣе, чѣмъ это рисовали ихъ друзья, а въ будущемъ русскимъ придется испытывать не мало такихъ же переворотовъ, какіе пережиты Европой, и это послужитъ имъ на пользу; они находили въ западной жизни истинную общественность и больше человѣчности, чѣмъ на родинѣ, а на сельскій міръ, на крестьянскую общину смотрѣли съ сомнѣніемъ,

не придавая имъ просвѣтительно-нравственнаго значенія, и вовсе не считали это деревенское общежитіе за древніе устои народнаго быта. Эта молодежь вѣрила въ значеніе и права человѣческой личности и считала вреднымъ принижать ее, такъ какъ сильныя, самостоятельныя личности создаютъ и сильное общество. Они прославляли Петра, стояли за дальнѣйшія заимствованія, за широкое общеніе народовъ, всего человѣчества. Представители этого мнѣнія назывались *западниками*. Взгляды обѣихъ партій вытекали изъ того же народнаго движенія, подкрѣплялись тѣмъ же подъемомъ научнаго просвѣщенія, но, касаясь будущаго Россіи, они совершенно расходились: одни представители молодежи стремились къ дальнѣйшему сближенію съ европейской культурой, другіе звали современниковъ назадъ, „домой", къ обычаямъ допетровской Руси, чтобы оттуда начинать разработку чисто русской культуры. Славянофилы заглядывали то далеко назадъ, въ историческое прошлое, то увлекались въ туманную даль будущаго славянскаго міра и новаго православнаго богословія. Мало понятные простой читающей публикѣ, они кромѣ того занимали очень шаткое положеніе: съ одной стороны, ихъ взгляды на націю почти совпадали съ правительственными, опиравшимися на православіи, самодержавіи и народности, съ другой, они такъ любовно говорили о народѣ, такъ горячо негодовали на крѣпостное право, что цензура очень строго относилась къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, славянофилы помогли пробужденію интереса къ жизни народной массы, а ихъ ученые труды были очень важны для исторіи Россіи. Позже, послѣ реформъ Александра II, лучшія стороны ихъ ученій возродились въ такъ называемомъ народничествѣ.

Зародилась и третья группа подъ дѣтскими впечатлѣніями 14-го декабря, стиховъ Рылѣева, а затѣмъ подъ вліяніемъ знакомства съ идеями французскаго соціализма. Центромъ ея была личность огромнаго таланта—Герценъ. Онъ читалъ Гегеля уже подъ 30 лѣтъ, и все-таки призналъ, что его мощное ученіе „необыкновенно освобождаетъ человѣка отъ міра преданій, переживших себя". Свобода личности и полнота ея существованія—необходимое условіе человѣческаго бытія, говорилъ Герценъ. Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ — индивидуализмъ) вотъ геркулесовы столбы великой борьбы: въ ихъ взаимоотношеніяхъ „мучительная задача нашего вѣка", „весь соціализмъ". Кружки Герцена часто страдали за смѣлость мысли. Но они оказывали сильное вліяніе на западниковъ, на подростающія поколѣнія писателей. Въ тяжелые годы 1847—8 усиливающагося гнета соціально-экономическая литература все-таки проникала въ Россію и ею зачитывались будущіе дѣятели эпохи реформъ. Но преслѣдованія самыхъ чтеній и бесѣдъ къ 1849 дошли до крайнихъ предѣловъ.

Ради обособленія отъ волнующейся Европы внутри Россіи были приняты крайнія мѣры къ дисциплинированію общества. Сама цензура была отдана подъ власть негласнаго комитета, который каралъ за напечатанныя уже произведенія и авторовъ, и цензоровъ; онъ просуществовалъ до 1856 г. Крѣпостное право снова оказалось необходимымъ для спокойствія страны, и всякія разсужденія о немъ были прекращены. Иностранныя книги задерживались. Чтеніе въ обществѣ становилось опаснымъ и преступнымъ. Въ дѣло Петрашевскаго, которое даже строгіе

современники признавали пустяками, были замѣшаны лица, подобныя знаменитому писателю Достоевскому, и поплатились ссылкой на каторгу.

Герценъ съ друзьями удалился за границу. Горячіе политическіе споры кружковъ очень возбуждали дѣятельность мысли. Изъ среды западниковъ вышелъ великій вдохновитель литературныхъ мнѣній—Бѣлинскій. Общественное движеніе и патріотическое настроеніе александровской эпохи въ связи съ сильнымъ западнымъ вліяніемъ выдвинули литературу на самостоятельный путь. Затишье въ общественной жизни эпохи Николая I породило наклонность къ самоуглубленію и созерцанію душевныхъ движеній. Личность человѣка, повседневная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ особенно занимаетъ писателей. Доступность языка переводовъ Жуковскаго, рядъ новыхъ словъ и оборотовъ, введеныхъ въ обиходъ Карамзинымъ, облегчили литературную работу. Басни Крылова блистательно соединили вліяніе западной литературной школы съ чисто русскою рѣчью, русскимъ юморомъ. Проникновенная наблюдательность Грибоѣдова, опредѣленность его нравственныхъ запросовъ создали яркую картину общественныхъ пороковъ старой Россіи, противъ которыхъ съ юношескимъ пыломъ выступаетъ представитель лучшаго поколѣнія и разбивается душой. Съ 30-хъ годовъ творческій духъ, вѣками таившійся въ русскомъ обществѣ, прорывается наружу. Пушкинъ, подъ сильнымъ вліяніемъ романтизма Байрона, выдвинулъ героевъ со сложной душевной жизнью, недовольныхъ духотой затишья, тѣсными рамками, куда втискивалось существованіе русскаго человѣка. Поэтъ разработалъ всѣ литературныя формы, создалъ великолѣпную лирику, далъ образчикъ исторической драмы, историческаго романа; въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ явилась попытка создать разсказы изъ обыденной жизни, въ „Дубровскомъ“—опытъ повѣсти общественнаго характера, обличавшаго провинціальные нравы крѣпостной Россіи.

Въ своей лирикѣ и въ изображеніи сильныхъ, но изломанныхъ пустотой жизни натуръ Лермонтовъ пошелъ еще дальше. А затѣмъ творцомъ новѣйшей глубоко обличительной литературы явился Гоголь. Съ его времени она стала отражать дѣйствительность и вмѣстѣ высказывать опредѣленное сужденіе о ней, прямо или косвенно наталкивая на необходимость борьбы съ нею, на созиданіе лучшаго. Сатира Гоголя произнесла безповоротный приговоръ надъ безжизненной русской общественностью, надо всѣми порядками, представлявшими одну внѣшнюю декорацію дѣятельности и службы, но лишенными всякаго дѣятельнаго содержанія. Грозно было то, что не на пороки русскихъ дѣятелей обрушивалась сатира—пороки исправляются,—а на ихъ ничтожество. Герои Гоголя сіяли такой самодовлѣющей пошлостью, такимъ подмалеваннымъ ничтожествомъ, для которыхъ нѣтъ мѣръ исправленія. Порочный еще можетъ таить сознаніе добра, отъ котораго оттолкнулся, но пошлость безсознательна. Общество, порастающее налетомъ пошлости, требуетъ коренного переворота, рѣзкихъ реформъ для своего улучшенія.

Съ Гоголя начинается расцвѣтъ русской литературы. Общественные взгляды, заглушенные въ порывахъ къ общественной дѣятельности, рвутся къ жизни въ беллетристикѣ. Въ произведеніяхъ великихъ художниковъ отражается бытъ того или другого сословія съ его темными сторонами, его неудовлетворенными потребностями, его горестями и жаждой лучшаго.

Тургеневъ исторически вѣрно охарактеризовалъ русское дворянство, избалованное даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, безсильное нравственно, даже въ своихъ образованнѣйшихъ представителяхъ, неспособное къ энергичному, плодотворному труду. Некрасовъ явился поэтомъ народнаго горя и рѣзкимъ, жгучимъ стихомъ освѣтилъ ужасы нищеты, безвѣстныхъ страданій и униженій. Драматургъ Островскій выдвинулъ передъ публикой цѣлое темное царство,—городской классъ, опирающійся на деньги и наживу, невѣжественный и тупѣющій въ своей обособленности, царство мелкихъ тирановъ, терзающихъ всѣхъ, кто отъ нихъ зависитъ, и робѣющихъ въ свою очередь предъ властями другой среды.

Позже народились художники бытописатели, рисовавшіе міръ духовенства и административную среду. Наконецъ, особое всеобъемлющее значеніе получили великіе знатоки сердца человѣческаго—Достоевскій и, едва выступившій на литературное поприще, Толстой. Всѣ они достигли полнаго блеска своей дѣятельности уже въ эпоху реформъ Александра II-го.

Литература исполняла свою роль, какъ могла, подъ давленіемъ цензуры и полицейскаго гнета; она боролась съ застоемъ. Разъясняя противорѣчія жизни, освѣщая гнетущія соціальныя условія быта, она подготовляла лучшую часть общества къ неизбѣжнымъ реформамъ. Но только тяжелыя потрясенія приблизили эти реформы. Обособленность Россіи позволяла зажмуриваться на ея внутреннюю слабость и отсталость. Ея рѣшительное столкновеніе съ западными державами вскрыло на время передъ глазами правительства непригодность ея строя.

XLI.

Внѣшняя политика. Война съ Турціей. Возстаніе въ Польшѣ. Осложненія въ Восточномъ вопросѣ. Кавказъ. Восточная война 1855—56 гг. Парижскій миръ.

Правительству Николая I осталось въ наслѣдство очень трудное политическое положеніе. Новый императоръ являлся для своего времени самымъ яркимъ выразителемъ принциповъ самодержавія, а между тѣмъ въ Польшѣ и Финляндіи, связанныхъ съ Россіей его престоломъ, онъ обязывался быть убѣжденнымъ конституціоналистомъ. Создавалось ложное тяжелое положеніе; кромѣ того онъ принялъ на себя всѣ обязательства Священнаго союза въ той формѣ, какую они получили въ послѣдніе годы царствованія творца союза, Александра I. Въ 1820 г. на конгрессѣ въ Троппау Россія, Австрія и Пруссія подтвердили, что государство, предпринимающее реформы, опасныя для спокойствія другихъ государствъ, должно быть устранено отъ союза, т.-е. союзъ бралъ на себя охрану внутренняго распорядка странъ отъ воли населявшихъ ихъ народовъ. Англія не согласилась на такое постановленіе и заступилась за свободу государствъ въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Но скоро сказалось, а въ 1826 г. выяснилось вполнѣ, что интересы внѣшнихъ политическихъ сношеній, интересы экономическіе не совпадали съ симпатіями и антипатіями къ той или иной формѣ правленія. Ярый членъ Священнаго союза,

Австрія была врагомъ Россіи въ Турціи и славянскихъ земляхъ, а Франція, ненавистная по своему революціонному духу, могла быть союзницей Россіи на востокѣ. Въ Новомъ Свѣтѣ возникало открытое противодѣйствіе принципамъ Священнаго союза. Колоніи Испаніи и Португаліи подъ покровительствомъ Англіи освободились отъ нихъ и образовали самостоятельныя государства и республики. Президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, Монроэ, торжественно заявилъ, что всякая страна существуетъ для своего народа и только для него, и онъ одинъ властенъ распоряжаться ею. Противорѣчія возникали и въ самой Россіи. Тайныя общества грековъ, гетеріи, подготовившія возстаніе Греціи, сильнѣй всего дѣйствовали въ Россіи, и во главѣ движенія стояли греки русской службы, приближенные Александра I-го.

Англія открыто покровительствовала грекамъ, осторожно отстаивая однако существованіе Турціи. Это побудило и Александра измѣнить свое отношеніе къ единовѣрцамъ, но онъ почему-то не желалъ ихъ полной самостоятельности и тѣмъ раздражалъ возставшихъ. Къ 1827 г. Турція, благодаря египетскимъ войскамъ, уже почти подавила грековъ; своихъ обѣщаній улучшить положеніе Сербіи и Дунайскихъ княжествъ она и не думала исполнять. Отношенія ея къ Россіи такъ обострились, что война становилась неизбѣжной. Но одна Россія не могла начать ее: Англія твердо заявила, что этого не допуститъ. Пожелала и Франція участвовать въ рѣшеніи „восточнаго вопроса". Пришлось дѣйствовать сообща. Близъ Наварина союзный флотъ разсѣялъ турецкій и почти истребилъ его. Русскія войска сражались на Кавказѣ и на Дунаѣ. Крайне плохое состояніе финансовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ непобѣдимости русскихъ войскъ, побѣждавшихъ Наполеона, и нѣкоторое пренебреженіе къ турецкимъ силамъ сдѣлали то, что русское правительство выставило слишкомъ небольшое число войскъ на оба театра войны. Весной 1828 г. старый, уже потерявшій энергію фельдмаршалъ Витгенштейнъ занялъ Молдавію и Валахію и подошелъ къ Дунаю, когда еще ничего не было готово для большихъ походовъ. У Дуная такъ долго ждали матеріаловъ для сооруженія переправы, что турки успѣли подготовить всѣ свои крѣпости. Послѣ переправы русскія войска, дѣйствуя слабыми, разбросанными между этими крѣпостями отрядами, долго не могли достигнуть прочныхъ успѣховъ. Они постоянно поджидали подкрѣпленій изъ Россіи, которыя медлили въ пути по своей боевой неподготовленности и по недостатку средствъ для скораго снаряженія. Къ осени главная армія едва не оказалась сама въ осадномъ положеніи, окруженная превосходными силами турокъ. Прибытіе гвардіи и приближеніе нашего флота къ проливамъ выручили ее, но не сразу улучшили дѣла.

Послѣ зимняго отдыха разныя болѣзни начали удручать войска. Тѣмъ временемъ генералъ Дибичъ (родомъ пруссакъ) смѣнилъ Витгенштейна; онъ рѣшился на крайне смѣлую попытку: съ небольшими силами перейти Балканы и напасть на Адріанополь. Необходимая быстрота движенія задерживалась недостаткомъ припасовъ и боевыхъ принадлежностей, а въ тылу приходилось отстаивать захваченныя крѣпости. Турецкаго главнокомандующаго убѣдили уже, что русскіе будутъ осаждать Шумлу, когда Дибичъ шелъ черезъ Балканы; его появленіе у Адріанополя оказалось неожиданностью. Слабая внутренно, Турція упала духомъ, не-

смотря на превосходство силъ. Растерявшійся командиръ сдалъ 2-ю столицу турокъ. На востокѣ кавказская армія героическими усиліями завладѣла Эрзерумомъ. Султанъ уже склонялся къ заключенію мира. Тѣмъ не менѣе положеніе 20-ти тысячной арміи за Балканами было рискованно и опасно; она таяла отъ болѣзней, а турки выдвигали свѣжія албанскія войска. Но Дибичъ держался очень рѣшительнаго тона, грозилъ осенью приступить къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Слова его подкрѣплялись походомъ Киселева изъ Валахіи къ Константинополю, и турки согласились на переговоры.

Въ Закавказьѣ турецкая война осложнялась отношеніями съ Персіей. Знаменитый Ермоловъ, правитель Грузіи съ 1817 г., давно обращалъ вниманіе на угрожающее положеніе персіянъ у нашихъ границъ и ждалъ бѣды отъ малочисленности русскихъ войскъ. На его донесенія не обращали вниманія, пока внезапное вторженіе персіянъ не потребовало серьезныхъ мѣръ. Тогда только выслали генерала Паскевича съ подкрѣпленіями. Война длилась два года; она вызвала удаленіе Ермолова и закончилась взятіемъ Паскевичемъ Эривани. Персія согласилась на заключеніе Туркманчайскаго договора, по которому въ 1828 г. Россія пріобрѣла Эриванское и Нахичеванское ханства и получила исключительное право плаванія по Каспійскому морю. Въ этомъ же году предстояло двинуться противъ Турціи, имѣя наготовѣ всего 30 тыс. войскъ. Особенно тяжело было положеніе русскихъ въ первой половинѣ 1829 г., когда болѣе 100 тысячъ турокъ тремя сильными арміями вторглись въ русскія владѣнія, возбуждая возстанія недавно присоединенныхъ народовъ. Паскевичъ, не имѣя средствъ сосредоточить въ дѣйствіи болѣе чѣмъ 18 тыс., проявлялъ отчаянную энергію, отбилъ натиски непріятельскихъ массъ, перешелъ Саганлугскій хребетъ и въ концѣ іюня взялъ Эрзерумъ; это поддержало смѣлые планы Дибича и привело къ заключенію Адріанопольскаго договора, доставившаго Россіи восточный берегъ Чернаго моря со многими крѣпостями и устье Дуная. Турція обязалась выплатить военныя издержки.

Греція, Сербія, Молдавія и Валахія получили на разныхъ условіяхъ независимое отъ Турціи существованіе; всѣми забытый болгарскій народъ впервые обратилъ на себя вниманіе русскихъ и началъ въ свою очередь оживляться надеждами на лучшее будущее. Для балканскихъ христіанъ война 1827—1829 гг. имѣла огромное значеніе; но на западѣ прекрасно замѣтили, что военное дѣло въ Россіи не подвинулось впередъ со времени Суворова и Кутузова, и военная слава, созданная блестящей борьбой съ Наполеономъ, померкла. Долго въ Россіи не замѣчали тяжелыхъ уроковъ этой войны, напротивъ, старались позабыть ихъ за конечной побѣдой и отдѣльными проявленіями героизма, и потому не заботились объ обновленіи военныхъ порядковъ.

Польская конституція плохо соблюдалась Петербургомъ еще при Александрѣ I. Нарушенія ея, обращеніе съ войсками главнокомандующаго цес. Константина вызывало раздраженіе. На польскомъ сеймѣ 1820 г. былъ данъ отпоръ всѣмъ предложеніямъ русскаго правительства; затѣмъ началось глухое внутреннее броженіе и протесты, а въ 1825 г. на сеймѣ проявился открытый разладъ. Съ тѣхъ поръ поляки готовились къ борьбѣ и ждали подходящихъ условій. Тѣмъ временемъ по всей Европѣ чувство-

валась близость переворотовъ. Первая революція вспыхнула во Франціи въ іюлѣ 1830 г. Наслѣдственный государь былъ низложенъ, и явился король французовъ (а не Франціи), по народному избранію. Затѣмъ Бельгія оторвалась отъ Голландіи и подъ покровительствомъ Англіи обращалась въ независимое королевство. Императоръ Николай I признавалъ только Божественный источникъ власти монарховъ, а потому негодовалъ на извращеніе ея значенія произволомъ толпы. Онъ долженъ былъ, однако, признать новаго короля, потому что это сдѣлали его союзники— Австрія и Пруссія. Движеніе перенеслось въ Германію и заставило многихъ князей согласиться на реформы и призыва народныхъ представителей. Создавались кружки учащейся молодежи, такъ наз. *Молодой Германіи* Попытки единенія между Франціей и Бельгіей возбудили страхъ въ представителяхъ Священнаго союза. Пруссія не рѣшилась на вооруженное вмѣшательство; а Николай Павловичъ приказалъ готовить къ походу польскія войска, вопреки совѣтамъ цесаревича Константина. Приказъ ускорилъ задуманное поляками возстаніе; оно вспыхнуло 17 ноября 1830 г.

Польскія войска много лѣтъ служили подъ начальствомъ Наполеона; у командировъ были знанія и опытъ. Хорошо подготовленныя войска числомъ до 130 тыс. представляли внушительную силу, когда открыли военныя дѣйствія. Въ Варшавѣ собрался сеймъ и назначилъ диктатора. Русскія войска стояли далеко отъ границы, въ глубинѣ Россіи; на мобилизацію и передвиженія ихъ потеряли болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, и когда около 200 тыс. русскихъ явились къ Польшѣ, возстаніе такъ усилилось, что началась настоящая война. Австрія и Пруссія сосредоточили военныя силы въ своихъ польскихъ областяхъ, чтобы ихъ населеніе не увлеклось примѣромъ своихъ соотечественниковъ. Поляки разсчитывали на помощь Франціи, которая охотно, думали они, будетъ сдерживать враждебную ей Россію; французское общество горячо сочувствовало имъ, но правительство находило излишнимъ вмѣшиваться въ польскія дѣла; только уступая общественному мнѣнію, оно пыталось склонить европейскія державы къ нѣкоторому заступничеству за Польшу; на это не согласилась Англія, очень желавшая отвлечь вниманіе и силы Россіи отъ востока. Оставшись безъ помощи, поляки не могли выдержать борьбы, тѣмъ болѣе, что не нашли поддержки въ населеніи Волыни и др. западныхъ губерній. Бѣдствія войны удвоились, когда нагрянула холера, еще незнакомая Европѣ эпидемія. Отъ нея погибли цесаревичъ Константинъ и Дибичъ. Главнокомандующимъ явился Паскевичъ. Въ это время главныя польскія силы уже были разгромлены подъ Остроленкой, послѣ этого онѣ разбились на части, которыя боролись отчаянно все лѣто 1831 г. Къ осени Варшава была занята 86-тыс. русской арміей. Отдѣльные отряды поляковъ, оттѣсненные къ границамъ, переходили ихъ и складывали оружіе, кто въ Австріи, кто въ Пруссіи. Въ октябрѣ борьба кончилась, и Польша обратилась въ группу губерній.

Вскорѣ затѣмъ восточный вопросъ сильно обострился. Черное море, почти внутреннее, соединенное со Средиземнымъ крайне узкими проливами, опасными въ военное время, нѣсколько вѣковъ всецѣло принадлежало Турціи. Теперь сѣверные и восточные берега его принадлежали Россіи; но проливами попрежнему владѣла одна Турція: безъ нихъ же

море теряло свое значеніе. Россія попыталась наложить на нихъ руку. Египетскій паша возсталъ противъ турецкаго правительства и расшаталъ послѣднія связи между народами Турціи. Султанъ молилъ о помощи. Сильная египетская партія видимо торжествовала, и новая династія могла укрѣпить распадавшееся государство и возстановить его значеніе на востокѣ. Это было невыгодно христіанамъ. Николай Павловичъ выслалъ флотъ къ Константинополю и остановилъ успѣхи мятежнаго паши. Съ султаномъ Махмудомъ въ 1833 г. былъ заключенъ договоръ при Ункіаръ-Скелесси на условіяхъ взаимной помощи, причемъ султанъ въ случаѣ, если Россія съ кѣмъ-либо вела войну, обязывался запереть проливы для всѣхъ судовъ. Это давало Россіи большія преимущества передъ другими державами во вліяніи на Турцію и на весь востокъ и въ пользованіи южными морями (въ этомъ и заключалось значеніе „восточнаго вопроса" въ русской политикѣ). Рѣшительный шагъ былъ мало подготовленъ и возбудилъ волненіе и неудовольствіе въ Европѣ. Императоръ Николай началъ скоро самъ отступать отъ договора, но неудачными путями. Меттернихъ устроилъ свиданіе двухъ императоровъ и прусскаго короля, на которомъ много говорили о грозномъ ростѣ революціонныхъ движеній, о броженіи среди Германіи. И снова частнымъ договоромъ были подтверждены условія Священнаго Союза съ разными дополненіями. Николай Павловичъ согласился съ секретной статьей, которой постановляли *сообща* оберегать цѣлость Турціи. Въ 1839 г. Англія воспользовалась новой войной султана съ египетскимъ пашей, который добился почти полной независимости, и вмѣшалась въ дѣло защиты Турціи. Радуясь, что революціонную опасную Францію отстранили, Николай I снова, уже открыто, отступился отъ своихъ преимуществъ, и договоръ при Ункіаръ-Скелесси оказался отмѣненнымъ. Черезъ два года началось сближеніе Англіи съ Франціей, примкнувшей къ охранителямъ Турціи; положеніе Россіи на востокѣ становилось шаткимъ и понемногу привело къ тяжелой Крымской войнѣ.

Правительство Николая I-го унаслѣдовало отъ прошлаго царствованія кровавую борьбу съ горцами Кавказа. Въ 1816 г. знаменитый Ермоловъ принялъ званіе главнокомандующаго на Кавказѣ и искусно организовалъ эту борьбу, обходясь небольшими силами и систематически, осторожно укрѣпляясь на занятыхъ позиціяхъ. Богатырская личность воина-генерала внушала горцамъ глубокое уваженіе, пересиливавшее страхъ. Но съ перемѣной царствованія его личность и вліяніе возбудили недоброжелательство въ Петербургѣ; ему не прощали его самостоятельности, смѣлой инициативы и огромной популярности: въ началѣ персидской войны герой отечественной войны принужденъ былъ покинуть службу навсегда. Его преемники дѣйствовали случайно и порывисто, безъ твердой системы. Быстрое ослабленіе Турціи очень волновало магометанскія народности: стремленіе освѣжить и укрѣпить магометанское ученіе создало секты. Послѣдователи одной изъ нихъ, *мюриды*, съ 1834 г. собрались въ восточномъ Кавказѣ вокругъ своего главы, талантливаго Шамиля, и надолго остановили распространеніе русскаго владычества, пользуясь тайной помощью Англіи, доставлявшей оружіе и снаряды. Мюриды горячо проповѣдывали сверженіе русскаго ига. Очень дорого стоившія военныя экспедиціи въ горы оканчивались печально, такъ какъ войска отступали съ

большими потерями. Министръ финансовъ, Канкринъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, негодовалъ на непроизводительныя затраты. Въ 1843 г. вышелъ даже приказъ на время ограничиваться оборонительными дѣйствіями. Съ назначеніемъ главнокомандующимъ на Кавказѣ гр. Воронцова военная дѣятельность стала энергичнѣе. Въ 1853 г. война съ Турціей снова оживила надежды горцевъ.

Послѣ промышленнаго кризиса 1847 г., съ первыхъ дней 1848 г. въ Европѣ разгорѣлись народныя движенія. Въ февралѣ во Франціи была провозглашена республика. Въ конституціонныхъ странахъ народъ требовалъ расширенія правъ, въ Пруссіи и Австріи общество шумно стремилось къ участію въ управленіи. Въ Италіи и Германіи сильно сказывалось желаніе объединиться въ цѣльныя, національныя государства. Особенно сложно было волненіе въ Австріи, очень отсталомъ государствѣ, благодаря политикѣ Меттерниха: къ требованіямъ конституціонныхъ правъ присоединились національныя движенія среди ея разнообразныхъ народностей. Венгрія, возставшая подъ предводительствомъ энергичнаго вождя Кошута, объявила себя независимой и очень возбуждала поляковъ. Славяне и румыны въ свою очередь ненавидѣли мадьяръ (венгровъ) и начали борьбу противъ ихъ усиленія. Эти событія застали Россію въ то время, когда ея дипломатія сосредоточилась на судьбахъ Турціи. Императоръ Николай хорошо понималъ, что политическое положеніе Европы обязываетъ каждое государство заручаться союзниками, приступая къ важнымъ предпріятіямъ. Онъ стремился сблизиться съ Англіей, доказывалъ ея представителямъ, что Турція „больной человѣкъ“, который въ силу крайняго истощенія не можетъ болѣе существовать. Онъ не скрывалъ въ обыкновенныхъ разговорахъ, что, можетъ быть, временно займетъ Константинополь,—предлагалъ и Англіи завладѣть какою-нибудь частью Турціи. Эти бесѣды были приняты къ свѣдѣнію и оглашены, что очень повредило Россіи. Европейскія затрудненія 1848 г. оставили Россію на время съ глазу на глазъ съ Турціей; но императоръ предпочелъ выполнять задачи Священнаго Союза и выступить противъ революціонныхъ движеній.

Николай Павловичъ ужасался и негодовалъ на упадокъ власти среди западныхъ правительствъ; убѣжденіе, что обособленная, спокойная внутри Россія должна побороть мятежи, росло въ его душѣ. Ни государь, ни его администрація почти не замѣчали, что промышленная техника дѣлала громадные успѣхи, неизвѣстные Россіи. Первая всемірная выставка въ Англіи ярко выказала прогрессъ и потребности промышленности и выяснила новыя задачи ея развитія. Интересы промышленности вполнѣ сознательно примѣшивали теперь къ политикѣ. Это очень усложняло положеніе Россіи съ ея крѣпостнымъ трудомъ и первобытнымъ хозяйствомъ.

Императоръ предлагалъ союзникамъ помощь своихъ военныхъ силъ. Пруссія отклонила предложеніе; Австрія колебалась, но успѣхи Венгріи побудили ее принять поддержку русскаго правительства. Манифестъ Россіи, угрожающій мятежамъ, оканчивался рѣзкими словами по адресу иностранныхъ державъ, что возбудило противъ нея общее недоброжелательство. Въ 1849 г. Паскевичъ повелъ русскую армію къ Венгрію. Народъ не вынесъ борьбы съ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, и, менѣе чѣмъ черезъ 2 мѣсяца, венгерскіе предводители положили оружіе. Успокоенная

съ этой стороны Австрія нашла силы опять утвердить свою власть въ освободившейся было Италіи.

Въ декабрѣ 1851 г. Луи-Наполеонъ Бонапартъ, племянникъ Наполеона I, президентъ французской республики, настолько расширилъ свою власть, что смѣло обратился къ народу, и всеобщее голосованіе *(плебисцитъ)* сдѣлало его императоромъ. Вѣрный своему принципу божественнаго происхожденія власти, Николай Павловичъ пытался уговорить союзниковъ не признавать его въ этомъ званіи, но остался одинокъ и пошелъ на уступки, хотя никогда не обращался съ Наполеономъ, какъ съ равнымъ. Отношенія къ Турціи быстро ухудшались: послѣдняя дала пріютъ нѣсколькимъ революціоннымъ вождямъ. Россія и Австрія потребовали ихъ выдачи и раздражались отказомъ. Соединенный англо-французскій флотъ появился въ Дарданеллахъ и пріостановилъ разрывъ. Второе столкновеніе было вызвано униженіемъ православныхъ въ Іерусалимѣ, которое обострилось вмѣшательствомъ Наполеона, отстоявшаго права католическаго духовенства. Русскій императоръ настаивалъ на своихъ правахъ защищать православныхъ подданныхъ султана; англійскій посолъ искусно помогалъ туркамъ въ дипломатическихъ переговорахъ. Видя, что вліяніе Россіи слабѣетъ, императоръ рѣшился на войну, несмотря на присутствіе союзнаго флота въ турецкихъ водахъ. Онъ разсчитывалъ на миролюбивую политику Англіи. Въ іюнѣ 1853 г. русскія войска заняли Молдавію и Валахію въ видахъ обезпеченія правъ православнаго населенія. Четыре державы пытались успокоить враговъ, но Турція горѣла патріотическимъ воодушевленіемъ и сама желала войны, надѣясь на поддержку. Турки первые перешли Дунай.

Сухопутная русская армія подъ начальствомъ Паскевича дѣйствовала довольно слабо въ Дунайскихъ княжествахъ; зато эскадра адмирала Нахимова истребила турецкій флотъ при Синопѣ. Этотъ успѣхъ вызвалъ общую войну. Наполеону она была нужна, чтобы занимать французовъ и привлекать ихъ къ себѣ шумомъ побѣдъ. Англія пользовалась боевымъ настроеніемъ французовъ, чтобы ихъ силами ослабить Россію на востокѣ. Союзники потребовали отъ русскаго правительства, чтобы русскіе корабли вернулись въ свои гавани. Выполнить такое требованіе не позволило національное самолюбіе, и русскій императоръ отвѣтилъ отказомъ. Въ мартѣ 1854 г. Франція и Англія объявили войну. Съ своей стороны, Австрія, трепетавшая усиленія славянскихъ народностей, требовала удаленія русскихъ изъ княжествъ и выдвинула къ ихъ границамъ сильный корпусъ войскъ. Это было ударомъ для императора Николая: онъ вполнѣ разсчитывалъ на ея дружбу въ отвѣтъ на помощь противъ Венгріи.

Положеніе Россіи становилось крайне опаснымъ: она оказалась совершенно одинокой передъ враждебно-настроенной Европой. Нравственное разложеніе довольно сильно сказывалось въ русской военной администраціи. Русскія силы теряли способность вести наступательную войну. Считая Австрію главнымъ врагомъ Россіи, а войну на Дунаѣ безполезной, Паскевичъ дѣйствовалъ слабо и нерѣшительно, только въ угоду императору, и постоянно оглядывался на австрійскіе отряды. Только весной 1854 г. онъ приступилъ къ осадѣ Силистріи; но турки, по обыкновенію, хорошо укрѣпились и съ помощью англійскихъ офицеровъ отлично отбивались. Ихъ войска удивили русскихъ усовершенствованіями, заим-

ствованными съ запада. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, раненый Паскевичъ сдалъ команду Горчакову; тотъ не только снялъ осаду, но нашелъ нужнымъ совсѣмъ очистить княжества, отступивъ въ Россію. Турки преслѣдовали по пятамъ русскую армію. Австрія приняла княжества подъ свое покровительство до окончанія войны.

У союзниковъ первое время еще не было опредѣленнаго плана дѣйствій. Только когда знаменитая борьба началась, они замѣтили слабость русской арміи на Дунаѣ. Въ октябрѣ союзники высадились въ Евпаторіи и двинулись къ Севастополю въ числѣ 62 тыс. (40 тыс. французовъ, 20 тыс. англичанъ и немного турокъ). Русскихъ войскъ было всего $51^1/_2$ тысячи безъ общаго главнокомандующаго. Паскевичъ продолжалъ опасаться Австріи и не посылалъ подкрѣпленій. Вскорѣ англичане дали битву при р. Альмѣ генералу Меншикову, заграждавшему имъ путь. Послѣ безпорядочнаго сраженія русскіе отступили. Меншиковъ ввелъ войска въ Севастополь; тамъ онъ затопилъ корабли, чтобы закрыть ими входъ въ гавань; матросскія команды перевели на службу въ крѣпость. Инженеръ Тотлебенъ приступилъ къ укрѣпленію города со стороны суши. Союзники считали крѣпости Севастополя болѣе опасными, чѣмъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были, и начали готовиться къ его блокадѣ. Въ сущности городъ былъ вполнѣ доступенъ со стороны суши; къ немъ не было уголка, куда бы не долетали непріятельскіе снаряды; онъ могъ держаться только постояннымъ притокомъ солдатскихъ жизней взамѣнъ погибшихъ. Меншиковъ, чтобы не быть запертымъ въ городѣ, отвелъ свою армію на средину полуострова для прикрытія путей въ Россію. Въ Севастополѣ самостоятельно распоряжались начальники флота, и къ началу октября солдаты и моряки приготовились къ оборонѣ. Съ 5-го числа союзные корабли открыли 8-ми дневную бомбардировку, осыпая городъ еще неслыханной въ исторіи тучей снарядовъ. Корабельныя пушки съ крѣпостей очень твердо отвѣчали непріятелю, и страшная канонада имѣла сравнительно мало успѣха.

Вслѣдъ затѣмъ, получивъ подкрѣпленія, Меншиковъ воспользовался превосходствомъ силъ и напалъ на союзниковъ подъ Балаклавой. Англичане отвѣтили блестящими атаками кавалеріи, но съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы ошибки, и на долю каждой выпали успѣхи и пораженія. Вторая битва подъ Инкерманомъ окончилась пораженіемъ русскихъ, потерявшихъ 12 тысячъ. Тутъ Меншиковъ сильно упалъ духомъ; русскіе потеряли довѣріе къ командирамъ. Но и союзникамъ опытъ показалъ, что не легко обойдется побѣда, и имъ необходимо постоянно пополнять свои силы. Тяжко жилось въ англійскомъ лагерѣ съ наступленіемъ зимы. Припасовъ не хватало. Подвозить ихъ по горнымъ тропинкамъ бывало невозможно. Холера, всевозможныя болѣзни угнетали англичанъ. Англійскія боевыя силы старались вредить Россіи и на Балтійскомъ морѣ, и у Тихаго океана. У береговъ перваго высадка не удалась, и англичане только временно завладѣли Аландскими островами. На дальнемъ востокѣ у Петропавловскаго форта нападенія союзной эскадры оказались безуспѣшными. Въ Англіи открыто и смѣло признавали свои неудачи, даже небрежное отношеніе къ войску, и общественное негодованіе вызвало смѣну министерства.

Въ началѣ 1855 г., когда и Пруссія сблизилась съ союзниками, императоръ Николай согласился на попытку мирныхъ переговоровъ въ

Вѣнѣ, которые, однако, ни къ чему не привели вслѣдствіе отсутствія единодушія среди державъ. Въ эту пору Сардинія присоединила свои войска къ союзникамъ. Скандинавскія государства, Испанія грозили Россіи. Надвигалась общеевропейская война. Силы союзниковъ достигли 170 тыс. Наполеонъ требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій, вмѣшивался издали въ распоряженія и спутывалъ ихъ; наконецъ, онъ замѣнилъ осторожнаго, щадившаго людей маршала Канробера новымъ главнокомандующимъ; а мучительная осада все тянулась, со своими страшными бомбардировками и упорной, непоколебимой стойкостью защитниковъ Севастополя.

Теперь Николай Павловичъ вполнѣ созналъ, какъ круто измѣнилось положеніе Россіи; онъ считалъ ее способною вершить дѣла Европы, какъ въ 1815 г.; оказалось, что она сама призывалась къ отвѣту и должна была считаться съ враждебными приговорами державъ. Вскрылись и ярко освѣтились всѣ внутреннія неурядицы обособленной, одинокой страны. Части войскъ, запасы, боевыя принадлежности не оказывались на мѣстахъ и не соотвѣтствовали тому, что рисовалось по офиціальнымъ отчетамъ; передвиженія людей и обозовъ по громаднымъ разстояніямъ изнуряли казну; цѣлые полки исчезали по дорогѣ отъ голода, болѣзней, отсутствія призора и распорядительности. Злоупотребленія, таившіяся десятки лѣтъ, благодаря вынужденному молчанію общества и литературы, обнаруживались во всей своей мрачной наготѣ. Сказались, наконецъ, всѣ послѣдствія дурного воспитанія администраціи: командующіе такъ освоились съ постояннымъ муштрованіемъ войскъ, вниманіе ихъ такъ притупилось, сосредоточиваясь на мелочахъ, на внѣшнемъ лоскѣ дисциплины, что они оказались неспособными къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, какъ огня боялись отвѣтственности, постоянно оборачиваясь къ Петербургу, ожидая приказаній и все сваливая на высшую власть. Войска утрачивали вѣру въ командировъ и проявляли отчаянную храбрость лишь въ послѣднія минуты. Безпорядокъ въ сборѣ ратниковъ, въ поставкахъ на армію, громадныя хищенія, оружіе плохое, устарѣвшей системы—плодъ равнодушія къ современнымъ научнымъ усовершенствованіямъ,—все это зачлось въ роковые результаты. Между тѣмъ съ наполеоновскихъ войнъ все вниманіе правительства отдавалось именно арміи и военному дѣлу; ему жертвовали всѣмъ; его порядкамъ и дисциплинѣ подчиняли другія учрежденія. Вся политическая система потерпѣла крушеніе, и императоръ Николай I не пережилъ ея: онъ скончался послѣ недолгой болѣзни 18 февраля 1855 г.

Александръ II получилъ страну въ полномъ разстройствѣ. Борьба съ союзниками приняла уже національный характеръ, и остановить ее не было возможности, пока обѣ стороны не дойдутъ до полнаго истощенія или не успокоятъ національнаго самолюбія. Окруженное врагами у всѣхъ границъ страны, новое правительство готовилось еще къ новымъ осложненіямъ. Вѣрный своимъ взглядамъ, Паскевичъ требовалъ формированія новой арміи для отпора Австріи, отъ которой ждалъ объявленія войны. Поспѣшно снарядили до 600 тыс. ратниковъ, которыми комплектовали арміи. И крестьянство шло на войну, благодаря вѣрѣ, что получитъ свободу въ награду за службу. Севастополь требовалъ постоянныхъ подкрѣпленій. Въ мартѣ 1855 г. въ теченіе 10 дней городъ бомбардировали изъ 800 орудій; до 2 тысячъ людей выбывали ежедневно изъ строя. Новый французскій главнокомандующій энергично приближалъ къ Севастополю

свои земляныя укрѣпленія, рѣшивъ ударить на Малаховъ курганъ. Въ концѣ мая, послѣ 2-хъ дневнаго боя, подъ неумолкаемый гулъ кононады взяли 3 важныхъ редута. Огонь продолжался непрерывно до штурма 6-го іюня; но послѣдній отбили. По ночамъ защитники города съ изумительной энергіей успѣвали исправлять попорченныя за день загражденія. Тѣмъ не менѣе томленія осажденныхъ доходили до крайней степени; лучшіе начальники погибли. Всѣ желали рѣшительнаго дѣла. 27-го іюня по желанію государя собрался военный совѣтъ, который нашелъ нужнымъ атаковать непріятеля; въ успѣхѣ, однако, многіе сомнѣвались. Битва на Черной рѣчкѣ явилась только порывомъ измученныхъ нервовъ. Плохо организованная атака была отбита со страшнымъ урономъ. Наступательныя дѣйствія оказались не по силамъ русскому войску, и приходилось ограничиться обороной. Весь августъ адская бомбардировка громила осажденныхъ, вырывая до 3 тысячъ жизней въ сутки. Штурмъ 27 августа отдалъ въ руки непріятеля главную твердыню, Малаховъ курганъ. Севастополь обратился въ груду развалинъ, и защищать его не было смысла. Остатки его зданій зажгли, пороховые склады взорвали, а войска перевели черезъ бухту на Сѣверную сторону. Военныя дѣйствія затихали. Послѣ взятія Кинбурна союзники расположились къ зимовкѣ. Въ Закавказьѣ 16-го ноября Муравьевъ взялъ Карсъ; турецкая армія отступила за границы.

Война заканчивалась, но о мирѣ заговорили не сразу. Самолюбіе англичанъ очень страдало отъ неудачъ въ русскихъ моряхъ и неблестящихъ подвиговъ при Балаклавѣ; англичане жаждали бо́льшаго отъ дорого стоившей войны, требовали ограниченія правъ Россіи на Балтійское море и Тихій океанъ, и съ трудомъ отступили отъ своихъ условій. Французы же вполнѣ удовлетворились взятіемъ Севастополя, и Наполеонъ самъ вызывалъ русскихъ пословъ на переговоры. Австрія первая громко заговорила о мирѣ, совѣтуя предложить прежнія условія, составленныя до войны. Послѣ очень мрачнаго и тяжелаго совѣщанія довѣренныхъ лицъ Александра II-го, пришлось согласиться на требованія державъ. Въ февралѣ 1856 г. въ Парижѣ собрался конгрессъ уполномоченныхъ, и въ мартѣ былъ подписанъ Парижскій трактатъ. Западныя державы наложили имъ тяжелую руку на восточный вопросъ. Черное море было навсегда закрыто для военныхъ судовъ государствъ, владѣвшихъ его берегами. Россія и Турція обязывались не держать на нихъ военныхъ и морскихъ арсеналовъ; одни торговыя суда могли пользоваться этимъ моремъ. Россія, уступивъ южную Бессарабію, была отрѣзана отъ Дуная; эта рѣка была открыта для судовъ всѣхъ націй (*нейтральна*). Турція принималась въ кругъ европейскихъ державъ, которыя всѣ вмѣстѣ обѣщали соблюдать ея неприкосновенность; сама же она обѣщала заботиться о бытѣ своего христіанскаго населенія.—Трактатъ задерживалъ политическое развитіе Россіи и выказывалъ какъ бы довѣріе будущему благоденствію народовъ Турціи.

XLII.

Отмѣна крѣпостного права. Подготовка реформы. Оживленіе общества. Главный комитетъ. Губернскіе комитеты. Редакціонныя комиссіи. Споры о надѣлахъ. Крестьянское положеніе 1861 года.

Эпоха Восточной войны получила огромное значеніе для исторіи Россіи. Націи Европы, обновившіяся и преобразовавшія въ XIX в. свой общественный строй, предписали ей свои условія, потрясли ея внѣшнее могущество, ослабили ея вліяніе на сосѣдей. Россія одна среди христіанскихъ государствъ оставалась представительницей абсолютизма въ его крайнихъ формахъ; одна въ Европѣ сохранила древнее хозяйство съ крѣпостнымъ трудомъ, даже съ продажей людей своей расы (въ Америкѣ несвободны были цвѣтные). Весь правительственный механизмъ сверху до низу представлялъ крайнее развитіе бюрократизма, чуждаго живыхъ вѣяній культуры и пониманія политическихъ задачъ своего времени. Борьба вскрыла внутреннюю неурядицу въ жизни страны, слабость ея общественнаго строя, отсталые порядки администраціи, отсутствіе путей сообщенія и связей между отдѣльными частями имперіи. Обособленное положеніе, которое такъ прославляли, проявило свои темныя стороны. Побѣда Европы обязывала Россію вступить въ общій круговоротъ европейской жизни, преобразоваться, переживать и испытывать политическія движенія, побуждавшія народы запада совершенствовать общественный и государственный строй. При своихъ старыхъ порядкахъ крѣпостная Россія не могла сохранить прежній вѣсъ среди другихъ державъ. Въ 1857 г. всѣ доходы казны составляли 258 мил. р.; изъ нихъ 100 мил. уходили на платежи по займамъ; 147 мил. стоили армія и флотъ, съ ихъ устарѣвшимъ вооруженіемъ, требовавшіе радикальныхъ реформъ, и всего 41 мил. оставались на насущныя потребности государственной и народной жизни. Экономическое положеніе было невозможное, отчаянное. Чтобы выйти изъ него, приходилось прежде всего измѣненіемъ финансовыхъ порядковъ, отмѣной подневольнаго труда и введеніемъ вольнаго платнаго повысить производительность народнаго труда и промышленности, возбудить, поднять общественную и мѣстную дѣятельность, связать части страны новыми путями. Реформы необходимы; но какъ ихъ вводить, къ чему сейчасъ приступить — бюрократія прошлаго царствованія не знала. Приходилось спросить у общества, хотя бы косвенно, прибѣгнуть къ „парламенту“ литературы. И вотъ, съ воцареніемъ Александра II-го какъ бы настаетъ новая эпоха. Достаточно было ослабленія цензуры, чтобы умственная жизнь начала пробуждаться. Что долго таилось и стыло подъ корою насильственнаго застоя, прорывалось наружу, говорило, требовало дѣятельности. Число журналовъ и книгъ быстро росло. Губернскія Вѣдомости очень расширили свой неофиціальный отдѣлъ, печатая всевозможныя свѣдѣнія изъ мѣстной жизни. Вотъ какъ рисуетъ русское общество частное письмо 1858 г.: „Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но

вы чувствуете внутреннее обновленіе во всемъ, вы чувствуете, что начинается новая эра. Самые отчаянные скептики, самые строптивые противники прогресса должны признать, что въ эти два года общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлало огромные успѣхи. Читайте наши газеты и журналы, послушайте, что говорится въ блестящихъ салонахъ и въ скромныхъ домахъ, и вы будете поражены работою, которая совершается въ головахъ. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало-по-мало старую рутину, которая прежде, и даже во время войны, не стѣснялась ничѣмъ, кичилась своимъ невѣжествомъ и своею глупостью. И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются къ лучшему, но вездѣ то же, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро перемѣнится".

Люди оглядывались на себя, оцѣнивали свой бытъ и заявляли о своихъ нуждахъ. Указанія нуждъ и потребностей общества, обличенія зла и бѣдствій сыпались отовсюду, и къ нимъ прислушивались сверху, готовясь къ реформамъ. Изъ грамотныхъ кружковъ раздавался еще неслыханный запросъ на образованіе. Съ полнымъ сознаніемъ своей младенческой темноты русское общество хваталось за всѣ вопросы, искало простыхъ, общедоступныхъ объясненій. Оно вырывалось изъ прежней спячки и шумливо готовилось къ дѣятельному труду, поэтому требовало прежде всего знаній точныхъ, приложимыхъ къ жизни, горячо стремясь улучшить ее. Современныя ученія, давно занимавшія Европу, но къ которымъ въ Россіи едва дерзали прислушиваться кончикомъ уха, нахлынули сразу на оживляющуюся страну. Среди этого духовнаго обновленія, погони за новымъ, за каждой мелькнувшей мыслью зарождались планы реформъ; благодаря общему подъему духа, они сравнительно быстро выяснялись и проводились.

Самымъ больнымъ вопросомъ было рабское положеніе значительной части народа, ставившее Россію въ исключительное положеніе среди прочихъ европейскихъ государствъ. Крѣпостное право лежало тяжкимъ мертвымъ балластомъ внутри живого организма страны. Крѣпостное населеніе не увеличивалось естественнымъ приростомъ; численность его медленно падала съ начала XIX в., когда правительство прекратило пожалованья населенными имѣньями. Неограниченная власть помѣщиковъ надъ сельскимъ людомъ ставила преграды развитію всѣхъ формъ промышленности, начиная съ сельскаго хозяйства. Она заставляла крестьянъ скопляться въ центральныхъ губерніяхъ, заселенныхъ еще при московскихъ князьяхъ, но нечерноземныхъ, и потому мало окупавшихъ земледѣльческій трудъ. Черноземные югъ и юго-востокъ заселялись медленно; процентъ крѣпостныхъ оказывался тамъ гораздо менѣе значительнымъ, и помѣщики часто прибѣгали къ найму вольныхъ людей. Здѣсь отъ крѣпостныхъ требовался напряженный трудъ; огромное большинство ихъ состояло на барщинѣ (т.-е. обрабатывало землю помѣщика и поставляло ему всякіе продукты). Въ центрѣ и въ нечерноземныхъ губерніяхъ крестьяне „отпускались на оброкъ"; они вели свое хозяйство, уходили на промыслы, на фабрики или работали дома, какъ находили выгоднымъ, но были обязаны платить значительныя суммы съ души (съ тягла, т.-е. мужа и жены). Сумма оброка сообразовалась не столько съ земельнымъ надѣломъ, предоставляемымъ крестьянамъ, сколько съ

доходностью промысловъ; платили 17, 19 руб и до 28 руб. сер. съ тягла; многіе платили по 60 руб. и выше, особенно много брали съ ремесленниковъ и торговцевъ столицъ; съ нихъ собирались сотни и тысячи рублей (владѣльцы парикмахерскихъ, трактирщики и др.). Крупные торговцы вносили барину 10, 20 тыс руб. въ годъ. Спокойное полученіе постоянной ренты съ живой собственности побуждало помѣщиковъ крѣпко держать людей въ населенныхъ мѣстахъ.

Наоборотъ, на черноземной полосѣ развивался отпускъ хлѣба, торговля имъ; тутъ помѣщики давали крошечные надѣлы крестьянамъ, заставляя обрабатывать побольше земли въ свою пользу. Мелкопомѣстные выжимали всѣ соки изъ крестьянъ. Въ степныхъ мѣстахъ работать крѣпостнымъ трудомъ бывало невыгодно; тутъ требовалась предпріимчивость, умѣнье рисковать, пользоваться рынками и путями сообщенія.

Въ центрѣ самъ промышленный классъ давно сталъ врагомъ крѣпостного права; крѣпостное состояніе лишало его постояннаго опредѣленнаго запаса вольнонаемныхъ рабочихъ, который позволялъ развивать фабричное дѣло. Сбывать товаръ приходилось дома въ Россіи, а хозяйство помѣщиковъ поддерживало остатки домашнихъ производствъ, и товары не имѣли достаточно покупщиковъ. Фабрики помѣщиковъ, грубыя, неслѣдившія за улучшеніями въ производствѣ, отнимали рабочихъ и дѣлали конкурренцію спеціалистамъ промышленникамъ, правильное развитіе промышленности было невозможно въ XIX в. при существованіи крѣпостного права. Ростъ городовъ, устойчивость городского населенія подрывалась подневольнымъ элементомъ. Искусственно задерживалось правильное распредѣленіе жителей по русскимъ владѣніямъ, и пустовали южныя степи, гдѣ теперь развилась хлѣбная и каменноугольная промышленность. Самое качество труда было плохо, половина времени пропадала даромъ, потому что рабъ обыкновенно плохой несознательный работникъ: терминомъ „барщина" опредѣляли работу небрежную, сонную.

Еще при Александрѣ I правительство стало понимать, что крѣпостное право зло, вредъ для экономическаго развитія страны. Но оно понимало, что оно связано съ абсолютизмомъ, и отмѣнить его значитъ выступить на путь западныхъ государствъ—уравненія населенія передъ закономъ, а затѣмъ признанія за нимъ политическихъ правъ. Оно боялось народныхъ волненій политическаго характера и кое-какъ терпѣло безпрерывныя волненія на почвѣ соціально-экономической, расправы съ помѣщиками, выживанье ихъ изъ деревень замученными барщиной крестьянами. Но ударъ извнѣ, рядъ пораженій отъ союза державъ заставилъ правительство рѣшиться на реформы съ тѣмъ, чтобы онѣ готовились и вводились его вѣрной администраціей; задачу—разсудить крѣпостныхъ съ дворянствомъ оно брало теперь на себя

Хотя мѣстами помѣщики охотно перешли бы къ вольно-наемному труду, но въ общемъ дворянство очень враждебно относилось къ освобожденію крестьянъ, особенно мелкопомѣстные владѣльцы малоземельныхъ помѣстій, которые вели хозяйства барщинной работой и совершенно разорились бы безъ крѣпостныхъ. Дворянство сознавало, что съ освобожденіемъ крестьянъ связанъ вопросъ о надѣленіи свободныхъ людей землей, и страшилось за участь своихъ состояній. Между тѣмъ, наиболѣе образованные и дѣятельные представители бюрократіи еще при

императорѣ Николаѣ пришли къ заключенію, что отмѣнить крѣпостное право и надѣлить крестьянъ землей можетъ одна самодержавная власть, а обезпеченіе надѣломъ есть непремѣнное условіе освобожденія: безземельная многомилліонная масса опасна для существованія государства и убыточна казнѣ, которой еще необходимы прямыя подати. Полюбовные договоры землевладѣльцевъ съ крестьянами, какими сопровождалось освобожденіе на западѣ, немыслимы въ Россіи; у русскихъ людей слишкомъ слабо пониманіе юридическихъ порядковъ и обязанностей, и потому нельзя давать много иниціативы самому обществу. Дѣятель по устройству быта государственныхъ крестьянъ, Киселевъ, находилъ даже вреднымъ участіе общества въ освободительной реформѣ.

Во время Восточной войны отношенія сословій натянулись до крайности. Крестьяне сильно волновались; расправы съ суровыми помѣщиками случались все чаще и чаще; всѣ ждали воли, сознавая невозможность выносить свое положеніе, и всюду искали признаковъ ея объявленія; то по деревнямъ жадно носились съ вѣстью, что всѣхъ крѣпостныхъ обратятъ въ казаковъ; то крестьяне толпами записывались въ ратники, ожидая что это званіе дастъ имъ свободу. Простой указъ сената о припискѣ уволенныхъ помѣщиками людей вдругъ сталъ раскупаться нарасхватъ; оказалось, что въ немъ искали свѣдѣній о близкой волѣ.

Наслѣдникомъ Александръ II вовсе не отличался склонностью къ освободительной реформѣ; на него сильно повліяли политическіе удары и сознаніе отвѣтственности. Въ манифестѣ при восшествіи на престолъ упоминалось о *силѣ законовъ, равно распространенной* на всѣхъ подданныхъ; и дворянство имѣло основаніе волноваться слухами о предстоящихъ реформахъ; оно боялось ихъ, какъ тяжелаго перелома, грозящаго неизвѣстными послѣдствіями. Въ экономическомъ отношеніи такой громадный переворотъ, какъ освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ землей, былъ дѣйствительно еще неподготовленъ. Если же введеніе реформы практически предоставить взаимнымъ соглашеніямъ помѣщиковъ и бывшихъ крѣпостныхъ, то дѣло затянулось бы на многія десятилѣтія, и правительство лишилось бы возможности улучшить общее политическое положеніе Россіи. Быстрой, неотложной реформы жаждалъ и образованный классъ, интеллигенція, ради культурнаго прогресса. Опираясь на нее и на либеральное чиновничество, государственная власть должна была взять реформу всецѣло на себя.

Правительство не сразу уяснило себѣ свою задачу: первые шаги были нетверды: но сильно помогало общественное мнѣніе, высказывавшееся въ литературѣ, и дѣятели быстро крѣпли въ опредѣленныхъ взглядахъ одновременно съ оживленіемъ общества. Въ мартѣ 1856 г. въ Москвѣ императоръ закончилъ свою рѣчь дворянству предупрежденіемъ: „вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе“... Императоръ находилъ болѣе удобнымъ для правительства, чтобы дворянство само подняло вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, и часто высказывалъ свое желаніе. Дворянство отмалчивалось. Но время не терпѣло. Осенью, послѣ коронаціи 1856 г. рѣшили

приступить къ дѣлу старымъ путемъ комиссій. 3 января 1857 г. государь лично открылъ „негласный комитетъ *по устройству быта крестьянъ*". Слово *освобожденіе* еще долго не рѣшались произносить открыто, опасались не только волненій крѣпостныхъ, но и вліянія общественнаго мнѣнія на ходъ реформы, и въ литературѣ могли говорить съ большой осторожностью только объ улучшеніи крестьянскаго быта. На дѣлѣ, комитету было поручено выработать мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ. Большинство его членовъ не сочувствовало реформѣ, которая зрѣла въ умѣ государя; медленно и вяло занимались они матеріалами и проектами.

Высшіе чины николаевскаго времени и ранѣе не проявляли способности къ творческой работѣ, терялись передъ огромнымъ дѣломъ и дали выдвинуться способнымъ либераламъ изъ среднихъ чиновъ. Однако государь относился къ послѣднимъ съ подозрительной осторожностью и медленно разставался съ бездарными министрами своего отца. Молодые либералы посѣщали салонъ вел. княгини Елены Павловны и въ ней находили опору.

Въ короткое время въ комитетѣ накопилось до 100 частныхъ проектовъ реформы, а обсуждали ихъ всего три члена съ генераломъ Я. И. Ростовцевымъ во главѣ. Послѣдній одинъ изъ новыхъ лицъ пользовался особымъ довѣріемъ государя и сообщалъ ему, что дѣлалось въ комитетѣ, къ какимъ заключеніямъ приходилъ самъ онъ. Лѣтомъ этого года государь окончательно рѣшился на немедленную отмѣну крѣпостного состоянія, но очень страдалъ и волновался недовольствомъ многихъ лицъ высшаго круга, выставлявшихъ ему множество препятствій его планамъ и выражавшихъ опасенія, что своевольный народъ произведетъ безпорядки въ государствѣ; недоволенъ онъ былъ равнодушной медлительностью комитета. Съ назначеніемъ въ его члены вел. князя Константина Николаевича комитетъ немного оживился. Послѣ бурныхъ споровъ намѣтили въ общихъ, очень туманныхъ чертахъ постепенное освобожденіе крестьянъ въ теченіе 30 лѣтъ. Выдающіеся славянофилы представляли свои проекты реформъ государю. Хомяковъ совѣтовалъ обезпечить русскому обществу полную свободу совѣсти и слова и созывать земскіе соборы отъ времени до времени. Кошелевъ еще во время войны высказалъ необходимость немедленно собрать представителей всей русской земли.

Но тутъ задерживающее вліяніе комитета было побѣждено. Министръ внутр. дѣлъ Ланской, сдѣлавшійся сторонникомъ освобожденія, склонилъ дворянъ литовскихъ губерній выступить съ адресомъ государю, въ которомъ они изъявили готовность улучшить бытъ своихъ крестьянъ предоставленіемъ имъ личной свободы, но безъ земли. Власть литовскихъ помѣщиковъ тогда была уже ограничена инвентарными правилами, и потому они безъ особыхъ лишеній могли перейти къ наемному труду. Терявшій терпѣніе государь очень обрадовался; адресомъ воспользовались, чтобы повліять на дворянство Россіи. Государь указалъ, чтобы по всѣмъ губерніямъ, гдѣ дворянство послѣдуетъ примѣру литовцевъ, открывали дворянскіе комитеты для улучшенія быта крестьянъ, т.-е. ихъ освобожденія. Великій князь, Ланской, Ростовцевъ и нѣкоторыя другія лица убѣдили его распубликовать рескриптъ литовцевъ во всеобщее свѣдѣніе, и

даже разослать его по сельскимъ волостямъ, чтобы народъ зналъ, что правительство приступило къ реформамъ. Народъ понялъ, что упраздненіе многовѣковой неволи безповоротно рѣшено, и успокоился, ожидая реформы. Комитетъ преобразовался въ гласный уже *Главный комитетъ* по крестьянскому дѣлу. Зашевелились и русскія губерніи; сперва нижегородское дворянство, за нимъ московское прислали свои адреса, выражая желаніе измѣнить бытъ своихъ крѣпостныхъ людей. За каждымъ адресомъ слѣдовало открытіе комитета въ губерніи и шумная, горячая работа надъ насущными экономическими вопросами, какъ освободить крестьянъ, какъ быть съ землей.

Опубликованіемъ рескрипта сдѣлали крестьянскій вопросъ доступнымъ обсужденію въ печати. Теперь особенно ясно и твердо говорили писатели. Литература съ восторгомъ привѣтствовала наступленіе эпохи реформъ. Публицисты, даже очень радикальные, старались поддерживать въ первый періодъ реформы всякое начинаніе государя и лучшихъ представителей чиновничества. Нѣкоторые ученые всѣ свои труды посвящали крестьянской реформѣ. Основывались новые журналы, чтобы поддерживать реформу и подготовлять умы къ преобразованіямъ, которыя неизбѣжно послѣдуютъ за освобожденіемъ. Молодая образованная часть общества увлеклась освободительными планами; она проникалась жаждою высшей справедливости, горѣла желаніемъ искупить своей работой вѣковыя бѣдствія, испытанныя закрѣпощеннымъ народомъ, проповѣдывала побѣду общественныхъ интересовъ надъ узко-личными, искала путей къ полезной трудовой жизни. Разомъ народилось сочувствіе ко всѣмъ угнетеннымъ, слабѣйшимъ и младшимъ; заговорили о гражданскихъ правахъ женщинъ, о гуманномъ воспитаніи дѣтей. Правительство внимательно прислушивалось къ голосу литературы, гдѣ слышалось убѣжденіе, что освобожденіе личностей должно совершиться безвозмездно и непремѣнно съ тѣми надѣлами, какими крестьяне пользуются у помѣщиковъ. О выкупѣ надѣловъ съ помощью казны тоже впервые заговорили въ литературѣ; писатели указали на огромное значеніе сельской общины, которую слѣдуетъ сохранять.

Одно время Ланской предлагалъ, въ видѣ уступки дворянамъ, обязательный выкупъ крестьянами дворовыхъ усадебъ, но молодые дѣятели, съ его племянникомъ, Н. А. Милютинымъ, во главѣ, возразили, что за этимъ будетъ скрываться выкупъ личности, которую государь просто объявитъ свободной своею властью. И скоро, уже лѣтомъ 1858 г., Ростовцевъ писалъ государю свои соображенія о выкупѣ надѣловъ, о выгодѣ сохранить общину съ круговой порукой, которая поможетъ въ сборѣ податей и въ управленіи. Все лѣто Александръ II путешествовалъ по Россіи и убѣдился, что реформа не встрѣтитъ опасныхъ препятствій со стороны помѣщиковъ.

Въ губернскихъ комитетахъ въ эту пору шла ожесточенная борьба между *большинствомъ* и *меньшинствомъ*; эти партіи различались отчасти по разнообразію мѣстныхъ интересовъ въ губерніи, но въ значительной степени и тѣмъ, что первые чаще отстаивали интересы помѣщиковъ, а вторые были склонны уступать крестьянамъ. Но всѣхъ тяготило запрещеніе дворянскимъ собраніямъ обсуждать реформу вообще, въ цѣломъ. Кое-гдѣ дѣятели изъ партіи меньшинства успѣли намѣтить полный планъ

реформъ, который важно было принять къ свѣдѣнію: земское и городское самоуправленіе, судъ присяжныхъ и т. д.

Преобразованія собственно начались въ 1858 г. Крестьяне удѣльнаго вѣдомства, трудившіеся на земляхъ Императорской фамиліи, были объявлены свободными съ правомъ пользованія тягловыми надѣлами. Въ этомъ же году произведена 10-я ревизія, по счету послѣдняя; она сопровождалась мѣрами, отнимавшими у помѣщиковъ возможность измѣнять положеніе крестьянъ: пересылать ихъ, ссылать, переводить въ дворовые; не могли, однако, ограничить право убавлять ихъ надѣлы. Статистическій земскій отдѣлъ, учрежденный нѣсколько ранѣе при мин. внутр. дѣлъ, и ревизія давали много свѣдѣній для дѣятелей реформы. Ревизія показала, что число крѣпостного населенія само по себѣ медленно убавляется. Сравнительно съ данными прежнихъ ревизій оказывалось, что среди помѣщиковъ сильно уменьшается число владѣльцевъ среднихъ по размѣрамъ имѣній; сохранялось много безземельныхъ и мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ; но зато замѣтно увеличивались размѣры крупныхъ имѣній въ 1000 и выше душъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ 1200 богачей. Помѣщики средняго состоянія, между тѣмъ, всегда болѣе тяготѣли къ службѣ, болѣе другихъ стремились къ образованію; они охотнѣе другихъ мирились съ крестьянской реформой, а ихъ представители среди чиновничества поддерживали преобразовательные планы, считая возможнымъ обойтись безъ сельскаго хозяйства. Сторонники дальнѣйшихъ преобразованій, многіе готовились работать въ новыхъ должностяхъ по самоуправленію и суду. Для осуществленія скорѣйшей отмѣны крѣпостного права важно было и то обстоятельство, что множество дворянскихъ имѣній были заложены въ Сохранныхъ казнахъ (на 450 мил. руб.). Очевидно, дворяне очень нуждались въ деньгахъ и могли соблазниться продажей земель. Нѣкоторые говорили, что недолго бы оставалось подождать до того времени, когда всѣ помѣстья оказались бы этимъ путемъ въ распоряженіи казны.

Когда въ Петербургъ стали доставляться проекты губернскихъ комитетовъ, Ланской, Милютинъ и Ростовцевъ нашли опаснымъ представить ихъ на разсмотрѣніе консервативнаго Главнаго комитета; съ разрѣшенія государя для этого собрали особыя *редакціонныя комиссіи*, и дѣло оказалось въ рукахъ представителей либеральнаго чиновничества; въ комиссію пригласили нѣсколькихъ свѣдущихъ дворянъ, преимущественно изъ дворянскаго меньшинства. Предсѣдателемъ комиссіи явился Ростовцевъ, а главнымъ дѣятелемъ сталъ Милютинъ. Началась трудная, спѣшная работа, за которой со страстнымъ интересомъ слѣдила вся Россія. Къ проектамъ относились очень свободно, руководствуясь общими положеніями предстоящей реформы, которыя выставлялись съ одобренія государя.

Опубликованіе манифеста литовцамъ отмѣтило важный поворотный моментъ въ русской общественной, недаромъ оно такъ ужаснуло близкихъ придворныхъ государя. Оно сдѣлало невозможнымъ отступленіе; государь обѣщалъ народу реформу и какъ бы приказалъ дворянству немедленно готовиться къ ней, и послѣднее не могло открыто противодѣйствовать. Открытіе губернскихъ комитетовъ, 6-мѣсячная бурная работа ихъ всколыхнула сонное провинціальное общество. Комитеты со своей

борьбою партій, спорами на экономической и политической почвѣ, продолжавшимися по домамъ, въ семьяхъ, и оказались небывалымъ явленіемъ въ русской провинціи. Обсуждаемые вопросы требовали основательнаго знакомства съ политической экономіей, статистикой и т. д., требовали умѣнья примѣнять знанія къ обсужденію мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ. Получили огромную цѣну тѣ мысли и принципы, которые недавно почитались въ затхлой средѣ крѣпостной Россіи глупой и вредной болтовней: выдвинулись на первый планъ лица съ высшимъ образованіемъ, особенно тѣ, которые съумѣли вынести изъ университетовъ и сохранить въ жизни духъ общей гуманистической просвѣщенности. Въ эту пору „провинція росла не поднямъ, а по часамъ“, писалъ очевидецъ. Зашевелилось купечество, двинулось къ просвѣщенію само и давало средства на учебныя заведенія и общественныя начинанія.

Въ постановленіяхъ губернскихъ комитетовъ ярче и опредѣленнѣе всего сказывалось пониманіе дворянами-помѣщиками своихъ экономическихъ интересовъ. Комитеты черноземной полосы выразили желаніе подольше сохранять крестьянъ на среднемъ *временно-обязанномъ* положеніи, обязанными отрабатывать помѣщику пользованіе надѣломъ; кромѣ того, они предлагали вмѣсто крестьянскаго самоуправленія — вотчинное, т.-е. опеку помѣщиковъ надъ лично свободными людьми, какъ въ Остзейскомъ краѣ. Постановленія помѣщиковъ промышленныхъ и нечерноземныхъ губерній требовали скорѣйшаго и по возможно высокой цѣнѣ выкупа казной предоставленныхъ крестьянамъ земель, который бы вознаградилъ ихъ за потерю большихъ доходовъ съ оброка. Они желали чтобы сельское и волостное самоуправленіе было не крестьянскимъ только, а *всесословнымъ*. Но все дворянство возмущалось запрещеніемъ обсуждать реформы на своихъ собраніяхъ и самовластіемъ чиновниковъ, которые одни брались рѣшать соціально-экономическіе вопросы, связанные со всею жизнью страны.

Во время путешествія по Россіи государь обѣщалъ дворянамъ многихъ губерній пригласить ихъ депутатовъ на совѣщаніе въ Петербургъ. Съ открытіемъ ревизіонныхъ комиссій пришлось исполнить обѣщаніе. Были приглашены дворяне наиболѣе подходящіе либеральному кружку бюрократіи, въ значительномъ числѣ изъ меньшинства, что не соотвѣтствовало понятіямъ о правильномъ представительствѣ. Всѣ депутаты сочувствовали освобожденію крестьянъ, но желали свободнаго обсужденія реформы и разсчитывали, что будутъ засѣдать въ комиссіи на равныхъ правахъ съ чиновничествомъ. Но Милютинъ съ министромъ внутр. дѣлъ представили государю особую записку, доказывавшую, что послѣ выраженной имъ воли отмѣнить крѣпостное право, нельзя позволять подданнымъ обсуждать рѣшенный вопросъ. Государь согласился. Пріѣзжихъ приглашали въ комиссію всего по нѣсколько человѣкъ заразъ и спрашивали ихъ мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ, касавшимся величины надѣловъ, условій выкупа и т. д. Дворянамъ запретили даже собираться всѣмъ вмѣстѣ на частныя совѣщанія.

Въ комиссіяхъ Милютинъ убѣдительно доказывалъ, что необходимо оставить за крестьянами тѣ надѣлы, которые имъ предоставлены самими помѣщиками: если сами владѣльцы отводятъ ихъ, даютъ ихъ, значитъ такіе размѣры надѣловъ всѣмъ выгодны, несомнѣнно обезпечиваютъ хо-

зяйство крестьянъ и выполненіе ими повинностей; но большинство дворянскихъ комитетовъ допускало только выкупъ крестьянскихъ усадебъ, придерживая землю за помѣщиками. Даже болѣе либеральные представители протестовали, говоря, что нельзя устанавливать общей нормой на будущее время то, что помѣщики даютъ по условіямъ даннаго момента. Члены комиссіи были вынуждены уступить дворянамъ и уменьшить размѣры надѣловъ, отрѣзки оставлять за ними. Самое дѣло при спѣшности и малой освѣдомленности петербургскихъ вѣдомствъ представляло громадныя трудности.

Сообразуясь съ качествомъ земли, члены комиссій раздѣлили Россію на 5 полосъ (сѣверную, промышленную, нечерноземную, черноземную и степную) и въ каждой опредѣлили высшій и низшій, (не менѣе 1/3 перваго), размѣры надѣловъ, высчитали ихъ размѣры. Надѣлы провѣряли потомъ по уѣздамъ. Сумму выкупа опредѣлили сообразно съ годовыми оброками, всюду брали средніе размѣры ихъ (отъ 8 до 10 руб. на душу), почитая за 6% съ капитала, который и высчитывали. Выкупъ усадебъ, котораго требовали помѣщики нечерноземной и промышленной полосы, гдѣ сравнительно мало цѣнили землю, слился съ выкупомъ надѣла въ цѣнѣ первой десятины; за нее крестьянинъ долженъ былъ платить гораздо дороже, чѣмъ за послѣдующія. При 4 дес. надѣла 1-я стоила, напр., 4 руб., 2-я — 2 р. 40 к., 3-я и 4-я—по 1 р. 80 к., при 9 руб. годовомъ оброкѣ. Чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ онъ, значитъ, дороже стоилъ. что̀ представляло большую тягость для крестьянъ.

Особенно долго колебались надъ вопросомъ, установить ли немедленный обязательный выкупъ или предоставить сроки на волю сторонъ. На югѣ ожидали быстраго повышенія цѣнъ на землю, что̀ побудило бы помѣщиковъ, соблюдая свои выгоды, медлить съ выкупами, требовать переоцѣнокъ. Крестьяне надолго оставались бы въ неопредѣленномъ положеніи, что̀ было невыгодно бѣдному государству, нуждавшемуся въ податяхъ и повинностяхъ. Съ этимъ вопросомъ медлили, поджидая отзывовъ дворянства. Позже всего опредѣлили участіе казны въ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ.

Крестьянская реформа осталось экономически неподготовленной; такъ называемыя банковыя операціи были новостью для министерскихъ дѣятелей; спѣшно придуманная выкупная операція оказалась непомѣрно тяжелой для крестьянъ, и вскорѣ пришлось изобрѣтать мѣры облегченія.

Первые дворянскіе депутаты, раздраженные своимъ безправіемъ, яростно оспаривали всѣ планы бюрократовъ, размѣры надѣловъ, низкіе оброки, слабое участіе казны въ дѣлѣ выкупа. Особенное негодованіе возбуждалъ въ нихъ проектъ сельскаго административнаго устройства, который не представляли имъ на разсмотрѣніе. Дворяне справедливо смущались тѣмъ, что либералы не хотѣли знать мѣстныхъ интересовъ и подчиняли полицейской опекѣ будущее крестьянское общество. Депутаты рѣшились высказать свои чувства государю въ особыхъ адресахъ. Представители болѣе либеральнаго меньшинства заявляли, что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ коренныхъ реформъ администраціи, полиціи и суда, и просили государя: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ землей въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа на условіяхъ неразорительныхъ для помѣщиковъ; 2) обра-

зовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть.—судъ присяжныхъ и судебныя учрежденія, независимыя отъ администраціи, съ гласнымъ и словеснымъ судопроизводствомъ; 4) дозволить обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстной администраціи.—Другой адресъ ходатайствовалъ только о правѣ представить главному комитету свои соображенія на труды редакціонныхъ комиссій. Одинъ депутатъ доложилъ въ своемъ адресѣ, что дворянство напрасно оклеветано передъ монархомъ, что отечество подвергаютъ опасности, а для блага его слѣдуетъ созвать уполномоченныхъ дворянствомъ лицъ, которые подъ предсѣдательствомъ государя подготовятъ реформу.

Почти одновременно съ адресами государь получилъ смѣлую записку отъ представителя аристократическаго круга; тамъ прямо подчеркивалось, что бюрократія искажаетъ волю монарха, что необходимо призвать выборныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, которые сумѣютъ поддержать истинную силу самодержавія, которое и ранѣе прибѣгало къ мнѣнію выборныхъ.—Всѣ въ разныхъ выраженіяхъ высказали недовольство могуществомъ бюрократіи, которая отстраняетъ дворянство отъ обсужденія реформъ. Среди знати же замѣтно созрѣвалъ планъ учрежденія дворянскаго представительства, постоянно участвующаго въ управленіи страной. Настойчивость дворянъ стала досадной и неудобной, самые смѣлые депутаты были удалены отъ столицъ и мѣстъ службы.

Любопытно, что авторитетные представители литературы и интеллигенціи смотрѣли въ то время довольно враждебно на конституціонные замыслы знати и вообще на всякую общественно-политическую иниціативу привилегированнаго класса; демократически настроенное общество видѣло въ нихъ крѣпостниковъ прежде всего и апплодировало ихъ униженію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть печати становилась радикальнѣй и выражала недовольство планами реформы, мало считавшимися съ интересами массы населенія.

Въ началѣ 1860 г. энергичный Ростовцевъ умеръ. Въ предсѣдатели комиссіи былъ назначенъ гр. Панинъ, консерваторъ и противникъ крестьянской реформы, что̀ усилило борьбу мнѣній, но не могло остановить почти готоваго дѣла. Пріѣзжали новые депутаты, почти всѣ консерваторы; они уже не касались общихъ вопросовъ; отстаивая только свои интересы, они добивались личнаго освобожденія крѣпостныхъ и разрѣшенія землевладѣльцамъ свободно устанавливать свои отношенія къ свободнымъ людямъ. Эти депутаты достигли только новаго пониженія надѣловъ. Въ октябрѣ 1860 г. проектъ крестьянской реформы былъ готовъ и поступилъ въ главный комитетъ, предсѣдателемъ котораго сдѣлался вел. князь Константинъ Николаевичъ. Знатные члены его были такъ мало знакомы съ техникой дѣла и подробностями работы, создавшей проектъ, что, несмотря на долгіе споры, предсѣдатель могъ отстоять „положеніе о крестьянахъ", согласившись на новое уменьшеніе надѣловъ. Теперь сами защитники крестьянской собственности видѣли, что при такихъ условіяхъ выполненіе повинностей мѣстами будетъ зависѣть не отъ сельскаго хозяйства, а отъ постороннихъ заработковъ, но приходилось спѣшить и соглашаться. Государь очень торопилъ реформой.

28 января 1861 г. началось обсужденіе проекта въ Государственномъ совѣтѣ. Государь открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой требовалъ немедленнаго окончанія дѣла и въ томъ духѣ, какъ составлено положеніе: оно должно быть объявлено крестьянамъ передъ началомъ полевыхъ работъ. На каждое засѣданіе назначили, какъ урокъ, извѣстное число статей на просмотръ.

Большинство членовъ высказывалось противъ проекта: государю приходилось соглашаться съ меньшинствомъ. Еще разъ уменьшили размѣръ надѣловъ и ввели четвертной надѣлъ ($^1/_4$ высшаго), отпускаемый помѣщиками даромъ, который совершенно не обезпечивалъ крестьянъ. Получившимъ даръ приходилось арендовать землю у помѣщиковъ, или наниматься къ нимъ въ работники. Съ большими усиліями „Положеніе" было принято и, подписанное 19 февраля государемъ, стало закономъ.

По 1-му отдѣлу Положенія крестьяне получаютъ всѣ права свободныхъ людей, могутъ переходить въ другія сословія, воспитывать дѣтей во всѣхъ заведеніяхъ, поступать на государственную службу. Во 2-мъ опредѣлялся ихъ хозяйственный бытъ. Крестьяне могли только 2 года состоять еще въ обязанныхъ отношеніяхъ; но по прошествіи этихъ лѣтъ ихъ положеніе опредѣлялось уставной грамотой, подъ наблюденіемъ особаго чина—мирового посредника.

Полевыя угодья выкупались съ согласія помѣщика; причемъ одной его воли было достаточно, чтобы обязать бывшихъ его крестьянъ выкупать у него свои надѣлы. Это несправедливое постановленіе дѣлало крестьянина невольнымъ покупщикомъ земель, когда это было выгодно помѣщикамъ. На даровой надѣлъ требовалось обоюдное соглашеніе. Неудобную землю, овраги, пески запрещали отводить подъ надѣлы: отрѣзывать тоже полагалось неунавоженную землю, вообще менѣе удобныя угодья. Крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, (имѣвшихъ менѣе 75 дес.), освобождались безъ надѣловъ, но могли получать ихъ изъ казенныхъ земель. Крестьяне Малороссіи, по своимъ обычаямъ, получали надѣлы на дворы, а не по душамъ. Крестьяне могли обойтись и безъ выкупа, а выговорить себѣ уставной грамотой право постояннаго пользованія землей, выплачивая оброками или трудомъ.

Такъ какъ сами крестьяне не имѣли средствъ для выкупа, то имъ приходила на помощь казна, выдавая имъ въ ссуду отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ стоимости надѣла, эти деньги выдавались помѣщикамъ; крестьяне же выплачивали долгъ казнѣ въ теченіе $49^1/_2$ лѣтъ ежегодными взносами съ причисленіемъ 6%. Могли, конечно, выплатить его и раньше.

3-я часть Положенія устанавливала крестьянское самоуправленіе, права сельскихъ сходовъ, порядокъ пользованія общинной земли. Нѣсколько селеній до 3 тыс. ревизскихъ душъ составляли волость, имѣвшую свой сходъ выборныхъ, судъ и управленіе. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія наблюдали за уставными грамотами, выкупными дѣлами и т. д.

Удѣльные крестьяне съ 1863 г. тоже получили возможность выкупить свои надѣлы. Для государственныхъ крестьянъ въ 1866 г. издано положеніе, по которому они получили надѣлы на 20 лѣтъ, за государственную оброчную подать; съ 1886 г. и на нихъ при переоцѣнкѣ земель распространили правила о выкупѣ.

При введеніи Положенія 19 февраля произошли такія перемѣны въ высшей администраціи, что приложеніемъ къ жизни новыхъ началъ руководили лица, мало сочувствовавшія реформѣ, что̀ дурно отражалось на сельскихъ людяхъ, которыми занимались, и мало объясняли имъ „Положеніе“ 19 февраля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были даже волненія, потому что подъ „чистой волей“ понимали освобожденіе отъ всякихъ обязанностей передъ помѣщиками и даровые надѣлы.

Обезпеченіе хозяйственнаго быта крестьянъ и выполненія повинностей, намѣченное Милютинымъ и его товарищами, не могло осуществиться на основаніи „Положенія“ 19-го февр. Надѣлы оказались слишкомъ недостаточными, что̀ статистики точно выяснили уже въ 70 гг. При отвѣтственности по круговой порукѣ платежи могли къ тому же неожиданно повышаться для членовъ сельскаго общества. При выкупѣ надѣльныя земли были слишкомъ высоко оцѣнены, во многихъ мѣстахъ выше обычной продажной цѣны. Помимо вліянія помѣщичьихъ расчетовъ, тутъ сказалась и невѣрность данныхъ, по которымъ производили оцѣнку; (на запродажныхъ актахъ обыкновенно уменьшали цѣну земли, чтобы поменьше платить за купчую и пр., это вызывало стремленіе произвольно повышать выкупныя цѣны).

При малыхъ надѣлахъ крестьянамъ, чтобы весь трудъ семей приложить къ дѣлу, приходилось арендовать земли у сосѣдей, обыкновенно помѣщиковъ, или уходить на дальніе заработки, затрачивая время и здоровье часто попустому. Съ приростомъ населенія къ 90-мъ гг. крестьяне по приблизительному расчету арендовали до 50 милл. десятинъ и платили за нихъ ежегодно 315 милл. руб. Такъ какъ крестьянину нужна земля поближе къ ихъ надѣльной землѣ, то владѣльцы поднимали цѣны не по доходности земли, а по тому, насколько сосѣдніе крестьяне нуждались въ ней, а бѣдняки платили только бы на чемъ-нибудь выработать подати.

Экономическія затрудненія, сложность выкупной операціи, всѣ препятствія, съ которыми мало считались, торопясь реформой, проявили все свое роковое значеніе позже и тяжкимъ гнетомъ налегли на крестьянство; каждый неурожай наносилъ непоправимые удары быту нашей деревни: масса крестьянъ бѣднѣла, и жила въ долгъ. Своеобразное устройство сельскаго и волостного управленія, не считавшееся съ общими порядками и законами, совершенно обособило крестьянство отъ другихъ классовъ, замкнуло его бытъ въ очень узкія, устарѣвшія рамки и мѣшало экономическому и умственному развитію силъ нашего сельскаго люда. Крестьянское волостное управленіе скоро обратилось въ низшую административно-полицейскую единицу, которая обслуживала все населеніе территоріи, частныхъ владѣльцевъ, промышленниковъ, торговцевъ, которые ни копейкой не участвовали въ сборахъ на его содержаніе; волость всюду лежитъ на иждивеніи крестьянъ; обремененное податями, крестьянство содержитъ и сельскую администрацію для всѣхъ.

Дорого стоила народу крестьянская реформа, но и громаденъ былъ созданный ею переворотъ; масса земель перемѣнила хозяевъ. Все хозяйство страны перешло на иной путь; натуральное хозяйство отошло въ прошлое, и совершалось мучительное приноравливаніе къ денежному. Промышленность начала создавать рабочій классъ. Развитіе городской жизни быстрѣе пошло впередъ. Старая администрація, покоившаяся на

патріархальныхъ отношеніяхъ и приниженіи личности, потребовала коренныхъ измѣненій.

XLIII.

Земская и городская реформы. Судебные Уставы. Тѣлесныя наказанія. Реформы въ арміи. Финансы.

Почти одновременно съ работами надъ крестьянской реформой правительство выясняло себѣ въ общихъ чертахъ и дальнѣйшія преобразованія; съ отмѣной дворянской привилегіи и освобожденіемъ сословій дворянскіе суды, полиція, старая незатѣйливая хозяйственная администрація губерній и уѣздовъ не могла сохраниться. Приходилось создавать заново систему судовъ и мѣстнаго хозяйства, и дѣлать это такъ, чтобы не затрогивать основъ государственной администраціи, развѣ по возможности укрѣплять власть центральныхъ вѣдомствъ и ихъ мѣстныхъ представителей. Дворянство и интеллигенція проникались либерализмомъ и таили мечты обновленія всего строя, желали представительныхъ учрежденій. Какъ при Екатеринѣ II, имъ полезно было открыть поприще дѣятельности въ провинціяхъ; разбросанные по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ столицъ, либералы теряли свое опасное вліяніе.

Земскіе сборы и разныя натуральныя повинности, (починка дорогъ, постройка мостовъ, доставка лошадей и т. д.), на мѣстныя нужды существовали издавна, но вполнѣ зависѣли отъ мѣстныхъ властей; только съ 1802—3 гг., когда они перешли въ вѣдѣніе мин—ва внутр. д., на нихъ стали обращать вниманіе; ихъ разсматривали разные комитеты, и только въ 1851 земскія повинности упорядочены особымъ „Уставомъ", который подраздѣлилъ ихъ на *общія* или государственныя, собираемыя на потребности всѣхъ частей имперіи, и *мѣстныя*—на надобности данной губерніи или области. Особый комитетъ земскихъ повинностей изъ главныхъ чиновниковъ губерніи, собиравшійся разъ въ 3 года, составлялъ для нихъ смѣты, намѣчалъ раскладки. Собиралось по имперіи до 20 милл. въ годъ; но весьма малая доля этой суммы употреблялась на мѣстныя нужды, почти все уходило на обще-государственныя потребности.

Мѣстное хозяйство не могло оставаться въ такомъ жалкомъ видѣ; еще въ 1859 г. рѣшили объединить общія всему мѣстному населенію дѣла въ особое мѣстное вѣдомство. Тогда же выяснились необходимыя мѣры: 1) объединеніе полиціи въ рукахъ правительства; исправники стали назначаться властями, а не избирались дворянствомъ; 2) отъ полицейскаго вѣдомства тщательно обособлялись въ особые отдѣлы дѣла хозяйственныя, слѣдственная и судебная часть. Хозяйственныя дѣла нашли необходимымъ довѣрить общественнымъ силамъ. Впервые, послѣ долгаго промежутка времени, когда господствовала сословность въ общественной и административной жизни, всѣ владѣльцы земель области соединили своихъ представителей въ одни выборныя учрежденія—*земства*. Этому помогла крестьянская реформа, освободившая трудовыхъ людей, входив-

шихъ въ составъ имуществъ, и основавшая богатство на капиталахъ и недвижимости. Когда обсуждалась земская реформа, прежнихъ горячихъ руководителей уже не было на мѣстахъ; ихъ замѣнили рядовыя, чиновныя лица, которыя дѣйствовали старыми канцелярскими способами, равнодушныя къ голосу литературы и общественному мнѣнію. Въ эту же пору студенческія движенія подкрѣпили опасеніе консерваторовъ за спокойствіе государства при быстро смѣняющихся преобразованіяхъ; раздражала и борьба съ польскимъ мятежомъ; дурное настроеніе администраціи отразилось на реформѣ. Объясненія къ проекту земскаго Положенія подчеркивали, что слѣдуетъ установить „по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія", что̀ соотвѣтствовало и взглядамъ передовыхъ людей, доказывавшихъ, что необходимо призвать общество къ участію въ управленіи. Но затѣмъ сказывалось и стремленіе положить предѣлъ"—несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ сословій". „Положеніе" вышло нецѣльнымъ, двойственнымъ.

Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій уѣзда или губерніи обнималъ исключительно хозяйственныя задачи; сюда входили крайне ва̀жныя для государства обязанности, какъ надзоръ за выполненіемъ рекрутской повинности, опредѣленіе государственныхъ и земскихъ сборовъ, пути сообщенія, квартированіе войскъ и т. д. Мѣстные люди могли выполнить ихъ проще и дешевле, чѣмъ казна.

Земскія учрежденія завѣдывали: повинностями, капиталами и имуществами земства, обезпеченіемъ народнаго продовольствія, путями сообщенія, страхованіемъ имуществъ, врачебной помощью, народнымъ образованіемъ, (преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи), воспособленіемъ земледѣлію и промышленности. Но вся дѣятельность строго ограничивалась предѣлами одной губерніи. Очевидно, хозяйственная часть понималась довольно широко; громадная задача общественно-государственнаго значенія, начальное народное образованіе—организовано всецѣло земствомъ въ земскихъ губерніяхъ. При Александрѣ II земскія учрежденія были введены въ 34 губ. Земскихъ представителей, гласныхъ, постановлено выбирать 3-мя избирательными группами: 1) уѣздные владѣльцы недвижимаго имущества цѣной не ниже 15 тыс. руб. (или 6 тыс. руб. годового оборота),—владѣющіе не менѣе $^1/_{20}$ этой суммы представляли особыхъ уполномоченныхъ избирателей; 2) городскія и 3) сельскія общества. Волостные сходы поставляли избирателей отъ крестьянъ. Гласные уѣзда составляютъ уѣздное земское собраніе и выбираютъ изъ своей среды гласныхъ на губернскія собранія. Исполнительными учрежденіями, завѣдующими текущими дѣлами, являются управы — уѣздныя и губернскія; онѣ состоятъ изъ предсѣдателя и чиновъ, избираемыхъ на 3 г. изъ числа гласныхъ. Уѣздныя собранія выбирали и мировыхъ судей по судебнымъ уставамъ 1866 г. За рѣшеніями земскихъ собраній наблюдалъ губернаторъ и могъ задерживать тѣ изъ нихъ, которыя считалъ незаконными. Онъ уже утверждалъ въ должности предсѣдателей уѣздныхъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ—губернскихъ управъ.

Дѣятельность земства пріобрѣла большое вліяніе на жизнь русскаго общества. Но все-таки нельзя назвать эту дѣятельность *самоуправленіемъ* въ настоящемъ смыслѣ слова. Самоуправленіе въ области всегда имѣетъ

нѣкоторое *политическое* значеніе въ странѣ; это — извѣстное представительство гражданъ, развивающееся надъ выясненіемъ ихъ, пока еще мѣстныхъ, интересовъ. Въ нашемъ же земскомъ положеніи старались прежде всего отстранить политическую сторону дѣла. Дѣятельность земства стѣснили, сжали въ предѣлахъ одной губерніи. Съ другой стороны, ее сдѣлали неопредѣленной и безсильной; земскія учрежденія у насъ не введены въ общую систему государственнаго управленія, а дѣйствуютъ особнякомъ. Земство лишено возможности взыскивать свои сборы, жаловаться на неплательщиковъ, а можетъ только молча страдать отъ безденежья. Понятіе о хозяйствѣ въ сущности очень растяжимо и не поддается точнымъ опредѣленіемъ; въ дѣлѣ веденія школъ, напримѣръ, земство постоянно пререкалось съ администраціей, гдѣ границы обѣихъ властей. Число гласныхъ по уѣздамъ очень разнообразно и назначается крайне произвольно, не считаясь съ числомъ населенія.

Есть уѣзды, гдѣ земское собраніе состоитъ всего изъ 10-ти гласныхъ, и эти 10 лицъ составляли всю управу и мировыхъ судей. Петербургское уѣздное собраніе составляли въ 60-хъ гг. 14 гласныхъ. Крестьянство, главная сила, для которой и существовало земство, имѣетъ очень слабое представительство. Бѣдность мѣшала тратиться на пребываніе въ уѣздномъ городѣ, а до губернскаго собранія крестьяне очень рѣдко достигали. Здѣсь могло помочь только временное вознагражденіе. Старая дворянская организація съ выборами администраціи исправниковъ, предсѣдателей судебныхъ палатъ и т. д., правомъ ходатайствъ болѣе соотвѣтствовали земства тому, что называется самоуправленіемъ: она сильно вліяла на администрацію. Теперь же контроль властей надъ общественною жизнью съ реформами 60-хъ гг. несомнѣнно усилился.

Однако русскому земству, благодаря энергіи интеллигенціи, возбуждавшейся сближеніемъ сословій, удалось создать новыя теченія общественной дѣятельности, новыя вѣдомства государственнаго значенія: земство создало основы начальнаго народнаго образованія; оно положило начало точному изслѣдованію быта народа *земской* статистикой, *земской медициной*.

Съ реформой городского управленія не торопились: приступая къ ней, министерство нашло нужнымъ ознакомиться съ мѣстными особенностями и экономическимъ положеніемъ городовъ. Особыя комиссіи въ 509 городахъ въ началѣ 60-хъ гг. представили свои соображенія о ихъ нуждахъ; на основаніи ихъ докладовъ былъ выработанъ проектъ, который долго не получалъ одобренія въ государственномъ совѣтѣ вслѣдствіе того, что въ составленіи его не участвовали представители мѣстныхъ интересовъ. Только въ 1870 г. вышло „Городское положеніе“, значительно измѣнившее и оживившее выборное самоуправленіе. Задачи и кругъ дѣятельности здѣсь были тѣ же, что и у земскихъ учрежденій: сословныя различія здѣсь также были ослаблены. Права избирателей получали плательщики городскихъ сборовъ: 1) владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, 2) содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній, 3) обладатели купеческихъ промысловъ и приказчичьихъ свидѣтельствъ. Избиратели дѣлились на три разряда такъ, чтобы сумма платежей, вносимыхъ каждымъ изъ нихъ, составляла $^1/_3$ городскихъ сборовъ; слѣдовательно, первый разрядъ состоялъ изъ крупныхъ плательщиковъ, 2-й изъ среднихъ,

3-й изъ мелкихъ. Наименьшее число гласныхъ—30 чел. [1]) при 300 избирателяхъ въ городѣ: наибольшее—72 чел. Это число было увеличено только для Москвы (180 чел.) и Петербурга (250). Исполнительная власть принадлежитъ городской управѣ, состоящей изъ городского головы, иногда его товарища и нѣсколькихъ членовъ, избираемыхъ изъ числа гласныхъ на 4 г., какъ и составъ думы. Смѣшеніе сословій, привлеченіе къ общему дѣлу низшаго городского класса, отличавшагося издавна равнодушіемъ къ общественной дѣятельности, появленіе среди гласныхъ людей изъ интеллигенціи очень подняло общественное настроеніе. Города стали оживляться и расти, а народное образованіе быстро подвинулось впередъ. Тяжелая сторона „Положенія", задерживающая развитіе правильнаго хозяйства: широкая власть головы, какъ предсѣдателя и управы, и думы, изъ которыхъ вторая контролируетъ первую; перевѣсъ богатыхъ промышленниковъ надъ громаднымъ большинствомъ избирателей 3-го разряда (случалось, что 20 избирателей 1-го разряда должны были дать думѣ 22 гласныхъ). Объ избирателяхъ изъ среды квартиронанимателей, рабочихъ и др., не имѣющихъ собственности лицъ, въ то время и не думали. Тяжело отзываются на хозяйствѣ городовъ обязательныя повинности и расходы на полицію, помѣщеніе войскъ, тюрьмы; мѣстами они составляютъ большую половину бюджета, (въ Костромѣ изъ 65 тыс. р. 37 тыс.), и отнимаютъ много средствъ отъ болѣе производительныхъ расходовъ на улучшеніе быта горожанъ и образованіе. Хотя „Положеніе 1870 г." признавало самостоятельность городского управленія въ предѣлахъ его дѣятельности, но отдавало подъ наблюденіе особаго „Губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія", которое слѣдило за законностью его дѣйствій, принимало жалобы на него, разрѣшало пререканія между головой и членами управы, между губернаторомъ, который слѣдилъ за выполненіемъ обязательныхъ повинностей, и думой. Это наблюденіе тоже подавляло развитіе дѣятельности думы.

Самая цѣльная, въ теоріи идейно-законченная реформа великой эпохи, это—реформа судоустройства. Судебные уставы Александра II—смѣлый, благородный памятникъ дѣятельности лучшихъ представителей русской образованности, русской мысли и общественности того времени. Цѣлые вѣка судебные порядки были больнымъ мѣстомъ русскаго народа. Преобразованія Екатерины II ихъ немного улучшили, но не дали судьямъ независимости; попрежнему контроль надъ судами принадлежалъ губернаторамъ; низшія судебныя инстанціи, подчиненныя разнымъ властямъ, не имѣли связи между собой; нѣкоторыя попрежнему зависѣли отъ полиціи; мелкіе проступки и безпорядки, т.-е. дѣла главной массы городского населенія, вѣдались Управами благочинія, что́ создавало неисчислимыя тяготы и злоупотребленія. Въ судахъ и палатахъ осужденія и приговоры составлялись на основаніи формальныхъ уликъ, бумажнаго матеріала, показаній и донесеній, не справляясь съ личностями и положеніями людей. Предварительнымъ слѣдствіемъ завѣдывала полиція. Обвиняемые многими годами ожидали по острогамъ рѣшенія своей участи.

---

[1]) Для законности собранія думы требовалась наличность $^1/_3$ гласныхъ: при 10 чел. собраніе рѣшало вопросы 6-ю голосами; поэтому меньшее число гласныхъ оказывалось неудобнымъ.

Въ 40-хъ гг., вскорѣ послѣ изданія Свода Законовъ, когда съ подъемомъ научныхъ знаній улучшился составъ русскихъ юристовъ, раздавались голоса о непригодности и мучительности русскаго судоустройства. Но и послѣ крымскихъ пораженій все еще пытались улучшить суды старыми средствами и измышленіями сановниковъ Николая I. Наконецъ, въ 1861 г. было постановлено окончательно отказаться отъ частичныхъ измѣненій и создать новую цѣльную систему судовъ. Вліяніе гуманныхъ высоко-образованныхъ юристовъ быстро подвигало дѣло. Въ 1862 г. Высочайшее повелѣніе указало сообразовать реформу съ началами, „несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ".—Работы происходили во 2-мъ отдѣленіи государственной канцеляріи, гдѣ была составлена особая комиссія изъ лучшихъ юристовъ того времени; призывались на совѣщанія ученые спеціалисты разныхъ областей права. Уставы были созданы въ 11-ть мѣсяцевъ, необыкновенно быстро, такъ облегчали дѣло научная обоснованность и продуманность задачъ. Въ концѣ 1864 г. судебные уставы были утверждены въ государственномъ совѣтѣ, и послѣ почти двухлѣтней подготовки слѣдственной части и старыхъ судовъ—въ 1866 г. началось ихъ введеніе въ жизнь. „Все въ нихъ дышало стремленіемъ насадить въ государствѣ господство общаго, для всѣхъ одинаковаго интереса правды и справедливости", говорили строгіе юристы того времени. Новые принципы устанавливали въ Россіи независимый отъ администраціи судъ; судьи могли смѣщаться только по суду и были вполнѣ свободны въ выполненіи своихъ обязанностей. Важныя уголовныя дѣла, влекущія за собой лишеніе правъ состоянія, рѣшались въ окружномъ судѣ при участіи присяжныхъ засѣдателей. Только суды коммерческіе, военные, духовные и волостные сохранили сословный характеръ. Окружные суды для болѣе важныхъ дѣлъ возникли по губерніямъ; судебныя палаты становились во главѣ округа изъ нѣсколькихъ губерній; для менѣе важныхъ дѣлъ учреждены были мировые суды; въ городахъ мировые судьи избирались думами, для сельскихъ округовъ — земскими собраніями; въ неземскихъ губерніяхъ они назначаются отъ правительства. Верховное наблюденіе за дѣятельностью всѣхъ судовъ имѣетъ сенатъ, пересматривая всѣ обжалованныя дѣла.

Гласность, т.-е. открытыя для публики засѣданія окружнаго суда и мировыхъ судей, участіе присяжныхъ засѣдателей были явленія совершенно новыя въ Россіи. Многіе находили, что русскій народъ совсѣмъ не созрѣлъ для суда по совѣсти; въ числѣ присяжныхъ должны состоять и крестьяне, люди темные, едва вышедшіе изъ рабскаго положенія. Но русская жизнь оправдала надежды составителей „уставовъ"; нравственная личность русскаго человѣка оказалась вполнѣ на уровнѣ высокой задачи—умѣть руководиться совѣстью и внутреннимъ убѣжденіемъ. Тяжелая обязанность осудить ближняго пока не нашла еще лучшаго способа выраженія, какъ судъ присяжныхъ. При окружныхъ судахъ составляются списки мѣстныхъ жителей 25—70 л.; изъ нихъ къ группѣ дѣлъ, назначенныхъ къ разбирательству, вызывается 12 лицъ и нѣсколько запасныхъ, на случай болѣзни засѣдающихъ, или отвода кого-нибудь, какъ знакомаго замѣшанныхъ въ дѣлѣ. Присяжнымъ можетъ быть лицо, умѣющее читать, ничѣмъ не опороченное, не состоящее подъ судомъ; нѣкоторый имущественный цензъ отстраняетъ бѣдноту. Изъ списковъ исключаются моряки,

священнослужители, занимающіе должности высшихъ 4-хъ классовъ и многіе служащіе. На время судебныхъ засѣданій присяжные совершенно отказываются отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и лицами, не принадлежащими къ суду.

Передъ ихъ глазами, по возможности, возстановляютъ все событіе, всю картину преступленія, начиная съ чтенія слѣдственнаго дѣла; передъ ними лежатъ вещественныя доказательства, даютъ показанія свидѣтели, говоритъ подсудимый. Присяжные знакомятся съ характерами дѣйствовавшихъ лицъ, съ положеніемъ, условіями жизни подсудимыхъ.

Каждый подсудимый имѣетъ право на защиту; лицо по большей части изъ состава юристовъ, знающихъ судебные порядки, выполняетъ гуманную въ основѣ обязанность сказать все, что можно, въ пользу обвиняемаго. Происходятъ пренія между защитникомъ и обвинителемъ; присяжнымъ напоминаютъ и подчеркиваютъ все, высказанное за или противъ виновности подсудимаго, которому принадлежитъ и послѣднее слово. Такъ присяжные сосредоточенно, какъ бы переживая вмѣстѣ съ обвиняемымъ все то, что натолкнуло его на преступленіе, знакомятся съ дѣломъ; затѣмъ они рѣшаютъ по внутреннему убѣжденію, по голосу совѣсти, *виновенъ* или *невиновенъ* данный человѣкъ. Въ послѣднемъ случаѣ оправданіе является полнымъ, нравственная личность обвиняемаго возстановляется вполнѣ, безъ стариннаго „оставить въ подозрѣніи“, которое портило несчастному все остальное существованіе. За свое рѣшеніе присяжные отвѣчаютъ только передъ своею совѣстью, этимъ главнымъ руководителемъ духовной жизни людей.

Мировые судьи изъ мѣстныхъ жителей, избираемые обществами, но по отношенію къ администраціи несмѣняемыя иначе, какъ по суду, замѣнили цѣлый рядъ мелкихъ судебныхъ учрежденій и сразу заслужили огромную популярность въ народѣ. Ихъ главная задача при разборѣ тяжебъ и обидъ—примирить спорящихъ.

Въ своихъ приговорахъ они имѣютъ право принимать во вниманіе мѣстные обычаи. Публичность и доступность суда, вѣжливые рѣчи судей, ровное со всѣми обращеніе вызывали на первое время большое довѣріе. Грубое неуваженіе личности, обиды, многое, что прежде переносилось, потому что невозможно было разсчитывать на удовлетвореніе чувства чести и справедливости, теперь осуждалось и каралось публично. Газеты много лѣтъ съ горячимъ интересомъ слѣдили за бытовыми подробностями дѣлъ, разбиравшихся въ камерахъ, отмѣчали по нимъ темныя стороны общественной жизни и помогали суду стирать слѣды крѣпостной эпохи и смягчать нравы. Самая слабая сторона мирового суда та, что крестьяне почти не подсудны ему: сельскіе люди подчинены далекимъ отъ общей системы волостнымъ судамъ, руководящимся обычаями.

„Судебные уставы“ Александра II велики и значительны тѣмъ, что проводили въ жизнь высшій принципъ гражданской правды—*довѣріе къ человѣку*; въ этомъ заключалась ихъ національность, залогъ ихъ жизненности. „Слабый въ соціальной и экономической сторонѣ быта, русскій человѣкъ силенъ и оригиналенъ духовнымъ обликомъ; судъ по совѣсти, судъ мировой отвѣчаетъ его нравственному складу“. Таково была восторженное сужденіе либераловъ-современниковъ. Стремленія авторовъ реформы были идеальны, но скоро новымъ судамъ пришлось считаться съ

мощной силой администраціи; она мѣшала „Уставамъ“ осуществиться вполнѣ. Суды присяжныхъ были введены далеко не всюду; однѣ губерніи— оставляли при старыхъ судахъ подъ предлогомъ, — что онѣ населены инородцами, для другихъ — новые суды находили слишкомъ дорогими. Слѣдователи и чины судовъ оказались въ большей зависимости отъ министерства юстиціи, чѣмъ ожидалось. Независимость суда тѣсно связана со свободой народа вообще; это тоже политическая сила, требующая развитія политической свободы въ странѣ. Свободныя рѣшенія совѣсти присяжныхъ могутъ не допускать примѣненіе каръ, которыхъ желала ввести администрація, поэтому многіе умѣренные консерваторы находили, что суды присяжныхъ введены слишкомъ рано. Еще при Александрѣ II по политическимъ и нѣкоторымъ другимъ сложнымъ дѣламъ примѣнялись военные суды и особые суды безъ присяжныхъ, запрещались публичныя засѣданія и т. д.

Въ связи съ общимъ подъемомъ умственной жизни разрѣшился и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Въ 1859 г. два генералъ-губернатора, петербургскій и новороссійскій, подняли вопросъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній вообще. Затѣмъ кн. Н. Орловъ, посланникъ въ Брюсселѣ, представилъ въ комитетъ по пересмотру военно-уголовныхъ законовъ записку, въ которой говорилъ, что эти наказанія „зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніи“, доказывалъ ихъ безполезность, жестокость и несовмѣстимость съ чувствомъ чести. Вопросъ разсматривался въ разныхъ вѣдомствахъ, и результатомъ работъ явился законъ 1863 г. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по суду; но онъ не коснулся сельскихъ и волостныхъ судовъ, и розги сохранились для крестьянъ [1]).

Между этими реформами сыграло свою роль и преобразованіе законовъ о печати. Самое настроеніе правящихъ сферъ съ новымъ царствованіемъ уже облегчило положеніе литературы. Въ 1862 г. закрыли главное управленіе цензуры и его обязанности были подѣлены между министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, чтобы вскорѣ окончательно отойти въ вѣдѣніе перваго, что очень невыгодно отразилось на немъ. Самый законъ о печати разрабатывался очень медленно, около 10 лѣтъ. За это время, особенно послѣ польскаго возстанія, консервативныя мнѣнія восторжествовали во внутренней политикѣ и дали возможность создать только „Временныя Правила по дѣламъ печати“ 1865 г. Правилами разрѣшался выпускъ журналовъ и книгъ (не менѣе 10 печатныхъ листовъ) безъ предварительнаго просмотра. Положеніе литературы улучшилось, но „правила“ легко допускали и строгія административныя мѣры относительно изданій, и мѣрамъ этимъ легко можно придать очень суровый характеръ. Свобода печати не осуществилась, да и не могла осуществиться безъ твердыхъ гарантій свободы мнѣнія и слова, въ свою очередь невозможныхъ среди неограниченной монархіи.

Военныя служба и управленіе тоже подверглись значительнымъ преобразованіямъ: руководителемъ ихъ былъ братъ главнаго труженика

[1]) Въ редакціонной комиссіи по этому вопросу голоса раздѣлились поровну: за сохраненіе розогъ высказались славянофилы Черкасскій и Самаринъ, а за ними всѣ, вѣровавшіе въ честную патріархальность крестьянской жизни. Противъ розогъ были юристы.

крестьянской реформы, Милютина,—военный министръ Д. А. Милютинъ. Ради болѣе правильнаго и точнаго наблюденія было устранено сосредоточеніе его въ Петербургѣ и учреждены военно-окружныя управленія, вѣдавшія дѣла расположенныхъ въ округѣ войскъ. Суровое обращеніе съ нижними чинами, жестокія, унизительныя наказанія, давно возмущавшія образованную часть общества, рѣшили искоренять. Исчезли остатки военныхъ поселеній; срокъ солдатской службы убавленъ до 15 л.

Изыскивались мѣры къ удешевленію содержанія арміи; необходимо было уменьшить число войскъ въ мирное время, вмѣстѣ съ тѣмъ запастись подготовленными къ службѣ людьми, чтобы имѣть возможность быстро пополнить полки и поставить армію на боевое положеніе. Финансовый расчетъ и духъ времени, побуждавшій къ уравненію населенія въ правахъ и обязанностяхъ, привели къ введенію всеобщей и краткосрочной воинской повинности. Защита страны возлагалась на все наличное мужское населеніе, которое и призывалось съ 21 до 42 л. къ зачисленію въ строй или въ запасъ. Милютинъ ради этой реформы выдержалъ тяжелую борьбу съ высшими классами, державшимися своихъ привилегій. Проектъ всеобщей воинской повинности 14 лѣтъ ждалъ своего осуществленія. Но поддержка вел. кн. Константина Николаевича много помогла ему. Особенно энергично министръ стремился поднять образовательный уровень офицеровъ. Старые корпуса были преобразованы въ военныя гимназіи съ программой общеобразовательнаго характера. Въ эти заведенія умѣли привлекать лучшія педагогическія силы. Все это вмѣстѣ съ реформой военныхъ академій измѣнило къ лучшему военный бытъ. Съ 1867 г. въ военныхъ судахъ была введена гласность.

Больнымъ мѣстомъ преобразовавшейся Россіи остались все-таки финансы. Дурное хозяйство слабыхъ преемниковъ Канкрина и Восточная война совершенно разстроили ихъ. Въ началѣ эпохи Александра II положеніе представлялось безвыходнымъ, какъ показано выше: въ 1857 г. изъ дохода въ 258 мил. р. на главныя потребности государства оставалось всего 41 мил. Съ такимъ-то бюджетомъ Россія рванулась на рядъ переворотовъ, измѣнившихъ ея экономическій и сословный строй! Какъ могла она ихъ вынести? — Объясненіе одно: самая безвыходность положенія вынуждала идти на неотложныя и поспѣшныя преобразованія. опаснѣе всего было замедленіе, затягиваніе этого отчаяннаго положенія; Хуже уже быть не могло при 1,700 мил. слишкомъ долговъ. Первые годы изыскивая пути къ реформамъ, къ финансамъ относились безъ всякой системы; изобрѣтали разныя мѣры для изысканія средствъ, для своевременной выдачи процентовъ по долгамъ за границу; оборачивались займами, выпусками серій, выигрышныхъ билетовъ, разными перечисленіями суммъ часто очень неудачно. Тяжело отозвалось и необдуманное закрытіе казеннаго ломбарда (учрежденія по закладамъ). Во всей странѣ закладчикамъ приходилось прибѣгать къ частнымъ учрежденіямъ.

Между тѣмъ тогда же готовили суммы для выкупа крестьянскихъ надѣловъ, кончали кавказскую войну. Съ 1859 г. заработала комиссія для пересмотра податей, и другая—по реформѣ контроля.

Только послѣ основной реформы 19-го февраля, положеніе финансовъ нѣсколько опредѣлилось. Въ 1862 г. впервые опубликовали во всеобщее свѣдѣніе государственную роспись, которая раньше всегда хра-

нилась въ глубокой тайнѣ, и даже чиновникамъ строго запрещалось говорить о ней. Этимъ открытымъ обращеніемъ къ обществу возбудили извѣстное довѣріе къ министерству, несмотря на плачевное состояніе финансовъ. Одновременно съ этимъ уничтожили самостоятельное храненіе казенныхъ суммъ по всѣмъ вѣдомствамъ и установили *единство кассъ*, состоявшихъ въ исключительномъ вѣдѣніи органовъ министерства финансовъ; опредѣлили порядки счетоводства и отчетности, усовершенствовали контроль, обративъ его въ особое вѣдомство: съ 1864 г. по губернскимъ городамъ стали открываться контрольныя палаты для провѣрки отчетности мѣстныхъ учрежденій.

По вопросу о податяхъ въ обществѣ и правительствѣ сложилось убѣжденіе, что необходимо снять податную тяготу съ низшихъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія, т.-е. отмѣнить подушныя, винные откупа, налогъ на соль, измѣнить паспортную систему; болѣе состоятельныя классы должны подвергнуться и болѣе чувствительному обложенію. Но вслѣдствіе денежныхъ затрудненій и неопредѣленнаго положенія сословія послѣ 19-го февраля рѣшились только на снятіе подушныхъ съ мѣщанъ; ихъ замѣнили въ городахъ налогомъ на недвижимыя имущества, торговлю и промышленность. Подушные платежи сельскаго люда въ 1867 г. были даже повышены на 50 коп., также и оброки. Винные откупа были замѣнены въ 1863 г. акцизнымъ сборомъ съ каждаго ведра питей, подъ надзоромъ особой областной администраціи. Уже значительно позже, послѣ разорительной войны 1877—78 гг., отмѣнили непопулярный налогъ на соль; но въ то же время, крайне нуждаясь въ средствахъ, правительство ввело новые сборы, промысловые, таможенные и др. Старый земскій сборъ обратился въ государственный поземельный налогъ.

Экономическое развитіе страны настоятельно требовало улучшенія путей сообщенія. При шаткомъ бюджетѣ, огромныхъ долгахъ пришлось начать усиленную постройку желѣзныхъ дорогъ. Ожидая огромнаго развитія ихъ доходности, на помощь правительству выступили частныя лица и общества; имъ помогали свободно основавшіеся банки, коммерческіе и общественные. Жажда промышленныхъ дѣлъ, надежда на скорый экономическій подъемъ страны создали массу неосновательныхъ предпріятій. Выпуски кредитокъ манили кажущимися денежными фондами, которые побуждали строить заводы и фабрики. Попытки строить желѣзнодорожныя линіи безъ гарантій правительства оканчивались очень неудачно. Съ 1867 г. послѣднее организовало особый фондъ для ихъ проведенія, занимало средства и у заграничныхъ капиталистовъ.

Предыдущій 1866 г., когда во время войны въ Германіи затратились на вооруженія, оказался тяжелымъ въ финансовомъ отношеніи: чувствовалось отсутствіе сбереженій съ одной стороны, и неприспособленность къ вольному труду—съ другой; сельское хозяйство шло плохо; хлопчато-бумажный кризисъ разорилъ фабрики; въ промышленномъ мірѣ наступило уныніе, и правительство установило надзоръ за кредитными учрежденіями, боясь новыхъ увлеченій. Едва-едва финансы оправились, и въ 1871 получился перевѣсъ доходовъ надъ расходами, какъ разразились бѣдствія: внутри страны начались неурожаи, создавшіе мѣстные голодовки (Самарскій 1874 г.); заграничный торговый кризисъ отозвался на русскихъ банкахъ и торговлѣ. Стало ясно, что выкупные платежи,

возвышенные подушные, питейные и др. налоги, не считая мѣстныхъ земскихъ сборовъ, совершенно непосильны для крестьянскихъ хозяйствъ и доходности надѣловъ. Недоимки быстро накоплялись и вызывали необходимость въ пониженіи выкупныхъ. Если крестьяне все еще выплачивали подати, то это можно отчасти объяснить только оборотомъ денегъ въ ихъ рукахъ, благодаря продажѣ добываемаго хлѣба, даже необходимаго для потребленія дома, а не дѣйствительной обезпеченностью; народъ видимо бѣднѣлъ. Въ общемъ, въ теченіе 25 лѣтъ финансы страны даютъ слѣдующую картину: вмѣсто 264 мил. обыкновенныхъ доходовъ въ 1855 г. къ 1880 г. стали получать 651 мил. Приблизительно на столько же выросли и расходы ($2^1/_2$ раза). Расходы на военное дѣло выросли вдвое, на народное просвѣщеніе въ 6 разъ, на мин. внутр. дѣлъ въ $4^1/_2$, юстиціи—5 разъ, государственныхъ имуществъ—$5^1/_2$. Очевидно, что реформы сказались въ повышеніи сравнительно болѣе производительныхъ для народной жизни расходовъ.

Государственный долгъ увеличился втрое, ко 1 милліардъ былъ затраченъ на проведеніе 20 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ и 500 мил. на выкупную операцію—самые производительные расходы. Извѣстная часть народныхъ средствъ ушла на земскія и городскія дѣла, школы, больницы и т. д. Экономическій переворотъ, несомнѣнно, послужилъ къ улучшенію нѣкоторыхъ сторонъ быта; но какъ раньше про преобразованія Петра, такъ и теперь про эпоху великихъ реформъ приходится сказать, что первые шаги къ улучшенію быта обошлись народу цѣной кроваваго пота и хроническаго недоѣданія.

Не поддерживала народнаго хозяйства въ эпоху реформъ и фабрично-заводская промышленность. Слѣдуетъ отмѣтить, что окончаніе Крымской войны ознаменовалось у насъ замѣчательнымъ оживленіемъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлъ; фабрики хорошо работали; ярмарки бойко торговали съ 1854 по 1857 гг.; хорошо сбывали товары и за границу. Но въ 1857 г. Европу охватилъ промышленный кризисъ, съ 1858 г. отозвавшійся въ Россіи. Дѣла не поправлялись до 70-хъ гг. Отмѣна крѣпостного права совершеннно измѣнила условія труда; заведенія, работавшія крѣпостными руками, закрылись; металлургическое дѣло на время совсѣмъ упало; крестьянство отхлынуло въ деревни, ожидая благополучія отъ новаго хозяйства, и наемъ рабочихъ дѣлался очень затруднительнымъ. Только черезъ 7, 8 лѣтъ промышленность стала оживляться; населеніе снова двинулось къ городамъ и промышленнымъ центрамъ, и фабрично-заводское дѣло стало побивать промыселъ деревенскихъ кустарей.

Тяжело пробивалъ себѣ дорогу вопросъ о регулированіи фабричнаго труда. Первый проектъ правилъ, ограничивающихъ работу дѣтей, опредѣляющихъ санитарныя условія и т. д., возникъ еще въ 1857 г. Но противодѣйствія мануфактурнаго совѣта и др. коммиссій фабрикантовъ затянули надолго его разработку; не мало имѣла вліянія и проповѣдь сторонниковъ полной свободы промышленности. Только усилившаяся дѣятельность промышленности настоятельно требовала рѣшенія дѣла, и только въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ 1882 г., вышелъ законъ о фабричной инспекціи и правила о работѣ малолѣтнихъ. Тогда наступила новая эра въ промышленной жизни Россіи.

XLIV.

Образованіе въ эпоху реформъ.

Параллельно общему ходу реформъ просвѣщеніе сдѣлало большой шагъ впередъ и во всѣхъ слояхъ населенія, благодаря создавшейся, наконецъ, силами мѣстнаго самоуправленія народной школѣ. До реформы просвѣщеніемъ занимались мало; къ нему даже все болѣе и болѣе охладѣвали: въ 1805 г. расходы едва возникшаго министерства народнаго просвѣщенія составляли 2,1% всѣхъ государственныхъ расходовъ, а въ 1850 г. всего 1%. Съ 1856 г. интересъ къ школьному дѣлу и вопросамъ воспитанія сдѣлался однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ среди оживившагося общества; онъ охватилъ и первостепенныхъ ученыхъ и совсѣмъ юную молодежь, только искавшую дѣла. Невѣжество такъ угнетало и принижало народную массу, что борьба съ нимъ становилась задачей идеальныхъ порывовъ интеллигентнаго общества. Литература призывала къ гуманному обращенію съ дѣтьми, къ изученію дѣтской психологіи ради болѣе правильнаго воспитанія. Проф. Пироговъ, знаменитый хирургъ, своими статьями, отличавшимися широтой взгляда, и дѣятельностью въ званіи попечителя кіевскаго округа руководилъ цѣлымъ просвѣтительнымъ движеніемъ. Въ казенномъ журналѣ „Морскомъ Сборникѣ“ находили себѣ мѣсто прекрасныя статьи Пирогова и его послѣдователей, пока не возникли спеціально-педагогическіе журналы.

Какое-то стремленіе къ покаянію охватило интеллигентную молодежь; зародилось убѣжденіе въ неоплатномъ долгѣ народу, который одинъ своимъ трудомъ содержалъ государство, и высшій классъ, давая послѣднему средства для образованія; теперь настало время выплачивать этотъ долгъ, работать для народа Ввиду его поголовной безграмотности, учащаяся молодежь, а за нею многіе представители интеллигенціи начали основывать воскресныя школы для взрослыхъ. Толчокъ былъ данъ Кіевомъ, гдѣ вдохновлялись идеями Пирогова, но почти одновременно, въ 1859 г., открылась воскресная школа въ Петербургѣ. Эти школы возбудили большой интересъ и быстро возникали во многихъ городахъ. Ихъ было нѣсколько сотъ, когда на нихъ обрушилось негодованіе консерваторовъ, вліяніе которыхъ усилилось послѣ университетскихъ волненій и большихъ пожаровъ въ Петербургѣ, и школы закрыли въ 1862 г.

Въ годъ освобожденія крестьянъ при Вольно-экономическомъ обществѣ учредили комитетъ грамотности съ цѣлью общественными силами содѣйствовать народному образованію. Большое вліяніе пріобрѣлъ гр. Л. Н. Толстой своей школой и журналомъ „Ясная Поляна“.

Съ 1861 г. во главѣ министерства народнаго просвѣщенія сталъ Головнинъ, редакторъ „Морского Сборника“, уважаемый вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, другъ Черкасскаго и Самарина. Подъ его руководствомъ были разработаны всѣ ранѣе намѣченные проекты преобразованій. Стѣснительныя мѣры предыдущей эпохи были уже отмѣнены: въ 1855 г. не ограничивали пріема студентовъ въ университеты, разрѣшены поѣздки ученымъ за границу; съ 1857 г. стали принимать въ

университеты лицъ съ домашнимъ образованіемъ; позже отмѣнены форма одежды для студентовъ, инструкціи и т. д. Всюду проникавшее стремленіе къ корпоративнымъ началамъ охватило студенчество; возникали кружки для учрежденія библіотекъ и товарищескихъ кассъ; рядомъ съ этими вопросами въ кружкахъ заговорили о платѣ за ученіе, о лекціяхъ, о программахъ курсовъ. Въ университеты въ число учащихся стали проникать женщины: открывались курсы для публики, отовсюду слышались запросы на популяризацію знанія. Въ среду студентовъ со стихійною силою проникали широкіе общественные вопросы переживаемаго времени. Возбужденность общества наканунѣ реформъ въ 1860—61 гг. отразилась на подвижной молодежи студенческими волненіями. Это вызвало болѣе энергичную работу надъ проектомъ новаго устава.

Разнообразіе мнѣній показало, что взгляды общества на значеніе университета еще не установились. Съ одной стороны, въ высшихъ кругахъ рекомендовали обратить ихъ въ спеціальныя закрытыя заведенія въ родѣ училища правовѣдѣнія, и разбросать по губернскимъ городамъ; этимъ надѣялись устранить университетскія волненія. Съ другой, (историкъ Костомаровъ), совѣтовали сдѣлать университеты вполнѣ доступными для всякой публики, желающей посѣщать ихъ совмѣстно со студентами. На это справедливо возражали, что необходимо сохранить преимущество за обществомъ людей, которые посвящаютъ нѣсколько лѣтъ жизни занятіямъ опредѣленными науками; настоящіе хозяева университетовъ всетаки корпораціи ученыхъ и студентовъ.

Университетскій уставъ 1863 г. призналъ самостоятельность профессорской корпораціи и далъ нѣкоторое самоуправленіе университетамъ, хотя и не допустилъ свободы преподаванія, какая господствуетъ въ германскихъ учрежденіяхъ. Совѣтъ профессоровъ правилъ всѣми дѣлами, выбиралъ ректора, инспектора, профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ, распредѣлялъ предметы по факультетамъ, установлялъ порядокъ преподаванія и т. д., онъ же завѣдывалъ университскимъ судомъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ требовалось утвержденіе министра или попечителя. Новый уставъ не допустилъ женщинъ къ слушанію лекцій, вопреки мнѣнію большинства университетскихъ совѣтовъ. Къ студентамъ уставъ относился довольно строго; желаемой многими свободы занятій не было: группы утвержденныхъ курсовъ становились для учащихся обязательными и преподаваемые предметы спрашивались на экзаменахъ. Студенческія корпораціи не получили права существованія, хотя Пигоровъ и многіе другіе справедливо указывали, что товарищескіе союзы неизбѣжны и естественны въ студенческомъ обиходѣ. Но нужно было также признать, что такія организаціи не поддаются составляемымъ извнѣ правиламъ; сами же творцы устава полагали, что университетское самоуправленіе и профессорскій судъ устранятъ послѣдствія неопредѣленности положенія студентовъ, какъ уже взрослыхъ людей.

Положеніе университетовъ очень улучшилось, но далеко не сразу: профессоровъ постоянно недоставало; послѣ преобразованій явился большой спросъ на образованныхъ людей во всѣхъ вѣдомствахъ, и готовившіеся на профессорскія каѳедры соблазнялись другими должностями; въ иныхъ университетахъ не читалось половины предметовъ за недостаткомъ лекторовъ. Отъ этого страдала и научность преподаванія, которая

въ общемъ была ниже, чѣмъ въ западныхъ университетахъ. Что касается студенчества, то болѣе свободное, чѣмъ въ прежнія времена, оно устраивалось какъ могло, примѣняясь къ составу совѣта и другимъ обстоятельствамъ; сношеніями съ профессорами ослабляли дѣйствіе обязательныхъ правилъ относительно курсовъ и экзаменовъ; существовало и товарищество.

Однако дальнѣйшее развитіе самостоятельности университетовъ оказалось невозможнымъ Сильные представители консервативныхъ началъ сразу отнеслись враждебно къ новому уставу; находили, что республиканскіе совѣты, полные людей, отличающихся политическимъ свободомысліемъ, вредятъ развитію истинной науки, что, благодаря имъ, студенты распущенны и почти не учатся, наконецъ, что университетское самоуправленіе противно общему духу государственнаго строя. Они находили необходимымъ усилить власть попечителей и надзоръ министерства. Въ 1866 г. покушеніе на жизнь государя усилило вліяніе консерваторовъ, и Головнина замѣнилъ гр. Д. А. Толстой, открыто не сочувствовавшій уставу 1863 г. Но уставъ находилъ энергичныхъ защитниковъ во всѣхъ университетахъ, и борьба съ ними была тяжела. Съ 1874 г., однако, общественное броженіе и волненіе молодежи возбудили такія опасенія, что Толстой началъ одерживать верхъ. Уставъ передали для пересмотра въ особую комиссію. Въ 1880 г. проектъ новаго устава, неблагопріятнаго самоуправленію, былъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ, когда министръ Толстой получилъ отставку; новое направленіе внутренней политики склонилось къ продолженію реформъ 60-хъ гг. Думали сохранить уставъ 1863 г. и даже пополнить его устройствомъ студенческихъ корпорацій; ради этого обращались къ выборнымъ отъ студенчества. Кончина Александра II все измѣнила, и уставъ 1863 г. скоро былъ совершенно отмѣненъ.

Вопросъ о реформѣ среднихъ школъ вызвалъ ожесточенные споры. Положеніе этихъ школъ съ 1828 г. очень измѣнилось; тогда большинство учениковъ ими и заканчивало свое образованіе; теперь, въ 60-хъ годахъ, потребности въ образованіи очень расширились, и большинство гимназистовъ стремилось въ университеты. Но въ послѣднихъ, какъ и во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, изучали опредѣленныя группы наукъ, образованіе носило спеціальный характеръ; одна средняя школа, слѣдовательно, давала общее образованіе, и вопросъ сосредоточивался на томъ, каково оно должно быть въ Россіи. Защитники классицизма доказывали, что средняя общеобразовательная школа должна развивать, упражнять умъ, давать методъ мышленія, вырабатывать волю и нравственныя понятія, а это лучше всего достигается древними языками и математикой. Съ другой стороны, горячо доказывали необходимость приспособить образованіе къ жизни, говорили, что оно должно давать положительныя (реальныя) знанія; классикамъ возражали, что интересъ къ древнему міру даютъ исторія и литература, а вовсе не латинская грамматика. За классицизмъ стояли ученые иностранцы, на сторонѣ программы реальныхъ знаній были русскіе учителя, педагогическіе совѣты, отзывы литературы. Русское общество очевидно высказывалось за реализмъ.

Министерство выбрало средній путь: оно остановилось на старомъ положеніи, что средняя школа должна подготовлять къ высшей; и реаль-

ная, и классическая школы давали такую подготовку; поэтому уставъ разрѣшилъ обѣ школы; причемъ ученики классической гимназіи имѣли право поступать на всѣ факультеты университетовъ, а реалисты—только на физико-математическій.

Въ результатѣ всѣхъ споровъ оказалось, что большинство классическихъ гимназій существовало съ однимъ обязательнымъ латинскимъ языкомъ, незначительная часть съ 2-мя, а въ реальныхъ и латинскій не былъ обязательнымъ, хотя преподавался. Это положеніе среднихъ школъ никого не удовлетворило. Защитники реализма находили слишкомъ узкой программу рекомендуемыхъ ими школъ. Ихъ противники съ Катковымъ во главѣ заявляли, что программа точныхъ знаній, напротивъ, страдаетъ многопредметностью, пріучаетъ молодежь къ поверхностности и верхоглядству, сообщаетъ превратные взгляды; они предлагали сосредоточить преподаваніе на немногихъ предметахъ, чуждыхъ дѣйствительной жизни, но на которыхъ удобнѣе слѣдить за развитіемъ учениковъ, ихъ образомъ мыслей. Къ нимъ примкнулъ министръ Толстой. Съ 1866 г. стали тѣснить реальныя гимназіи, побуждая провинціальныя общества открывать классическія, и приступили къ новой реформѣ устава. Вопреки малосочувственнымъ отзывамъ попечителей и педагоговъ, въ 1869—71 гг. создался проектъ учрежденія исключительно классическихъ восьми-классныхъ гимназій, подготовляющихъ къ высшему образованію; реальныя же гимназіи обращались въ „училища" съ несравненно меньшими правами. Изъ программы гимназій исключалось естествознаніе, убавлено число уроковъ Закона Божія и исторіи.—Въ государственномъ совѣтѣ за проектъ высказалось меньшинство, но государь согласился съ нимъ, и классическая школа побѣдила. Число учащихся въ гимназіяхъ росло быстрѣе прежняго; увеличивался процентъ учениковъ изъ низшихъ сословій, особенно городского. Тѣмъ не менѣе строго классическая гимназія съ ея сухой, безжизненной программой была источникомъ тяжелыхъ страданій для многихъ поколѣній.

Мнѣнія долго колебались и относительно народной школы. Нужно сознаться, что не легко было и обосновывать свои мнѣнія: сколько-нибудь точныхъ данныхъ о числѣ школъ и о ихъ дѣятельности совершенно не существовало. По деревнямъ работало много вольно практикующихъ учителей изъ отставныхъ солдатъ, крестьянъ и прочаго люда, которые учили по избамъ, куда пригласятъ, гдѣ дадутъ помѣщеніе. Они не знали надзора, никакихъ начальствъ, никому отчета не подавали, нигдѣ не записывались. Центральный статистическій комитетъ въ 1863 г. насчиталъ во всей имперіи безъ Царства Польскаго 34,652 училища съ 882,600 учащимися обоего пола, сознаваясь, что эти свѣдѣнія весьма мало достовѣрны. Послѣ же земской реформы, учрежденія училищныхъ совѣтовъ и инспекціи въ 1874 г., въ одной Европейской Россіи оказалось по болѣе вѣрнымъ даннымъ 23,129 училищъ и до милліона учащихся. Число школъ уменьшилось, а учениковъ прибавилось. Когда въ обществѣ громко заговорили о народномъ образованіи, въ правительственныхъ кружкахъ поднялся вопросъ о народныхъ школахъ; каждое вѣдомство спѣшило выставить свои данныя и неимовѣрно раздувало цифры, и вольные учителя маленькой группы учениковъ по нѣскольку разъ могли производиться въ организованныя *школы грамотности*. Особенной изобрѣтательностью на

удивительные итоги своей дѣятельности отличалось духовенство; когда другія вѣдомства уже нашли излишнимъ фантазировать, оно къ 1865 г. ухитрилось насчитать 21,420 однѣхъ церковно-приходскихъ школъ. Министерство народнаго просвѣщенія опровергло эти цифры заявленіемъ, что многія церковныя школы существуютъ только по имени.

Несмотря на это, въ консервативныхъ кружкахъ упорно выражали убѣжденіе, что просвѣщеніе народа, (понимая подъ нимъ крестьянъ), есть прямая забота православнаго духовенства. Среди бюрократіи, отчасти и среди интеллигенціи, крѣпко держалось мнѣніе, что дѣятельность народныхъ школъ должна зависѣть отъ самого народа, что вмѣшательство правительства только связываетъ частную дѣятельность. Нѣкоторые журналы находили возможнымъ ставить Россіи въ примѣръ Англію, гдѣ школы возникали сами собой сообразно потребностямъ. Большинство русскаго общества было тогда противъ правительственнаго почина въ учрежденіи народныхъ школъ, переоцѣнивая силы общества и духовныя потребности народа. Въ эту пору и въ Англіи намѣревались перейти къ другой системѣ народнаго образованія.

Проектъ устава начальныхъ училищъ разрабатывали одновременно ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія и особый комитетъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Оба проекта совершенно избавляли казну отъ содержанія этихъ училищъ, но первый комитетъ стоялъ за вполнѣ свободный починъ мѣстныхъ обществъ, второй же предлагалъ сдѣлать учрежденіе училищъ обязательнымъ для городскихъ и сельскихъ обществъ; они должны были устроить по одному училищу на 1000 душъ, обезпечивая каждое извѣстнымъ подушнымъ налогомъ. Отъ предложенія передать школы въ вѣдѣніе приходскаго духовенства оба проекта рѣшительно отказались, находя, что священникамъ некогда преподавать да и невозможно, селеній въ Россіи болѣе 300 тыс., а приходовъ 36 тыс. Къ этому прибавляли, что преподаваніе требуетъ нѣкоторой подготовки и навыка, чтобы давать опредѣленные результаты. Вообще, давали чувствовать, что отдать школы духовенству значило въ то время оставить все по старому, отказаться отъ улучшенія народной школы.

Результатомъ борьбы разнообразныхъ вліяній создалось въ 1864 г. „Положеніе о начальныхъ училищахъ“, лежащее въ основаніи нынѣ дѣйствующихъ порядковъ. Оно отличалось неопредѣленностью, вполнѣ понятной для того времени, когда едва нарождалась общественная дѣятельность. Оно возлагало заботу объ учрежденіи школъ только на одно земство, вообще никого не обязывая давать на нихъ средства. Но этого было довольно, чтобы земскія силы вывели дѣло начальнаго образованія на путь настоящаго развитія. Едва справляясь съ новымъ, небывалымъ въ Россіи хозяйствомъ, при тяжелыхъ обязательныхъ расходахъ, земства начали принимать въ свое вѣдѣніе школы министерства государственныхъ имуществъ и школы приходскія, которыя духовенство само предпочло имъ передать, и тогда уже вырабатывало свой типъ вполнѣ организованныхъ народныхъ школъ. Народъ, всегда чуждавшійся всѣхъ школъ, устраиваемыхъ начальствами, и признававшій только свои домашнія школки грамотности, очень скоро освоился съ *земскими* школами и пошелъ учиться добровольно. Уже въ 1868 г. земства 27 губер-

ній тратили на начальныя школы больше, чѣмъ когда-либо расходовало какое другое вѣдомство.

Развитіе этой стороны земской дѣятельности тотчасъ вызвало усиленное наблюденіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія; постепенно создалась сложная система инспекціи народныхъ училищъ. Инспектора сосредоточивали въ своихъ рукахъ чисто административную власть и очень мало задавались развитіемъ педагогической стороны. Они ревниво стремились ограничить значеніе земствъ управленіемъ исключительно хозяйственною частью. Необходимые для школъ учебники подвергались самой стѣснительной цензурѣ ученаго комитета и приходилось довольствоваться устарѣвшими, отсталыми изданіями. Нужно было твердое сознаніе своихъ общественныхъ обязанностей, чтобы такъ твердо, какъ это дѣлали многіе земскіе представители, настаивать на устройствѣ учительскихъ съѣздовъ, слѣдить за педагогической литературой, бороться за своихъ кандидатовъ на вакансіи учителей, и все-таки успѣть дать земскимъ школамъ общеобразовательный характеръ, возвысить ихъ надъ узкой программой обученія чтенію, письму и 4 правиламъ ариѳметики, какую давали Положенія 1864 и 1874 гг.

Съ введеніемъ городового Положенія 1870 г. по городамъ возникли при думахъ мѣстныя училищныя комиссіи, приступившія къ правильной организаціи городскихъ начальныхъ школъ. Преобразованныя думы принимали старыя приходскія школы единицами и за десятокъ лѣтъ до 1882 г. учредили десятки ихъ, а въ столицахъ сотни. Одновременно съ этимъ подготовлялся и необходимый педагогическій персоналъ, учреждались семинаріи.

Типъ начальной школы земско-городской, называемый населеніемъ „*настоящей*“, опредѣлился въ царствованіе Александра II-го, но печально то, что всякія попытки создать полную „*элементарную*“ школу, дополнить программу образовательными предметами оказывались тщетными, встрѣчая препятствія въ министерствѣ. Послѣднее упорно оставляло народныя училища высшаго типа исключительно въ своемъ вѣдѣніи. Въ 1872 г. по новому положенію оно преобразовало старыя уѣздныя училища въ городскія 4-классныя съ своеобразной довольно полной программой, гдѣ могли заканчивать элементарное образованіе ученики начальныхъ школъ. Несвязанныя съ системой среднихъ школъ, тщательно отстраненныя отъ вліянія мѣстныхъ общественныхъ организацій, эти училища существовали въ крайне ограниченномъ числѣ и грозили захирѣть въ своей замкнутой неподвижности. Этимъ путемъ стремленіе общественныхъ силъ создать своими средствами *всесословное* элементарное образованіе систематически задерживалось, а казенныя училища такъ же систематически поддерживали обособленіе своихъ учениковъ, представителей низшихъ сословій, отъ среднеучебныхъ заведеній. Эта система искусственно придавала сословный характеръ образованію, который несомнѣнно стушевался бы съ передачей общественнымъ органамъ элементарныхъ школъ высшаго типа.

Въ неземскихъ губерніяхъ начальныя школы остались на попеченіи министерства и духовнаго вѣдомства; для содержанія ихъ назначались особые подушные сборы съ крестьянъ. За недостаткомъ такой отчетности, какою отличались земскія и городскія комиссіи за 60 и 70 гг.,

мудрено характеризировать общій ходъ дѣла въ этихъ мѣстностяхъ. Вообще, итоги образовательнаго движенія при Александрѣ II еще невозможно установить; результаты его сказываются позже, при его преемникахъ. Въ годы, слѣдовавшіе немедленно за великими реформами, общественная работа только налаживалась, только начинала выступать на правильный путь; а путь этотъ—возможность возвращать населенію, посредствомъ удовлетворенія его насущныхъ потребностей, обезпеченія нѣкотораго образованія, медицинской помощи, улучшеніемъ обстановки жизни въ городахъ и т. д., съ избыткомъ то, что собирается изъ его силъ и средствъ. На этотъ путь указываетъ слѣдующая табличка, свидѣтельствующая объ измѣненіяхъ въ процентномъ содержаніи суммъ, затрачиваемыхъ на сельскія школы:

	1869 г.	1880 г.	1883 г.
Земство	40%	44%	69%
Сельскія общества и частныя пожертвованія	48%	34%	29%
Другіе источники (тутъ же средства государственнаго казначейства	12%	22%	2%

Общественное самоуправленіе, при всѣхъ обязательныхъ расходахъ, очевидно стремится избавить сельское населеніе отъ особыхъ затратъ на школы и принимаетъ ихъ на себя.

Въ эпоху реформъ, когда всегда слабыя сословныя связи еще болѣе распались и сословныя группы начали смѣшиваться и утрачивать свои характерныя черты, ярко выдвинулась и получила преобладающее значеніе образованная, мыслящая часть общества,—такъ называемая *интеллигенція*. Это своеобразное явленіе оказалось присущимъ русской жизни, отличающимъ ее отъ западныхъ народностей. Составъ интеллигенціи очень разнообразенъ, и его нелегко опредѣлить; къ нему принадлежатъ люди съ очень разнообразной подготовкой и степенью образованія, но всегда съ умственными потребностями, чутко прислушивающіеся къ запросамъ общественной жизни, отъ главарей литературы, профессоровъ и ученыхъ до учащейся молодежи, народныхъ учителей и малозамѣтныхъ, но сознательныхъ дѣятелей земскихъ и городскихъ администрацій. Съ перемѣной царствованія именно интеллигенція болѣе всѣхъ способствовала быстрому оживленію всего русскаго общества. Не столько къ сословнымъ группамъ, сколько именно къ голосу представителей интеллигенціи прислушивались сверху, когда поспѣшно намѣчался ходъ необходимыхъ преобразованій. Этими же интеллигентными силами проводились реформы въ жизнь, осуществлялись на дѣлѣ. Безвѣстные искренніе дѣятели сумѣли быстро привлечь народъ къ школѣ, къ медицинской помощи; они же своею отзывчивостью вдохновляли земскія и городскія собранія, создавали органы провинціальной печати. Эти группы живущихъ сознательною жизнью людей умѣли отстаивать плоды своихъ трудовъ отъ враждебнаго недовѣрія и осужденія.

Стремленіе интеллигенціи пополнять свои ряды разнообразными дѣятелями очень облегчило русскимъ женщинамъ путь къ удовлетворенію

своимъ потребностямъ въ образованіи и самостоятельной дѣятельности. На западѣ сословныя и экономическія условія законодательнымъ путемъ крѣпко установили правовое положеніе женщинъ, значительно сузивъ ихъ права сравнительно съ мужчинами; женщинамъ приходилось устраивать боевую организацію для борьбы за право и конкуренцію съ мужчинами. Въ просторной Россіи со слабой гражданской жизнью все болѣе или менѣе уравнивалось передъ властями. Имущественное положеніе женщинъ менѣе стѣснялось законами, а приниженность женской личности зависѣла, главнымъ образомъ, отъ некультурныхъ привычекъ и простого обычая. Въ эпоху культурнаго движенія интеллигенція сама какъ бы призвала женщинъ къ работѣ и поощряла ихъ стремленія къ самостоятельности. Съ конца 50-хъ гг. появилось даже нѣкоторое увлеченіе типами эмансипированныхъ (свободныхъ отъ предразсудковъ) женщинъ.

При самомъ зарожденіи женскаго движенія начали организовываться среднеучебныя заведенія для дѣвочекъ всѣхъ сословій. Выдающійся педагогъ Вышнеградскій въ 1857 г. посвятилъ свой „Русскій педагогическій журналъ" императрицѣ Маріи Александровнѣ и разрабатывалъ въ немъ планы общедоступныхъ открытыхъ женскихъ училищъ. Журналъ и новыя идеи имѣли успѣхъ. Въ 1858 г. Вышнеградскій заинтересовалъ своими проектами принца Ольденбургскаго, затѣмъ императрицу. Вскорѣ было открыто первое Маріинское училище въ Петербургѣ; въ 1863 г. при немъ устроились педагогическіе классы, сдѣлавшіеся разсадникомъ учительницъ. Въ 1862 г. получилъ утвержденіе общій уставъ женскихъ гимназій вѣдомства императрицы Маріи. Программа ихъ была такъ необширна, что ихъ врядъ ли справедливо ставить на одинъ уровень съ заведеніями, дающими полное среднее образованіе; но важно то, что женщинъ начали учить въ открытыхъ заведеденіяхъ, не отрывая отъ семьи и жизни. Гимназіи сразу оказались отвѣчающими потребностямъ общества и ихъ стали открывать по провинціямъ, главнымъ образомъ на средства мѣстныхъ обществъ съ небольшими субсидіями отъ казны. Вскорѣ затѣмъ мыслью Вышнеградскаго воспользовалось и министерство народнаго просвѣшенія, приступивъ къ организаціи своихъ женскихъ гимназій. Программа этихъ гимназій серьезнѣе Маріинскихъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ близка къ мужскимъ среднимъ школамъ; образованіе заканчивается 8-мъ педагогическимъ классомъ, гдѣ дается болѣе глубокое знакомство съ содержаніемъ нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ. Съ 70 гг. министерскія гимназіи получили преобладающее значеніе, число же Маріинскихъ остановилось на 29-ти. Въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ часто открываются 4-хъ классныя прогимназіи.

Сближеніе характера средняго женскаго образованія съ мужскимъ немедленно возбудило горячее стремленіе женщинъ къ высшему образованію. Въ первыя минуты казалось, что оно удовлетворяется очень просто—допущеніемъ женщинъ въ университеты. Такъ было и сдѣлали въ 1860 г. Но университетскіе волненія и споры о новомъ уставѣ побудили взять назадъ разрѣшеніе. Однако, высшее образованіе женщинъ считалось уже насущнымъ вопросомъ русской жизни. Совѣтамъ университетовъ разослали запросъ, считаютъ ли они возможнымъ допустить женщинъ къ слушанію лекцій и къ испытанію на ученыя степени.

Только московскій и дерптскій университеты дали рѣзкіе отрицательные отвѣты на всѣ пункты; кіевскій и харьковскій стояли за полную равноправность женщинъ и мужчинъ передъ университетской наукой; казанскій и с.-петербургскій допускали нѣкоторыя ограниченія относительно женщинъ-слушательницъ.

Недостатокъ самостоятельности въ нашихъ университетахъ, съ одной стороны, и опасенія большого скопленія молодежи въ заведеніяхъ, со стороны правительственнаго круга прервали естественный ходъ дѣла; женщинамъ закрыли доступъ въ университеты. Ихъ высшее образованіе было предоставлено энергичнымъ заботамъ русскаго общества. Наиболѣе горячія представительницы женской молодежи бросились въ заграничные университеты; главная масса пробавлялась чтеніемъ, слушаніемъ коегдѣ профессоровъ. Въ 1867 г. первый съѣздъ естествоиспытателей собралъ въ Петербургѣ многочисленный кругъ ученыхъ и вызвалъ такое оживленіе, что женская интеллигенція не выдержала и обратилась къ нимъ черезъ своихъ депутатокъ съ горячей рѣчью, прося устроить хоть что нибудь для научнаго образованія женщинъ. Ученые выразили полное сочувствіе женщинамъ. Открылись предварительныя совѣщанія съ профессорами, какъ устроить совершенно новое дѣло. Ректору университета подали прошеніе съ 400 подписями объ открытіи курсовъ. Послѣ 2-хъ лѣтнихъ хлопотъ получили разрѣшеніе на устройство публичныхъ курсовъ для женщинъ и мужчинъ. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой въ сущности враждебно смотрѣлъ на женское движеніе и уступилъ поневолѣ, ввиду необходимости считаться съ духомъ времени. Благодаря энергіи устроительницъ, курсы продержались до 1875 г. Между тѣмъ въ Москвѣ открылись Лубянскіе курсы для женщинъ по программѣ мужскихъ гимназій. Наконецъ въ 1875 г. открылись женскіе курсы Герье, состоявшіе главнымъ образомъ изъ словесно-историческаго отдѣленія, но прекрасно обставленные учеными силами. Въ 1876 г. открылись женскіе курсы въ Казанскомъ университетѣ, скоро устроившіе 2 отдѣленія, въ 1878 въ Кіевѣ и Петербургѣ. Послѣдніе, поддерживаемые особымъ „обществомъ для доставленія средствъ", сразу широко организовались, разбившись на 3 отдѣленія съ собственными кабинетами, лабораторіей и т. д. Въ первые же годы главная цѣль правительства, побудившая дать разрѣшеніе на открытіе женскихъ курсовъ, была достигнута: женщины перестали стремиться за границу, а учились дома. Въ 1881 г. въ иностранныхъ университетахъ училось всего 9 русскихъ студентокъ.

Послѣ Крымской войны всѣ общественныя движенія, волновавшія Западную Европу, стали быстрѣй и ярче отражаться въ Россіи, особенно среди молодежи. Критическое отношеніе къ русской дѣйствительности и ко всѣмъ условіямъ общественной жизни глубже проникало въ разные слои интеллигенціи. Во многомъ оно выражалось такъ же, какъ и на Западѣ: въ стремленіи къ личнымъ и политическимъ правамъ, къ представительному правленію; но было не мало своего національнаго въ умственной жизни и въ порывахъ молодыхъ поколѣній. Отмѣна крѣпостного права сопровождалась стремленіемъ къ трудовой жизни, даже къ физическому труду. Подчеркивая свой разрывъ съ дворянской стариной, многіе негодовали на предразсудки, на обычаи внѣшняго общежитія, ста-

рались разобраться въ старыхъ авторитетахъ и освободить мысль для дальнѣйшей работы надъ быстрымъ обновленіемъ Россіи. Явилась наклонность упростить это общежитіе, откинуть заботы о внѣшности и обстановкѣ. Люди консервативнаго направленія опредѣлили это смѣлое отрицательное отношеніе къ старинѣ и обычаямъ именемъ „нигилизма" (отъ латинскаго слова, означающаго „ничто"); „нигилисты"—люди все отрицающіе. Это слово выхватили изъ знаменитаго романа Тургенева „Отцы и Дѣти".

Стремленіе къ улучшенію общественности выражалось одно время въ устройствѣ артельныхъ мастерскихъ на началахъ „коопераціи", куда являлись работать и интеллигентные люди. Позже проникались жаждой полнаго „опрощенія", учились крестьянскимъ работамъ и задумывали на новыхъ началахъ колоніи земледѣльцевъ. Иные уходили въ народные учителя, чтобы работать исключительно для блага низшаго класса.

Послѣ отмѣны крѣпостного права съ особенной рѣзкостью сказывалась громадная пропасть между многомилліонной безграмотной массой и образованнымъ классомъ. Пока рознь заключалась въ томъ, что одни представляли сословіе чернорабочихъ, плательщиковъ податей и людей закрѣпленныхъ чужой волѣ, а другіе—пользовавшееся привилегіями меньшинство, оно какъ бы зависѣло болѣе отъ условій положенія, чѣмъ отъ уровня развитія личности. Съ исчезновеніемъ рабства и сглаживаніемъ привилегій рознь, мучительно тяжелая для совмѣстной общественной дѣятельности, оказалась въ самихъ людяхъ. Низшіе классы почти не выходили изъ обстановки жизни и потребностей древней до-петровской Руси; образованная часть общества, интеллигенція, уже достигала уровня западной культуры; ея литература начала занимать образованный міръ. Побѣдить рознь и сблизиться было необходимо для правильнаго развитія народныхъ силъ.

На ряду съ мирной культурной дѣятельностью разгорались ученія, побуждавшія энергичнѣе стремиться къ быстрому перевороту государственнаго и общественнаго строя. Одни шли къ народной массѣ, чтобы сплотиться съ нею; другіе прибѣгали къ кровавымъ заговорамъ, нападали на правящихъ лицъ. Совершился рядъ покушеній на жизнь Александра II. Съ 1878 г. недовольство результатами войны очень усилило броженіе.

XLV.

Успѣхи союзниковъ и условія Парижскаго мира остановили натиски Россіи на берега европейской Турціи. Положеніе Кавказа. Средняя Азія. Польскій мятежъ 1863—4 гг. Турецкая война 1877—8 гг.

Успѣхи союзниковъ 1854—5 гг. и условія Парижскаго мира остановили натиски Россіи на берега европейской Турціи. Тогда ея силы передвинулись на востокъ; борьба на границахъ Азіи не прекращалась. На Кавказѣ рѣшили воспользоваться собранными ради восточной войны войсками, чтобы подавить сопротивленіе горцевъ. По берегамъ Чернаго моря снова завладѣвали временно покинутыми округами, откуда вывели

войска въ тяжелый годъ Севастопольской обороны. Въ Дагестанѣ продолжали преслѣдовать Шамиля съ его мюридами. И на западѣ, и на восточной сторонѣ боевой линіи усиленно прорѣзывали просѣками лѣса, устраивали дороги; захватывая въ опасныхъ, дикихъ мѣстахъ селенія, обязывали жителей перебираться на равнины или уходить совсѣмъ въ Турцію. По временамъ десятками тысячъ горцы покидали родной край и съ отчаяніемъ соглашались на переселеніе въ земли султана. На удобныхъ мѣстахъ располагали казачьи станицы, тѣснившія мѣстныя племена. Съ 1858 г. начали прочно укрѣпляться среди непримиримаго населенія Чечни. Отсюда постепенно подвигались въ лѣсистыя ущелья восточнаго кряжа. Въ 1859 году взяли приступомъ Ведень, сильное укрѣпленіе Шамиля. Послѣдній, отступая въ горы, защищался одно время на скалѣ Гунибъ съ 400 спутниками и здѣсь былъ захваченъ 25 августа того же года. Этимъ событіемъ въ сущности и закончились безконечныя Кавказскія войны. Но энергичное сопротивленіе кабардинцевъ и возстанія въ Чечнѣ еще затянули полное замиреніе горныхъ мѣстностей до 1864 г., когда намѣстникомъ Кавказа былъ уже великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Одновременно съ послѣдними вспышками старой борьбы, на Кавказѣ вводились внутреннія реформы въ жизни населенія, отмѣнялось крѣпостное право, измѣнялись поземельныя отношенія. Положеніе землевладѣнія и землепользованія и до сихъ поръ крайне запутано среди разнообразныхъ племенъ этого богатаго края и представляетъ источникъ тяжелыхъ страданій для значительной массы населенія. Начавшая понемногу развиваться городская промышленность сосредоточивалась главнымъ образомъ въ рукахъ самаго предпріимчиваго народа—армянъ.

Въ 60-хъ гг. Россія достигла большихъ успѣховъ въ Средней Азіи. Вооруженное сопротивленіе мѣстныхъ народовъ здѣсь было далеко не такъ твердо и энергично, какъ на Кавказѣ; зато огромныя затрудненія и опасности для войскъ доставляли широкія безводныя степи, нездоровый континентальный климатъ съ палящими лѣтними жарами. Послѣ неудачной экспедиціи за Каспійское море въ сторону Хивы, совершенной еще при Петрѣ Великомъ, этотъ путь покинули надолго. Болѣе ста лѣтъ борьба происходила въ Киргизскихъ степяхъ и вызывалась нападеніями кочевниковъ. Когда русская власть уже укрѣпилась здѣсь, столкновенія съ жителями Коканда были причиной въ 40-хъ гг. при ген. Перовскомъ устройства Сыръ-Дарьинской оборонительной линіи. Въ 1853 г. завладѣли всей нынѣшней Сыръ-Дарьинской областью; съ тѣхъ поръ завоеванія быстро слѣдовали одно за другимъ, и уже съ 1860 г. вызывали опасливое вниманіе Англіи. Въ 1862 г. заняли Семирѣченскій и Заильскій край до границъ Китая. Въ 1865 г. ген. Черняевъ взялъ Ташкентъ, и образовалась новая Туркестанская область. Бухара, сознавая опасность своего положенія, стала открыто враждебно относиться къ Россіи. Въ 1866 г. начались опять военныя дѣйствія. Ходжентъ, Самаркандъ въ 1868 г. оказались въ рукахъ русскихъ; бухарскій эміръ принужденъ былъ признать свою зависимость отъ Россіи.

Послѣ этихъ успѣховъ послѣдовали столкновенія съ Хивинскимъ ханствомъ, которыя очень обострились набѣгами его сосѣдей *туркменъ*; обитателей бѣдной, пустынной страны между Каспійскимъ моремъ и Аму-

Дарьей. Въ 1869 г. снова начали пробивать путь степями отъ этого моря на Хиву и Туркестанъ. Первыя экспедиціи сопровождались гибелью цѣлыхъ отрядовъ среди степей; однако въ 1870 г. взяли Кизилъ-Арватъ, а въ 1873 г. пала Хива, а ханство признало вассальную зависимость отъ Россіи. Затѣмъ движеніе не прекращалось. Въ 1876 г. Кокандское ханство обратилось въ Ферганскую область, потерявъ всякую самостоятельность. Большихъ трудовъ и издержекъ стоило покореніе Ахалъ-Текинскаго оазиса съ крѣпостью Геокъ-Тепе. Послѣ первыхъ неудачъ снаряжена была дорого стоившая экспедиція съ генераломъ Скобелевымъ во главѣ, сопровождавшаяся заложеніемъ желѣзной дороги, проведеніемъ телеграфа и т. д. Послѣ отчаяннаго сопротивленія текинцевъ Геокъ-Тепе былъ взятъ 12 января 1881 г., и началось болѣе мирное устройство Закаспійскаго и Туркестанскаго края.

Очень тяжело отозвалось на всемъ ходѣ жизни русскаго общества *польское возстаніе* 1863 г. Оно явилось результатомъ общаго броженія среди европейскихъ народностей; во всѣхъ уголкахъ Европы прорывались національныя стремленія, побуждавшія населеніе обособляться въ отдѣльныя родственныя группы и добиваться политической самостоятельности. Италія уже заканчивала борьбу за свое объединеніе въ національное государство; то же самое замѣчалось въ раздробленной Германіи. За все время суроваго военнаго управленія Паскевича поляки ни минуту не забывали о своей былой самостоятельности и постоянно сносились со своими эмигрантами, которые горячо обдумывали новые и новые планы для возстановленія отечества. Параллельно съ дѣятельностью „Молодой Италіи", „Молодой Германіи" создавались кружки „Молодой Польши". Съ 1856 г. и въ Польшѣ, какъ по всей Россіи, стали дышать свободнѣй; общественная жизнь оживилась; а съ нею оживились патріотическія и религіозныя чувства поляковъ. Въ ту же пору поднялся крестьянскій вопросъ, т.-е. вопросъ о надѣленіи землей свободныхъ, но безземельныхъ польскихъ крестьянъ. Разработку его поручили вновь открытому сельско-хозяйственному обществу, которое и сдѣлалось центромъ первоначальнаго движенія. Поддержка и сочувствіе, которое французы со своимъ императоромъ оказывали итальянцамъ въ ихъ борьбѣ съ Австріей, побуждали поляковъ сноситься съ Франціей и разсчитывать тоже на ея помощь. Броженіе глубоко захватило польское населеніе; и начали образовываться революціонные кружки, *тройки*, всего изъ 3-хъ извѣстныхъ другъ другу заговорщиковъ; собирались средства, готовили оружіе, по временамъ устраивались патріотическія манифестаціи.

Первое столкновеніе съ русскими войсками произошло еще въ февралѣ 1861 г. Намѣстникъ, кн. Горчаковъ, не рѣшился на вооруженное усмиреніе, а вошелъ въ переговоры съ возбужденными патріотами. Это отношеніе вполнѣ соотвѣтствовало общему настроенію русскаго общества, смягченному горячимъ стремленіемъ къ преобразованіямъ. Общественное мнѣніе вѣрило, что либеральныя реформы все успокоятъ, и какъ будто желало прекратить устарѣвшую племенную вражду. Государю представили адресъ съ изложеніемъ того, въ чемъ непосредственно нуждаются поляки; послѣдніе просили мѣстнаго самоуправленія, особаго государственнаго совѣта, преобразованія учебной системы и т. д. Государь отнесся сочувственно и согласился на реформы администраціи. Маркизъ

Вѣлёпольскій занялъ постъ особаго министра при намѣстникѣ. Реформы касались только царства; оставляя въ сторонѣ другія западныя губерніи, нѣкогда принадлежавшія Польшѣ. Національное броженіе все разгоралось. Вѣлёпольскій казался слишкомъ отсталымъ консерваторомъ. Послѣдовали покушенія на жизнь вновь назначеннаго намѣстника, вел. князя Константина Николаевича, и его предмѣстника ген. Лидерса; раздались выраженія неудовольствія польскаго дворянства. Когда опасность мятежа стала очевидной, круто перешли къ мѣрамъ строгости: объявленъ былъ усиленный рекрутскій наборъ съ занесеніемъ поименно въ списки множества молодежи, замѣченной въ революціонныхъ порывахъ. Мятежъ тотчасъ вспыхнулъ въ разныхъ мѣстахъ (10, 11 января 1863 г.), и возникли нападенія на русскіе гарнизоны. Временное правительство (*ржондъ народовый*) стало руководить борьбой и управлять возставшими мѣстностями. Благодаря энергіи патріотовъ и обдуманной подготовкѣ, мятежъ обратился въ партизанскую войну.

Поляки напоминали державамъ о постановленіи Вѣнскаго конгресса, обязавшаго русскаго императора дать Польшѣ самостоятельную конституцію, и очень стремились, чтобы ихъ признали воюющей народностью. За исключеніемъ Пруссіи, въ Европѣ къ нимъ относились съ сочувствіемъ; французы горячо выражали свои чувства, присылали деньги, проповѣдывали въ печати возстановленіе Польши. Въ Австріи радовались ослабленію своей старой союзницы, Россіи, и изъ Галиціи поддерживали возстаніе; Англіи было выгодно, чтобы Россію почаще отвлекали отъ завоеваній на востокѣ. Одна Пруссія враждебно отнеслась къ полякамъ и даже изъявила готовность содѣйствовать русскимъ военнымъ силамъ. Но интересы державъ были такъ различны, онѣ такъ боялись раздражать другъ друга въ виду накоплявшихся національныхъ счетовъ, (Германія, напр., стремилась оторвать отъ Даніи ея нѣмецкія провинціи), что поляки ни отъ кого не получили существенной помощи

На первое представленіе державъ, напоминавшее обѣщанія Александра I-го Вѣнскому конгрессу, канцлеръ кн. Горчаковъ отвѣчалъ уклончиво, не отказываясь войти въ соглашеніе съ поляками. Но осенью, когда стало очевиднымъ, что никто не рѣшится на вооруженное заступничество, русское правительство смѣло и рѣзко отвергло вмѣшательство державъ въ свои внутреннія дѣла. Весной 1864 г. возстаніе медленно догорало. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ оно было подавлено ранѣе грозными мѣрами генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, сожженіемъ деревень, множествомъ смертныхъ казней.

Самое отношеніе русскаго общества къ полякамъ въ большинствѣ очень измѣнилось: проявились суровые патріотическіе порывы и озлобленное негодованіе, особенно съ тѣхъ поръ, когда оказалось, что возстаніе было подготовлено и въ западныхъ губерніяхъ, которыхъ не касались обѣщанія Александра I и постановленія Вѣнскаго конгресса. Патріотически настроенные писатели (Катковъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ") добились сильнаго вліянія на внутреннюю политику. Это вліяніе побудило приступить къ разнымъ мѣрамъ обрусенія западнаго края; а прежде всего постарались привлечь польскихъ крестьянъ къ Россіи надѣленіемъ ихъ землей и устройствомъ ихъ быта. Этимъ занимался Н. А. Милютинъ и проводилъ реформу въ пользу крестьянъ, не считаясь съ интересами

польскихъ дворянъ. Послѣ польскаго возстанія вся внутренняя политика стала несравненно консервативнѣй: усилилось стремленіе во что бы то ни стало обрусить поляковъ, нѣмцевъ отзейскихъ и другихъ иновѣрцевъ и инородцевъ. Прежнее довѣріе къ общественной дѣятельности исчезло.

Въ 1863 г., когда сѣверные штаты Американской республики боролись съ южными, отстаивавшими рабовладѣніе, русское правительство выразило сочувствіе освободительной дѣятельности Сѣвера и отправило эскадру къ берегамъ Америки охранять его интересы; участія въ военныхъ дѣйствіяхъ наши моряки однако не принимали. Въ 1867 г. русскія области въ Сѣверной Америкѣ были уступлены республикѣ за денежное вознагражденіе, и съ тѣхъ поръ начали совершенно новую жизнь.

Быстрое объединеніе Германіи, сопровождавшееся кровопролитными войнами Пруссіи съ Австріей и ея нѣмецкими союзниками въ 1866 г., а затѣмъ погромъ Франціи въ 1870 г. создали довольно выгодное положеніе для Россіи. Соблюдая нейтралитетъ или сдерживая Австрію, она косвенно помогала Пруссіи. Въ эту же пору сильно сказывалось возрожденіе славянъ въ Турціи и Австріи, искавшихъ и получавшихъ сочувствіе отъ русскаго общества. Славянское благотворительное общество, возникшее по почину русскихъ ученыхъ, не касаясь политическихъ вопросовъ, поддерживало сношенія съ южными славянами. Пріѣздъ чешскихъ ученыхъ въ Россію подогрѣлъ взаимныя сочувствія. Россія снова овладѣла естественною ролью покровительницы славянъ и христіанъ Турціи. Когда во время франко-прусской войны французы низложили Наполеона III и провозгласили у себя республику, Россія объявила, что Парижскій трактатъ нарушенъ, и она освобождаетъ себя отъ наложенныхъ имъ обязательствъ, и приступила къ возстановленію флота и крѣпостей на Черномъ морѣ.

Съ 1871 г. стараніями гр. Бисмарка, канцлера новой Германской имперіи, создался союзъ трехъ императоровъ, русскаго, австрійскаго и германскаго, впрочемъ, безъ всякихъ формальныхъ договоровъ: союзу способствовала личная привязанность Александра II къ своему дядѣ, Вильгельму I германскому. Германія стремилась обезпечить себя отъ враждебныхъ выходокъ Франціи, разъединяя ее съ другими державами, особенно съ Россіей. Но обостреніе восточнаго вопроса понемногу подрывало союзъ; уже вскорѣ послѣ франко-прусской войны въ Европѣ сознавали, что слѣдующее кровопролитіе разразится непремѣнно на востокѣ.

Румыны, сербы, черногорцы уже добились извѣстной самостоятельности, находясь однако въ подданствѣ султана, принимая иногда турецкіе гарнизоны; но славяне Болгаріи, Босніи и Герцеговины попрежнему состояли въ полномъ подчиненіи. Въ Болгаріи поселяли черкесъ, ушедшихъ съ Кавказа, и хищные горцы *(баши-бузуки)* звѣрски безпощадно угнетали мѣстныхъ жителей. Съ 1874 г. начались отчаянныя возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, наносившія пораженія туркамъ. Озлобленные турки принялись мстить болгарамъ за свои неудачи и вырѣзывали несчастный народъ цѣлыми селеніями. Бѣдствія славянъ волновали общественное мнѣніе Европы; въ Россіи же горячее сочувствіе къ страдающимъ братьямъ славянамъ стало разростаться въ народное движеніе; о

страданiяхъ христiанъ говорили въ деревняхъ. Когда Сербiя поднялась на защиту сосѣдей въ 1876 г., русскiе добровольцы вооружались и шли помогать сербскимъ войскамъ. Со всѣхъ концовъ Россiи посылали собранныя пожертвованiя. Борьба между народностями, жаждавшими свободы и самостоятельнаго развитiя, и разлагающейся. но безпощадно-воинственной Турцiей слишкомъ близко касалась интересовъ Россiи, и общая война стала неизбѣжной.

Представительства державъ и требованiя реформъ для славянскихъ земель возбудили только фанатизмъ турокъ и придворныя революцiи, погубившiя трехъ султановъ. Англiя держалась особнякомъ отъ державъ. и даже послала свой флотъ къ турецкимъ берегамъ, чтобы блюсти свои интересы. Въ концѣ 1876 г. она сама предложила совѣщанiе всѣхъ пословъ въ Константинополѣ, на которомъ снова постановили свои требованiя и составили подробный планъ реформъ въ положенiи славянъ подъ наблюденiемъ международной комиссiи. Но все-таки дѣйствiя Англiи носили настолько двойственный характеръ. что Турцiя не смущалась и отвергала предложенiя; она имѣла данныя разсчитывать на ея содѣйствiе въ борьбѣ съ Россiей. Послы европейскихъ державъ выѣхали изъ Константинополя, какъ бы предоставляя страну ея судьбѣ. Уже годъ. какъ въ Россiи шли дѣятельныя вооруженiя, несмотря на предостереженiя министра финансовъ, что экономическое положенiе страны слабо. На увѣренiя, что популярная въ массѣ народа война вызоветъ приливъ пожертвованiй, какъ въ 12-мъ году, министръ финансовъ Рейтернъ возражалъ. что ничего подобнаго не будетъ. совсѣмъ не то время: тогда русскiй народъ защищалъ свою территорiю, теперь Россiя отдаетъ свои силы на борьбу обще-славянскаго мiра противъ представителей Азiи. Онъ былъ правъ,—пожертвованiй почти не было. Финансисты называли эту войну безцѣльной, разорительной авантюрой. особенно въ виду заявленiя государя. что Россiя ничего не желаетъ прiобрѣтать и русскiя войска не войдутъ въ Константинополь.

Когда Азiя отказалась гарантировать славянамъ реформы. которыя Турцiя такъ часто обѣщала. но всегда не выполняла, и даже заговорила о разоруженiи Россiи, всѣ въ Европѣ поняли, что переговоры ничего не достигнутъ. Александръ II-й 12-го апрѣля 1877 г. объявилъ войну.— Главнокомандующимъ на Кавказѣ сталъ великiй князь Михаилъ Николаевичъ, а на Дунаѣ,—великiй князь Николай Николаевичъ. По заранѣе заключенному условiю, русскiя войска прошли черезъ Румынiю. Но какъ на Дунаѣ, такъ и на азiатскомъ театрѣ войны слишкомъ легко и пренебрежительно отнеслись къ турецкимъ силамъ и выдвинули недостаточное число войскъ. Первыя 2 — 3 недѣли послѣ переправы черезъ Дунай успѣхи были блистательны; взяли нѣсколько городовъ. а отрядъ ген. Гурко занялъ Балканскiй проходъ Шипку и перешелъ въ южную Болгарiю. Но затѣмъ оказалось, что разбросанныя на широкомъ пространствѣ небольшiя силы не могли дѣйствовать достаточно твердо. Покинутую безъ вниманiя Плевну турки съ 8-го iюля усиленно укрѣпили и установили сношенiя ея съ Адрiанополемъ. защиту котораго обезпечили. Гурко отступилъ къ сѣверу. сохранивъ съ громадными усилiями сѣверную часть прохода. Русскiе сразу перешли изъ наступательнаго въ оборонительное положенiе. То же произошло и въ Азiи: быстро захвачен-

ные Баязетъ и другіе пункты были снова окружены или захвачены турками Мухтара-паши.

Началась усиленная мобилизація новыхъ корпусовъ въ Россіи, выступила въ походъ гвардія. Тѣмъ временемъ румынскій король быстро ввелъ въ дѣйствіе свою армію. Четырехмѣсячная борьба вокругъ осажденной сильной Плевны задержала главныя русскія силы. Въ ожиданіи ея паденія вновь подходившія войска занимали мѣстности Балканскихъ проходовъ. У Шипки среди страшныхъ холодовъ мучительно отстаивали необходимую для дальнѣйшаго похода позицію. На азіатскихъ границахъ борьба тоже затянулась. Первый штурмъ Эрзерума былъ неудаченъ. Взятіе Карса 6-го ноября обезпечивало дальнѣйшіе успѣхи; но тутъ туркамъ помогли зимніе холода, болѣзни и смертность среди русскихъ войскъ, и Эрзерумъ былъ сданъ уже по условіямъ перемирія. Не малую опасность представляла беззащитность Черноморскаго прибережья Кавказа, гдѣ война возбудила возстанія мусульманскихъ племенъ.

Паденіе Плевны 28 ноября освободило поле дѣйствій, и въ глухую зимнюю пору, когда въ Европѣ вовсе не ожидали слышать про успѣхи русскихъ, съ 13 до 28 дек. была взята въ плѣнъ цѣлая турецкая армія и совершился переходъ черезъ грозные Балканы. 8 января 1878 г. заняли Адріанополь, а затѣмъ русскіе авангарды появились у Мраморнаго моря.

Въ эту пору Сербія вновь объявила войну: Черногорія завладѣла ближайшими городами Адріатическако моря; готовилась къ войнѣ и Греція. Турція оказалась наканунѣ раздѣла. Хотя еще до войны Александръ II заявлялъ, что онъ не намѣренъ занимать Константинополя, но случайности кровавой борьбы могли вынудить на это. Турція послѣ паденія Плевны просила государей о посредничествѣ; а теперь обратилась къ англійской королевѣ. На телеграмму изъ Лондона государь изъявилъ согласіе на переговоры. 18 января въ Санъ-Стефано заключили перемиріе и подписали предварительный договоръ. Сербія, Черногорія и Румынія становились вполнѣ независимыми; первыя двѣ получили земельныя прибавки. Болгарія обращалась въ княжество, связанное съ Турціей только данью; она занимала земли отъ Дуная до Эгейскаго моря, имѣла гавани при 2-хъ моряхъ; дѣлила оставшіяся у султана владѣнія на двѣ части; ея границы проходили въ 60-ти миляхъ отъ Константинополя. Боснія и Герцеговина получали христіанскую администрацію. Вообще, каждая провинція Турціи получала голосъ въ устройствѣ своего управленія. Турція уступала Россіи Добруджу (устья Дуная), Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ въ Азіи и выплачивала 1 милліардъ 400 мил. руб. контрибуціи.

Договоръ возбудилъ въ Англіи ужасъ: гибель Турціи только отсрочивалась; участь Балканскаго полуострова зависѣла отъ славянскихъ государствъ; Россія посредствомъ новыхъ портовъ завладѣвала Чернымъ моремъ, а черезъ Баязетъ накладывала руку на торговое движеніе въ Малой Азіи. Непосильная для Турціи контрибуція давала поводъ на захватъ другихъ ея частей при недоплатахъ. Англійскій флотъ подвели къ самому Константинополю; англичане начали собирать свои военныя силы. Одно время англо-русская война казалась неизбѣжной. Но Россія была слишкомъ истощена громадными расходами 1877 г. и приняла къ свѣ-

дѣнію возраженія Англіи противъ Санъ-Стефанскихъ условій. Сократить успѣхи славянъ было затаеннымъ желаніемъ всѣхъ западныхъ державъ, а Германіи въ лицѣ ея канцлера, знаменитаго князя Бисмарка, было выгодно занять роль руководителя въ европейскомъ соглашеніи и услужить Австріи, обиженной и разбитой при германскомъ объединеніи, вознаградивъ ее добычей на Востокѣ.

И вотъ заключеніе мира было перенесено на конгрессъ въ Берлинъ, гдѣ Германія помогла Англіи въ ея борьбѣ съ Россіей. Ровно мѣсяцъ русскій канцлеръ Горчаковъ и англійскій министръ Дизраэли-Биконсфильдъ, основатель завоевательной политики современной Англіи, спорили съ ожесточеніемъ, нѣсколько разъ въ негодованіи отказывались отъ дальнѣйшихъ переговоровъ; и Европѣ опять начинала угрожать перспектива войны. Бисмаркъ упорно склонялъ ихъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ договориться. 1 іюля 1878 г. былъ подписанъ Берлинскій трактатъ. Болгарское княжество ограничили его сѣверной половиной; южная часть, Восточная Румелія, осталась Турціи (она соединилась съ княжествомъ въ 1885 г.). Уступки Сербіи и Черногоріи были сдѣланы съ большей выгодой для Турціи: Россія отказалась отъ Баязета и едва выговорила Батумъ, обѣщавъ пользоваться имъ исключительно какъ торговымъ портомъ. Боснію и Герцеговину передали въ управленіе Австріи, введя въ Балканскія дѣла вліяніе сдерживающей нѣмецкой силы.

Трактатъ улучшилъ границы Турціи; оставилъ подъ ея военной властью страны за Балканами, сохранилъ ея вліяніе на Черномъ и Эгейскомъ морѣ. Россія лишилась главныхъ результатовъ своихъ побѣдъ у моря, при Балканахъ и вліятельнаго положенія въ Арменіи и Малой Азіи. Разочарованіе и раздраженіе, особенно тяжелое послѣ патріотическаго возбужденія и тяжелыхъ потерь во время войны, охватило русское общество. Не легко было переносить новое мощное вмѣшательство Запада въ дѣла восточныхъ народовъ. Національное самолюбіе было оскорблено, и сильное раздраженіе обрушивалось главнымъ образомъ на Германію и на Бисмарка. Старыя добрыя отношенія къ прежней Пруссіи не могли относиться къ новой объединенной Германіи: приходилось прибѣгать къ инымъ политическимъ связямъ; начало подготовляться сближеніе съ Франціей. Въ то время еще не сознавали, до какой степени шатко военное могущество Россіи, не хотѣли видѣть, что она едва справилась съ распадающейся Турціей. Александра II обвиняли въ пристрастіи къ германскому дядѣ.

XLVI.

Былая и современная Россія. Броженіе въ обществѣ. Реакція 80-хъ и 90-хъ гг.

Ко времени освобожденія крестьянъ, когда формально было объявлено равенство передъ закономъ всѣхъ жителей имперіи, устарѣлость государственнаго строя Россіи выяснилась еще очевиднѣе прежняго. Впервые тяжело сказалась она еще при Александрѣ I, во времена Аракчеева. Вотъ уже скоро 100 лѣтъ, какъ Россія утратила былую полити-

ческую устойчивость. До конца французскихъ войнъ въ XIX вѣкѣ. какъ ни хаотичны и тяжелы были внутренніе порядки, но государственный организмъ Россіи позволялъ ей играть видную роль среди сосѣдей, соотвѣтствовавшую ея размѣрамъ. При Петрѣ I, несмотря на внутреннія неурядицы, Россія съ удивительнымъ успѣхомъ выдержала колоссальную борьбу съ болѣе культурной Швеціей, начала подчинять своему вліянію Польшу и одновременно съ этимъ боролась съ Турціей. При беззаботномъ правительствѣ Елизаветы русскія войска побѣждали пруссаковъ Фридриха Великаго. При Екатеринѣ II, среди ужасовъ крѣпостничества, хищничества фаворитовъ, Россія десятки лѣтъ выдерживала борьбу на три фронта и на всѣхъ побѣждала. Въ началѣ XIX в. она одна, опять таки среди борьбы на три фронта, дала отпоръ имперіи Наполеона I; но тотчасъ же точно что-то повредилось въ ея государственномъ организмѣ. лопнула какая-то не видная, но основная струна, и все пошло иначе. Правительство прилагало такія горячія заботы къ внутреннему укрѣпленію Россіи, о какихъ раньше едва мечтали. По видимости, государственный организмъ становился гораздо крѣпче прежняго; правительственная механика работала гораздо стройнѣй, а между тѣмъ какой-то червь подтачивалъ силы государства. Цѣлое поколѣніе дѣятелей въ лицѣ декабристовъ, своихъ лучшихъ представителей, выразило горячее негодованіе противъ господствовавшихъ порядковъ. Бунтовщиковъ строго покарали и приняли самыя энергичныя мѣры къ содержанію въ покорности молодыхъ поколѣній. И вскорѣ затѣмъ во время войны съ одной ослабѣвшей Турціей едва, едва справились съ нею. Послѣдовало 20-лѣтнее строгое управленіе Николая I среди тишины и спокойствія. Однако, имѣвшій время окрѣпнуть государственный организмъ испыталъ тяжкое потрясеніе въ борьбѣ съ союзниками на берегахъ Чернаго моря. 20 слишкомъ лѣтъ цѣлымъ рядомъ реформъ исправлялась Россія. Казалось, государство. наконецъ, окрѣпло. Но опять возникла борьба съ совсѣмъ уже ослабѣвшей Турціей. раздираемой возставшими славянами, и опять вскрылись язвы администраціи, опять цѣной тяжкихъ жертвъ справились съ бѣдовымъ сосѣдомъ. Снова недовольство и разочарованіе во всей странѣ, снова задумали починки и подновленія государства. Но Александра II смѣнилъ Александръ III и энергично принялся, наоборотъ. укрѣплять Россію. избавляя ее отъ послѣдствій реформъ. Результатъ на нашихъ глазахъ—торжество Японіи надъ Россіей, разгромъ ея морскихъ и сухопутныхъ силъ. Что же сталось съ Россіей, за послѣднія 80 лѣтъ? Куда уходили ея силы, прежде грозныя для сосѣдей? Онѣ растрачивались на внутреннихъ враговъ государственныхъ порядковъ, на борьбу съ протестующимъ обществомъ. Со временъ декабристовъ проявился разладъ между передовой частью общества и государственной формой, и съ ростомъ интеллигентнаго класса все разростался, отражаясь роковымъ образомъ на политическомъ авторитетѣ Россіи. При наличности стараго монархическаго строя всѣ экономическія и соціальныя реформы. даже отмѣна крѣпостного права, не поднимали политическаго значенія страны, а только поддерживали ея существованіе. Въ концѣ XIX в. старый порядокъ держался только особенностями экономической жизни населенія Россіи, которыя способствовали его подчиненію сильной власти. Среди сознательной части населенія не стало вѣры въ дѣеспособность власти. Во

время войнъ даже патріоты призывали побольше испытаній, чтобы ярче вскрылись всѣ темныя стороны русскихъ порядковъ.

Позоръ Крымской войны далъ сильную опору недовольству. Потребность въ политическихъ правахъ, сознаніе, что общество должно участвовать въ законодательствѣ, сказывались въ ту пору, когда подготовлялась крестьянская реформа. Тогда дворяне настойчиво стремились пользоваться своимъ правомъ по закону 1831 г. разсуждать на губернскихъ собраніяхъ о своихъ нуждахъ и обращаться съ ними непосредственно къ государю; они считали своимъ неотъемлемымъ правомъ обсужденіе крестьянскаго вопроса и горячо протестовали, когда имъ запретили толковать на собраніяхъ о предстоящей реформѣ. Среди аристократіи много говорили о конституціи, объ участіи землевладѣльцевъ въ законодательной дѣятельности; политическими правами послѣдніе хотѣли вознаградить себя за то, что теряли съ отмѣной крѣпостного права. Поклонники старины напоминали о земскихъ соборахъ и предлагали созвать выборныхъ по старому обычаю. Все чиновничество тайно и явно противодѣйствовало замысламъ высшаго сословія. То же дѣлали многіе либеральные писатели, даже самъ Герценъ. — „Только крѣпостники,—говорили они,—могутъ требовать конституціи, когда народъ еще въ рабствѣ и не имѣетъ земли. Дворяне хотятъ правъ только для себя“.

Очень скоро послѣ 19 февраля стали очевидны недостатки реформы.—Народъ сталъ свободенъ, но бѣднѣлъ. И снова зазвучали голоса недовольныхъ:—„Государь, мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій,—писало тверское дворянство въ 1862 г., когда послѣ освобожденія крестьянъ готовились новыя реформы, — неправеденъ тотъ порядокъ, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ ни копѣйки. Собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному рѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля“.

Интеллигеція и даже молодежь подозрительно смотрѣли на дворянъ-конституціоналистовъ; эта часть общества пренебрегала чисто политическими вопросами, непонятными низшему классу, и начинала еще до 1861 г. интересоваться преимущественно соціальными ученіями. Необходимо улучшить соціально-экономическое положеніе народа, говорила она, а государство онъ самъ устроитъ. Во всѣхъ университетахъ молодежь бурно волновалась. Вообще съ 1860 г. волненія учащейся молодежи стали частыми. Извѣстный ученый Пироговъ предсказывалъ, что съ освобожденіемъ утихнутъ крестьянскія волненія, но явится другой горючій матеріалъ—учащаяся молодежь. Причина этого ясна: въ странѣ не существовало свободныхъ собраній, союзовъ, общеній, гдѣ бы граждане обсуждали общественныя дѣла; это лишало возможности создать вокругъ университетовъ ту чистую атмосферу спокойствія и равновѣсія, которая окружаетъ храмы просвѣщенія въ странахъ съ политической свободой. Незащищенная правоспособными гражданами—отцами, русская молодежь грудью выдерживала напоръ общественныхъ неурядицъ.—Уничтожить товарищеское общеніе учащейся молодежи невозможно, оно коренится въ условіяхъ школьной жизни. Среди подавляемаго полицейскими мѣрами общества кружки учащихся сдѣлались могучимъ средствомъ распространенія со-

ціально-политическихъ ученій. Хотя съ годами, подъ вліяніемъ службы и окружающей среды, молодые люди утихали, и многіе примирялись съ дѣйствительностью, но юношескія впечатлѣнія приносили свои плоды, и съ каждымъ десятилѣтіемъ число политически развитыхъ людей увеличивалось.

Университеты довольно часто закрывались, писателей и студентовъ арестовывали; но свободная мысль работала. Ее поддерживали смутныя, отрывочныя вѣсти о томъ, что говорилось во дворцахъ и министерствахъ. Въ бесѣдахъ съ либеральными чиновниками Александръ II не разъ давалъ понять, что знаетъ стремленія русскаго общества, но не считаетъ его достаточно зрѣлымъ для участія въ управленіи государствомъ; онъ какъ будто давалъ поводъ надѣяться, что своими реформами готовитъ его къ этому участію. Возбуждающіе слухи постоянно занимали тайные помыслы либераловъ изъ дворянства. Весной 1863 г. министръ Валуевъ, повидимому по порученію государя подготовилъ записку, какъ при введеніи земскихъ учрежденій привлечь представителей населенія къ участію въ работахъ государственнаго совѣта. Осенью записка обратилась въ проектъ закона, которымъ при совѣтѣ учреждался *съѣздъ государственныхъ гласныхъ* изъ 175 выборныхъ, посылаемыхъ губернскими земскими собраніями и большими городами, а на $^1/_5$ часть назначаемые государемъ. Изъ нихъ не болѣе 16-ти членовъ допускались на самыя засѣданія гос. совѣта. За польскимъ возстаніемъ этотъ проектъ какъ бы забыли. Возможно, что онъ имѣлъ дипломатическое назначеніе—освѣдомлять Европу о широтѣ подготовляемыхъ реформъ.

Самая земская реформа, введеніе которой подготовлялось во время борьбы съ возстаніемъ, очень пострадала отъ политическихъ осложненій. Земскія учрежденія должны были, занимая землевладѣльцевъ работой надъ насущными дѣлами по губерніямъ и уѣздамъ, отвлекать ихъ вниманіе отъ политическихъ вопросовъ Однако, суживая права земствъ, высшія власти намекали, что не желаютъ отставать отъ запросовъ интеллигенціи. Великій князь Константинъ Николаевичъ заготовлялъ планъ созыва общеземскаго съѣзда всѣхъ областей государства. Но когда московское дворянство сочло возможнымъ въ адресѣ 1865 г. просить государя завершить земскую реформу созывомъ общаго собранія выборныхъ ото всѣхъ земствъ, то ему сдѣлали выговоръ, и впредь дворянству имперіи разрѣшили ходатайствовать только о дѣлахъ своего сословія. Послѣ покушенія на жизнь государя въ 1866 г. консерваторы, постоянные противники реформъ, получили сильное вліяніе при дворѣ; они смѣло внушали, что правительство должно свято хранить исконные порядки въ русскомъ государствѣ. Политическая „благонадежность“ стала теперь главной мѣркой сужденія о всякомъ дѣятелѣ и о простомъ обывателѣ. Земства отдавались подъ наблюденіе губернскихъ властей; они не смѣли печатать своихъ отчетовъ; съ трудомъ отвоевывали они себѣ право вести свою тихую культурную и хозяйственную работу. Только самые энергичные земцы втайнѣ поддерживали общеніе между собой и печатали заграницей свои работы по вопросу о русской конституціи. Самостоятельность новыхъ судовъ тоже стѣснялась. Вообще съ польскаго возстанія правительство очень подозрительно смотрѣло на общественную дѣятельность, на проявленія ея инициативы. Рѣзко прерывать начатыя реформы

было бы неполитично и вредно, но считали необходимымъ стѣснять свободу мнѣній, личную и общественную инициативу. Администрація взяла на себя тяжелую задачу, — не подавляя общества до былой безжизненности, не давать широкаго развитія ни одному дѣлу, за всѣмъ наблюдать сотнями глазъ разныхъ начальниковъ; всякое начинаніе допускать съ особаго разрѣшенія.

Въ глубинѣ общества подъ давленіемъ полицейскаго гнета разросталась проповѣдь освободительныхъ идей. Первоначальный *нигилизмъ* былъ стремленіемъ личностей освободиться отъ затхлыхъ формальностей и устарѣлыхъ обычаевъ общественнаго и семейнаго быта; искали свободы индивидуальной ради широкой культурной дѣятельности. Но среди представителей нигилизма крѣпло другое стремленіе — трудиться для ближнихъ, даже жертвовать своей личностью ради улучшенія народной жизни, общественнаго строя. Былой индивидуализмъ сталъ таять среди пропаганды непосредственнаго служенія народу. Мѣстами молодежь охладѣвала къ образованію; находили нечестнымъ пользоваться духовной роскошью, когда народъ гибнетъ въ невѣжествѣ. Кружки и мнѣнія были различны; но среди молодежи выдвигались на первую очередь вопросы соціально-экономическаго переворота, освобожденіе низшихъ классовъ отъ экономическаго гнета, а не ограниченіе монархической власти.

Среди общества, еще полнаго впечатлѣній нигилистическаго движенія, большой успѣхъ имѣла проповѣдь Бакунина (жившаго заграницей); считая русскую общину и артели за жизненныя ячейки грядущаго соціалистическаго строя, Бакунинъ увѣрялъ, что русскій народъ вполнѣ готовъ къ жизни вольными общинами, и государство со всѣми учрежденіями ему вовсе не нужно. Народу вовсе не трудно возстать поголовно, передѣлить землю и завести хозяйство общинами; фабрики должны быть въ рукахъ обществъ рабочихъ.

Но многія группы принимали и болѣе умѣренное ученіе Лаврова; его послѣдователи полагали, что народъ еще неготовъ къ переворотамъ; среди него посредствомъ пропаганды и культурной работы слѣдуетъ развивать потребность въ свободѣ слова, союзовъ, въ просвѣщеніи, стремленіе участвовать въ управленіи страной; подготовленный народъ современемъ совершитъ переворотъ въ свою пользу.

Только очень немногіе придерживались мнѣнія, что группѣ настоящихъ революціонеровъ слѣдуетъ захватить власть надъ государствомъ въ свои руки и посредствомъ собственнаго правительства проводить новые порядки, развивать равенство и братство среди населенія.

Громадное большинство работало мирнымъ путемъ, читало, проповѣдывало, учило, старалось печатать свои листки и брошюры; насилія и убійства бывали случайны и одиночны. Но почти на всѣхъ обрушивались очень строгія наказанія; чтеніе безцензурной брошюры каралось какъ тяжкое преступленіе. Ссылки по ничтожнымъ поводамъ портили жизнь множеству юношей; раздражали противъ властей и толкали навсегда въ тайные кружки, когда въ движеніи царило еще затишье. Въ началѣ 70-хъ годовъ масса молодежи, особенно женской, училась за границей, главнымъ образомъ въ Швейцаріи. Тамъ жили и учили дѣятели международныхъ соціалистическихъ партій (интернаціонала). Русскіе кружки завели съ ними оживленныя сношенія, а когда въ 1873 г. правительство

потребовало возвращенія своихъ подданныхъ, то молодежь привезла съ собой на родину гораздо болѣе ясныя теоріи современнаго соціализма, сдѣлавшіяся достояніемъ рабочихъ и соціалистическихъ партій западныхъ государствъ, перестроившихся послѣ войны 1870—71 г. Новые вожди звали въ „народъ“ проповѣдывать ему о новыхъ лучшихъ порядкахъ. Гимназисты, студенты, совсѣмъ молоденькія дѣвушки, даже зрѣлые люди, служившіе въ земствахъ, толпами отправлялись по деревнямъ, на фабрики проводить свои ученія. Одни ходили съ мѣста на мѣсто, другіе прочно поселялись и работали на подходящихъ мѣстахъ. Заводились тайныя типографіи, печатались маленькіе журналы, листки, брошюры. Движеніе было громадное. Года черезъ два началось разочарованіе: народъ слабо отзывался на проповѣдь; онъ и къ ней оказался мало подготовленъ; администрація же нещадно преслѣдовала проповѣдниковъ, наполняя ими тюрьмы. Жестокія кары вызвали жгучее негодованіе и озлобленіе среди энергичныхъ дѣятелей. Озлобленіе и война 1877—78 гг. дала движенію новый характеръ.

Общество не могло скрывать отъ себя горькой очевидности: война открыла, что рядъ реформъ въ сущности мало улучшилъ администрацію; со слабою Турціею справились съ трудомъ и очень дорогой цѣной. Скоро окончательный договоръ, заключенный въ Берлинѣ, показалъ, какъ слаба Россія передъ Европой. Недовольство сказалось во всѣхъ слояхъ. Патріоты осуждали берлинскіе переговоры. Либералы отмѣчали, что русскіе чиновники устроили изъ освобожденной Болгаріи конституціонное государство, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, слѣдовательно, признавали же русскія власти важность свободы для народной жизни. Среди земствъ снова загорѣлось стремленіе къ расширенію правъ, къ свободѣ слова и печати.

Въ эту пору многіе изъ энергичнѣйшихъ членовъ тайныхъ кружковъ отказались отъ хожденій въ народъ и готовили другую программу дѣйствій. Дѣятели стали осторожнѣе и опытнѣе, очень умѣло скрывались, и, несмотря на усиленіе полицейскихъ мѣръ, устраивали съѣзды, совѣщанія. Выяснились 2 партіи: одна постарому не довѣряла политическимъ переворотамъ: она желала измѣнить экономическую жизнь страны, передѣлить землю (черный передѣлъ); а для этого побудить къ созыву учредительнаго собранія. Другая партія кипѣла негодованіемъ противъ властей. Постоянное раздраженіе среди преслѣдованій, гибель множества товарищей совершили жестокій переворотъ въ молодыхъ душахъ. Партія считала нужнымъ положить всѣ силы на устраненіе тѣхъ правящихъ лицъ, которыя имѣли больше вліянія и авторитета или особенно вредили пропагандистамъ. Она хотѣла устрашить правительство кровавыми расправами, ослабить его (терроръ). Эта партія получила перевѣсъ. Произошелъ цѣлый рядъ покушеній на чиновныхъ лицъ, на государя; проводились подкопы, минировали залу во дворцѣ. Поворотъ къ терроризму—явленіе психологическое, возникающее, когда вѣра въ поддержку народныхъ массъ исчезаетъ, а ожесточеніе побуждаетъ къ кипучей дѣятельности. Люди знали, что погибнутъ въ послѣдней борьбѣ, сводили счеты съ жизнью и какъ гипнотизированные шли къ намѣченной цѣли.

Власти растерялись. Генералъ-губернаторства, полицейскія мѣры не помогали, а броженіе умовъ росло. Тогда начались совѣщанія подъ

сурдину о реформахъ, либералы, даже кое-кто изъ чиновниковъ поминали о земскомъ соборѣ, о созывѣ какихъ-нибудь представителей. Убѣжденнымъ противникомъ такихъ реформъ, противорѣчащихъ основному строю государства, оказался наслѣдникъ престола, будущій Александръ III, находившій, что онѣ еще болѣе взволнуютъ общество.

Видя, что старыя мѣры недостаточны въ борьбѣ съ политическими движеніями, правительство попыталось призывать и общество къ противодѣйствію террору. Пять земскихъ собраній отвѣтили на призывъ просьбой о созывѣ земскаго собора, а харьковское высказалось яснѣе: „Всемилостивѣйшій Государь, дай твоему вѣрному народу то, что Ты далъ болгарамъ".—Дальнѣйшее представленіе подобныхъ адресовъ было задержано администраціей.

Ввиду тревожнаго состоянія государства Александръ II (послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ) учредилъ въ началѣ 1880 г. особую верховную распорядительную комиссію, а предсѣдателемъ ея назначилъ генерала Лорисъ-Меликова съ особыми полномочіями. Тогда на верху побѣдило либеральное направленіе, напомнившее начало царствованія, обѣщавшее новыя реформы. Сенаторовъ отправили по областямъ для ревизіи губернской администраціи, выясненія нуждъ мѣстнаго населенія. Предполагалось расширить права мѣстнаго и городского самоуправленія, дать болѣе свободную организацію высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Лорисъ-Меликовъ облегчилъ положеніе литературы: мысли и рѣчи стали нѣсколько свободнѣй, и въ обществѣ оживились ожиданіемъ,—не будетъ ли конституціи? Явились министры, прислушивавшіяся къ мнѣнію общества. Одно время думали, что Лорисъ-Меликовъ готовитъ проектъ государственной реформы. Впослѣдствіи оказалось, что онъ составилъ только проектъ коммиссіи, въ которую губернскія земства и думы большихъ городовъ должны были послать по 1—2-мъ выборнымъ; правительство же пригласитъ въ нее особыхъ „свѣдущихъ" людей по своему выбору. Комиссія должна разсматривать матеріалы для заготовленія законовъ; она можетъ только давать совѣты. Сгоряча и это маленькое нововведеніе русское общество готово было назвать конституціей. То была маленькая уступка, посредствомъ которой надѣялись успокоить недовольныхъ и взять въ свое вѣдѣніе общественное движеніе. Утромъ 1-го марта 1889 г. государь одобрилъ проектъ и распорядился его опубликованіемъ; но раньше назначилъ окончательный пересмотръ его на 4-ое марта въ комитетѣ министровъ. Проектъ остался неподписаннымъ: Александръ II погибъ 1-го марта.

Какъ ни привыкли русскіе люди къ взрывамъ и покушеніямъ, но событіе 1-го марта потрясло и изумило ихъ. Верховная власть была еще такъ могущественна, и вдругъ не сумѣли уберечь ея высшаго представителя! Общество не могло себѣ представить, чтобы такая побѣда революціонеровъ не имѣла крупныхъ послѣдствій: ожидали народныхъ волненій и уступокъ отъ правительства, обнародованія конституціи, созыва земскаго собора. Но никакихъ волненій не произошло: народъ отнесся къ событію сдержанно, съ какой-то тихой грустью. Многомилліонная масса опять оказалось слабой, неподготовленной къ политическимъ движеніямъ. Горячо разсчитывавшіе на ея поддержку, революціонеры обратились къ новому императору Александру III съ письмомъ въ почтитель-

номъ тонѣ; они обрисовали тяжелое положеніе народа и указывали, что мирный переходъ къ лучшему возможенъ, если верховная власть сама обратится къ народу, созоветъ представителей отъ всего населенія на всенародное собраніе, объявитъ амнистію осужденнымъ по политическимъ дѣламъ и дастъ свободу собраній и слова.

Молчалъ не только страдающій народъ; земскіе и городскіе дѣятели не могли проявлять энергіи въ эти рѣшительные дни, хотя на земскихъ собраніяхъ и поговаривали о расширеніи правъ выборныхъ, о введеніи самоуправленія въ странѣ. Разбросанные по странѣ безъ постоянныхъ реальныхъ связей, безъ власти въ рукахъ, они могли бы проявлять энергію только въ поддержкѣ и развитіи исходившаго изъ центра почина. Но починъ не состоялся.

Манифестъ по восшествіи на престолъ императора Александра III какъ будто поддержалъ ожиданія общества, обѣщая, что правительство намѣрено исключительно заниматься дѣлами внутренняго устроенія. Съ послѣдними проектами покойнаго государя справлялись, какъ бы намѣреваясь руководствоваться ими. А между тѣмъ и какъ бы выжидали, приглядывались, насколько будетъ спокоенъ народъ. Около императора явились близкими совѣтниками извѣстные консерваторы, противники многихъ реформъ Александра II-го, не допускавшіе ни малѣйшаго нарушенія порядковъ самодержавнаго строя. Только 27 апрѣля неожиданно вышелъ новый манифестъ, объявившій, что государь намѣренъ „стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народа отъ всякихъ на нее поползновеній“.— Это было рѣшительное возвращеніе къ старинѣ. Лорисъ-Меликовъ и три близкихъ къ нему министра, ничего не знавшіе, какъ подготовлялся манифестъ, немедленно вышли въ отставку. Россіи предстояло пережить новую эпоху мрачной обособленности и застоя.

Впрочемъ, общественное возбужденіе не такъ скоро улеглось; земства еще роптали на безправіе общества; въ журналахъ и газетахъ еще твердо подчеркивали необходимость продолжать и дополнять реформы Александра II-го. Само правительство еще соглашалось на приглашеніе свѣдущихъ людей изъ провинціи въ нѣкоторыя комиссіи. Но громко раздавались и другіе голоса: необходимо повсюду укрѣпить власть администраціи, которая расшатана; въ царствованіе Александра II-го Россія была жертвою самоуправствъ; власть увлекалась ограниченными монархіями запада и стушевалась. „Пора назадъ, домой, къ забытымъ русскимъ началамъ“ — кричали стародумы. Совѣтовали даже перенести столицу въ Москву.

Строгости начались съ печати: много газетъ позакрыли; оставшимся приходилось говорить очень осторожно, обиняками, какъ до Александра II-го. Разныя временныя правила очень искажали законы о печати 1864 г. Установленныя временно, они тѣснятъ нашу литературу и въ началѣ XX-го вѣка. Администрація распоряжалась ею, какъ хотѣла. Газеты не смѣли писать о студенческихъ волненіяхъ, о голодѣ, о холерѣ и т. д. Каждый министръ дѣйствовалъ по-своему: что̀ одинъ позволялъ писать относительно своего вѣдомства, то другой запрещалъ.

Правительство начинало принимать особенно тщательныя мѣры къ

охраненію своихъ представителей. Въ августѣ 1881 вышло изумившее русское общество положеніе объ усиленной охранѣ. Въ его статьяхъ заботы о неприкосновенности администраціи побуждали забывать о силѣ общихъ законовъ. Кромѣ полиціи явной и тайной, кромѣ жандармовъ, учреждался особый штатъ наблюдателей и охранителей, особенно властный въ Петербургѣ. Новыя постановленія позволяли стѣснять гражданскую свободу жителей до очень тяжелыхъ предѣловъ. Губернаторы и градоначальники со введеніемъ усиленной, а тѣмъ болѣе чрезвычайной охраны получили право запрещать всѣ собранія, арестовывать, лишать должности и высылать, предавать военному суду, закрывать учебныя заведенія; жители и вѣдомства отдавались во власть одного администратора; обычная жизнь нарушалась. Усиленная охрана устанавливалась на годъ, чрезвычайная на $^1/_2$ года, но срокъ обыкновенно возобновлялся; разъ установленная въ Петербургѣ она длится до сего времени.

Вскорѣ затѣмъ тяжелые путы налегли и на народное образованіе; его желали понемногу отобрать изъ вѣдѣнія земствъ и городского управленія. На первый разъ предложили земствамъ не стѣснять крестьянъ въ открытіи какихъ угодно школъ, хотя бы самыхъ маленькихъ и въ приглашеніи всякихъ учителей. Ссылаясь на бѣдность крестьянъ, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило имъ по сельскому приговору нанимать по старому въ учителя солдатъ, дьячковъ, ремесленниковъ; ихъ обученіе по очереднымъ избамъ именовалось „школами грамоты" и состояло подъ надзоромъ мѣстнаго инспектора училищъ. Мудрено себѣ представить, какъ могъ чиновникъ направлять безтолковое преподаваніе и за чѣмъ онъ наблюдалъ въ такой школѣ. Однако, земства соблазнялись дешевизной такого обученія и закрывали свои благоустроенныя школы, уступая мѣсто „школкамъ", а этого и нужно было консерваторамъ. Эти послѣдніе усиленно проповѣдывали, что ради возвращенія къ русскимъ началамъ необходимо передать обученіе народа въ вѣдѣніе церкви, духовенства; только церковная школа можетъ быть истинно русской народной, свѣтская же—измышленіе невѣрующей интеллигенціи, чужда народа. Синоду стали передавать большія суммы на открытіе большихъ и малыхъ школъ.

Одни земства защищали свои школы отъ вліянія церковнаго вѣдомства; другія политично примирялись съ существованіемъ церковныхъ школъ и рядомъ съ ними содержали свои. Но то было тяжкое, вымученное примиреніе. Сокращалось вліяніе выборнаго самоуправленія на народное образованіе, задерживалось и развитіе просвѣщенія. Воскресныя школы для взрослыхъ отданы были въ вѣдѣніе духовенства, и въ нихъ обязаны были преподавать только грамоту по книгамъ и учебникамъ дѣтскихъ школъ. Преподаваніе и въ тѣхъ, и въ другихъ крайне стѣснялось; оно сосредоточивалось на узкой формальной выучкѣ, на правописаніи, славянской и русской грамматикѣ; образовательныя чтенія сокращались до упраздненія. Лучшіе учебники 60-хъ гг., составленные въ пору оживленія общественной мысли, изгонялись изъ школъ. Новыя правила сузили жизнь публичныхъ библіотекъ и народныхъ читаленъ: множество прекрасныхъ популярныхъ изданій изъяли изъ обращенія. Открывать воскресныя школы, народныя читальни и чтенія для народа стало необыкновенно трудно: на каждый отдѣльный случай требовалось испрашивать со-

гласія по крайней мѣрѣ 3-хъ министровъ. Тяжкіе уроки Крымской войны были совершенно забыты: власти снова крѣпко держались мнѣнія, что народъ можетъ благоденствовать и поддерживать сильное государство безъ свободнаго развитія дѣятельной мысли, безъ соотвѣтствующаго жизненнымъ потребностямъ просвѣщенія. Страшный голодъ 1891 г. едва-едва заронилъ искорку сознанія, что народная масса несчастна и безпомощна экономически и духовно; да и то встряхнулась и стала дѣятельнѣе болѣе грамотная часть общества.

На ряду съ народной школой реакція отразилась на высшемъ образованіи, особенно на едва начавшемъ налаживаться женскомъ. Ради возстановленія истинно-русскихъ началъ нашли нужнымъ побудить дѣвушекъ жить въ своихъ семьяхъ, подальше отъ грубой распущенности студенческой жизни. Самая польза высшаго образованія женщинъ подверглась сомнѣнію; въ 1882 г. прекратили пріемъ на женскіе медицинскіе курсы, а въ 1886 г. и на всѣ высшіе общеобразовательные. Къ 1888—9 гг. всѣ эти учрежденія, содержавшіяся на счетъ общества, прекратили свое существованіе. Только въ Петербургѣ разрѣшили вновь пріемъ на женскіе курсы, подчинивъ ихъ строгому надзору министерства и обставивъ ихъ существованіе довольно стѣснительными условіями. Программы женскихъ гимназій были признаны слишкомъ обширными для женщинъ, и ихъ въ значительной степени сократили. Только къ началу новаго вѣка проявился нѣкоторый поворотъ къ лучшему въ дѣлѣ женскаго образованія.

Начатый еще при Александрѣ II пересмотръ устава университетовъ разрѣшился ихъ реформой въ 1884 г. Всѣ начатки самоуправленія по уставу 1863 г. были отмѣнены. Ректора, профессора, всѣ должностныя лица назначались министерствомъ; составляемое изъ назначенныхъ лицъ правленіе вѣдало дѣла университета. Студенты подчинялись инспекторамъ, своего рода внутренней полиціи университета. Права для службы получали по особому государственному экзамену. Евреевъ допускали только въ ограниченномъ числѣ какъ въ высшія, такъ и въ среднія учебныя заведенія. Всякіе кружки, общества, собранія студентовъ, кромѣ чисто ученыхъ, строго преслѣдовались. Приблизительно по такимъ же правиламъ измѣнились порядки и въ спеціальныхъ учрежденіяхъ. Студенты всѣхъ вѣдомствъ обязаны были носить форменныя платья. Преподаваніе общественныхъ и историческихъ наукъ было крайне стѣснено.

Новый уставъ дорого обошелся русской наукѣ. Много выдающихся ученыхъ не могли примириться съ полновластіемъ чиновниковъ, уѣзжали за границу, покидали преподаваніе; способные юноши, проявлявшіе свободомысліе, не допускались до преподаванія. Наука лишилась общепросвѣтительнаго значенія; ученые отдѣлились отъ жизни и волей-неволей работали надъ отвлеченными вопросами.

Очень тяжело отразились 80-ые гг. на военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Военныя гимназіи Александра II, которыя были приближены къ гражданскимъ и умѣли привлекать къ себѣ лучшихъ преподавателей, преобразовались въ корпуса, какіе существовали при Николаѣ I. Военныя упражненія опять выступили на первый планъ, общимъ образованіемъ стали пренебрегать. Опять приняли за правило, что военныхъ людей надо воспитывать подъ покровомъ особой дисциплины, свойственной исключительно военному быту.

Такъ новая администрація прежде всего постаралась усмирить мысль въ странѣ, и наложила тяжелые путы на умственную жизнь всѣхъ слоевъ ея населенія.

Затѣмъ постепенно сокращалось дѣйствіе реформъ Александра II.— Стремленіе всѣми мѣрами возстановить значеніе дворянства, снова подчинить его вліянію крестьянъ было проявлено съ начала царствованія. Однако, первыя 6—7 лѣтъ еще заканчивали и проводили въ жизнь мѣры, задуманныя при Александрѣ II. Выкупные платежи крестьянъ за ихъ надѣлы были понижены, учрежденъ крестьянскій банкъ, введены должности податныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, установлены налоги на процентныя бумаги, наслѣдства; особенно важны были—отмѣна подушной подати и законы относительно найма фабричныхъ рабочихъ и ихъ труда; разрѣшены были переселенія земледѣльцевъ.

На ряду съ этимъ въ комиссіяхъ и министерствахъ готовились узаконенія, подчинявшія мѣстное самоуправленіе строгому надзору государственной администраціи. Въ 1889 вполнѣ открылось торжество администраціи надъ обществомъ. Дѣятельность выборныхъ мировыхъ судей въ деревняхъ была прекращена; особые земскіе начальники учреждались для суда и расправы главнымъ образомъ надъ крестьянами. Назначенные администраціей, они являлись въ деревняхъ представителями твердой правительственной власти, которой давно жаждали помѣщики и поклонники строгой старины. На земскихъ начальниковъ законъ возложилъ массу дѣлъ; они были и судьи, и администрація надъ волостными правленіями, и полиція, и карательная власть; присутствовали они и на земскихъ собраніяхъ. Судили они упрощеннымъ порядкомъ, наказывали своею властью, практикуя и сѣченіе; они могли вмѣшиваться во всѣ дѣла и порядки крестьянской жизни. Смѣшеніе въ ихъ лицѣ суда съ административной и полицейской властью подрывало значеніе судебныхъ уставовъ Александра II и укрѣпляло безправіе крестьянъ. Правда, земскіе начальники подчинялись уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ, но присутствовавшіе на нихъ губернскіе чины поддерживали ихъ. Мировые судьи по выбору сохранились только въ большихъ городахъ. Уѣздные города тоже подчинялись земскимъ или имѣли особыхъ городовыхъ судей.

Черезъ годъ было измѣнено и земское положеніе. Число гласныхъ, особенно изъ крестьянъ, значительно сократилось (евреевъ совсѣмъ не позволяли выбирать); на губернскія земскія собранія явились, какъ обязательные члены, уѣздные предводители дворянства, головы уѣздныхъ городовъ, — все представители состоятельнаго класса. Дѣятельность земствъ подчинилась бдительному надзору губернаторовъ. Они провѣряли правильность выборовъ, пользу для населенія и правильность постановленій земскихъ собраній, и послѣднія лишались всякой самостоятельности. Губернаторы утверждали въ должности членовъ земскихъ управъ, которые теперь получали чины и считались на службѣ государства, какъ чиновники. Губернскія по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія гдѣ засѣдаютъ губернскіе чины, слѣдятъ теперь за каждымъ шагомъ земскихъ дѣятелей. Только среди упорной борьбы со всякими стѣсненіями земства могли что-нибудь дѣлать на пользу населенія. Они постоянно устраивали статистическія изслѣдованія положенія крестьянскихъ хозяйствъ; но ихъ статистиковъ и агрономовъ очень часто обвиняли въ неблагона-

дежности, лишали мѣстъ, высылали. Въ началѣ XX в. стѣсненія только усиливались. У земствъ отняли право расходовать продовольственные капиталы, которые всецѣло отошли въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, назначили предѣльный размѣръ, выше котораго земства не могли поднимать сборовъ съ населенія на свои земскіе расходы. Это ограничивало развитіе земскаго хозяйства, а слѣдовательно и ростъ всей земской дѣятельности. Финансовое вѣдомство видимо старалось взять въ свое распоряженіе всѣ средства народа. Расходы государства въ эту пору достигали громадной цифры.

Въ 1892 г. наложили усиленную опеку и на городское самоуправленіе; за его дѣятельностью зорко слѣдятъ мѣстныя присутствія по городскимъ дѣламъ, состоящія при губернаторахъ и градоначальникахъ. Число гласныхъ думъ значительно уменьшено, даже въ столицахъ; во многихъ уѣздныхъ городахъ введено упрощенное управленіе городскихъ старостъ. Столичныя думы выбираютъ только кандидатовъ въ головы, назначаетъ же изъ нихъ голову государь. Городское управленіе лишилось всякой самостоятельности. Года два тому назадъ ввелся, начиная съ Петербурга, новый порядокъ выборовъ,—въ нихъ получили право участвовать наниматели большихъ квартиръ, какъ плательщики налоговъ на ряду съ собственниками домовъ и лавокъ; но это не прибавило свободы дѣйствій думѣ. Втайнѣ среди сановниковъ сильно толковали о полной отмѣнѣ выборнаго земскаго управленія; оно мѣшало бюрократіи; одно существованіе дѣятелей по свободному выбору населенія рядомъ со строгой іерархіей большихъ и малыхъ чиновниковъ, привыкшихъ распоряжаться страной, вносило какую то чуждую ноту, нарушавшую бюрократическое цѣлое. Бюрократія въ 60-хъ годахъ вынуждена была въ виду сложности дѣлъ уступить часть ихъ вѣдѣнію мѣстныхъ обществъ. Теперь она принимала всѣ мѣры, чтобы высшее руководство ими и самое тщательное наблюденіе отнюдь не ускользали отъ нея. Получались такіе диссонансы и тренія, что министръ финансовъ Витте былъ вполнѣ логиченъ, когда доказывалъ, что земскія учрежденія несовмѣстимы съ самодержавіемъ, что одинъ принципъ непремѣнно долженъ подрывать другой, и потому ради сохраненія самодержавія со всѣми прерогативами нужно прекратить дѣятельность земствъ; или же наоборотъ, развивать выборное начало до политическаго представительства.

О прогрессивныхъ мѣрахъ не смѣли и мыслить, но и на рѣзкую отмѣну реформы прошлаго царствованія не могли рѣшиться; все-таки земское дѣло занимало много умовъ, которые, оставшись безъ дѣла, были бы опасной силой при политическомъ броженіи. Николаевскія времена прошли безвозвратно. Русскіе дѣятели ознакомились съ силою гласности, съ бодрящимъ вліяніемъ публичнаго веденія дѣлъ и контролемъ общественнаго мнѣнія. До 60-хъ годовъ они не имѣли понятія объ этой силѣ, и потому слабыми разрозненными единицами легко терялись въ тискахъ власти. Другой силой являлась печать, журналистика. Изнывая подъ гнетомъ цензуры, особенно въ провинціи, печать все-таки проявляла себя,— умѣла извѣщать, сообщать свѣдѣнія. Губернская администрація уже не могла долго скрывать голодовки, эпидеміи, искажать свѣдѣнія о событіяхъ. Факты, дѣйствительность все-таки всплывали на свѣтъ Божій.

Съ реформъ Александра II кругъ самостоятельныхъ, граждански

развитыхъ людей быстро разростался; а люди, и общества становились другими. Какъ ни росли численностью бюрократія, полиція до низшихъ агентовъ, урядниковъ, стражниковъ, но полная опека надъ многомилліоннымъ населеніемъ не удавалась; самостоятельность и зрѣлость его прорывались наружу.

Очень безпокоило власти обиліе интеллигентныхъ лицъ, являвшихся на службу земскихъ и городскихъ учрежденій. За служащими устанавливали особый надзоръ, часто устраняли со службы. Съ голоднаго 1898—1899 гг. посредствомъ особыхъ коммиссій отбирали изъ вѣдѣнія земствъ такія важныя дѣла, какъ продовольствіе населенія. Особый школьный наказъ лишалъ земство вліянія на школы, которыя оно же учреждало.

Однако нельзя было не видѣть крайняго упадка крестьянскихъ хозяйствъ. Само правительство вынуждено было предложить земцамъ собираться вмѣстѣ съ губернскими чинами и сообща подыскать средства какъ помочь дѣлу. Власти очень желали, чтобы собранія остановились на совѣтахъ, какъ улучшить удобреніе, ввести травосѣяніе и т. п. Но большинство собраній смотрѣло рѣшительнѣй на бѣдность народа; заговорили о безправіи крестьянъ, о гнетѣ администраціи, которымъ они подавлены, о ихъ малоземельи, о невозможности устроить для нихъ хорошія школы; указывали на необходимость коренныхъ реформъ государственнаго строя, отмѣны выкупныхъ, надѣленіе крестьянъ землей и т. д. Многіе земцы поплатились высылками, лишеніемъ службы.

Суды тоже лишились прежней независимости; участіе присяжныхъ засѣдателей при разборѣ дѣлъ очень сократилось. Очень часто дѣла разбирались безъ публики, при закрытыхъ дверяхъ. Политическія дѣла, преступленія по должности, стачки и волненія рабочихъ разбирались особымъ порядкомъ, въ судебной палатѣ при участіи сословныхъ представителей (городской голова, предводитель дворянства, волостной старшина). Консерваторы возмущались судомъ присяжныхъ, считали его опаснымъ въ самодержавномъ государствѣ и несоотвѣтствующимъ малому развитію нашего народа. Гласный судъ, какъ земство, очень желали совсѣмъ отмѣнить, но не рѣшались, опасаясь, что поворотъ назадъ, къ старымъ судебнымъ порядкамъ слишкомъ неудобенъ для европейскаго государства. Судебные уставы портились, измѣнялись по частямъ; власть полиціи и администраторовъ принижала, даже упраздняла значеніе судовъ.

Еще при Александрѣ II послѣ польскаго возстанія проявлялись большія заботы къ обрусѣнію инородцевъ. Въ Польшѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ вводили усиленное обученіе русскому языку; въ административныхъ учрежденіяхъ дѣлопроизводство должно было производиться по-русски. Самостоятельная литература, культурныя начинанія на чужомъ языкѣ такъ тѣснились, что антипатія къ русской культурѣ и преданность къ своей національной только усиливались.

Со времени полной реакціи находили, что при Александрѣ II все русское было въ загонѣ, и приложили удесятеренное стараніе къ руссофикаціи инородцевъ. Особенное вниманіе обратили на евреевъ, а затѣмъ на Финляндію. Евреи тѣснѣйшимъ образомъ замыкались въ западныхъ губерніяхъ, въ чертѣ осѣдлости; изъ другихъ мѣстъ имперіи ихъ удаляли; только служащіе, окончившіе высшія учебныя заведенія,

обладатели торговыми и промышленными фирмами и т. п., пользовались привилегiей выбирать мѣсто жительства

Послѣ 1809 г. Финляндiя жила тихою внутреннею жизнью подъ управленiемъ сената и мѣстной администрацiи, руководившихся старыми обычаями. Сеймъ ни разу не собирался съ 1809 г. до 1863 г. Но за эти годы населенiе достигло нѣкотораго благосостоянiя и высокой степени культурности. Въ немъ развилось нацiональное самосознанiе; начала развиваться литература на финскомъ языкѣ. Въ 1863 г. Александръ II лично открылъ сеймъ, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ правильно созываться. Управленiе, школьное дѣло реформировались; политическая и общественная жизнь быстро пошли впередъ; благосостоянiе и культура очень повысились. Перемѣна царствованiя не сразу повлiяла на жизнь Финляндiи. Съ 1890 г. были прiостановлены нѣкоторыя намѣченныя небольшiя реформы; и затѣмъ съ каждымъ годомъ усиливались стѣсненiя самостоятельнаго быта, который казался слишкомъ опаснымъ вблизи столицы. Съ 1899 г. сокращена самостоятельность въ военномъ дѣлѣ. Назначенному ген.-губернаторомъ ген. Бобрикову предстояло энергично подчинять Финляндiю господствующимъ въ Россiи административнымъ порядкамъ и съуживать власть мѣстнаго сената.

Въ еще болѣе тяжеломъ положенiи къ началу XX в. оказались народности Кавказа; тамъ разжигалась вражда и соперничество между различными народностями, а незаконченныя земельныя реформы, вызванныя отмѣной крѣпостного права, возбуждали недовольство и волненiя среди низшихъ классовъ.

Генералъ-губернаторы и другiе мѣстные администраторы получали огромное политическое значенiе; ихъ властью и предусмотрительностью сдерживалась въ извѣстныхъ рамкахъ общественная жизнь. Вообще значенiе личности начальника возвысилась, какъ никогда. Для того, чтобы свободнѣе руководить страной, администрацiи необходимы были свободныя средства. Отсюда первенствующее влiянiе министерства финансовъ и денежнаго хозяйства.

XLVII.

Финансы. Торговля. Землевладѣнiе. Крестьянскiй и дворянскiй банки. Рабочiе.

Въ 1881 г, расходы государства исчислялись въ 713 миллiоновъ рублей. Министромъ сдѣлался честный, высоко-образованный профессоръ Бунге. Ему была предписана строгая экономiя въ расходахъ, заботы объ облегченiи платежнаго бремени бѣднѣющаго народа, объ улучшенiи земледѣлiя и промышленности. При немъ быстрый ростъ расходовъ казны дѣйствительно прiостановился лѣтъ на 7, 8; но и съ его экономiей каждый годъ оказывался перерасходъ. Повидимому, содержанiе огромнаго государства стоило слишкомъ дорого народу-бѣдняку. Правда, при этомъ министрѣ было предпринято много важныхъ мѣръ, отразившихся на доходахъ казначейства. Отмѣнили подушную подать, только въ Сибири оставленную еще на 10 лѣтъ, подготовили выкупъ въ казну русскихъ

желѣзныхъ дорогъ. Была сдѣлана попытка обложить налогами состоятельныхъ людей въ видѣ сборовъ съ торгово-промышленныхъ заведенiй, наслѣдствъ, съ процентныхъ бумагъ; но все это было мелочью сравнительно съ платежами народной массы. Важно было, однако, то, что государство признало нужнымъ измѣнить старый порядокъ обложенiя одного низшаго класса. Въ виду огромной нужды крестьянъ въ землѣ учрежденъ былъ крестьянскiй банкъ.

Стремясь поддержать отечественныя промышленность и торговлю, старались устроить такъ, чтобы изъ Россiи вывозили больше товаровъ, а иностранныхъ ввозили и покупали меньше; такимъ путемъ разсчитывали скоплять побольше денегъ внутри страны. Ввозныя пошлины на иностранные товары все повышали, чтобы провозить и покупать становилось все менѣе и менѣе выгоднымъ. Особенно много стали вывозить за границу главный товаръ Россiи—хлѣбъ. Это оживляло торговлю. Тѣмъ не менѣе разумные люди напоминали, что народъ питается не деньгами, а хлѣбомъ; народу помогаютъ распродавать то, что̀ ему необходимо, ввозятся же деньги, которыя остаются на рукахъ промышленниковъ и казны. Послѣ прекраснаго урожая 1887 г. крестьяне распродали скупщикамъ массу хлѣба. Въ эту пору за границей былъ сильный неурожай, спросъ на нашъ хлѣбъ былъ громадный. Пользуясь этимъ, промышленники вывезли за границу еще неслыханное въ нашей торговлѣ количество хлѣба. Масса денегъ притекла въ Россiю, цѣлый „золотой дождь". Иностранныя государства стали оказывать довѣрiе русской казнѣ.

Какъ разъ въ эту пору Бунге смѣнилъ другой министръ, большой покровитель крупной промышленности. Теперь задались цѣлью обогатить Россiю посредствомъ смѣлой конкуренцiи съ иностранными капиталистами. Не внизъ—на народъ и деревни смотрѣли изъ министерства финансовъ, а вверхъ — на заводчиковъ и миллiонеровъ, которые могли лицомъ показать образованной Европѣ успѣхи русской промышленности. Пошлины на ввозъ иностранныхъ товаровъ еще подняли, а отправку русскаго хлѣба еще облегчили. Хлѣбъ стали вывозить еще большими массами. Отъ 300 до 400 мил. рублей лишняго сравнительно съ прежними доходами входило теперь въ Россiю. Этими средствами выплачивали проценты по займамъ казны за границей, а на значительную часть прiобрѣтали золото. Министръ нашелъ, что при такомъ запасѣ денегъ можно отмѣнить нашъ старый счетъ на серебро и бумажныя кредитки и перейти къ счету на золото, какъ это дѣлается во всемъ просвѣщенномъ мiрѣ. Къ тому же самое серебро, какъ металлъ, очень подешевѣло и расчитываться имъ становилось невыгоднымъ, поэтому цѣлый рядъ государствъ: Австрiя, Японiя, Индiя и республики южной Америки перешли къ золотой валютѣ. Еще въ теченiе выгоднаго для торговли 1887 г. сдѣлали первый шагъ по введенiю золотой монеты: объявили, что 1 р. 50 коп. кредиткой и мѣдью равны 1 р. на золото; это устанавливало твердую цѣну золотой монетѣ. Затѣмъ понемногу накопляли золото въ подвалахъ государственнаго казначейства, а съ процентными бумагами такъ устраивались, чтобы платить по нимъ по возможности не болѣе 4%. Свои денежныя дѣла, займы, продажу процентныхъ бумагъ стали вести въ Парижѣ съ французской биржей, а не въ Берлинѣ, какъ прежде. Французы очень богаты капиталами и охотно даютъ ихъ за небольшіе проценты.

Въ эту пору правительство республики охотно шло на сближеніе съ Россіей и не прочь было отъ политическаго союза. Послѣ войны 1877 г. торговыя сношенія съ Англіей очень сократились. Она потеряла вѣру въ политическую силу Россіи, а стремленіе правительства руководить промышленностью не соотвѣтствовало характеру англійской торговли, правильно развиваемой народными силами. Наши руководители заботились о привлеченіи денегъ; ихъ доставляла Франція, съ которой у Россіи не было политическаго соперничества; французскія ссуды избавили ее отъ давленія Англіи и Германіи. Отдалилась Россія и отъ Сѣв. Америки; торговля съ нею не развивалась. Теперь руководители русской политики, свободнѣй располагая средствами, брали на себя огромную отвѣтственность за послѣдствія. Врядъ ли когда въ Россіи такъ смѣло и открыто обходили и нарушали законы, какъ это дѣлалось вѣдомствомъ финансовъ съ конца XIX-го в.; въ этомъ смыслѣ оно оказывало пагубное вліяніе на администрацію.

Вообще дѣятельность министерства финансовъ становилась очень широкой; оно забирало въ свои руки много промышленныхъ предпріятій; за большія деньги выкупало оно желѣзныя дороги у строившихъ ихъ частныхъ обществъ, новыя же линіи проводились самимъ правительствомъ; оно же помогало учреждать заводы, готовившіе рельсы, паровозы, все необходимое для желѣзныхъ дорогъ. По видимости за границей могли думать, что Россія необычайно богатѣетъ; въ дѣйствительности жизнь самой народной массы ухудшалась. Подати и недоимки взыскивались нещадно, а это заставляло спѣшно распродавать и тотъ хлѣбъ, который былъ необходимъ для пропитанія семей. Въ деревнѣ не оставалось никакихъ хлѣбныхъ запасовъ; поставщики дешеваго хлѣба для иностранцевъ, русскіе крестьяне, сами недоѣдали. Денегъ у нихъ тоже не накоплялось. Продавали хлѣбъ осенью, когда онъ особенно дешевъ и часто прикупали весной, когда онъ дорожалъ. Кромѣ того, хотя старыя подати и отмѣняли, но зато такъ называемые косвенные налоги—на вино, чай и другіе предметы, необходимые въ домѣ — все росли и дѣлались крайне тяжелыми для бѣдняковъ.

Первое тяжелое испытаніе разрушило видимость благополучія: неурожай 1891 г. создалъ огромное, непоправимое бѣдствіе, страшное тѣмъ, что о немъ не скоро осмѣлились говорить открыто. Ничего не успѣли во-время заготовить въ помощь населенію.

Съ осени крестьяне уже распродали задешево скотъ и все-таки не успѣвали во время посѣяться: не остановили во-время вызовъ за границу послѣднихъ остатковъ хлѣба. Зато зимой пришлось затратить всѣ сбереженія казны на поддержку голодающаго населенія, а чтобы пополнить затраты и огромные недоборы, сдѣлали новые займы за границей и новый выпускъ кредитныхъ билетовъ внутри страны.

Огромныя недоимки за бѣдственный годъ и долги за продовольственную ссуду тяжко легли на крестьянское хозяйство.

Министерство финансовъ, однако, не измѣнило своей политики. Министромъ сталъ Витте и повелъ дѣло еще рѣшительнѣе. Подати собирали и за тяжкій 1891 г., косвенные налоги еще повысили, а очень выгодную винную торговлю рѣшили взять въ вѣдѣніе казны.

Съ 1890 года ежегодные расходы государства превысили милліардъ

рублей и послѣ голоднаго года продолжали расти еще быстрѣе. Какъ разъ въ 1891 г. заложили громадную и дорогую Сибирскую желѣзную дорогу. Не жалѣли мѣръ, чтобы увеличивалось число фабрикъ и заводовъ.

Въ 1891 г. наша сосѣдка Германія и нѣкоторыя другія страны стремились улучшить свое сельское хозяйство; ради этого онѣ обложили высокими пошлинами ввозъ чужого хлѣба. Въ отвѣтъ на эту невыгодную для русской торговли мѣру, у насъ подняли пошлины на товары этихъ странъ. Иные товары стали такъ дорого обходиться при провозѣ въ Россію, что ихъ не стоило ввозить. Русскимъ потребителямъ приходилось покупать издѣлія своихъ заводовъ и фабрикъ, болѣе дешевыя, но и худшаго качества. Дѣлая невыгоднымъ ввозъ заграничныхъ стальныхъ издѣлій, побуждали нашихъ капиталистовъ обрабатывать желѣзо въ Россіи, учреждать новые заводы. Но бѣдные деньгами русскіе покупатели, особенно крестьяне, нуждались въ дешевыхъ и прочныхъ машинахъ для своихъ хозяйствъ, и скорбѣли о дороговизнѣ заграничныхъ издѣлій. Недовольство бывало такъ сильно, что министерство не всегда рѣшалось настолько возвышать пошлины на машины, какъ бы этого желали наши заводчики. Вывозъ хлѣба по прежнему поддерживался ради денежныхъ оборотовъ. Приливъ денегъ употреблялся на умноженіе фабрикъ и заводовъ. Оказались средства и на введеніе золотой монеты. Въ 1895 г., чтобы пріучить населеніе къ новой монетѣ были выпущены золотые одного размѣра со старыми 10 рубл. имперіалами, но на нихъ значилось 15 рубл., а на полуимперіалахъ — 7 р. 50 к. (равнялись 20 франковикамъ); это напоминало, что 1 р. золотомъ равенъ 1 р. 50 кредитнымъ; а затѣмъ, перешли къ современнымъ меньшимъ монетамъ въ 5 и 10 руб. Но денежная реформа сама по себѣ не обезпечивала правильнаго развитія благосостоянія: золото постоянно стремилось въ болѣе сильныя промышленныя страны; чтобы задерживать золото въ Россіи приходилось увеличивать вывозъ ея товаровъ, хотя бы нужныхъ своему населенію; и министерство осталось вѣрно этой политикѣ.

Наша фабрично-заводская промышленность быстро росла до 1900 г., а затѣмъ начала сильно падать. Въ эту пору въ міровой торговлѣ произошелъ застой въ дѣлахъ; товару требовалось гораздо меньше, чѣмъ его заготовляли; главная же причина заключалась въ томъ, что русское крестьянство слишкомъ обѣднѣло, чтобы покупать свои же дешевые товары. Когда заводы и фабрики росли точно изъ неисчерпаемыхъ милліоновъ, въ деревняхъ наростали недоимки; съ 1880 по 1898 г. сумма ихъ больше чѣмъ удвоилась.

Если мы разсмотримъ, сколько приходится на одного жителя изъ годового расхода европейскихъ государствъ, то окажется, что расходъ русскаго сравнительно невеликъ. На каждую душу населенія во Франціи приходится 33 р., Пруссіи—30 р., Англіи—29 р., Австріи—23 р., Испаніи—21 р., Голландіи — 20 р. 44 к., Италіи — 20 р. Норвегіи — 19 р., Даніи—15 р., Швеціи—12 р., Россіи только 11 р., это за 1897 г. Теперь, когда расходъ увеличился значительно, эта сумма повысилась.

Дороже всѣхъ обходится французу его республика, а русскому дешева его монархія. Но эта дешевизна призрачна: — тутъ важна не затрата. Французу-плательщику государство возвращаетъ его затраты, доставляя ему облегченія въ его трудѣ, заработки, разныя удобства жизни,

У насъ бѣдняки не видятъ удобствъ. Наша деревня, по отзывамъ иностранцевъ, живетъ той простой, грубой жизнью, какъ въ Европѣ жили лѣтъ 500 тому назадъ. При бѣдности народа государство обходится ему очень дорого. Во Франціи за 50 лѣтъ приходъ и расходъ государства увеличивался на $2^1/_2$ раза, приблизительно настолько же выросъ онъ и въ Англіи. За тѣ же 50 лѣтъ приходы и расходы Россіи выросли въ 9 разъ; и это только къ 1897 г., когда расходы достигли $1^1/_2$ милліарда рублей: къ 1904 они превысили 2 милліарда, Страшно становилось за будущее государства, гдѣ народъ голодаетъ, промышленность падаетъ, а казна забираетъ изъ народа все больше и больше средствъ; народъ несетъ непосильные расходы молча, не имѣя права освѣдомляться даже, какъ и на что тратятся средства его казны. Съ 1902—3 гг. многіе съ замираніемъ сердца ожидали первой неудачи, перваго бѣдствія, боясь, что государство, затрачивающее всѣ силы народа, не выдержитъ и разорится. Такимъ испытаніемъ явилась японская война.

Очень важную роль играютъ крестьянскій и дворянскій банки. Когда подготовлялось открытіе крестьянскаго банка съ его отдѣленіями въ губернскихъ городахъ, предсказывали, что онъ окажетъ благодѣянія крестьянамъ. Банкъ открылъ свои дѣйствія въ 1883 г., получивъ изъ казны заимообразно капиталъ, который долженъ былъ вернуть. За 20 лѣтъ дѣятельности онъ выдалъ крестьянамъ ссудъ болѣе чѣмъ на 400 милліоновъ рублей на покупку земель; съ его помощью крестьяне пріобрѣли болѣе 7-ми милліоновъ десятинъ земли. Въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ онъ ежегодно отпускаетъ отъ 50 до 64 милл. и помогаетъ крестьянамъ пріобрѣтать отъ 770 до 881 тыс. десятинъ. На первый взглядъ все шло прекрасно; однако въ результатѣ за это время крестьяне очень обѣднѣли, постоянно ищутъ земли и за огромныя деньги берутъ ее въ аренду. Въ сущности, банкъ не принесъ пользы крестьянской бѣднотѣ. Обязанный вернуть ссуду казнѣ, а затѣмъ оборачиваться своими средствами, этотъ банкъ долженъ былъ дѣйствовать съ коммерческимъ расчетомъ; забывалось, что онъ обязанъ помогать земледѣлію въ государствѣ. Ссуды выдавали на сравнительно недолгіе сроки, а проценты брали большіе; при ссудѣ на 34 года — $7^1/_2$ на 24 года—$8^1/_2$ процентовъ въ годъ; для 80-хъ г.г. прошлаго вѣка это очень высокіе проценты. Особенно тяжело то, что банкъ не выдаетъ въ ссуду всей стоимости выбраннаго крестьянами участка земли, а требуетъ доплаты отъ покупателей не менѣе, какъ на $^1/_4$ цѣны. У наиболѣе нуждающихся въ землѣ крестьянъ не бываетъ наличныхъ денегъ; соблазняясь на покупку, они забирали эту четверть цѣны за огромные проценты у деревенскихъ ростовщиковъ и сразу запутывались въ долгахъ.

Крестьяне такъ стремились добыть земли и такъ плохо высчитывали денежныя условія, что соглашались на что угодно. Первые 3 года они жадно бросались на устраиваемыя банкомъ покупки, и только послѣ опытовъ этихъ лѣтъ познали, какъ тяжелы его проценты. Многіе покупщики отступались отъ начатыхъ сдѣлокъ, бросали дорогіе участки, за которые уже уплатили часть стоимости; многіе не справлялись со взносомъ процентовъ. Руководители банка не могли измѣнить установленныхъ условій ссуды, но ввиду несчастныхъ сдѣлокъ, они просто сократили дѣла и выдачи ссудъ.

Къ 90-мъ гг. государственный банкъ сталъ понижать проценты на свои бумаги до $4^1/_2$ и 4-хъ $^0/_0$; дворянскій банкъ бралъ не болѣе $4^1/_2{}^0/_0$ съ закладывавшихъ имѣнія дворянъ; а крестьяне все платили свои громадные проценты за кровью и потомъ добытыя земельки. Только съ 1895 г. стали сбавлять проценты и въ крестьянскомъ банкѣ до $7^1/_2$, $6^1/_2$ (безъ погашенія долга—$5^1/_2{}^0/_0$). Тогда же ему отпустили для оборотовъ часть крестьянскихъ выкупныхъ суммъ. Банкъ получилъ возможность скупать обширныя имѣнія и распродавать ихъ отъ себя крестьянамъ по участкамъ. Еще черезъ три года проценты сбавили до $4^3/_4$, ссуды начали давать на 55 лѣтъ. Дѣла банка очень оживились: крестьяне выплачивали гораздо легче и аккуратнѣе прежняго. Однако, доплаты въ $^1/_4$ цѣны сохранились, и для бѣдняковъ помощь банка оказывалась попрежнему недоступной.

Въ началѣ XX-го вѣка въ земствахъ и экономическихъ совѣтахъ начали обсуждать положеніе крестьянъ и дѣятельность ихъ банка; доплаты признали крайне вредными, недостойными учрежденія, созданнаго для общегосударственнаго блага. Успѣшно вступать въ сдѣлки съ банкомъ, говорили земцы, могутъ только зажиточные крестьяне. Наши крестьяне живутъ обществами, а покупаютъ земли съ помощью банка въ большинствѣ случаевъ товариществами и одиночками, и это понятно: среди обществъ много слабыхъ хозяевъ; чтобы не отвѣчать за нихъ, сильные сосѣди ихъ обходятъ; если же покупаютъ обществомъ, то даютъ имъ клочки по той суммѣ, какую бѣдняки въ силахъ дать. Значитъ, кто больше нуждается, тотъ меньше земли получаетъ. Обыкновенно зажиточные собираются съ равными силами въ товарищества для покупки земли. Да и тѣмъ изъ нихъ, у кого нѣтъ наличныхъ свободныхъ денегъ, не легко считаться съ банкомъ; для необходимой доплаты приходится закладывать надѣлъ, имущество, занимать, что трудно и дорого въ деревнѣ; и новое хозяйство начинается съ большимъ рискомъ. Дѣйствовать свободно могутъ только денежные крестьяне, но для тѣхъ имѣются частные коммерческіе банки.

Въ этомъ расширеніи землевладѣнія зажиточныхъ людей деревни есть и вредная сторона: денежные люди пользуются случаемъ купить земли про запасъ и сдаютъ ее въ аренду малоземельнымъ бѣднякамъ; своими сдѣлками они поднимаютъ арендныя цѣны, нерѣдко благодаря скупщикамъ въ цѣломъ уѣздѣ растетъ цѣна на землю.

Вообще крестьянскій банкъ, какъ мощный покупщикъ земли въ странѣ, очень помогъ подъему на нее цѣнъ. Въ его оцѣнкахъ и покупкахъ выражалась нужда крестьянъ въ землѣ. Крестьянину нужно земли, сколько хватаетъ въ семьѣ силъ для ея обработки, иначе ему приходится бросать хозяйство и идти на заработки, поэтому онъ готовъ часто платить втридорога. Денежные люди пользуются его жаждой земли и пускаютъ ее въ оборотъ, на сдѣлки, перепродаютъ, играя на цѣнахъ аренды, безмѣрно ее подымаютъ; по доходности земля не стоитъ и половины того, что даетъ крестьянинъ только для того, чтобы не бросить земледѣлія.

Ловкіе дѣльцы, скупивъ имѣнія, продаютъ и сдаютъ усадьбы, сводятъ лѣса, а пустыя площади разбиваютъ на участки и втридорога сдаютъ ближнимъ крестьянамъ. Пустой земли никто не возьметъ, кромѣ крестьянъ; и цѣнность пустой земли растетъ на ихъ счетъ.

Благодаря работѣ крестьянскаго банка, цѣны раздувались безъ всякаго соображенія съ доходностью земли. Въ первые годы его существованія въ плодородной Саратовской губ. десятина стоила отъ 30 до 50 руб., и уже начала дорожать. Съ 1887 г. банкъ сократилъ свои дѣла; тотчасъ цѣны не землю понизились. Когда понизили проценты и банкъ усиленно заработалъ, цѣны стали быстро подниматься, и съ 1903 г. удвоились; пониженіе процентовъ съ лихвой окупалось высотой цѣнъ; между тѣмъ, урожайность земель за это время ослабѣла, ухудшилась; значитъ, вздорожаніе неестественно. Привлекаемые меньшими процентами, крестьяне безстрашно платили по вздутымъ цѣнамъ. Въ итогѣ,—дѣйствуя расчетливо, чтобы не терпѣть убытковъ, какъ всѣ купцы, банкъ работаетъ въ руку продавцовъ земли, а не покупщиковъ. Онъ помогаетъ продавать земли дороже, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ доходности, способствуетъ наживѣ богатыхъ сельскихъ жителей; кто дорого покупаетъ, тотъ старается побольше выручить. Положеніе же бѣдняковъ и малоземельныхъ только ухудшается; за пользованіе землей имъ приходится платить все дороже и дороже, безъ всякой надежды вернуть свои затраты, только чтобы справить подати и не умереть съ голода. Въ заключеніе—невозможное положеніе хозяйства страны.

Большое значеніе имѣлъ и дворянскій банкъ; онъ возникъ позже крестьянскаго—въ 1885 г. и вполнѣ въ духѣ времени реакціи. Онъ имѣлъ цѣлью доставлять дворянамъ возможность добывать деньги для поддержанія своихъ хозяйствъ, а поддержку дворянскихъ имѣній считали важнымъ для государства. Тутъ дѣло сразу поставили иначе. Ссуду давали изъ 5%, а на срокъ 48 лѣтъ слишкомъ не дороже $5^3/_4$%, когда съ крестьянъ брали до 8% въ ихъ кредитномъ учрежденіи, и существовало много бумагъ по 6%. Дворянамъ оказалось выгоднымъ дешево закладывать земли въ своемъ банкѣ, и на полученныя деньги покупать бумаги и акціи, которыя давали хорошіе проценты. Дворянскій банкъ былъ такъ тѣсно связанъ съ государственнымъ, что за всякіе убытки отвѣчалъ послѣдній. Имѣя такую поддержку, дворянскій банкъ постепенно понижалъ проценты для удобства дворянъ; выпустивъ выигрышные билеты, которые очень любитъ наша публика, банкъ получилъ за нихъ 90 милл. доходу и сбавилъ проценты до $4^1/_2$, потомъ до 4%, а къ 1897 и до $3^1/_2$. Чтобы имѣть возможность такъ безпримѣрно удешевлять займы, банкъ продѣлывалъ всякія операціи, даже закладывалъ свои бумаги за границей, хотя правительство находило опаснымъ закабалять русскія земли иностраннымъ капиталистамъ. За послѣдніе годы XIX в. дворяне привыкли забывать про обязательныя для другихъ рыночныя цѣны, биржу и пр. Даже и по малымъ обязательствамъ они постоянно недоплачивали, а банкъ допускалъ массу недоимокъ, и постоянно отсрочивалъ платежи. Легкій способъ займа сталъ такъ увлекателенъ, что нужно или нѣтъ денегъ, а дворяне охотно закладывали совсѣмъ чистыя имѣнія; и чѣмъ меньше брали процентовъ, тѣмъ больше земли шло у нихъ изъ рукъ. Съ 1900 г. въ дворянскомъ и другихъ банкахъ закладывается ежегодно болѣе 20 тыс. имѣній, а къ 1-му іюля 1904 оказалось заложено земель на 2 милліарда 128 милліоновъ.

Вообще оба банка, крестьянскій и дворянскій, помогали казнѣ стянуть въ свои руки богатство страны. Вычислили, что трудъ всего народа или

народовъ, населяющихъ имперію, производитъ хлѣба и другихъ товаровъ на $3^{1}/_{2}$ милліарда рублей; изъ этого количества большая часть, 2 милліарда, оказывается въ рукахъ казны и только $1^{1}/_{2}$ милліарда въ распоряженіи народа. Дѣленіе тяжелое, даже бѣдственное; главная масса народа постоянно сплавляетъ милліарды пудовъ необходимаго для себя хлѣба за границу, продаетъ его очень дешево, въ убытокъ, чтобы дорого, съ оплатой высокихъ пошлинъ, покупать заграничныя машины и др. товары. За пять послѣднихъ лѣтъ XIX в. народъ недополучилъ зерна для пищи милліардъ пудовъ, а хлѣбный отпускъ все увеличивался.

Въ концѣ XIX в. казна захватила въ свои руки торговлю виномъ, руководитъ торговлей сахаромъ, не давая ему дешевѣть, и, наконецъ, положила предѣлъ сборамъ, которые производили земства на развитіе учебнаго дѣла, медицины и пр. Чиновники приставлены ко всѣмъ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ; на ихъ глазахъ все дорожаетъ—чаи, сахаръ, керосинъ,—дешева зато рожь, единственный товаръ крестьянъ, на который они все покупаютъ,

Послѣ крестьянской реформы въ нашей фабрично-заводской промышленности произошла сильная заминка; крѣпостные рабочіе помѣщичьихъ фабрикъ и приписные казенныхъ учрежденій съ освобожденіемъ занялись устройствомъ своихъ новыхъ хозяйствъ и отхлынули отъ промысловъ. Ближе къ 70-мъ гг. они снова стали приливать къ промысламъ, и производства оживились. Теперь, при вольномъ трудѣ, учрежденіе промысловъ совершалось денежными капиталами, и русская промышленность оказалась въ большой зависимости отъ міровой торговли.

Послѣ турецкой войны ярмарки 1878 г. отличались большимъ оживленіемъ; продавцы нажили много денегъ, и въ 1879 и 1880 завели много предпріятій. Но уже съ 1881 г. начинается застой; множество рабочихъ было распущено; заработную плату понижали; это вызвало рядъ стачекъ рабочихъ. Правительство впервые было вынуждено вникнуть въ ихъ положеніе; съ тѣхъ поръ возникъ „рабочій вопросъ". Правда къ нему уже готовились,—въ 1882 г. учредили должность фабричныхъ инспекторовъ и при министрѣ Бунге начали вводить правила по найму и содержанію рабочихъ. До тѣхъ поръ предприниматели свободно распоряжались ими и противились всякому вмѣшательству.

Однако, еще съ 60-хъ гг. выразилось различное отношеніе къ рабочимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ центральной области вокругъ Москвы и на Уралѣ на фабрикахъ и заводахъ работали крестьяне тѣхъ же губерній: въ большинствѣ они со своими семьями продолжали вести сельское хозяйство, а промышленный трудъ являлся для нихъ пособіемъ: въ силу этого они могли соглашаться на пониженную плату, на прижимки хозяевъ. На Уралѣ, гдѣ много казенныхъ заводовъ, и до сей поры существуетъ много старыхъ порядковъ въ производствахъ. Не то около Петербурга, Варшавы, вообще на западѣ Россіи. Петербургская губернія не густо населена и нуждается въ пришлыхъ рабочихъ; приходящимъ издалека нужно платить больше; а за высшимъ заработкомъ идутъ лучшіе рабочіе. Болѣе дорогія, петербургскія фабрики обзаводятся лучшими машинами. Здѣсь не нуждаются въ ночной работѣ, которая выгодна тамъ, гдѣ рабочіе берутъ дешево. На западѣ стараются работать днемъ, дорожатъ хорошими рабочими, готовы на сокращеніе жен-

ской и дѣтской работы и на всякія улучшенія. Въ московскомъ центрѣ много работаютъ по ночамъ, держатъ много малолѣтнихъ, не замѣняя ихъ труда машинами.

Московское купечество долго и упорно не допускало стѣсненій хозяевъ, гордо именовало себя „всероссійскимъ“, доказывало, что вмѣшательство властей подорветъ промышленность; своими дешевыми фабриками капиталисты центра мѣшали доходности дорогихъ и выгодныхъ для рабочихъ фабрикъ петербургскихъ, польскихъ и всего запада. Послѣдніе сами предлагали регулировать дѣтскій и женскій трудъ и даже рабочее время, желая сократить своеволіе и прижимистость москвичей, чтобы успѣшнѣе конкурировать съ ними.

Доклады фабричныхъ инспекторовъ вскрыли ужасныя подробности положенія рабочихъ. На рогожныхъ фабрикахъ работали 16 — 18 час. въ сутки; среди рабочихъ оказывались дѣти 10, 5 даже 4 лѣтъ! Хозяева расплачивались, когда хотѣли и чѣмъ хотѣли, часто товаромъ своихъ лавокъ; штрафы назначались по усмотрѣнію хозяевъ и составляли для нихъ доходную статью. Эти доклады вызвали при министрѣ финансовъ Бунге рядъ завонодательныхъ мѣръ: въ 1884 г. законъ о малолѣтнихъ рабочихъ (принимать не моложе 12 лѣтъ) и ихъ школьномъ обученіи, 1885 г. ограниченіе ночныхъ работъ, 1886 г. законъ о порядкѣ найма и расплаты, о штрафахъ и надзорѣ за взаимными отношеніями хозяевъ и рабочихъ. При этомъ въ статьи послѣдняго ввели тяжелыя кары за стачки, которыя признаны преступленіями. Это было результатомъ вмѣшательства мин. внутр. дѣлъ. Петербургскій градоначальникъ Грессеръ, опасаясь стачекъ, поддерживалъ фабрикантовъ, предлагавшихъ сокращеніе рабочаго времени. Нужно помнить, что то было время застоя въ промышленности, когда рабочіе волновались и вызывались воинскія власти; москвичи, сокращая производство, боролись равнодушнѣе, поэтому петербургскимъ и польскимъ фабрикантамъ удалось побѣдить. Зато нелюбимый Бунге, внимательный къ податнымъ классамъ, вынужденъ былъ выйти въ отставку; его замѣнилъ Вышнеградскій, покровитель крупныхъ промышленниковъ.

Съ улучшеніемъ торговли москвичи воспрянули духомъ и забросали министра ходатайствами о смягченіи въ свою пользу законовъ 1886 г., обвиняя ихъ чуть не въ насажденіи соціализма. Въ 1890 г. послѣдовалъ рядъ ограниченій: разрѣшили ночную работу женщинъ и подростковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ иныхъ промыслахъ даже дѣтей. Разрѣшенія такихъ работъ зависѣли отъ губернаторовъ, а не отъ фабричныхъ инспекторовъ. Хорошія стороны законовъ Бунге сошли на нѣтъ. Нетвердость закона привела къ разнымъ уловкамъ хозяевъ, чтобы совсѣмъ обходить его, обманывать инспекторовъ.

Въ 90-хъ годахъ фабрично-заводская дѣятельность достигла еще небывалаго развитія. Промышленные округа Россіи соперничали другъ передъ другомъ; на западѣ число рабочихъ часовъ было меньше, чѣмъ въ центрѣ: это волновало рабочихъ, ставшихъ гораздо сознательнѣе прежняго; произволъ хозяевъ и администраціи разжигалъ ихъ. Между тѣмъ число рабочихъ росло, и ихъ настроеніе могло грозить спокойствію населенія. Приходилось снова улучшить рабочее законодательство. Фабриканты Лодзи взяли на себя починъ, предложивъ законодательнымъ путемъ убавить число

рабочихъ часовъ, доказывая, что производство пойдетъ лучше. Послѣ горячихъ, но не очень долгихъ преній, вышелъ законъ 1897 г. установившій на фабрикахъ и заводахъ $11^1/_2$ часовъ работы высшей нормы, если же захватывается часть ночи, то 10 часовъ. Въ этомъ законѣ допущено много тяжелаго: не точно обозначены ночные часы; не указано наказаній за нарушеніе закона. Однако, съ тѣхъ поръ положеніе рабочихъ стало измѣняться къ лучшему. Стремленіе правительства поднять промышленность имѣло послѣдствіемъ возникновеніе 7 милліоннаго рабочаго класса, подвижного и очень чувствительнаго къ политическимъ событіямъ. Предпринимателямъ и администраціи приходилось все болѣе и болѣе считаться съ его настроеніями.

Завладѣвая промышленною жизнью страны, министерство финансовъ все смѣлѣе составляло приходо-расходныя смѣты. Послѣ мин. Бунге всегда показывались большіе остатки, т. наз. „свободныя“ суммы, которыми министры распоряжались по своимъ соображеніямъ. Такъ, напр., по смѣтѣ на 1902 г. ожидалось- милліардъ 802 милл. дохода и чрезвычайнаго предполагалось 1,800 тысячъ; въ дѣйствительности получено: 2 милліарда 107 милліоновъ постоян. доходовъ и 202,148 тыс. чрезвычайнаго; разница давала свободные остатки, которые служили политикѣ министерства. Развитіе банковъ, дѣятельность сберегательныхъ кассъ очень возбуждали денежное обращеніе внутри страны. Не столько подъемъ промышленности, сколько денежныя операціи, сношенія съ иностранными банками поддерживали наши финансы.

Однако съ 1899 г. наши финансы могли тревожить. Голодовки 1898—99 гг. совпали съ заминками промышленности въ Европѣ; оказалось невозможнымъ возбуждать промышленныя дѣла и у насъ, какъ это было раньше. Въ 1899 процентныя бумаги упали въ цѣнѣ; Америка перебиваетъ у насъ хлѣбные рынки, заводы и фабрики понесли убытки; но казна ихъ усиленно поддерживала, помогала и банкамъ, скупая ихъ подешевѣвшія бумаги, вообще дѣлала все, чтобы въ денежномъ мірѣ были незамѣтны жалкое состояніе народа и внутренняя слабость промышленности. Какъ ни поощряли фабрики и заводы, русскіе товары не могли выгодно конкурировать за границей съ иностранными. Они шли хорошо только въ Персію и Среднюю Азію. Издѣлія нашихъ фабрикъ и заводовъ лучше всего сбывались внутри страны; она такъ обширна, населена такими разнообразными народностями, что сама по себѣ открывала много рынковъ для сбыта чего угодно; но голодовка и обѣдненіе крестьянства и тутъ часто лишали покупщиковъ. Вотъ почему вслѣдъ за голодными годами зашаталась и промышленность. А между тѣмъ правительство шло впередъ по рискованному пути: государственный бюджетъ быстро достигалъ 2 милліардовъ и къ 1904 г. перешелъ на 3-й милліардъ. Стремясь во что бы то ни стало поддерживать внѣшнюю торговлю, правительство искало новыхъ для нея рынковъ, выстроило сибирскую дорогу и обратило особенное вниманіе на дальній востокъ, гдѣ Китай и Японія ссорились изъ-за Кореи. Съ 1894 наша дипломатія получила большое вліяніе. Нашъ голосъ казался очень твердымъ и значительнымъ во время китайской войны 1900 г. Но уже за этой видимостью скрывались бѣдствія: Японія, благодаря русской дипломатіи, получила деньги съ Китая и готовилась къ войнѣ, которая разразилась въ 1904 г.

XLVIII.

Война съ Японіей. Миръ въ Портсмутѣ. Внутреннія волненія. 17-е октября 1905 г.

За послѣднія 30 — 35 лѣтъ Японія сдѣлала громадные успѣхи въ образованіи и промышленности; въ странѣ введена конституція; армія, особенно флотъ, достигли замѣчательнаго совершенства въ организаціи. Тѣснясь на маленькихъ островкахъ, Японія смотрѣла на ближайшія къ нимъ берега Азіи и Корейскій полуостровъ, какъ на самое удобное мѣсто для своей торговли. Старый Китай считалъ Корею подчиненной страной и не уступалъ передъ преимуществами Японіи. Война между ними (1894—95 гг.) закончилась блестящей побѣдой послѣдней. Но Россія боялась усиленія Японіи и въ союзѣ съ Франціей и отчасти Германіей заставила ее возвратить Китаю завоеванные берега, въ томъ числѣ Ляодунъ со знаменитымъ Портъ-Артуромъ. Затѣмъ наше правительство взяло въ аренду у Китая полуостровъ Ляодунъ. Въ 1900 г. возстаніе въ Китаѣ противъ иностранцевъ побудило всѣ европейскія державы, а съ ними Японію и Сѣв.-Американскіе штаты послать свои полки для устрашенія китайцевъ. Въ вознагражденіе державы взяли себѣ гавани на китайскихъ берегахъ. Россія, ради охраны вѣтви своей жел. дороги, ввела войска въ Манчжурію, обязавшись вывести ихъ не позже октября 1903 г.

Между тѣмъ на укрѣпленіе Портъ-Артура, на постройку гавани въ Дальнемъ, на рельсовые пути отпускались огромныя деньги; находили, что Россіи необходимы незамерзающіе порты. За границей же думали, что Россіи не удастся развить здѣсь торговли, и траты напрасны. Добравшись до Портъ-Артура и затратившись на него, Россіи приходилось думать, какъ установить сообщеніе между нимъ и портомъ Владивостока по японскимъ морямъ. Нужно было завести станціи, гдѣ русскіе корабли могли останавливаться между враждебными берегами; отсюда—стремленіе перебраться на берега Кореи. Тайно, посредствомъ особаго коммерческаго общества, начали укрѣпляться на ея пограничныхъ горахъ хребта Ялу; завели лѣсной промыселъ, ставили русскіе поселки; а подъ предлогомъ ихъ защиты водворили казаковъ на корейской землѣ. Введеніе европейской культуры среди народовъ дальней Азіи русское правительство считало очень невыгоднымъ; вопреки стремленіямъ Японіи, оно поддерживало въ Китаѣ всѣ старые порядки и предразсудки, чтобы не дать ему усилиться. Наоборотъ, Англія поддерживала Японію въ ея культурной дѣятельности и заключила въ ней договоръ на равныхъ правахъ, какъ съ европейской державой; тутъ впервые языческое государство вступило какъ равное въ кругъ христіанскихъ державъ.

Несмотря на частое посѣщеніе Японіи нашими моряками, ее очень мало знали въ Россіи и имѣли пристрастіе измѣрять ея значеніе и силу ея величиной. Наши неотвѣтственные министры не признавали общественнаго мнѣнія у себя и потому привыкли легко и смѣло обращаться съ политикой: они думали, что японцы, обновленные конституціей, побоятся русской монархіи и не рѣшатся на войну. Особенно отваженъ оказался

адмиралъ Алексѣевъ, ген. губернаторъ Портъ-Артура, съ огромной властью, широкими полномочіями, независимый отъ министровъ. Онъ правилъ царькомъ и не готовился къ надвигавшимся событіямъ.

Японія затаила въ себѣ горькую обиду отъ потери завоеванныхъ земель; въ глубокой тайнѣ готовила она военныя силы, слѣдя за каждымъ шагомъ Россіи въ Кореѣ и Китаѣ. Тѣмъ не менѣе лѣтомъ 1903 г. она пыталась мирно выяснить положеніе и вступила съ Россіей въ переговоры относительно Кореи и Манчжуріи. Россія соглашалась на протекторатъ Японіи надъ Кореей, но требовала 2-хъ гаваней у ея береговъ для своихъ морскихъ станцій. Японія не соглашалась, полагая, что тогда Россія можетъ одна владѣть проливами между Кореей и Японіей.

Осенью Россія не вывела своихъ войскъ изъ Манчжуріи, ссылаясь на опасность китайскихъ разбойниковъ для желѣзной дороги. Тогда Японія стала рѣшительнѣй; въ декабрѣ она предъявила новыя условія: напоминая о правахъ на Корею, она требовала, чтобы всѣ націи имѣли право на торговлю въ Манчжуріи (политика открытыхъ дверей) и чтобы Россія вывела своихъ подданныхъ съ корейскихъ земель. Возникли тяжелыя отношенія, и Россіи, особенно администраціи Дальняго Востока, слѣдовало поспѣшно готовиться къ войнѣ. Наши политики консерваторы, по привычкѣ разсчитывая на слабость Японіи, не только не собирали войскъ у Портъ-Артура, но даже оставили корабли разбросанными по чужимъ гаванямъ, а сами задерживали отвѣтъ. Не получивъ его къ назначенному сроку, Японія 24-го января 1904 г. отозвала своего посла, а ночью 27-го ея флотъ напалъ на эскадру Портъ-Артура и бомбардировалъ крѣпость. **Съ тѣхъ поръ началась ея осада съ моря.**

Въ Петербургѣ слышались мнѣнія, что этимъ рѣшительнымъ шагомъ Японіи морская война кончена, что мы теперь на морѣ слабѣе Японіи, очень искусной въ морскомъ дѣлѣ. Немедленно сказались всѣ преимущества врага въ начатой войнѣ. Природные моряки, японцы могли въ 2—3 дня переправлять свои полки на берега Кореи и Ляодуна; наши же войска при усиленной скорости движенія проводили больше мѣсяца на желѣзно-дорожномъ пути и нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ. При возможной экономіи война обходилась намъ не дешевле 50.000.000 рублей въ мѣсяцъ. Разница была громадна, особенно во внутреннемъ состояніи странъ, въ самочувствіи воюющихъ народовъ: японцы только что окрѣпли и развились кореннымъ преобразованіемъ своего быта; они сознательно, всѣмъ народомъ до послѣдняго рекрута готовились къ борьбѣ: всѣ они знали, куда и зачѣмъ идутъ: всѣ жаждали распространить свое вліяніе и ввести преобразованіе въ Кореѣ и въ Китаѣ, сдѣлаться просвѣтителями древней Азіи. Россія же расходовала средства народа на поддержаніе старыхъ порядковъ не только у себя, но и у сосѣдей. Подавленный безправіемъ и нищетой, безграмотный русскій людъ тащился за тридевять земель для совершенно непонятной, чуждой ему цѣли — отстаивать китайскую Манчжурію, потому что казна потратила на нея много милліоновъ. Ни во флотѣ, ни въ арміи ничего не было готово. Въ драгоцѣнномъ Портъ-Артурѣ еще не окончили укрѣпленій, не снабдили защитниковъ усовершенствованными принадлежностями военнаго дѣла. Флотъ состоялъ изъ разнокалиберныхъ судовъ: одни, новѣйшей постройки, еле могли бороться съ японскими; другія же, стараго типа, двигались тихо

и задерживали быстроходныхъ товарищей. Могло бы помочь хорошее настроеніе арміи и командировъ. На войнѣ необходимы личная инициатива, энергія, самостоятельная быстрая сообразительность. Но у насъ издавна отъ людей требовали покорности и смиренія, а личная инициатива и самостоятельность преслѣдовались, какъ порокъ, проявленіе неблагонадежности; подчиненные привыкли помыкать безконтрольно младшими и до мелочей ждать повелѣній высшихъ чиновъ, заниматься не сутью дѣла, а приказами и отписками. Высшіе назначались не за способности, а по старшинству чиновъ. Болѣе 20 лѣтъ, со смерти Александра II русскіе люди отучались лично заботиться о судьбѣ родины, обязывались помнить, что за нихъ всегда думаетъ начальство, а послѣднее само выходило въ чины съ этимъ же сознаніемъ. Вотъ подготовка, съ какой русскіе люди явились на грозный кровавый экзаменъ.

Бомбардировки съ моря мало вредили Портъ-Артуру; его крѣпости еще успѣвали достраивать; но русскія суда очень страдали отъ подводныхъ минъ. Такъ погибъ огромный „Петропавловскъ“ съ адмираломъ Макаровымъ. Съ февраля на берега Кореи почти безпрерывно высаживались японскіе полки; они, не торопясь, формировали корпуса, заботливо и осторожно продвигали впередъ свою артиллерію. Японскіе солдаты, всѣ грамотные, были снабжены картами мѣстности, биноклями. Однако, прошлая военная слава нашихъ была такова, что въ Европѣ и Америкѣ держалось убѣжденіе, что на сушѣ русскія войска побѣдятъ. Первое столкновеніе на Ялу (18 апрѣля 1904 г.) дало неожиданный результатъ. Неисправный телеграфъ спуталъ приказы; неуспѣвшій своевременно отступить русскій отрядъ былъ почти окруженъ большими силами японцевъ; среди безпорядочнаго отступленія первый городъ въ Манчжуріи сдали безъ боя. Впрочемъ, главнокомандующій, ген. Куропаткинъ, ободрялъ тѣмъ, что его планъ кампаніи—заманить врага внутрь страны, и тамъ только наносить рѣшительныя пораженія.

Теперь послѣ первой побѣды японцы смѣло произвели высадку 2-ой и 3-й арміи на томъ же мѣстѣ Ляодуна, гдѣ высаживались во время войны съ Китаемъ. Нашъ штабъ могъ бы предусмотрѣть это; высадкамъ не помѣшали, къ удивленію японцевъ. Черезъ нѣсколько дней движеніемъ къ югу японцы отрѣзали сообщеніе Портъ-Артура съ Манчжуріей. Впрочемъ, адмиралъ Алексѣевъ успѣлъ уѣхать въ Мукденъ. Начались упорныя многодневныя побоища, какихъ не знала исторія. Послѣ 5-тидневного боя японцы взяли Цзинь-Чжоу на перешейкѣ Квантуна, и началась полная блокада несчастнаго Портъ-Артура. Вокругъ него сосредотилась 4-я армія, снабженная огромными осадными орудіями. Верховное начальство надъ всѣми японскими арміями принялъ старый маршалъ Ояма, которому особенно вѣрилъ народъ; и три арміи двинулись разными дорогами къ Ляояну. Въ іюнѣ въ Манчжуріи дѣйствовало 300 тысячъ японцевъ. Русскія войска подвозились малыми отрядами и далеко не такъ быстро.

Въ іюлѣ произошелъ 7-ми дневный бой на огромномъ пространствѣ отъ Дашицао до восточныхъ переваловъ, по которымъ шелъ къ Ляояну маршалъ Куроки, бой, выигранный японцами; тогда же былъ взятъ портъ Инкоу у залива Печели на китайской границѣ. Въ іюлѣ же производились отчаянные штурмы Портъ-Артура, съ моря и суши; но скалы, есте-

ственныя и искусственныя укрѣпленія упорно не поддавались атакамъ; послѣ огромныхъ потерь только къ августу японцы подошли къ самому городу. Въ эту пору на короткое время положеніе на морѣ улучшилось: у японцевъ погибли 4 прекрасныхъ броненосца, и наши суда получили возможность выходить далеко въ море. Когда японскіе снаряды съ высотъ Квантуна стали достигать ихъ, адмиралъ Витгефтъ рѣшилъ во что бы то ни стало провести суда во Владивостокъ, откуда въ свою очередь выходили 3 большихъ крейсера. 28 іюля наша эскадра встрѣтилась съ японской и была разсѣяна; большая часть ея вернулась въ Портъ-Артуръ, гдѣ постепенно погибала отъ японской артиллеріи. Прочія суда погибли или попали въ чужія гавани. Сильно пострадали и суда Владивостока. Русской эскадры не стало.

Въ августѣ цѣлымъ рядомъ натисковъ на окружающія высоты японцы подготовили атаку Лаояна. Вокругъ него скопились почти равныя силы противниковъ. 7-ми-дневный бой начался 16 августа. Только что пришедшія изъ Россіи неопытныя войска дрогнули и отступили, давъ перевѣсъ японцамъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія русскіе очистили Лаоянъ. Войска остановились у ближней рѣки Шахэ. Чтобы поднять духъ арміи, Куропаткинъ 19-го сентября выпустилъ довольно задорный приказъ съ обѣщаніемъ перейти въ наступленіе.

23-го сентября онъ выступилъ на японцевъ. Снова яростно закипѣлъ 7-ми-дневный бой. Были часы, когда японцы совсѣмъ побѣждали, но русскіе съ отчаянными усиліями вновь завладѣвали потерянными позиціями; измученныя войска остались на прежнихъ позиціяхъ близъ Мукдена, старой столицы китайскихъ императоровъ, и простояли до половины февраля. Тутъ только командованіе русскими арміями сосредоточилось въ рукахъ одного Куропаткина.

Въ началѣ октября изъ Россіи вышла въ путь новая эскадра изъ многочисленныхъ, но попрежнему разноколиберныхъ, старыхъ и новыхъ, судовъ, подъ командой адмираловъ Рождественскаго и Небогатова. Вниманіе міра раздѣлилось между движеніями этой эскадры и судьбой Портъ-Артура. Кольцо обложенія все сжималось вокругъ него. Со взятіемъ главной высоты снаряды огромныхъ пушекъ падали во всемъ городѣ.

Въ началѣ декабря погибъ главный защитникъ Портъ-Артура ген. Кондратенко, а 22-го крѣпость была сдана. Какъ это произошло, дѣло еще темное. Есть извѣстія, что провіанта и зарядовъ имѣлось еще мѣсяца на два по меньшей мѣрѣ. Было еще много неразрушенныхъ зданій,—20 тыс. здоровыхъ защитниковъ. Упадокъ духа, безцѣльность мученій при отсутствіи вѣры въ побѣду отчизны обезсилили людей. Болѣе 20 тыс. войскъ отвели военноплѣнными въ Японію; поврежденныя русскія суда взорвались.

А новые отряды все тянулись изъ Россіи къ Куропаткину. Эскадра тоже двигалась впередъ, теперь уже во Владивостокъ. Въ январѣ остатки японскихъ войскъ, осаждавшихъ Портъ-Артуръ, съ огромными пушками явились на подкрѣпленіе Оямы подъ Мукденъ. Теперь всѣ силы сосредоточивались на этомъ пунктѣ. Отдѣльными схватками, представлявшими крупныя сраженія, подготовлялся еще небывалый бой, въ которомъ должно было участвовать 400 тыс. японцевъ и столько же русскихъ (точное число нашихъ какъ-то затушевывалось). При Сандепу, гдѣ было особенно

опасно положеніе русской арміи, ген. Гриппенбергъ еще 12—16 января со 100 тыс. войска побѣждалъ японцевъ и требовалъ подкрѣпленій у Куропаткина. Дѣло было такъ серьезно, что Ояма самъ выступилъ на помощь своимъ. Но русскій главнокомандующій не двинулся и не прислалъ подкрѣпленій. Гриппенбергъ отступилъ, покинувъ важныя позиціи. Русскіе продолжали занимать свои окопы передъ Мукденомъ. Куропаткинъ еще мѣсяцъ присылалъ успокоительныя извѣстія, что атаки японцевъ, даже яростныя, отбиты, что противъ каждой попытки обхода нашихъ позицій принимаются мѣры,—пока 18 февраля не оказалось, что наши войска обстрѣливаются почти съ 4-хъ сторонъ. Положеніе ихъ въ упорно охраняемыхъ окопахъ оказалось безнадежнымъ. Послѣ 8 дневныхъ ужасовъ, безпорядочнаго отступленія, въ сущности бѣгства, причемъ японцы слѣдовали по пятамъ и по сторонамъ, наши, потерявъ Мукденъ, не могли остановиться и въ Телинѣ; послѣдній поджигали въ виду японцевъ. То было уже не пораженіе, а полный разгромъ. Всемірная исторія произнесла свой неподкупный безошибочный приговоръ, сказалъ одинъ изъ иностранцевъ очевидцевъ, побѣда одержана надъ устарѣлою, неповоротливою, несостоятельной системой военнаго и государственнаго управленія.

Въ Европѣ замѣчалось общее раздраженіе противъ Россіи. Война мѣшала торговымъ предпріятіямъ, стѣсняла движеніе по морямъ. Всѣ желали мира. Но русское правительство ожидало результатовъ послѣдней попытки—эскадра Рождественскаго упорно подвигалась къ Японскому морю. Теперь цѣлью ея былъ не Портъ-Артуръ, а достиженіе Владивостока; на этомъ пути предстояло проходить мимо береговъ Японіи, что представляло огромныя опасности. Эскадра изъ разнообразныхъ судовъ двигалась съ трудомъ, сопровождаемая судами съ углемъ, которымъ загружались самые первоклассные броненосцы. Устройство разныхъ боевыхъ принадлежностей оканчивали въ пути. Среди команды было много новичковъ, даже имѣлись солдаты изъ сухопутныхъ корпусовъ. Пріучать ихъ къ службѣ приходилось на спѣхъ въ пути. Между командирами парило странное разъединеніе, какъ будто они вовсе не совѣщались, какъ преодолѣть предстоящія трудности, точно не сознавали лежавшей на нихъ отвѣтственности. Вообще эскадра была значительно слабѣе японскаго флота, съ которымъ приходилось сражаться въ его родныхъ водахъ. У острова Цусимы, 13 мая, эскадра была окружена массой японскихъ судовъ. Повидимому, нападеніе оказалось неожиданнымъ. Наша эскадра была вынуждена строиться въ боевой порядокъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Наша же артиллерія оказалась неспособной вредить японскимъ судамъ. Часа въ два-три сраженіе обратилось въ неслыханный погромъ эскадры Рождественскаго, превзошедшій Мукденскій. Масса судовъ погибла, часть сдалась, часть разсѣялась. Японскій флотъ почти не потерпѣлъ урона, потерявъ три миноноски. Такого крушенія не ожидали и яростные враги Россіи.

Ничего болѣе не оставалось, какъ приступить къ переговорамъ о мирѣ, тѣмъ болѣе, что въ Манчжуріи уже стояла свѣжая полумилліонная японская армія. Президентъ Американскихъ Штатовъ облегчилъ задачу, предложивъ свое посредничество.

Америка дала Японіи много средствъ для войны; теперь обществен-

ное мнѣніе республики желало мира, а не торжества желтой расы надъ представителими бѣлой, но мира такого, чтобы Японія могла выплачивать свои долги.

Переговоры произошли въ американскомъ городѣ Портсмутѣ. Среди русскихъ дипломатовъ не нашли достаточно сильнаго лица для такого отвѣтственнаго дѣла, намѣченные отказывались; отправился способнѣйшій изъ бывшихъ министровъ—Витте. Русскихъ дипломатовъ приняли очень хорошо: къ побѣдителямъ японцамъ были холоднѣе; американцы не скрывали симпатіи къ христіанамъ бѣлой расы. Витте хорошо воспользовался этими чувствами. Въ переговорахъ японцы не проявили своей прежней дальновидности; въ ихъ требованіяхъ сказывалась даже нѣкоторая незрѣлось новичковъ, непривыкшихъ къ европейской дипломатіи. Они особенно упорно настаивали на уплатѣ контрибуціи въ $1^1/_2$ милліарда рублей и ограниченіи морскихъ силъ Россіи у Азіатскихъ береговъ. Но контрибуцію можно взыскивать съ побѣжденной страны, если побѣдитель занялъ ея земли; а ограничивать право государства распоряжаться своими силами можетъ союзъ нѣсколькихъ государствъ, а не одинокій побѣдитель. Теперь ни того, ни другого условія не было, и претензіи были напрасными. Витте воспользовался ошибкой японцевъ и довелъ дѣло до очень удобнаго для Россіи соглашенія, сравнительно съ понесеннымъ ею пораженіемъ. Изъ своей территоріи Россія уступила только половину острова Сахалина, у Японіи же купленнаго въ 60-хъ гг. Манчжурія возвращается Китаю; Ляодунъ переходитъ къ Японіи со всѣми сооруженіями, съ желѣзной дорогой между Куаченцзы и Портъ-Артуромъ.

30-го іюля былъ возобновленъ англо-японскій союзъ на очень выгодныхъ для Японіи условіяхъ, и она рѣшила поскорѣе покончить затрудненія съ Россіей. Въ сущности Россія мало потеряла съ внѣшней стороны; неслыханныя пораженія тяжелы и унизительны были для нея нравственно.

Радостное извѣстіе о заключеніи мира въ Портсмутѣ распространилось по Россіи вскорѣ послѣ обнародованія перваго Положенія о Государственной Думѣ 6 авг. 1905 г. Въ это время въ странѣ разгоралось сильное политическое движеніе; оно давно уже медленно подготовлялось.

Послѣ 1 марта 1881 г. группа народовольцевъ быстро растаяла среди арестовъ и эмиграціи за границу; тутъ только стала очевидной ея малочисленность, и русское общество недоумѣвало, какъ такая горсточка людей могла произвести подобныя потрясенія. Престижъ группы заключался въ ея сплоченности, страстности и смѣлости, съ которыми она творила свои натиски. Никто ничего подобнаго не могъ повторить; попытки молодежи возродить организацію не удавались: ея время миновало. Дѣятельность полиціи очень усложнилась. Въ ея составъ входили служащіе съ высшимъ образованіемъ, съ большой подготовкой; они вносили много предусмотрительности и ловкости въ свою работу; и только большія массы недовольныхъ могли помѣряться съ обновленными силами сопротивленія. Неудачи политическихъ плановъ и умѣренныхъ, и радикальныхъ, вызвали глубокое разочарованіе въ силахъ общества. Наступило тяжелое подавленное состояніе.

Громадной силой, не поддающейся грубому, физическому давленію, являлась литература, самый цѣнный и оригинальный вкладъ, который

русскій народъ внесъ въ міровую культуру. Еще передъ реформами Александра II печать получила исключительное по глубинѣ вліяніе на общественную мысль въ Россіи. Тонъ задавался тогда изъ-за границы. Только своевременно писатели, спасшіеся изъ душной атмосферы 40-хъ гг., умѣли свободно и полно развивать свои мысли. — „Колоколъ“ Герцена, издаваемый въ Лондонѣ, читался всѣми дѣятелями 60-хъ гг., всѣмъ образованнымъ обществомъ, начиная съ самого Александра II. Для молодежи онъ былъ оракуломъ. Съ блестящимъ литературнымъ талантомъ, съ эрудиціей и страстнымъ воодушевленіемъ Герценъ и его сотрудники вскрывали самыя скрытыя язвы политической и общественной жизни Россіи, указывали излеченіе, оцѣнивали каждую правительственную мѣру. Ничего подобнаго въ Россіи никогда не слыхали, и первое истинно-свободное слово потрясало и воспитывало живую и мыслящую часть общества. Администраторы боялись остроумнаго, уничтожающаго обличенія „Колокола“. Обиженные и угнетенные обращались съ жалобами въ редакцію за заступничествомъ.

Внутри Россіи прогрессивная печать и журналистика, какъ могла и умѣла, вторила свободному голосу. Съ конца 50-хъ гг. цѣлый рядъ бойкихъ журналовъ заботился о гражданскомъ воспитаніи цѣлыхъ поколѣній читателей, вырабатывалъ кружки журналистовъ. Не имѣя возможности вліять непосредственно на общественныя дѣла, политическіе взгляды проводились въ критическихъ статьяхъ, въ обзорахъ,—проскальзывали въ изслѣдованіяхъ, публичныхъ лекціяхъ. Появленіе статьи Чернышевскаго, Добролюбова, позже Писарева было событіемъ для интеллигентной Россіи. Толстый журналъ, періодическій органъ давали тонъ общественной мысли. Плеяда художниковъ слова создала богатую, классическую въ своемъ родѣ беллетристику. Какимъ образомъ среди гражданскаго безправія, подавленности общества могутъ выростать люди съ огромными творческими силами — это еще тайна психики человѣчества. Но несомнѣнно духовныя силы русскаго общества ярче всего проявились въ художественномъ творчествѣ.

Пребываніе Герцена и его друзей за границей, вліяніе Тургенева въ Парижѣ содѣйствовали знакомству иностранцевъ съ нашей литературой. Нашихъ беллетристовъ стали переводить и скоро полюбили. Въ пору реакціи 80-хъ гг. русская литература оказывала вліяніе на умственную жизнь запада и Сѣв. Америки. Достоевскій, какъ психологъ и мистикъ, особенно Толстой, какъ реалистъ-художникъ и мыслитель, завладѣвали вниманіемъ всего читающаго міра. Своеобразныя этическія теоріи Толстого, отрицаніе условностей, искажающихъ естественную жизнь личности, сложившись въ цѣльное ученіе, привлекали много послѣдователей. Его богословскіе взгляды разбирались съ университетскихъ каѳедръ. Произведенія русскихъ художниковъ начали выходить въ свѣтъ одновременно на нѣсколькихъ языкахъ.

На высшихъ ступеняхъ умственнаго творчества русскіе достигли одного уровня съ представителями передовыхъ культурныхъ націй; тѣмъ разительнѣй становился контрастъ между умственной силою личностей и гражданскою немощью общества, культурной и экономической нищетой массы. Благодаря контрасту между духовнымъ содержаніемъ интеллиген-

ціи и слабостью ея практической дѣятельности, вся ея жизнь часто замыкалась въ работѣ мысли, въ теоретическихъ построеніяхъ.

На Западѣ, въ Англіи и Франціи, политическій строй развился и замѣтно демократизировался, когда получили вліяніе системы соціализма, и соціалистическія партіи повели свою реформаціонную работу, поэтому, общественный прогрессъ совершается тамъ въ стройной эволюціонной формѣ. Въ Германіи политическія реформы запоздали, и ихъ развитіе совпало съ распространеніемъ соціальныхъ ученій и возникновеніемъ соціальныхъ партій; тамъ соціальныя теченія сохранили отвлеченно-философскій характеръ: непосредственно они мало вліяютъ на политическую работу; но какъ знамя борьбы за идеалы будущаго, они увлекаютъ и толкаютъ впередъ массы.

Въ Россію соціалистическія ученія проникли готовыми задолго до признаковъ политическихъ реформъ. Они занеслись къ намъ среди культурно-общественнаго движенія при Александрѣ I и господствѣ Аракчеева; они надолго притаились въ умственномъ мірѣ немногихъ ученыхъ, писателей и интеллигентовъ Николаевскаго времени. Вліяніе соціализма вспыхнуло въ обществѣ эпохи реформъ Александра II, и затѣмъ опредѣлялось и ширилось въ темные годы послѣдовавшей реакціи. У насъ среди совершенно неопытнаго въ политической жизни общества теоріи соціализма имѣли теоретически образовательное значеніе и служили орудіемъ для первоначальной работы политическаго характера. Молодежи, жаждавшей труда и самопожертвованія, былъ необходимъ идеалъ, на служеніе которому отдавались силы, свобода, жизнь; необходимы были программы, которыя бы объединяли ея представителей. Политическія выступленія были ей не по силамъ, но соціалистическая пропаганда, будившая темную рабочую массу, давала нѣкоторое нравственное удовлетвореніе.

Дворянская молодежь могла привлечь вниманіе отупѣвшихъ, забитыхъ людей только чѣмъ-нибудь непосредственно близкимъ ихъ сердцу, ихъ горестямъ, яркими картинами новаго, справедливаго строя жизни, рисуя его достижимымъ, необходимымъ. Политическая приниженность русскаго общества создавала успѣхъ идеальныхъ доктринъ соціалистовъ, открывая имъ души непримирившихся съ дѣйствительностью людей. Идеальныя построенія такъ увлекали, что даже образованные люди пріучались жить въ полномъ разладѣ съ исторической обстановкой; они не считались съ силами сплоченной политической власти и презирали политическую свободу и права, потому что эти права очень мало даютъ трудовому люду, которому необходимъ экономическій переворотъ; а съ перемѣной непосредственныхъ сношеній между людьми, съ иными экономическими порядками, освобожденіемъ земли отъ частныхъ владѣльцевъ все пойдетъ само собой, и государственный строй совершенно измѣнится.

Первоначально, дѣйствительно, государство складывалось изъ экономическихъ условій жизни людей; но въ теченіе послѣдующаго многовѣковаго существованія народовъ развилось множество новыхъ потребностей, новыхъ формъ дѣятельности, новыхъ отношеній и интересовъ; все это, разростаясь и осложняясь, утрачивало непосредственныя связи съ первоначальной экономической почвой; и политическій организмъ государства съ его международными отношеніями, политическія права гра-

жданъ заняли довольно самостоятельное положеніе съ огромнымъ вліяніемъ на бытъ и судьбу народовъ. Чуждые политической практикѣ русскіе, особенно молодежь, съ трудомъ примиряются съ тѣмъ, что соціальныя теоріи, правильно выясняющія генезисъ государства, не легко примѣняются къ позднѣйшимъ стадіямъ его развитія. Давая сильный толчокъ развитію политическаго сознанія русскаго человѣка, соціальная пропаганда, въ моментъ активныхъ выступленій, нерѣдко возвращала его къ старинѣ, къ самозванству, къ вольному казачеству и т. п.

Жажда самостоятельной дѣятельности и сознаніе гражданскаго долга — трудиться на пользу темной безпомощной массы населенія съ одной стороны, съ другой затаенная вражда противъ бюрократическихъ порядковъ побуждали находить цѣлесообразную мелкую очередную работу около земствъ, въ воскресныхъ школахъ, въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Посредствомъ милліоновъ полезныхъ дѣлъ, стойко, съ идеальными порывами исполняемыхъ, думали распространять культуру среди темной массы и двигать ее впередъ. Оживившійся интересъ къ народной жизни поддерживалъ это направленіе. При разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ возникъ рядъ комиссій для изученія прошлаго и настоящаго быта русскаго народа. Ученые, беллетристы, статистики, школьные дѣятели изучали его съ разныхъ сторонъ, точно стремясь найти среди народа то, чего не хватало интеллигенціи для выполненія необходимыхъ общественныхъ реформъ. Много помогала этому проповѣдь Л. Н. Толстого о самоусовершенствованіи, упрощеніи матеріальной жизни. Въ 90-хъ гг. это движеніе стали называть „народничествомъ". Его литературные главари доказывали, что западно-европейскіе порядки и теоріи далеко не всѣ примѣнимы къ народному хозяйству Россіи, которое развивается въ особыхъ условіяхъ. Россія можетъ и не переживать періода капиталистическаго хозяйства и достигнетъ лучшихъ соціальныхъ порядковъ, оставаясь чисто земледѣльческой страной.

Въ изученіи прошлаго русскаго народа тоже сказывалось разочарованіе, вынесенное изъ недавнихъ бурныхъ лѣтъ; стремились мелкой детальной работой проникнуть вглубь историческихъ вопросовъ, собрать больше историческихъ фактовъ и матеріаловъ, не задаваясь рѣзкими выводами, политическими и соціальными обобщеніями, какъ это дѣлали въ 60-хъ и 70-хъ гг.

Кое-гдѣ маленькими кружками таились сторонники старыхъ партій и работали въ духѣ „чернопередѣльцевъ" или по программѣ народовольцевъ. Составлялись библіографическіе указатели и летучія библіотеки книгъ для воспитанія въ читателяхъ гражданскихъ идеаловъ. Отдѣльныя маленькія группы на свой страхъ предпринимали заговоры. Вообще же былыя мечты о захватѣ власти, вдохновлявшія прежнихъ террористовъ, совершенно испарились.

Часто возникали университетскія волненія. Хотя по-прежнему для исторіи они являлись послѣдствіемъ безправія и приниженности русскаго общества, эти волненія протекали на почвѣ академическаго быта и товарищества; на общество они сильно вліяли, создавая атмосферу возбужденія и протеста.

Наконецъ, разочарованіе въ революціонныхъ попыткахъ побудило интересоваться соціальными ученіями научнаго характера. Сперва среди

эмигрантовъ, а затѣмъ черезъ ихъ друзей и въ Россіи распространилось вліяніе ученій экономиста Маркса. Онъ училъ, что политическій и соціальный бытъ людей, ихъ культура вполнѣ зависитъ отъ экономическихъ условій, отъ развитія производительныхъ силъ, отъ господства надъ природой; люди не вольны сознательно измѣнять это вліяніе; они всецѣло подчиняются экономическимъ необходимостямъ. Во всѣхъ странахъ промышленность развивается накопленіемъ капиталовъ; въ рукахъ немногихъ капиталистовъ сосредоточиваются средства населенія, главная масса котораго обращается въ наемныхъ рабочихъ. Устанавливается монополія производства, но только на время; понемногу производство обращается въ общественное; тогда каждый работникъ, членъ общества, будетъ самъ получать слѣдуемую ему часть прибыли отъ производства; а это установитъ больше равенства между людьми, лучшій соціальный порядокъ.

Успѣхи ученія Маркса совпадали съ ростомъ фабрично-заводской промышленности въ Россіи и увеличеніемъ числа рабочихъ. Рабочіе и являлись тѣмъ классомъ, который въ борьбѣ за свои интересы съ капиталистами долженъ былъ подготовлять новыя справедливыя отношенія людей. Съ 1894 г. ученіемъ Маркса очень увлекались въ литературѣ, въ аудиторіяхъ, въ средѣ студенчества. Всюду марксисты боролись съ вліяніемъ „народниковъ", спорили съ ними, отстаивавшими самобытность русскаго народа, его прогрессъ на почвѣ земледѣльческаго хозяйства. Спорящіе доходили до крайностей; но надо отдать справедливость — марксисты очень оживили вѣру въ значеніе европейской культуры, въ политическія учрежденія Запада, его политическія и соціальныя партіи.

На почвѣ ученій Маркса сперва среди эмигрантовъ, затѣмъ въ Россіи организовалась группа „Освобожденія труда", а въ 90-хъ гг. зародилась соціалъ-демократическая партія.

Въ болѣе подготовленной къ общественной и политической дѣятельности средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ понемногу росла и сплачивалась группа земцевъ-конституціоналистовъ. Еще въ 70-хъ гг. чувствуя, какъ мудрено работать въ тискахъ, безъ сношеній между земствами, дѣятельные земцы устраивали частныя совѣщанія, на которыхъ обмѣнивались выводами опыта, взглядами на будущее. Въ 1878 г. земцы-либералы пытались убѣдить группы соціалистовъ прекратить кровавыя покушенія и работать для подготовленія конституціи, но народовольцы оказались слишкомъ сильно и непримиримо возбужденными.

Весной 1881 г. при началѣ новаго царствованія земцы спѣшно устроили съѣздъ и составили свою земскую программу съ основными пунктами: 1) отрицаніе террора, 2) упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей, 3) децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ, 4) центральное народное представительство (Государственная Дума) въ смыслѣ полноправнаго органа, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ. Въ этомъ же году въ нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ слышались рѣчи, прозрачно указывавшія на необходимую реформу.

Реакція 80-хъ гг. застала послѣдствія 2-хъ десятилѣтій земской работы: возникли новыя потребности и запросы мѣстной жизни, оживились города, разрослись задачи мѣстной службы; организовались работы по статистикѣ, медицинѣ, агрономіи. Стѣснительныя реформы 1890 г.

раздражили либераловъ земства и побудили ихъ тѣснѣе сблизиться съ наемными служащими изъ радикаловъ—интеллигентовъ. Богатое дворянство, которому реформа давала вліяніе, было недѣятельно, и работали по-прежнему конституціоналисты въ союзѣ со служащей интеллигенціей. Послѣ голода 1891 г. вліяніе земства, необходимость его попеченій оказалась еще сильнѣе. И „царскій паекъ", продовольственную ссуду оно раздавало все-таки лучше другихъ. Среди преслѣдованій и ограниченій земской дѣятельности, земцы и земскіе служащіе (3-й элементъ) пользовались учеными съѣздами, чтобы читать доклады о народной жизни, высказывать свои мнѣнія, На съѣздахъ происходило сближеніе провинціаловъ съ учеными и литераторами; печать и литература поддерживали голоса изъ земствъ. При каждомъ удобномъ случаѣ отъ земствъ выставлялись ходатайства и предложенія, какъ бы пренебрежительно ни встрѣчали ихъ въ Петербургѣ. Но земскія представленія обсуждала печать, поддерживала интеллигенція, и постоянное дѣятельное общеніе очень расширяло круги прогрессивнаго общества, жаждавшаго политическихъ реформъ. Недовольные, свободомыслящіе таились повсюду, даже среди администраціи. Тогда начали закрывать ученыя и просвѣтительныя общества или сокращать ихъ дѣятельность, какъ Вольно-Эк. об-ва.

Первая буря разразилась вокругъ университетовъ. Учащаяся молодежь была измучена своимъ трагическимъ положеніемъ между двухъ полюсовъ,—тяжелаго гнета администраціи и жгучихъ призывовъ со стороны крайнихъ группъ, дѣйствовавшихъ на пылкія юныя души. 8-го февраля 1899 г. студенты были избиты полиціей при выходѣ изъ петербургскаго университета. Среди вспышекъ негодованія ученье было прекращено почти повсюду, и съ тѣхъ поръ до 1906 г. возобновлялось только на короткое время. Это была политическая забастовка: среди такого безправія, незачѣмъ учиться, рѣшила молодежь. Строгія мѣры только обостряли настроеніе. Съ 1901 г. среди забастовокъ училищъ, духовныхъ семинарій и рабочихъ волненія хлынули на улицы; открытыми демонстраціями требовались реформы. Литераторы и ученые на банкетахъ говорили рѣчи и составляли политическія резолюціи.

Положеніе крестьянства было таково, что правительству все-таки приходилось прибѣгать къ земскимъ дѣятелямъ. Въ 1902 г. собирались большія комиссіи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, 1903 г. о мѣстномъ страхованіи, стоившія ораторамъ высылокъ и устраненій. Земцы пользовались такими собраніями, чтобы устраивать областныя выставки по народному образованію, по сельскому хозяйству, по кустарному производству. Въ 1902 земскій союзъ сложился окончательно; лѣтомъ этого года за границей началъ выходить журналъ „Освобожденіе", получившій сразу вліяніе: своимъ умѣренно-конституціоннымъ направленіемъ онъ вызвалъ ожесточенную критику другихъ заграничныхъ органовъ, соціалистическаго направленія,

Въ началѣ XX в. проявилось сильное крестьянское движеніе. Положеніе мелкихъ собственниковъ становилось невыносимымъ; это признавали и власти, собиравшія сел.-хозяйственныя совѣщанія. Постоянно арендуя земли, мелкіе хозяева невольно помогали росту ея цѣнъ; часто арендатору ничего не оставалось отъ его трудовъ. Въ средней черноземной полосѣ борьба началась за пониженіе аренды, но скоро перешла

въ движеніе противъ крупныхъ собственниковъ и въ погромы (въ Черниг., Полтав., Курской и сосѣд. губ.). Тутъ сказались старые пріемы бунтарей: самозванцы съ грамотами и т. п.

На юго-западѣ, на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ много безземельныхъ или крестьянскіе надѣлы очень мелки, движеніе осложнилось забастовками сел.-хозяйственныхъ рабочихъ.

Теперь, особенно съ началомъ пораженій въ Манджуріи, которыя изумляли и удручали крестьянъ, послѣдніе стали охотно слушать пропагандистовъ. Броженіе проникло въ деревни, и запасныхъ солдатъ отпускали съ ропотомъ. Тамъ, гдѣ мелкіе хозяева боролись съ „господами" и въ нихъ видѣли своихъ главныхъ враговъ, имѣли успѣхъ преемники старыхъ народовольцевъ и чернопередѣльцевъ. Гдѣ крестьяне безземельные или почти безъ хозяйствъ, тамъ охотно слушали соціалъ-демократовъ, проповѣдывавшихъ о переходномъ значеніи крупной собственности.

Къ новому столѣтію русское общество разошлось совсѣмъ съ администраціей страны. Но старый порядокъ еще крѣпко опирался на обладаніе финансовыми средствами Россіи, на громадность территоріи, разнообразіе ея богатствъ, на массу послушныхъ войскъ. Огромная армія заинтересованныхъ въ его судьбѣ служащихъ помогала ему существовать. Мудрено, да и безполезно гадать о томъ, какимъ путемъ русское общество добралось бы до начала реформъ, которыя все опредѣленнѣе вырисовывались впереди. Несчастная война обострила положеніе до крайности; она приблизила событія, но и очень осложнила ихъ. Трудно еще теперь подсчитывать ея результаты.

На дальнемъ Востокѣ нашъ старый порядокъ натолкнулся на мощную, по-европейски организованную націю, овладѣвшую массой практическихъ знаній и умѣньемъ покорять себѣ природу родныхъ странъ, и почувствовалъ, что необходимо кое-что подправить въ своей политикѣ. Погибшій министръ Плеве очистилъ мѣсто мягкому благожелательному преемнику. Начали возвращать административно высланныхъ; съ общественными дѣятелями стали обращаться лучше: печать стала немного свободнѣй. Послѣ ужасовъ Лаояна и Шахэ нельзя было молчать. Въ началѣ 1904 г. представители земскаго союза съѣхались въ Петербургѣ (въ министерствѣ это знали). Засѣданія были очень бурны. Явились готовые проекты конституціи. И въ эти рѣшительныя минуты не удалось достичь единодушія. Болѣе 80-ти членовъ твердо стояли на созывѣ выборныхъ представителей отъ всего населенія имперіи съ законодательными правами; около 20-ти (славянофильствующіе) не шли далѣе созыва земскаго собора совѣщательнаго характера. Постановленія съѣзда были распространены въ громадномъ числѣ экземпляровъ и очень помогли обществу опредѣлить себѣ ближайшія задачи. 30-го ноября подобное же постановленіе было принято московской городской думой. Шумные банкеты съ рѣчами и резолюціями помогали интеллигенціи сговариваться. Недовольство, негодованіе на бѣдствія войны высказывались такъ ярко, такъ повсемѣстно, что появились признаки уступокъ: 12-го дек. указомъ сенату обѣщались кое-какія улучшенія въ положеніи крестьянъ, рабочихъ, облегченіе печати, расширеніе самостоятельности самоуправленія.

Тѣмъ временемъ созрѣвало движеніе рабочихъ. Еще въ 1902 г. въ

Москвѣ пытались отвлечь рабочихъ отъ политики, организуя ихъ въ общества съ экономическими и просвѣтительными цѣлями, причемъ руководителемъ былъ чиновникъ полиціи. Общество достигло нѣкотораго развитія. Тогда же говорили, что и такая организація все-таки пойдетъ на пользу рабочему движенію. Въ Петербургѣ подобныя затѣи не скоро привились.

Только способному свящ. Гапону, очень покровительствуемому, удалось организовать союзъ рабочихъ. Къ декабрю 1904 г. въ Петербургѣ открылось 11 отдѣловъ рабочихъ собраній. На чтенія, концерты, собесѣдованія сходилась масса неподготовленныхъ наивныхъ рабочихъ, хотя и взволнованныхъ военными извѣстіями, но заинтересованныхъ главнымъ образомъ своимъ экономическимъ положеніемъ. Но скоро бесѣды, объясненія событій по газетамъ, извѣстія о съѣздахъ и резолюціяхъ породили и въ нихъ жажду протеста, который они рѣшили выразить въ формѣ жалобы Государю на свои обиды и безправіе. Паденіе П.-Артура еще сильнѣе возбудило ихъ. Развитые рабочіе примкнули къ массѣ, хотя сомнѣвались, чтобы шествіе ко дворцу Государя сошло благополучно. Съ 7-го янв. (1905 г.) началась забастовка заводовъ, мастерскихъ, рабочихъ и служащихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Стали конки, прекратилось освѣщеніе. 9 янв. рабочіе десятками тысячъ, иные съ хоругвями, двинулись изо всѣхъ отдѣловъ къ Зимнему дворцу. По дорогѣ у заставъ, на улицахъ, на дворцовой площади ихъ встрѣчали войска ружейными залпами. Рабочіе растерялись отъ неожиданности и ужаса. 3 дня въ Петербургѣ царили уличные безпорядки. Важная роль въ нихъ принадлежала темному люду, поддонкамъ населенія, выдвинутымъ противъ рабочихъ.

Петербургскія событія отозвались во всей странѣ уличными демонстраціями въ городахъ, среди которыхъ къ ужасу родителей страдали учащіеся и дѣти. Въ деревняхъ усилилось аграрное движеніе. Въ Закавказьѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ все это осложнялось племенными, національными распрями. Забастовки стали обычнымъ явленіемъ. Мѣстами вспыхивали военные бунты (на броненосцѣ черноморск. флота), которые сильно дѣйствовали на психологію общества.

Мирная интеллигенція стала организоваться въ разнообразные союзы (инженеровъ, врачей, писателей и т. д., равноправія женщинъ); члены ихъ сговаривались въ политическихъ взглядахъ, обсуждали событія, программы реформъ. Эти организаціи очень подготовили общество къ предстоящей предвыборной работѣ.

Между тѣмъ 18 февраля еще въ дни безнадежнаго боя близъ Мукдена рескриптомъ министру внутр. дѣлъ Государь обѣщалъ—„привлекать избранныхъ отъ населенія людей къ обсужденію законодательныхъ предположеній“, но при условіи „незыблемости основныхъ законовъ имперіи“. О работѣ мин. Булыгина, которому была поручена подготовка плана новаго учрежденія, ничего еще не было слышно, когда послѣ Цусимы общество дошло до крайняго раздраженія.

Земскіе и городскіе дѣятели, члены союзовъ съѣхались въ Москвѣ. Тамъ составили адресъ Государю. На аудіенціи Государь лично обѣщалъ подавшимъ адресъ земцамъ и профессорамъ, что созоветъ народныхъ представителей. Дѣло пошло быстрѣй. 6-го августа было обнародовано

1-ое Учрежденіе о Государственной Думѣ. Выборы оказались многостепенными и отнюдь не всеобщими, для крестьянъ даже 4-степенными: рабочіе, евреи, большинство городскихъ обывателей не получили избирательныхъ правъ. Собраніе представителей имѣло совѣщательный характеръ; предсѣдатель его назначался, а не избирался. О свободѣ слова, гарантіи личности и не поминалось. Не того ожидало населеніе.

Юристы энергично предупреждали, что въ современномъ сложномъ государствѣ такая неразвитая форма представительства неудобна: собраніе безъ отвѣтственности, безъ большинства и его основного мнѣнія порождаетъ безпокойную борьбу съ администраціей за торжество своихъ мнѣній, внушаетъ усиленную потребность въ полныхъ законодательныхъ правахъ, что вызыветъ переходъ къ отвѣтственному собранію.

Новое учрежденіе приняли холодно и сухо. Автономія университетовъ по закону 27-го августа вызвала больше интереса. Въ университетахъ собранія стали свободными, и тотчасъ въ нихъ завелись митинги, которыхъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ еще не имѣли права собирать; это сразу спутало новую жизнь центровъ просвѣщенія.

Броженіе продолжалось. Среди людей крайнихъ мнѣній слышались голоса, что не стоитъ посылать представителей въ неполноправную думу, лучше объявить ей „бойкотъ" (игнорировать ее). Но въ кругахъ обезпеченной интеллигенціи, въ средѣ земскимъ и городскихъ дѣятелей стали усиленно группироваться *политическими* партіями, чтобы подготовить выборы въ Думу, хотя бы при открытіи она имѣла совѣщательный характеръ.

Общее настроеніе при ликвидаціи войны сверху до низу во всемъ населеніи было тяжелое, смутно-грозовое; все прониклось страстнымъ желаніемъ высказаться всѣмъ сразу, слиться въ одномъ аккордѣ: тогда-то получилъ особую популярность планъ всеобщей забастовки. Пріостановка промышленной, публичной жизни во всей странѣ должна выразить недовольство всѣхъ соприкасающихся съ ея культурною работой. Идея была тѣмъ болѣе увлекательна, что мирная демонстрація оказывалась вполнѣ въ духѣ націи, склонной къ пассивному сопротивленію. Важной объединяющей силой оказались желѣзныя дороги съ ихъ узловыми станціями и огромными мастерскими, со множествомъ рабочихъ и низшихъ служащихъ, давно роптавшихъ на свое экономическое положеніе. Фабрики и заводы давно приспособились къ стачечнымъ движеніямъ. Въ октябрѣ первыми остановились желѣзно-дорожныя сообщенія, и разразилась громаднѣйшая политическая забастовка, какую только знаетъ исторія. Прекратилась вся торговля, стали почта и телеграфъ, не стало освѣщенія въ городахъ, закрылись школы, театры, наконецъ даже конторы и канцеляріи присутственныхъ мѣстъ. Громадная страна замерла въ единодушномъ порывѣ. Впечатлѣніе было потрясающее.

Теперь еще нѣтъ возможности разобраться въ скрытыхъ пружинахъ, подготовившихъ грандіозное событіе. Несомнѣнно, что безпорядки, хищенія по желѣзнымъ дорогамъ и разнымъ учрежденіямъ, расшатавъ власть, вызывали сочувствіе къ нему среди лицъ, далекихъ отъ политическихъ движеній; бастовали смѣло, открыто, какъ бы чувствуя подъ собой твердую почву.

Сила событія была особенно ощутительна въ Москвѣ, первостепен-

номъ торговомъ и желѣзнодорожномъ центрѣ; но здѣсь же замѣчалась и слабая сторона движенія: народная масса молча испытующе ожидала, что же ей дѣлать дальше со своимъ протестомъ а вождей у нея не оказывалось. Засѣданія съ представителями общественныхъ кружковъ, партій, союзовъ не выдвигали выдающагося организатора, истолкователя воли большинства... Выдержка бѣднѣйшаго люда ослабѣвала; забастовка догорала, когда поздно вечеромъ 17-го октября разнеслась вѣсть про Высочайшій манифестъ. Государь выражалъ въ немъ свою непреклонную волю; 1) „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ,—2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее расширеніе избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и 3) установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Г. Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей."—Комитетъ министровъ преобразовывался въ совѣтъ съ министромъ-предсѣдателемъ во главѣ, который объединяетъ его дѣятельность. 17-го октября 1905 г. Россія вступила въ новый періодъ своей исторіи.

XLIX.

Бурные дни Признаки реакціи. Судьба Государственной думы перваго и второго созыва. Третьи выборы. Новое законодательство.

18 октября 1905 г. ораторы выходили говорить рѣчи на площади; газеты появились свободно безъ цензурныхъ разрѣшеній; заключенные по административнымъ распоряженіямъ выпускались на волю. Наступили дни свободы. Но администрація не имѣла навыка дѣйствовать въ такой необычной обстановкѣ. Съ другой стороны во всѣхъ населенныхъ центрахъ еще жили забастовочные комитеты и др. организаціи послѣднихъ дней, и соціалистическая пропаганда раздалась свободно и сильно. Торжественнымъ собраніямъ и шествіямъ сторонниковъ свободы явился противовѣсъ въ процессіяхъ приверженцевъ сильной власти. Уже 18 окт. начались столкновенія въ Петербургѣ и Москвѣ. Такія же столкновенія во множествѣ городовъ обратились въ погромы, обрушившіяся на евреевъ, а гдѣ ихъ не было, на либеральную интеллигенцію.

Изъ рабочихъ комитетовъ складывались совѣты рабочихъ депутатовъ. Въ Петербургѣ такой совѣтъ засѣдалъ на глазахъ администраціи, издавалъ свою газету; представители его сносились съ высокопоставленными лицами. Впрочемъ, его руководители принадлежали къ числу интеллигенціи. Выполняя лозунги рабочей партіи, объявивъ 8-ми часовой рабочій день, чему хозяева покорились, политично выжидая, совѣтъ

увлекся высшей политикой, пытался новой всеобщей забастовкой бороться съ объявленіемъ военнаго положенія въ Польшѣ. Но рабочая масса утомилась, а въ верхнихъ слояхъ разбивались на партійныя теченія; единодушная общая забастовка была уже немыслима. Представители соціалистическихъ партій твердо стояли на требованіи созыва учредительнаго собранія и ради него стремились къ борьбѣ съ властью. На время Москва оказалась средоточіемъ этого теченія; ея болѣе наивные рабочіе, разъ возбужденные, легче поддавались пропагандѣ; здѣсь соціальное движеніе рѣзче обособилось отъ политическаго: здѣсь было мало войскъ, и потому ожидали меньше сопротивленія. Администрація, лишенная правъ дѣйствовать съ прежней прямолинейностью, присматривалась къ происходящему; она видѣла, что единодушныхъ рѣшительныхъ дѣйствій не будетъ, и не очень боялась ихъ. Съ одной стороны заготовлялся указъ сенату о распространеніи избирательныхъ правъ на новыя группы населенія (обнародованный 11-го дек.), съ другой арестовали совѣтъ рабочихъ депутатовъ, что не вызвало движенія среди рабочихъ Петербурга.

Въ Москвѣ вспыхнули разрозненныя боевыя выступленія, какъ результатъ соціалистической пропаганды. Вмѣшались и темные элементы, примыкая то къ одной, то къ другой сторонѣ. Однако, борьба оказалась серьезнѣе, чѣмъ думали московскія власти; пришлось вызвать гвардейскій полкъ изъ Петербурга. Московское волненіе потонуло въ крови.

Бури крутились повсюду. На окраинахъ разыгрывались сложныя событія, очень важныя для будущихъ внимательныхъ историковъ. Мѣстами въ провинціальныхъ городахъ первенствовавшіе во время забастовки комитеты и совѣты рабочихъ сохраняли свое значеніе и вліяніе на толпы. Въ Нижнемъ Новгородѣ, напр., долго гремѣли въ Народномъ домѣ рѣчи ораторовъ разныхъ партій, засѣдали комитеты рабочихъ и интеллигентовъ и пользовались такимъ авторитетомъ, что крестьяне обращались къ нимъ съ жалобами на обидчиковъ, съ просьбами—разсудить ихъ дѣла и тяжбы. Тамъ, гдѣ скопилось сильное раздраженіе противъ администраціи, мѣстнымъ или партійнымъ дѣятелямъ удавалось на нѣсколько дней овладѣть довѣріемъ значительной части населенія, даже привлечь къ себѣ кое-кого изъ властей и править городомъ, пока отряды казаковъ или др. войсковыхъ частей не возстановляли прежнихъ администраторовъ. Такъ бывало въ нѣкоторыхъ южныхъ и западныхъ городахъ. Очень сильны были волненія въ Сибири, подкрѣпляемыя недовольствомъ войскъ. Въ Красноярскѣ одно время объединились вмѣстѣ—рабочіе съ вождями соціалъ-демократами, старики-казаки 3-го срока службы, жаждавшіе увольненія солдаты, даже офицеры; умиротворяющимъ началомъ, отклоняющимъ отъ кровавыхъ вспышекъ и междоусобіи являлись интеллигенты изъ быстро организовавшейся конституціонно-демократической партіи: они старались устранить анархію и склоняли власть къ выдержкѣ и мягкости, пока карательные отряды не приступали къ инымъ расправамъ.

Разыгрывались подобныя же сцены въ другихъ городахъ по линіи Сибирской дороги; объединялись съ цѣлью поскорѣе вывозить скопившіяся войска, опасныя для мирныхъ сибиряковъ, которые готовы были поддерживать кого угодно, только бы служащіе не бастовали и поскорѣе избавили ихъ страну отъ терявшихъ дисциплину солдатъ. Возбужденіе утихало само собой, союзы распадались, когда карательные отряды въ ан-

варѣ 1906 г. опять всколыхнули настроеніе массъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ волненія осложнялись враждой туземнаго сельскаго населенія къ землевладѣльцамъ-нѣмцамъ. Въ Баку и окрестной области возникли междоусобія между мусульманами и христіанами. Экономическое движеніе крестьянъ и рабочихъ въ Гуріи подавлялось рѣшительными мѣрами.

Съ наступленіемъ 1906 г. уже чувствовалось начало реакціи. Достаточный классъ, начиная съ зажиточныхъ крестьянъ, смутился соціальной стороной движенія и покидалъ прежнихъ союзниковъ; рабочіе разорились, утомились и разочаровались въ успѣхѣ своихъ порывовъ. Администрація окрѣпла въ старыхъ порядкахъ; охрана возвращала себѣ прежнія права. Въ Петербургѣ готовились законы, необходимыя для поддержанія власти.

Въ февралѣ началась первая избирательная кампанія, и тогда же (20 февр.) новый манифестъ рядомъ съ Гос. Думой поставилъ Госуд. Совѣтъ; законъ не можетъ имѣть силы безъ одобренія Совѣта и Думы; обнародованы законъ о переустройствѣ Гос. Совѣта (пополненіе его членами по выборамъ) и новое „Учрежденіе" Гос. Думы. Съ осени спѣшно сформировались политическія партіи. На правомъ флангѣ обозначилась *монархическая* партія, стремившаяся къ возстановленію стараго порядка; рядомъ съ нею еще ранѣе энергично организовался „*Союзъ русскаго народа*", признающій волю Государя въ его манифестѣ о Думѣ, но основывающій самодержавіе на единеніи Царя съ народомъ; далѣе очень шумно заявила о себѣ *партія правового порядка*, въ неразработанной программѣ готовая принять конституцію на основаніи манифеста 17 окт., но требовавшая сильной власти прежде всего. Гораздо яснѣе оказалась программа „Союза 17 октября", составленная земцами меньшинства, отказавшагося въ 1904 г. отъ плана полноправнаго представительства, разработаннаго большинствомъ конституціоналистовъ. Теперь они признавали законодательную Думу и основывали свои требованія на обѣщаніяхъ акта 17-го окт. Имена уважаемыхъ земскихъ дѣятелей привлекли къ союзу не мало профессоровъ, но зато и очень много чиновниковъ и просто обывателей, весьма нетвердыхъ въ пониманіи конституціи. Къ этой группѣ примыкала и позже слилась съ нею *торгово-промышленная* партія, руководимая лицами, которыя имѣли голосъ въ финансовой политикѣ мин. Витте. *Конституціонно-демократическая* партія (позже партія народной свободы) сложилась въ началѣ октября 1905 г. изъ радикальныхъ элементовъ земскаго союза, изъ союза освобожденія и др. союзовъ. Въ нее вошло много выдающихся общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, юристовъ-практиковъ, писателей. Многіе изъ ея членовъ подолгу жили заграницей, изучали избирательныя системы, технику выборовъ и, основательно подготовленные, очень энергично организовали дѣятельность партіи и приступили къ устройству предвыборныхъ собраній. Менѣе радикально настроенные дѣятели и профессора объединились въ партію *демократическихъ реформъ*. Неудовлетворившіеся этой партіей элементы положили начало *радикальной* партіи или остались просто прогрессивными избирателями. Крайній лѣвый флангъ заняли партіи *соціалъ-демократическая и соціалистовъ-революціонеровъ*; послѣдніе не признавали Гос. Думы и вмѣстѣ съ частью партіи соц.-демократовъ (большевиками) рѣшили являться на предвыборныя собранія только для ознакомленія публики со своими программами. Отка-

зывались отъ выборовъ и многіе рабочіе, обиженные, что голоса ихъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія.

Населеніе очень утомилось отъ войны, отъ волненій и кровопролитій; оно жаждало обновленія и порядка, опасалось дальнѣйшихъ внутреннихъ бѣдствій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ страшные погромы, нещадныя кары, проявленія произвола поддерживали его возбужденіе; всѣ желали перемѣны администраціи. На выборахъ въ Думу оппозиція, радикалы могли разсчитывать на успѣхъ.

Важной для выборовъ и обычной на Западѣ свободы собраній, слова и печати не было. Въ провинціи съ большимъ трудомъ устраивались и разрѣшались предвыборныя собранія; опытныхъ ораторовъ было мало, къ тому же ихъ часто устраняли. Однако само населеніе такъ быстро развивалось во время самой кампаніи, что выборы совершались очень гладко для перваго раза. Крестьяне ждали отъ Думы разрѣшенія всѣхъ затрудненій и относились съ полнымъ вниманіемъ къ единственнымъ въ мірѣ четырехстепеннымъ выборамъ. Конст.-демократы сразу получили большое вліяніе въ городахъ, особенно въ Великороссіи; да и крестьяне, хотя и видѣли въ нихъ „господъ", однако, признавали подходящими людьми для новой администраціи.

Обѣщавшіе коренныя реформы соціалисты часто отказывались отъ выборовъ, оставляя поле власти другимъ. Правыя партіи состояли изъ людей совершенно неопытныхъ въ политической работѣ, въ избирательной борьбѣ и не имѣли никакого успѣха. Только „Союзъ 17 окт." выступилъ на собраніяхъ, агитировалъ, и его лучшіе представители прошли въ члены Думы. Энергичные конст.-демократы развивали очень широкую дѣятельность, благодаря своей сплоченности и дисциплинѣ: они сразу объявили имена своихъ кандидатовъ въ Думу, а затѣмъ указывали населенію на выборщиковъ, которые обязывались голосовать за кандидатовъ; такимъ образомъ избиратели прямо черезъ посредство выборщиковъ выбирали своихъ представителей. Громадная масса избирателей не принадлежала къ партіямъ, и выбирала извѣстныхъ лицъ, заслуженныхъ, полезныхъ работниковъ, часто не справляясь, къ какой партіи они принадлежатъ, поэтому прошло много безпартійныхъ, среди которыхъ скрывались правые, во-время сообразившіе, что въ данное время лучше не выказывать своего консерватизма.

Дума перваго созыва оказалась радикальной: въ маѣ ея составъ былъ таковъ: конст.-демократы—153, демокр. реформъ—4, трудовая группа—107, автономисты [1]) и польское коло — 63, Союзъ 17-го октября — 13, умер. прогрессисты — 2, торгово-промышл. — 1, безпартійныхъ—105.

Депутаты готовились къ своей обязанности, какъ къ подвигу: подъ впечатлѣніемъ кровавыхъ событій, собирались какъ въ опасный походъ, изъ котораго не всѣ вернутся.

Почти по всей Россіи крестьянъ-выборщиковъ и депутатовъ усердно завлекали въ среду монархистовъ и союза русскаго народа. Въ Петербургѣ монархисты устроили особыя квартиры, куда прямо съ вокзала

[1]) Стоящіе за права народностей и ихъ культурныя особенности малороссы, литовцы, мусульмане и др.

привозили неопытныхъ крестьянъ. Но съ другой стороны еще во время выборовъ радикалы-интеллигенты сговаривались, какъ организовать крестьянъ въ особую „партію труда“ (по примѣру англійской и др.). Пріѣхавъ раньше въ Петербургъ, они разослали всѣмъ крестьянскимъ депутатамъ приглашенія прибыть на указанную квартиру. Тамъ очень спѣшно объединилась *трудовая* группа, подъ руководствомъ лидеровъ (вождей) народниковъ-интеллигентовъ и безпартійныхъ соціалистовъ. Ея программы не успѣли разработать и она отличалась главнымъ образомъ радикальной постановкой земельнаго (аграрнаго) вопроса. Лидеры обратили много вниманія на политическое развитіе крестьянъ, устраивали для нихъ лекціи, бесѣды по вопросамъ законодательства. Слѣдуетъ отмѣтить, что наша трудовая группа сложилась не такъ, какъ рабочая партія въ парламентѣ Англіи. Послѣдняя создана силами самихъ рабочихъ и вся поглощена очередными задачами ихъ быта, ихъ интересовъ; лидеровъ, людей съ высшимъ образованіемъ она выдѣлила изъ своей среды. Наша группа организована лицами интеллигентнаго круга, иного воспитанія, и это различіе часто чувствовалось во время голосованій.

Оппозиціонный составъ Думы побудилъ правительство поскорѣе укрѣпить за собою права власти. 23-го апрѣля, когда депутаты съѣхались, были обнародованы „Основные законы“, которые могутъ быть измѣнены только по почину Верховной власти; они впервые раздѣляютъ *верховное управленіе* отъ правъ *законодательной* власти, которыя осуществляются въ единеніи съ Гос. Совѣтомъ и Гос. Думой. Статья 87-я предоставляетъ Государю право во время прекращенія занятій Думы издавать мѣры законодательнаго характера, которыя впослѣдствіи вносятся въ Гос. Думу въ видѣ законопроектовъ. Появленіе этихъ актовъ изумило неподготовившихся къ такимъ мѣрамъ депутатовъ, но не измѣнило ихъ отношенія къ своимъ задачамъ.

27 апрѣля депутаты были торжественно привѣтствованы Государемъ въ Зимнемъ дворцѣ. Вечеромъ въ Таврическомъ дворцѣ они проявили полное единодушіе при выборѣ предсѣдателя проф. Муромцева, и по вопросу объ амнистіи осужденныхъ по политическимъ дѣламъ стараго порядка. Далѣе Дума намѣтила программу своей дѣятельности для изложенія ее въ отвѣтномъ адресѣ Государю. Она намѣревалась приступить къ усовершенствованію представительства на основѣ всеобщаго избирательнаго права; измѣнить административные порядки ради скорѣйшаго проведенія въ жизнь свободъ, обѣщанныхъ 17-го октября. Дума указывала на необходимость отмѣнить всѣ исключительные законы, особенно чрезвычайную охрану; на ненормальное положеніе Гос. Совѣта, члены котораго, не несутъ тяготы налоговъ, но по закону останавливаютъ постановленія Думы; на необходимость введенія отвѣтственности министровъ. Далѣе Дума указала на важность установленія равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ безъ различія національности, вѣры, пола, сословій. Она рѣшила возвысить значеніе суда, отмѣнить смертную казнь, преобразовать мѣстное самоуправленіе на новыхъ началахъ, работать для духовенства. Наконецъ объявила неотложной заботой удовлетвореніе крестьянъ землей изъ государственныхъ запасовъ и пополненіе запасовъ принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческихъ земель; охрану наемнаго труда, подъемъ матеріальнаго и духовнаго благосостоянія населенія.

Государь не пожелалъ лично принять депутацію съ адресомъ. Затѣмъ въ Думѣ загорѣлась лихорадочная дѣятельность въ общихъ засѣданіяхъ и комиссіяхъ по разработкѣ законопроектовъ и запросовъ отъ населенія и по организаціи ея собственной дѣятельности. Члены комиссій выбирались пропорціонально числу депутатовъ во фракціяхъ партій. Министры представили на разсмотрѣніе Думы только одинъ совершенно ничтожный проектъ, а 13-го мая въ деклараціи министерство заявило, что многое, высказанное въ адресѣ, вовсе не подлежитъ обсужденію членовъ Гос. Думы, аграрный вопросъ не можетъ разрѣшаться по ея планамъ, что частная собственность священна. Со стороны лѣвой раздались въ отвѣтъ возгласы негодованія. Министерство разошлось съ мнѣніемъ большинства народныхъ представителей, и Дума, дѣлая переходъ къ очереднымъ дѣламъ, постановила, что министрамъ слѣдуетъ выйти въ отставку. Министерство осталось. Но совмѣстная законодательная работа его съ Думой была невозможна, что же будетъ съ Думой? Слѣдовало ожидать ея распущенія, но депутаты полагали, что съ роспускомъ помедлятъ.

Сотни запросовъ отъ мѣстнаго населенія по поводу погромовъ, казней, мѣстныхъ распоряженій занимали массу времени. Почти всѣ законопроекты вносились фракціей (собраніе депутатовъ одной партіи) конст.-демократовъ. По аграрному вопросу, кромѣ разсматриваемаго проекта этой партіи (надѣленіе крестьянъ землей по справедливой оцѣнкѣ и національзація отчуждаемыхъ отъ владѣльцевъ земель), трудовая группа внесла свой законопроектъ, которымъ заявляла, что только полноправная Дума (избр. всеобщ. голосованіемъ) можетъ рѣшить аграрный вопросъ; вообще же частная собственность на землю должна быть отмѣнена: земля принадлежитъ всему народу и отпускается участками въ пользованіе трудящихся, (мужчинамъ и женщинамъ). Этотъ проектъ былъ отвергнутъ Думой. Множество ораторовъ, особенно крестьянъ, считали своимъ долгомъ высказаться по земельному вопросу, и засѣданія часто затягивались до глубокой ночи.

Важнѣйшіе проекты, одобренные и принятые для разработки были: о *гражданскомъ равенствѣ*, которымъ отмѣнялись какъ ограниченія правъ, такъ и привилегіи, связанныя съ сословіемъ, національностью, вѣрой и поломъ (женщины уравнивались въ правахъ съ мужчинами); законопроекты о собраніяхъ, союзахъ, свободѣ печати, о свободѣ совѣсти, о неприкосновенности членовъ Думы. Успѣли принять только два закона: объ отмѣнѣ смертной казни, объ ассигнованіи 15 мил. р. на продовольствіе голодающему населенію. Запросы не давали депутатамъ сосредоточиться, всѣ понимали, что они безуспѣшны при разладѣ съ властями. Особенно много времени занялъ запросъ о страшномъ погромѣ въ Бѣлостокѣ, побудившій депутата кн. Урусова (бывшаго губернатора) въ блестящей рѣчи открыть тайны этихъ событій. Рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе. Наступили послѣднія дни жизни 1-й Думы. Пренія протекали нервно и бурно; надъ собраніемъ сгущался туманъ неопредѣленности, неизвѣстности. Появленіе министровъ вызывало раздраженіе, а между тѣмъ еще иногда говорили о возможности вступленія въ министерство нѣкоторыхъ членовъ Думы, даже конст.-демократовъ. Къ іюлю съ пріѣздомъ депутатовъ изъ Сибири, Закавказья и Туркестана распредѣленіе партій измѣ-

нилось: конст.-демократовъ — 172; они притянули къ себѣ новыхъ членовъ; 96 трудовиковъ, 36—польское коло, 24 автономиста, 35 новой группы мирнаго обновленія (изъ Союза 17 окт. и безпартійныхъ), 3 дем. реформъ; 19 соціалъ-демократовъ изъ вновь пріѣзжихъ, привлекшихъ къ себѣ товарищей отъ трудовиковъ, 92 безпартійныхъ, 8 неизвѣстныхъ. Организація 17-го окт. растаяла съ переходомъ лучшихъ представителей (гр. Гейдена, М. Стаховича) въ группу мирн. обновленія. Польское коло рѣзко обособилось въ національный кружекъ, поражавшій русскихъ соціалистовъ единеніемъ крестьянъ съ аристократами.

Съ появленіемъ соц.-демократовъ единодушныя постановленія стали невозможными, а рѣзкости противъ властей усилились. 20-го іюня Думѣ доложили сообщеніе правительства о земельной реформѣ, гдѣ высказывалось, что отношеніе Думы къ собственности вредно прежде всего самимъ крестьянамъ. Выходило такъ, что народъ, читая его, могъ подумать, что члены Думы измѣнили ему въ его коренныхъ интересахъ. Тогда изъ среды умѣренныхъ депутатовъ вышло предложеніе издать свое обращеніе Думы къ народу, разъясняющее положеніе дѣла. Обсужденіе текста вызвало расколъ, неизбѣжный, если присмотрѣться къ соотношенію партій. Трудовики воздержались отъ голосованія; тоже сдѣлали поляки. Обращеніе было принято ничтожнымъ числомъ голосовъ. Это произошло 7-го іюля; 9-го, въ воскресенье утромъ. Дума оказалась распущенной.

Значительная часть бывшихъ депутатовъ немедленно выѣхала въ Финляндію; тамъ, въ Выборгѣ, они подписали воззваніе къ народу, и послѣ совѣщаній партіями разъѣхались. Народъ принялъ роспускъ Думы въ мрачномъ молчаніи. Однако, въ Свеаборгѣ и въ Кронштадтѣ произошли бунты моряковъ. Въ деревняхъ попрежнему поджогами, запахиваньемъ земли боролись съ частными собственниками. Повсюду были приняты мѣры противъ собесѣдованій бывшихъ депутатовъ съ населеніемъ, хотя бы строго дѣловымъ. 180 лицъ, подписавшихъ воззваніе, по судебному приговору подверглись тюремному заключенію (3 мѣс.). Представители соціалистическихъ партій подверглись болѣе тяжелой отвѣтственности; иные скрылись заграницу.

Наступило междудумье, какъ говорили въ просторѣчіи.

Въ странѣ продолжалась борьба съ затихавшимъ народнымъ броженіемъ. Неуспѣхъ агитаціи вокругъ Думы, очевидная невозможность общаго движенія народной массы побудили часть крайней партіи выдѣлиться въ кружки „максималистовъ". Захватомъ казенныхъ суммъ и денежныхъ средствъ крупныхъ собственниковъ группа продолжала открытую борьбу съ господствующимъ классомъ и правящими сферами; противъ послѣднихъ намѣчались террористическія покушенія. Броженіе вырождалось въ дерзанія личной смѣлости. Примѣры удачныхъ экспропріацій вызвали подражанія изъ среды лишенныхъ работы и всякихъ средствъ къ жизни и, наконецъ, профессіональныхъ мошенниковъ. Дѣянія революціонеровъ скоро потонули въ массѣ простыхъ грабежей.

Но параллельно съ этими явленіями общее движеніе все утихало, переходя мѣстами въ апатію.

Эта апатія не коснулась учебнаго дѣла; потребность въ образованіи проявилась съ небывалымъ жаромъ. Высшія учебныя заведенія наполнились невиданными массами учащихся. Студенты и курсистки ревностно

принялись за учебныя работы. Среднихъ школъ почти всюду недоставало: классы переполнялись. Зародился снова интересъ къ научной литературѣ. Публика пресытилась публицистикой, брошюрами и популярными изданіями.

Правительство рѣшительно укрѣпляло власть администраціи. Признавая, что страна находится подъ давленіемъ „чрезвычайныхъ обстоятельствъ“, въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ издавался рядъ законодательныхъ постановленій. Въ августѣ 1906 г. въ отвѣтъ на военные бунты установлена строгая отвѣтственность за пропаганду среди войскъ. Далѣе вышло постановленіе о военно-полевыхъ судахъ для скорѣйшаго осужденія тѣхъ обвиненныхъ въ революціонныхъ замыслахъ, которыхъ захватывали военные отряды, экспедиціи, стражники и т. д. Рядомъ съ усиленіемъ мѣстныхъ властей и борьбой съ участниками былого движенія проявлялись заботы о крестьянахъ и рабочемъ классѣ. Указъ 5-го октября уравнивалъ крестьянство въ правахъ съ прочими сословіями. При этомъ особымъ циркуляромъ сохранялась еще должность земскихъ начальниковъ. Выходили постановленія объ обезпеченіи крестьянъ землей, объ установленіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Особенно важенъ законъ 9 ноября объ уничтоженіи сельской общины, дающій право каждому ея члену выдѣляться съ сохраненіемъ земельнаго надѣла на правахъ частнаго собственника. Составленный слишкомъ посиѣшно, необдуманно, онъ можетъ подавать поводъ къ тяжелымъ столкновеніямъ: размѣры надѣловъ часто колебались, и обществу не легко установить, сколько именно десятинъ изъ выкупленнаго сообща достоянія деревни каждый домохозяинъ имѣетъ право оставить за собой навсегда.

То былъ отвѣтъ на проектъ Думы объ отчужденіи земель въ запасъ, о наслѣдственной арендѣ для земледѣльцевъ и пр. Новый законъ стремился укрѣпить частную собственность среди самыхъ мелкихъ владѣльцевъ, побудить ихъ забыть древнее крестьянское мнѣніе, что „земля Божья“. Сказывалось на немъ и вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ выгодно имѣть по сосѣдству побольше рабочихъ рукъ, не связанныхъ общиной, членовъ семей, незанятыхъ работой на маленькихъ собственныхъ землицахъ. Въ 1906 г. крупные землевладѣльцы объединились своей политической консервативной группой, и вліяніе ихъ въ земствахъ росло. Множество видныхъ дѣятелей, депутатовъ 1-й Думы и ихъ друзей, многіе представители оппозиціи въ провинціяхъ оказались подъ судомъ, слѣдствіемъ, подъ арестомъ, такъ или иначе лишились своихъ избирательныхъ правъ. При дѣйствіи земскаго положенія 1890 г. это открывало путь крупнымъ собственникамъ консерваторамъ; мѣстная администрація при содѣйствіи союза русск. народа и другихъ организацій помогала избранію старшинъ и старостъ, примыкавшихъ къ нимъ. Такимъ образомъ къ концу 1906 г. помѣщики и консервативные элементы деревень господствовали въ земскихъ собраніяхъ и почти повсюду завладѣли самоуправленіемъ. Они старательно вытѣсняли статистиковъ, врачей, нежелательныхъ учителей; дѣятельность земствъ сокращается до-нельзя, усиливая реакцію.

Крупные собственники очень хлопотали о немедленномъ измѣненіи избирательнаго закона ради сокращенія числа депутатовъ отъ крестьянъ

и мелкихъ собственниковъ. Съ назначеніемъ осенью срока открытія Думы (20 февр. 1907) началось прежнимъ порядкомъ составленіе списковъ избирателей. При каждомъ недоразумѣніи по поводу списковъ, почти при каждой жалобѣ избирателей давались разъясненія черезъ сенатъ, ограничивавшія дѣйствія той или иной статьи: среди крестьянъ избирателями оказались одни домохозяева, сократились права квартиронанимателей и множества служащихъ (до машинистовъ и кондукторовъ желѣзныхъ дорогъ). Законъ о регистраціи (оффиціальномъ признаніи) обществъ и союзовъ примѣнялся съ исключительною строгостью; только строго монархическія партіи и союзъ 17-го окт. получили возможность собираться и открыто агитировать за своихъ кандидатовъ. Извѣщенія о мѣстахъ выборныхъ собраній очень часто разсылались съ опозданіемъ, не доходили по адресамъ. Выборщики крестьяне часто оказывались въ неудобномъ, даже безвыходномъ положеніи. Вообще выборы протекали въ очень выгодной для правыхъ и октябристовъ обстановкѣ.

Несмотря на все это, можно было заранѣе предвидѣть, что Дума второго созыва окажется радикальнѣй первой. Карательныя экспедиціи, военно-полевые суды, множество казней поддерживали недовольство въ глубинѣ населенія, и оно вопреки устройству выборовъ охотно голосовало за трудовиковъ и соціалистовъ. Теперь всѣ соціалисты участвовали въ выборахъ. Конститут.-демократы оказались въ невыгодномъ положеніи; они не имѣли права вести агитацію, а при враждѣ къ нимъ лѣвыхъ имъ приходилось уступать мѣста правымъ; послѣдніе выигрывали, когда голоса разбивались.

20 февраля открылась Дума съ весьма разнообразнымъ составомъ представителей всѣхъ политическихъ группъ; въ ней собралось: крайнихъ правыхъ — 63, октябристовъ — 34, конст.-демократовъ — 117, польское коло—39, трудовиковъ и лѣвыхъ—97, соціалистовъ—97 (болѣе всего соціалъ-демократовъ), безпартійныхъ—22. Партійное дѣленіе выражалось гораздо рѣзче прежняго; центра, сплоченнаго большинства не оказывалось; оппозиція, умѣренная и крайняя, была очень сильна числомъ (336), но слаба отсутствіемъ единодушія. Крайніе правые не признавали Думы, называя ее революціонной; большинство соціалистовъ не считало ее всенародно избранной. Только конст.-демократы и поляки цѣнили ее, ради правильной законодательной работы; но первые лишились своихъ лучшихъ уже опытныхъ представителей; среди правыхъ и лѣвыхъ группъ было мало подготовленныхъ къ работѣ людей. Голосовать и работать было очень трудно. Въ обществѣ думали, что роспускъ грозитъ Думѣ съ первыхъ засѣданій. Однако, завѣтъ крестьянъ „беречь Думу“ оказалъ вліяніе; даже лѣвые старались сдерживаться.

Теперь министерства уже не могли не внести въ Думу своихъ проектовъ. Въ общемъ вторая Дума получила ихъ до 280, въ числѣ которыхъ оказались такія важныя дѣла, какъ государственная роспись прихода и расходовъ, вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, о подоходномъ налогѣ, о реформѣ мѣстнаго самоуправленія и т. д.; кромѣ того вносились проекты и предложенія отъ фракцій и группъ депутатовъ. 15 комиссій были завалены работой. Но даже умѣренные, убѣжденные конституціоналисты жаловались, что не могутъ заниматься при раздражающемъ ожиданіи скораго роспуска. То отъ министровъ, то отъ правыхъ или край-

нихъ лѣвыхъ депутатовъ ожидались опасные вызывающіе раздоръ запросы. Особенно правые старались вызывать раздраженіе и рѣзкости, чтобы ускорить роспускъ. Затруднялась работа и новизной дѣла, напр., пересмотромъ колоссальной росписи, а съ другой стороны неохотой, съ которой вѣдомства выдавали свои документы и необходимыя справки. При докладѣ министра финансовъ оказалось, что половина росписи расходовъ не подлежитъ вѣдѣнію Гос. Думы.

Попрежнему масса времени на общихъ засѣданіяхъ уходила на выслушиваніе десятковъ рѣчей по земельному вопросу, которые депутаты считали своимъ долгомъ произносить. При дебатахъ голоса разбивались. Правые (болѣе 100) часто отсутствовали; 123 конституціоналиста съ помощью фракцій казачьей и мусульманской (45) могли составить центральное большинство, если достигали соглашенія съ поляками или привлекали къ себѣ часть трудовиковъ. Крестьяне-трудовики знали, что ихъ 90 голосовъ имѣютъ большое значеніе; но съ чисто крестьянской недовѣрчивостью не рѣшались сблизиться съ опредѣленной партіей: имъ хотѣлось самимъ влiять на партіи; но для этого у нихъ не хватало ни развитія, ни умѣнья; не было у нихъ и способныхъ вождей, отчасти потому, что они плохо довѣрялись интеллигентамъ „господамъ". Весной, едва налаживалась работа въ комиссіяхъ, какъ рѣзкая рѣчь соц.-демократа по вопросу о составѣ арміи, а затѣмъ обыскъ въ помѣщеніи фракціи соц.-демократовъ заставили опять ожидать роспуска. По закону предать депутатовъ суду и арестовать могли только съ согласія всей Думы. Прокурорскій надзоръ явился съ обвиненіемъ поголовно всей фракціи въ сношеніяхъ съ заговорщиками. Дума не успѣла установить рѣшенія, какъ 3-го іюня была распущена. Тогда же объявлялось введеніе новаго избирательнаго закона и срокъ созыва третьей Думы—1-ое ноября.

Смѣта осталась неразсмотрѣнной; всего 2 законопроекта успѣла разсмотрѣть Дума, да Наказъ для своего дѣлопроизводства. Дума второго созыва сыграла только роль выразительницы усиленнаго недовольства старыми порядками.

Новый избирательный законъ уменьшилъ слишкомъ вдвое число выборщиковъ крестьянъ, и наоборотъ, увеличилъ число выборщиковъ отъ крупныхъ владѣльцевъ. Городскіе выборщики теперь дѣлились на двѣ группы: 1) собственниковъ и 2) квартиронанимателей и пользующихся содержаніемъ и пенсіей; причемъ первая давала большее число выборщиковъ. Представительство окраинъ очень ослаблено; — Польша давала всего 14 депутатовъ и 2-хъ отъ русскаго населенія; Закавказье 10 и 2 отъ русскихъ; многія области Азіатской Россіи вовсе не имѣли представителей. Прежде расчитывали на консерватизмъ крестьянъ, теперь искали сотрудниковъ власти среди землевладѣльцевъ и собственниковъ.

Осенью 1907 г. открыто, всюду выставлялись только кандидаты правые и союза 17-го окт. Другія партіи не могли агитировать. Предвыборныхъ собраній почти не было. Новый законъ, отсутствіе агитаціи принесли свои плоды: равнодушно, вяло населеніе избрало значительное число консервативныхъ депутатовъ. Къ 1-му ноябрю оказалось правыхъ 138, съ 16 умѣренными 155, октябристовъ 132, конст.-демократовъ 52, безпартійныхъ 26, прогрессистовъ 14, мирнообновленцевъ 7, трудовиковъ 13, нар.-социал. 2, соц.-демократовъ 17, далѣе польское коло 14, мусуль-

манъ 8, балтійскихъ констит. 2; всего по новому закону 442 депутата. Позже усилилась группа мирнообновленцевъ, привлекшая къ себѣ прогрессистовъ и безпартійныхъ. Все-таки центръ рѣзко передвинулся вправо, и конст.-демократы оказались на лѣвой сторонѣ рядомъ съ соц.-демократами.

Открытіе Думы 3-го созыва произошло тихо, печально; всѣ пути къ Таврическому дворцу заграждались полиціей. Началось осторожное приспособленіе представителей совершенно новаго учрежденія къ соглашеніямъ со старыми приказными привычками. Предсѣдателемъ избранъ уважаемый земецъ группы славянофиловъ; прочіе члены президіума—октябристы и правые.

Министерства доставили 3-й Думѣ массу законопроектовъ (болѣе 600), по большей части очень мелкихъ. Депутаты стремились прежде всего къ дѣлу, къ законодатѣльной работѣ. Они даже слишкомъ торопливо разбились на комиссіи для дѣлового разсмотрѣнія огромнаго матеріала, не опредѣливъ задачъ каждой изъ нихъ; а на общія засѣданія отвели всего 2 дня въ недѣлю. Но отсутствіе въ большинствѣ опредѣленности принциповъ, вдумчивой устойчивости не позволило и строгимъ критикамъ первыхъ депутатовъ сразу наладить свое дѣло. Выдѣливъ нѣсколько видныхъ дѣятелей, центръ, октябристы придерживались связей съ правыми. Объединившись вокругъ манифеста 17 окт., они остановились на опасномъ рубежѣ, откуда особенно легко перекачнуться въ ту или другую сторону. И эти качанія проявлялись довольно часто. Горячія рѣчи, принципіальное соглашеніе съ прогрессивными депутатами заканчивались при голосованіи сближеніемъ октябристовъ съ правой группой. Но тяжелый многолюдный центръ помогалъ все-таки по временамъ проявленію единодушія, когда все собраніе сливалось въ выраженіи осужденія, недовольства на рѣзкія слова министра, на злоупотребленіе какого-нибудь вѣдомства. Такихъ моментовъ было немного, но они укрѣпляли чувство значительности и отвѣтственности.

Главный интересъ представляли обсужденіе смѣты и др. ассигновокъ. Иногда голоса разбивались внутри самихъ партій; интересы мѣстности расходились съ государственно-политическими; такъ было по вопросу объ Амурской жел. дор., желательной для сибиряковъ и слишкомъ дорогой и опасной для Россіи и государственную роспись. Смѣту разсматривали поспѣшно, но съ большимъ жаромъ. Попутно обсуждали и дѣятельность самыхъ вѣдомствъ. Много горькихъ истинъ было высказано по адресу морского министерства и народнаго просвѣщенія; исключительныя положенія во многихъ мѣстностямъ, независимость начальниковъ въ провинціи, слишкомъ самостоятельныхъ отъ центра и мн. др. вызывали составленія „пожеланій", въ которыхъ Дума сообщала Верховному управленію, какія реформы, по ея мнѣнія, необходимы въ данномъ вѣдомствѣ. Много затрудненій при разсмотрѣніи смѣты доставили слабость, неосвѣдомленность вѣдомства государственнаго контроля. Дума высказалась за то, что контроль долженъ быть выдѣленъ отъ остальныхъ вѣдомствъ на особое положеніе, а начальникъ его поставленъ особо отъ совѣта министровъ. Вообще по поводу смѣты составлено столько пожеланій, что изъ нихъ можетъ составиться изрядная программа реформъ. 3-я Дума разсмотрѣла и утвердила смѣту 1908 г. (2 милліарда 732 милліона 206 тысячъ); ея первая сессія окончена. Господствующее мнѣніе, что своимъ

существованіемъ она понемногу развиваетъ новый порядокъ законодательства. Самое тяжелое для нея впереди: она не имѣетъ связей съ мѣстнымъ самоуправленіемъ; она еще не касалась его въ своихъ работахъ: она еще не выдвинула земельнаго вопроса. Ея отношеніе къ внутреннему быту населенія выяснится впослѣдствіи.

Съ начала 1908 г. Государственный Совѣтъ приступилъ къ обсужденію одобренныхъ и разсмотрѣнныхъ Думой проектовъ. Въ немъ образовалось групповое дѣленіе членовъ, рѣзкое въ правой части; а эта послѣдняя представляетъ весьма замѣтное большинство [1]).

Это большинство склонно смотрѣть сверху внизъ на Думу и ея дѣятельность; оно строго разбирало одобренныя ею мѣры; согласительная комиссія много трудилась надъ разногласіями въ рѣшеніяхъ нашихъ Палатъ, а первая разсмотрѣнная роспись носитъ на себѣ слѣды ихъ непримиренныхъ мнѣній. Новая жизнь еще впереди.

Въ 1905 г. Россія переступила границу отдѣляющую неограниченную монархію отъ конституціонной. Еще всюду господствуютъ исключительныя положенія, порядки охраны, администрація дѣйствуетъ безконтрольно, ничего новаго не установилось; но народное представительство существуетъ, и хоть медленно, а новый порядокъ будетъ развиваться.

Всѣ государства въ разное время переживали періоды неограниченной монархіи; немногія исключенія, подобно Польшѣ, пострадали отъ послѣдствій устарѣвшихъ вѣчевыхъ порядковъ. Въ новѣйшую же эпоху повсюду бюрократія проявляла неспособность справиться со сложностью современныхъ государственныхъ задачъ, и оказывалась вынужденной передать ихъ на отвѣтственность самого общества, то-есть преобразовать монархію въ конституціонное государство.

Значеніе неограниченной монархіи заключается въ простотѣ этого строя, доступной пониманію всей массы населенія. Послѣднее обыкновенно представляетъ себѣ власть, правительство въ видѣ лѣстницы чиновъ, подчиняющихся другъ другу, на вершинѣ которой стоитъ нѣчто высшее, все объединяющее и надо всѣмъ господствующее. Эту властную вершину проще и нагляднѣе всего представить себѣ единымъ лицомъ: нѣсколько лицъ, коллегіи очень усложняютъ представленіе. Воплощеніе единства государства въ одномъ лицѣ придаетъ ему крѣпость и ясность въ сознаніи простыхъ людей.

Создавшаяся обычаемъ власть русскаго Самодержца опредѣлена впервые Сперанскимъ въ „Учрежденіи“ Государственнаго Совѣта: проходя черезъ Совѣтъ, законы утверждаются подписью Государя. Но этотъ признакъ закона скоро утратился: въ Сводѣ Зак. 1832 г. сказано: „законы издаются въ видѣ уложеній, грамотъ, манифестовъ, указовъ и т. д., удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія“. Такимъ образомъ каждое распоряженіе Государя имѣло силу закона. Выше въ Сводѣ стояло: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, учрежденій и уставовъ отъ Самодержавной власти исходящихъ“.

[1]) Въ другихъ странахъ верхняя палата не пользуется правами наравнѣ съ нижней, состоящей изъ представителей населенія, платящаго подати, разсматривать государственную роспись.

Теперь въ новыхъ „основныхъ законахъ“ стоитъ: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ“. Порядокъ указанъ въ 3 пунктѣ манифеста 17-го окт.: „установить, какъ незыблемое правило, что никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Госуд. Думы“... Государь обѣщалъ созвать Думу, но до ея созыва онъ еще былъ единою властью, и 20-го февр. 1906 г. ограничивается и будущая Дума объявленіемъ о реформѣ Государ. Совѣта, который устанавливался на равныхъ правахъ съ собраніемъ народныхъ представителей. Такъ сказывалась въ законодательствѣ борьба стараго съ новымъ.

Всего за три дня до открытія Госуд. Думы перваго созыва правительство обнародовало „Основные законы“, какъ бы ограждая права старой Верховной власти, но они отличаются отъ прежнихъ законовъ. Государь оставляетъ въ своей единоличной власти право назначеній на цѣлый рядъ должностей, раздачу пенсій, сохраняетъ свои права надъ членами императорской фамиліи; но рядомъ введены постановленія о народномъ представительствѣ, о правахъ гражданскихъ. „Основные законы“ могутъ быть измѣнены только по почину Государя. Эти законы очень похожи на подобныя же установленія конституціонныхъ государствъ Запада. Въ статьяхъ 4-й и 6-й выпущено слово „неограниченный“ послѣ „Самодержавный“, но сохранено въ статьяхъ объ Императорской фамиліи, гдѣ читается по старому „яко неограниченный Самодержецъ“. Въ указѣ, сопровождающемъ законы, отмѣчено, что ими разграничивается „область принадлежащей Намъ (Государю) нераздѣльно власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной“, послѣдняя совершается въ единеніи съ Госуд. Совѣтомъ и Думою.

Очень важна ст. 87-я „Основн. Зак.“; она уполномочиваетъ Государя на изданіе постановленій, имѣющихъ силу закона; они впослѣдствіи вносятся въ Думу, какъ мѣры, „требующія обсужденія въ порядкѣ законодательномъ“. Статья самымъ своимъ существованіемъ показываетъ, что выговариваются Государю особыя права (отдѣльно отъ законодательствованія), издавать указы въ соотвѣтствіи съ законами ради устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія. Правда, при неустановившихся порядкахъ открывается возможность расширять эти права.

Всѣ чрезвычайныя постановленія должны быть внесены на разсмотрѣніе Госуд. Думы въ теченіе 2-хъ первыхъ мѣсяцевъ ея возобновленныхъ занятій, иначе ихъ дѣйствіе прекращается само собой. 20 апрѣля 1906 г. былъ опубликованъ цѣлый рядъ подобныхъ постановленій, внесенныхъ въ Думу второго созыва. Тѣми же законами установлено, что Государь руководитъ всѣми сношеніями съ иностранными государствами, объявляетъ миръ и войну; Государь—Державный Вождь арміи и флота. То же самое встрѣчается и въ законодательствахъ западныхъ странъ, но тамъ практика, политическій опытъ показали, что мнѣніе представительныхъ собраній оказываетъ вліяніе на эти отдѣлы государственнаго управленія.

15 статья „Осн. Зак.“ устанавливаетъ за Верховнымъ управленіемъ право объявлять мѣстности на военномъ и исключительномъ положеніи.

Всѣ государственные акты, постановленія должны быть скрѣплены

подписью предсѣдателя совѣта министровъ или министровъ: это какъ бы удостовѣреніе ихъ подлинности. Это правило существовало и ранѣе въ XIX в., но оно не строго выполнялось.

Члены Госуд. Думы выбираются на 5 лѣтъ. Государь имѣетъ право распустить Думу и ранѣе, причемъ въ законѣ оговорено только, что Дума должна созываться ежегодно. Съ роспускомъ Думы депутаты лишаются полномочій, и потому назначаются новые выборы.

Довольно долгое время въ Европѣ право представительства связывали съ имущественнымъ цензомъ. Полагали, что участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ требуетъ нѣкотораго образованія, культурной подготовки, которой лишены лица бѣднѣйшаго класса. Но повсемѣстно культурный уровень низшихъ классовъ довольно быстро поднимался, поэтому избирательное право постепенно расширялось; во многихъ странахъ цензъ упраздненъ, даже въ скрытой формѣ *осѣдлости*, т.-е. проживанія въ теченіе извѣстнаго времени въ данной мѣстности; именно бѣднѣйшій людъ часто вынужденъ мѣнять мѣстопребываніе.

Выборы въ Думу совершаются по различнымъ видамъ ценза лицами не моложе 25 л. и очень сложнымъ порядкомъ. Они пріурочены къ территоріи губерніи или области, въ которой происходитъ одно общее избирательное собраніе; избирательные съѣзды происходятъ въ предѣлахъ уѣзда, но число и составъ съѣздовъ весьма различны по мѣстностямъ Имперіи. Происходятъ избирательные съѣзды: 1) *землевладѣльцевъ*, на которыхъ одни участвуютъ лично, другіе черезъ уполномоченныхъ; 2) и 3) городскіе съѣзды (2 куріи); 4) *уполномоченныхъ волостей* (т.-е. крестьянъ); *домохозяева* (ведущіе хозяйство лично не менѣе года), на сельскихъ сходахъ выбираютъ по одному представителю отъ 10 дворовъ; десятидворные на волостномъ сходѣ выбираютъ по 2 уполномоченныхъ отъ волости; эти послѣднія собираются на уѣздный съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей, который сообразно числу жителей уѣзда избираетъ выборщиковъ для участія въ губернскомъ избирательномъ собраніи; 5) станичники выбираютъ этимъ же порядкомъ.

Мелкіе землевладѣльцы (менѣе 100 десятинъ), настоятели церквей и др. на одномъ или нѣсколькихъ съѣздахъ выбираютъ положенное на данный уѣздъ число уполномоченныхъ; являясь на уѣздный съѣздъ землевладѣльцевъ, послѣдніе вмѣстѣ съ крупными владѣльцами избираютъ выборщиковъ на губ. избир. собраніе, гдѣ уже выбираются члены Гос. Думы. Въ губерніяхъ, гдѣ имѣется болѣе 10 тыс. рабочихъ (такихъ 46), по такимъ же степенямъ выбирается представитель отъ рабочихъ, одинъ на всю губернію. Ремесленники не участвуютъ въ выборахъ.

Землевладѣльцы 1-й куріи пользуются привилегіей передавать свои голоса по цензу, даже не имѣющіе избирательныхъ правъ женщины и военные.

Соотношеніе числа выборщиковъ разныхъ курій имѣетъ первостепенное значеніе въ нашихъ избирательныхъ порядкахъ. По закону 3-го іюня 1907 г. крестьяне вмѣсто прежнихъ 43% голосовъ получили 22,4%, землевладѣльцы же вмѣсто 34% — 51,3%, 1-я городская курія 13,2%, 2-я — 11%. Совершенно своеобразно въ нашихъ выборахъ то, что полный составъ губ. избират. собранія въ 24-хъ губерніяхъ, особо перечисленныхъ, выбираетъ сперва крестьянскихъ депутатовъ изъ числа волостныхъ вы-

борщиковъ, потомъ депутатовъ отъ землевладѣльцевъ, и только послѣ этого можетъ свободно выбирать любого изъ числа всѣхъ выборщиковъ. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ куріи не самостоятельно выбираютъ своихъ представителей, а подвергаются давленію большинства другихъ курій.

Депутаты пользуются личною неприкосновенностью; относительно преданія суду приравнены къ чинамъ высшаго управленія. Во время сессіи Гос. Думы депутата можно арестовать только съ разрѣшенія всей Думы.

Государственный Совѣтъ по новому положенію есть законодательное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ члены, избранные населеніемъ. Онъ состоитъ изъ 1) Госуд. Совѣта просто, 2) его департаментовъ и 3) присутствій, являющихся административными учрежденіями. Эти части независимы другъ отъ друга; законъ не указываетъ ихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Члены по выборамъ участвуютъ только въ самомъ Совѣтѣ. Члены по назначенію распадаются на 1) присутствующихъ въ Совѣтѣ, 2) присутствующихъ въ департаментахъ и особыхъ присутствіяхъ (изъ ежегодно назначаемыхъ), 3) неприсутствующихъ. Члены Совѣта по назначенію не смѣняемы, число ихъ не превышаетъ числа членовъ по выборамъ.

Члены Совѣта (не моложе 40 лѣтъ) выбираются на 9 лѣтъ, но составъ ихъ обновляется по третямъ.

1) *6 членовъ* выбираются православнымъ духовенствомъ; изъ списка кандидатовъ высшаго духовенства Синодъ признаетъ 3 по большинству голосовъ; изъ кандидатовъ бѣлаго духовенства онъ выбираетъ самостоятельно.

2) *Члены отъ земствъ* избираются губ. земскими собраніями, по одному каждое, изъ служившихъ предсѣдателями, головами, членами управы, почетными мировыми судьями. Неземскія губерніи (16 губ.) выбираютъ особыми съѣздами крупныхъ землевладѣльцевъ изъ лицъ съ тройнымъ цензомъ. Губ. Царства Польскаго черезъ выборщиковъ выбираютъ *9 членовъ*.

3) Дворянскія общества черезъ выборщиковъ на съѣздѣ въ Петербургѣ выбираютъ *18 членовъ*.

4) Академія Наукъ и совѣты университетовъ посылаютъ по 3 выборщика на съѣздъ въ Петербургъ, гдѣ выбираютъ *6 членовъ*.

5) Совѣтъ торговли и мануфактуръ со своими отдѣленіями, биржевые и купеческіе комитеты тѣмъ же порядкомъ *6 членовъ*.

Теперь еще точно не указано, можетъ ли Гос. Совѣтъ работать одинъ послѣ роспуска Думы и разсматривать проекты, ею одобренные. Взаимоотношенія обѣихъ Палатъ только начинаютъ выясняться на практикѣ.

Изданіе помѣщается въ книжн. складѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28.